

Жизнь и письма Чарльза Дарвина — Том 1

Чарльз Дарвин

**Life and Letters of Charles Darwin —
Volume 1**

Charles Darwin and Sir Francis Darwin

Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни и письмах Чарльза Дарвина — Том 1

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь и письма Чарльза Дарвина — Том 1

Автор: Чарльз Дарвин

Редактор: сэр Фрэнсис Дарвин

Дата выхода: 1 февраля 2000 г. [Электронная книга №2087]
Последнее обновление: 23 января 2013 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсеры Сью Эшер и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ И ПИСЬМА ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА" — ТОМ 1 ***

ЖИЗНЬ И ПИСЬМА ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА

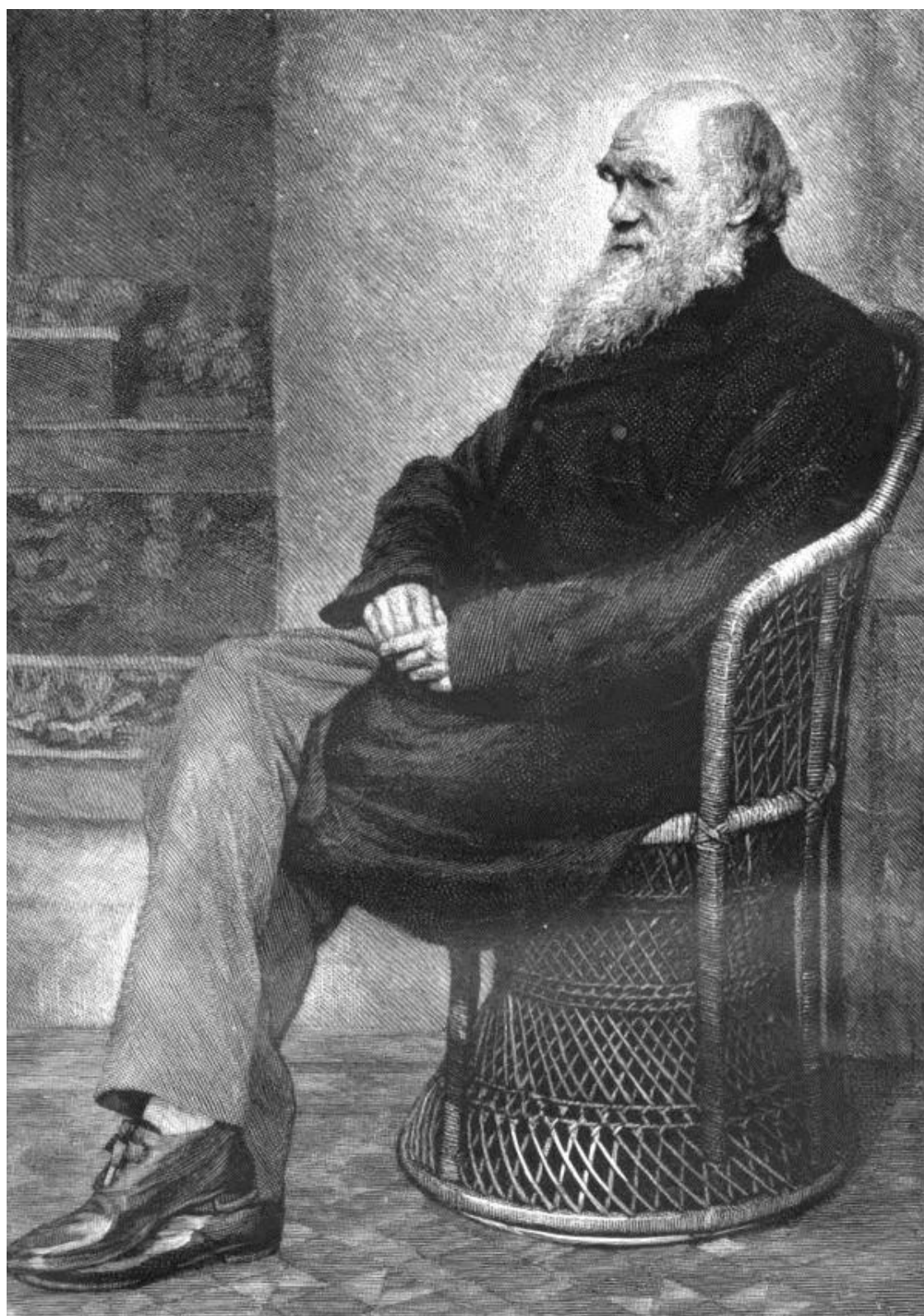
Том I

Чарльз Дарвин

Включая Автобиографическую главу

Под редакцией его сына Фрэнсиса Дарвина

Ch. Darwin

ТОМ I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выбирая письма для публикации, я в значительной степени руководствовался желанием проиллюстрировать личный характер моего отца. Но его жизнь была настолько насыщена работой, что историю этого человека невозможно было бы написать, не проследив внимательно за карьерой автора. Таким образом, получается, что основная часть книги делится на главы, названия которых соответствуют названиям его книг.

Располагая письма, я придерживался, насколько это возможно, хронологической последовательности, но характер и разнообразие его исследований делают строгий хронологический порядок невозможным. У него была привычка работать более или менее одновременно над несколькими предметами. Экспериментальная работа часто проводилась в качестве освежения или разнообразия, в то время как писались книги, содержащие рассуждения и систематизирующие большие массивы фактов. Более того, многие из его исследований были прекращены и возобновились только через несколько лет. Таким образом, строго хронологическая серия писем представляла бы собой пестрое одеяло тем, за каждой из которых было бы трудно следить. В оглавлении будет показано, каким образом я пытался избежать этого результата.

При печати писем я следовал (за исключением нескольких случаев) обычному плану указания на наличие пропусков или вставок. Письма моего отца часто свидетельствуют о том, что они были написаны, когда он устал или спешил, и они несут на себе отпечаток этого обстоятельства.

В письмах другу или кому-либо из членов своей семьи он часто опускал артикли: они были вставлены без обычных указаний, за исключением нескольких случаев, когда особенно важно сохранить нетронутым торопливый характер письма. Другие небольшие слова, такие как "из", "кому" и т.д., обычно вставляются в квадратные скобки. Я не следовал оригиналам в том, что касается написания имен, использования заглавных букв или пунктуации. Мой отец подчеркивал многие слова в своих письмах; они не всегда были выделены курсивом — перевод, который несправедливо преувеличил бы их эффект.

Дневник, или Записная книжка, цитаты из которой приведены на следующих страницах, имел ценность как источник фактов, вокруг которых можно группировать письма. К сожалению, она написана с большой краткостью, история одного года сжата на страницу или меньше; и содержит немногим больше, чем даты основных событий его жизни, вместе с упоминаниями о его работе и продолжительности его более серьезных болезней. Он редко датировал свои письма, так что, если бы не Дневник, было бы практически невозможно разгадать историю его книг. Это также позволило мне присвоить даты многим письмам, которые в противном случае потеряли бы половину своей ценности.

Письмами, адресованными моему отцу, я почти не пользовался. У него был обычай подшивать все полученные письма, и когда его скудный запас папок ("вертел", как он их называл) истощался, он сжигал письма за несколько лет, чтобы использовать высвободившиеся "вертела". Этот процесс, продолжавшийся годами, уничтожил почти все письма, полученные до 1862 года. После этой даты его убедили сохранить более интересные письма, и они сохранились в доступной форме.

В главе III я попытался дать некоторый отчет о его манере работы. В течение последних восьми лет его жизни я был его ассистентом и, таким образом, имел возможность кое-что узнать о его привычках и методах.

В ходе моей работы я получал большую помощь от своих друзей. Некоторым я обязан воспоминаниями о моем отце, другим - информацией, критикой и советом. Я с радостью признаю свой долг перед всеми этими добрыми помощниками. Имена некоторых встречаются в связи с их вкладом, но я не называю тех, кому я обязан критикой или исправлениями, потому что я хотел бы нести бремя своих недостатков в одиночку, а не позволять чему-либо из этого падать на тех, кто сделал все возможное, чтобы облегчить его.

Вы увидите, насколько сильно я обязан сэру Джозефу Хукеру за то, что он проиллюстрировал жизнь моего отца. Я думаю, читатели этих страниц будут благодарны сэру Джозефу за заботу, с которой он сохранил свою ценную коллекцию писем, и я хотел бы добавить свою признательность за щедрость, с которой он предоставил ее в мое распоряжение, и за любезную поддержку, оказываемую на протяжении всей моей работы.

Я в долгу перед мистером Хаксли не только за большую любезную помощь, но и за его добровольное согласие на мою просьбу написать главу о восприятии "Происхождения видов".

Наконец, я рад выразить признательность издателям журнала "Сенчури Мэгэзин", которые безвозмездно предоставили мне свои иллюстрации. Господам Дж. Молл, Фокс и господа. Эллиот и Фрай, я также в долгу перед ними за доброту, позволившую мне использовать репродукции их фотографий.

ФРЭНСИС ДАРВИН.

Кембридж, октябрь 1887г.

Содержание

ТОМ I

ПРЕДИСЛОВИЕ

ЖИЗНЬ И ПИСЬМА ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА.

ТОМ I.

ГЛАВА 1.I. СЕМЬЯ ДАРВИНОВ.

ГЛАВА 1.II. — АВТОБИОГРАФИЯ.

ГЛАВА 1.III. ВОСПОМИНАНИЯ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОЕГО ОТЦА.

ГЛАВА 1.IV. — КЕМБРИДСКАЯ ЖИЗНЬ.

ГЛАВА 1.V. — НАЗНАЧЕНИЕ На "БИГЛЬ".

ГЛАВА 1.VI. ПУТЕШЕСТВИЕ.

ГЛАВА 1.VII. — ЛОНДОН И КЕМБРИДЖ.

ГЛАВА 1.VIII. — РЕЛИГИЯ.

ГЛАВА 1.IX. — ЖИЗНЬ В ДАУНЕ.

ГЛАВА 1.X. — РАЗВИТИЕ "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ".

Глава I. "О необходимом типе промежуточности и количестве

Глава II. "Постепенное появление и исчезновение органических

Глава III. "Географическое распространение". Соответствует главам XI.

Глава IV. "Сродство и классификация органических существ".

Глава V. "Единство типа", морфология, эмбриология.

Глава VI. Рудиментарные органы.

Глава VII. Краткое изложение и заключение. Последнее предложение

ГЛАВА 1.XI. — РАЗВИТИЕ "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ".

ГЛАВА 1.XII. — НЕОКОНЧЕННАЯ КНИГА.

ГЛАВА 1. XIII. — НАПИСАНИЕ "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ".

ГЛАВА 1.XIV. — АВТОР ПРОФЕССОР ХАКСЛИ.

ЖИЗНЬ И ПИСЬМА ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА.

ТОМ I.

ГЛАВА 1.1. СЕМЬЯ ДАРВИНОВ.

Самые ранние записи об этой семье показывают, что Дарвины были знатными йоменами, проживавшими на северных границах Линкольншира, недалеко от Йоркшира. Это название сейчас очень необычно в Англии, но я полагаю, что оно небезызвестно в окрестностях Шеффилда и в Ланкашире. Вплоть до 1600 года мы находим, что название "полба" пишется по-разному - Дервент, Дарвен, Дарвинн и т.д. Следовательно, возможно, что семья мигрировала в какой-то неизвестный момент из Йоркшира, Камберленда или Дербишира, где Дервент встречается как название реки.

Первым предком, о котором мы знаем, был некий Уильям Дарвин, живший примерно в 1500 году в Мартоне, недалеко от Гейнсборо. Его правнук, Ричард Дарвин, унаследовал землю в Мартоне и других местах, и в своем завещании, датированном 1584 годом, "завещал сумму в размере 3 шилл. 4д. на установку оружия королевского Величества над дверью для хора в приходской церкви Мартона". (Знакомством с этими ранними членами семьи мы обязаны исследованиям среди завещаний в Линкольне, проведенным известным специалистом по генеалогии полковником Честером.)

Сын этого Ричарда, названный Уильямом Дарвином и описанный как "джентльмен", по-видимому, был преуспевающим человеком. Сохраняя за собой землю своих предков в Мартоне, он приобрел через свою жену поместье в Читеме, в приходе Мэнтон, недалеко от Киртон Линдси, и обосновался там. Это поместье оставалось в собственности семьи вплоть до 1760 года. Коттедж с толстыми стенами, несколько прудов с рыбой и старые деревья, которые теперь одни указывают на то, где когда-то стоял "Олд Холл", а поле до сих пор известно местным жителям как "Дарвиновский благотворительный фонд" из-за сбора в пользу бедняков Мартона. Уильям Дарвин, должно быть, по крайней мере частично, был обязан своим возвышением назначению в 1613 году Джеймсом I. на должность йомена Королевской оружейной палаты Гринвича. Судя по всему, офис стоил всего 33 фунта в год, а обязанности, вероятно, были почти номинальными; он занимал этот пост до своей смерти во время Гражданских войн.

Тот факт, что этот Уильям был королевским слугой, может объяснить, почему его сын, также по имени Уильям, почти мальчиком служил у короля в качестве "капитан-лейтенанта" в конном отряде сэра Уильяма Пелхэма. После частичного рассеивания королевских армий и отступления оставшихся в Шотландию парламент наложил арест на поместья мальчика, но они были выкуплены после подписания им Торжественной Лиги и Пакта и уплаты штрафа, который, должно быть, сильно ударил по его финансам; ибо в петиции к Карлу II. он говорит о своем почти полном разорении из-за приверженности королевскому делу.

Во времена Содружества Уильям Дарвин стал адвокатом Линкольнс Инн, и это обстоятельство, вероятно, привело к его браку с дочерью Эразмуса Эрла, судебного пристава; отсюда его правнук, поэт Эразмус Дарвин, получил свое христианское имя. В конце концов он стал регистратором города Линкольн.

Старший сын Регистратора, которого снова звали Уильям, родился в 1655 году и женился на наследнице Роберта Уоринга, члена хорошей стаффордширской семьи. Эта леди унаследовала от семьи Ласселл, или Ласселлов, поместье и холл в Элстоне, недалеко от Ньюарка, которые с тех пор остались в семье. (Капитан Ласселлс, или Ласселлс, из Элстона был военным секретарем Монка, герцога Албемарла, во время Гражданских войн. Большой том бухгалтерских

книг, подписанный во многих местах Монком, сейчас находится во владении моего кузена Фрэнсиса Дарвина. Эти отчеты, возможно, представят интерес для антиквара или историка. Портрет капитана Ласселлса в доспехах, хотя и использовался когда-то в качестве мишени для стрельбы из лука несколькими маленькими мальчиками из нашей семьи, не был безвозвратно испорчен.) На портрете этого Уильяма Дарвина в Элстоне он изображен симпатичным молодым человеком в надвинутом на лоб парике.

У этого третьего Уильяма было два сына, Уильям и Роберт, которые получили образование адвоката. Имущество Клитама было оставлено Уильяму, но после прекращения его рода дочерей перешло к младшему брату, который получил Элстона. После смерти матери Роберт оставил свою профессию и с тех пор постоянно проживал в Элстон-Холле. Об этом Роберте Чарльз Дарвин пишет (То, что следует далее, цитируется из биографии его деда Чарльза Дарвина, являющейся предварительным примечанием к интересному эссе Эрнста Краузе "Эразмус Дарвин", Лондон, 1879, стр. 4.): —

"У него, по-видимому, был некоторый вкус к науке, поскольку он был одним из первых членов хорошо известного клуба Сполдинга; и знаменитый антиквар доктор Стакли в "Отчете о почти полном скелете крупного животного" и т. Д., Опубликованном в "Philosophical Transactions" в апреле и мае 1719 года, начинает статью следующим образом: "Имею отчет моего друга Роберта Дарвина, эсквайра из Линкольнс Инн, человека любознательного, о человеческом скелете, оттиснутом в камне, найденном недавно ректором Элстона" и т. Д. Затем Стакли говорит об этом как о большой редкости, "подобной которой, насколько мне известно, раньше не наблюдалось на этом острове". Судя по своего рода литании, написанной Робертом и передававшейся по наследству в семье, он был ярым сторонником умеренности, которую впоследствии так настойчиво отстаивал его сын:

От сияющего утра,
От мальчика, который пьет вино,
От жены, которая говорит по-латыни,
Господи, избавь меня!

"Есть подозрение, что третья строка может быть объяснена тем, что его жена, мать Эразма, была очень образованной дамой. Старший сын Роберта, получивший при крещении имя Роберт Уоринг, унаследовал поместье Элстон и умер там в возрасте девяти лет холостяком. У него был сильный вкус к поэзии, как и у его младшего брата Эразма. Роберт также занимался ботаникой и, будучи уже пожилым человеком, опубликовал свои "Принципы ботаники". Эта книга в рукописи была прекрасно написана, и мой отец [доктор Р.В. Дарвин] заявил, что, по его мнению, она была опубликована потому, что его старый дядя не мог вынести, что такая прекрасная каллиграфия пропадает даром. Но вряд ли это было справедливо, поскольку работа содержит много любопытных заметок по биологии — предмету, полностью игнорируемому в Англии в прошлом столетии. Более того, публика высоко оценила книгу, поскольку экземпляр, находящийся в моем распоряжении, является третьим изданием".

Второй сын, Уильям Элви, унаследовал Элстон и передал его своей внучке, покойной миссис Дарвин из Элстона и Крескелда. Третий сын, Джон, стал настоятелем Элстона, живым существом, подаренным семье. Четвертым сыном, самым младшим ребенком, был Эразм Дарвин, поэт и философ.

ТАБЛИЦА РОДСТВА. (Неполный список членов семьи.)

У РОБЕРТА ДАРВИНА из Элстона, 1682-1754, было трое сыновей: Уильям Элви Дарвин, 1726-1783, Роберт Уоринг Дарвин, 1724-1816, и Эразмус Дарвин, 1731-1802.

У Уильяма Элви Дарвина, 1726-1783, был сын Уильям Браун Дарвин, 1774-1841, и дочь Энн Дарвин.

У Уильяма Брауна Дарвина, 1774-1841, было две дочери, Шарлотта Дарвин и Сара Дарвин.

Шарлотта Дарвин вышла замуж за Фрэнсиса Родса, ныне Фрэнсиса Дарвина из Крескелда и Элстона.

Сара Дарвин вышла замуж за Эдварда Нозля.

Энн Дарвин вышла замуж за Сэмюэля Фокса, и у них родился сын Уильям Дарвин Фокс.

ЭРАЗМ ДАРВИН, 1731-1802, был женат (1) на МЭРИ ХОВАРД, 1740-1770, от которой у него было двое сыновей, Чарльз Дарвин, 1758-1778, и РОБЕРТ УОРИНГ ДАРВИН, и (2) Элиза. Чандос-Поул, 1747-1832, с которой у него были дочь Виолетта Дарвин и сын Фрэнсис Сачеверел Дарвин.

РОБЕРТ УОРИНГ ДАРВИН, 1767-1848, женился на СЮЗАННЕ ВЕДЖВУД, у них родился сын ЧАРЛЬЗ РОБЕРТ ДАРВИН, родившийся 12 февраля 1809 г., ум. 19 апреля 1882 г.

Виолетта Дарвин вышла замуж за Сэмюэля Терциуса Гальтона, и у них родился сын Фрэнсис Гальтон.

У Фрэнсиса Сачеверела Дарвина, 1786-1859, было двое сыновей, Реджинальд Дарвин и Эдвард Дарвин, "Высокие вязы".

Приведенная выше таблица показывает происхождение Чарльза Дарвина от Роберта и его родство с некоторыми другими членами семьи, чьи имена встречаются в его переписке. Среди них Уильям Дарвин Фокс, один из его первых корреспондентов, и Фрэнсис Гальтон, с которым он поддерживал теплую дружбу на протяжении многих лет. Здесь также встречается имя Фрэнсиса Сачеверела Дарвина, который унаследовал любовь к естественной истории от Эразма и передал ее своему сыну Эдварду Дарвину, автору (под псевдонимом "Высокие вязы") "Руководства егеря" (4-е издание 1863 г.), в котором демонстрируется пристальное наблюдение за повадками различных животных.

Всегда интересно посмотреть, насколько глубоко личностные характеристики человека можно проследить в его предках. Чарльз Дарвин унаследовал высокий рост, но не громоздкую фигуру Эразма; но в чертах его лица нет ни малейшего сходства с чертами его деда. Похоже, у Эразма также не было любви к физическим упражнениям и спорту на природе, столь характерной для Чарльза Дарвина в молодости, хотя он, как и его внук, испытывал неукротимую любовь к тяжелому умственному труду. Доброжелательность и сочувствие к другим, а также большое личное обаяние манер были общими для этих двоих. Чарльз Дарвин в высшей степени обладал той "живостью воображения", о которой он говорит как о ярко выраженной характеристике Эразма и которая привела "к его непреодолимой склонности теоретизировать и обобщать". Эта тенденция в случае Чарльза Дарвина была полностью сдержана решимостью проверить свои теории до конца. Эразм очень любил всевозможные механизмы, к которым Чарльз Дарвин не

испытывал пристрастия. Чарльз Дарвин также не обладал литературным темпераментом, который сделал Эразма поэтом и философом. Он пишет об Эразме ("Жизнь Эразмуса Дарвина", стр. 68): "На протяжении всех его писем меня поражало его безразличие к славе и полное отсутствие каких-либо признаков какой-либо переоценки собственных способностей или успеха своих работ". Это, действительно, кажется указанием на черты, наиболее ярко проявляющиеся в его собственном характере. И все же у Эразма мы не находим никаких свидетельств той исключительной скромности и простоты, которые отличали всю натуру Чарльза Дарвина. Но быстрые вспышки гнева, вызываемые у Эразма при виде любой бесчеловечности или несправедливости, снова напоминают нам о нем.

В целом, однако, мне кажется, что мы недостаточно знаем о существенных личных чертах характера Эразмуса Дарвина, чтобы пытаться проводить более чем поверхностное сравнение; и у меня осталось впечатление, что, несмотря на многие сходства, эти два человека были разного типа. Было показано, что мисс Сьюард и миссис Шиммельпеннинк неверно представили характер Эразма Дарвина. (Там же, стр. 77, 79 и т.д.) Однако весьма вероятно, что недостатки, которые они преувеличивают, были в какой-то степени характерны для этого человека; и это наводит меня на мысль, что Эразм обладал определенной резкостью или суровостью характера, которой не было у его внука.

Сыновья Эразма Дарвина в какой-то степени унаследовали его интеллектуальные вкусы, ибо Чарльз Дарвин пишет о них следующее:

"Его старший сын Чарльз (родился 3 сентября 1758 года) был многообещающим молодым человеком, но умер (15 мая 1778 года), не дожив до двадцати одного года, от последствий раны, полученной при вскрытии мозга ребенка. Он унаследовал от своего отца сильный вкус к различным отраслям науки, к написанию стихов и к механике... Он также унаследовал заикание. В надежде вылечить его, отец отправил его во Францию, когда ему было около восьми лет (1766-67), с частным репетитором, думая, что если ему какое-то время не разрешать говорить по-английски, то привычка заикаться может быть утрачена; и любопытный факт, что в последующие годы, когда он говорил по-французски, он никогда не заикался. В очень раннем возрасте он собирал образцы всех видов. Когда ему исполнилось шестнадцать, его отправили на год в Оксфорд [Крайст-Черч], но ему не понравилось это место, и он подумал (по словам его отца), что "сила его ума истощилась в погоне за классической элегантностью, как Геркулес за прялкой, и вздохнул, что его переведут на более энергичные занятия в медицинскую школу Эдинбурга". Он пробыл в Эдинбурге три года, усердно изучая медицину и "с усердием посещая всех больных бедняков прихода Уотерлит и снабжая их необходимыми лекарствами". Общество эскулапов наградило его своей первой золотой медалью за экспериментальное исследование гноя и слизи. Заметки о нем появились в различных журналах; и все авторы сходятся во мнении о его необыкновенной энергии и способностях. Похоже, он, как и его отец, вызвал теплую привязанность своих друзей. Профессор Эндрю Дункан ... говорил ... о нем с самой теплой любовью через сорок семь лет после его смерти, когда я был молодым студентом-медиком в Эдинбурге...

"О характере его второго сына, Эразма (родился в 1759 году), мне нечего сказать, поскольку, хотя он и писал стихи, похоже, у него не было ни одного из других вкусов своего отца. Однако у него были свои особые вкусы, а именно в области генеалогии, коллекционирования монет и статистики. Мальчиком он пересчитал все дома в городе Личфилд и выяснил количество

жителей в стольких, сколько смог; таким образом, он провел перепись населения, и когда впервые была проведена настоящая перепись, оказалось, что его оценка была почти точной. Его нрав был тихим и замкнутым. Мой отец был очень высокого мнения о своих способностях, и это, вероятно, было справедливо, потому что в противном случае его не пригласили бы путешествовать вместе с такими выдающимися во всех отношениях людьми, как инженер Боултон и Дэй, моралист и романист." Его смерть от самоубийства в 1799 году, по-видимому, произошла в состоянии зарождающегося безумия.

Роберт Уоринг, отец Чарльза Дарвина, родился 30 мая 1766 года и стал врачом, как и его отец. Он несколько месяцев учился в Лейдене и получил степень доктора медицины (этой информацией я обязан доброте профессора Раувенхоффа, директора Лейденского архива. Он цитирует из каталога врачей, что "Роберт Уоринг Дарвин, англо-британец" защитил (26 февраля 1785 г.) в Сенате диссертацию о цветных изображениях, которые можно увидеть при взгляде на яркий объект, и "Medicinae Doctor creatus est a clar. Paradijs." Архивы Лейденского университета настолько полны, что профессор Раувенхофф может рассказать мне, что мой дед жил вместе с неким "Петрусом Кромптоном, англусом" в квартире в Аптекерсдейке. Лейденская диссертация доктора Дарвина была опубликована в "Философских трудах", и мой отец обычно говорил, что на самом деле эта работа была написана Эразмом Дарвином. — Ф.Д.) в этом университете 26 февраля 1785 года. "Его отец" (Эразмус) "привез ("Жизнь Эразма Дарвина", стр. 85.) его в Шрусбери, когда ему не исполнился и двадцати одного года (1787), и оставил ему 20 фунтов, сказав: "Дай мне знать, когда тебе понадобится больше, и я пришлю тебе". Его дядя, ректор Элстона, впоследствии также прислал ему 20 фунтов, и это была единственная денежная помощь, которую он когда-либо получал...Эразмус сообщает мистеру Эджворту, что его сын Роберт, прожив в Шрусбери всего шесть месяцев, "уже имел от сорока до пятидесяти пациентов". Ко второму году у него была значительная, а впоследствии и очень обширная практика".

Роберт Уоринг Дарвин женился (18 апреля 1796 г.) на Сюзанне, дочери друга его отца, Джосайи Веджвуда из Этрурии, которой тогда шел тридцать второй год. У нас есть ее миниатюра с удивительно милым и счастливым лицом, имеющим некоторое сходство с портретом ее отца кисти сэра Джошуа Рейнольдса; лицо, выражающее мягкую и отзывчивую натуру, которую мисс Митейард приписывает ей. ("Группа англичан", автор мисс Митейард, 1871 год.) Она умерла 15 июля 1817 года, на тридцать два года раньше своего мужа, смерть которого наступила 13 ноября 1848 года. Доктор Дарвин два или три года жил до женитьбы на Сент-Джонс-Хилл; затем в Кресент, где родилась его старшая дочь Марианна; наконец, в "Маунт" в части Шрусбери, известной как Фрэнквелл, где родились остальные дети. Этот дом был построен доктором Дарвином около 1800 года, сейчас он находится во владении мистера Спенсера Филлипса и претерпел лишь незначительные изменения. Это большой, простой, квадратный дом из красного кирпича, самой привлекательной особенностью которого является симпатичная оранжерея, выходящая из утренней гостиной.

Дом очаровательно расположен на вершине крутого берега, ведущего вниз к реке Северн. Террасированный берег пересекает длинная аллея, ведущая из конца в конец, до сих пор называемая "Аллеей доктора". В одном месте этой аллеи растет испанский каштан, ветви которого странным образом загибаются назад параллельно друг другу, и это было любимое дерево Чарльза Дарвина в детстве, где у него и его сестры Кэтрин было свое особое место.

Доктор получал большое удовольствие от своего сада, сажая в нем декоративные деревья и кустарники и особенно преуспевая в посадке фруктовых деревьев; и эта любовь к растениям была, я думаю, единственным его вкусом, родственным естествознанию. О "Горных голубях", которых мисс Митъярд описывает как иллюстрацию пристрастия доктора Дарвина к естественной истории, мне не удалось услышать от тех, кто лучше всех осведомлен. Рассказ мисс Митейард о нем не совсем точен в нескольких пунктах. Например, неверно описывать доктора Дарвина как человека с философским складом ума; его ум был особенно склонен к деталям, а не к обобщениям. Опять же, те, кто близко знал его, описывают, что ел он на удивление мало, так что не был "большим любителем поесть, съедая гуся на обед так же легко, как другие мужчины куропатку". ("Группа англичан", стр. 263.) В том, что касается одежды, он был консервативен и до конца своей жизни носил бриджи до колен и серые гетры, которые, однако, конечно, не застегивались выше колена, как говорит мисс Митейард, - форма одежды, известная нам главным образом по гренадерам времен королевы Анны. , а также у современных лесорубов и пахарей.

Чарльз Дарвин испытывал сильнейшее чувство любви и уважения к памяти своего отца. Его воспоминания обо всем, что было с ним связано, были особенно отчетливыми, и он часто говорил о нем; обычно предваряя анекдот какой-нибудь фразой вроде: "Мой отец, который был самым мудрым человеком, которого я когда-либо знал, и т. Д." Было удивительно, насколько ясно он помнил мнения своего отца, так что мог процитировать некоторые его сентенции или намекнуть на них в большинстве случаев болезни. Как правило, он мало доверял врачам, и поэтому его безграничная вера в медицинский инстинкт и методы лечения доктора Дарвина была еще более поразительной.

Его почтение к нему было безграничным и самым трогательным. Он хотел бы беспристрастно судить обо всем остальном на свете, но все, что говорил его отец, воспринималось с почти безоговорочной верой. Его дочь миссис Личфилд помнит, как он говорил, что надеется, что никто из его сыновей никогда ничему не поверит из—за того, что он это сказал, если только они сами не будут убеждены в правдивости этого, - чувство, разительно контрастирующее с его собственной верой.

Визит Чарльза Дарвина в Шрусбери в 1869 году оставил в памяти его дочери, сопровождавшей его, сильное впечатление о его любви к своему старому дому. Тогдашний арендатор Горы показал им дом и т.д. И с ошибочным гостеприимством оставался с гостями в течение всего визита. Когда они уходили, Чарльз Дарвин сказал с трогательным выражением сожаления на лице: "Если бы меня оставили одного в этой оранжерее на пять минут, я знаю, что смог бы увидеть своего отца в его инвалидном кресле так же отчетливо, как если бы он был там до меня".

Возможно, этот случай показывает то, что я считаю правдой, а именно, что память об отце, которого он любил больше всего, была памятью о нем в старости. миссис Личфилд записала несколько слов, которые хорошо иллюстрируют его чувства к отцу. Она описывает, как он сказал с самым нежным уважением: "Я думаю, что мой отец был немного несправедлив ко мне, когда я был маленьким, но впоследствии я благодарен за то, что стал его главным любимцем". Она живо помнит выражение счастливой задумчивости, которое сопровождало эти слова, как будто он пересматривал все наши отношения, и воспоминание оставило глубокое чувство покоя и благодарности.

Нижеследующее было добавлено Чарльзом Дарвином к его автобиографическим "Воспоминаниям" и написано примерно в 1877 или 1878 году.

"Я могу здесь добавить несколько страниц о моем отце, который был во многих отношениях замечательным человеком.

"Он был около 6 футов 2 дюймов ростом, широкоплечий и очень тучный, так что это был самый крупный мужчина, которого я когда-либо видел. Когда он взвешивался в последний раз, его вес составлял 24 стоуна, но впоследствии он значительно прибавил в весе. Его главными умственными качествами были наблюдательность и сочувствие, ни одно из которых я никогда не видел превышенным или даже равным ему. Он сочувствовал не только чужим горестям, но и в большей степени удовольствиям всех окружающих. Это привело к тому, что он всегда строил планы, чтобы доставить удовольствие другим, и, хотя ненавидел расточительность, совершал много щедрых поступков. Например, мистер Б., мелкий фабрикант из Шрусбери, однажды пришел к нему и сказал, что он будет банкротом, если не сможет немедленно занять 10 000 фунтов, но что он не в состоянии предоставить какое-либо юридическое обеспечение. Мой отец услышал его доводы в пользу того, что он в конечном итоге сможет вернуть деньги, и, исходя из [своего] интуитивного восприятия характера, почувствовал уверенность, что ему можно доверять. Поэтому он ссудил эту сумму, которая была очень большой для него в молодости, и через некоторое время была возвращена.

"Я полагаю, что именно его сочувствие придало ему безграничную силу завоевывать доверие и, как следствие, сделало его весьма успешным врачом. Он начал практиковать еще до того, как ему исполнился двадцать один год, и его гонорары в течение первого года покрывали содержание двух лошадей и слуги. На следующий год его практика стала обширной и так продолжалась около шестидесяти лет, когда он перестал посещать кого-либо из них. Его огромный успех как врача был тем более замечательным, что, по его словам, поначалу он так сильно ненавидел свою профессию, что, если бы он был уверен в малейшем заработке или если бы его отец предоставил ему какой-либо выбор, ничто не заставило бы его им заняться. До конца жизни мысль об операции вызывала у него почти отвращение, и он едва мог вынести вида истекающего кровью человека — ужас, который он передал мне, — и я помню ужас, который я испытал, будучи школьником, читая о Плинии (я думаю), истекающем кровью в теплой ванне...

"Благодаря способности моего отца завоевывать доверие, многие пациенты, особенно дамы, консультировались с ним, когда испытывали какие-либо невзгоды, как с кем-то вроде отца-исповедника. Он рассказал мне, что они всегда начинали с неопределенных жалоб на свое здоровье, и, попрактиковавшись, он вскоре догадался, в чем дело на самом деле. Затем он предположил, что они страдали мысленно, и теперь они изольют свои беды, и больше он ничего не слышал о теле... Благодаря умению моего отца завоевывать доверие, он получил много странных признаний в страданиях и вине. Он часто отмечал, сколько несчастных жен он знал. В нескольких случаях мужья и жены довольно хорошо ладили в течение двадцати-тридцати лет, а затем люто ненавидели друг друга; он объяснял это тем, что они потеряли общую связь, когда их маленькие дети выросли.

"Но самой замечательной способностью, которой обладал мой отец, было умение читать характеры и даже мысли тех, кого он видел даже на короткое время. У нас было много примеров проявления этой силы, некоторые из которых казались почти сверхъестественными. Это спасло моего отца от того, чтобы когда-либо завести (за одним исключением, и характер этого человека

вскоре был раскрыт) недостойного друга. В Шрусбери приехал незнакомый священник, который казался богатым человеком; все навещали его, и его приглашали во многие дома. Мой отец позвонил и, вернувшись домой, сказал моим сестрам, чтобы они ни в коем случае не приглашали его или его семью в наш дом, так как он был уверен, что этому человеку нельзя доверять. Через несколько месяцев он внезапно сбежал, оказавшись по уши в долгах, и выяснилось, что он немногим лучше обычного мошенника. Вот пример доверчивости, на который не многие мужчины отважились бы. Один ирландский джентльмен, совершенно незнакомый мне человек, однажды навестил моего отца и сказал, что потерял свой кошелек и что для него было бы серьезным неудобством ждать в Шрусбери, пока он не сможет получить денежный перевод из Ирландии. Затем он попросил моего отца одолжить ему 20 фунтов, что было немедленно сделано, поскольку мой отец был уверен, что эта история правдива. Как только пришло письмо из Ирландии, одно пришло с самой бурной благодарностью и вложенной, по его словам, банкнотой Банка Англии в 20 фунтов стерлингов, но никакой записки вложено не было. Я спросил отца, не потрясло ли это его, но он ответил: "Ни в малейшей степени". На следующий день пришло еще одно письмо со множеством извинений за то, что он забыл (как истинный ирландец) вложить записку в свое вчерашнее письмо...(Джентльмен) привел своего племянника, который был безумным, но довольно мягким, к моему отцу; и безумие молодого человека побудило его обвинить себя во всех преступлениях под небесами. Когда мой отец впоследствии обсудил этот вопрос с дядей, он сказал: "Я уверен, что ваш племянник действительно виновен в ... ужасном преступлении". На что [джентльмен] сказал: "Боже милостивый, доктор Дарвин, кто вам сказал; мы думали, что ни одно человеческое существо не знает этого факта, кроме нас самих!" Мой отец рассказал мне эту историю много лет спустя после этого события, и я спросил его, как он отличает истинные самообвинения от ложных; и это было очень характерно для моего отца, что он сказал, что не может объяснить, как это было.

"Следующая история показывает, какие хорошие догадки мог делать мой отец. Лорд Шелбурн, впоследствии первый маркиз Лэнсдаун, был знаменит (как где-то замечает Маколей) своим знанием дел в Европе, которым он очень гордился. Он проконсультировался с моим отцом по медицинским вопросам, а затем обратился к нему с речью о состоянии Голландии. Мой отец изучал медицину в Лейдене, и однажды [находясь там] отправился на долгую прогулку за город с другом, который привел его в дом священника (будем говорить преподобного мистера А., ибо я забыл его имя), который женился на англичанке. Мой отец был очень голоден, а на обед почти ничего не было, кроме сыра, который он никогда не мог съесть. Старая леди была удивлена и опечалена этим и заверила моего отца, что это превосходный сыр, присланный ей из Бовуда, резиденции лорда Шелбурна. Мой отец недоумевал, зачем ей присылать сыр из Бовуда, но больше не думал об этом, пока эта мысль не пришла ему в голову много лет спустя, когда лорд Шелбурн рассказывал о Голландии. Поэтому он ответил: "Судя по тому, что я видел о преподобном мистере А., я бы подумал, что он был очень способным человеком и хорошо знаком с состоянием Голландии". Мой отец увидел, что граф, который немедленно сменил тему разговора, был сильно поражен. На следующее утро мой отец получил записку от графа, в которой говорилось, что он отложил отправление в путешествие и особенно хотел бы увидеть моего отца. Когда он позвонил, граф сказал: "Доктор Дарвин, для меня и преподобного мистера А. чрезвычайно важно узнать, как вы обнаружили, что он является источником моей информации о Голландии". Итак, моему отцу пришлось объяснить положение дел, и он предположил, что лорд Шелбурн был очень поражен его дипломатическим мастерством

угадывать, поскольку в течение многих лет после этого он получал от него множество добрых посланий через различных друзей. Я думаю, что он, должно быть, рассказывал эту историю своим детям; потому что сэр К. Лайелл спросил меня много лет назад, почему маркиз Лэнсдаун (сын или внучка первого маркиза) проявлял такой большой интерес ко мне, которого он никогда не видел, и моей семье. Когда в клуб "Атенеум" вошли сорок новых членов ("сорок воров", как их тогда называли), было много разговоров о том, чтобы стать одним из них; и без моей просьбы лорд Лэнсдаун предложил меня и добился моего избрания. Если я прав в своем предположении, то странное стечение событий в том, что мой отец не ел сыр полвека назад в Голландии, привело к моему избранию членом "Атенеума".

Острота его наблюдения привела к тому, что он с замечательным мастерством предсказывал течение любой болезни и предлагал бесконечные мелкие детали облегчения. Мне рассказывали, что один молодой врач из Шрусбери, который недолго любил моего отца, говорил, что он совершенно ненаучен, но признавал, что его способность предсказывать исход болезни не имеет себе равных. Раньше, когда он думал, что я должен стать врачом, он много рассказывал мне о своих пациентах. В старые времена практика кровопускания была повсеместной, но мой отец утверждал, что таким образом причиняется гораздо больше зла, чем делается добра; и он посоветовал мне, если когда-нибудь я сам заболею, не позволять ни одному врачу брать больше, чем очень небольшое количество крови. Задолго до того, как брюшной тиф был признан отдельным заболеванием, мой отец сказал мне, что два совершенно разных вида заболеваний были объединены под названием сыпной тиф. Он был категорически против употребления алкоголя и был убежден как впрямом, так и в унаследованном пагубном воздействии алкоголя при обычном употреблении даже в умеренных количествах в очень подавляющем большинстве случаев. Но он допускал и приводил примеры определенных людей, которые могли много пить в течение всей своей жизни, очевидно, не испытывая никаких вредных последствий, и он полагал, что часто мог заранее сказать, кто при этом не пострадает. Сам он никогда не пил ни капли спиртных напитков. Это замечание напоминает мне случай, показывающий, как свидетель при самых благоприятных обстоятельствах может сильно ошибаться. Мой отец настоятельно рекомендовал одному фермеру-джентльмену не пить, и его ободрили, сказав, что сам он никогда не прикасался к спиртным напиткам. На что джентльмен сказал: "Ну же, ну же, доктор, так не пойдет — хотя с вашей стороны очень любезно сказать это ради меня, — потому что я знаю, что вы каждый вечер после ужина выпиваете очень большой стакан горячего джина с водой". (Это поверье сохранилось до сих пор, и в 1884 году старый житель Шрусбери рассказал об этом моему брату. — Ф.Д.) Поэтому мой отец спросил его, откуда он это знает. Мужчина ответил: "Моя кухарка была вашей кухаркой в течение двух или трех лет, и она видела, как дворецкий каждый день готовил и приносил вам джин с водой". Объяснение состояло в том, что у моего отца была странная привычка пить горячую воду из очень высокого стакана после обеда; дворецкий обычно сначала наливал в стакан немного холодной воды, которую девушка принимала за джин, а затем заливал его кипятком из кухонного бойлера.

"Мой отец обычно рассказывал мне много мелочей, которые он находил полезными в своей медицинской практике. Таким образом, дамы часто сильно плакали, рассказывая ему о своих бедах, и тем самым отнимали у него много драгоценного времени. Вскоре он обнаружил, что просьбы к ним командовать и сдерживать себя всегда заставляли их плакать еще сильнее, так что впоследствии он всегда поощрял их продолжать плакать, говоря, что это принесет им больше облегчения, чем что-либо другое, и в результате они вскоре переставали плакать, и он мог слышать, что они хотели сказать, и давать свои советы. Когда очень больные пациенты

жаждали какой-нибудь странной и неестественной пищи, мой отец спрашивал их, что навело их на такую мысль; если они отвечали, что не знают, он разрешал им попробовать пищу, и часто с успехом, поскольку он верил в то, что у них есть своего рода инстинктивное желание; но если они отвечали, что слышали, что рассматриваемая пища принесла пользу кому-то другому, он твердо отказывался давать свое согласие.

"Однажды он подарил мне странный маленький образчик человеческой натуры. Когда он был совсем молодым человеком, его вызвали на консультацию к семейному врачу по делу одного знатного джентльмена из Шропшира. Старый врач сказал жене, что болезнь носит такой характер, что должна закончиться фатально. Мой отец придерживался другой точки зрения и утверждал, что джентльмен выздоровеет: оказалось, что он был совершенно неправ во всех отношениях (я думаю, при вскрытии), и он признал свою ошибку. Тогда он был убежден, что никогда больше не обратится за консультацией к этой семье; но через несколько месяцев вдова послала за ним, уволив старого семейного врача. Мой отец был так сильно удивлен этим, что попросил друга вдовы выяснить, почему к нему снова обратились за консультацией. Вдова ответила своей подруге, что "она никогда больше не увидит отвратительного старого доктора, который с самого начала сказал, что ее муж умрет, в то время как доктор Дарвин всегда утверждал, что он выздоровеет!" В другом случае мой отец сказал даме, что ее муж наверняка умрет. Несколько месяцев спустя он встретился с вдовой, которая была очень разумной женщиной, и она сказала: "Вы очень молоды, и позвольте мне посоветовать вам всегда давать, насколько это возможно, надежду любому близкому родственнику, ухаживающему за пациентом. Вы довели меня до отчаяния, и с этого момента я потерял силы". Мой отец сказал, что с тех пор он часто убеждался в первостепенной важности для блага пациента поддерживать надежду, а вместе с ней и силу дежурной медсестры. Иногда ему было трудно сделать это совместимым с правдой. Однако один пожилой джентльмен вызвал у него такого недоумения. За ним послал мистер П., который сказал: "Из всего, что я видел и слышал о вас, я верю, что вы из тех людей, которые будут говорить правду, и если я спрошу, вы скажете мне, когда я буду умирать. Теперь я очень хочу, чтобы вы пришли ко мне, если пообещаете, что бы я ни сказал, всегда заявлять, что я не собираюсь умирать". Мой отец согласился, понимая, что на самом деле его слова не должны иметь никакого значения.

"Мой отец обладал необычайной памятью, особенно на даты, так что в глубокой старости он знал день рождения, свадьбы и смерти множества людей в Шропшире; и однажды он сказал мне, что эта способность раздражала его; потому что, если он однажды слышал дату, он не мог ее забыть; и поэтому смерть многих друзей часто всплывала в его памяти. Благодаря своей сильной памяти он знал необычайное количество любопытных историй, которые любил рассказывать, так как был большим любителем поговорить. Обычно он был в приподнятом настроении, смеялся и шутил со всеми — часто со своими слугами — с предельной свободой; и все же он обладал искусством заставлять каждого беспрекословно повиноваться ему. Многие люди очень боялись его. Я помню, как однажды мой отец со смехом рассказал нам, что несколько человек спросили его, не навещала ли его мисс ..., знатная пожилая леди из Шропшира, так что в конце концов он заинтересовался, зачем они его пригласили; и ему ответили, что мисс ..., которую мой отец каким-то образом смертельно обидел, говорила всем, что она позвонит и очень прямо выскажет "этому толстому старому доктору все, что она о нем думает". Она уже позвонила, но ее мужество покинуло, и никто не мог быть более вежливым и дружелюбным. Мальчиком я поехал погостить в дом —, жена которого была сумасшедшей; и бедняжка, как только увидела меня, пришла в такой ужас, какого я когда-либо видел, горько

плакала и снова и снова спрашивала меня: "Твой отец приедет?" - но вскоре была успокоена. Вернувшись домой, я спросила отца, почему она так напугана, и он ответил, что очень рад это слышать, поскольку напугал ее намеренно, будучи уверенным, что она будет в безопасности и станет гораздо счастливее без каких-либо ограничений, если ее муж сможет повлиять на нее, когда она станет буйной, предложив послать за доктором Дарвином; и эти слова прекрасно удавались всю оставшуюся ее долгую жизнь.

"Мой отец был очень чувствительным, поэтому многие незначительные события раздражали его или причиняли сильную боль. Однажды, когда он был стар и не мог ходить, я спросил его, почему он не выезжает на прогулку; и он ответил: "Каждая дорога из Шрусбери ассоциируется в моем сознании с каким-нибудь болезненным событием". И все же в целом он был в приподнятом настроении. Его легко было вывести из себя, но его доброта была безгранична. Его широко и глубоко любили.

"Он был осторожным и хорошим деловым человеком, так что почти никогда не терял деньги из-за инвестиций и оставил своим детям очень большое имущество. Я помню историю, показывающую, как легко возникают и распространяются совершенно ложные убеждения. Мистер Э., сквайр одной из старейших семей Шропшира и главный партнер банка, покончил жизнь самоубийством. За моим отцом послали для проформы и нашли его мертвым. Кстати, я могу упомянуть, чтобы показать, как решались дела в те старые времена, что, поскольку мистер Э. был довольно великим человеком и пользовался всеобщим уважением, над его телом не проводилось дознания. Мой отец, вернувшись домой, счел уместным заехать в банк (где у него был счет), чтобы сообщить управляющим партнерам о случившемся, поскольку не было ничего невероятного в том, что это вызовет налет на банк. Так вот, история о том, что мой отец пошел в банк, снял все свои деньги, вышел из банка, снова вернулся и сказал: "Я могу просто сообщить вам, что мистер Э. покончил с собой", - а затем ушел. Похоже, что в то время было распространено мнение, что деньги, снятые из банка, небезопасны до тех пор, пока человек не выйдет за дверь банка. Мой отец услышал эту историю только некоторое время спустя, когда управляющий партнер сказал, что он отступил от своего неизменного правила никогда никому не позволять видеть счет другого человека, показав бухгалтерскую книгу со счетом моего отца нескольким лицам, поскольку это доказывало, что мой отец в тот день не снял ни пенни. Со стороны моего отца было бы бесчестно использовать свои профессиональные знания в личных целях. Тем не менее, этот предполагаемый поступок вызвал большое восхищение у некоторых людей, и много лет спустя один джентльмен заметил: "Ах, доктор, каким замечательным бизнесменом вы были, так ловко забрав все свои деньги в целости и сохранности из этого банка!"

"Ум моего отца не был научным, и он не пытался обобщить свои знания в соответствии с общими законами; тем не менее, он создавал теорию почти для всего, что происходило. Я не думаю, что многому научился у него интеллектуально, но его пример должен был сослужить большую моральную службу всем его детям. Одним из его золотых правил (которому трудно следовать) было: "Никогда не становись другом того, кого ты не можешь уважать".

У доктора Дарвина было шестеро детей (из них миссис Веджвуд сейчас единственная оставшаяся в живых.): Марианна, замужем за доктором Генри Паркером; Кэролайн, замужем за Джосайей Веджвудом; Эразмус Элви; Сьюзен, умерла незамужней; Чарльз Роберт; Кэтрин, замужем за преподобным Чарльзом Лэнгтоном.

Старший сын, Эразм, родился в 1804 году и умер неженатым в возрасте семидесяти семи лет.

Он, как и его брат, получил образование в школе Шрусбери и колледже Христа в Кембридже. Он изучал медицину в Эдинбурге и Лондоне, а также получил степень бакалавра медицины в Кембридже. Он никогда не претендовал на то, что практикует как врач, и, покинув Кембридж, жил тихой жизнью в Лондоне.

Было что-то трогательное в привязанности Чарльза Дарвина к своему брату Эразмусу, как будто он всегда вспоминал свою уединенную жизнь и трогательное терпение и мягкость его натуры. Он часто говорил о нем как о "Бедном старом Рэсе" или "Бедном дорогом старом Филосе" — я полагаю, что Филос (Философ) был пережитком тех дней, когда они работали химиками в инструментальной мастерской в Шрусбери, — времени, о котором у него всегда оставались приятные воспоминания. Поскольку Эразм был более чем на четыре года старше Чарльза Дарвина, они недолго прожили вместе в Кембридже, но до этого в Эдинбурге жили в одной квартире, а после Путешествия какое-то время жили вместе в доме Эразма на Грейт-Мальборо-стрит. В это время он также часто с большой любовью отзывается об Эразме в своих письмах Фоксу, используя такие слова, как "мой дорогой старый добрый брат". В последующие годы Эразмус Дарвин время от времени приезжал в Даун или присоединялся к семье своего брата во время летних каникул. Но постепенно дошло до того, что из-за плохого самочувствия он не мог решиться уехать из Лондона, и тогда они виделись только тогда, когда Чарльз Дарвин приезжал на неделю в дом своего брата на Куин-Энн-стрит.

Следующее замечание о характере своего брата было написано Чарльзом Дарвином примерно в то же время, когда к "Воспоминаниям" был добавлен набросок его отца.:—

"Мой брат Эразм обладал удивительно ясным умом, обширными и разносторонними вкусами и познаниями в литературе, искусстве и даже науке. В течение короткого времени он собирал и сушил растения, а в течение несколько более длительного времени экспериментировал в химии. Он был чрезвычайно приятным человеком, и его остроумие часто напоминало мне об этом в письмах и работах Чарльза Лэмба. Он был очень добросердечен...Его здоровье с детства было слабым, и, как следствие, ему не хватало энергии. Его настроение было невысоким, иногда подавленным, особенно в раннем и среднем возрасте. Он много читал, даже будучи мальчиком, и в школе поощрял мое чтение, одалживая мне книги. Однако наши умы и вкусы были настолько разными, что я не думаю, что многим обязан ему в интеллектуальном плане. Я склонен согласиться с Фрэнсисом Гальтоном в том, что образование и окружающая среда оказывают лишь незначительное влияние на разум любого человека и что большинство наших качеств являются врожденными".

Имя Эразма Дарвина, хотя и не известно широкой публике, можно вспомнить по наброску его характера в "Воспоминаниях" Карлейля, который я здесь частично воспроизвожу:

"Эразмус Дарвин, самый разнообразный тип смертных, очень скоро приехал к нам ("слышал о Карлайле в Германии и т.д.") и с тех пор продолжает быть тихим домашним другом, искренне привязанным; хотя его визиты в последнее время были все реже и реже, здоровье такое слабое, я так занят и т.д., и т.п. В нем было что-то оригинальное и саркастически изобретательное, он был одним из самых искренних, правдивых от природы и скромнейших людей; старший брат Чарльза Дарвина (знаменитого Дарвина о видах наших дней), которому я скорее предпочитаю его за интеллект, если бы здоровье не обрекло его на молчание и терпеливую праздность...Моя

дорогая всегда была очень благосклонна к этому честному Дарвину; много раз в дорогу, в магазины и тому подобное, он возил ее в своем кэбе (Darwingium Cabbum, сравнимом с Georgium Sidus) в те первые дни, когда даже плата за проезд в omnibusax была предметом рассмотрения, и его редкие высказывания, часто сардонические, очень забавляли ее.

"Безупречный джентльмен", - сразу же определила она в нем, причем весьма достойный и добрый в самой неподдельной форме". ("Воспоминания" Карлайла, том ii, стр. 208.)

Чарльзу Дарвину не понравился этот портрет его брата; он думал, что Карлайл упустил суть его самой привлекательной натуры.

Я испытываю искушение еще больше проиллюстрировать характер человека, которого так искренне любили все дети Чарльза Дарвина, воспроизвести письмо в "Спектейтор" (3 сентября 1881 г.) его кузины мисс Джулии Веджвуд.

"Портрет из портфолио м-ра Карлайла, о котором не пожалел ни один из тех, кто любил оригинал, несомненно, обладает достаточным отличием, чтобы заслужить несколько слов похвалы, когда персонаж, изображенный на нем, скрыт от взоров смертных. Эразм, единственный брат Чарльза Дарвина и верный и любящий старый друг обоих Карлайлов, оставил после себя круг скорбящих, которым не нужна дань уважения от прославленного пера, чтобы увековечить память, столь дорогую их сердцам; но более широкий круг, должно быть, почувствовал некоторый интерес, вызванный этой данью, и может с определенным вниманием воспринять запись об уникальном и неизгладимом впечатлении, даже если оно произведет только на сердца тех, кто не может его передать по наследству и с кем, следовательно, оно должно быстро исчезнуть. Они помнят это с той же отчетливостью, с какой помнят творение гения; оно подобным же образом обогатило и подсластило жизнь, стало общим местом встречи для тех, у кого не было другого; и своим сильным ароматом индивидуальности укрепило то уважение к особенностям человеческого характера, без которого моральные суждения всегда жестки, поверхностны и часто несправедливы. Карлайл был из тех, кто находил особое удовольствие в сочетании живости и покоя, которые придавали обществу его друга влияние одновременно стимулирующее и успокаивающее, и теплота его признательности не была выражена первой в ее посмертном выражении; его тревожные письма почти тридцатилетней давности, когда хрупкой жизни, продлившейся до старости, угрожала серьезная болезнь, все еще свежи в моей памяти. Дружба была одинаково теплой как с мужем, так и с женой. Я хорошо помню ее трогательный протест, вызванный признанием Эразма Дарвина в том, что он предпочитал кошек собакам, что, по ее мнению, было оскорблением ее маленького "Нерона"; и тон, которым она сказала: "О, но вы любите собак! вы слишком добры, чтобы не быть таким", - говорилось о длинной череде маленьких, милостивых проявлений доброты, о которых вспоминали с нежной благодарностью. Он был близок также с человеком, друга которого, подобно друзьям м-ра Карлайла, не всегда имели повод поздравлять себя с тем, что заняли место в ее галерее, — с Харриет Мартино. Я не раз слышал, как он называл ее верным другом, и это всегда казалось мне странной данью уважения чему-то в дружбе, которую он один давал; но если бы она вообще писала о нем, я полагаю, это упоминание, выражающее искреннюю признательность, стало бы редкой и любопытной точкой соприкосновения с другими "Воспоминаниями", такими похожими и в то же время такими непохожими. Невозможно передать впечатление о персонаже; мы можем только предположить его посредством некоторого сходства; и это своеобразная иллюстрация той иронии, которая сдерживает или направляет наши симпатии, что, пытаясь дать некоторое представление о человеке, которого из

тех, кто не был его родственником, Карлейль, по-видимому, любил больше всего, я не могу сказать ничего более описательного, чем то, что он, как мне кажется, имел нечто общее с человеком, которого Карлейль ценил меньше всего. Общество Эразма Дарвина обладало, на мой взгляд, почти таким же очарованием, как труды Чарльза Лэмба. В нем была та же игривость, та же легкость прикосновений, та же нежность, возможно, те же ограничения. С другой стороны его натуры, мне часто напоминали о нем странный, тонкий юмор, поверхностная нетерпимость, глубокие источники жалости, своеобразная смесь чего-то патетического со своего рода веселым презрением, совершенно далеким от презрения, которые отличают Элсмира из ранних диалогов сэра Артура Хелпса. Возможно, мы вспоминаем такие натуры наиболее отчетливо, когда такое сходство - это все, что от них осталось. Персонаж не слит с творением; и то, что мы теряем в способности передать наше впечатление, мы, кажется, приобретаем в его яркости. Эразмус Дарвин скончался в преклонном возрасте, но память о нем сохранила что-то от аромата молодости; его влияние принесло много счастья, которое обычно ассоциируется с молодостью, многим жизням, кроме того прославленного человека, чьи записи оправдывают, хотя, конечно, и не вдохновляют, желание возложить этот увядающий венок на его могилу".

Предыдущие страницы дают, в отрывочной форме, возможно, столько, сколько необходимо, сведений о семье, из которой вышел Чарльз Дарвин, и могут служить введением к следующей автобиографической главе.

ГЛАВА 1.II. — АВТОБИОГРАФИЯ.

[автобиографические воспоминания моего отца, приведенные в настоящей главе, были написаны для его детей — и написаны без всякой мысли о том, что они когда-либо будут опубликованы. Многим это может показаться невозможным, но те, кто знал моего отца, поймут, что это было не только возможно, но и естественно. Автобиография озаглавлена "Воспоминания о развитии моего ума и характера" и заканчивается следующим примечанием:

"3 августа 1876 года. Этот очерк моей жизни был начат примерно 28 мая в Хоупдене (дом мистера Хенсли Веджвуда в Суррее.), и с тех пор я писал почти по часу почти каждый день". Легко понять, что в рассказе личного и интимного характера, написанном для его жены и детей, должны встречаться места, которые здесь должны быть опущены; и я не считал нужным указывать, где допущены такие упущения. Было сочтено необходимым внести несколько исправлений в очевидные словесные опечатки, но количество таких изменений было сведено к минимуму. — Ф.Д.]

Немецкий редактор обратился ко мне с просьбой рассказать о развитии моего ума и характера с каким-нибудь наброском моей автобиографии, и я подумал, что эта попытка позабавит меня и, возможно, заинтересует моих детей или их детей. Я знаю, что мне было бы очень интересно

прочитать даже такой короткий и скучный очерк мышления моего дедушки, написанный им самим, о том, что он думал, делал и как работал. Я попытался написать следующий рассказ о себе, как если бы я был мертвецом в другом мире, оглядывающимся на свою собственную жизнь. И это не показалось мне трудным, потому что жизнь для меня почти закончилась. Я не заботился о своем стиле письма.

Я родился в Шрусбери 12 февраля 1809 года, и мои самые ранние воспоминания относятся только к тому времени, когда мне было на несколько месяцев больше четырех лет, когда мы ездили купаться в море недалеко от Абергеле, и я помню некоторые события и места там с некоторой отчетливостью.

Моя мать умерла в июле 1817 года, когда мне было немногим больше восьми лет, и странно, что я почти ничего не помню о ней, кроме ее смертного одра, черного бархатного платья и рабочего стола причудливой конструкции. Весной того же года меня отправили в дневную школу в Шрусбери, где я пробыл год. Мне говорили, что я учился гораздо медленнее, чем моя младшая сестра Кэтрин, и я считаю, что во многих отношениях я был непослушным мальчиком.

К тому времени, когда я пошел в эту дневную школу (которую вел преподобный Г. Кейс, служитель Унитариянской часовни на Хай-стрит. Миссис Дарвин была унитарянкой и посещала часовню мистера Кейса, а мой отец маленьким мальчиком ходил туда со своими старшими сестрами. Но и он, и его брат были крещены и предназначались для принадлежности к Англиканской церкви; и после своего раннего детства он, кажется, обычно ходил в церковь, а не к мистеру Кейсу. Оказывается ("Сент-Джеймс Газетт", 15 декабря 1883 г.), в часовне, которая теперь известна как "Свободная христианская церковь", в память о нем была установлена настенная табличка.) Мой вкус к естественной истории, и особенно к коллекционированию, был хорошо развит. Я пытался разобрать названия растений (преподобный У.А. Лейтон, который был школьным товарищем моего отца в школе мистера Кейса, вспоминает, как он принес цветок в школу и сказал, что его мать научила его, как, посмотрев на внутреннюю сторону цветка, можно узнать название растения. Мистер Лейтон продолжает: "Это очень возбудило мое внимание и любопытство, и я неоднократно спрашивал его, как это можно сделать?" — но его урок, естественно, не передавался. — Ф.Д.), и собирал всевозможные предметы: ракушки, тюлени, франки, монеты и минералы. Страсть к коллекционированию, которая делает человека систематическим натуралистом, виртуозом или скрягой, была очень сильна во мне и явно была врожденной, поскольку ни у одной из моих сестер или брата никогда не было такого вкуса.

Одно маленькое событие в течение этого года очень прочно запечатлелось в моей памяти, и я надеюсь, что оно произошло из-за того, что моя совесть впоследствии была сильно обеспокоена этим; оно любопытно, поскольку показывает, что, по-видимому, в этом раннем возрасте я интересовался изменчивостью растений! Я рассказал другому маленькому мальчику (кажется, это был Лейтон, который впоследствии стал известным лихенологом и ботаником), что я могу выращивать полиантусы и примулы разной окраски, поливая их определенными цветными жидкостями, что, конечно, было чудовищной выдумкой, и я никогда не пробовал. Здесь я могу также признаться, что в детстве я был склонен выдумывать преднамеренную ложь, и это всегда делалось ради того, чтобы вызвать волнение. Например, однажды я собрал много ценных фруктов с деревьев моего отца и спрятал их в кустарнике, а затем, запыхавшись, побежал распространять новость о том, что обнаружил склад украденных фруктов.

Должно быть, я был очень простым маленьким мальчиком, когда впервые пошел в школу. Однажды мальчик по имени Гарнетт повел меня в кондитерскую и купил несколько пирожных, за которые он не заплатил, так как продавец доверял ему. Когда мы вышли, я спросил его, почему он не заплатил за них, и он немедленно ответил: "Почему, разве ты не знаешь, что мой дядя оставил городу большую сумму денег с условием, что каждый торговец должен безвозмездно отдавать все, что ему нужно, любому, кто носит его старую шляпу и передвигает ее определенным образом?" а затем он показал мне, как она перемещается. Затем он зашел в другой магазин, где ему доверяли, и попросил какую-нибудь мелочь, должным образом сдвинув шляпу, и, конечно, получил ее бесплатно. Когда мы вышли, он сказал: "А теперь, если хочешь, сходи одна в ту кондитерскую (как хорошо я помню ее точное расположение). Я одолжу тебе свою шляпу, и ты сможешь надеть все, что захочешь, если как следует наденешь шляпу на голову". Я с радостью принял щедрое предложение, зашел и попросил несколько пирожных, сдвинул старую шляпу и уже выходил из магазина, когда продавец бросился на меня, так что я уронил пирожные и побежал изо всех сил, и был поражен, когда мой фальшивый друг Гарнетт приветствовал меня взрывами смеха.

Я могу сказать в свою пользу, что в детстве я был гуманным, но этим я был полностью обязан наставлениям и примеру моих сестер. Я действительно сомневаюсь, что человечность - это естественное или врожденное качество. Мне очень нравилось коллекционировать яйца, но я никогда не брал из птичьего гнезда больше одного яйца, за исключением одного-единственного случая, когда я взял все, не из-за их ценности, а из своего рода бравады.

У меня был сильный вкус к рыбной ловле, и я мог часами сидеть на берегу реки или пруда, наблюдая за поплавком, когда бывал в Маэре (доме своего дяди Джосайи Веджвуда). Мне сказали, что я могу убивать червей солью и водой, и с того дня я ни разу не насадил на вертел живого червя, хотя, вероятно, ценой некоторой потери успеха.

Однажды, когда я был совсем маленьким мальчиком, учась в дневной школе, или еще раньше, я поступил жестоко, потому что избил щенка, я полагаю, просто из наслаждения ощущением власти; но избиение не могло быть сильным, потому что щенок не выл, в чем я уверен, поскольку место было недалеко от дома. Этот поступок тяжким грузом лежал на моей совести, о чем свидетельствует то, что я помню точное место, где было совершено преступление. Вероятно, он лежал еще тяжелее оттого, что моя любовь к собакам была тогда и долгое время после этого страстью. Собаки, казалось, знали это, потому что я был мастером отнимать их любовь у хозяев.

Я отчетливо помню только один другой инцидент за этот год, когда я учился в дневной школе мистера Кейса, а именно похороны солдата—драгуна; и удивительно, как отчетливо я до сих пор вижу лошадь с пустыми сапогами человека и карабином, подвешенным к седлу, и стрельбу над могилой. Эта сцена глубоко всколыхнула все мои поэтические фантазии.

Летом 1818 года я поступил в большую школу доктора Батлера в Шрусбери и оставался там семь лет до середины лета 1825 года, когда мне было шестнадцать. Я учился в этой школе, так что у меня было большое преимущество - вести жизнь настоящего школьника; но поскольку расстояние до моего дома было едва ли больше мили, я очень часто бегал туда в более длительные промежутки между вызовами и перед тем, как запереться на ночь. Я думаю, это было во многих отношениях выгодно для меня, поскольку я сохранял привязанность к дому и интересы. Я помню, в начале моей школьной жизни мне часто приходилось бегать очень быстро, чтобы успеть вовремя, и, поскольку я быстро бегал, в целом добивался успеха; но когда

я сомневался, я искренне молился Богу помочь мне, и я хорошо помню, что приписывал свой успех молитвам, а не быстроте бега, и удивлялся, как часто мне помогали.

Я слышал, как мой отец и старшая сестра говорили, что в детстве у меня была сильная склонность к долгим одиноким прогулкам; но о чем я думал, я не знаю. Я часто бывал совершенно поглощен своим занятием, и однажды, возвращаясь в школу на вершине старых укреплений вокруг Шрусбери, которые были преобразованы в общественную пешеходную дорожку без парапета с одной стороны, я сошел с нее и упал на землю, но высота была всего семь или восемь футов. Тем не менее количество мыслей, пронесшихся в моей голове во время этого очень короткого, но внезапного и совершенно неожиданного падения, было поразительным и, по-видимому, вряд ли совместимо с тем, что, я полагаю, доказали физиологи относительно того, что каждая мысль требует довольно значительного количества времени.

Ничто не могло быть хуже для развития моего ума, чем школа доктора Батлера, поскольку она была строго классической, и больше там ничего не преподавали, кроме небольшой древней географии и истории. Школа как средство образования была для меня просто пустым местом. На протяжении всей моей жизни я был совершенно неспособен овладеть каким-либо языком. Особое внимание уделялось сочинению стихов, а это у меня никогда не получалось хорошо. У меня было много друзей, и я собрал хороший сборник старых стихов, которые, подправляя вместе, иногда с помощью других мальчиков, я мог переработать на любую тему. Большое внимание уделялось заучиванию наизусть уроков предыдущего дня; этого я мог добиться с большой легкостью, выучив сорок или пятьдесят строк Вергилия или Гомера, пока был в утренней часовне; но это упражнение было совершенно бесполезным, поскольку каждый стих забывался за сорок восемь часов. Я не сидел сложа руки и, за исключением стихосложения, в целом добросовестно работал над своей классикой, не пользуясь шпаргалками. Единственное удовольствие, которое я когда-либо получал от таких занятий, были некоторые из од Горация, которыми я очень восхищался.

Когда я окончил школу, я для своего возраста не был ни высоким, ни низким учеником; и я полагаю, что все мои учителя и мой отец считали меня самым обычным мальчиком, интеллект которого несколько ниже общепринятого стандарта. К моему глубокому огорчению, мой отец однажды сказал мне: "Тебя не интересует ничего, кроме стрельбы, собак и ловли крыс, и ты опозоришь себя и всю свою семью". Но мой отец, который был самым добрым человеком, которого я когда-либо знал, и память о котором я люблю всем сердцем, должно быть, был зол и несколько несправедлив, когда произносил такие слова.

Оглядываясь назад, насколько я могу, на свой характер во время школьной жизни, единственными качествами, которые в тот период сулили хорошее будущее, были то, что у меня были сильные и разнообразные вкусы, большое рвение ко всему, что меня интересовало, и острое удовольствие от понимания любого сложного предмета или вещи. Частный репетитор учил меня Евклиду, и я отчетливо помню, какое глубокое удовлетворение доставили мне четкие геометрические доказательства. С не меньшей отчетливостью я помню восторг, который доставил мне мой дядя (отец Фрэнсиса Гальтона), объясняя принцип работы нониуса барометра с учетом самых разных вкусов, независимо от науки, я любил читать разные книги и часами сидел за чтением исторических пьес Шекспира, обычно у старого окна в толстых стенах школы. Я читал также другие стихи, такие как "Времена года" Томсона и недавно опубликованные стихотворения Байрона и Скотта. Я упоминаю об этом потому, что позже, к моему великому

сожалению, я полностью утратил всякое удовольствие от поэзии любого рода, включая Шекспира. В связи с удовольствием от поэзии я могу добавить, что в 1822 году во время верховой прогулки по границам Уэльса во мне впервые пробудилось живое восхищение пейзажами, и это продолжалось дольше, чем любое другое эстетическое удовольствие.

Когда я учился в школе, у одного мальчика был экземпляр "Чудес света", который я часто читал, и я спорил с другими мальчиками о правдивости некоторых утверждений; и я полагаю, что эта книга впервые зародила во мне желание путешествовать по отдаленным странам, которое в конечном итоге исполнилось во время путешествия на "Бигле". В конце моей школьной жизни я страстно увлекся стрельбой; я не верю, что кто-либо мог бы проявить большее рвение к самому святому делу, чем я к стрельбе по птицам. Как хорошо я помню, как убил своего первого бекаса, и мое возбуждение было так велико, что мне было очень трудно перезаряжать ружье из-за дрожи в руках. Этот вкус продолжался долго, и я стал очень хорошим стрелком. Когда я учился в Кембридже, я обычно тренировался вскидывать ружье к плечу перед зеркалом, чтобы убедиться, что я бросаю его прямо. Другой и лучший план состоял в том, чтобы попросить друга помахать зажженной свечой, а затем выстрелить в нее с помощью колпачка на соске, и, если прицелиться точно, небольшое дуновение воздуха задует свечу. Взрыв крышки вызвал резкий треск, и мне сказали, что преподаватель колледжа заметил: "Какая странная вещь, мистер Дарвин, кажется, часами щелкает хлыстом в своей комнате, потому что я часто слышу этот треск, когда прохожу под его окнами".

У меня было много друзей среди школьников, которых я нежно любил, и я думаю, что тогда мой характер был очень нежным.

Что касается науки, я продолжал собирать минералы с большим рвением, но совершенно ненаучно — все, что меня интересовало, - это минералы с новыми названиями, и я почти не пытался их классифицировать. Должно быть, я наблюдал за насекомыми с некоторой осторожностью, потому что, когда мне было десять лет (1819 г.), я отправился на три недели в Плас-Эдвардс на морском побережье в Уэльсе, я был очень заинтересован и удивлен, увидев большое черно-алое полужесткокрылое насекомое, множество мотыльков (*Zygaena*) и цинциделу, которые не водятся в Шропшире. Я почти решился начать собирать всех насекомых, которых смог найти мертвыми, потому что, посоветовавшись со своей сестрой, пришел к выводу, что убивать насекомых ради создания коллекции неправильно. Прочитав книгу Уайта "Селборн", я получил большое удовольствие, наблюдая за повадками птиц, и даже сделал заметки на эту тему. В своей простоте я помню, как удивлялся, почему каждый джентльмен не становится орнитологом.

К концу моей школьной жизни мой брат усердно занимался химией и соорудил прекрасную лабораторию с соответствующим оборудованием в сарае для инструментов в саду, и мне разрешили помогать ему в качестве прислуги в большинстве его экспериментов. Он создал все газы и многие соединения, и я с большим вниманием прочитал несколько книг по химии, таких как "Химический катехизис" Генри и Паркса. Предмет меня очень интересовал, и мы часто работали довольно поздно. Это была лучшая часть моего школьного образования, поскольку она практически открыла мне значение экспериментальной науки. Тот факт, что мы занимались химией, каким-то образом стал известен в школе, и поскольку это был беспрецедентный факт, меня прозвали "Газ". Однажды директор школы, доктор Батлер, также публично упрекнул меня за то, что я трачу свое время на такие бесполезные предметы; и он очень несправедливо назвал

меня "росо curante", а поскольку я не понял, что он имел в виду, это показалось мне ужасным упреком.

Поскольку я плохо успевал в школе, мой отец благоразумно забрал меня в более раннем возрасте, чем обычно, и отправил (октябрь 1825 г.) вместе с моим братом в Эдинбургский университет, где я пробыл два года или сессии. Мой брат заканчивал свое медицинское образование, хотя я не думаю, что он когда-либо действительно намеревался практиковать, и меня послали туда, чтобы начать его. Но вскоре после этого периода я убедился в силу различных мелких обстоятельств, что мой отец оставит мне достаточно имущества, чтобы я мог существовать с некоторым комфортом, хотя я никогда не представлял себе, что стану таким богатым человеком, как сейчас; но моей веры было достаточно, чтобы пресечь любые напряженные усилия по изучению медицины.

Обучение в Эдинбурге полностью состояло из лекций, и они были невыносимо скучными, за исключением лекций Хоуп по химии; но, на мой взгляд, в лекциях нет преимуществ и много недостатков по сравнению с чтением. Лекции доктора Дункана по *Materia Medica*, читаемые в 8 часов зимним утром, - это нечто такое, о чем страшно вспоминать. Доктор— делал свои лекции по анатомии человека такими же скучными, как и он сам, и этот предмет вызывал у меня отвращение. То, что меня не заставляли заниматься препарированием, оказалось одним из величайших зол в моей жизни, потому что я бы вскоре преодолел свое отвращение; и эта практика была бы бесценна для всей моей будущей работы. Это было непоправимым злом, так же как и моя неспособность рисовать. Я также регулярно посещал клинические палаты в больнице. Некоторые случаи меня сильно огорчили, и передо мной до сих пор стоят яркие картины некоторых из них; но я был не настолько глуп, чтобы позволить этому уменьшить мою посещаемость. Я не могу понять, почему эта часть моего медицинского курса не заинтересовала меня в большей степени; потому что летом перед приездом в Эдинбург я начал посещать некоторых бедных людей, в основном детей и женщин в Шрусбери: я записал как можно более полный отчет о случае со всеми симптомами и прочитал их вслух моему отцу, который предложил провести дальнейшие расспросы и посоветовал мне, какие лекарства давать, которые я приготовил сам. Одно время у меня было по меньшей мере дюжина пациентов, и я чувствовал живой интерес к этой работе. Мой отец, который, безусловно, лучше всех разбирался в людях, кого я когда-либо знал, заявил, что из меня получится успешный врач, имея в виду того, у кого будет много пациентов. Он утверждал, что главным элементом успеха является возбуждение уверенности; но что он увидел во мне такого, что убедило его в том, что я должен создавать уверенность, я не знаю. Я также дважды присутствовал в операционной больницы в Эдинбурге и видел две очень неудачные операции, одну ребенку, но я умчался до того, как они были завершены. И я никогда больше не посещал его, потому что вряд ли какой-либо стимул был бы достаточно силен, чтобы заставить меня это сделать; это было задолго до благословенных дней хлороформа. Эти два случая преследовали меня в течение долгого года.

Мой брат пробыл в университете всего один год, так что на втором курсе я был предоставлен самому себе; и это было преимуществом, поскольку я хорошо познакомился с несколькими молодыми людьми, увлекающимися естественными науками. Одним из них был Эйнсворт, который впоследствии опубликовал свои путешествия по Ассирии; он был вернеровским геологом и немного разбирался во многих предметах. Доктор Колдстрим был совсем другим молодым человеком, чопорным, формальным, в высшей степени религиозным и очень добросердечным; впоследствии он опубликовал несколько хороших зоологических статей.

Третьим молодым человеком был Харди, который, я думаю, стал бы хорошим ботаником, но рано умер в Индии. Наконец, доктор Грант, старше меня на несколько лет, но как я с ним познакомился, я не помню; он опубликовал несколько первоклассных зоологических работ, но после приезда в Лондон в качестве профессора Университетского колледжа он больше ничем не занимался в науке, факт, который всегда был для меня необъяснимым. Я хорошо знал его; он был сух и формален в манерах, под этой внешней оболочкой скрывался большой энтузиазм. Однажды, когда мы гуляли вместе, он разразился глубоким восхищением Ламарком и его взглядами на эволюцию. Я слушал в немом изумлении, и, насколько я могу судить, это никак не повлияло на мой разум. Ранее я читал "Зоономию" моего деда, в которой высказываются схожие взгляды, но они не произвели на меня никакого эффекта. Тем не менее, вероятно, что довольно раннее знакомство с подобными взглядами, которые поддерживались и восхвалялись, могло способствовать тому, что я отстаивал их в иной форме в моем "Происхождении видов". В то время я очень восхищался "Зоономией"; но, прочитав ее во второй раз через десять или пятнадцать лет, я был сильно разочарован: слишком велико было соотношение домыслов к приведенным фактам.

Доктора Грант и Колдстрим много занимались морской зоологией, и я часто сопровождал первого, собирая животных в приливных бассейнах, которых препарировал так хорошо, как только мог. Я также подружился с некоторыми рыбаками из Ньюхейвена и иногда сопровождал их, когда они тралили устриц, и таким образом добыл множество экземпляров. Но из-за отсутствия какой-либо регулярной практики вскрытия и из-за того, что у меня был только жалкий микроскоп, мои попытки были очень слабыми. Тем не менее я сделал одно интересное маленькое открытие и примерно в начале 1826 года прочитал краткий доклад на эту тему в Плинианском обществе. Это заключалось в том, что так называемые яйцеклетки Флюстры обладали способностью к независимому передвижению с помощью ресничек и на самом деле были личинками. В другой небольшой статье я показал, что маленькие шаровидные тельца, которые, как предполагалось, были молодым состоянием *Fucus loreus*, были яйцекладками червеобразной *Pontobdella muricata*.

Плинианское общество поощрялось и, я полагаю, было основано профессором Джеймсоном: оно состояло из студентов и собиралось в подземной комнате университета для чтения статей по естествознанию и их обсуждения. Раньше я регулярно посещал собрания, и они оказывали на меня хорошее влияние, стимулируя мое рвение и заводя новые приятные знакомства. Однажды вечером бедный молодой человек встал и, невероятно долго заикаясь, пунцово покраснев, наконец медленно выдавил из себя слова: "Господин президент, я забыл, что собирался сказать". Бедняга выглядел совершенно ошеломленным, и все присутствующие были так удивлены, что никто не мог придумать, что сказать, чтобы скрыть его замешательство. Статьи, которые были прочитаны нашему маленькому обществу, не были напечатаны, так что я не имел удовольствия увидеть свою статью в печати; но я полагаю, что доктор Грант обратил внимание на мое маленькое открытие в своих превосходных мемуарах о Флустре.

Я также был членом Королевского медицинского общества и посещал его довольно регулярно; но поскольку предметы были исключительно медицинскими, я не слишком интересовался ими. Там говорилось много чепухи, но было несколько хороших ораторов, лучшим из которых был нынешний сэр Дж. Кей-Шаттлворт. Доктор Грант время от времени водил меня на собрания Вернеровского общества, где читались, обсуждались различные статьи по естественной истории, которые впоследствии публиковались в "Трудах". Я слышал, как Одюбон произнес там

несколько интересных рассуждений о повадках птиц Северной Америки, несколько несправедливо насмехаясь над Уотертоном. Кстати, в Эдинбурге жил негр, который путешествовал с Уотертоном и зарабатывал себе на жизнь тем, что набивал птицу, что у него превосходно получалось: он давал мне уроки за плату, и я часто сидел с ним, потому что он был очень приятным и интеллигентным человеком.

Мистер Леонард Хорнер также однажды взял меня с собой на собрание Королевского общества Эдинбурга, где я увидел сэра Вальтера Скотта в кресле президента, и он извинился перед собранием, поскольку не чувствует себя подходящим для такой должности. Я смотрел на него и на всю эту сцену с некоторым благоговением, и я думаю, что именно благодаря этому визиту в годы моей юности и тому, что я посещал Королевское медицинское общество, я почувствовал честь быть избранным несколько лет назад почетным членом обоих этих Обществ больше, чем любая другая подобная честь. Если бы мне сказали в то время, что однажды я буду удостоен такой чести, я заявляю, что счел бы это столь же нелепым и невероятным, как если бы мне сказали, что я буду избран королем Англии.

На втором курсе моего обучения в Эдинбурге я посещал лекции — по геологии и зоологии, но они были невероятно скучными. Единственным эффектом, который они произвели на меня, была решимость никогда в жизни не читать книг по геологии или каким-либо образом изучать эту науку. И все же я уверен, что был готов к философскому подходу к этому предмету; ибо старый мистер Коттон из Шропшира, который хорошо разбирался в горных породах, указал мне два или три года назад на хорошо известный большой неустойчивый валун в городе Шрусбери, называемый "колокольным камнем"; он сказал мне, что ближе Камберленда или Шотландии нет скалы такого же типа, и торжественно заверил меня, что миру придет конец, прежде чем кто-либо сможет объяснить, как этот камень попал туда, где он сейчас лежит. Это произвело на меня глубокое впечатление, и я медитировал над этим чудесным камнем. Так что я испытал сильнейший восторг, когда впервые прочитал о действии айсбергов при транспортировке валунов, и я восхищался прогрессом геологии. Не менее поразителен тот факт, что я, хотя мне сейчас всего шестьдесят семь лет, слышал, как профессор на полевой лекции в Солсбери Крейгс, рассказывая о трапдаике с миндалевидными краями и затвердевшими слоями с каждой стороны, окруженный вулканическими породами, сказал, что это трещина, заполненная сверху осадком, добавив с насмешкой, что были люди, которые утверждали, что он был закачан снизу в расплавленном состоянии. Когда я думаю об этой лекции, я не удивляюсь, что решил никогда не заниматься геологией.

Благодаря посещению лекций — я познакомился с хранителем музея мистером Макджилливреем, который впоследствии опубликовал большую и превосходную книгу о птицах Шотландии. У меня было с ним много интересных бесед по естественной истории, и он был очень добр ко мне. Он подарил мне несколько редких раковин, потому что я в то время собирал морских моллюсков, но без особого усердия.

Мои летние каникулы в течение этих двух лет были полностью посвящены развлечениям, хотя у меня всегда была под рукой какая-нибудь книга, которую я с интересом читал. Летом 1826 года я предпринял длительную пешую прогулку с двумя друзьями с рюкзаками за спинами по Северному Уэльсу. Почти каждый день мы проходили по тридцать миль, включая один день восхождения на Сноудон. Я также отправилась со своей сестрой в верховую поездку по Северному Уэльсу в сопровождении слуги с седельными сумками, несущего нашу одежду.

Осень была посвящена съемкам в основном у мистера Оуэна, в Вудхаусе и у моего дяди Джоса (Джосайя Веджвуд, сын основателя Etruria Works.) в Маэре. Мое рвение было так велико, что, ложась спать, я обычно ставил свои охотничьи сапоги открытыми рядом с кроватью, чтобы не терять ни полминуты на то, чтобы надеть их утром; и однажды 20 августа я добрался до отдаленной части поместья Маер на охоту на черную дичь, прежде чем смог что-либо разглядеть: тогда я целый день трудился с егерем, пробираясь через густой вереск и молодые шотландские ели.

Я вел точный учет каждой птицы, которую подстрелил в течение всего сезона. Однажды, стреляя в Вудхаусе с капитаном Оуэном, старшим сыном, и майором Хиллом, его двоюродным братом, впоследствии лордом Бервиком, оба из которых мне очень нравились, я считал, что меня позорно использовали, потому что каждый раз после того, как я стрелял и думал, что убил птицу, один из них делал вид, что заряжает ружье, и кричал: "Вы не должны считать эту птицу, потому что я выстрелил одновременно", и егерь, поняв шутку, поддерживал их. Через несколько часов они рассказали мне эту шутку, но для меня это была не шутка, потому что я подстрелил большое количество птиц, но не знал, сколько именно, и не мог добавить их к своему списку, что я обычно делал, завязывая узел на кусочке бечевки, привязанном к петлице. Это поняли мои злые друзья.

Как же мне нравилось снимать! Но я думаю, что, должно быть, я наполовину стыдился своего рвения, поскольку пытался убедить себя, что стрельба - это почти интеллектуальное занятие; требуется очень много мастерства, чтобы определить, где найти больше всего дичи, и хорошо поохотиться на собак.

Один из моих осенних визитов в Маер в 1827 году запомнился встречей там с сэром Дж. Макинтошем, который был лучшим собеседником, которого я когда-либо слушал. Впоследствии я услышал, как он с приливом гордости сказал: "В этом молодом человеке есть что-то такое, что меня интересует". Должно быть, это было главным образом из-за того, что он понимал, что я с большим интересом слушаю все, что он говорит, поскольку я был невежественен, как свинья, в таких его предметах, как история, политика и моральная философия. Слышать похвалу от выдающегося человека, хотя, без сомнения, способного возбудить тщеславие, я думаю, полезно для молодого человека, поскольку это помогает ему оставаться на правильном пути.

Мои визиты в Маер в течение этих двух или трех последующих лет были весьма приятными, независимо от осенних съемок. Жизнь там была совершенно свободной; местность была очень приятной для прогулок пешком или верховой езды; а по вечерам велись очень приятные беседы, не такие личные, как это обычно бывает на больших семейных вечеринках, сопровождаемые музыкой. Летом вся семья часто сидела на ступенях старого портика, перед которым был разбит цветник, а крутой лесистый берег напротив дома отражался в озере, где то тут, то там всплывала рыба или плескалась водоплавающая птица. Ничто не оставляло в моем сознании более яркой картины, чем эти вечера в Маэре. Я также был привязан к своему дяде Джосу и очень почитал его; он был молчаливым и замкнутым, так что был довольно ужасным человеком; но иногда он открыто разговаривал со мной. Он представлял собой тип честного человека с яснейшими суждениями. Я не верю, что какая-либо сила на земле могла заставить его хоть на дюйм отклониться от того, что он считал правильным курсом. Я обычно мысленно обращался к нему с хорошо известной одой Горация, ныне забытой мной, в которой

встречаются слова "nec vultus tyranni и т. Д.". (Justum et tenacem propositi virum Non civium ardor prava jubentium Non vultus instantis tyranni Mente quatit solida.)

КЕМБРИДЖ, 1828-1831.

Проведя два сеанса в Эдинбурге, мой отец понял или услышал от моих сестер, что мне не нравится мысль стать врачом, поэтому он предложил мне стать священником. Он был совершенно справедливо категорически против моего превращения в праздного спортивного человека, что тогда казалось моим вероятным предназначением. Я попросил дать мне некоторое время на размышление, поскольку из того немногого, что я слышал или думал по этому поводу, я не решался заявить о своей вере во все догмы Англиканской церкви; хотя в остальном мне нравилась мысль стать сельским священником. Соответственно, я внимательно прочитал "Пирсона о символе веры" и несколько других книг по богословию; и поскольку тогда я ни в малейшей степени не сомневался в строгой и буквальной истинности каждого слова в Библии, я вскоре убедил себя, что наше Вероучение должно быть полностью принято.

Учитывая, с какой яростью я подвергался нападкам со стороны ортодоксов, кажется нелепым, что я когда-то намеревался стать священнослужителем. От этого намерения и желания моего отца я никогда раньше не отказывался, но умер естественной смертью, когда, покинув Кембридж, я присоединился к "Биглю" в качестве натуралиста. Если верить френологам, то в одном отношении я вполне подходил на роль священнослужителя. Несколько лет назад секретари немецкого психологического общества настойчиво просили меня в письме о моей фотографии; и некоторое время спустя я получил протокол одного из собраний, на котором, казалось, форма моей головы была предметом публичного обсуждения, и один из выступавших заявил, что у меня достаточно развита шишка благоговения для десяти священников.

Поскольку было решено, что я стану священнослужителем, мне необходимо было поступить в один из английских университетов и получить ученую степень; но поскольку я ни разу не открыл ни одной классической книги с тех пор, как окончил школу, я, к своему ужасу, обнаружил, что за два прошедших года я фактически забыл, каким бы невероятным это ни казалось, почти все, что я выучил, даже несколько греческих букв. Поэтому я не поехал в Кембридж в обычное время в октябре, а работал с частным репетитором в Шрусбери и отправился в Кембридж после рождественских каникул, в начале 1828 года. Вскоре я восстановил свой школьный уровень знаний и мог переводить простые греческие книги, такие как Гомер и греческий Завет, с умеренной легкостью.

В течение трех лет, которые я провел в Кембридже, мое время было потрачено впустую, что касается академических занятий, так же напрасно, как в Эдинбурге и в школе. Я пробовал заниматься математикой и даже ездил летом 1828 года с частным репетитором (очень скучным человеком) в Бармут, но продвигался очень медленно. Эта работа вызывала у меня отвращение, главным образом из-за того, что я не мог видеть никакого смысла в первых шагах по алгебре. Это нетерпение было очень глупым, и по прошествии лет я глубоко сожалел, что не продвинулся достаточно далеко, по крайней мере, для того, чтобы понять что-то из великих ведущих принципов математики, поскольку люди, одаренные таким образом, по-видимому, обладают сверхчувствительностью. Но я не верю, что я когда-либо преуспел бы дальше очень низкой оценки. Что касается классики, то я ничего не делал, кроме нескольких обязательных лекций в колледже, и посещаемость была почти номинальной. На втором курсе мне пришлось поработать месяц или два, чтобы сдать экзамены, что я сделал легко. Опять же, на последнем

курсе я с некоторым усердием готовился к получению последней степени бакалавра и подтянул свою классику, а также немного изучил алгебру и Евклида, что доставляло мне большое удовольствие, как и в школе. Чтобы сдать экзамен на степень бакалавра, было также необходимо ознакомиться с "Доказательствами христианства" Пейли и его "Моральной философией". Это было сделано тщательно, и я убежден, что мог бы изложить все "Доказательства" с совершенной корректностью, но, конечно, не ясным языком Пейли. Логика этой книги и, как я могу добавить, его "Естественной теологии" вызвали у меня такое же восхищение, как и у Евклида. Тщательное изучение этих работ, без попыток выучить какую-либо часть наизусть, было единственной частью академического курса, которая, как я тогда чувствовал и как верю до сих пор, была наименее полезной для меня в воспитании моего ума. В то время я не беспокоился о предпосылках Пейли; и, приняв их на веру, я был очарован и убежден длинной цепочкой аргументации. Хорошо ответив на экзаменационные вопросы по Пейли, хорошо выполнив Евклида и не провалившись с треском по классике, я занял достойное место среди *oi polloi*, или толпы людей, которые не стремятся к отличиям. Как ни странно, я не могу вспомнить, как высоко я стоял, и моя память колеблется между пятым, десятым или двенадцатым именем в списке. (Десятое в списке за январь 1831 года.)

В университете читались публичные лекции по нескольким отраслям, посещение которых было совершенно добровольным; но мне так надоели лекции в Эдинбурге, что я даже не посещал красноречивых и интересных лекций Седжвика. Если бы я это сделал, то, вероятно, стал бы геологом раньше, чем стал. Однако я посещал лекции Хенслоу по ботанике, и они мне очень понравились своей чрезвычайной ясностью и замечательными иллюстрациями; но ботанику я не изучал. Хенслоу обычно водил своих учеников, в том числе нескольких старших сотрудников Университета, на полевые экскурсии, пешком или в автобусах, в отдаленные места или на барже вниз по реке, и читал лекции о более редких растениях и животных, за которыми наблюдал. Эти экскурсии были восхитительными.

Хотя, как мы сейчас увидим, в моей жизни в Кембридже были некоторые положительные моменты, мое время там было потрачено впустую, и хуже, чем впустую. Из-за моей страсти к стрельбе и охоте, а когда это не удалось, к верховой езде по стране, я попал в спортивную группу, включавшую нескольких рассеянных, недалеких молодых людей. Мы часто ужинали вместе по вечерам, хотя на этих ужинах часто присутствовали люди более высокого звания, и мы иногда слишком много выпивали, а потом весело пели и играли в карты. Я знаю, что мне должно быть стыдно за проведенные таким образом дни и вечера, но поскольку некоторые из моих друзей были очень приятными, и все мы были в прекрасном расположении духа, я не могу не оглядываться на те времена с большим удовольствием.

Но я рад думать, что у меня было много других друзей совершенно иного характера. Я был очень близок с Уитли (преподобный К. Уитли, почтенный. Каноник Даремский, ранее читавший курс натурфилософии в Даремском университете.), который впоследствии стал старшим рэнглером, и мы постоянно совершали вместе долгие прогулки. Он привил мне вкус к картинам и хорошим гравюрам, некоторые из которых я купил. Я часто ходил в галерею Фицуильяма, и у меня, должно быть, был довольно хороший вкус, потому что я, безусловно, восхищался лучшими картинами, которые обсуждал со старым куратором. Я также с большим интересом прочитал книгу сэра Джошуа Рейнольдса. Этот вкус, хотя и не был для меня естественным, сохранялся в течение нескольких лет, и многие картины в Национальной галерее в Лондоне

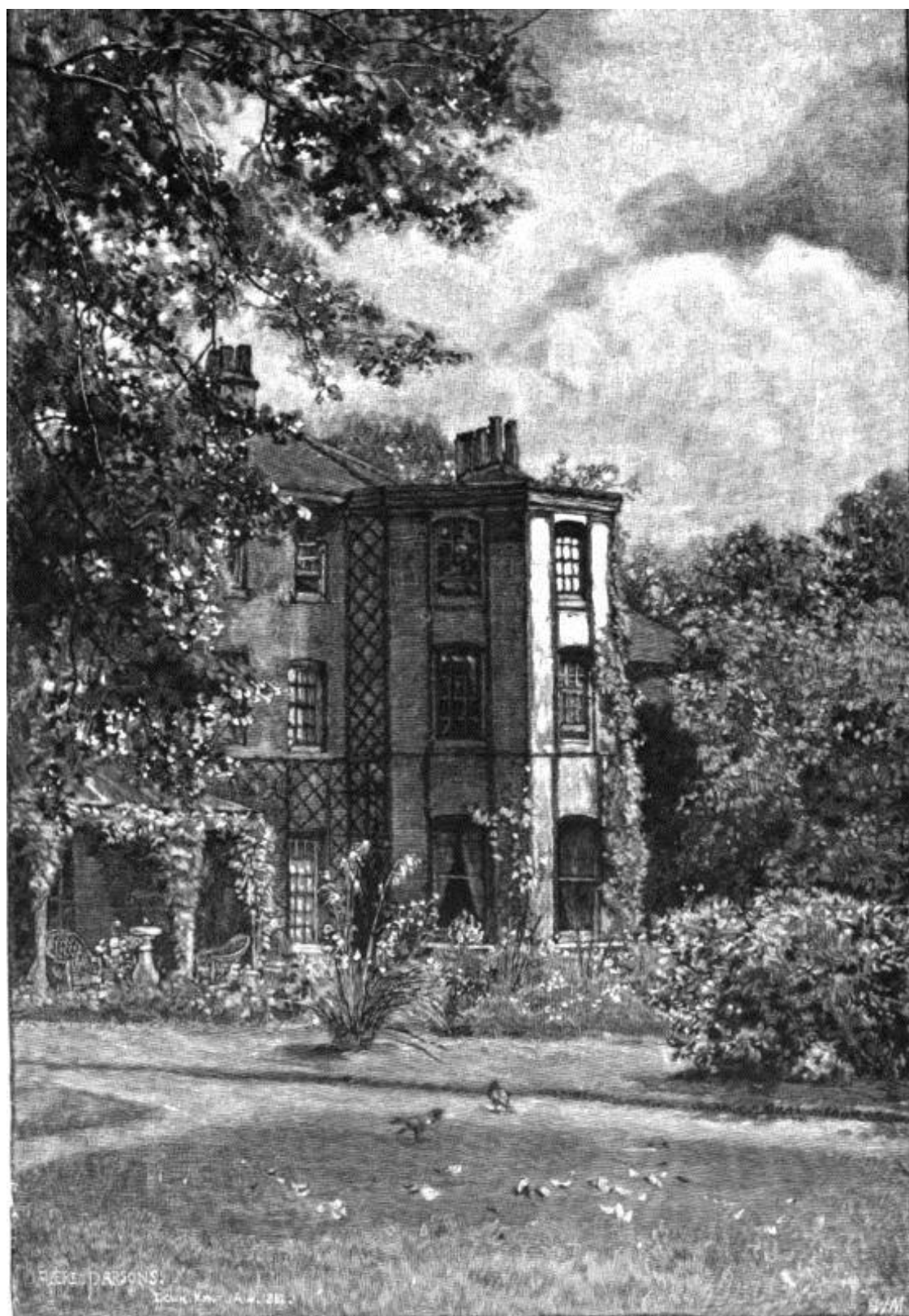
доставляли мне большое удовольствие; картина Себастьяна дель Пьомбо вызвала во мне чувство возвышенности.

Я также попал в музыкальную среду, полагаю, благодаря моему сердечному другу Герберту (покойный Джон Морис Герберт, судья окружного суда Кардиффа и округа Монмут), который получил высшее образование рэнглера. Общаясь с этими людьми и слушая их игру, я приобрел сильный вкус к музыке и очень часто планировал свои прогулки так, чтобы в будние дни слушать гимн в часовне Королевского колледжа. Это доставляло мне такое сильное удовольствие, что иногда у меня по спине пробегала дрожь. Я уверен, что в этом вкусе не было ни притворства, ни простого подражания, потому что обычно я ходил в Королевский колледж один и иногда нанимал мальчиков-хористов, чтобы они пели у меня в комнатах. Тем не менее я настолько лишен слуха, что не могу уловить диссонанс или правильно подобрать такт и напевать мелодию; и остается загадкой, как я мог получать удовольствие от музыки.

Мои друзья-музыканты вскоре заметили мое состояние и иногда забавлялись, заставляя меня сдавать экзамен, который заключался в выяснении, сколько мелодий я могу распознать, когда они исполняются быстрее или медленнее, чем обычно. "Боже, храни короля", сыгранная таким образом, представляла собой тяжелую головоломку. Был еще один человек с почти таким же плохим слухом, как у меня, и, как ни странно, он немного играл на флейте. Однажды я с триумфом победил его на одном из наших музыкальных экзаменов.

Но ни одному занятию в Кембридже я не занимался с таким рвением и не доставлял мне такого удовольствия, как коллекционирование жуков. Это была простая страсть к коллекционированию, потому что я не препарировал их и редко сравнивал их внешние характеристики с опубликованными описаниями, но все равно дал им названия. Я приведу доказательство своего рвения: однажды, сдирая старую кору, я увидел двух редких жуков и схватил по одному в каждую руку; затем я увидел третий, новый вид, потерять который я не мог, так что отправил в рот того, которого держал в правой руке. Увы! из него выделилась какая-то очень едкая жидкость, которая обожгла мне язык, так что я был вынужден выплюнуть жука, который пропал, как и третий.

Я очень преуспел в собирательстве и изобрел два новых метода; я нанял рабочего, который зимой соскребал мох со старых деревьев и складывал его в большой мешок, а также собирал мусор на дне барж, на которых привозят камыш с болот, и таким образом получил несколько очень редких видов. Ни один поэт никогда не испытывал большего восторга, увидев опубликованным свое первое стихотворение, чем я, увидев в "Иллюстрациях британских насекомых" Стивенса волшебные слова "захвачено К. Дарвином, эсквайром". С энтомологией меня познакомил мой троюродный брат У. Дарвин Фокс, умный и приятнейший человек, который тогда учился в колледже Христа и с которым я очень сблизился. Впоследствии я хорошо познакомился и занялся коллекционированием с Альбертом Уэем из Тринити, который со временем стал известным археологом; также с Х. Томпсон из того же колледжа, впоследствии ведущий агроном, председатель правления крупной железной дороги и член парламента. Таким образом, кажется, что пристрастие к коллекционированию жуков является неким признаком будущего успеха в жизни!

Я удивлен, какое неизгладимое впечатление произвели на меня многие из жуков, которых я поймал в Кембридже. Я могу точно вспомнить внешний вид определенных столбов, старых деревьев и берегов, где я сделал хороший снимок. Симпатичный *Panagaeus crix-major* в те дни был настоящим сокровищем, и здесь, в Дауне, я увидел жука, перебежавшего дорожку, и, взяв его в руки, сразу понял, что он немного отличается от *P. crix-major*, и оказалось, что это *P. quadripunctatus*, который является всего лишь разновидностью или близкородственным видом, очень незначительно отличающимся от него очертаниями. В те давние времена я никогда не видел живьем *Licinus*, который для необразованного глаза едва ли отличается от многих черных жуков-карабидос; но мои сыновья нашли здесь экземпляр, и я сразу понял, что для меня это в новинку; однако я не видел британских жуков последние двадцать лет.

Я еще не упомянул об обстоятельстве, которое повлияло на всю мою карьеру больше, чем любое другое. Это была моя дружба с профессором Хенслоу. До приезда в Кембридж я слышал о нем от моего брата как о человеке, знающем все отрасли науки, и поэтому был готов благоговеть перед ним. Раз в неделю он устраивал день открытых дверей, когда все студенты и некоторые пожилые сотрудники университета, которые были привязаны к науке, обычно собирались вечером. Вскоре я получил через Фокса приглашение и регулярно посещал его. Вскоре я хорошо познакомился с Хенслоу, и во второй половине моего пребывания в Кембридже почти каждый день совершал с ним длительные прогулки; так что некоторые преподаватели называли меня "человеком, который гуляет с Хенслоу"; а вечером меня очень часто приглашали присоединиться к его семейному ужину. Он обладал обширными познаниями в ботанике, энтомологии, химии, минералогии и геологии. Его самым сильным пристрастием было делать выводы на основе длительных подробных наблюдений. Его суждения были превосходны, а весь его ум хорошо уравновешен; но я не думаю, что кто-нибудь сказал бы, что он обладал большим оригинальным гением. Он был глубоко религиозен и настолько ортодоксален, что однажды сказал мне, что был бы огорчен, если бы хоть одно слово из Тридцати девяти статей было изменено. Его моральные качества были достойны восхищения во всех отношениях. Он был свободен от всякого намека на тщеславие или другие мелочные чувства; и я никогда не видел человека, который так мало думал бы о себе или своих собственных заботах. Характер у него был невозмутимо хороший, с самыми обаятельными и вежливыми манерами; и все же, как я видел, любой дурной поступок мог вызвать в нем самое горячее негодование и немедленные действия.

Однажды в его компании я наблюдал на улицах Кембриджа почти такую же ужасную сцену, какую можно было наблюдать во время Французской революции. Двое похитителей тел были арестованы, и, когда их везли в тюрьму, их оторвала от констебля толпа самых грубых людей, которые тащили их за ноги по грязной и каменистой дороге. Они были покрыты грязью с головы до ног, а их лица кровоточили либо от ударов ногами, либо от камней; они выглядели как трупы, но толпа была такой плотной, что я успел лишь несколько раз мельком увидеть этих несчастных созданий. Никогда в жизни я не видел такого гнева на лице человека, какой изобразил Хенслоу при этой ужасной сцене. Он неоднократно пытался пробиться сквозь толпу, но это было просто невозможно. Затем он помчался к мэру, сказав мне не следовать за ним, а позвать еще полицейских. Я забыл, в чем дело, за исключением того, что двое мужчин попали в тюрьму целыми и невредимыми.

Доброжелательность Хенслоу была безграничной, что он доказал своими многочисленными превосходными планами для своих бедных прихожан, когда в последующие годы он вел жизнь в

Хитчеми. Близость с таким человеком должна была принести мне неоценимую пользу, и я надеюсь, что принесла. Не могу удержаться, чтобы не упомянуть об одном незначительном инциденте, который продемонстрировал его доброе отношение. Рассматривая несколько пыльцевых зерен на влажной поверхности, я увидел, что трубки вытянуты, и немедленно помчался сообщить ему о своем удивительном открытии. Теперь я не думаю, что какой-либо другой профессор ботаники смог бы удержаться от смеха, увидев, что я пришел в такой спешке, чтобы сделать подобное сообщение. Но он согласился с тем, насколько интересным было это явление, и объяснил его значение, но дал мне ясно понять, насколько хорошо оно было известно; поэтому я ушел от него несколько не обиженный, а очень довольный тем, что сам открыл для себя столь замечательный факт, но решил больше не так спешить сообщать о своих открытиях.

Доктор Уэвелл был одним из пожилых и выдающихся людей, которые иногда навещали Хенслоу, и несколько раз я провожал его вечером домой. После сэра Дж. Макинтоша он был лучшим собеседником на серьезные темы, которого я когда-либо слушал. Леонард Дженинс (хорошо известный Соам Дженинс был двоюродным братом отца мистера Дженинса.), который впоследствии опубликовал несколько хороших эссе по естественной истории (мистер Дженинс (ныне Бломфилд) описал рыбу для журнала "Зоология бигля" и является автором длинной серии статей, в основном зоологических.), часто останавливался у Хенслоу, который был его шурином. Я навел его в доме священника на границе Болот [Swaffham Bulbeck], и у меня было много приятных прогулок и бесед с ним о естественной истории. Я также познакомился с несколькими другими мужчинами старше меня, которые не очень интересовались наукой, но были друзьями Хенслоу. Один из них был шотландцем, братом сэра Александра Рамзи и преподавателем колледжа Иисуса: он был восхитительным человеком, но прожил недолго. Другим был мистер Доуз, впоследствии декан Херефорда, прославившийся своими успехами в деле образования бедных. Эти люди и другие люди того же положения вместе с Хенслоу иногда совершали дальние экскурсии по стране, к которым мне разрешили присоединиться, и они были очень любезны.

Оглядываясь назад, я делаю вывод, что, должно быть, во мне было что-то немного превосходящее обычную молодежь, иначе вышеупомянутые мужчины, намного старше меня и занимающие более высокое академическое положение, никогда бы не позволили мне общаться с ними. Конечно, я не осознавал такого превосходства, и я помню, как один из моих друзей-спортсменов, Тернер, увидев меня за работой со своими жуками, сказал, что когда-нибудь я стану членом Королевского общества, и эта мысль показалась мне абсурдной.

В течение моего последнего года в Кембридже я с вниманием и глубоким интересом прочитал "Личное повествование" Гумбольдта. Эта работа и "Введение в изучение естественной философии" сэра Дж. Гершеля пробудили во мне горячее рвение внести даже самый скромный вклад в благородную структуру естествознания. Ни одна или дюжина других книг не повлияли на меня так сильно, как эти две. Я переписал из Гумбольдта длинные отрывки о Тенерифе и прочитал их вслух во время одной из вышеупомянутых экскурсий (я думаю) к Хенслоу, Рамзи и Доузу, поскольку в предыдущем случае я рассказывал о славе Тенерифа, и некоторые из участников заявили, что попытаются побывать там; но я думаю, что они были серьезны лишь наполовину. Однако я был настроен вполне серьезно и познакомился с лондонским торговцем, чтобы тот навел справки о кораблях; но план, конечно, был нарушен путешествием "Бигля".

Мои летние каникулы были посвящены коллекционированию жуков, чтению и коротким экскурсиям. Осенью все мое время было посвящено охоте, главным образом в Вудхаусе и Мэре, а иногда и с молодым Эйтоном из Эйтона. В целом три года, которые я провел в Кембридже, были самыми радостными в моей счастливой жизни, ибо я был тогда в отличном здравии и почти всегда в приподнятом настроении.

Поскольку я впервые приехал в Кембридж на Рождество, я был вынужден остаться на два семестра после сдачи выпускного экзамена в начале 1831 года; и тогда Хенслоу убедил меня начать изучение геологии. Поэтому по возвращении в Шропшир я изучил участки и раскрасил карту окрестностей Шрусбери. Профессор Седжвик намеревался посетить Северный Уэльс в начале августа, чтобы продолжить свои знаменитые геологические исследования среди более древних пород, и Хенслоу попросил его разрешить мне сопровождать его. (В связи с этим путешествием мой отец обычно рассказывал историю о Седжвике: однажды утром они вышли из гостиницы и прошли милю или две, когда Седжвик внезапно остановился и поклялся, что вернется, будучи уверенным, что "этот проклятый негодяй" (официант) не отдал горничной шесть пенсов, доверенных ему для этой цели. В конце концов его убедили отказаться от проекта, поскольку не было никаких оснований подозревать официанта в особом вероломстве. — Ф.Д.) Соответственно, он приехал и переночевал в доме моего отца.

Короткий разговор с ним в течение этого вечера произвел на меня сильное впечатление. При обследовании старого гравийного карьера недалеко от Шрусбери рабочий сказал мне, что он нашел в нем большую потертую тропическую спиралевидную раковину, такие можно увидеть на каминных трубах коттеджей; и поскольку он не захотел продавать раковину, я был убежден, что он действительно нашел ее в яме. Я рассказал об этом Седжвику, и он сразу же сказал (без сомнения, искренне), что это, должно быть, кто-то выбросил в яму; но затем добавил, что если бы это действительно было там заложено, это было бы величайшим несчастьем для геологии, поскольку это опровергло бы все, что мы знаем о поверхностных отложениях в графствах Мидленд. Эти отложения гравия на самом деле относятся к ледниковому периоду, и в последующие годы я находил в них разбитые арктические раковины. Но тогда я был крайне удивлен тем, что Седжвик не пришел в восторг от такого замечательного факта, как тропическая раковина, найденная у поверхности в центре Англии. Ничто прежде не заставляло меня до конца осознать, хотя я читал различные научные книги, что наука состоит в группировании фактов таким образом, чтобы из них можно было сделать общие законы или выводы.

На следующее утро мы отправились в Лланголлен, Конвей, Бангор и Кейпел-Куриг. Эта экскурсия была очень полезна для того, чтобы немного научить меня разбираться в геологии страны. Седжвик часто посылал меня по линии, параллельной его линии, говоря, чтобы я привез образцы горных пород и отметил расслоение на карте. Я почти не сомневаюсь, что он сделал это для моего блага, поскольку я был слишком невежествен, чтобы помочь ему. Во время этой экскурсии у меня был поразительный пример того, как легко упускать из виду явления, какими бы бросающимися в глаза они ни были, до того, как они были кем-либо замечены. Мы провели много часов в Cwm Idwal, с особой тщательностью исследуя все скалы, поскольку Седжвик стремился найти в них окаменелости; но ни один из нас не заметил ни малейшего следа чудесных ледниковых явлений вокруг нас; мы не заметили четко очерченных скал, насаженных валунов, боковых и конечных морен. И все же эти явления настолько бросаются в глаза, что, как я заявил в статье, опубликованной много лет спустя в "Философском журнале" ("Philosophical Magazine", 1842 г.), дом, сгоревший дотла в результате пожара, рассказывал

свою историю не более ясно, чем эта долина. Если бы он все еще был заполнен ледником, явления были бы менее отчетливыми, чем сейчас.

В Кейпел-Кьюриге я покинул Седжвик и направился по прямой линии по компасу и карте через горы в Бармут, никогда не следуя ни по какой тропе, если она не совпадала с моим курсом. Таким образом, я попал в несколько странных диких мест, и мне очень понравился такой способ путешествия. Я посетил Бармут, чтобы повидаться с несколькими кембриджскими друзьями, которые там читали, а оттуда вернулся в Шрусбери и в Мэртон на охоту; ибо в то время я считал бы себя безумцем, если бы отказался от первых дней охоты на куропаток ради геологии или какой-либо другой науки.

"ПУТЕШЕСТВИЕ "БИГЛЯ" С 27 декабря 1831 ГОДА По 2 октября 1836 ГОДА".

Вернувшись домой из моей короткой геологической поездки по Северному Уэльсу, я нашел письмо от Хенслоу, в котором сообщалось, что капитан Фиц-Рой готов уступить часть своей каюты любому молодому человеку, который добровольно отправится с ним бесплатно в качестве натуралиста в плавание на "Бигле". Я, как мне кажется, изложила в своем дневнике МИСС отчет обо всех обстоятельствах, которые тогда произошли; здесь я скажу только, что мне сразу же захотелось принять предложение, но мой отец решительно возражал, добавив, к счастью для меня, слова: "Если вы сможете найти любого здравомыслящего человека, который посоветует вам уехать, я дам свое согласие". Поэтому я написал в тот же вечер и отказался от предложения. На следующее утро я поехал в Маер, чтобы подготовиться к 1 сентября, и во время охоты мой дядя (Джосайя Веджвуд.) прислал за мной, предложив отвезти меня в Шрусбери и поговорить с моим отцом, поскольку мой дядя считал, что с моей стороны было бы мудро принять это предложение. Мой отец всегда утверждал, что он один из самых разумных людей в мире, и он сразу же согласился самым добрым образом. В Кембридже я был довольно расточителен и, чтобы утешить отца, сказал, что "с моей стороны было бы чертовски умно тратить больше, чем мне полагается, находясь на борту "Бигля""; но он ответил с улыбкой: "Но мне сказали, что ты очень умен".

На следующий день я отправился в Кембридж на встречу с Хенслоу, а оттуда в Лондон на встречу с Фиц-Роем, и вскоре все было устроено. Впоследствии, когда я очень сблизился с Фиц-Роем, я услышал, что очень рисковал быть отвергнутым из-за формы моего носа! Он был ревностным учеником Лафатера и был убежден, что может судить о характере человека по очертаниям его черт; и он сомневался, что кто-либо с моим носом мог обладать достаточной энергией и решимостью для путешествия. Но я думаю, что впоследствии он был вполне удовлетворен тем, что мой нос говорил неправду.

Характер Фиц-Роя был необычным, с очень многими благородными чертами: он был предан своему долгу, великодушен до безобразия, смел, решителен и неукротимо энергичен, а также горячим другом для всех, кто находился под его влиянием. Он взял бы на себя любые хлопоты, чтобы помочь тем, кто, по его мнению, заслуживал помощи. Он был красивым мужчиной, поразительно похожим на джентльмена, с в высшей степени вежливыми манерами, которые напоминали манеры его дяди по материнской линии, знаменитого лорда Каслри, как мне сказал министр в Рио. Тем не менее, он, должно быть, многое унаследовал в своей внешности от Карла II, потому что доктор Уоллих подарил мне коллекцию сделанных им фотографий, и я был поражен сходством одной из них с Фиц-Роем; и, взглянув на имя, я обнаружил, что это Ч. Э. Собески Стюарт, граф д'Альбани, потомок того же монарха.

Характер у Фиц-Роя был самый неудачный. Обычно хуже всего было ранним утром, и своим орлиным зрением он обычно мог заметить что-то неладное на корабле и тогда беспощадно обвинял его. Он был очень добр ко мне, но с ним было очень трудно ужиться в интимных отношениях, которые неизбежно вытекали из нашего общения наедине в одной каюте. У нас было несколько ссор; например, в начале путешествия в Баии, в Бразилии, он защищал и восхвалял рабство, которое я ненавидел, и рассказал мне, что он только что посетил крупного рабовладельца, который созвал многих своих рабов и спросил их, счастливы ли они и хотят ли быть свободными, и все ответили "Нет". Затем я спросил его, возможно, с насмешкой, считает ли он, что ответ рабов в присутствии их хозяина чего-то стоит? Это чрезвычайно разозлило его, и он сказал, что, поскольку я сомневаюсь в его словах, мы больше не сможем жить вместе. Я думал, что мне пришлось бы покинуть корабль; но как только новость распространилась, а это произошло быстро, поскольку капитан послал за первым лейтенантом, чтобы тот унял свой гнев, оскорбив меня, я был глубоко удовлетворен, получив приглашение от всех офицеров оружейной комнаты пообщаться с ними. Но через несколько часов Фиц-Рой проявил свое обычное великодушие, прислав ко мне офицера с извинениями и просьбой, чтобы я продолжал жить с ним.

Его характер был во многих отношениях одним из самых благородных, которые я когда-либо знал.

Путешествие на "Бигле" было, безусловно, самым важным событием в моей жизни и определило всю мою карьеру; и все же это зависело от такого незначительного обстоятельства, как предложение моего дяди отвезти меня за тридцать миль до Шрусбери, что сделали бы немногие дяди, и от такой мелочи, как форма моего носа. Я всегда чувствовал, что этому путешествию я обязан первой настоящей тренировкой своего ума; меня побудили внимательно изучить несколько разделов естественной истории, и таким образом моя наблюдательность улучшилась, хотя она всегда была достаточно развита.

Изучение геологии всех посещенных мест было гораздо важнее, поскольку здесь в игру вступают рассуждения. При первом обследовании нового района ничто не может показаться более безнадежным, чем хаос горных пород; но, фиксируя стратификацию и природу горных пород и окаменелостей во многих местах, всегда рассуждая и предсказывая, что будет найдено в другом месте, вскоре в районе начинает проливаться свет, и структура в целом становится более или менее понятной. Я захватил с собой первый том "Принципов геологии" Лайелла, который внимательно изучил; и эта книга оказала мне величайшую услугу во многих отношениях. Самое первое место, которое я осмотрел, а именно Сан-Яго на островах Зеленого Мыса, ясно показало мне удивительное превосходство подхода Лайелла к геологии по сравнению с подходом любого другого автора, чьи работы я имел при себе или когда-либо читал впоследствии.

Другим моим занятием было коллекционирование животных всех классов, краткое описание и грубое препарирование многих морских обитателей; но из-за неумения рисовать и недостаточных анатомических знаний огромная куча рукописей, которые я сделал во время путешествия, оказалась почти бесполезной. Таким образом, я потерял много времени, за исключением того, которое было потрачено на приобретение некоторых знаний о ракообразных, поскольку это пригодилось мне, когда в последующие годы я взялся за монографию о усоногих.

В течение некоторой части дня я вел свой Дневник и прилагал много усилий, тщательно и живо описывая все, что я видел; и это была хорошая практика. Мой дневник частично служил также письмами домой, а отдельные части отправлялись в Англию всякий раз, когда представлялась возможность.

Вышеупомянутые различные специальные занятия не имели, однако, никакого значения по сравнению с приобретенной мною затем привычкой к энергичному трудолюбию и сосредоточенному вниманию ко всему, чем бы я ни занимался. Все, о чем я думал или читал, имело непосредственное отношение к тому, что я видел или мог увидеть; и этот образ мыслей сохранялся в течение пяти лет путешествия. Я уверен, что именно это обучение позволило мне делать все, что я делал в науке.

Оглядываясь назад, теперь я могу понять, как моя любовь к науке постепенно взяла верх над любыми другими вкусами. В течение первых двух лет моя старая страсть к стрельбе сохранилась почти в полной силе, и я сам застрелил всех птиц и животных для своей коллекции; но постепенно я все больше и больше отказывался от своего ружья и, наконец, совсем передал его своему слуге, поскольку стрельба мешала моей работе, особенно изучению геологического строения страны. Я обнаружил, хотя и неосознанно, что удовольствие от наблюдения и рассуждений было гораздо выше, чем от мастерства и спорта. То, что мой ум развился благодаря моим занятиям во время путешествия, становится вероятным из замечания моего отца, который был самым проницательным наблюдателем из всех, кого я когда-либо видел, скептически настроенным и далеким от веры во френологию; ибо, впервые увидев меня после путешествия, он повернулся к моим сестрам и воскликнул: "Да ведь форма его головы совершенно изменилась".

Вернемся к путешествию. 11 сентября (1831 г.) мы с Фиц-Роем ненадолго посетили "Бигль" в Плимуте. Оттуда в Шрусбери, чтобы пожелать моему отцу и сестрам долгого прощания. 24 октября я поселился в Плимуте и оставался там до 27 декабря, когда "Бигль" наконец покинул берега Англии и отправился в кругосветное плавание. Мы предприняли две предыдущие попытки отплыть, но каждый раз были отброшены назад сильными штормами. Эти два месяца в Плимуте были самыми несчастными из всех, что я когда-либо проводил, хотя я прилагал различные усилия. Я был не в духе при мысли о том, что так надолго оставлю всю свою семью и друзей, и погода показалась мне невыразимо мрачной. Меня также беспокоили учащенное сердцебиение и боли в области сердца, и, подобно многим молодым невежественным людям, особенно с небольшими медицинскими познаниями, я был убежден, что у меня болезнь сердца. Я не обращался ни к какому врачу, так как полностью ожидал услышать вердикт о том, что я не годюсь для путешествия, и был полон решимости отправиться в путь во что бы то ни стало.

Мне нет необходимости здесь ссылаться на события путешествия — куда мы отправились и что делали, — поскольку я дал достаточно полный отчет в своем опубликованном дневнике. Великолепие тропической растительности встает перед моим мысленным взором в настоящее время ярче, чем что-либо другое; хотя чувство величия, которое вызвали во мне великие пустыни Патагонии и покрытые лесами горы Огненной Земли, произвело на меня неизгладимое впечатление. Вид обнаженного дикаря на его родной земле - это событие, которое никогда нельзя забыть. Многие из моих поездок верхом по диким странам или на лодках, некоторые из которых длились по несколько недель, были глубоко интересными: их неудобства и некоторая степень опасности вряд ли были недостатком в то время, а впоследствии и вовсе отсутствовали.

Я также с большим удовлетворением размышляю о некоторых своих научных работах, таких как решение проблемы коралловых островов и изучение геологического строения некоторых островов, например острова Святой Елены. Я также не должен обойти вниманием открытие своеобразного родства животных и растений, населяющих несколько островов Галапагосского архипелага, и всех их до единого с обитателями Южной Америки.

Насколько я могу судить о себе, я работал изо всех сил во время путешествия из простого удовольствия от исследования и из-за моего сильного желания добавить несколько фактов к огромной массе фактов естествознания. Но я также стремился занять достойное место среди ученых — более или менее амбициозно, чем большинство моих коллег, я не могу составить никакого мнения.

Геология Сан-Яго очень поразительна, но в то же время проста: поток лавы, некогда протекавший по морскому дну, образовался из растертых недавно раковин и кораллов, которые он превратил в твердую белую породу. С тех пор весь остров претерпел потрясения. Но линия белой скалы открыла мне новый и важный факт, а именно, что впоследствии вокруг кратеров, которые с тех пор действовали, произошло оседание грунта и излилась лава. Тогда меня впервые осенило, что я, возможно, мог бы написать книгу о геологии различных стран, которые посетил, и это заставило меня затрепетать от восторга. Это был незабываемый час для меня, и как отчетливо я могу вспомнить низкий утес из лавы, под которым я отдыхал, с палящим солнцем, несколькими диковинными пустынными растениями, растущими рядом, и живыми кораллами в приливных заводях у моих ног. Позже, во время путешествия, Фиц-Рой попросил меня почитать кое-что из моего дневника и заявил, что это стоило бы опубликовать; так что в перспективе появилась вторая книга!

Ближе к концу нашего путешествия, находясь в "Вознесении", я получил письмо, в котором мои сестры сообщили мне, что Седжвик навестил моего отца и сказал, что я должен занять место среди ведущих ученых. В то время я не мог понять, как он мог что-либо узнать о моих трудах, но я слышал (полагаю, впоследствии), что Хенслоу прочитал некоторые из писем, которые я написал ему перед Философским обществом Кембриджа (прочитал на собрании, состоявшемся 16 ноября 1835 г., и напечатал в виде брошюры на 31 странице для распространения среди членов Общества.), и распечатал их для частного распространения. Моя коллекция ископаемых костей, которая была отправлена в Хенслоу, также привлекла значительное внимание палеонтологов. Прочитав это письмо, я перелез через горы Вознесения скачущим шагом, и вулканические породы зазвучали под моим геологическим молотком. Все это показывает, насколько я был честолюбив; но я думаю, что могу с уверенностью сказать, что в последующие годы, хотя я в высшей степени заботился об одобрении таких людей, как Лайелл и Хукер, которые были моими друзьями, я не слишком заботился о широкой публике. Я не хочу сказать, что благоприятная рецензия или большая распродажа моих книг не доставляли мне особого удовольствия, но удовольствие было мимолетным, и я уверен, что я ни на дюйм не свернул со своего пути к славе.

ОТ МОЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В АНГЛИЮ (2 октября 1836 г.) До МОЕЙ ЖЕНИТЬБЫ (29 января 1839 г.)

Эти два года и три месяца были самыми активными из всех, которые я когда-либо проводил, хотя время от времени я чувствовал недомогание и поэтому потерял некоторое время. Проехав несколько раз взад и вперед между Шрусбери, Мэром, Кембрижем и Лондоном, 13 декабря я поселился в квартире в Кембридже (на Фицуильям-стрит), где все мои коллекции находились

под опекой Хенслоу. Я пробыл здесь три месяца и с помощью профессора Миллера исследовал свои минералы и горные породы.

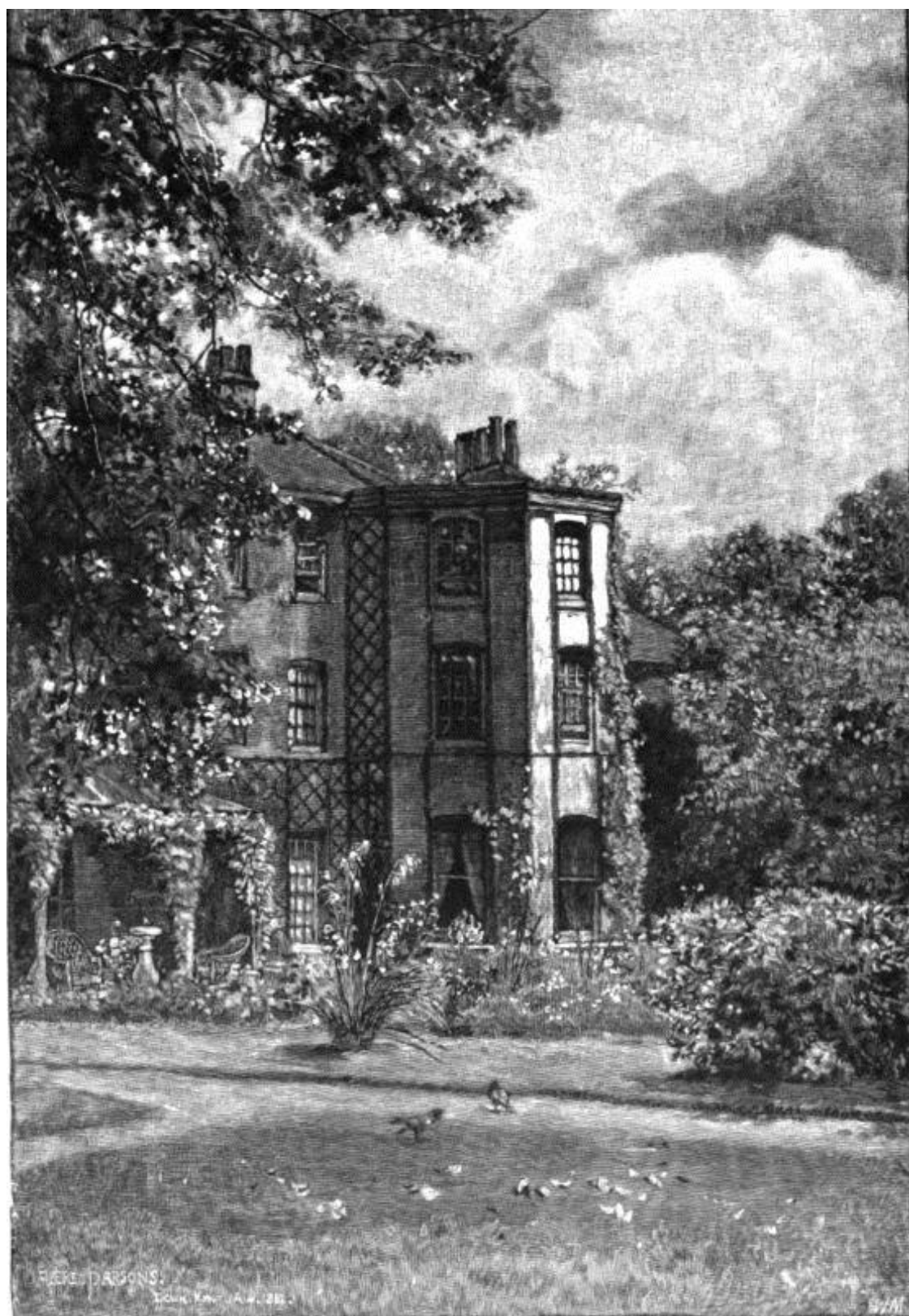
Я начал готовить свой "Дневник путешествий", что не было тяжелой работой, поскольку мой журнал MS. Journal был составлен с особой тщательностью, и моим главным трудом было составление аннотации моих наиболее интересных научных результатов. Я послал также, по просьбе Лайелла, краткий отчет о моих наблюдениях за возвышением побережья Чили в Геологическое общество. ('Geolog. Soc. Прок. ii. 1838, стр. 446-449.)

7 марта 1837 года я снял квартиру на Грейт-Мальборо-стрит в Лондоне и оставался там почти два года, пока не женился. В течение этих двух лет я закончил свой дневник, прочитал несколько докладов в Геологическом обществе, начал готовить рукопись моих "Геологических наблюдений" и организовал публикацию "Зоологии путешествия "Бигля"". В июле я открыл свою первую записную книжку для фактов, относящихся к происхождению видов, над которыми я долго размышлял и не переставал работать в течение следующих двадцати лет.

В течение этих двух лет я также немного бывал в обществе и выступал в качестве одного из почетных секретарей Геологического общества. Я много виделся с Лайеллом. Одной из его главных черт было сочувствие к работе других, и я был столь же удивлен, сколь ивосхищен интересом, который он проявил, когда по возвращении в Англию я объяснил ему свои взгляды на коралловые рифы. Это очень ободрило меня, и его советы и пример оказали на меня большое влияние. За это время я также часто виделся с Робертом Брауном; я часто заходил к нему и сидел с ним за завтраком по воскресеньям, и он изливал на меня богатый багаж любопытных наблюдений и острых замечаний, но они почти всегда касались незначительных моментов, и он никогда не обсуждал со мной большие или общие вопросы науки.

В течение этих двух лет я предпринял несколько коротких экскурсий для отдыха и одну более продолжительную - по параллельным дорогам Глен-Роя, отчет о которой был опубликован в "Философских трудах" (1839, стр. 39-82). Эта статья потерпела большой провал, и я стыжусь этого. Находясь под глубоким впечатлением от увиденного возвышения суши Южной Америки, я приписал параллельные линии действию моря; но мне пришлось отказаться от этой точки зрения, когда Агассис выдвинул свою теорию ледниковых озер. Поскольку при нашем тогдашнем уровне знаний никакое другое объяснение было невозможно, я высказался в пользу действий на море; и моя ошибка послужила мне хорошим уроком никогда не полагаться в науке на принцип исключения.

Поскольку я не мог весь день заниматься наукой, я много читал в течение этих двух лет по различным предметам, включая некоторые книги по метафизике; но я не был хорошо подготовлен к таким занятиям. Примерно в то же время я получил большое удовольствие от поэзии Вордсворта и Кольриджа и могу похвастаться, что прочел "Экскурсию" дважды. Раньше "Потерянный рай" Мильтона был моим самым любимым произведением, и во время экскурсий во время плавания "Бигля", когда я мог взять с собой только один том, я всегда выбирал Мильтона.

ОТ МОЕЙ ЖЕНИТЬБЫ 29 января 1839 года И ПРОЖИВАНИЯ На АППЕР-ГАУЭР-СТРИТ До НАШЕГО ОТЪЕЗДА ИЗ ЛОНДОНА И ПОСЕЛЕНИЯ В ДАУНЕ 14 сентября 1842 ГОДА.

(Рассказав о своей счастливой семейной жизни и своих детях, он продолжает:—)

За три года и восемь месяцев, пока мы жили в Лондоне, я проделал меньше научной работы, хотя и работал так усердно, как только мог, чем за любой другой равный промежуток времени в моей жизни. Это было вызвано часто повторяющимся недомоганием и одной продолжительной и серьезной болезнью. Большая часть моего времени, когда я мог что-либо делать, была посвящена моей работе над "Коралловыми рифами", которую я начал до замужества и последний корректурный лист которой был исправлен 6 мая 1842 года. Эта книга, хотя и небольшая, стоила мне двадцати месяцев напряженной работы, поскольку мне пришлось прочитать все работы по островам Тихого океана и свериться со множеством карт. Ученые высоко оценили его, и теория, изложенная в нем, я думаю, в настоящее время хорошо обоснована.

Ни одна другая моя работа не была начата в таком дедуктивном духе, как эта, поскольку вся теория была продумана на западном побережье Южной Америки, еще до того, как я увидел настоящий коралловый риф. Поэтому мне оставалось только подтвердить и расширить свои взгляды, тщательно изучив живые рифы. Но следует отметить, что в течение двух предыдущих лет я постоянно изучал последствия для берегов Южной Америки периодического поднятия суши вместе с денудацией и отложением наносов. Это неизбежно заставило меня много размышлять о последствиях оседания грунта, и в воображении было легко заменить продолжающееся отложение наносов ростом кораллов вверх. Для этого я сформировал свою теорию образования барьерных рифов и атоллов.

Помимо моей работы о коралловых рифах, во время моего пребывания в Лондоне я читал перед Геологическим обществом доклады об эрратических валунах Южной Америки ("Geolog. Soc. Proc." iii. 1842.), о землетрясениях ('Geolog. Пер. с англ., 1840.) и об образовании дождевыми червями плесени. ('Geolog. Soc. Proc. ii. 1838.) Я также продолжал руководить публикацией "Зоологии путешествия "Бигля"". Я также никогда не прерывал сбор фактов, касающихся происхождения видов; и иногда мне удавалось заниматься этим, когда я не мог заниматься ничем другим из-за болезни.

Летом 1842 года я был сильнее, чем когда-либо за последнее время, и предпринял небольшую самостоятельную поездку по Северному Уэльсу, чтобы понаблюдать за действием старых ледников, которые раньше заполняли все большие долины. Я опубликовал краткий отчет об увиденном в "Философском журнале" ("Philosophical Magazine", 1842). Эта экскурсия меня очень заинтересовала, и это был последний раз, когда у меня хватило сил подняться в горы или совершить длительные прогулки, необходимые для геологических работ.

В начале нашей жизни в Лондоне я был достаточно окрепшим, чтобы бывать в обществе, и часто встречался с несколькими учеными и другими более или менее выдающимися людьми. Я поделюсь своими впечатлениями относительно некоторых из них, хотя мне мало что стоит сказать.

Я видела Лайелла больше, чем любого другого мужчину, как до, так и после моего замужества. Его ум отличался, как мне показалось, ясностью, осторожностью, здравыми суждениями и значительной долей оригинальности. Когда я делал ему какие-либо замечания по геологии, он

никогда не успокаивался, пока не видел ясно все дело в целом, и часто заставлял меня видеть это яснее, чем я делал раньше. Он выдвигал все возможные возражения против моего предложения, и даже после того, как они были исчерпаны, они еще долго оставались сомнительными. Второй характерной чертой было его искреннее сочувствие к работам других ученых. (Наблюдаемое здесь небольшое повторение объясняется тем, что заметки о Лайелле и др. были добавлены в апреле 1881 г., через несколько лет после написания остальных "Воспоминаний".)

Вернувшись из плавания на "Бигле", я объяснил ему свои взгляды на коралловые рифы, которые отличались от его, и был очень удивлен и воодушевлен живым интересом, который он проявил. Его восхищение наукой было пламенным, и он испытывал живейший интерес к будущему прогрессу человечества. Он был очень добросердечным и совершенно либеральным в своих религиозных убеждениях, или, скорее, неверии; но он был убежденным теистом. Его искренность была в высшей степени замечательной. Он продемонстрировал это, обратившись к теории происхождения, хотя приобрел большую известность, выступив против взглядов Ламарка, и это после того, как состарился. Он напомнил мне, что много лет назад я сказал ему, обсуждая оппозицию старой школы геологов его новым взглядам: "Как было бы хорошо, если бы каждый ученый умирал в возрасте шестидесяти лет, поскольку впоследствии он наверняка выступал бы против всех новых доктрин". Но он надеялся, что теперь ему, возможно, позволят жить.

Наука Геология в огромном долгу перед Лайеллом — больше, как я полагаю, чем перед любым другим человеком, когда-либо жившим. Когда [я] отправлялся в плавание на "Бигле", проницательный Хенслоу, который, как и все другие геологи, верил в то время в последовательные катаклизмы, посоветовал мне достать и изучить первый том "Принципов", который тогда только что был опубликован, но ни в коем случае не принимать изложенные в нем взгляды. Насколько иначе кто-нибудь теперь говорил бы о "Принципах"! Я с гордостью вспоминаю, что первое место, а именно Сен-Яго на архипелаге Зеленого Мыса, где я занимался геологией, убедило меня в бесконечном превосходстве взглядов Лайелла над теми, которые отстаиваются в любой другой известной мне работе.

Мощное воздействие работ Лайелла раньше можно было ясно увидеть по различному прогрессу науки во Франции и Англии. Нынешнее полное забвение диких гипотез Эли де Бомона, таких как его "Кратеры возвышения" и "Линии возвышения" (я слышал, как Седжвик в Геологическом обществе превозносил последнюю гипотезу до небес), может быть в значительной степени приписано Лайелю.

Я много общался с Робертом Брауном, "поверхностным принцепсом Ботаникорума", как его называл Гумбольдт. Мне показалось, что он примечателен главным образом подробностью своих наблюдений и их совершенной точностью. Его знания были необычайно велики, и многое погибло вместе с ним из-за его чрезмерного страха когда-либо совершить ошибку. Он делился со мной своими знаниями самым откровенным образом, но в некоторых моментах был странно ревнив. Я заходил к нему два или три раза перед отплытием "Бигля", и однажды он попросил меня посмотреть в микроскоп и описать то, что я увидел. Я так и сделал, и теперь верю, что это были чудесные потоки протоплазмы в какой-то растительной клетке. Затем я спросил его, что я видел, но он ответил мне: "Это мой маленький секрет".

Он был способен на самые великодушные поступки. Состарившись, сильно ослабев и совершенно не способный ни к каким нагрузкам, он ежедневно навещал (как рассказывал мне Хукер) старика-слугу, который жил поодаль (и которого он содержал), и читал ему вслух. Этого достаточно, чтобы компенсировать любую степень научной скудости или ревности.

Я могу здесь упомянуть еще нескольких выдающихся людей, с которыми мне случалось встречаться, но мне нечего сказать о них, заслуживающих внимания. Я испытывал глубокое почтение к сэру Дж. Гершелю и был рад победать с ним в его очаровательном доме на мысе Доброй Надежды, а затем в его лондонском доме. Я видел его также несколько раз. Он никогда много не говорил, но к каждому его слову стоило прислушаться.

Однажды я встретил за завтраком в доме сэра Р. Мерчисона прославленного Гумбольдта, который оказал мне честь, выразив желание меня видеть. Я был немного разочарован этим великим человеком, но мои ожидания, вероятно, были слишком завышены. Я ничего отчетливо не помню о нашей беседе, кроме того, что Гумбольдт был очень весел и много говорил.

— напоминает мне Бакла, которого я однажды встретил у Хенсли Веджвуда. Я был очень рад перенять у него его систему сбора фактов. Он сказал мне, что купил все книги, которые прочитал, и составил к каждой полный указатель фактов, которые, по его мнению, могли бы оказаться ему полезными, и что он всегда мог вспомнить, в какой книге он что-либо читал, потому что у него была замечательная память. Я спросил его, как он мог сначала определить, какие факты могли бы пригодиться, и он ответил, что не знает, но им руководит своего рода инстинкт. Благодаря этой привычке составлять указатели он смог привести поразительное количество ссылок на всевозможные предметы, которые можно найти в его "Истории цивилизации". Эта книга показалась мне очень интересной, и я прочитал ее дважды, но сомневаюсь, что его обобщения чего-то стоят. Бакл был великим оратором, и я слушал, не произнося почти ни слова, да и не мог бы этого сделать, потому что он не оставлял пробелов. Когда миссис Фаррер начала петь, я вскочил и сказал, что должен ее послушать; после того, как я отошел, он повернулся к другу и сказал (как подслушал мой брат): "Ну, книги мистера Дарвина намного лучше, чем его разговоры".

Из других великих литераторов я однажды встретил Сидни Смита в доме Дина Милмана. В каждом его слове было что-то необъяснимо забавное. Возможно, отчасти это было связано с ожиданием, что его позабавят. Он говорил о леди Корк, которая тогда была очень старой. Это была та самая леди, которая, по его словам, однажды была так тронута одной из его благотворительных проповедей, что одолжила гинею у подруги, чтобы положить в тарелку. Теперь он сказал: "Принято считать, что мою дорогую старую подругу леди Корк упустили из виду", и сказал он это таким тоном, что никто ни на мгновение не усомнился в том, что он имел в виду, что его дорогую старую подругу упустил из виду дьявол. Как ему удалось выразить это, я не знаю.

Я также однажды встретил Маколея в доме лорда Стэнхоупа (историка), и поскольку за обедом был только один мужчина, у меня была прекрасная возможность послушать его беседу, и он был очень приятен. Он вообще не говорил слишком много; да и не мог такой человек говорить слишком много, пока позволял другим направлять ход его разговора, а он это действительно позволял.

Лорд Стэнхоуп однажды дал мне любопытное маленькое доказательство точности и полноты памяти Маколея: многие историки часто встречались в доме лорда Стэнхоупа и при обсуждении различных тем иногда расходились с Маколеем, а раньше они часто ссылались на какую-нибудь книгу, чтобы посмотреть, кто прав; но в последнее время, как заметил лорд Стэнхоуп, ни один историк никогда не брал на себя эту задачу, и все, что говорил Маколей, было окончательным.

В другой раз я встретился в доме лорда Стэнхоупа с одной из его компаний историков и других литераторов, и среди них были Мотли и Гроте. После ленча я почти час гулял с Гротом по Чивенинг-парку и был очень заинтересован его беседой и доволен простотой и отсутствием всякой претенциозности в его манерах.

Давным-давно я иногда обедал со старым графом, отцом историка; он был странным человеком, но то небольшое, что я знал о нем, мне очень понравилось. Он был откровенным, добродушным и приятным. У него были резкие черты лица, смуглый цвет лица, и вся его одежда, когда я его увидел, была коричневой. Казалось, он верил во все, что другим казалось совершенно невероятным. Однажды он сказал мне: "Почему бы тебе не бросить свою ерунду с геологией и зоологией и не обратиться к оккультным наукам!" Историк, в то время лорд Мэхон, казался шокированным такой речью, обращенной ко мне, а его очаровательная жена была очень удивлена.

Последний человек, которого я упомяну, - это Карлайл, которого я несколько раз видел в доме моего брата и два или три раза в моем собственном доме. Его речь была очень яркой и интересной, как и его труды, но иногда он слишком долго рассуждал на одну и ту же тему. Я помню забавный ужин у моего брата, на котором среди нескольких других были Бэббидж и Лайелл, оба любившие поболтать. Карлайл, однако, заставил всех замолчать, разглагольствуя в течение всего обеда о преимуществах тишины. После ужина Бэббидж в своей самой мрачной манере поблагодарил Карлайла за его очень интересную лекцию о безмолвии.

Карлайл насмехался почти над каждым: однажды в моем доме он назвал "Историю" Грота "зловонной трясиной, в которой нет ничего духовного". Я всегда думал, пока не появились его "Воспоминания", что его насмешки были отчасти шуткой, но сейчас это кажется довольно сомнительным. Выражение его лица было выражением подавленного, почти унылого, но в то же время доброжелательного человека; и общеизвестно, как искренне он смеялся. Я верю, что его доброжелательность была настоящей, хотя и запятнанной немалой долей ревности. Никто не может сомневаться в его необычайной способности рисовать картины вещей и людей — гораздо более яркие, как мне кажется, чем любые, нарисованные Маколеем. Были ли его изображения мужчин правдивыми - это другой вопрос.

Он был всемогущ в том, чтобы запечатлеть некоторые великие моральные истины в умах людей. С другой стороны, его взгляды на рабство были отвратительными. В его глазах сила была права. Его ум казался мне очень узким; даже если исключить все отрасли науки, которые он презирал. Меня поражает, что Кингсли говорил о нем как о человеке, хорошо приспособленном для продвижения науки. Он смеялся, презирая саму мысль о том, что такой математик, как Уэвелл, мог судить, как, по моему утверждению, мог судить он, о взглядах Гете на свет. Он считал в высшей степени нелепым, что кого-то должно волновать, движется ли ледник чуть быстрее или чуть медленнее, или движется вообще. Насколько я мог судить, я никогда не встречал человека с умом, столь плохо приспособленным для научных исследований.

Живя в Лондоне, я старался как можно регулярнее посещать собрания нескольких научных обществ и исполнял обязанности секретаря Геологического общества. Но такое посещение и обычное общество так плохо сказывались на моем здоровье, что мы решили жить в деревне, что нам обоим нравилось и в чем мы никогда не раскаивались.

ПРОЖИВАЛ В ДАУНЕ С 14 сентября 1842 ГОДА По НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ 1876 ГОДА.

После нескольких бесплодных поисков в Суррее и других местах мы нашли этот дом и купили его. Я был доволен разнообразием растительности, свойственным меловому району и столь непохожим на то, к чему я привык в Срединных графствах; и еще больше меня порадовали чрезвычайная тишина и деревенщина этого места. Однако это не такое уж уединенное место, как утверждает автор немецкого периодического издания, который говорит, что к моему дому можно подойти только по дороге для мулов! То, что мы устроились здесь, прекрасно сработало одним способом, которого мы не ожидали, а именно тем, что здесь очень удобно для частых визитов наших детей.

Мало кто мог бы прожить более уединенную жизнь, чем мы. Кроме коротких визитов в дома родственников, а иногда на море или еще куда-нибудь, мы никуда не ездили. В течение первой части нашего пребывания мы немного бывали в обществе и принимали здесь нескольких друзей; но мое здоровье почти всегда страдало от возбуждения, сильной дрожи и приступов рвоты, вызванных таким образом. Поэтому я был вынужден в течение многих лет отказываться от всех званных обедов; и это было для меня своего рода лишением, поскольку такие вечеринки всегда приводили меня в приподнятое настроение. По той же причине я смог пригласить сюда очень немногих знакомых ученых.

Моим главным удовольствием и единственным занятием на протяжении всей жизни была научная работа; и возбуждение от такой работы заставляет меня на время забыть или совсем прогоняет мой ежедневный дискомфорт. Поэтому мне нечего записывать в течение оставшейся части моей жизни, за исключением публикации нескольких моих книг. Возможно, стоит рассказать несколько подробностей о том, как они возникли.

НЕСКОЛЬКО МОИХ ПУБЛИКАЦИЙ.

В начале 1844 года были опубликованы мои наблюдения над вулканическими островами, посещенными во время плавания "Бигля". В 1845 году я приложил немало усилий, исправляя новое издание моего "Журнала исследований", которое первоначально было опубликовано в 1839 году как часть работы Фиц-Роя. Успех этой книги, моего первого литературного детища, всегда щекочет мое тщеславие больше, чем успех любой другой моей книги. Даже по сей день она стабильно продается в Англии и Соединенных Штатах и была переведена во второй раз на немецкий, французский и другие языки. Такой успех книги о путешествиях, особенно научной, спустя столько лет после ее первой публикации вызывает удивление. В Англии было продано десять тысяч экземпляров второго издания. В 1846 году были опубликованы мои "Геологические наблюдения над Южной Америкой". Я записываю в маленьком дневнике, который всегда вел, что мои три книги по геологии (включая "Коралловые рифы") потребовали четырех с половиной лет непрерывной работы; "и вот прошло десять лет с моего возвращения в Англию. Сколько времени я потерял из-за болезни?" Мне нечего сказать об этих трех книгах, кроме того, что, к моему удивлению, недавно потребовались новые издания. ("Геологические наблюдения", 2-е издание. 1876. "Коралловые рифы", 2-е издание. 1874.)

В октябре 1846 года я начал работать над "Усоногими". Находясь на побережье Чили, я обнаружил чрезвычайно любопытную форму, которая зарывалась в раковины *Concholepas* и которая так сильно отличалась от всех других усоногих, что мне пришлось сформировать новый подотряд для ее единственного получения. Недавно родственный род роющих был обнаружен на берегах Португалии. Чтобы понять строение моего нового Усоногого, мне пришлось исследовать и препарировать многие из распространенных форм; и это постепенно привело меня ко всей группе. Я упорно работал над этой темой в течение следующих восьми лет и в конце концов опубликовал два толстых тома (изданных Обществом Рэя), описывающих все известные ныне живущие виды, и два тонких кварто, посвященных вымершим видам. Я не сомневаюсь, что сэр Э. Литтон Бульвер имел в виду меня, когда представил в одном из своих романов профессора Лонга, написавшего два огромных тома о пиявках.

Хотя я работал над этой работой в течение восьми лет, все же я записываю в своем дневнике, что около двух лет из этого времени было потеряно из-за болезни. По этой причине я отправился в 1848 году на несколько месяцев в Малверн для водолечения, которое принесло мне много пользы, так что по возвращении домой я смог возобновить работу. Я был настолько нездоров, что, когда мой дорогой отец умер 13 ноября 1848 года, я не смог присутствовать на его похоронах или выступить в качестве одного из его душеприказчиков.

Моя работа по усоногим обладает, я думаю, значительной ценностью, поскольку, помимо описания нескольких новых и замечательных форм, я установил гомологию различных частей — я открыл цементирующий аппарат, хотя и совершил ужасную ошибку в отношении цементных желез — и, наконец, я доказал существование у определенных родов крошечных самцов, дополняющих гермафродитов и паразитирующих на них. Это последнее открытие, наконец, было полностью подтверждено, хотя в свое время одному немецкому писателю было угодно приписать весь этот рассказ моему богатому воображению. Усоногие образуют весьма разнообразную и трудную для классификации группу видов; и моя работа принесла мне значительную пользу, когда мне пришлось обсуждать в "Происхождении видов" принципы естественной классификации. Тем не менее, я сомневаюсь, что эта работа стоила того, чтобы потратить на нее столько времени.

С сентября 1854 года я посвящал все свое время приведению в порядок моей огромной стопки заметок, наблюдениям и экспериментам, связанным с трансмутацией видов. Во время плавания на "Бигле" я был глубоко впечатлен открытием в пампейской формации крупных ископаемых животных, покрытых панцирем, подобным панцирю существующих броненосцев; во-вторых, тем, как близкородственные животные сменяют друг друга при продвижении на юг по Континенту; и, в-третьих, южноамериканским характером большинства видов Галапагосского архипелага, и особенно тем, как они слегка различаются на каждом острове группы; ни один из островов не кажется очень древним в геологическом смысле.

Было очевидно, что подобные факты, как и многие другие, могут быть объяснены только исходя из предположения, что виды постепенно модифицируются; и эта тема не давала мне покоя. Но столь же очевидно, что ни действие окружающих условий, ни воля организмов (особенно в случае растений) не могут объяснить бесчисленные случаи, когда организмы всех видов прекрасно приспособлены к своему образу жизни — например, дятел или древесная лягушка лазают по деревьям, или семена разбрасываются крючками или перьями. Меня всегда сильно поражали подобные приспособления, и до тех пор, пока они не были объяснены, мне казалось

почти бесполезным пытаться доказать косвенными доказательствами, что виды были изменены.

После моего возвращения в Англию мне показалось, что, следуя примеру Лайеля в геологии и собирая все факты, которые каким-либо образом касаются изменчивости животных и растений в условиях одомашнивания и в природе, возможно, можно было бы пролить некоторый свет на весь предмет. Моя первая записная книжка была открыта в июле 1837 года. Я работал по истинно бэконовским принципам и без какой-либо теории собирал факты в массовом масштабе, особенно в отношении домашних растений, с помощью печатных запросов, бесед с опытными селекционерами и садовниками и обширного чтения. Когда я вижу список всевозможных книг, которые я прочитал и сделал рефераты, включая целые серии журналов и публикаций, я удивляюсь своей отрасли. Вскоре я понял, что отбор был краеугольным камнем успеха человека в создании полезных рас животных и растений. Но как отбор может быть применен к организмам, живущим в естественном состоянии, некоторое время оставалось для меня загадкой.

В октябре 1838 года, то есть через пятнадцать месяцев после того, как я начал свои систематические исследования, я случайно прочитал для развлечения "Мальтуса о народонаселении", и, будучи хорошо подготовленным к тому, чтобы оценить борьбу за существование, которая повсюду продолжается в результате длительных наблюдений за повадками животных и растений, мне сразу пришло в голову, что при таких обстоятельствах благоприятные вариации имели бы тенденцию сохраняться, а неблагоприятные - уничтожаться. Результатом этого стало бы образование новых видов. Итак, у меня наконец появилась теория, с помощью которой я мог работать; но я так стремился избежать предубеждений, что решил в течение некоторого времени не делать даже самого краткого наброска этой теории. В июне 1842 года я впервые позволил себе написать карандашом очень краткое изложение моей теории на 35 страницах; летом 1844 года оно было расширено до 230 страниц, которые я тщательно переписал и храню до сих пор.

Но в то время я упустил из виду одну проблему огромной важности; и меня поражает, если не считать принципа Колумба и его яйца, как я мог упустить из виду ее и ее решение. Эта проблема заключается в тенденции органических существ, происходящих от одного и того же происхождения, расходиться в характере по мере того, как они модифицируются. То, что они сильно разошлись, очевидно из того, каким образом виды всех видов могут быть отнесены к родам, роды - к семействам, семейства - к подотрядам и так далее; и я могу вспомнить то самое место на дороге, когда я ехал в своей карете, когда, к моей радости, решение пришло мне в голову; и это было много времени спустя после того, как я приехал в Даун. Решение, как я полагаю, заключается в том, что модифицированное потомство всех доминирующих и размножающихся форм имеет тенденцию адаптироваться ко многим и весьма разнообразным местам в природном хозяйстве.

В начале 1856 года Лайель посоветовал мне изложить свои взгляды довольно подробно, и я сразу же начал делать это в масштабе, в три-четыре раза превышающем тот, который был впоследствии использован в моем "Происхождении видов"; однако это было всего лишь резюме собранных мной материалов, и я выполнил примерно половину работы в этом масштабе. Но мои планы были нарушены, поскольку в начале лета 1858 года мистер Уоллес, который в то время находился на Малайском архипелаге, прислал мне эссе "О тенденции

разновидностей бесконечно отклоняться от исходного типа"; и это эссе содержало в точности ту же теорию, что и мое. Мистер Уоллес выразил пожелание, чтобы, если я буду хорошего мнения о его эссе, я отправил его Лайеллу для ознакомления.

Обстоятельства, при которых я согласился по просьбе Лайелла и Хукера опубликовать отрывок из моей рукописи вместе с письмом Эйсе Грей от 5 сентября 1857 года одновременно с эссе Уоллеса, приведены в "Журнале трудов Линнеевского общества", 1858, стр. 45. Сначала я очень не хотела соглашаться, так как думала, что мистер Уоллес может счесть мой поступок неоправданным, поскольку тогда я не знала, насколько великодушным и благородным был его нрав. Отрывок из моей рукописи и письмо Эйсе Грей не предназначались для публикации и были плохо написаны. Эссе мистера Уоллеса, с другой стороны, было превосходно изложено и совершенно ясно. Тем не менее, наши совместные постановки привлекли очень мало внимания, и единственное опубликованное сообщение о них, которое я могу вспомнить, было сделано профессором Хотонем из Дублина, чей вердикт гласил, что все новое в них было ложным, а то, что было правдой, было старым. Это показывает, насколько необходимо, чтобы любая новая точка зрения была объяснена достаточно подробно, чтобы привлечь внимание общественности.

В сентябре 1858 года по настоятельному совету Лайелла и Хукера я приступил к работе над томом о трансмутации видов, но часто прерывался из-за плохого самочувствия и коротких визитов в восхитительное водолечебное заведение доктора Лейна в Мур-парке. Я сделал абстрагирование рукописи, начатой в гораздо большем масштабе в 1856 году, и завершил том в том же уменьшенном масштабе. Это стоило мне тринадцати месяцев и десяти дней тяжелого труда. Она была опубликована под названием "Происхождение видов" в ноябре 1859 года. Хотя в более поздних изданиях она была значительно дополнена и исправлена, по сути, она осталась той же книгой.

Без сомнения, это главная работа в моей жизни. С самого начала она пользовалась большим успехом. Первый небольшой тираж в 1250 экземпляров был продан в день публикации, а вскоре вышло второе издание в 3000 экземпляров. К настоящему времени (1876 год) в Англии продано шестнадцать тысяч экземпляров; и, учитывая, насколько это тяжелая книга, это крупная распродажа. Она была переведена почти на все европейские языки, даже на такие языки, как испанский, чешский, польский и русский. Он также, по словам мисс Берд, был переведен на японский (мисс Берд ошибается, как я узнал от профессора. Мицукури. — Ф.Д.), и там его много изучают. По этому поводу появилось даже эссе на иврите, показывающее, что теория содержится в Ветхом Завете! Рецензий было очень много; некоторое время я собирал все, что появлялось в "Происхождении" и связанных с ним книгах, и их количество (без учета газетных рецензий) достигло 265; но через некоторое время я в отчаянии оставил эту попытку. Появилось много отдельных эссе и книг на эту тему; а в Германии каждый год или два выходит каталог или библиография по "дарвинизму".

Успех "Происхождения", как мне кажется, можно во многом объяснить тем, что я задолго до этого написал два сжатых наброска и, наконец, сделал абстрагирование от гораздо более объемной рукописи, которая сама по себе была рефератом. Таким образом, я получил возможность отобрать наиболее поразительные факты и выводы. Кроме того, в течение многих лет я следовал золотому правилу, а именно: всякий раз, когда мне попадался опубликованный факт, новое наблюдение или мысль, противоречащие моим общим результатам, я непременно и

немедленно записывал это на память; ибо я по опыту убедился, что такие факты и мысли гораздо более склонны ускользать из памяти, чем благоприятные. Благодаря этой привычке, против моих взглядов было выдвинуто очень мало возражений, которых я, по крайней мере, не заметил и не попытался ответить.

Иногда говорили, что успех "Происхождения" доказал, "что тема витала в воздухе", или "что умы людей были подготовлены к ней". Я не думаю, что это строго верно, поскольку я время от времени обращался к нескольким натуралистам и ни разу не встретил ни одного, кто, казалось, сомневался бы в постоянстве видов. Даже Лайелл и Хукер, хотя и слушали меня с интересом, похоже, никогда не соглашались. Я раз или два пытался объяснить способным людям, что я подразумеваю под естественным отбором, но явно потерпел неудачу. Что, по моему мнению, было строго верно, так это то, что бесчисленные хорошо наблюдаемые факты хранились в умах натуралистов, готовые занять подходящие им места, как только любая теория, которая могла бы их принять, была достаточно объяснена. Другим фактором успеха книги был ее умеренный размер; и этим я обязан появлению эссе мистера Уоллеса; если бы я опубликовал его в том масштабе, в каком начал писать в 1856 году, книга была бы в четыре или пять раз больше "Происхождения", и у очень немногих хватило бы терпения прочитать ее.

Я многое выиграл, отложив публикацию примерно с 1839 года, когда теория была четко сформулирована, до 1859 года; и я ничего не потерял от этого, поскольку меня очень мало заботило, кому люди приписывают наибольшую оригинальность - мне или Уоллесу; и его эссе, без сомнения, помогло воспринять теорию. Я был опережен только в одном важном пункте, о котором мое тщеславие всегда заставляло меня сожалеть, а именно в объяснении с помощью ледникового периода присутствия одних и тех же видов растений и некоторых немногих животных на отдаленных горных вершинах и в арктических регионах. Эта точка зрения так понравилась мне, что я подробно изложил ее, и я полагаю, что Хукер прочитал ее за несколько лет до того, как Э. Форбс опубликовал свои знаменитые мемуары ("Geolog. Обзорная заметка, 1846.) по этому вопросу. В очень немногих пунктах, в которых мы расходились, я все еще думаю, что был прав. Я, конечно, никогда не упоминал в печати о том, что самостоятельно выработал эту точку зрения.

Едва ли какой-либо пункт доставлял мне столько удовлетворения, когда я работал над "Происхождением", как объяснение большого различия во многих классах между эмбрионом и взрослым животным и близкого сходства эмбрионов внутри одного и того же класса. Насколько я помню, в ранних рецензиях на "Происхождение" на этот момент не было обращено никакого внимания, и я помню, как выражал свое удивление по этому поводу в письме Эйсе Грею. В последние годы несколько рецензентов полностью отдали должное Фрицу Мюллеру и Хакелю, которые, несомненно, разработали это гораздо более полно и в некоторых отношениях более правильно, чем я. У меня были материалы для целой главы по этому предмету, и мне следовало бы сделать обсуждение более продолжительным; ибо ясно, что мне не удалось произвести впечатление на моих читателей; и тот, кому это удастся, заслуживает, по моему мнению, всяческих похвал.

Это заставляет меня заметить, что мои рецензенты почти всегда относились ко мне честно, игнорируя тех, кто не обладает научными знаниями, как не заслуживающих внимания. Мои взгляды часто грубо искажались, вызывали резкие возражения и насмешки, но в целом это делалось, как я полагаю, добросовестно. В целом я не сомневаюсь, что мои работы снова и

снова сильно переоценивались. Я рад, что мне удалось избежать споров, и этим я обязан Лайеллю, который много лет назад, ссылаясь на мои геологические работы, настоятельно посоветовал мне никогда не ввязываться в полемику, поскольку это редко приносило какую-либо пользу и приводило к ужасной потере времени и самообладания.

Всякий раз, когда я обнаруживал, что допустил грубую ошибку или что моя работа была несовершенной, и когда меня презрительно критиковали, и даже когда меня перехваливали, так что я чувствовал себя униженным, для меня было величайшим утешением сотни раз сказать себе: "Я работал так усердно и так хорошо, как только мог, и никто не может сделать большего". Я помню, как в бухте Хорошего Успеха, на Огненной Земле, я думал (и, я полагаю, написал домой об этом), что не могу найти лучшего применения своей жизни, чем внести небольшой вклад в естественные науки. Я сделал это в меру своих способностей, и критики могут говорить все, что им заблагорассудится, но они не могут разрушить это убеждение.

В течение двух последних месяцев 1859 года я был полностью занят подготовкой второго издания "Происхождения" и огромной перепиской. 1 января 1860 года я начал приводить в порядок свои заметки для моей работы над "Изменчивостью животных и растений при доместикации", но она не была опубликована до начала 1868 года; задержка была вызвана частично частыми болезнями, одна из которых длилась семь месяцев, а частично искушением опубликовать статьи на другие темы, которые в то время интересовали меня больше.

15 мая 1862 года была опубликована моя маленькая книга "Удобрение орхидей", которая стоила мне десяти месяцев работы: большая часть фактов медленно накапливалась в течение нескольких предыдущих лет. Летом 1839 года и, я полагаю, в течение предыдущего лета я был вынужден заняться перекрестным оплодотворением цветов с помощью насекомых, поскольку в своих размышлениях о происхождении видов пришел к выводу, что скрещивание играет важную роль в сохранении видовых форм постоянными. Я уделял этому предмету более или менее пристальное внимание в течение каждого последующего лета; и мой интерес к нему значительно усилился после того, как в ноябре 1841 года по совету Роберта Брауна приобрел и прочитал экземпляр замечательной книги К. К. Шпренгеля "Об истории природы". В течение нескольких лет до 1862 года я специально занимался удобрением наших британских орхидей; и мне показалось, что лучше всего подготовить как можно более полный трактат об этой группе растений, чем использовать огромную массу материала, который я использовал. Я медленно собирал урожай по отношению к другим растениям.

Мое решение оказалось мудрым, поскольку с момента выхода моей книги появилось удивительное количество статей и отдельных работ по удобрению всех видов цветов, и они выполнены гораздо лучше, чем я мог бы сделать. Заслуги бедного старого Шпренгеля, о которых так долго забывали, теперь полностью признаны спустя много лет после его смерти.

В том же году я опубликовал в "Журнале Линнеевского общества" статью "О двух формах, или диморфном состоянии примулы", а в течение следующих пяти лет - еще пять статей о диморфных и триморфных растениях. Я не думаю, что что-либо в моей научной жизни приносило мне столько удовлетворения, как понимание значения строения этих растений. Я заметил в 1838 или 1839 году диморфизм *Linum flavum* и сначала подумал, что это просто случай незначительной изменчивости. Но, изучив распространенный вид *Primula*, я обнаружил, что эти две формы были слишком правильными и постоянными, чтобы рассматривать их таким образом. Поэтому я был почти убежден, что борщевик обыкновенный и примула находятся на

пути к тому, чтобы стать двудомными; что короткий пестик у одной формы и короткие тычинки у другой имеют тенденцию к выкидышу. Поэтому с этой точки зрения растения были подвергнуты испытаниям; но как только было обнаружено, что цветки с короткими пестиками, оплодотворенные пылью коротких тычинок, дают больше семян, чем любой другой из четырех возможных союзов, теория аборта была опровергнута. После некоторого дополнительного эксперимента стало очевидно, что обе формы, хотя и были совершенными гермафродитами, находились в почти таком же отношении друг к другу, как два пола обычного животного. С *Lythrum* мы имеем еще более замечательный случай трех форм, стоящих в сходном отношении друг к другу. Впоследствии я обнаружил, что потомство от союза двух растений, принадлежащих к одним и тем же формам, представляет собой близкую и любопытную аналогию с гибридами от союза двух различных видов.

Осенью 1864 года я закончил длинную статью о "Вьющихся растениях" и отправил ее в Линнеевское общество. Написание этой статьи стоило мне четырех месяцев; но мне было так плохо, когда я получил корректурные листы, что я был вынужден оставить их очень скверными и часто с неясными выражениями. Статья была мало замечена, но когда в 1875 году ее исправили и опубликовали отдельной книгой, она хорошо продавалась. Меня побудило заняться этой темой чтение короткой статьи Эйсы Грея, опубликованной в 1858 году. Он прислал мне семена, и при выращивании некоторых растений я был настолько очарован и озадачен вращательными движениями усиков и стеблей, которые на самом деле очень просты, хотя на первый взгляд кажутся очень сложными, что приобрел различные другие виды вьющихся растений и изучил весь предмет. Меня это привлекло тем более, что я был совсем не удовлетворен объяснением, которое Хенслоу дал нам в своих лекциях о вьющихся растениях, а именно о том, что они имеют естественную тенденцию расти в виде шпиль. Это объяснение оказалось совершенно ошибочным. Некоторые приспособления, демонстрируемые вьющимися растениями, столь же прекрасны, как и у орхидей, для обеспечения перекрестного оплодотворения.

Моя книга "Разновидности животных и растений при одомашнивании" была начата, как уже говорилось, в начале 1860 года, но опубликована только в начале 1868 года. Это была большая книга, которая стоила мне четырех лет и двух месяцев напряженного труда. В ней приведены все мои наблюдения и огромное количество фактов, собранных из различных источников, о наших отечественных производствах. Во втором томе причины и законы вариации, наследования и т.д. обсуждаются настолько, насколько позволяет наш нынешний уровень знаний. Ближе к концу работы я излагаю свою изрядно потрепанную гипотезу Пангенезиса. Непроверенная гипотеза имеет малую ценность или вообще не имеет никакой ценности; но если впоследствии кого-нибудь побудят сделать наблюдения, с помощью которых можно было бы установить какую-либо подобную гипотезу, я окажу хорошую услугу, поскольку таким образом можно связать воедино и сделать понятным поразительное количество разрозненных фактов. В 1875 году вышло второе и в значительной степени исправленное издание, которое стоило мне большого труда.

Мое "Происхождение человека" было опубликовано в феврале 1871 года. Как только я, в 1837 или 1838 году, убедился, что виды являются изменчивыми производными, я не мог отделаться от убеждения, что человек должен подчиняться тому же закону. Соответственно, я собирал заметки на эту тему для собственного удовлетворения, а не в течение длительного времени с каким-либо намерением опубликовать. Хотя в "Происхождении видов" происхождение какого-либо конкретного вида никогда не обсуждается, все же я подумал, что будет лучше, чтобы ни

один уважаемый человек не обвинил меня в сокрытии моих взглядов, добавить, что эта работа "прольет свет на происхождение человека и его историю". Было бы бесполезно и вредно для успеха книги выставять напоказ, не приводя никаких доказательств, мою убежденность в отношении его происхождения.

Но когда я обнаружил, что многие натуралисты полностью принимают доктрину эволюции видов, мне показалось целесообразным подготовить те заметки, которые у меня были, и опубликовать специальный трактат о происхождении человека. Я был тем более рад сделать это, что это дало мне возможность полностью обсудить половой отбор — тему, которая всегда меня очень интересовала. Эта тема и тема изменчивости наших домашних растений, вместе с причинами и законами изменчивости, наследования и скрещивания растений, являются единственными темами, о которых я смог написать полностью, чтобы использовать все материалы, которые я собрал. На написание "Происхождения человека" у меня ушло три года, но затем, как обычно, часть этого времени была потеряна из-за плохого самочувствия, а часть была потрачена на подготовку новых изданий и других второстепенных работ. Второе и в значительной степени исправленное издание "Нисхождения" появилось в 1874 году.

Моя книга "Выражение эмоций у людей и животных" была опубликована осенью 1872 года. Я намеревался посвятить этому предмету только главу в "Происхождении человека", но как только я начал собирать свои заметки воедино, я увидел, что для этого потребуется отдельный трактат.

Мой первый ребенок родился 27 декабря 1839 года, и я сразу же начала делать заметки о первых проявлениях различных выражений его лица, поскольку даже в этот ранний период я была убеждена, что все самые сложные и тонкие оттенки выражения должны были иметь постепенное и естественное происхождение. Летом следующего, 1840 года я прочитал замечательную работу сэра К. Белла "О выражении", и это значительно усилило интерес, который я испытывал к предмету, хотя я совсем не мог согласиться с его убеждением, что различные мышцы были специально созданы для выражения. С этого времени я время от времени обращал внимание на эту тему, как в отношении человека, так и наших домашних животных. Моя книга была в основном распродана; 5267 экземпляров были распроданы в день публикации.

Летом 1860 года я бездельничал и отдыхал неподалеку от Хартфилда, где в изобилии произрастают два вида *Drosera*; и я заметил, что листья захватили множество насекомых. Я принес домой несколько растений и, раздавая их насекомым, увидел движения щупалец, и это навело меня на мысль, что насекомые, вероятно, были пойманы для какой-то особой цели. К счастью, мне пришло в голову важное испытание - поместить большое количество листьев в различные азотистые и неазотистые жидкости одинаковой плотности; и как только я обнаружил, что только первое вызывает энергичные движения, стало очевидно, что это прекрасное новое поле для исследований.

В последующие годы, когда у меня появлялся досуг, я продолжал свои эксперименты, и моя книга "Насекомоядные растения" была опубликована в июле 1875 года, то есть через шестнадцать лет после моих первых наблюдений. Задержка в этом случае, как и со всеми другими моими книгами, была для меня большим преимуществом, поскольку человек после долгого перерыва может критиковать свою собственную работу почти так же хорошо, как если бы это была работа другого человека. Тот факт, что растение при надлежащем возбуждении

выделяет жидкость, содержащую кислоту и ферменты, очень похожие на пищеварительную жидкость животного, был, безусловно, замечательным открытием.

Осенью 1876 года я опубликую "Влияние скрещивания и самооплодотворения в растительном царстве". Эта книга станет дополнением к книге "Удобрение орхидей", в которой я показал, насколько совершенны средства для перекрестного оплодотворения, и здесь я покажу, насколько важны полученные результаты. Простое случайное наблюдение побудило меня в течение одиннадцати лет проводить многочисленные эксперименты, описанные в этом томе; и действительно, потребовалось повторить этот случай, прежде чем мое внимание было полностью привлечено к замечательному факту, что сеянцы самоопыляемого происхождения уступают, даже в первом поколении, по высоте и силе сеянцам перекрестноопыляемого происхождения. Я надеюсь также переиздать исправленное издание моей книги об орхидеях, а в дальнейшем - мои статьи о диморфных и триморфных растениях вместе с некоторыми дополнительными наблюдениями по смежным вопросам, которые у меня никогда не было времени привести в порядок. Тогда мои силы, вероятно, иссякнут, и я буду готов воскликнуть "Nunc dimittis".

НАПИСАНО 1 мая 1881 года.

"Эффекты скрещивания и самооплодотворения" были опубликованы осенью 1876 года; и полученные в них результаты объясняют, как я полагаю, бесконечные и удивительные приспособления для переноса пыльцы с одного растения на другое того же вида. Однако теперь я полагаю, главным образом на основании наблюдений Германа Мюллера, что мне следовало более решительно настаивать на многочисленных приспособлениях для самооплодотворения, хотя я был хорошо осведомлен о многих таких приспособлениях. Значительно расширенное издание моей книги "Удобрение орхидей" вышло в свет в 1877 году.

В том же году вышла книга "Различные формы цветов и т. Д.", А в 1880 году - второе издание. Эта книга состоит в основном из нескольких статей о гетеростилированных цветах, первоначально опубликованных Линнеевским обществом, исправленных, с добавлением большого количества нового материала, а также наблюдений за некоторыми другими случаями, когда одно и то же растение имеет два вида цветков. Как я уже отмечал, ни одно мое маленькое открытие никогда не доставляло мне такого удовольствия, как разгадывание значения разнотипных цветов. Результаты незаконного скрещивания таких цветов я считаю очень важными, поскольку они влияют на стерильность гибридов; хотя эти результаты были замечены лишь несколькими людьми.

В 1879 году у меня был опубликован перевод книги доктора Эрнста Краузе "Жизнь Эразмуса Дарвина", и я добавил очерк его характера и привычек из имеющихся у меня материалов. Многие люди были очень заинтересованы в этой маленькой жизни, и я удивлен, что было продано всего 800 или 900 экземпляров.

В 1880 году я опубликовал с помощью [моего сына] Фрэнка нашу книгу "Сила движения растений". Это была сложная работа. Книга имеет примерно такое же отношение к моей маленькой книге о "Вьющихся растениях", какое "Перекрестное оплодотворение" имело к "Оплодотворению орхидей"; ибо в соответствии с принципом эволюции было невозможно объяснить, почему вьющиеся растения развились в стольких совершенно разных группах, если только все виды растений не обладают некоторой небольшой способностью к движению

аналогичного рода. Я доказал, что это так; и далее меня привели к довольно широкому обобщению, а именно. что все великие и важные классы движений, возбуждаемых светом, притяжением силы тяжести и т.д., являются модифицированными формами фундаментального движения кругосветки. Мне всегда нравилось возвышать растения на шкале организованных существ; и поэтому я испытывал особое удовольствие, показывая, сколькими восхитительно приспособленными движениями обладает кончик корня.

Сейчас (1 мая 1881 г.) я отправил в типографию рукопись небольшой книги "Образование растительной плесени под действием червей". Это предмет небольшой важности, и я не знаю, заинтересует ли он кого-нибудь из читателей (с ноября 1881 по февраль 1884 года было продано 8500 экземпляров), но меня он заинтересовал. Это завершение короткого доклада, прочитанного в Геологическом обществе более сорока лет назад, который возродил старые геологические мысли.

Теперь я перечислил все книги, которые я опубликовал, и они стали вехами в моей жизни, так что сказать осталось немного. Я не замечаю никаких изменений в своем сознании за последние тридцать лет, за исключением одного момента, который сейчас будет упомянут; да и вообще, каких-либо изменений нельзя было ожидать, если не общего ухудшения состояния. Но мой отец дожил до восьмидесяти трех лет, и ум его был таким же живым, как всегда, и все его способности не были затуманены; и я надеюсь, что смогу умереть прежде, чем мой разум ослабеет до разумной степени. Я думаю, что я стал немного более искусен в угадывании правильных объяснений и в разработке экспериментальных тестов; но это, вероятно, может быть результатом простой практики и большего запаса знаний. Мне, как всегда, трудно выражать свои мысли ясно и сжато; и эта трудность привела меня к очень большой потере времени; но она имела компенсирующее преимущество, заставляя меня долго и сосредоточенно думать над каждым предложением, и таким образом я был вынужден видеть ошибки в рассуждениях и в моих собственных наблюдениях или наблюдениях других.

Кажется, что в моем сознании есть своего рода фатальность, заставляющая меня поначалу облекать свое утверждение или пропозицию в неправильную или неуклюжую форму. Раньше я обычно обдумывал свои предложения, прежде чем записывать их; но за несколько лет я обнаружил, что это экономит время - исписывать мерзким почерком целые страницы так быстро, как только возможно, сокращая половину слов; а затем намеренно исправлять. Предложения, нацарапанные таким образом, часто получаются лучше, чем я мог бы написать намеренно.

Сказав так много о моей манере письма, я добавлю, что с моими большими книгами я трачу много времени на общее изложение материала. Сначала я делаю самый грубый набросок на двух или трех страницах, а затем более объемный на нескольких страницах, в нескольких словах или одном слове, обозначающем целое обсуждение или серию фактов. Каждый из этих заголовков снова расширен и часто переносится, прежде чем я начну писать подробно. Поскольку в нескольких моих книгах очень широко использовались факты, замеченные другими, и поскольку у меня всегда в руках было несколько совершенно разных тем одновременно, я могу упомянуть, что храню от тридцати до сорока больших папок в шкафах с полками с этикетками, в которые я могу сразу поместить отдельную справку или меморандум. Я купил много книг и в конце их составляю указатель всех фактов, касающихся моей работы; или, если книга не моя, выписываю отдельную аннотацию, и таких аннотаций у меня полон большой

ящик. Прежде чем приступить к какому-либо предмету, я просматриваю всекраткие указатели и составляю общий и классифицированный указатель, и, взяв одно или несколько подходящих портфолио, я готовлю к использованию всю информацию, собранную за мою жизнь.

Я уже говорил, что в одном отношении мое мнение изменилось за последние двадцать или тридцать лет. До тридцати лет или после этого поэзия многих видов, такая как произведения Мильтона, Грея, Байрона, Вордсворта, Кольриджа и Шелли, доставляла мне огромное удовольствие, и даже будучи школьником, я испытывал огромное наслаждение от Шекспира, особенно от исторических пьес. Я также говорил, что раньше картины доставляли мне большое удовольствие, а музыка - очень большое. Но вот уже много лет я не могу вынести ни строчки стихов: недавно я попытался читать Шекспира и нашел его таким невыносимо скучным, что меня затошнило. Я также почти утратил вкус к картинам или музыке. Музыка обычно заставляет меня слишком энергично думать о том, над чем я работал, вместо того, чтобы доставлять мне удовольствие. Я сохранил некоторый вкус к красивым пейзажам, но они не вызывают у меня того изысканного восторга, который вызывали раньше. С другой стороны, романы, созданные воображением, хотя и не очень высокого уровня, в течение многих лет приносили мне чудесное облегчение и удовольствие, и я часто благословляю всех романистов. Удивительное количество книг было прочитано мне вслух, и мне нравятся все, если они в меру хороши и не заканчиваются плачевно, против чего следовало бы принять закон. Роман, на мой вкус, не относится к первому разряду, если в нем нет человека, которого можно по-настоящему полюбить, и тем более хорошенькой женщины.

Эта любопытная и прискорбная утрата высших эстетических вкусов тем более странна, что книги по истории, биографии и путешествия (независимо от любых научных фактов, которые они могут содержать) и эссе на самые разные темы интересуют меня так же сильно, как и прежде. Мой разум, кажется, превратился в своего рода машину для вытачивания общих законов из больших массивов фактов, но я не могу понять, почему это должно было вызвать атрофию только той части мозга, от которой зависят высшие вкусы. Человек с умом более высокоорганизованным или лучше устроенным, чем у меня, я полагаю, не пострадал бы таким образом; и если бы мне пришлось жить своей жизнью заново, я бы взял за правило читать стихи и слушать музыку по крайней мере раз в неделю; возможно, таким образом, атрофированные части моего мозга сохраняли бы активность за счет использования. Потеря этих вкусов является потерей счастья и, возможно, может нанести вред интеллекту и, что более вероятно, моральному облику, ослабляя эмоциональную часть нашей натуры.

Мои книги продавались в основном в Англии, были переведены на многие языки и выдержали несколько изданий в зарубежных странах. Я слышал, что успех работы за границей - лучшая проверка ее непреходящей ценности. Я сомневаюсь, что этому вообще можно доверять; но, судя по этому стандарту, мое имя должно сохраниться в течение нескольких лет. Поэтому, возможно, стоит попытаться проанализировать ментальные качества и условия, от которых зависел мой успех; хотя я понимаю, что ни один человек не может сделать это правильно.

У меня нет большой проницательности или остроумия, которые так замечательны у некоторых умных людей, например, у Хаксли. Поэтому я плохой критик: статья или книга при первом прочтении обычно вызывают у меня восхищение, и только после долгого размышления я замечаю слабые места. Моя способность следовать длинному и чисто абстрактному ходу мыслей очень ограничена; и поэтому я никогда не смог бы преуспеть в метафизике или

математике. Моя память обширна, но туманна: достаточно, чтобы я был осторожен, смутно сообщить, что я наблюдал или читал что-то противоположное выводу, который я делаю, или, с другой стороны, в пользу него; и через некоторое время я обычно могу вспомнить, где искать мой авторитет. В каком-то смысле моя память настолько плоха, что я никогда не мог запомнить ни одной даты или стихотворной строки дольше, чем на несколько дней.

Некоторые из моих критиков говорили: "О, он хороший наблюдатель, но у него нет способности рассуждать!" Я не думаю, что это может быть правдой, поскольку "Происхождение видов" - это один длинный аргумент от начала до конца, и он убедил немало способных людей. Никто не смог бы написать это, не обладая некоторой способностью рассуждать. У меня есть изрядная доля изобретательности и здравого смысла или рассудительности, которыми должен обладать каждый достаточно успешный юрист или врач, но, я полагаю, не в большей степени.

С другой стороны, я думаю, что превосхожу обычных людей в том, что замечаю вещи, которые легко ускользают от внимания, и внимательно за ними наблюдаю. Мое усердие в наблюдении и сборе фактов было почти таким же великим, каким оно могло бы быть. Что гораздо важнее, моя любовь к естественным наукам была устойчивой и пылкой.

Этой чистой любви, однако, во многом способствовало стремление заслужить уважение моих коллег-натуралистов. С ранней юности у меня было сильнейшее желание понять или объяснить все, что я наблюдал, то есть сгруппировать все факты по каким-то общим законам. Эти причины в совокупности дали мне терпение размышлять в течение любого количества лет над любой необъяснимой проблемой. Насколько я могу судить, я не склонен слепо следовать примеру других мужчин. Я неуклонно старался сохранять свой разум свободным, чтобы отказаться от любой гипотезы, какой бы любимой она ни была (и я не могу удержаться от того, чтобы не сформулировать ее по каждому предмету), как только факты покажут, что они противоречат ей. Действительно, у меня не было иного выбора, кроме как действовать таким образом, поскольку, за исключением Коралловых рифов, я не могу припомнить ни одной впервые сформулированной гипотезы, от которой со временем не пришлось бы отказаться или значительно модифицировать. Это, естественно, привело меня к сильному недоверию к дедуктивным рассуждениям в смешанных науках. С другой стороны, я не очень скептичен — такое настроение я считаю вредным для прогресса науки. Ученому человеку желательно проявлять изрядную долю скептицизма, чтобы избежать большой потери времени, но я встречал немало людей, которых, я уверен, часто таким образом удерживали от экспериментов или наблюдений, которые оказались бы прямо или косвенно полезными.

В качестве иллюстрации я приведу самый странный случай из всех, которые мне известны. Один джентльмен (который, как я впоследствии узнал, был хорошим местным ботаником) написал мне из восточных графств, что семена или бобы обыкновенной полевой фасоли в этом году повсюду выросли не с той стороны стручка. Я написал в ответ, прося дополнительной информации, поскольку не понимал, что имелось в виду; но я не получал никакого ответа в течение очень долгого времени. Затем я увидел в двух газетах, одна из которых выходила в Кенте, а другая - в Йоркшире, статьи, в которых говорилось, что самым замечательным фактом является то, что "все бобы в этом году выросли не с той стороны". Поэтому я подумал, что должно быть какое-то основание для столь общего утверждения. Соответственно, я пошел к своему садовнику, старому кентийцу, и спросил его, слышал ли он что-нибудь об этом, и он ответил: "О нет, сэр, это, должно быть, ошибка, потому что бобы растут не с той стороны только в

високосный год, а сейчас не високосный". Затем я спросил его, как они росли в обычные годы и как в високосные, но вскоре обнаружил, что он абсолютно ничего не знал о том, как они росли в любое время, но он придерживался своей веры.

Через некоторое время я получил известие от своего первого информатора, который со многими извинениями сказал, что ему не следовало писать мне, если бы он не слышал заявления нескольких интеллигентных фермеров; но с тех пор он снова поговорил с каждым из них, и никто ни в малейшей степени не понял, что он сам имел в виду. Таким образом, вера — если действительно утверждение, не связанное с определенной идеей, можно назвать верой, — распространилась почти по всей Англии без каких-либо доказательств.

За свою жизнь я знал только три намеренно сфальсифицированных утверждения, и одно из них, возможно, было мистификацией (а научных мистификаций было несколько), которая, однако, была опубликована в американском сельскохозяйственном журнале. Это касалось выведения в Голландии новой породы быков путем скрещивания различных видов *Bos* (некоторые из которых, как я случайно знаю, вместе стерильны), и автор имел наглость заявить, что он переписывался со мной и что я был глубоко впечатлен важностью его результата. Статью прислал мне редактор английского сельскохозяйственного журнала с просьбой высказать мое мнение перед ее публикацией.

Второй случай представлял собой описание нескольких сортов, выведенных автором из нескольких видов примулы, которые самопроизвольно дали полный набор семян, хотя родительские растения были тщательно защищены от доступа насекомых. Этот отчет был опубликован до того, как я открыл значение гетеростилизма, и все утверждение, должно быть, было мошенническим, или же исключение насекомых было настолько грубым, что едва ли заслуживало доверия.

Третий случай был более любопытным: мистер Хут опубликовал в своей книге "Кровный брак" несколько длинных выдержек из бельгийского автора, который утверждал, что он скрещивал кроликов самым тщательным образом на протяжении очень многих поколений, без малейших вредных последствий. Отчет был опубликован в самом уважаемом журнале Королевского общества Бельгии; но я не мог избавиться от сомнений — сам не знаю почему, за исключением того, что никаких несчастных случаев не было, а мой опыт разведения животных заставлял меня думать об этом крайне маловероятно.

Поэтому, сильно колеблясь, я написал профессору Ван Бенедену, спросив его, заслуживает ли автор доверия. Вскоре я услышал в ответ, что Общество было сильно потрясено, обнаружив, что весь отчет был мошенничеством. (Ложность опубликованных заявлений, на которые опирался г-н Хут, была отмечена им самим в примечаниях, вставленных во все экземпляры его книги, которые тогда остались непроданными.) В журнале писателю был публично брошен вызов сказать, где он проживал и держал свое большое поголовье кроликов во время проведения своих экспериментов, которые, должно быть, заняли несколько лет, и от него не удалось добиться ответа.

Мои привычки методичны, и это принесло немалую пользу в моей конкретной сфере деятельности. Наконец, у меня было достаточно свободного времени, чтобы не зарабатывать себе на хлеб. Даже плохое самочувствие, хотя и отняло у меня несколько лет жизни, спасло меня от общества и развлечений.

Следовательно, мой успех как человека науки, в чем бы он ни заключался, определялся, насколько я могу судить, сложными и разносторонними умственными качествами и условиями. Из них наиболее важными были любовь к науке, безграничное терпение при длительных размышлениях по любому предмету, усердие в наблюдении и сборе фактов и изрядная доля изобретательности, а также здравого смысла. С такими умеренными способностями, какими я обладаю, поистине удивительно, что я в значительной степени повлиял на мнение ученых по некоторым важным вопросам.

ГЛАВА 1.III. ВОСПОМИНАНИЯ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МОЕГО ОТЦА.

В этой главе я хотел бы дать некоторое представление о повседневной жизни моего отца. Мне показалось, что я мог бы выполнить эту задачу в форме грубого наброска дня жизни в Дауне, перемежаемого такими воспоминаниями, которые вызваны записью. Многие из этих воспоминаний, которые имеют значение для тех, кто знал моего отца, посторонним покажутся бесцветными или незначительными. Тем не менее, я привожу их в надежде, что они помогут сохранить то впечатление о его личности, которое остается в умах тех, кто знал и любил его, — впечатление одновременно такое яркое и такое непередаваемое словами.

О его внешности (в наши дни, когда появилось множество фотографий) вряд ли нужно много говорить. Ростом он был около шести футов, но едва ли казался таким высоким, так как сильно сутулился; позже он стал сутулиться; но я помню, как давным-давно он размахивал руками, чтобы выпятить грудь, и рывком выпрямлялся. Он наводил на мысль, что был скорее активным, чем сильным; его плечи были не широкими для его роста, хотя и определенно не узкими. В молодости он, должно быть, отличался большой выносливостью, потому что во время одной из береговых вылазок с "Бигля", когда все страдали от нехватки воды, он был одним из двоих, кто лучше остальных справлялся с ее поисками. Мальчиком он был активным и мог перепрыгнуть перекладину, расположенную на высоте "Адамова яблока" у него на шее.

Он шел размашисто, используя палку, окованную тяжелым железом, которой громко ударял о землю, издавая при обходе "Песчаной дорожки" ритмичный щелчок, который у всех нас вызывает очень отчетливое воспоминание. Когда он возвращался с полуденной прогулки, часто неся непромокаемый плащ, в котором оказалось слишком жарко, было видно, что раскачивающийся шаг дается ему с некоторым усилием. В помещении его шаги часто были медленными и неуверенными, и когда днем он поднимался наверх, было слышно, как он тяжело поднимается по лестнице, как будто каждый шаг давался с трудом. Когда его интересовала работа, он передвигался достаточно быстро и легко, и часто в середине диктовки нетерпеливо выходил в прихожую за щепоткой нюхательного табаку, оставляя дверь кабинета открытой и

выкрикивая на ходу последние слова своего предложения. В помещении он иногда пользовался дубовой палкой, похожей на маленький альпеншток, и это было признаком того, что у него кружилась голова.

Несмотря на его силу и активность, я думаю, что у него всегда были неуклюжие движения. У него от природы были неловкие руки, и он вообще не умел хорошо рисовать. (Фигура, представляющая совокупное содержимое клеток в "Насекомоядных растениях", была нарисована им самим.) Об этом он всегда сильно сожалел и часто настаивал на первостепенной необходимости для юного натуралиста стать хорошим рисовальщиком.

Он мог хорошо препарировать под простым микроскопом, но я думаю, что это было благодаря его большому терпению и тщательности. Для него было характерно, что он считал множество маленьких кусочков искусного препарирования чем-то почти сверхчеловеческим. Он с восхищением рассказывал о мастерстве, с которым Ньюпорт препарировал скромную пчелу, извлекая нервную систему несколькими надрезами тонкими ножницами, держа ее, как обычно показывал мой отец, с поднятым локтем и в позе, которая, несомненно, требовала большой устойчивости. Раньше он считал срезание срезов великим подвигом и в последний год своей жизни с удивительной энергией приложил все усилия, чтобы научиться срезать срезы корней и листьев. Его рука была недостаточно твердой, чтобы держать разрезаемый предмет, и при создании срезов он пользовался обычным микротомом, в котором сердцевина для удержания предмета была зажата, а бритва скользила по стеклянной поверхности. Он часто смеялся над собой и над своим мастерством в нарезке срезов, при виде которого, по его словам, "терял дар речи от восхищения". С другой стороны, у него, должно быть, был точный глазомер и способность координировать свои движения, поскольку в молодости он хорошо стрелял из ружья, а мальчиком был искусен в метании. Однажды он убил зайца, сидевшего в цветнике в Шрусбери, бросив в него шарик, а будучи мужчиной, однажды убил камнем крестоклюва. Он был так недоволен тем, что напрасно убил крестоклюва, что годами не упоминал об этом, а затем объяснил, что ему никогда не следовало бы бросать в него, если бы он не был уверен, что его прежние умение покинуло его.

При ходьбе у него были судорожные движения пальцами, которые он описал в одной из своих книг как привычку старика. Когда он сидел неподвижно, то часто брался другой рукой за одно запястье; он сидел, скрестив ноги, и из-за того, что он был таким худым, их можно было скрестить очень далеко, как видно на одной из фотографий. Его стул в кабинете и в гостиной был поднят так, чтобы быть намного выше обычных стульев; это было сделано потому, что сидение на низком или даже обычном стуле причиняло ему некоторый дискомфорт. Мы часто смеялись над ним за то, что он сделал свое высокое кресло в гостиной еще выше, поставив на него скамеечки для ног, а затем нейтрализовал результат, положив ноги на другой стул.

Его борода была густой и почти нестриженной, волосы были седыми с проседью, скорее тонкими, чем жесткими, и волнистыми или завитыми. Его усы были несколько изуродованы короткой квадратной стрижкой. Он сильно облысел, сзади осталась лишь бахрома темных волос.

Его лицо было румяным, и это, возможно, заставляло людей считать его менее инвалидом, чем он был на самом деле. Он писал доктору Хукеру (13 июня 1849 г.): "Все говорят мне, что я выгляжу вполне цветущим и красивым; и большинство думает, что я притворяюсь, но вы никогда не были одним из них". И следует помнить, что в то время он был тяжело болен, гораздо хуже,

чем в последующие годы. Его глаза были голубовато-серыми под глубокими нависающими бровями с густыми кустистыми выступающими бровями. Его высокий лоб был изрезан морщинами, но в остальном лицо не имело особых черт. На его лице не было никаких признаков постоянного дискомфорта, от которого он страдал.

Когда он был возбужден приятной беседой, вся его манера поведения была удивительно яркой и оживленной, и его лицо в полной мере разделяло общее оживление. Его смех был свободным и звучным, как у человека, который с сочувствием и удовольствием отдается человеку и вещи, которые его позабавили. Он часто использовал какой-нибудь жест во время своего смеха, поднимая руки вверх или опуская одну из них с пощечиной. Я думаю, что, вообще говоря, он был склонен к жестикуляции и часто использовал свои руки для объяснения чего-либо (например, оплодотворения цветка) таким образом, что это казалось скорее подспорьем ему самому, чем слушателю. Он делал это вслучаях, когда большинство людей иллюстрировали свои объяснения грубым карандашным наброском.

На нем была темная одежда свободного покроя. В последние годы он отказался от высокой шляпы даже в Лондоне и зимой носил мягкую черную шляпу, а летом - большую соломенную шляпу. Его обычной одеждой для выхода на улицу был короткий плащ, в котором он изображен на фотографии Эллиота и Фрая, прислонившимся к колонне веранды. Две особенности его домашней одежды заключались в том, что он почти всегда набрасывал на плечи шаль и что у него были большие свободные матерчатые сапоги, подбитые мехом, которые он мог надевать поверх домашней обуви. Как большинство деликатных людей, он страдал как от жары, так и от озноба; казалось, он не мог найти баланс между слишком жарким и слишком холодным; часто из-за психических причин ему становилось слишком жарко, так что он снимал пальто, если что-то шло не так в ходе его работы.

Он вставал рано, главным образом потому, что не мог лежать в постели, и я думаю, ему хотелось бы встать раньше, чем он это сделал. Перед завтраком он ненадолго отлучался - привычка, зародившаяся у него, когда он впервые отправился в водолечебницу. Этой привычки он придерживался почти до конца своей жизни. Когда я был маленьким мальчиком, мне нравилось гулять с ним, и у меня сохранилось смутное представление о красном цвете зимнего восхода солнца и воспоминание о приятном обществе и о некоей чести и величии в нем. В детстве он радовал меня рассказами о том, как во время еще более ранних прогулок темным зимним утром он раз или два встречал лисиц, возвращавшихся домой на рассвете.

Позавтракав в одиночестве около 7.45, он сразу же отправился на работу, считая 1 1/2 часа между 8 и 9.30 одним из своих лучших рабочих периодов. В 9.30 он приходил в гостиную за письмами, радуясь, если почта приходила легкая, и иногда сильно беспокоясь, если ее не было. Затем, лежа на диване, он слушал, как вслух читают какие-нибудь семейные письма.

Чтение вслух, включавшее также отрывок из романа, продолжалось примерно до половины одиннадцатого, после чего он возвращался к работе до двенадцати или четверти десятого. К этому времени он считал свой рабочий день законченным и часто говорил довольным голосом: "Я хорошо поработал". Затем он выходил на улицу, была ли погода дождливой или ясной; Полли, его белый терьер, выходила с ним в хорошую погоду, но в дождь она отказывалась, или можно было увидеть, как она колеблется на веранде со смешанным выражением отвращения и стыда за недостаток смелости у нее самой; однако, как правило, ее совесть брала верх, и, как только он явно уходил, она не могла оставаться дома.

Мой отец всегда любил собак и в молодости обладал способностью лишать привязанности питомцев своей сестры; в Кембридже он завоевал любовь собаки своего кузена У.Д. Фокса, и, возможно, это был тот самый маленький зверек, который забирался к нему в постель и спал в ногах каждую ночь. У моего отца была угрюмая собака, которая была предана ему, но недружелюбна ко всем остальным, и когда он вернулся из путешествия на "Бигле", собака запомнила его, но странным образом, о котором любил рассказывать мой отец. Он вышел во двор и закричал в своей прежней манере; собака выбежала и отправилась с ним на прогулку, проявляя не больше эмоций или возбуждения, чем если бы то же самое произошло накануне, а не пять лет назад. Эта история использована в "Происхождении человека", 2-е издание, стр. 74.

На моей памяти были только две собаки, которые были тесно связаны с моим отцом. Одним из них был крупный черно-белый полукровный ретривер по кличке Боб, к которому мы, будучи детьми, были очень привязаны. Это была собака, о которой рассказана история "оранжерейной морды" в "Выражении эмоций".

Но собакой, наиболее тесно связанной с моим отцом, была вышеупомянутая Полли, грубый белый фокстерьер. Она была сообразительной, ласковой собакой; когда ее хозяин уезжал в путешествие, она всегда обнаруживала этот факт по признакам того, что в кабинете собирались вещи, и соответственно впадала в уныние. Она тоже начала приходить в восторг, увидев кабинет, подготовленный к его возвращению домой. Она была хитрым маленьким созданием и обычно дрожала или напускала на себя страдальческий вид, когда мой отец уходил, пока она ждала обеда, как будто знала, что он скажет (как он часто говорил), что "она умирала с голоду". Мой отец обычно заставлял ее вылавливать печенью из носа и с нежностью и притворно-торжественной манерой объяснял ей заранее, что она, должно быть, "очень хорошая девочка". У нее была отметина на спине в том месте, где она была обожжена, и там, где волосы снова стали рыжими, а не белыми, и мой отец обычно хвалил ее за этот пучок волос как соответствующий его теории пангенезиса; ее отец был рыжим бультерьером, таким образом, рыжая шерсть, появляющаяся после ожога, свидетельствовала о наличии скрытых красных геммул. Он был восхитительно нежен с Полли и никогда не выказывал нетерпения по поводу внимания, которого она требовала, например, когда ее впускали в дверь или высовывали из окна веранды, чтобы полаять на "непослушных людей" - добровольно возложенная обязанность, которая ей очень нравилась. Она умерла, или, скорее, должна была быть убита, через несколько дней после его смерти. (Корзинка, в которой она обычно лежала, свернувшись калачиком, у камина в его кабинете, точно изображена на рисунке мистера Парсона "Кабинет в Дауне".)

Полуденная прогулка моего отца обычно начиналась с посещения оранжереи, где он осматривал любые прорастающие семена или экспериментальные растения, которые требовали поверхностного осмотра, но в это время он почти никогда не проводил серьезных наблюдений. Затем он продолжал свои конституциональные занятия — либо по "Песчаной дорожке", либо за пределами собственного участка в непосредственной близости от дома. "Песчаная дорожка" представляла собой узкую полосу земли площадью 1 1/2 акра, вокруг которой была посыпана гравием дорожка. С одной стороны от него было широкое старое шоу с изрядных размеров дубами, которые создавали защищенную тенистую аллею; другая сторона была отделена от соседнего травянистого поля низкой живой изгородью из кустарников, через которую открывался прекрасный вид: тихая маленькая долина, теряющаяся в горной местности у края Вестерхэмского холма, с орешниковой рощицей и лиственным лесом, остатками того,

что когда-то было большим лесом, простиравшимся до самой Вестерхэм-роуд. Я слышал, как мой отец говорил, что очарование этой простой маленькой долины помогло ему обосноваться в Дауне.

Мой отец посадил на Песчаной дорожке множество деревьев, таких как орешник, ольха, липа, граб, береза, бирючина и кизил, а также длинный ряд остролиста по всей открытой стороне. В прежние времена он делал определенное количество поворотов каждый день и считал их с помощью кучи кремней, один из которых он выбрасывал на тропинку каждый раз, когда проходил мимо. В последние годы я думаю, что он не придерживался какого-либо фиксированного количества поворотов, а делал столько, на сколько хватало сил. Песчаная дорожка была нашей игровой площадкой в детстве, и здесь мы постоянно видели моего отца, когда он прогуливался. Ему нравилось наблюдать за тем, что мы делали, и он всегда был готов посочувствовать любому происходящему веселью. Любопытно подумать, что в отношении прогулки по песку в связи с моим отцом мои самые ранние воспоминания совпадают с последними; это показывает, насколько неизменными были его привычки.

Иногда, оставаясь один, он останавливался или крался крадучись, чтобы понаблюдать за птицами или зверями. Именно в один из таких случаев несколько маленьких белочек забежали ему на спину и лапы, в то время как их мать в агонии залаяла на них с дерева. Он всегда находил птичьи гнезда, даже до последних лет своей жизни, и мы, дети, считали, что у него особый гений в этом направлении. В своих тихих красках он наткался на менее обычных птиц, но я думаю, что он скрывал это от меня, когда я был маленьким мальчиком, потому что видел душевные муки, которые я испытывал из-за того, что не видел чижа, или щегла, или что бы это ни было. Он обычно рассказывал нам, как, когда он бесшумно крался по "Большому лесу", он наткнулся на спящую днем лису, которая была так сильно удивлена, что внимательно посмотрела на него, прежде чем убежать. Сопровождавший его шпиц не выказывал никаких признаков волнения при виде лисы, и он обычно заканчивал рассказ удивлением, как собака могла быть такой малодушной.

Другим любимым местом был "Orchis Bank" над тихой долиной Кадхэм, где среди можжевельников росли мухоморы и мускусные орхидеи, а под буковыми ветвями - кефалантера и неоттия; маленький лесок "Hangrove", расположенный чуть выше этого, он тоже любил, и я помню, как он собирал травы, когда ему вздумалось разобрать названия всех распространенных видов. Он любил цитировать высказывание одного из своих маленьких мальчиков, который, найдя траву, которой его отец раньше не видел, положил ее себе на тарелку во время обеда, заметив: "Я необыкновенный любитель трав!"

Моему отцу очень нравилось медленно прогуливаться по саду с моей матерью или кем-нибудь из своих детей или устраивать вечеринку, сидя на скамейке на лужайке; однако обычно он сидел на траве, и я помню, как он часто лежал под одной из больших лип, положив голову на зеленый холмик у ее подножия. В сухую летнюю погоду, когда мы часто сидели на улице, обычно было слышно, как вращается большое маховое колесо колодца, и поэтому этот звук стал ассоциироваться с теми приятными днями. Раньше ему нравилось смотреть, как мы играем в лаун-теннис, и он часто подбивал нам мяч изогнутой ручкой своей клюшки. === Хотя он не принимал личного участия в уходе за садом, он испытывал огромное наслаждение от красоты цветов — например, от массы азалий, которые обычно росли в гостиной. Я думаю, что иногда он соединял воедино свое восхищение строением цветка и его внутренней красотой; например, в

случае с большими висячими розово-белыми цветками Диелитры. Точно так же он питал привязанность, наполовину художественную, наполовину ботаническую, к маленькой голубой лобелии. Любуясь цветами, он часто смеялся над тусклыми красками высокого искусства и противопоставлял их ярким краскам природы. Раньше мне нравилось слушать, как он восхищается красотой цветка; это была своего рода благодарность самому цветку и личная любовь к его нежной форме и окраске. Кажется, я помню, как он нежно прикасался к цветку, который ему нравился; это было то же простое восхищение, которое может испытывать ребенок.

Он не мог не олицетворять естественные вещи. Это чувство проявлялось как в оскорблениях, так и в похвалах — например, некоторым саженцам — "Маленькие попрошайки делают именно то, чего я от них не хочу". Он говорил наполовину раздраженно, наполовину восхищенно об изобретательности листа мимозы, который вывинчивается из таза с водой, в котором он пытался его починить. В том же духе он говорит о росянке, дождевых червях и т. Д. (Ср. "Свифт" Лесли Стивена, 1882, стр. 200, где анализ манер и обычаев слуг Свифтом сравнивается с наблюдениями моего отца над червями: "Разница в том, - говорит мистер Стивен, - что Дарвин питал к червям только добрые чувства").

Насколько я помню, его единственным развлечением на свежем воздухе, помимо прогулок, была верховая езда, которой он увлекся по рекомендации доктора Бенса Джонса, и нам посчастливилось найти для него самого легкого и бесшумного кобеля в мире по кличке "Томми". Ему чрезвычайно нравились эти поездки, и он придумал несколько коротких кругов, которые приводили его домой как раз к обеду. Наша страна хороша для этой цели благодаря количеству небольших долин, которые разнообразят то, что в равнинной местности было бы унылой петлей дороги. Я думаю, от природы он не любил лошадей и не был высокого мнения об их интеллекте, и над Томми часто смеялись за тревогу, которую он выказывал, проходя мимо одной и той же кучи обрезков живой изгороди, когда обходил поле. Я думаю, раньше он удивлялся самому себе, когда вспоминал, каким смелым наездником он был, и как старость и плохое здоровье окончательно лишили его самообладания. Он сказал бы, что верховая езда мешала ему думать гораздо эффективнее, чем ходьба пешком, — что необходимость ухаживать за лошадью давала ему занятие, достаточное для того, чтобы не думать по-настоящему напряженно. И смена обстановки, которую это ему дало, была полезна для настроения и здоровья.

К несчастью, однажды Томми сильно влюбился в него на Кестон-коммон. Это, а также несчастный случай с другой лошадью расстроили его нервы, и ему посоветовали отказаться от верховой езды.

Если я выйду за рамки своего собственного опыта и вспомню, что я слышал от него о его любви к спорту и т.д., я могу многое вспомнить, но большая часть из этого была бы повторением того, что содержится в его "Воспоминаниях". В школе он любил бейт-файвы, и это была единственная игра, в которой он был искусен. Еще мальчишкой он любил свое ружье и стал хорошим стрелком; он часто рассказывал, как в Южной Америке убил двадцать три бекаса двадцатью четырьмя выстрелами. Рассказывая эту историю, он осторожно добавил, что, по его мнению, они не такие дикие, как английские бекасы.

Ленч в Дауне был после его полуденной прогулки; и здесь я могу сказать пару слов о его питании в целом. У него была мальчишеская любовь к сладостям, к несчастью для него самого, поскольку ему постоянно запрещали их есть. Он не особенно преуспел в соблюдении "обетов",

как он их называл, которые он давал против употребления сладостей, и никогда не считал их обязательными, если не произносил вслух.

Он пил очень мало вина, но получал удовольствие и оживлялся от того небольшого, что выпил. Он испытывал ужас перед пьянством и постоянно предупреждал своих мальчиков, что любого можно заставить выпить слишком много. Я помню, как в своей наивности маленького мальчика спросил его, был ли он когда-нибудь навеселе; и он очень серьезно ответил, что ему стыдно признаться, что однажды он слишком много выпил в Кембридже. На меня это произвело большое впечатление, так что теперь я знаю место, где был задан этот вопрос.

После ленча он читал газету, лежа на диване в гостиной. Я думаю, что эта газета была единственным ненаучным материалом, который он читал про себя. Все остальное - романы, путешествия, историю - ему читали вслух. Он проявлял такой большой интерес к жизни, что ему было чем заняться в газетах, хотя он и смеялся над многословием дебатов; читая их, я думаю, только абстрактно. Его интерес к политике был значительным, но его мнение по этим вопросам формировалось скорее между прочим, чем в результате каких-либо серьезных размышлений.

После того, как он прочитал свою статью, пришло его время писать письма. Они, как и рукописи его книг, были написаны им, когда он сидел в огромном кресле из конского волоса у камина, положив бумагу на доску, лежащую на подлокотниках кресла. Когда ему нужно было написать много или длинных писем, он диктовал их с черновой копии; эти черновые копии были написаны на обороте рукописи или корректурных листов и были почти неразборчивы, иногда даже для него самого. Он взял за правило сохранять ВСЕ письма, которые получал; этой привычке он научился у своего отца и которая, по его словам, была ему очень полезна.

Он получал много писем от глупых, беспринципных людей, и на все они приходили ответы. Он обычно говорил, что если он не отвечал на них, то впоследствии это было на его совести, и, без сомнения, в значительной степени именно вежливость, с которой он отвечал каждому, породила всеобщее и широко распространенное ощущение его доброты натуры, которое было так очевидно после его смерти.

Он был внимателен к своим корреспондентам в других, менее важных вещах, например, диктуя письмо иностранцу, он почти никогда не упускал случая сказать мне: "Тебе лучше постараться написать хорошо, ведь это для иностранца". Его письма обычно писались в расчете на то, что их прочтут небрежно; поэтому, когда он диктовал, он был осторожен и просил меня сделать так, чтобы важная статья начиналась с очевидного абзаца, "чтобы привлечь его внимание", как он часто говорил. Как много он думал о неприятностях, которые доставлял другим, задавая вопросы, достаточно хорошо видно из его писем. Трудно что-либо сказать об общем тоне его писем, они скажут сами за себя. Неизменная вежливость с их стороны очень поразительна. Доказательством этого качества у меня было чувство, с которым мистер Хакон, его поверенный, относился к нему. Он никогда не видел моего отца, но испытывал к нему искреннее чувство дружбы и особенно отзывался о его письмах как о письмах, которые редко получает человек, занимающийся бизнесом: "Все, что я делал, было правильным, и за все меня горячо благодарили".

У него был печатный бланк для ответов назойливым корреспондентам, но он почти никогда им не пользовался; я полагаю, он так и не нашел подходящего случая. Я помню случай, когда это можно было бы использовать с пользой. Он получил письмо от незнакомого человека, в

котором говорилось, что автор взялся отстаивать Эволюцию в дискуссионном обществе и что, будучи занятым молодым человеком, у которого нет времени на чтение, он хотел бы получить очерк взглядов моего отца. Даже этот замечательный молодой человек получил вежливый ответ, хотя, я думаю, он не получил много материала для своей речи. Его правилом было благодарить дарителей книг, но не брошюр. Иногда он выражал удивление по поводу того, что так мало людей благодарили его за книги, которые он щедро раздавал; письма, которые он получал, доставляли ему большое удовольствие, потому что он обычно так скромно оценивал ценность всех своих произведений, что обычно удивлялся тому интересу, который они вызывали.

В денежных и деловых вопросах он был удивительно осторожен и точен. Он с большой тщательностью вел счета, классифицируя их и подводя баланс в конце года, как торговец. Я помню, как быстро он доставал свою бухгалтерскую книжку, чтобы занести каждый оплаченный чек, как будто торопился внести его, пока не забыл. Его отец, должно быть, позволил ему поверить, что он будет беднее, чем был на самом деле, поскольку некоторые трудности, возникшие при поиске дома в деревне, должно быть, были вызваны скромной суммой, которую он был готов отдать. И все же он, конечно, знал, что окажется в стесненных обстоятельствах, поскольку в своих "Воспоминаниях" он упоминает это как одну из причин, по которой он не работал в медицине с таким рвением, как это было бы, если бы ему приходилось зарабатывать себе на жизнь.

Он излюбленно экономил на бумаге, но это было скорее хобби, чем реальная экономия. Все чистые листы полученных писем хранились в портфеле для записей; именно его уважение к бумаге заставляло его так много писать на оборотах его старых рукописей, и таким образом, к сожалению, он уничтожил большую часть оригинальных рукописей своих книг. Его отношение к бумаге распространялось и на макулатуру, и он отчасти в шутку возражал против небрежного обычая бросать обрывки в огонь после того, как они были использованы для зажигания свечи.

Мой отец был удивительно либерален и щедр ко всем своим детям в том, что касалось денег, и у меня есть особая причина вспомнить его доброту, когда я думаю о том, каким образом он оплатил некоторые мои кембриджские долги — с моей стороны было почти добродетелью рассказать ему о них. В последние годы жизни у него был добрый и щедрый план разделить излишки в конце года между своими детьми.

Он с большим уважением относился к чисто деловым способностям и часто с восхищением отзывался о родственнике, который удвоил его состояние. И о себе часто в шутку говорил, что чем он действительно гордился, так это сэкономленными деньгами. Он также испытывал удовлетворение от денег, которые зарабатывал на своих книгах. Его стремление экономить в значительной степени проистекало из опасений, что у его детей не хватит здоровья, чтобы самим зарабатывать себе на жизнь, и это дурное предчувствие преследовало его в течение многих лет. И я смутно припоминаю, как он сказал: "Слава Богу, у тебя будут хлеб и сыр", - когда я был так молод, что был склонен воспринимать это буквально.

Когда с письмами было покончено, около трех часов дня, он отдыхал в своей спальне, лежа на диване, куря сигарету и слушая роман или другую книгу ненаучного характера. Он курил только во время отдыха, тогда как нюхательный табак был стимулятором и употреблялся в рабочее время. Он нюхал табак много лет своей жизни, усвоив эту привычку в Эдинбурге еще студентом. У него была красивая серебряная табакерка, подаренная ему миссис Веджвуд из Мэра, которой

он очень дорожил, но редко носил ее с собой, потому что она вызывала у него искушение понюхать слишком много. В одном из своих ранних писем он говорит о том, что на месяц отказался от нюхательного табака, и описывает себя как "крайне вялого, глупого и меланхоличного". Наш бывший сосед и священник, мистер Броуди Иннес, рассказывает мне, что одно время мой отец принял решение нюхать табак только вдали от дома, "что меня вполне устраивало, - добавляет он, - поскольку у меня в кабинете стояла шкатулка, доступ к которой был из сада, без вызова слуг, и я гораздо чаще, чем могло бы быть в противном случае, имел привилегию несколько минут побеседовать с моим дорогим другом". Обычно он брал нюхательный табак из банки на столике в прихожей, потому что необходимость проходить такое расстояние за щепоткой была небольшой проверкой; звяканье крышки банки с нюхательным табаком было очень знакомым звуком. Иногда, когда он был в гостиной, ему приходило в голову, что камин в кабинете, должно быть, догорает, и когда кто-нибудь из нас предлагал присмотреть за ним, оказывалось, что он тоже хочет понюхать табак.

Курить он стал постоянно только в последние годы, хотя во время поездок по Пампасам научился курить вместе с гаучосами, и я слышал, как он говорил о большом утешении от чашки мате и сигареты, когда останавливался после долгой поездки и какое-то время не мог раздобыть еду.

От чтения вслух его часто клонило в сон, и он жалел, что потерял несколько частей романа, потому что моя мать упорно продолжала, опасаясь, что прекращение звука может разбудить его. Он спустился вниз в четыре часа, чтобы переодеться для прогулки, и так регулярно, что можно было быть совершенно уверенным, что без нескольких минут четыре слышались его спускающиеся шаги.

Примерно с половины пятого до половины шестого он работал; затем приходил в гостиную и бездельничал, пока не наступало время (около шести) подниматься наверх, чтобы еще раз отдохнуть, почитав роман и выкурив сигарету.

В последнее время он отказался от позднего ужина и пил простой чай в половине восьмого (пока мы ужинали) с яйцом или небольшим кусочком мяса. После ужина он никогда не оставался в комнате и обычно извинялся, говоря, что он пожилая женщина, которой нужно позволить уйти с дамами. Это был один из многих признаков и результатов его постоянной слабости и плохого самочувствия. Полчаса более или менее продолжительной беседы стоили бы ему бессонной ночи и потери, возможно, половины работы следующего дня.

После ужина он играл с моей матерью в нарды, каждый вечер играли по две партии; в течение многих лет велся счет выигранных партий, и к этому счету он проявлял наибольший интерес. Он чрезвычайно оживился во время этих игр, горько сетуя на свое невезение и взрываясь преувеличенно притворным гневом по поводу удачи моей матери.

После игры в триктрак он читал себе какую-нибудь научную книгу либо в гостиной, либо, если шел большой разговор, в кабинете.

Вечером, то есть после того, как он прочитал столько, сколько позволяли его силы, и перед началом чтения вслух, он часто лежал на диване и слушал, как моя мать играет на пианино. У него был не очень хороший слух, но, несмотря на это, он по-настоящему любил прекрасную музыку. Раньше он жаловался, что с возрастом его удовольствие от музыки притупилось, но, насколько я помню, его любовь к хорошей мелодии была сильна. Я никогда не слышал, чтобы

он напевал больше одной мелодии, валлийской песни "Ar hyd y nos", которую он произнес правильно; я полагаю, он также напевал небольшую отахейтскую песенку. Из-за слабого слуха он не смог распознать мелодию, когда услышал ее снова, но он оставался верен тому, что ему нравилось, и часто спрашивал, когда исполняли старую любимую песню: "Это прекрасная вещь; что это?" Особенно ему нравились отрывки из симфоний Бетховена и фрагменты из Генделя. Он составил небольшой список всех пьес, которые ему особенно понравились из тех, что играла моя мать, — в нескольких словах описав впечатление, которое каждая из них произвела на него, — но эти заметки, к сожалению, утеряны. Он был чувствителен к различиям в стиле и очень наслаждался игрой покойной миссис Вернон Лашингтон, а в июне 1881 года, когда Ганс Рихтер посетил Даун, его великолепная игра на фортепиано привела его в восторг. Ему очень нравилось хорошее пение, и он был тронут почти до слез величественными или патетическими песнями. Исполнение его племянницей леди Фаррер песни Салливана "Придет ли он" доставляло ему неизменное удовольствие. Он был до крайности скромнен в отношении своего собственного вкуса и, соответственно, радовался, когда обнаруживал, что другие соглашались с ним.

Он сильно уставал по вечерам, особенно в последние годы, когда уходил из гостиной около десяти и ложился спать в половине одиннадцатого. Ночи у него, как правило, были плохими, и он часто часами лежал без сна или сидел в постели, испытывая сильный дискомфорт. По ночам его беспокоила активность его мыслей, и он изнемогал, работая над какой-нибудь проблемой, от которой он охотно бы отказался. Ночью тоже все, что раздражало или беспокоило его днем, преследовало его, и я думаю, что именно тогда он страдал, если не отвечал на письмо какого-нибудь неприятного человека.

Регулярные чтения, о которых я упоминал, продолжавшиеся в течение стольких лет, позволили ему ознакомиться с большим количеством более легкой литературы. Он чрезвычайно любил романы, и я хорошо помню, как он предвкушал удовольствие от того, что ему прочтут роман, когда он ляжет или закурит сигарету. Он проявлял живой интерес как к сюжету, так и к персонажам и ни в коем случае не знал заранее, чем закончится рассказ; он считал, что смотреть на конец романа — женский порок. Ему не нравилась ни одна история с трагическим концом, по этой причине он не слишком ценил Джорджа Элиота, хотя часто тепло отзывался о "Сайласе Марнере". Вальтера Скотта, мисс Остин и миссис Гаскелл читали и перечитывали до тех пор, пока их больше нельзя было читать. В то же время у него в руках были две или три книги — роман, возможно, биография и книга путешествий. Он не часто читал устаревшие или стандартные книги, но обычно предпочитал книги того времени, которые брал из постоянно действующей библиотеки.

Я не думаю, что его литературные вкусы и мнения были на одном уровне с остальным его умом. Сам он, хотя и ясно представлял, что считает хорошим, считал, что в вопросах литературного вкуса он был совершенно за гранью дозволенного и часто говорил о том, что нравилось или не нравилось тем, кто принадлежал к этому классу, как будто они составляли класс, к которому он не имел права принадлежать.

Во всех вопросах искусства он был склонен смеяться над самозванными критиками и говорить, что их мнение сформировалось под влиянием моды. Так, в живописи он сказал бы, что в его время все восхищались мастерами, которыми сейчас пренебрегают. Его любовь к картинам в молодости является почти доказательством того, что он, должно быть, ценил портрет как

произведение искусства, а не как сходство. Тем не менее, он часто со смехом говорил о малой ценности портретов и говорил, что фотография стоит любого количества снимков, как будто он был слеп к художественному качеству нарисованного портрета. Но обычно это говорилось в его попытках убедить нас отказаться от идеи написать его портрет, что было для него очень неприятной операцией.

Этот взгляд на себя как на невежду во всех вопросах искусства подкреплялся отсутствием притворства, которое было частью его характера. Что касается вопросов вкуса, как и более серьезных вещей, он всегда отличался смелостью высказывать свое мнение. Я помню, однако, пример, который звучит как противоречащий этому: когда он рассматривал картины Тернера в спальне мистера Раскина, он не признался, как сделал впоследствии, что абсолютно ничего не мог разобрать из того, что мистер Раскин в них увидел. Но это маленькое притворство было сделано не ради него самого, а из вежливости к хозяину. Он был доволен и позабавлен, когда впоследствии мистер Раскин принес ему несколько фотографий картин (кажется, портретов Вандайка) и, казалось, вежливо оценил мнение моего отца о них.

Большая часть его научных трудов была на немецком, и это давалось ему с большим трудом; читая книгу после него, я часто поражался, видя по карандашным пометкам, которые он делал каждый день там, где он останавливался, как мало он мог прочесть за раз. Он привык называть немецкий "Verdammt", произносимое как будто по-английски. Особенно его возмущали немцы, потому что он был убежден, что они могли бы писать просто, если бы захотели, и часто хвалил доктора Ф. Хильдебранда за то, что он писал по-немецки так же ясно, как по-французски. Иногда он передавал немецкую фразу своей подруге, патристически настроенной немецкой даме, и обычно смеялся над ней, если она не переводила ее бегло. Сам он выучил немецкий, просто работая со словарем; он говорил, что его единственный способ - это перечитывать предложение очень много раз, и в конце концов смысл доходил до него. Давным-давно, когда он начал изучать немецкий, он похвастался этим фактом (как он обычно рассказывал) сэру Дж. Хукеру, который ответил: "Ах, мой дорогой друг, это пустяки; я начинал это много раз".

Несмотря на отсутствие знаний грамматики, он прекрасно справлялся с немецким, и предложения, которые ему не удавалось разобрать, как правило, были действительно сложными. Он никогда не пытался правильно говорить по-немецки, но произносил слова так, как будто они были английскими; и это немало затрудняло помощь ему, когда он зачитывал немецкое предложение и просил перевести. У него определенно был плохой слух на вокальные звуки, так что он не мог уловить небольших различий в произношении.

Его широкий интерес к отраслям науки, которые не были его собственными, был замечателен. В биологических науках его доктрины дают о себе знать настолько широко, что в большинстве его разделов было что-то интересное для него. Он прочел немало совершенно специальных работ и большие части учебников, таких как "Анатомия беспозвоночных" Хаксли или такая книга, как "Эмбриология" Бальфура, где детали, во всяком случае, не были специально посвящены ему. А что касается сложных книг типа монографий, то, хотя он и не изучал их, все же испытывал к ним сильнейшее восхищение.

В области небиологических наук он испытывал острую симпатию к работам, о которых не мог по-настоящему судить. Например, раньше он читал почти всю книгу "Природа", хотя большая ее часть посвящена математике и физике. Я часто слышал, как он говорил, что получал своего

рода удовлетворение, читая статьи, которые (по его словам) он не мог понять. Хотел бы я воспроизвести манеру, в которой он смеялся бы над собой из-за этого.

Примечательно также, как он сохранил интерес к предметам, над которыми работал раньше. Поразительно обстояло дело с геологией. В одном из своих писем мистеру Джадду он умоляет его навестить его, говоря, что после смерти Лайелла с ним почти не разговаривают о геологии. Его наблюдения, сделанные всего за несколько лет до смерти над вертикально стоящей галькой в дрейфе в Саутгемптоне и обсужденные в письме мистеру Гейки, дают еще один пример. И снова в письмах доктору Дорну он показывает, как его интерес к моллюскам оставался живым. Я думаю, что все это произошло из-за жизненности и настойчивости его ума — качества, о котором я слышал, как он говорил, как будто чувствовал, что был сильно одарен в этом отношении. Не то чтобы он использовал какие-либо подобные фразы о себе, но он сказал бы, что обладал способностью более или менее держать тему или вопрос перед собой в течение очень многих лет. Степень, в которой он обладал этой властью, становится очевидной, если мы рассмотрим количество различных проблем, которые он решал, и ранний период, когда некоторые из них начали его занимать.

Это был верный признак того, что он был нездоров, когда бездельничал в любое время, кроме своих обычных часов отдыха; ибо до тех пор, пока он оставался умеренно здоровым, в размеренности его жизни не было никаких нарушений. Будние дни и воскресенья проходили одинаково, каждый со своими установленными интервалами работы и отдыха. Почти невозможно, за исключением тех, кто наблюдал за его повседневной жизнью, осознать, насколько важным для его благополучия был обычный распорядок дня, который я в общих чертах описал: и с какой болью и трудностями предпринимались попытки выйти за его рамки. Любое публичное выступление, даже самое скромное, давалось ему с трудом. В 1871 году он отправился в маленькую деревенскую церковь на венчание своей старшей дочери, но едва мог вынести усталость от присутствия на короткой службе. То же самое можно сказать и о нескольких других случаях, когда он присутствовал на подобных церемониях.

Я помню его много лет назад на крестинах; воспоминание, которое осталось со мной, потому что нам, детям, это казалось экстраординарным и ненормальным событием. Особенно отчетливо я помню его взгляд на похоронах его брата Эразмуса, когда он стоял среди россыпи снега, завернутый в длинный черный траурный плащ, с серьезным выражением печальной задумчивости.

Когда по прошествии многих лет он снова посетил собрание Линнеевского общества, это было воспринято как серьезное начинание, на которое нельзя решиться без особого упадка духа и которое вряд ли можно привести в исполнение, не заплатив за это последующими страданиями. Точно так же званый завтрак у сэра Джеймса Пейджета с некоторыми из выдающихся гостей Медицинского конгресса (1881) был для него тяжелым испытанием.

Раннее утро было единственным временем, когда он мог предпринять какие-либо усилия подобного рода сравнительно безнаказанно. Так получилось, что визиты, которые он наносил своим друзьям-ученым в Лондоне, он предпочитал наносить уже в десять утра. По той же причине он отправлялся в свои путешествия как можно более ранним поездом и обычно приезжал в дома родственников в Лондоне, когда у них начинался рабочий день.

Он вел точный журнал дней, в которые он работал, и тех, в которые из-за плохого самочувствия не мог работать, чтобы можно было сказать, сколько дней было простоя в том или ином году. В этом дневнике — маленьком желтом дневнике Латыша, который лежал открытым на каминной полке среди дневников прошлых лет, - он также указал день, когда отправился в отпуск, и день своего возвращения.

Наиболее частыми каникулами были недельные поездки в Лондон либо в дом его брата (Куин-Энн-стрит, 6), либо к его дочери (Брайанстон-стрит, 4). Обычно моя мать уговаривала его взять эти короткие отпуска, когда по частоте "плохих дней" или по тому, что у него кружилась голова, становилось ясно, что он переутомлен. Он поехал неохотно и попытался заключить выгодную сделку, оговорив, например, что он должен вернуться домой через пять дней вместо шести. Даже если бы он уезжал из дома не более чем на неделю, сборы нужно было начинать рано накануне, и основную часть работы он проделал бы сам. Дискомфорт путешествия для него заключался, по крайней мере в последнее время, главным образом в предвкушении и в том неприятном чувстве упадка, от которого он страдал непосредственно перед отправлением; даже довольно долгое путешествие, такое, как до Конистона, утомляло его удивительно мало, учитывая, насколько он был инвалидом; и он, конечно, наслаждался им почти по-мальчишески и в странной степени.

Хотя, как он сказал, некоторые из его эстетических вкусов постепенно угасли, его любовь к пейзажам оставалась свежей и сильной. Каждая прогулка по Конистону доставляла ему новое удовольствие, и он никогда не устал восхвалять красоту изрезанной холмистой местности у истоков озера.

Одно из счастливых воспоминаний об этом времени [1879 г.] связано с восхитительным визитом в Грасмир: "Прекрасный день, - пишет моя сестра, - яркое веселье моего отца и прилив бодрости духа складываются в моем воображении в картину, о которой мне нравится думать. Он едва мог усидеть на месте в экипаже, оборачиваясь и вставая, чтобы полюбоваться видом с новой точки, и даже возвращаясь, он был полон красоты Райдел-Уотер, хотя и не допускал, чтобы Грасмир хоть сколько-нибудь походил на его любимый Конистон".

Помимо этих более продолжительных каникул, были и более короткие визиты к различным родственникам — в дом шурина недалеко от Лейт-Хилл и к его сыну недалеко от Саутгемптона. Ему всегда особенно нравились прогулки по труднопроходимой открытой местности, такой как Коммонс близ Лейт-Хилла и Саутгемптона, поросшие вереском пустоши Эшдаунского леса или восхитительная "Рафф" возле дома его друга сэра Томаса Фаррера. Он никогда не сидел сложа руки даже в эти праздничные дни и находил, за чем понаблюдать. В Хартфилде он наблюдал, как дрозера ловит насекомых и т. Д.; В Торки он наблюдал за оплодотворением орхидеи (*Spiranthes*), а также разглядел соотношение полов в тимьяне.

Он всегда радовался возвращению домой после каникул; ему очень нравился прием, который ему оказывала его собака Полли, которая приходила в неистовство от возбуждения, тяжело дышала, пищала, металась по комнате, прыгала на стулья и с них; и он обычно наклонялся, прижимал ее морду к своей, позволял ей лизать себя и разговаривал с ней особенно нежным, ласкающим голосом.

Моему отцу удалось придать этим летним каникулам очарование, которое прочувствовала вся его семья. Напряженная работа дома держала его на пределе сил, и, освободившись от нее, он

отправился в отпуск с юношеским удовольствием, которое делало его общение восхитительным; мы чувствовали, что за неделю отпуска видели его чаще, чем за месяц дома.

Однако некоторые из этих отлучек из дома оказывали на него угнетающее воздействие; когда раньше он был сильно перегружен работой, казалось, что отсутствие привычного напряжения позволило ему впасть в особое состояние плохого самочувствия.

Помимо праздников, о которых я упоминал, были его визиты в водолечебницы. В 1849 году, когда он был тяжело болен, его постоянно подташнивало, друг уговаривал его попробовать водолечение, и в конце концов он согласился пойти в заведение доктора Галли в Малверне. Его письма мистеру Фоксу показывают, сколько пользы принесло ему это лечение; он, кажется, думал, что нашел лекарство от своих проблем, но, как и все другие лекарства, оно оказало на него лишь преходящий эффект. Однако поначалу это пошло ему на пользу, и, вернувшись домой, он соорудил себе душевую кабину, а дворецкий научился у него принимать ванну.

Он часто посещал Мур-парк, лечебное заведение доктора Лейна в Суррее, недалеко от Олдершота. Эти визиты были приятными, и он всегда вспоминал о них с удовольствием. Доктор Лейн поделился своими воспоминаниями о моем отце в "Лекции о Чарльзе Дарвине" доктора Ричардсона от 22 октября 1882 года, из которой я цитирую:

"В общественном учреждении, подобном моему, его, конечно, окружали самые разные типы характера, люди обоего пола, по большей части очень непохожие на него самого - короче говоря, обычные люди, каких повсюду большинство, но похожие на него по крайней мере в том, что они были товарищами по несчастью и такими же пациентами. И никогда не было никого более добродушного, более внимательного, более дружелюбного, более обаятельного, чем он сам". ... Он "никогда не стремился, как это слишком часто бывает с хорошими собеседниками, монополизировать беседу. Ему скорее доставляло удовольствие давать и брать, и он был таким же хорошим слушателем, как и оратором. Он никогда не проповедовал и не читал прозу, но его речи, серьезные или веселые (а это было каждое по очереди), были полны жизни и пикантны, ярки и воодушевляющи".

Некоторое представление о его отношениях с семьей и друзьями можно составить из того, что было рассказано ранее; было бы невозможно попытаться дать полный отчет об этих отношениях, но несколько более полный набросок может оказаться уместным. О его супружеской жизни я могу рассказать лишь вкратце. В его отношениях с моей матерью его нежная и отзывчивая натура проявилась в самом прекрасном аспекте. В ее присутствии он обрел свое счастье, и благодаря ей его жизнь, которая могла бы быть омрачена мраком, стала наполненной довольством и тихой радостью.

"Выражение эмоций" показывает, как внимательно он наблюдал за своими детьми; для него было характерно (как я слышал от него самого), что, хотя он так стремился точно передать выражение лица плачущего ребенка, сочувствие к горю портило его наблюдательность. Его записная книжка, в которой записаны высказывания его маленьких детей, показывает, что они доставляют ему удовольствие. Казалось, он сохранил своего рода печальные воспоминания об ушедшем детстве, и поэтому он написал в своих "Воспоминаниях": "Когда вы были совсем маленькими, мне доставляло удовольствие играть со всеми вами, и я со вздохом думаю, что такие дни никогда не вернутся".

Я могу процитировать, чтобы показать нежность его натуры, несколько фраз из рассказа о его маленькой дочери Энни, написанного через несколько дней после ее смерти:

"Наше бедное дитя Энни родилось на Гауэр-стрит 2 марта 1841 года и умерло в Малверне в полдень 23 апреля 1851 года.

"Я пишу эти несколько страниц, поскольку думаю, что по прошествии лет, если мы доживем, впечатления, которые мы сейчас записываем, будут более ярко напоминать о ее главных чертах характера. С какой бы точки я ни смотрел на нее, главная черта ее характера, которая сразу встает передо мной, - это ее жизнерадостная жизнерадостность, смягченная двумя другими чертами, а именно ее чувствительностью, которую посторонний человек мог бы легко не заметить, и ее сильной привязанностью. Все ее лицо излучало жизнерадостность и животный настрой, придавая каждому движению упругость и полноту жизни и энергии. Смотреть на нее было восхитительно и радостно. Теперь передо мной встает ее дорогое лицо, когда она иногда сбегала вниз с украденной для меня щепоткой нюхательного табаку, вся ее фигура сияла от удовольствия доставлять удовольствие. Даже когда она играла со своими двоюродными братьями, когда ее веселость почти переходила в неистовство, один мой взгляд, не недовольный (ибо, слава Богу, я почти никогда не бросал его на нее), а полный отсутствия сочувствия, на несколько минут менял все ее выражение лица.

"Другой чертой ее характера, которая делала ее жизнерадостность и настроение такими восхитительными, была ее сильная привязанность, носившая самый цепкий, ласкающий характер. Когда она была совсем маленькой, это проявлялось в том, что ей никогда не было легко без прикосновений к матери, когда она лежала с ней в постели; и совсем недавно она, когда ей было плохо, подолгу ласкала одну из рук своей матери. Когда ей было очень плохо, ее мать, лежа рядом с ней, казалось, успокаивала ее совсем не так, как это было бы с любым другим нашим ребенком. Итак, опять же, она почти в любое время тратила полчаса на то, чтобы привести в порядок мои волосы, "сделать их", как она это называла, "красивыми", или разгладить, бедняжка, мой воротничок или манжеты — короче говоря, ласкала меня.

"Помимо своей умеренной таким образом жизнерадостности, она была удивительно сердечна в своих манерах, откровенна, открытой, прямолинейной, естественной и без малейшей тени сдержанности. Весь ее разум был чист и прозрачен. Чувствовалось, что ты знаешь ее досконально и можешь доверять ей. Я всегда думал, что, что бы ни случилось, у нас должна была быть в старости хотя бы одна любящая душа, которую ничто не могло бы изменить. Все ее движения были энергичными, деятельными и обычно грациозными. Когда мы прогуливались со мной по Песчаной дорожке, хотя я шел быстро, все же она часто ходила раньше, делая пируэты самым элегантным образом, и ее дорогое лицо все время сияло самой милой улыбкой. Иногда по отношению ко мне у нее были довольно кокетливые манеры, воспоминание о которых очаровательно. Она часто употребляла преувеличенные выражения, и когда я расспрашивал ее, преувеличивая то, что она сказала, насколько ясно я теперь вижу легкое вскидывание головы и восклицание "О, папа, как тебе не стыдно!" Во время последней короткой болезни, ее поведение, по правде говоря, было ангельским. Она ни разу не пожаловалась, никогда не капризничала, всегда была внимательна к другим и была благодарна самым нежным, трогательным образом за все, что для нее сделали. Когда она настолько устала, что едва могла говорить, она похвалила все, что ей подали, и сказала, что чай "был восхитительно вкусным".

Когда я подал ей воды, она сказала: "Я очень вам благодарен"; и это, я полагаю, были последние драгоценные слова, когда-либо обращенные ко мне ее дорогими устами.

"Мы потеряли радость ведения домашнего хозяйства и утешение нашей старости. Она должна была знать, как мы ее любили. О, если бы она могла сейчас знать, как глубоко, как нежно мы все еще любим и всегда будем любить ее дорогое радостное лицо! Благослови ее господь!

"30 апреля 1851 года".

Мы, его дети, все получали особое удовольствие от игр, в которые он играл с нами, но я не думаю, что он много резвился с нами; я полагаю, его здоровье препятствовало любым грубым играм. Иногда он рассказывал нам истории, которые считались особенно восхитительными, отчасти из-за их редкости.

О том, как он нас воспитывал, свидетельствует небольшая история о моем брате Леонарде, которую любил рассказывать мой отец. Он вошел в гостиную и увидел, что Леонард танцует на диване, что было запрещено из-за пружин, и сказал: "О, Ленни, Ленни, это против всех правил", - и получил в ответ: "Тогда, я думаю, тебе лучше выйти из комнаты". Я не верю, что он когда-либо в жизни сказал сердитое слово кому-либо из своих детей; но я уверен, что нам никогда не приходило в голову ослушаться его. Я хорошо помню один случай, когда мой отец упрекнул меня в некоторой беспечности; и я до сих пор помню чувство подавленности, охватившее меня, и ту заботу, которую он предпринял, чтобы рассеять его, поговорив со мной вскоре после этого с особой добротой. Он сохранял свою восхитительную, нежную манеру по отношению к нам всю свою жизнь. Иногда я удивляюсь, как он мог поступить так с такой сдержанной расой, как мы; но я надеюсь, он знал, как сильно мы восхищались его любящими словами и манерами. Как часто, будучи мужчиной, я мечтал, когда мой отец стоял за моим стулом, чтобы он провел рукой по моим волосам, как он делал, когда я был мальчиком. Он позволял своим взрослым детям смеяться вместе с ним и над ним и, вообще говоря, был с нами на условиях полного равенства.

Он всегда был полон интереса к планам или успехам каждого из них. Мы обычно смеялись над ним и говорили, что он не поверит в своих сыновей, потому что, например, он будет немного сомневаться в том, что они возьмутся за какую-то работу, для которой он не был уверен, что у них достаточно знаний. С другой стороны, он был слишком склонен благосклонно относиться к нашей работе. Когда я думал, что он слишком высоко оценивает все, что я сделал, он обычно возмущался и был склонен взрываться в притворном гневе. Его сомнения были частью его скромности относительно того, что так или иначе было связано с ним самим; его слишком благоприятный взгляд на нашу работу объяснялся его отзывчивой натурой, которая делала его снисходительным ко всем.

По отношению к своим детям он сохранял свою восхитительную манеру выражать благодарность, и я никогда не писала ему письма и не читала ему вслух ни одной страницы, не получив нескольких добрых слов признания. Его любовь и доброта к своему маленькому внуку Бернарду были велики; и он часто говорил о том, какое удовольствие ему доставляло видеть "свое маленькое личико напротив себя" за обедом. Они с Бернардом часто сравнивали свои вкусы; например, коричневый сахар им нравился больше белого и т.д.; В результате получалось: "Мы всегда соглашаемся, не так ли?"

Моя сестра пишет:—

"Мои первые воспоминания об отце связаны с удовольствием, с которым он играл с нами. Он был страстно привязан к своим собственным детям, хотя и не был неразборчивым любителем детей. Для всех нас он был самым восхитительным товарищем по играм и самым искренним сочувствующим. Действительно, невозможно адекватно описать, насколько восхитительными были его отношения со своей семьей, будь то в детстве или в более поздней жизни.

Доказательством того, на каких условиях мы были, а также того, как высоко его ценили как игрока, является то, что один из его сыновей, когда ему было около четырех лет, попытался подкупить его шестью пенсами, чтобы он пришел поиграть в рабочее время. Мы все знали о святости рабочего времени, но то, что кто-то может отказаться от шести пенсов, казалось невозможным.

- Должно быть, он был самым терпеливым и восхитительным из медсестер. Я помню, какой тихой и уютной казалась мне, когда я был нездоров, когда лежал, свернувшись калачиком, на диване в кабинете, лениво рассматривая старую геологическую карту, висевшую на стене. Должно быть, это было в рабочее время, потому что я всегда представляю его сидящим в кресле из конского волоса у камина.

Еще одним свидетельством его безграничного терпения было то, что нам приходилось совершать набеги в кабинет, когда нам совершенно не хватало пластыря, бечевки, булавок, ножниц, штампов, линейки или молотка. Эти и другие подобные предметы первой необходимости всегда можно было найти в кабинете, и это было единственное место, где в этом можно было быть уверенным. Раньше мы считали неправильным заходить туда в рабочее время; тем не менее, когда необходимость была велика, мы делали это. Я помню его терпеливый взгляд, когда он однажды сказал: "Не думайте, что вы не могли бы прийти снова, меня очень часто прерывали." Раньше мы боялись ходить за пластырем, потому что ему не нравилось видеть, что мы порезались, как ради нас самих, так и из-за его острой чувствительности к виду крови. Я хорошо помню, как прятался в коридоре, пока он не оказался в безопасности, а затем прокрался внутрь за пластырем.

"Оглядываясь назад, я думаю, что в те первые дни жизнь была очень размеренной, и, по-моему, кроме родственников (и нескольких близких друзей), в дом никто не приходил. После уроков мы всегда были свободны идти, куда нам заблагорассудится, и это происходило главным образом в гостиной и в саду, так что мы часто бывали с отцом и матерью. Раньше мы приходили в восторг, когда он рассказывал нам какие—нибудь истории о "Бигле" или о ранних днях в Шрусбери - маленькие подробности школьной жизни и его мальчишеских вкусах. Иногда он также читал вслух своим детям такие книги, как романы Скотта, и я помню несколько небольших лекций о паровой машине.

"Я был более или менее болен в течение пяти лет между моими тринадцатью и восемнадцатью годами, и долгое время (мне кажется, годами) он играл со мной пару партий в нарды каждый день. Он разыгрывал их с величайшим воодушевлением, и я помню, что одно время мы вели учет партий, и поскольку этот рекорд был в его пользу, мы вели список дублей, брошенных каждым, поскольку я был убежден, что он бросал лучше меня.

"Его терпение и сочувствие были безграничны во время этой тяжелой болезни, и иногда, когда я был особенно несчастен, я чувствовал, что его сочувствие было почти слишком сильным. Когда мне было хуже всего, мы ездили в дом моей тети в Хартфилде, в Сассексе, и как только мы

благополучно переехали, он отправился в Мур-парк, чтобы две недели лечиться водой. Теперь я могу вспомнить, как по его возвращении я с трудом могла выносить его присутствие в комнате, выражение нежного сочувствия и волнения на его лице было слишком волнующим, оно вновь пришло ко мне после его недолгого отсутствия.

"Он заботился обо всех наших занятиях и интересах и прожил нашу жизнь вместе с нами так, как это делают очень немногие отцы. Но я уверен, что никто из нас не чувствовал, что эта близость ни в малейшей степени мешает нашему уважению или послушанию. Все, что он говорил, было для нас абсолютной правдой и законом. Он всегда вкладывал весь свой ум в ответы на любые наши вопросы. Один незначительный пример заставляет меня почувствовать, как он заботился о том, что было дорого нам. У него не было особого пристрастия к кошкам, хотя он восхищался миловидностью котенка. Но все же он знал и помнил индивидуальности многих моих кошек и рассказывал о привычках и характерах наиболее замечательных из них спустя годы после их смерти.

Еще одной характерной чертой его обращения со своими детьми было уважение к их свободе и к их личности. Даже будучи совсем девочкой, я помню, как радовалась этому чувству свободы. Наши отец и мать даже не захотели бы знать, что мы делаем или думаем, если бы мы сами не захотели рассказать. Он всегда давал нам почувствовать, что каждый из нас - создание, чье мнение и мысли были ценны для него, так что все лучшее, что было в нас, проявлялось в лучах его присутствия.

"Я не думаю, что его преувеличенное представление о наших хороших качествах, интеллектуальных или моральных, сделало нас тщеславными, как, возможно, можно было ожидать, скорее, мы стали более скромными и благодарными ему. Причина, без сомнения, в том, что влияние его характера, его искренности и величия натуры имело гораздо более глубокий и длительный эффект, чем любая небольшая экзальтация, которую его похвалы или восхищение могли вызвать у нашего тщеславия".

Как главу семейства его очень любили и уважали; он всегда вежливо обращался к слугам, используя выражение "не будете ли вы так добры", когда о чем-либо просил. Он почти никогда не сердился на своих слуг; это показывает, как редко это случалось, и когда, будучи маленьким мальчиком, я подслушал, как ругают слугу и сердито говорит мой отец, это произвело на меня впечатление ужасающего обстоятельства, и я помню, как взбежал по лестнице из общего чувства благоговения. Он не утруждал себя уходом за садом, коровами и так далее. Лошади его так мало заботили, что он обычно с сомнением спрашивал, нет ли у него лошади с повозкой, чтобы послать в Кестон за Дрозерой, или в питомники Вестерхэма за растениями, или что-то в этом роде.

Как хозяин мой отец обладал особым обаянием: присутствие гостей возбуждало его и заставляло выглядеть с наилучшей стороны. В Шрусбери, по его словам, его отец хотел, чтобы за гостями постоянно ухаживали, и в одном из писем Фоксу он говорит о невозможности написать письмо, пока дом полон гостей. Я думаю, он всегда чувствовал себя неловко из-за того, что не делал больше для развлечения своих гостей, но результат был успешным; и, чтобы компенсировать любые потери, гости чувствовали себя совершенно свободными поступать так, как им заблагорассудится. Самыми обычными посетителями были те, кто оставался с субботы по понедельник; те, кто оставался дольше, как правило, были родственниками и считались скорее делом моей матери, чем его.

Помимо этих посетителей, были иностранцы и другие незнакомцы, которые спустились на ленч и ушли во второй половине дня. Он добросовестно рассказывал им об огромном расстоянии Дауна от Лондона и о том, какого труда стоило бы туда добраться, подсознательно считая само собой разумеющимся, что путешествие покажется им таким же трудным, как и ему самому. Если, однако, их это не останавливало, он обычно устраивал для них поездки, указывая, когда приходить и практически когда уходить. Было приятно видеть, как он пожимал руку гостю, которого встречали впервые; его рука обычно протягивалась так, что создавалось ощущение, что она спешит навстречу руке гостя. При общении со старыми друзьями его рука с размаху опустилась на другую руку, и я всегда испытывал удовлетворение, наблюдая за этим. Его прощание характеризовалось главным образом приятной манерой, с которой он поблагодарил своих гостей, стоя в дверях, за то, что они пришли повидаться с ним.

Эти обеды были очень успешными развлечениями, в них не было никакой заторможенности, мой отец был бодр и взволнован на протяжении всего визита. Профессор Де Кандоль описал визит в Даун в своем замечательном и сочувственном очерке о моем отце. ('Darwin considere au point de vue des causes de son succes.'—Geneva, 1882.) Он говорит о своей манере поведения, напоминающей манеру "ученого" из Оксфорда или Кембриджа. Это сравнение кажется мне не совсем удачным; в его непринужденности и естественности было больше от манер некоторых солдат; манера, проистекающая из полного отсутствия притворства или жеманства. Именно это отсутствие позы и естественная и простая манера, с которой он заговорил со своими гостями, чтобы разговаривать их по-своему, сделали его таким очаровательным хозяином для незнакомого человека. Его удачный выбор темы для разговора, казалось, проистекал из его отзывчивой натуры и скромного, живого интереса к работе других людей.

Некоторым, я думаю, он причинил настоящую боль своей скромностью; я видел покойного Фрэнсиса Бальфура, совершенно сбитого с толку тем, что ему приписали знание того, в чем мой отец утверждал, что был в полном неведении.

Трудно уловить особенности разговора моего отца.

Он больше, чем большинство людей, боялся повторения своих историй и постоянно повторял: "Вы, должно быть, слышали, как я рассказывал" или "Осмелюсь сказать, что я вам рассказывал". У него была одна особенность, которая придавала странный эффект его разговору. Первые несколько слов предложения часто напоминали ему о каком-то исключении из того, что он собирался сказать, или о какой-то причине против того, что он собирался сказать; и это снова поднимало какой-то другой вопрос, так что предложение превращалось в систему скобок внутри скобок, и часто было невозможно понять суть того, что он говорил, пока он не доходил до конца своего предложения. Он часто говорил о себе, что недостаточно быстр, чтобы с кем-либо поспорить, и я думаю, что это было правдой. Если только это не была тема, над которой он как раз тогда работал, он не мог достаточно быстро привести аргументацию в рабочее русло. Это видно даже из его писем; так, в случае с двумя письмами проф. Дж. Чо касается Семпера по поводу эффекта изоляции, то он вспомнил ряд фактов, которые ему были нужны, только через несколько дней после отправки первого письма.

Когда он был озадачен разговором, у него появлялось странное заикание на первом слове предложения. Я помню только, что это происходило со словами, начинающимися на w; возможно, у него были особые трудности с этой буквой, потому что я слышал, как он говорил, что мальчиком не мог произнести w, и что ему предлагали шесть пенсов, если он сможет

произнести "белое вино", которое он произносил "rite rine". Возможно, он унаследовал эту склонность от Эразма Дарвина, который заикался. (Мой отец пересказал джонсонианский ответ Эразмуса Дарвина: "Вам не кажется, что заикаться очень неудобно, доктор Дарвин?" "Нет, сэр, потому что у меня есть время подумать, прежде чем говорить, и не задавать дерзких вопросов".)

Иногда он любопытным образом комбинировал свои метафоры, используя такую фразу, как "цепляться за жизнь" - смесь слов "цепляться за свою жизнь" и "цепляться, как беспощадная смерть". Это произошло из-за его нетерпеливой манеры придавать особое значение тому, что он говорил. Иногда это придавало видимость преувеличения там, где этого не было намеренно; но это придавало также благородный вид сильной и великодушной убежденности; как, например, когда он давал показания перед Королевской комиссией по вивисекции и выступил со своими словами о жестокости: "Это заслуживает отвращения". Когда он сильно переживал по поводу любого подобного вопроса, он едва мог заставить себя заговорить, так как тогда легко впадал в гнев, что ему чрезвычайно не нравилось. Он сознавал, что его гнев имеет тенденцию усиливаться в высказывании, и по этой причине боялся (например) необходимости ругать слугу.

Прекрасным доказательством скромности его манеры говорить было то, что, когда, например, несколько посетителей приходили от сэра Джона Лаббока на воскресный дневной визит, он, казалось, никогда не проповедовал и не читал лекций, хотя большую часть времени разговаривал сам с собой. Он был особенно очарователен, когда "подшучивал" над кем-нибудь, и пребывал в приподнятом настроении по этому поводу. Его манеры в такие моменты были беззаботными и мальчишескими, и утонченность его натуры проявлялась наиболее ярко. Поэтому, когда он разговаривал с дамой, которая нравилась и забавляла его, было приятно видеть сочетание насмешки и почтения в его манерах.

Когда у моего отца было несколько гостей, он хорошо управлялся с ними, заводя беседу с каждым или усаживая двоих или троих вместе вокруг своего кресла. В этих разговорах всегда было много веселья, и, вообще говоря, в его речи был либо юмористический оттенок, либо солнечная сердечность, которая служила ему заменой. Возможно, мои воспоминания о всепроникающем элементе юмора более яркие, потому что лучшие беседы были с мистером Хаксли, в котором есть меткость, сродни юмору, даже когда самого юмора там нет. Моему отцу чрезвычайно нравился юмор мистера Хаксли, и он часто говорил: "Какой великолепный весельчак Хаксли!" Я думаю, что у него, вероятно, были более научные споры (о природе драки) с Лайеллом и сэром Джозефом Хукером.

Он часто говорил, что ему было горько обнаружить, что к друзьям своей дальнейшей жизни он не испытывал такой теплой привязанности, как в юности. Конечно, в своих ранних письмах из Кембриджа он приводит доказательства очень сильной дружбы к Герберту и Фоксу; но никто, кроме него самого, не сказал бы, что его привязанность к друзьям на протяжении всей жизни не была самой теплой из возможных. Служа другу, он не щадил себя и охотно отдавал драгоценное время и силы. Несомненно, он обладал необычной способностью привязывать к себе друзей. У него было много теплых дружеских отношений, но с сэром Джозефом Хукером его связывали узы привязанности более крепкие, чем мы часто видим среди мужчин. Он писал в своих "Воспоминаниях": "Я едва ли знал человека более привлекательного, чем Хукер".

Его отношения с деревенскими жителями были приятными; он относился к ним, ко всем без исключения, с вежливостью, когда вступал с ними в контакт, и проявлял интерес ко всему, что касалось их благополучия. Через некоторое время после того, как он переехал жить в Даун, он помог основать Дружественный клуб и тридцать лет проработал казначеем. Он много заботился о клубе, вел его отчетность с мельчайшей и скрупулезной точностью и получал удовольствие от его процветающего состояния. Каждый понедельник члены клуба устраивали марш с оркестром и транспарантом и устраивали парад на лужайке перед домом. Там он встретился с ними и объяснил им их финансовое положение в небольшой речи, приправленной несколькими затасканными шутками. Он часто бывал нездоров настолько, что даже эта маленькая церемония доставляла ему много хлопот, но я думаю, что он никогда не упускал случая встретиться с ними.

Он также был казначеем Угольного клуба, что давало ему некоторую работу, и несколько лет исполнял обязанности окружного судьи.

Что касается интереса моего отца к делам деревни, мистер Броуди Иннес был так добр, что поделился со мной своими воспоминаниями:

"Когда я стал викарием Дауна в 1846 году, мы подружились, и так продолжалось до его смерти. Его отношение ко мне и моей семье было неизменно добрым, и мы оплатили за это теплой привязанностью.

"Во всех приходских делах он был активным помощником; в вопросах, связанных со школами, благотворительными организациями и другими делами, его щедрый вклад был всегда готов, и в тех разногласиях, которые иногда возникали в этом, как и в других приходах, я всегда был уверен в его поддержке. Он считал, что там, где действительно не было серьезных возражений, его помощь должна быть оказана священнику, который должен лучше знать обстоятельства и нести главную ответственность".

Его общение с незнакомцами отличалось скрупулезной и довольно формальной вежливостью, но на самом деле у него было мало возможностей познакомиться с незнакомцами.

Доктор Лейн описал (Лекция доктора Б.У. Ричардсона в Сент-Джордж-холле, 22 октября 1882 г.), как в тот редкий случай, когда мой отец присутствовал на лекции (доктора Сандерсона) в Королевском институте, "все собрание ... поднялось на ноги, чтобы поприветствовать его", в то время как он, казалось, "едва ли осознавал, что такой взрыв аплодисментов мог предназначаться ему самому". Тихая жизнь, которую он вел в Дауне, заставляла его чувствовать себя растерянным в большом обществе; например, на званых вечерах Королевского общества он чувствовал себя угнетенным количеством людей. Чувство, что он должен знать людей, и трудности, с которыми он сталкивался в последние годы своей жизни при запоминании лиц, также усиливали его дискомфорт в таких случаях. Он не понимал, что его узнают по фотографиям, и я помню, как ему было неловко из-за того, что незнакомец явно узнал его в аквариуме Кристал Пэллас.

Я должен кое-что сказать о его манере работы: одной из ее характерных черт было его уважение ко времени; он никогда не забывал, насколько оно дорого. Это проявилось, например, в том, как он пытался сократить свои отпуска; также, и более четко, в отношении более коротких периодов. Он часто говорил, что экономия минут - это способ выполнить работу; он проявлял свою любовь к экономии минут в разнице, которую он ощущал между четвертью часа и десятью

минутами работы; он никогда не тратил впустую несколько свободных минут на размышления о том, что не стоит браться за работу. Меня часто поражала его манера работать на пределе своих сил, так что он внезапно прекращал диктовать со словами: "Я думаю, что больше ничего не должен делать". Такое же страстное желание не терять времени проявлялось в его быстрых движениях во время работы. Я особенно помню, что заметил это, когда он проводил эксперимент с корнями фасоли, который требовал некоторой осторожности в манипуляциях; прикрепление маленьких кусочков картона к корням производилось осторожно и обязательно медленно, но все промежуточные движения были быстрыми; брал свежую фасоль, проверял, здоровый ли корень, накалывал ее на булавку, закреплял на пробке и следил, чтобы она была вертикальной, и т.д.; Все эти процессы выполнялись с каким-то сдержанным рвением. Он всегда производил впечатление человека, работающего с удовольствием, а не с каким-либо занудством. У меня также есть образ его, когда он записывал результат какого-то эксперимента, жадно рассматривая каждый корешок и т.д., А затем писал с таким же рвением. Я помню быстрое движение его головы вверх-вниз, когда он переводил взгляд с предмета на заметки.

Он сэкономил уйму времени благодаря тому, что ему не приходилось делать что-то дважды. Хотя он терпеливо продолжал бы повторять эксперименты, в которых можно было бы получить хоть какую-то пользу, он не мог вынести необходимости повторять эксперимент, который при соблюдении полной осторожности должен был бы увенчаться успехом с первого раза — и это вызывало у него постоянное беспокойство о том, чтобы эксперимент не пропал даром; он чувствовал, что эксперимент священен, каким бы незначительным он ни был. Он хотел узнать как можно больше из эксперимента, чтобы не ограничивать себя наблюдением за единственной точкой, на которую был направлен эксперимент, и его способность видеть ряд других вещей была замечательной. Я не думаю, что он заботился о предварительных или грубых наблюдениях, предназначенных для того, чтобы служить руководством к действию и повторяться. Любой проведенный эксперимент должен был принести какую-то пользу, и в этой связи я помню, как сильно он настаивал на необходимости вести записи экспериментов, которые не увенчались успехом, и этого правила он всегда придерживался.

В литературной части своей работы он испытывал тот же ужас потери времени и то же рвение к тому, что делал в данный момент, и это заставляло его быть осторожным, чтобы не быть вынужденным читать что-либо без необходимости во второй раз.

Его естественной склонностью было использовать простые методы и небольшое количество инструментов. Со времен его юности использование составного микроскопа значительно расширилось, и это за счет простого. Сегодня нам кажется странным, что у него не было сложного микроскопа, когда он отправлялся в плавание на "Бигле"; но в этом он последовал совету Робта. Браун, который был авторитетом в таких вопросах. Ему всегда очень нравился простой микроскоп, и он утверждал, что в наши дни им слишком пренебрегают и что всегда следует видеть как можно больше с помощью простого микроскопа, прежде чем браться за сложный. В одном из своих писем он высказывается по этому поводу и замечает, что всегда подозревает работу человека, который никогда не пользуется простым микроскопом.

Его анатомический стол представлял собой толстую доску, вставленную в окно кабинета; он был ниже обычного стола, так что он не мог работать за ним стоя; но этого, желая сберечь силы, он ни в коем случае не стал бы делать. Он сидел за своим анатомическим столом на необычном

низком табурете, принадлежавшем еще его отцу, с сиденьем, вращающимся на вертикальном шпинделе и установленным на больших колесиках, так что он мог легко поворачиваться из стороны в сторону. Его обычные инструменты и т. Д. Лежали повсюду на столе, но кроме них, на круглом столе, полном расходящихся ящиков, вращающихся вокруг вертикальной оси, который находился рядом с его левой стороной, когда он сидел за своим микроскопическим столиком, хранилось еще много всякой всячины. Ящики были помечены: "лучшие инструменты", "грубые инструменты", "образцы", "подготовка образцов" и так далее. Наиболее заметной особенностью содержимого этих ящиков была бережность, с которой хранились мелкие обрывки и почти бесполезные вещи; он придерживался хорошо известного убеждения, что если вы выбросите вещь, она вам обязательно понадобится — и так вещи накапливались.

Если бы кто-нибудь взглянул на его инструменты и т. Д., Лежащие на столе, он был бы поражен атмосферой простоты, самоделки и странности.

По правую руку от него были полки со всякой всячиной: стаканами, блюдцами, жестяными коробочками из-под печенья для проращивания семян, цинковыми этикетками, блюдцами, полными песка, и так далее, и тому подобное. Учитывая, насколько аккуратным и методичным он был в самых необходимых вещах, любопытно, что он обходился без такого количества подручных средств: например, вместо того, чтобы сделать коробку нужной формы и выкрасить ее внутри в черный цвет, он отыскивал что-нибудь похожее на то, что хотел, и затемнял это внутри чистой от грязи; он не хотел делать стеклянные крышки для стаканов, в которых он проращивал семена, но использовал сломанные кусочки неправильной формы, возможно, с узким углом, бесполезно торчащим с одной стороны. Но большая часть его экспериментов была настолько простой, что он не нуждался в какой-либо доработке, и я думаю, что его привычка в этом отношении была в значительной степени обусловлена его желанием экономно расходовать свои силы, а не тратить их на несущественные вещи.

Здесь можно упомянуть его способ помечать предметы. Если ему нужно было различать какие-то предметы, такие как листья, цветы и т.д., он обвязывал их нитками разных цветов. В частности, он использовал этот метод, когда ему нужно было различать только два класса объектов; таким образом, в случае скрещенных и самоопыляющихся цветов один набор был бы отмечен черной, а другой белой нитью, обвязанной вокруг стебля цветка. Я хорошо помню внешний вид двух наборов капсул, собранных и ожидающих взвешивания, подсчета и т.д., С кусочками черной и белой нити, чтобы различать лотки, в которых они лежат. Когда ему нужно было сравнить два набора саженцев, посеянных в один горшок, он разделял их перегородкой из цинковой пластины; и цинковая этикетка, на которой указывались необходимые подробности эксперимента, всегда располагалась с определенной стороны, так что он инстинктивно узнавал, не читая этикетку, какие из них были "пересеченными", а какие - "самооплодотворенными".

Его любовь к каждому конкретному эксперименту и страстное стремление не потерять его плоды заметно проявились в этих экспериментах по скрещиванию — в тщательной заботе, которую он проявлял, чтобы не допустить какой-либо путаницы при размещении капсул не в тех лотках и т.д., и т.п. Я могу вспомнить его внешний вид, когда он подсчитывал семена под простым микроскопом с бдительностью, обычно не свойственной такой механической работе, как подсчет. Я думаю, он олицетворял каждое зернышко как маленького демона, пытающегося ускользнуть от него, залезая не в ту кучу или вообще отпрыгивая в сторону; и это придавало

работе азарт игры. Он очень верил в инструменты, и я не думаю, что ему естественно приходило в голову сомневаться в точности весов, мерного стакана и т.д. Он был поражен, когда мы обнаружили, что один из его микрометров отличается от другого. Он не требовал большой точности в большинстве своих измерений, и у него не было хороших весов; у него была старая трехфутовая линейка, которая была общим достоянием семьи, и ее постоянно брали взаймы, потому что это была единственная линейка, которая наверняка была на своем месте — если, конечно, последний заемщик не забыл положить ее обратно. Для измерения высоты растений у него была семифутовая прутковая палка, изготовленная деревенским плотником. Позже он перешел на бумажные весы с градуировкой в миллиметры. Для изготовления небольших предметов он использовал циркуль и транспортир из слоновой кости. Для него было характерно, что он скрупулезно проводил измерения своими несколько грубоватыми весами. Пустяковым примером его веры в авторитет является то, что он взял свой "дюйм в миллиметрах" из старой книги, в которой он, как оказалось, был дан неточно. У него были химические весы, которые датировались теми днями, когда он занимался химией со своим братом Эразмом. Измерения емкости производились аптекарским мерным стаканом: я хорошо помню его грубый вид и плохую градуировку. В связи с этим я также вспоминаю, с какой большой тщательностью он подготовился к выпуску. Этим рассказом о его инструментах я не хочу сказать, что какой-либо из его экспериментов страдал от недостатка точности измерений, я привожу их как примеры его простых методов и веры в других - веры, по крайней мере, в производителей приборов, все ремесло которых было для него загадкой.

Мне приходят на ум некоторые из его ментальных особенностей, особенно касающиеся способа его работы. Было одно качество ума, которое, казалось, имело особое и чрезвычайно важное значение, приводя его к открытиям. Это была способность никогда не оставлять исключения незамеченными. Каждый замечает факт как исключение, когда он бросается в глаза или встречается часто, но у него был особый инстинкт улавливать исключения. Вопрос, кажущийся незначительным и не связанным с его нынешней работой, многими людьми почти бессознательно упускается из виду с каким-то полувразумительным объяснением, которое на самом деле никаким объяснением не является. Именно за эти вещи он ухватился, чтобы отталкиваться. В определенном смысле в этой процедуре нет ничего особенного, с ее помощью было сделано множество открытий. Я упоминаю об этом только потому, что, наблюдая за его работой, я убедился в ценности этой способности для экспериментатора.

Еще одним качеством, проявившимся в его экспериментальных работах, была его способность придерживаться темы; он почти извинялся за свое терпение, говоря, что не выносит, когда его бьют, как будто это было скорее признаком слабости с его стороны. Он часто цитировал поговорку: "Упрямство таково, как оно есть", и я думаю, что упрямство выражает его настроение едва ли не лучше, чем настойчивость. Настойчивость, кажется, едва ли выражает его почти яростное желание заставить правду открыться. Он часто говорил, что важно, чтобы человек знал правильный момент, когда следует прекратить исследование. И я думаю, что именно его склонность пропускать этот момент мимо ушей побудила его извиниться за свою настойчивость и придала его работе вид упорства.

Он часто говорил, что никто не может быть хорошим наблюдателем, если он не является активным теоретиком. Это возвращает меня к тому, что я сказал о его инстинкте останавливать исключения: это было так, как если бы он был наделен теоретической силой, готовой хлынуть в любое русло при малейшем возмущении, так что ни один факт, каким бы незначительным он ни

был, не мог избежать высвобождения потока теории, и, таким образом, важность факта возросла. Таким образом, естественно, случилось так, что ему пришло в голову много несостоятельных теорий; но, к счастью, богатство его воображения сравнялось с его способностью судить и осуждать мысли, которые приходили ему в голову. Он был справедлив к своим теориям и не осуждал их неслыханно; и так получилось, что он был готов проверить то, что большинству людей показалось бы вовсе не заслуживающим проверки. Эти довольно дикие испытания он называл "экспериментами дурака" и получал от них огромное удовольствие. В качестве примера я могу упомянуть, что, обнаружив, что семядоли биофитума очень чувствительны к вибрации стола, он предположил, что они могут воспринимать звуковые колебания, и поэтому заставил меня играть на фаготе рядом с растением. (Это не столько пример чрезмерного теоретизирования по незначительному поводу, сколько всего лишь его желания проверить самые невероятные идеи.)

Любовь к экспериментам была в нем очень сильна, и я помню, как он говорил: "Мне будет нелегко, пока я это не попробую", - как будто им управляла какая-то внешняя сила. Ему нравилось экспериментировать гораздо больше, чем работа, которая предполагала только рассуждения, и когда он работал над одной из своих книг, которая требовала аргументации и систематизации фактов, он воспринимал экспериментальную работу как отдых. Так, работая над "Разновидностями животных и растений" в 1860-61 годах, он разобрался с оплодотворением орхидей и считал себя праздным из-за того, что уделял им так много времени. Интересно подумать, что столь важное исследование должно было быть предпринято и в значительной степени разработано как развлечение вместо более серьезной работы. Письма к Хукеру того периода содержат такие выражения, как: "Боже, прости меня за то, что я такой праздный; я довольно глупо интересуюсь этой работой". Огромное удовольствие, которое он получал, разбираясь в приспособлениях для оплодотворения, отчетливо видно из этих писем. В одном из своих писем он говорит о своем намерении поработать в Дрозере, чтобы отдохнуть от "Происхождения человека". В своих "Воспоминаниях" он описал сильное удовлетворение, которое испытал, решив проблему гетеростилизма. И я слышал, как он упоминал, что геология Южной Америки доставляла ему едва ли не больше удовольствия, чем что-либо другое. Возможно, именно это удовольствие от работы, требующей острой наблюдательности, заставляло его ценить похвалу, воздаваемую его наблюдательности, едва ли не больше, чем оценку других его качеств.

К книгам он не испытывал никакого уважения, а просто рассматривал их как инструменты, с которыми нужно работать. Поэтому он не переплетал их, и даже когда бумажная книга от использования рассыпалась на кусочки, как это случилось с "Befruchtung" Мюллера, он сохранил ее от полного распада, закрепив на корешке металлическим зажимом. Точно так же он разрезал бы тяжелую книгу пополам, чтобы ее было удобнее держать. Он часто хвастался, что заставил Лайелла опубликовать второе издание одной из своих книг в двух томах вместо одного, рассказав ему, как ему пришлось сократить его наполовину. С брошюрами часто обращались даже строже, чем с книгами, потому что он вырывал, ради экономии места, все страницы, кроме той, которая его интересовала. Следствием всего этого было то, что его библиотека не была украшением, но поражала тем, что была столь явно действующей коллекцией книг.

Он был методичен в чтении книг и брошюр, посвященных его собственной работе. У него была одна полка, на которой громоздились книги, которые он еще не читал, и другая, на которую они

были перенесены после прочтения и до внесения в каталог. Он часто стонал над своими непрочитанными книгами, потому что было так много таких, которые, как он знал, ему никогда не следует читать. Многие книги были сразу перенесены в другую кучу, либо помеченные шифром в конце, чтобы показать, что в них нет отмеченных отрывков, либо, возможно, с надписью "не читано" или "только пролистано". Книги скапливались в "прочитанной" куче до тех пор, пока полки не переполнились, а затем, после долгих стенаний, целый день был отведен на составление каталога. Ему не нравилась эта работа, и по мере того, как необходимость взяться за нее становилась настоящей, он часто говорил с отчаянием в голосе: "Мы действительно должны как можно скорее выпустить эти книги".

В каждой книге, читая ее, он отмечал отрывки, имеющие отношение к его работе. Читая книгу или брошюру и т.д., он делал карандашные пометки сбоку страницы, часто добавляя короткие замечания, а в конце составлял список отмеченных страниц. Когда ее собирались занести в каталог и убрать на место, были просмотрены помеченные страницы, и таким образом был составлен приблизительный конспект книги. Этот реферат, возможно, был бы написан под тремя или четырьмя заголовками на разных листах, факты были бы отсортированы и добавлены к ранее собранным фактам по разным предметам. У него были другие наборы рефератов, составленные не по теме, а по периодическому изданию. В прежние годы, собирая факты в больших масштабах, он обычно перечитывал и делал таким образом аннотации к целым сериям периодических изданий.

В некоторых своих ранних письмах он говорит о заполнении нескольких тетрадей фактами для своей книги о видах; но, безусловно, он рано принял свой план использования папок, как описано в "Воспоминаниях". (Полки, на которых были расставлены папки, показаны на иллюстрации "Кабинет в Дауне", в нише справа от камина.) Мой отец и месье де Кандоль были обоюдно рады обнаружить, что они приняли один и тот же план классификации фактов. Де Кандоль описывает этот метод в своей "Фитологии", а в своем очерке о моем отце упоминает удовлетворение, которое он испытал, увидев его в действии в Дауне.

Помимо этих портфелей, в которых несколько десятков банкнот, есть большие пачки рукописей с пометкой "использованные", которые нужно убрать. Он чувствовал ценность своих записей и испытывал ужас при мысли об их уничтожении в огне. Я помню, когда произошла какая-то тревога о пожаре, он умолял меня быть особенно осторожным, очень серьезно добавляя, что остаток его жизни был бы несчастным, если бы его записи и книги были уничтожены.

Он проявляет то же чувство, когда пишет о потере рукописи, смысл его слов таков: "У меня есть копия, иначе эта потеря убила бы меня". При написании книги он тратил много времени и труда на составление скелета или плана целого, а также на расширение и подразделы каждого заголовка, как описано в его "Воспоминаниях". Я думаю, что такое тщательное составление плана было совершенно необходимо не для построения его аргументации, а для ее представления и расположения его фактов. В его "Жизни Эразмуса Дарвина", когда она была впервые напечатана на листах, отчетливо был виден рост книги из скелета. Впоследствии расположение было изменено, потому что оно было слишком формальным и категоричным и, казалось, передавало характер его деда скорее посредством перечня качеств, чем в виде полной картины.

Только в последние несколько лет он принял план написания, который, по его убеждению, подходил ему лучше всего и который описан в "Воспоминаниях", а именно: писать черновую

копию сразу, без малейшего внимания к стилю. Для него было характерно, что он чувствовал себя неспособным писать с достаточной тщательностью, если использовал свою лучшую бумагу, и поэтому он писал на обороте старых гранек или рукописей. Затем черновая копия была пересмотрена, и была сделана точная копия. Для этой цели у него была бумага для рисования, разлинованная с большими интервалами, линии были необходимы, чтобы он не писал так мелко, что исправление становилось затруднительным. Затем точная копия была исправлена и перепечатана перед отправкой в типографию. Копирование было сделано мистером Э. Норманом, который начал эту работу много лет назад, когда был сельским школьным учителем в Дауне. Мой отец так привык к почерку мистера Нормана, что не мог исправить рукопись, даже если она была четко написана одним из его детей, до тех пор, пока она не была переписана мистером Норманом. Рукопись по возвращении от мистера Нормана была еще раз исправлена, а затем отправлена в типографию. Затем началась работа по пересмотру и исправлению корректур, которую мой отец находил особенно утомительной.

Именно на этом этапе он впервые серьезно задумался о стиле того, что написал. Когда это происходило, он обычно для облегчения приступал к какой-нибудь другой работе. Исправление пропусков фактически состояло из двух процессов, поскольку исправления сначала вносились карандашом, а затем повторно рассматривались и записывались чернилами.

Когда книга проходила стадию "ускользания", он был рад получить исправления и предложения от других. Таким образом, моя мать просмотрела гранки "Происхождения". В некоторых более поздних работах моя сестра, миссис Личфилд, внесла большую часть исправлений. После замужества моей сестры, возможно, большая часть работы выпала на мою долю.

Моя сестра, миссис Личфилд, пишет:

"Эта работа была очень интересной сама по себе, и работать с ним было невыразимо волнующе. Он всегда был так готов убедиться, что любое предложенное изменение является улучшением, и так полон благодарности за потраченные усилия. Я не думаю, что он когда-либо забывал сообщить мне, какое улучшение, по его мнению, я внес, и он почти всегда извинялся, если не соглашался с каким-либо исправлением. Я думаю, что почувствовал исключительную скромность и великодушие его натуры, работая на него так, как в противном случае никогда бы не стал делать.

"Он писал нелегко и был склонен переворачивать свои предложения как в письменной, так и в устной форме, ставя уточняющую оговорку раньше, чем становилось ясно, что именно следует уточнять. Он многое исправлял и стремился выразить себя как можно лучше".

Возможно, самые распространенные исправления, которые требовались, касались неясностей из-за отсутствия необходимого звена в рассуждениях, чего-то, что он, очевидно, опустил из-за знакомства с предметом. Не то чтобы была какая-то ошибка в последовательности мыслей, но из-за знакомства со своей аргументацией он не заметил, когда слова не смогли воспроизвести его мысль. Кроме того, он часто вкладывал слишком много смысла в одно предложение, так что его приходилось сокращать на два.

В целом, я думаю, что труды, которые мой отец приложил к литературной части работы, были весьма примечательными. Он часто смеялся или ворчал на себя из-за трудностей, с которыми сталкивался при написании английских текстов, говоря, например, что если возможно плохое расположение предложения, он обязательно должен его принять. Однажды он получил

большое удовольствие от трудности, с которой столкнулся один из членов семьи при написании короткого циркуляра. Он имел удовольствие исправлять неясности, запутанные предложения и другие дефекты и смеялся над ними, и таким образом отомстил за всю критику, которую ему самому приходилось терпеть. Он с удивлением цитировал совет мисс Мартино молодым авторам писать сразу и отправлять рукопись в типографию без исправления. Но в некоторых случаях он действовал примерно таким же образом. Когда предложение становилось безнадежно запутанным, он спрашивал себя: "Теперь, что ты хочешь сказать?" - и его записанный ответ часто позволял распутать путаницу.

Его стиль получил много похвал; с другой стороны, по крайней мере, один хороший судья заметил мне, что это не очень хороший стиль. Оно, прежде всего, прямое и ясное; и оно характерно для него самой своей простотой, граничащей с наивностью, и отсутствием притворства. Он испытывал сильнейшее недоверие к распространенной идее о том, что ученый-классик должен писать хорошим английским языком; на самом деле, он думал, что дело обстоит как раз наоборот. В письменной форме он иногда проявлял ту же склонность к сильным выражениям, что и в разговоре. Так, в "Происхождении", страница 440, есть описание личинки ускононого, "с шестью парами прекрасно сложенных лап для плавания, парой великолепных фасеточных глаз и чрезвычайно сложными антеннами". Мы часто смеялись над ним за это предложение, которое сравнивали с рекламой. Эта склонность отдаваться восторженному течению своей мысли, не боясь показаться смешным, проявляется и в других его произведениях.

Его вежливый и примирительный тон по отношению к читателю замечателен, и, должно быть, отчасти именно это качество раскрывало мягкость его характера столь многим, кто никогда его не видел. Я всегда считал любопытным фактом, что тот, кто изменил лицо биологической науки и является в этом отношении лидером современности, писал и работал в столь существенно несовременном духе и манере. Читая его книги, вспоминаешь скорее о старых натуралистах, чем о современной школе писателей. Он был натуралистом в старом смысле этого слова, то есть человеком, работающим во многих областях науки, а не просто специалистом в одной из них. Таким образом, хотя он основал совершенно новые разделы специальных дисциплин — таких, как оплодотворение цветов, насекомоядные растения, диморфизм и т.д., — тем не менее, даже в рассмотрении этих самых дисциплин он не производит впечатления специалиста. Читатель чувствует себя другом, с которым разговаривает вежливый джентльмен, а не учеником, которому профессор читает лекцию. Тон такой книги, как "Происхождение", очарователен и почти патетичен; это тон человека, который, убежденный в истинности своих собственных взглядов, вряд ли рассчитывает убедить других; это прямо противоположный стилю фанатика, который хочет заставить людей поверить. Читателя никогда не презирают за какие-либо сомнения, которые, как можно предположить, он испытывает, и к его скептицизму относятся с терпеливым уважением. Скептически настроенный читатель или, возможно, даже неразумный читатель, по-видимому, в целом был прикован к своим мыслям. Возможно, именно из-за этого чувства он уделял много внимания моментам, которые, по его мнению, поразят читателя или избавят его от хлопот и тем самым побудят его к чтению.

По той же причине он проявлял большой интерес к иллюстрациям к своим книгам и, я думаю, слишком высоко оценивал их ценность. Иллюстрации к его более ранним книгам были нарисованы профессиональными художниками. Так было в "Животных и растениях", "Происхождении человека" и "Выражении эмоций". С другой стороны, "Вьющиеся растения",

"Насекомоядные растения", "Движения растений" и "Формы цветов" были в значительной степени проиллюстрированы некоторыми из его детей — мой брат Джордж нарисовал гораздо больше всех. Рисовать для него было восхитительно, так как он с энтузиазмом хвалил очень умеренные работы. Я хорошо помню его очаровательную манеру получать рисунки одной из своих невесток и то, как он заканчивал свои похвальные слова словами: "Скажите... Микеланджело - это ничто по сравнению с этим". Хотя он так щедро хвалил, он всегда внимательно присматривался к рисунку и легко обнаруживал ошибки или небрежность.

Он боялся быть длинным и, кажется, был действительно сильно раздосадован и огорчен, когда обнаружил, как "Разновидности животных и растений" растут у него под руками. Я помню, как он сердечно согласился со словами "Тристрама Шенди": "Пусть никто не говорит: 'Приходите, я напишу дуодецимо'".

Его уважение к другим авторам было такой же характерной чертой, как и его тон по отношению к читателю. Он говорит обо всех других авторах как о личностях, заслуживающих уважения. В тех случаях, когда, как в случае с экспериментами... на Дрозере, он был легкомысленного мнения об авторе, он говорит о нем таким образом, чтобы никто этого не заподозрил. В других случаях он обращается с путаными записями невежественных людей так, как будто вина лежит на нем самом за то, что он не оценил или не понял их. Помимо этого общего уважительного тона, у него был приятный способ выразить свое мнение о ценности цитируемого произведения или о своей ответственности за частичную информацию.

Его чувство уважения было не только прекрасно с моральной точки зрения, но, я думаю, имело практическую пользу, поскольку делало его готовым учитывать идеи и наблюдения самых разных людей. Раньше он чуть ли не извинялся за это и говорил, что поначалу был склонен оценивать все слишком высоко.

По его мнению, большим достоинством было то, что, несмотря на столь сильное уважение к тому, что он читал, он обладал тончайшим чутьем относительно того, заслуживает человек доверия или нет. Казалось, у него сложилось вполне определенное мнение относительно точности людей, книги которых он читал, и он использовал это суждение при выборе фактов для использования в аргументации или в качестве иллюстраций. У меня сложилось впечатление, что он считал эту способность судить о надежности человека очень ценной.

Он обладал острым чувством чести, которое должно царить среди авторов, и питал ужас перед любой небрежностью в цитировании. Он презирал любовь к чести и славе и в своих письмах часто винит себя за то удовольствие, которое получал от успеха своих книг, как будто он отступал от своего идеала — любви к правде и беззаботного отношения к славе. Часто, когда он пишет сэру Дж. Хукеру то, что он называет хвастливым письмом, он смеется над собой за свое тщеславие и недостаток скромности. Существует удивительно интересное письмо, которое он написал моей матери, завещая ей, в случае его смерти, позаботиться об публикации рукописи его первого эссе об эволюции. Это письмо, как мне кажется, полно страстного желания, чтобы его теория имела успех как вклад в развитие знаний, и помимо какого-либо стремления к личной славе. У него определенно было здоровое стремление к успеху, которое и должно быть у человека с сильными чувствами. Но на момент публикации "Происхождения" очевидно, что он был в высшей степени удовлетворен приверженностью таких людей, как Лайелл, Хукер, Хаксли и Эйса Грей, и не мечтал и не желал такой широкой известности, какой он достиг.

С его презрением к чрезмерной любви к славе была связана столь же сильная неприязнь ко всем приоритетным вопросам. Письма Лайеллу, написанные во время написания "Происхождения", показывают гнев, который он испытывал на самого себя из-за того, что не смог подавить чувство разочарования по поводу того, что, по его мнению, мистер Уоллес упредил все годы его работы. Его чувство литературной чести ярко проявляется в этих письмах; и его чувство приоритета снова проявляется в восхищении, выраженном в его "Воспоминаниях" о самоуничтожении мистера Уоллеса.

Его отношение к рекламациям, включая ответы на нападки и всевозможные дискуссии, было сильным. Это просто выражено в письме Фальконеру (1863?): "Если бы я когда-нибудь рассердился на вас, с кем у меня искренняя дружба, я бы начал подозревать, что я немного не в себе. Я очень сожалею о вашем отзыве, поскольку считаю, что это в любом случае ошибка, и ее следует предоставить другим. Должен ли я сам действовать таким образом под влиянием провокации - это другой вопрос". Это было чувство, отчасти продиктованное инстинктивной деликатностью, а отчасти сильным ощущением напрасной траты времени, энергии и вспыльчивости, вызванной таким образом. Он сказал, что обязан своей решимостью не вступать в дискуссии (он отступил от своего правила в своей "Заметке о повадках пампасного дятла *Colaptes campestris*", *Proc. Зоол. Соч.*, 1870, стр. 705: также в письме, опубликованном в "Атенеуме" (1863, стр. 554), в котором он впоследствии сожалел, что не промолчал. Его ответы на критику в более поздних изданиях "Происхождения" вряд ли можно классифицировать как нарушение его правил.) на совет Лайелла, — совет, который он передал тем из своих друзей, кто увлекался бумажной войной.

Если мы хотим понять характер трудовой жизни моего отца, необходимо постоянно иметь в виду условия плохого состояния здоровья, в которых он работал. Он переносил свою болезнь с таким безропотным терпением, что даже его дети, я полагаю, с трудом могут осознать масштабы его обычных страданий. В их случае трудность усугубляется тем фактом, что с самых первых дней их воспоминаний они видели его в постоянном недомогании — и видели его, несмотря на это, полным удовольствия от того, что доставляло удовольствие им. Таким образом, в дальнейшей жизни их восприятие того, что он пережил, должно было быть отделено от впечатления, произведенного в детстве постоянной добродушной добротой в условиях непризнанных трудностей. На самом деле никто, кроме моей матери, не знает всего объема страданий, которые он перенес, или всего объема его удивительного терпения. За все последние годы его жизни она не покидала его ни на ночь, и ее дни были так распланированы, что все часы его отдыха можно было разделить с ней. Она ограждала его от всех неприятностей, которых можно было избежать, и не упускала ничего, что могло бы избавить его от неприятностей, или предотвратить его переутомление, или что могло бы облегчить многочисленные неудобства, связанные с его плохим здоровьем. Я не решаюсь так свободно говорить о такой священной вещи, как пожизненная преданность, которая вызвала всю эту постоянную и нежную заботу. Но это, я повторяю, главная черта его жизни, что за почти сорок лет он ни разу не узнал о здоровье обычных людей, и что, таким образом, его жизнь была одной долгой борьбой с усталостью и напряжением болезни. И об этом нельзя сказать, не упомянув об одном условии, которое позволило ему выдержать напряжение и вести борьбу до конца.

ПИСЬМА.

Самые ранние письма, к которым у меня есть доступ, написаны моим отцом, когда он был студентом Кембриджа.

Следовательно, история его жизни, изложенная в его переписке, должна начинаться с этого периода.

ГЛАВА 1.IV. — КЕМБРИДЖСКАЯ ЖИЗНЬ.

[Жизнь моего отца в Кембридже охватывает период между Великим семестром 1828 года, когда он поступил на первый курс, и концом майского семестра 1831 года, когда он получил степень и покинул университет.]

Из книг колледжа следует, что мой отец "admissus est pensionarius minor sub Magistro Шоу" от 15 октября 1827 года. Он переехал в резиденцию только во время Великого поста 1828 года, так что, хотя он сдал экзамен в положенное время, он не смог получить степень в обычное время — в начале Великого поста 1831 года. В таком случае человек обычно получал ученую степень до Пепельной среды, когда его называли "Baccalaureus ad Diem Cinerum" и причисляли к бакалаврам года. Имя моего отца, однако, встречается в списке бакалавров "ad Baptistam", или тех, кто был принят между Пепельной средой и Днем Святого Иоанна Крестителя (24 июня); ("В прошлый вторник Чарльз Дарвин из Колледжа Христа был принят в степень бакалавра" - "Кембридж Кроникл", пятница, 29 апреля 1831 г.). Таким образом, он занял место среди бакалавров 1832 года.

Один или два семестра он "жил" в квартире над табачной лавкой Бэкона, но не над лавкой на Рыночной площади, ныне столь хорошо известной жителям Кембриджа, а на Сидни-стрит. Все остальное время он жил в приятных комнатах на южной стороне первого двора Христа. (Комнаты находятся на втором этаже, с западной стороны средней лестницы. Медальон (подаренный моим братом) недавно повесили на стену в гостиной.)

Что определило выбор этого колледжа для его брата Эразма и для него самого, я не имею возможности узнать. Эразмус старший, их дед, учился в Сент-Джонсе, и этот колледж, возможно, был разумно выбран для них, поскольку он был связан со школой Шрусбери. Но жизнь выпускника колледжа Святого Иоанна, похоже, в те дни была беспокойной, если я могу судить по тому факту, что один мой родственник переехал оттуда в колледж Христа, чтобы избежать изматывающей дисциплины этого заведения. История, рассказанная мистером Гербертом, иллюстрирует то же положение вещей:

"В начале октябрьского семестра 1830 года произошел инцидент, который сопровождался несколько неприятными, хотя и нелепыми последствиями для меня. Дарвин попросил меня совершить с ним долгую прогулку по Болотам в поисках каких-нибудь природных объектов, которые он хотел бы иметь. После очень долгого, утомительного рабочего дня мы вместе

поужинали поздно вечером в его апартаментах в колледже Христа; и как только наш ужин закончился, мы бросились в мягкие кресла и крепко заснули. Я проснулся первым, около трех часов утра, когда, взглянув на часы и зная строгое правило Сент-Джонса, которое требовало, чтобы люди в форме учеников приходили в колледж до полуночи, я со всех ног помчался домой, опасаясь последствий, но надеясь, что декан сочтет это оправдание достаточным, когда я расскажу ему реальные факты. Он, однако, был неумолим и отказался выслушать мои объяснения или какие-либо доказательства, которые я мог привести; и хотя во время моего студенчества на меня ни разу не жаловались за опоздание в колледж, теперь, когда я был трудолюбивым бакалавром и у меня было пять или шесть учеников, он приговорил меня к заточению в стенах колледжа до конца семестра. Возмущению Дарвина не было предела, а глупая несправедливость и тирания декана вызвали не только сильное брожение среди моих друзей, но и стали предметом упреков со стороны некоторых ведущих сотрудников Университета".

Мой отец, кажется, не испытывал никаких трудностей в том, чтобы жить в мире со всеми мужчинами, занимающими и не занимающими должности в другом фонде леди Маргарет. У современника моего отца сложилось впечатление, что колледж Христа в их дни был приятным, довольно тихим колледжем с некоторой склонностью к "лошадиному азарту"; у многих мужчин вошло в обычай посещать Ньюмаркет во время скачек, хотя пари не были обычной практикой. В этом их ни в коей мере не обескураживал старший наставник, мистер Шоу, которого самого в таких случаях обычно можно было увидеть на Пустоши. Среди братьев-простолюдинов было довольно много — восемь или девять на шестьдесят или семьдесят пенсионеров, и это указывало бы на то, что это был неплохой колледж для мужчин, у которых были деньги, чтобы тратить их, и которые не очень любили строгую дисциплину.

То, как проходила служба в часовне, показывает, что декан, по крайней мере, не был чрезмерно усерден. Я слышал, как мой отец рассказывал, как в вечерней часовне декан читал поочередно стихи Псалмов, даже не делая вид, что ждет, пока прихожане возьмут свою долю. А когда Урок затягивался, он вставал и продолжал Песнопения после того, как ученик прочитывал пятнадцать или двадцать стихов.

Любопытно, что мой отец часто говорил о своей кембриджской жизни так, как будто это было потрачено впустую, забывая, что, хотя учеба в этом месте была для него достаточно бесплодной, он все же приобрел в высшей степени лучшие преимущества университетской жизни — общение с мужчинами и возможность для энергичного развития своего ума. Это правда, что он высоко ценил преимущества, которые получил от общения с профессором Хенслоу и некоторыми другими, но он, казалось, рассматривал это как случайный исход своей жизни в Кембридже, а не как преимущество, на которое Альма-Матер могла претендовать в какой-либо степени. Одним из кембриджских друзей моего отца был покойный мистер Дж.М. Герберт, судья окружного суда Южного Уэльса, от которого мне посчастливилось получить несколько заметок, которые помогают нам составить представление о том, какое впечатление производил мой отец на своих современников. Мистер Герберт пишет: "Я думаю, что весной 1828 года я впервые встретился с Дарвином либо в квартире моего кузена Уитли в Сент-Джонсе, либо в комнатах кого-то из его старых школьных товарищей по Шрусбери, со многими из которых я был в очень близких отношениях. Но именно летом того года наше знакомство переросло в близость, когда мы случайно оказались вместе в Бармуте на Долгих каникулах,

читая с частными преподавателями: он с Баттертоном из Сент—Джонса, своим преподавателем классической и математической литературы, а я с Йейтом из Сент-Джонса ".

Общение между ними практически прекратилось в 1831 году, когда мой отец попрощался с Гербертом в Кембридже, отправляясь в путешествие на своем "Бигле". Однажды я встретил мистера Герберта, тогда уже почти старика, и был очень поражен очевидной теплотой и свежестью привязанности, с которой он вспоминал моего отца. Заметки, которые я цитирую, заканчиваются таким сердечным панегириком: "С моей стороны было бы праздным говорить о его огромных интеллектуальных способностях ... но я не могу закончить этот беглый и бессвязный набросок, не засвидетельствовав, и я сомневаюсь, что все его оставшиеся в живых друзья по колледжу согласились бы со мной, что он был самым добродушным, сердечным, щедрым и любящим из друзей; что его симпатии были ко всему хорошему и истинному; и что он испытывал сердечную ненависть ко всему ложному, или подлому, или жестокому, или подлому, или бесчестному. Он был не только великим, но и в высшей степени добрым, справедливым и заслуживающим любви".

Два анекдота, рассказанные мистером Гербертом, показывают, что чувство моего отца к страданиям, будь то человека или животного, было в нем столь же сильно в молодости, как и в более поздние годы: "Перед отъездом из Кембриджа он сказал мне, что принял решение больше не стрелять; что он два дня стрелял у своего друга, мистера Оуэна из Вудхауса; и что на второй день, проходя по участку земли, который они взрыхлили накануне, он подобрал птицу, не совсем мертвую, но оставшуюся после выстрела, полученного в нее накануне; и что это произвело на него такое болезненное впечатление, что он не мог примириться со своей совестью, продолжая получать удовольствие от спорта, который причинял такие жестокие страдания".

Чтобы осознать силу чувства, которое привело к этому решению, мы должны вспомнить, насколько страстной была его любовь к спорту. Мы должны вспомнить, как мальчик подстрелил своего первого бекаса ("Воспоминания") и так дрожал от возбуждения, что едва мог перезарядить ружье. Или подумайте о такой фразе, как: "Клянусь душой, до "Первого" осталось всего около двух недель, тогда, если и есть блаженство на земле, то это оно". (Письмо К. Дарвина У.Д. Фоксу.)

Другой анекдот, рассказанный мистером Гербертом, еще раз иллюстрирует его сердечную нежность:

"Когда в Бармуте мы с ним ходили на выставку "обученных собак". В разгар представления одна из собак не смогла выполнить трюк, который ей велел сделать хозяин. На человека, упрекающего его, собака напустила на себя самое жалобное выражение, как будто боялась удара кнутом. Дарвин, увидев это, попросил меня уйти с ним, сказав: "Пойдем, я больше не могу этого выносить; как, должно быть, были облизаны эти бедные собаки".

Любопытно, что то же самое чувство возникло у моего отца более пятидесяти лет спустя, когда он увидел несколько дрессированных собак в Вестминстерском аквариуме; в этот раз менеджер успокоил его, сказав, что собак учат скорее вознаграждением, чем наказанием. Мистер Герберт продолжает: "До глубины души трогало слушать, как он обрушивается с упреками на ужасы работорговли или жестокости, которым подвергались страдающие поляки в

Варшаве ... Эти и другие подобные доказательства оставили в моем сознании убеждение, что более гуманного и мягкосердечного человека на свете не было".

Его старые друзья по колледжу соглашались, с нежностью отзываясь о его приятном, добродушном характере в молодости. Из того, что они смогли мне рассказать, у меня сложилось впечатление молодого человека, переполненного жизнерадостностью, ведущего разнообразную здоровую жизнь, не слишком усердного в изучении местных предметов, но полного других занятий, которым он следовал с радостным энтузиазмом. Энтомология, верховая езда, охота на болотах, ужины и игра в карты, музыка в Королевской часовне, гравюры в музее Фицуильяма, прогулки с профессором Хенслоу — все это вместе составляет счастливую жизнь. Мистер Герберт рассказывает, как тем же летом в Бармуте его заставили служить "науке" — так мой отец называл коллекционирование жуков. Они ежедневно совершали совместные прогулки среди холмов за Бармутом, или плавали на лодках в устье Мауддаха, или плыли в Сарн Бадриг, чтобы высадиться там во время отлива, или ловили рыбу нахлыстом на озерах Корс-игедол. "В этих случаях Дарвин наиболее усердно занимался энтомологией, подбирая на ходу живых существ и складывая в мешки все, что казалось достойным изучения. И очень скоро он снабдил меня бутылкой спирта, в которую я должен был бросать любых жуков, которые казались мне необычными. Я с некоторым усердием выполнял эту обязанность на своих обычных прогулках; но увы! моя проницательность редко позволяла мне получить приз — обычным результатом, когда он исследовал содержимое моей бутылки, было восклицание: "Ну и дела, старина Шербери" (Без сомнения, намека на титул лорда Герберта Шерберского). (прозвище, которое он мне дал и которым он обычно обращался ко мне) "ни одно из них не подойдет". Опять же, преподобный Т. Батлер, который был одним из читателей Бармута в 1828 году, говорит: "Он привил мне вкус к ботанике, который сохранился у меня на всю жизнь".

Архидьякон Уоткинс, еще один старый друг моего отца по колледжу, вспоминает, как он выкапывал жуков в ивняках между Кембриджем и Грантчестером, и рассказывает о некоем жуке, в память о котором называется "Крукс майор" (*Panagaeus crux-major*). С каким энтузиазмом, должно быть, мой отец восхищался этим жуком, раз запечатлел его название на компаньоне так, что тот помнит его спустя полвека! Архидиакон Уоткинс продолжает: "Я не забываю долгие и очень интересные беседы, которые у нас были о бразильских пейзажах и всевозможной тропической растительности. Я также не забуду, с какой горячностью он тер подбородок, когда волновался на подобные темы, и красноречиво рассуждал о лианах, орхидеях и т. Д."

Он сблизился с Хенслоу, профессором ботаники, а через него и с некоторыми другими старшими сотрудниками университета. "Но, — пишет мистер Герберт, — он всегда поддерживал самые тесные связи с друзьями своего положения; и на наших частых общественных собраниях - за завтраком, вином или ужином - он всегда был одним из самых веселых, самых популярных и желанных гостей".

Мой отец организовал клуб, где раз в неделю ужинали под названием "Гурман" (мистер Герберт упоминает название как "Клуб обжор"), членами которого, помимо него самого и мистера Герберта (из которого я цитирую), были Уитли из Сент-Джонса, ныне почетный каноник Дарема (ранее читал курс натурфилософии в Даремском университете.); Хевисайд из Сиднея, ныне каноник Норвича; Ловетт Камерон из Тринити, ныне викарий Шорхэма; Блейн из Тринити, занимавший высокий пост во время крымской войны; Х. Лоу (брат о лорде Шербруке.) (Ныне

Шербрук) из Тринити-холла; и Уоткинс из Эммануэля, ныне архидиакон Йоркский. Происхождение названия клуба, похоже, уже окутано мраком неизвестности. Мистер Герберт говорит, что это название было выбрано в насмешку над другой "группой людей, которые называли себя длинным греческим именем, означающим "любитель деликатесов", но которые опровергли свое право на такое название своей еженедельной практикой ужинать в какой-нибудь придорожной гостинице в шести милях от Кембриджа бараньими отбивными или фасолью с беконом". Другой старый член клуба рассказал мне, что название возникло потому, что его члены были увлечены проведением экспериментов на "птицах и зверях, которые раньше были неизвестны человеческому вкусу". Он говорит, что хока и выпь были подвергнуты испытанию и что их рвение лопнуло из-за старой бурой совы, "что было неопишимо". Во всяком случае, встречи, казалось, прошли успешно и завершились "игрой в мягкие игры".

Мистер Герберт приводит забавный отчет о музыкальных экзаменах, описанных моим отцом в его "Воспоминаниях". Мистер Герберт горячо говорит о своей любви к музыке и добавляет: "Что доставляло ему наибольшее удовольствие, так это какая-нибудь грандиозная симфония или увертюра Моцарта или Бетховена с их полной гармонией". Однажды Герберт вспоминает, что "сопровождал его на дневную службу в Королевском соборе, когда мы услышали очень красивый гимн. В конце одной из частей, которая была чрезвычайно впечатляющей, он повернулся ко мне и сказал с глубоким вздохом: "Как твой позвоночник?" - Он часто говорил об ощущении холода или дрожи в спине, когда слушал прекрасную музыку.

Помимо любви к музыке, в то время у него определенно была любовь к изящной литературе; и мистер Камерон рассказал мне, что он часто читал Шекспира моему отцу в его комнатах в "Крайстс", который получал от этого большое удовольствие. Он также говорит о своей "большой любви к первоклассным линейным гравюрам, особенно к Рафаэлю Моргену и Мюллеру; и он часами рассматривал гравюры из этой коллекции в музее Фицуильяма".

Письма моего отца Фоксу показывают, насколько сильно угнетало его чтение экзамена: "Я читаю очень усердно, и у меня ни на что не остается сил. На самом деле в этом семестре я не загнал ни одного жука". Его отчаяние по поводу математики, должно быть, было глубоким, когда он выразил надежду, что молчание Фокса вызвано тем, что "вы погрузились в математику на десять саженей глубже; и если это так, то да поможет вам Бог, потому что я такой же, только с той разницей, что я крепко увяз в грязи на дне и там останусь". Мистер Герберт говорит: "У него, я полагаю, не было естественной склонности к математике, и он бросил свои занятия математикой еще до того, как освоил первую часть алгебры, после особой ссоры с Сурдсом и другими учеными". Биномиальная теорема".

Из его писем Фоксу мы получаем некоторые свидетельства намерения моего отца перейти в Церковь. "Я рад, - пишет он (18 марта 1829 г.), - слышать, что вы читаете "Божественность". Я хотел бы знать, какие книги вы читаете, и ваше мнение о них; вам не нужно бояться преждевременно читать мне проповеди". Набросок мистера Герберта показывает, как в сознании моего отца возникли сомнения относительно возможности того, что он подчиняется Приказам. Он пишет: "У нас был серьезный разговор о принятии священного сана; и я помню, как он спросил меня, ссылаясь на вопрос, заданный епископом на службе рукоположения: "Верите ли вы, что вы внутренне движимы Святым Духом и т.д.", могу ли я ответить утвердительно, и на мой ответ, что я не могу, он сказал: "Я тоже не могу, и поэтому я не могу принимать ордена". Этот разговор, по-видимому, состоялся в 1829 году, и если да, то

выраженные здесь сомнения, должно быть, рассеялись, поскольку в мае 1830 года он говорит о у меня есть кое-какие мысли о чтении "Божественности" с Хенслоу.

[Большая часть следующих писем адресована моим отцом своему двоюродному брату Уильяму Дарвину Фоксу. Родство мистера Фокса с моим отцом показано в родословной, приведенной в главе I. Степень родства, по-видимому, оставалась проблемой для моего отца, поскольку он подписывает себя одной буквой "кузен / n в степени 2". На самом деле их дружба возникла из-за того, что они вместе учились на старших курсах. Письма моего отца достаточно ясно показывают, насколько искренней была эта дружба. По прошествии лет расстояние, большие семьи и плохое здоровье с обеих сторон помешали общению, но теплое чувство дружбы осталось. Переписка никогда полностью не прекращалась и продолжалась до смерти мистера Фокса в 1880 г. Мистер Фокс принимал заказы и работал сельским священником, пока не был вынужден из-за плохого состояния здоровья покинуть свое жилище в Деламар Форест. Его любовь к естественной истории оставалась сильной, и он стал искусным любителем многих видов птиц и т.д. Указатель к "Животным и растениям" и более поздняя переписка моего отца показывают, какую большую помощь он получил от своего старого друга по колледжу.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.М. ГЕРБЕРТУ. Субботний вечер [14 сентября 1828 г.]. (Почтовый штамп с надписью "Дерби", по-видимому, показывает, что письмо было написано из дома его двоюродного брата У.Д. Фокса в Осмастоне, недалеко от Дерби.)

Мой дорогой старина Шербери,

Я собираюсь выполнить свое обещание написать вам, но с сожалением должен добавить, что за этим кроется очень эгоистичный мотив. Я собираюсь попросить вас о большом одолжении, и вы не можете себе представить, как сильно вы меня обяжете, раздобыв еще несколько экземпляров некоторых насекомых, которые, осмелюсь сказать, я могу описать. Во-первых, я должен сообщить вам, что я взял несколько редчайших британских насекомых, и то, что они были найдены недалеко от Бармута, совершенно неизвестно миру энтомологии: я думаю, что напишу и проинформирую некоторых первоклассных энтомологов.

А теперь перейдем к делу. Еще несколько экземпляров, если вы сможете раздобыть их без особых проблем, следующих насекомых: — Фиолетово-черный жук, обитающий на Крейг-Шторме (вершина холма сразу за Бармутом называлась Крейг-Шторм, гибридное камброанглийское слово.), под камнями, также большой гладко-черный, очень похожий на него; голубовато-металлический навозный жук, который **ОЧЕНЬ** распространен на склонах холмов; также, если вы будете так любезны, перейдите на паром, и вы найдете их в большом количестве под камнями на пустыре длинной долины. , гладкий, черный как смоль жук (их очень много); также, в той же ситуации, очень маленькое розоватое насекомое с черными пятнами, с изогнутой грудной клеткой, выступающей за пределы головы; также, на болотистой местности за паромной переправой, недалеко от моря, под старыми морскими водорослями, камнями и т.д., Вы найдете маленького желтоватого прозрачного жука с двумя или четырьмя черноватыми отметинами на спине. Под этими камнями есть два сорта, один намного темнее другого; мне нужен более светлый. Эти последние два насекомого **ЧРЕЗВЫЧАЙНО РЕДКИ**, и вы действительно окажете мне огромную услугу, взяв на себя все эти хлопоты довольно скоро; передайте Батлеру мои наилучшие пожелания, расскажите ему о моем успехе, и я осмелюсь

сказать, что вы оба легко узнаете этих насекомых. Я надеюсь, что его гусеницы хорошо себя чувствуют. Я думаю, что многие куколки стоят того, чтобы их сохранить. Мне действительно очень стыдно за столь длинное письмо, посвященное моим собственным заботам; но оплатите добром за зло и пришлите мне подробный отчет обо всех ваших действиях.

За первую неделю я убил семьдесят пять голов дичи — ничтожное число, — но птиц очень мало. Однако я убил пару черных. С тех пор я останавливаюсь в "Фоксе", недалеко от Дерби; это очень приятный дом, и музыкальная встреча прошла очень хорошо. Я хочу услышать, как Йейтсу нравится его оружие и какое применение он нашел ему.

Если бутылка невелика, вы можете купить другую для меня, а когда будете проезжать через Шрусбери, можете оставить эти сокровища, и я надеюсь, если сможете, вы останетесь у меня на день или два, поскольку, надеюсь, мне нет нужды говорить, как я буду рад увидеть вас снова. Фокс заметил, какими чертовски добродушными ребятами, должно быть, были ваши друзья в Бармуте; и если бы я не знал, какими вы с Батлером были такими, я бы и не подумал доставлять вам столько хлопот.

Поверь мне, мой дорогой Герберт, искренне твой ЧАРЛЬЗ ДАРВИН. Передавай привет всем друзьям.

[В январе следующего года мы видим, что он с удовольствием ожидает начала нового года своей кембриджской жизни: он пишет в Fox—

"Я ждал до сегодняшнего дня возможности получить письмо, но больше ждать не буду. Я должен самым искренним и сердечным образом поздравить вас с окончанием всех ваших трудов. Я думаю, что ваше место ОЧЕНЬ ХОРОШЕЕ, учитывая, насколько вы превзошли многих людей, которые начинали читать раньше вас. Я так хотел бы оказаться сейчас в Кембридже (однако это очень эгоистичное желание, поскольку меня не было с вами во всех ваших бедах и невзгодах), чтобы приобщиться ко всей славе и счастью, которые могут дать прошедшие опасности. Как бы мы разговаривали, гуляли и занимались энтомологией! Сафо должна быть лучшей из сук, а Дэш — из собак: тогда должен быть "мир на земле, добрая воля к мужчинам", что, кстати, я всегда считаю самым совершенным описанием счастья, которое только могут дать слова ".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. Кембридж, четверг [26 февраля 1829 г.].

Мой дорогой Лис,

Когда я приехал сюда во вторник, я обнаружил, к своему великому огорчению и удивлению, на моем столе письмо, которое я написал вам около двух недель назад, глупый портье даже не потрудился переслать письмо. Я полагаю, вы называли меня самым неблагодарным негодяем; но я уверен, что теперь вы пожалеете меня, потому что нет ничего более досадного, чем напрасное письмо.

В прошлый четверг я уехал из Шрусбери в Лондон и оставался там до вторника, после чего приехал сюда с "Таймс". Первые два дня я полностью провел с мистером Хоупом (основателем кафедры зоологии в Оксфорде.) и почти ничего не делал, кроме разговоров о насекомых и

разглядывания их; его коллекция великолепна, и он сам самый щедрый из энтомологов; он подарил мне около 160 новых видов и на самом деле часто хотел подарить мне редчайших насекомых, которых у него было всего два экземпляра. Он произнес много вежливых речей и выразил надежду, что вы заглянете к нему как-нибудь со мной, когда нам случится быть в Лондоне. Он очень хвалит наши усилия в области энтомологии и говорит, что мы поймали удивительно большое количество полезных насекомых. В воскресенье я провел день с Холландом, который одолжил мне лошадь, чтобы покататься с ней в парке.

В понедельник вечером я пил чай со Стивенсом (Дж. Ф. Стивенс, автор "Руководства по британским жесткокрылым", 1839, и других работ.); его кабинет более великолепен, чем мог мечтать самый рьяный энтомолог; он кажется очень добродушным приятным маленьким человеком. Находясь в городе, я посетил Королевский институт, Линнеевское общество, Зоологические сады и многие другие места, где собираются толпы натуралистов. Если бы вы были со мной, я думаю, Лондон был бы очень восхитительным местом; при нынешнем положении вещей он был намного приятнее, чем я мог предположить в такой унылой глуши домов.

Находясь в Шрусбери, я застрелил Дандивера (самку Гусака, как вы, полагаю, знаете). Шоу набил его, и когда у меня будет возможность, я отправлю его в Осмастон. Были застрелены также пять восковых болтунов, три из которых выставлены Шоу на продажу; не хотите ли приобрести экземпляр? Я еще не поблагодарил вас за ваше последнее очень длинное и приятное письмо. Оно было бы еще приятнее, если бы содержало радостное известие о том, что вы поднимаетесь сюда; мои два одиноких завтрака уже дали мне понять, как сильно, очень сильно я буду скучать по вам.

...

Поверь мне, мой дорогой старый Лис, Искренне твой Ч. ДАРВИН.

[Позже, во время Великого поста, он пишет Фоксу:—

"Я веду спокойный повседневный образ жизни; немного истории Гиббона утром и много "Ван Джона" вечером; это, наряду с случайными прогулками с Симкоксом и конституционализмом с Уитли, составляет обычный распорядок моих дней. Я часто вижу и с Гербертом, и с Уитли, и чем больше я их вижу, тем больше с каждым днем возрастает уважение, которое я испытываю к их превосходному пониманию и характеру. Они устраивали несколько очень веселых вечеринок, в оба вечера там было около шестидесяти человек".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. Колледж Христа [Кембридж], 1 апреля [1829].

Мой дорогой Лис,

В своем письме Холдену вы с удовлетворением отмечаете, что "из всех мерзавцев, с которыми вы когда-либо встречались, я величайший". По этому поводу я не буду делать никаких замечаний, за исключением того, что должен отдать вам должное за то, что вы действовали в соответствии с ним наиболее жестко. А теперь я хотел бы знать, в чем конкретно вы меньший негодяй, чем я? Ты, старый негодяй, почему ты не ответил на мое последнее письмо, которое, я

уверен, я переслал в Клифтон почти три недели назад? Если бы мне на самом деле не очень хотелось услышать, что вы делаете, я бы позволил вам остаться до тех пор, пока вы не сочтете нужным обращаться со мной как джентльмен. И теперь, дав волю своему гневу, ругая вас, и сказав вам то, что вы должны знать, как сильно и с какой тревогой я хочу услышать, как у вас и вашей семьи идут дела в Клифтоне, смысл этого письма исчерпан. Если бы ты только знал, как часто я думаю о тебе и как часто сожалею о твоём отсутствии, я уверен, что уже давно получил бы от тебя весточку.

Я нахожу Кембридж довольно глупым, и поскольку я почти никого не знаю, кто ходит пешком, и это в сочетании с моими не совсем здоровыми губами привело меня к своего рода гибридизации... Я застал мистера Харбора за тем, что он позволил себе первым сорвать жуков; соответственно, мы распрощались окончательно, моя роль в трогательной сцене заключалась в том, что я сказал ему, что он чертов негодяй, и дал понять, что спущу его с лестницы, если он когда-нибудь снова появится в моих комнатах. Это, казалось, сильно удивило молодого джентльмена. У меня нет для вас новостей; действительно, когда переписка прервана, как наша, трудно начать все сначала. Прошлой ночью в Линтоне, в одиннадцати милях от Кембриджа, произошел ужасный пожар. Увидев столь отчетливое отражение в небе, Холл, Вудир, Тернер и я подумали, что нам стоит поехать и посмотреть на это. Мы выехали в половине десятого и скакали туда, как воплощенные дьяволы, и вернулись только в два часа ночи. В общем, это было самое ужасное зрелище. Я не могу сделать вывод, не сказав вам, что из всех мерзавцев, с которыми я когда-либо встречался, вы величайший и лучший.

Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. [Кембридж, четверг, 23 апреля 1829 г.]

Мой дорогой Лис,

Я отложил ответ на твое последнее письмо на эти несколько дней, так как подумал, что при таких печальных обстоятельствах мое письмо тебе, вероятно, доставит тебе только неприятности. Сегодня утром я получил письмо от Кэтрин, в котором она информирует меня об этом событии (смерти сестры Фокса, миссис Бристоу.), которое, судя по вашему письму, вряд ли могло произойти иначе. Я искренне и глубоко сочувствую вам и всей вашей семье; но в то же время, насколько любой человек может, руководствуясь своими собственными благами принципами и религией, получить поддержку в таком несчастье, вы, я уверен, будете знать, где искать такую поддержку. И после такого чистого и святого утешения, какое дает Библия, я в равной степени убеждаюсь, насколько бесполезным должно казаться сочувствие всех друзей, хотя оно должно быть настолько искренним, насколько, я надеюсь, вы верите, я способен чувствовать. Во время такой глубокой печалью я сказать больше нечего, за исключением того, что я надеюсь, ваш отец и миссис Фокс перенесла этого удара, а также, при таких условиях можно надеяться.

Боюсь, пройдет много времени, мой дорогой Фокс, прежде чем мы встретимся; а до тех пор верь мне всегда,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У.Д. ФОКСУ. Шрусбери, пятница [4 июля 1829 г.].

Мой дорогой Лис,

Мне следовало написать вам раньше, но, пока длилась наша экспедиция, я был слишком занят, и результат был настолько неудачным, что я был слишком огорчен, чтобы написать вам, пока на этой неделе дома не воцарится покой. Мысли о Вудхаусе на следующей неделе, наконец, придали мне смелости рассказать о моем печальном случае.

Я отправился отсюда около двух недель назад, чтобы совершить с мистером Хоупом энтомологическую поездку по всему Северному Уэльсу; и нашим первым пунктом назначения был Бармут. Два первых дня я держался довольно хорошо, приняв несколько полезных лекарств; но до конца той недели моим губам внезапно стало так плохо (вероятно, из-за экземы, от которой он часто страдал.), да и мне самому было не очень хорошо, что я не мог выйти из комнаты, и в понедельник я с горем пополам вернулся обратно в Шрусбери. Первые два дня я ловил несколько хороших насекомых... Но в те дни, когда я не могла выходить на улицу, мистер Хоуп творил чудеса ... И сегодня я получила от него еще одну посылку с насекомыми, такими колимбетами, такими караби и такими великолепными Элатерами (два вида ярко-алого сорта). Я уверен, вы должным образом отнесетесь к моему несчастливому положению: я полон решимости до наступления осени заняться тем же, что и он, и, если усердная работа приведет к появлению насекомых, я принесу домой великолепный урожай

Мой дорогой Фокс, искренне твой, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - У.Д. ФОКСУ. Шрусбери, 18 июля 1829 г.

На следующей неделе я еду в Маер, чтобы заняться энтомологией, и пробуду там неделю, а до конца этого лета я намерен вести совершенно праздную и бродячую жизнь ... Видите ли, я почти в том же состоянии, что и вы, с той разницей, что вы принимаете правильные решения и никогда их не выполняете; я никогда их не принимаю, поэтому не могу их выполнять; все это очень хорошо написано в такой манере, но я должен немного почитать. Грэм улыбнулся и поклонился так учтиво, когда сказал мне, что он был одним из шести человек, назначенных для ужесточения экзамена, и что они были полны решимости сделать его совершенно отличным от любого предыдущего экзамена, что из всего этого я уверен, что всем праздным людям и энтомологам придется чертовски дорого заплатить. Эразмус, мы ожидаем его домой через несколько недель: он намерен провести следующую зиму в Париже. Обязательно закажите два списка насекомых, опубликованных Стивенсом, один напечатан с обеих сторон, а другой только с одной; вы найдете их очень полезными со многих точек зрения.

Дорогой старый Лис, с уважением, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. Колледж Христа, четверг [16 октября 1829 г.].

Мой дорогой Лис,

Боюсь, вы очень рассердитесь на меня за то, что я не написал ничего во время Музыкального собрания, но на самом деле я так много работал, что у меня не было времени; я приехал сюда в понедельник и обнаружил, что в моих комнатах ужасный беспорядок, поскольку они занимали весь этаж, и вы можете предположить, что у меня было много дел за эти два дня. Музыкальная встреча (в Бирмингеме.) была самым восхитительным событием, которое я когда-либо испытывал; а что касается Малибран, словами ее не похвалить, она самый очаровательный человек, которого я когда-либо видел. У нас были отрывки из нескольких лучших опер, мы играли от лица персонажей, и вы не можете себе представить, насколько эти концерты превосходили все, что я когда-либо слышал раньше. Дж. де Бегнис (христианское имя Де Бегниса было Джузеппе.) сыграл "Фанатика" от лица персонажа; экстраординарный наряд придает гораздо больший эффект его игре. Он заставлял весь театр взрываться смехом. Мне очень понравилась мадам Блазис, но после Малибран, которая спела несколько комических песен, ничего не выйдет, и сердце человека, должно быть, было каменным, чтобы не потерять его из-за нее. Я поселился совсем рядом с Веджвудами и жил полностью с ними, что было очень приятно, и если бы вы были там, это было бы просто идеально. Это ужасно выбило меня из колеи, и я никогда больше не буду пытаться делать два дела в один день.

...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У.Д. ФОКСУ. [Кембридж] Четверг [март 1830 г.].

Мой дорогой Лис,

С меня хватит!!! Я слишком взволнован, чтобы унижаться и извиняться за то, что не написал раньше. Но уверяю вас, прежде чем я вошел, и когда мои нервы были в расшатанном и слабом состоянии, ваша пострадавшая персона часто вставала у меня перед глазами и дразнила меня моим бездельем. Но я справился, справился, справился. Я мог бы исписать весь лист этим восхитительным словом. Я зашел вчера и только что услышал радостную новость. В течение недели я не буду знать, в каком классе я учусь. Весь экзамен проводится по другой системе. У него есть одно большое преимущество — сдача за один день. Они довольно строгие и задают огромное количество вопросов.

А теперь я хочу кое-что узнать о твоих планах; ты, конечно, собираешься приехать сюда: как весело нам будет вместе; каких жуков мы будем ловить; моему сердцу будет приятно еще раз вместе отправиться в одно из наших старых мест обитания. У меня есть два очень многообещающих ученика по энтомологии, и мы будем регулярно совершать походы на Болота. Да хранят небеса жуков и мистера Дженинса, потому что мы не оставим ему пары во всей стране. Мой новый кабинет министров снесен, и это веселое маленькое дельце.

А теперь, что касается времени, я, пожалуй, съезжу на несколько дней в город, чтобы послушать оперу и повидаться с мистером Хоупом, не говоря уже о моем брате, с которым я была бы не прочь повидаться. Если я уеду довольно скоро, ты можешь приехать позже, но если ты окончательно определишься со своими планами, я устрою свои, так что пришли мне письмо с обратной почтой. И я прошу вас, пусть это будет благоприятно, то есть приезжайте прямо сейчас. Холден был рукоположен и вывез Тренера в понедельник. Я не думаю, что он выглядит

очень хорошо. Чэпмен хочет, чтобы мы с вами нанесли ему визит, когда вы приедете, и просит не забывать о вас. Вы должны извинить меня за это короткое письмо, поскольку у меня больше нет возможности отправить его сегодняшней почтой. Я жажду увидеть тебя снова, а до тех пор, Мой дорогой старый добрый Лис, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[В августе он был в Северном Уэльсе и написал Фоксу:—

"Последние две недели я собирался писать каждый час, но на самом деле у меня не было времени. Я уехал из Шрусбери в этот день две недели назад и с тех пор с утра до ночи занимаюсь ловлей рыбы или жуков. Это буквально первый свободный день, который у меня был наедине с самим собой, потому что в дождливые дни я хожу на рыбалку, а в хорошие занимаюсь энтомологией. Возможно, вы помните, что за две недели до всего этого вы просили меня не писать, так что я надеюсь, что нашел какое-то оправдание тому, что не ответил раньше на ваши два длинных и очень приятных письма ".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. [Кембридж, 5 ноября 1830 г.]

Мой дорогой Лис,

У меня сейчас так мало времени, и чтение вызывает такое отвращение, что у меня не хватает духу написать кому-нибудь. С тех пор, как я приехала сюда, я написала домой всего один раз. Это должно извинить меня за то, что я не ответил на ваши три письма, за которые я действительно очень признателен...

В этом семестре я не приклеил ни одного насекомого и почти не открывал ни одного футляра. Если бы у меня было время, я бы послал вам насекомых, которых я так давно обещал; но на самом деле у меня нет ни духа, ни времени что-либо делать. Чтение приводит меня в настоящее отчаяние; необходимость поднимать все мои предметы почти невыносима. Хенслоу - мой наставник, и он самый ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ из всех; час, проведенный с ним, самый приятный за весь день. Я думаю, что он самый совершенный человек, которого я когда-либо встречала. В этом семестре я был там на нескольких очень приятных вечеринках. Его добродушие безгранично.

Я уверен, вам будет жаль услышать, что отец бедного старого Уитли мертв. С мирской точки зрения это имеет для него большое значение, поскольку на некоторое время помешает ему ходить в бар.—(Обязательно ответьте на этот вопрос:) Сколько вы заплатили за железный обруч, который сделали в Шрусбери? Потому что я не собираюсь оплачивать весь счет Кембриджца. Вам не нужно беспокоиться о фаллосе, поскольку я скупил оба вида. Я слышал, как мужчины говорили, что Хенслоу придерживается некоторых любопытных религиозных взглядов. Я никогда ничего подобного не замечал, а вы? Я очень рад слышать, что после всех ваших проволочек вы услышали о приходе, где вы можете прочитать все заповеди, не подвергая опасности свое горло. Я также еще более рад слышать, что состояние вашей матери продолжает неуклонно улучшаться. Я верю, что у вас больше не будет причин для беспокойства. Со всеми пожеланиями твоего счастья, мой дорогой старый Лис,

Поверьте мне, ваш самый искренний друг ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. Кембридж, воскресенье, 23 января 1831 года.

Мой дорогой Лис,

Я надеюсь, вы извините, что я не писал до получения степени. Я испытывал совершенно необъяснимое отвращение к письмам кому бы то ни было. Но сейчас я от всей души поздравляю вас с успешной сдачей экзамена и надеюсь, что вы найдете свое служение викарием комфортным. Если это мой последний шиллинг (у меня его немного), я приду и нанесу вам визит.

Я не знаю, почему ученая степень должна делать человека таким несчастным, как до, так и после. Я помню, что раньше вы были достаточно несчастны, и я могу заверить [вас] Сейчас я такой, и что делает это еще более нелепым, так это то, что я не знаю, по какому поводу. Я считаю, что природа прекрасно распорядилась так, чтобы человек меньше сожалел о том, что покидает такое приятное место, как Кембридж; и среди всех его удовольствий — я говорю это раз и навсегда — ни одно не сравнится с моей дружбой с вами. Вчера я отправил вам газету, в которой вы увидите, какое хорошее место [10-е] я занял в опросе. Что касается колледжа Христа, вы когда-нибудь видели подобный колледж для подготовки Капитанов и Апостолов? ("Капитан" возглавляет "Опрос": "апостолы" - последние двенадцать в математическом рейтинге Tripos.) Ни в Emmanuel, ни в Christ нет мужчин. Кэмерон пропал вместе с тремя другими стипендиатами Тринити! Мои планы еще не определены. Я думаю, что продержусь этот семестр, а затем поеду экономить в Шрусбери, вернусь и получу степень.

Человеку можно простить то, что он так много пишет о себе, когда он только что сдал экзамен; так что вы должны извинить [меня]. И по тому же принципу вы пишете письмо, до краев наполненное собой и планами. Я хочу узнать что-нибудь о вашем экзамене. Расскажите мне о состоянии ваших нервов; какие книги вы взяли и насколько они идеальны. Я проявляю интерес к такого рода вещам, поскольку придет время, когда мне придется страдать. Твой наставник, Томпсон, просил, чтобы тебя помнили, и Уитли тоже. Если вы ответите на этот вопрос, я пришлю столько глупых ответов, сколько вы пожелаете.

Поверь мне, дорогой Фокс, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ГЛАВА 1.V. — НАЗНАЧЕНИЕ На "БИГЛЬ".

[В письме, адресованном капитану Фиц-Рою перед отплытием "Бигля", мой отец писал: "Каким чудесным днем будет для меня 4 ноября ("Бигль", однако, окончательно и успешно стартовал

только 27 декабря.) — тогда начнется моя вторая жизнь, и он будет днем рождения до конца моей жизни".]

Обстоятельства, которые привели к этому второму рождению — гораздо более важные, чем тогда представлял мой отец, — связаны с его жизнью в Кембридже, но, возможно, более уместно рассказать об этом в настоящей главе. Главным в цепи обстоятельств, приведших к его назначению на "Бигль", была дружба моего отца с профессором Хенслоу. Он писал в записной книжке или дневнике, которые содержат краткую запись дат и т.д., на протяжении всей своей жизни:

"1831. РОЖДЕСТВО.—Сдал экзамен на степень бакалавра и остался на два следующих семестра.

"В течение этих месяцев много жил с профессором Хенслоу, часто обедал с ним и гулял с ним; немного познакомился с несколькими учеными людьми в Кембридже, что значительно усилило рвение, которого не уничтожили званые обеды и охота.

"Весной нанес визит мистеру Доусу вместе с Рамзи и Кирби и обсудил поездку в Тенериф. Весной Хенслоу убедил меня задуматься о геологии и познакомил с Седжвиком. В середине лета немного занимался геологией в Шропшире.

"АВГУСТ. — Отправился в геологическую поездку (упомянутую Седжвиком в его предисловии к "Каталогу кембрийских и силурийских ископаемых" Солтера, 1873 г.) по Лланголлену, Рутину, Конвею, Бангору и Кейпелу Куригу, где я оставил профессора Седжвика и пересек гору в Бармут".

В письме Фоксу (май 1831 г.) мой отец пишет: "Я очень занят ... и часто вижусь с Хенслоу, которого я не знаю, люблю ли я или уважаю больше". Его чувства к этому замечательному человеку прекрасно выражены в письме, которое он написал преподобному Л. Бломфилду (тогда преподобному Л. Дженинсу), когда последний был занят своими "Воспоминаниями о профессоре Хенслоу" (опубликованы в 1862 году). Отрывок ("Мемуары преподобного Джона Стивенса Хенслоу, магистра медицины" преподобного Леонарда Дженинса. 8во. Лондон, 1862, стр. 51.) было использовано в первом из мемориальных заметок, написанных для журнала "Nature", и мистер Романес указывает, что мой отец, "описывая характер другого человека, бессознательно дает наиболее точное описание своего собственного":

"Я поступил в Кембридж в начале 1828 года и вскоре познакомился через нескольких моих братьев-энтомологов с профессором Хенслоу, поскольку все, кто интересовался какой-либо отраслью естественной истории, были одинаково воодушевлены им. Ничто не могло быть более простым, сердечным и непритязательным, чем поддержка, которую он оказывал всем юным натуралистам. Вскоре я сблизился с ним, потому что он обладал замечательной способностью заставлять молодежь чувствовать себя с ним совершенно непринужденно, хотя все мы были поражены объемом его знаний. До того, как я увидел его, я слышал, как один молодой человек подвел итог своим достижениям, просто сказав, что он знает все. Когда я размышляю о том, как сразу же мы почувствовали себя совершенно непринужденно с человеком старше нас и во всех отношениях настолько превосходящим нас, я думаю, что это было связано как с прозрачной искренностью его характера, так и с его добротой сердца; и, возможно, даже в еще большей степени с в высшей степени поразительным отсутствием в нем всякого самосознания. Сразу становилось ясно, что он никогда не думал о своих собственных разнообразных знаниях или

ясном интеллекте, а думал исключительно о предмете, находящемся под рукой. Еще одно очарование, которое, должно быть, поразило каждого, заключалось в том, что его обращение со старыми и выдающимися людьми и с самым молодым студентом было совершенно одинаковым: и ко всем он проявлял одинаковую подкупающую вежливость. Он с интересом воспринял бы самое пустяковое наблюдение в любой области естественной истории; и какую бы абсурдную ошибку ни допустил человек, он указывал на нее так ясно и доброжелательно, что это нисколько не обескураживало его, а только заставляло быть более точным в следующий раз. Короче говоря, ни один мужчина не мог быть лучше подготовлен для того, чтобы завоевать полное доверие молодежи и поощрять их в их стремлениях.

"Его лекции по ботанике пользовались всеобщей популярностью и были ясны как божий день. Они были настолько популярны, что несколько старших сотрудников Университета прослушали их последовательно. Раз в неделю вечером у него был день открытых дверей, и все, кто интересовался естественной историей, посещали эти вечеринки, которые, способствуя таким образом взаимному общению, приносили в Кембридже такую же пользу, в очень приятной манере, как Научные общества в Лондоне. На этих вечеринках иногда присутствовали многие из самых выдающихся сотрудников Университета; и когда присутствовали лишь немногие, я слушал великих людей тех дней, беседовавших на самые разные темы с самыми разнообразными и блестящими способностями. Это было немалым преимуществом для некоторых молодых людей, поскольку стимулировало их умственную активность и честолубие. Два или три раза на каждом занятии он совершал экскурсии со своим ботаническим классом: либо долгую прогулку к месту произрастания какого-нибудь редкого растения, либо на барже спускался по реке к болотам, либо в каретах отправлялся в какое-нибудь более отдаленное место, например, в Гамлингей, чтобы увидеть дикий ландыш и поймать на вересковой пустоши редкого болотника. Эти экскурсии произвели на меня восхитительное впечатление. В таких случаях он пребывал в прекрасном расположении духа, как мальчишка, и так же от души, как мальчишка, смеялся над злоключениями тех, кто гонялся за великолепными бабочками с ласточкиными хвостами по изрытым и коварным болотам. Время от времени он делал паузу, чтобы прочитать лекцию о каком-нибудь растении или другом объекте; и он мог рассказать нам что-нибудь о каждом собранном насекомом, раковине или окаменелости, поскольку изучал все разделы естественной истории. После дневной работы мы обычно обедали в какой-нибудь гостинице или доме, и тогда были очень веселы. Я думаю, что все, кто присоединился к этим экскурсиям, согласятся со мной в том, что они оставили неизгладимое впечатление восторга в наших умах.

"Со временем в Кембридже я очень сблизился с профессором Хенслоу, и его доброта была безгранична; он постоянно приглашал меня к себе домой и позволял сопровождать его на прогулках. Он говорил на все темы, включая свое глубокое религиозное чувство, и был полностью открыт. Я признаю больше, чем могу выразить этому замечательному человеку ...

"За те годы, когда я так много общался с профессором Хенслоу, я ни разу не видел, чтобы он хотя бы выходил из себя. Он никогда не относился недоброжелательно к чьему-либо характеру, хотя и был далек от того, чтобы закрывать глаза на слабости других. Меня всегда поражало, что его разум не мог быть затронут даже таким ничтожным чувством, как тщеславие, зависть или ревность. При всей уравновешенности характера и замечательной доброжелательности, в характере не было безвкусицы. Нужно было быть слепым, чтобы не заметить, что под этой

безмятежной внешностью скрывалась сильная и решительная воля. Когда в игру вступили принципы, никакая сила на земле не смогла бы изменить его ни на волосок...

"Размышляя о своем характере с благодарностью и благоговением, его моральные качества возвышаются, как и положено высшему персонажу, до превосходства над его интеллектом".

В письме преподобному Л. Бломфилду (Дженинс) от 24 мая 1862 года мой отец писал с теми же чувствами, которые выражал в своих письмах тридцать лет назад:

"Я искренне благодарю вас за любезный подарок в виде ваших мемуаров о Хенслоу. Я прочел примерно половину, и они меня очень заинтересовали. Я не думаю, что мог бы уважать его больше, чем раньше, но ваша книга даже возвысила его характер в моих глазах. Перелистывая страницы второй половины, я бы подумал, что ваш рассказ был бы бесценен для любого священнослужителя, который пожелал бы последовать благородному примеру бедного дорогого Хенслоу. Каким замечательным человеком он был".

Геологическая работа, упомянутая в цитате из записной книжки моего отца, несомненно, имела большое значение, поскольку дала ему некоторый практический опыт, и, возможно, еще большее значение, поскольку помогла придать ему некоторую уверенность в себе. В июле того же 1831 года он "работал как тигр" в геологии и пытался составить карту Шропшира, но это оказалось "не так просто, как я ожидал".

Примерно в то же время в письме Хенслоу он дает некоторый отчет о своей работе:—

"Мне следовало написать вам некоторое время назад, но я был полон решимости дождаться клинометра, и я очень рад сообщить, что, по-моему, он даст превосходный результат. Я расставила все столы в своей спальне под всеми мыслимыми углами и в разных направлениях. Я рискну сказать, что измерил их настолько точно, насколько это мог бы сделать любой геолог ... Я работал над таким количеством вещей, что у меня не очень ладилась отношения с геологией. Я подозреваю, что первая экспедиция, в которую я отправлюсь с клинометром и молотком в руках, вернет меня обратно ненамного более мудрым и гораздо более озадаченным, чем в начале. До сих пор я строил только гипотезы, но они настолько убедительны, что, я полагаю, если бы они были приведены в действие хотя бы на один день, миру пришел бы конец".

Очевидно, ему больше всего хотелось поработать с Седжвиком, поскольку он написал Хенслоу: "Я ничего не слышал о профессоре Седжвике, поэтому, боюсь, он не нанесет визит в Северн Формейшн. Я надеюсь и доверяю, что вы сделали все возможное, чтобы убедить его".

Мой отец дал в своих Воспоминаниях некоторый отчет об этой Поездке.

Там же мы читаем о планируемой экскурсии на Канарские острова, о которой мало упоминается в письмах к Фоксу и Хенслоу.

В апреле 1831 года он пишет Фоксу: "В настоящее время я говорю, думаю и мечтаю о почти вынашиваемом мною плане поездки на Канарские острова. У меня давно было желание увидеть тропические пейзажи и растительность, и, по словам Гумбольдта, Тенериф - очень красивый экземпляр". И снова в мае: "Что касается моего плана с Канарейками, то с вашей стороны опрометчиво задавать вопросы; другие мои друзья искренне желают, чтобы я был там, я так досаждаю им разговорами о тропических пейзажах и так далее. Эйтон поедет следующим летом, а я изучаю испанский".

Позже, летом, схема приняла более определенную форму, и дата, по-видимому, была установлена на июнь 1832 года. В Лондоне он получил информацию о деньгах на проезд, а в июле работал в Spanish и называл Fox "un grandísimo lebron" в доказательство своего знания языка; что, однако, он находил "чрезвычайно глупым". Но даже тогда у него, похоже, были некоторые сомнения относительно рвения своих товарищей, поскольку он пишет Хенслоу (27 июля 1831 г.): "Я надеюсь, что вы продолжаете раздувать свой канареечный пыл. Я читаю и перечитываю Гумбольдта; вы делаете то же самое? Я уверен, ничто не мешает нам увидеть Великое Драконово дерево".

Геологическая работа и мечты о Тенерифе увлекали его все лето, пока, вернувшись из Бармута на священное 1 сентября, он не получил предложение о назначении натуралистом на "Бигль".

Следующая выдержка из записной книжки поможет вам прочесть письма:-

Вернулся в Шрусбери в конце августа. Отказался от предложения отправиться в путешествие.

Сентябрь.— Ездил в Маер, вернулся с дядей Джосом. в Шрусбери, оттуда в Кембридж. Лондон.

11—го. - Отправился с капитаном Фиц-Роем на пароходе в Плимут посмотреть "Бигль".

"22—го. - Вернулся в Шрусбери, проезжал через Кембридж.

"2 октября.— Уехал из дома. Остался в Лондоне.

"24—го - достигли Плимута.

Октябрь и ноябрь.— Эти месяцы очень несчастные.

"10 декабря. — Отплыли, но были вынуждены вернуться.

"21—го. - Снова вышли в море и были отброшены назад.

"27—го. - Отплыли из Англии в наше кругосветное плавание".

ДЖОРДЖ ПИКОК (бывший декан Ely и профессор астрономии в Кембридже). Дж.С. ХЕНСЛОУ. Саффолк-стрит, 7, восточный Пэлл-Мэлл. [1831 год.]

Мой дорогой Хенслоу,

Капитан Фиц-Рой отправляется исследовать южное побережье Огненной Земли, а затем посетить многие острова Южного моря и вернуться обратно через Индийский архипелаг. Судно оборудовано специально для научных целей, совмещенных с обследованием; следовательно, оно предоставит натуралисту редкую возможность, и было бы большим несчастьем, если бы она была упущена.

Мне было сделано предложение порекомендовать подходящего человека для участия в этой экспедиции в качестве натуралиста; к нему будут относиться со всем уважением. Капитан - молодой человек с очень приятными манерами (племянник герцога Графтона), отличающийся большим рвением в своей профессии и пользующийся очень высокой репутацией; если бы Леонард Дженинс мог отправиться, какие сокровища он мог бы привезти с собой домой, поскольку корабль был бы предоставлен в его распоряжение всякий раз, когда его запросы сочтут это необходимым или желательным. В отсутствие столь опытного натуралиста, есть ли

какой-нибудь человек, которого вы могли бы настоятельно порекомендовать? он должен быть таким человеком, который сделал бы честь нашей рекомендации. Подумайте об этом предмете, это было бы серьезной потерей для дела естествознания, если бы эта прекрасная возможность была упущена

Корабль отплывает примерно в конце сентября.

Немедленно напишите мне и скажите, что можно сделать.

Поверьте мне, мой дорогой Хенслоу, искренне ваш ДЖОРДЖ ПИКОК.

Дж.С. ХЕНСЛОУ Ч. ДАРВИНУ. Кембридж, 24 августа 1831 г.

Мой дорогой Дарвин,

Прежде чем я перейду к непосредственному содержанию этого письма, давайте вместе соболезновать в связи с потерей нашего бесценного друга, бедняги Рамзи, о смерти которого вы, несомненно, слышали задолго до этого.

Я не буду сейчас останавливаться на этой болезненной теме, поскольку надеюсь вскоре увидеть вас, полностью ожидая, что вы с готовностью ухватитесь за предложение, которое, вероятно, будет вам сделано, о поездке на Огненную Землю и возвращении домой через Ост-Индию. Пикок попросил меня, который прочтет и перешлет это вам из Лондона, порекомендовать ему натуралиста в качестве компаньона капитана Фиц-Роя, нанятого правительством для исследования южной оконечности Америки. Я заявил, что считаю вас наиболее квалифицированным человеком из всех, кого я знаю, кто мог бы взяться за подобную ситуацию. Я утверждаю это не в предположении, что вы ЗАКОНЧЕННЫЙ натуралист, а как достаточно квалифицированный специалист для сбора, наблюдения и подмечания всего, что достойно быть отмеченным в естественной истории. В распоряжении Пикоба есть назначение, и если он не сможет найти человека, готового занять этот пост, эта возможность, вероятно, будет упущена. Капитану Фиц-Рою нужен мужчина (как я понимаю) скорее в качестве компаньона, чем простого коллекционера, и он не взял бы никого, каким бы хорошим натуралистом тот ни был, если бы ему не рекомендовали его также как ДЖЕНТЛЬМЕНА. Подробностей о жалованье и т.д. я ничего не знаю. Путешествие продлится два года, и если вы возьмете с собой побольше книг, можно будет делать все, что вам заблагорассудится. У вас будут широкие возможности в командовании. Короче говоря, я полагаю, что никогда не было лучшего шанса для человека усердия и духа; капитан Фиц-Рой - молодой человек. Чего я хочу от вас, так это немедленно прийти и проконсультироваться с Реасок (в доме № 7 по Саффолк-стрит, Пэлл-Мэлл-Ист, или же в Университетском клубе) и узнать дополнительные подробности. Не питайте скромных сомнений или страхов по поводу вашей дисквалификации, ибо, уверяю вас, я думаю, что вы именно тот человек, которого они ищут; так что представьте, что ваш бездельник-судебный пристав и любящий друг хлопывает вас по плечу,

Дж.С. ХЕНСЛОУ.

Экспедиция отправится в путь 25 сентября (самое раннее), так что нельзя терять времени.

Г. ПИКОК Ч. ДАРВИНУ. [1831.]

Мой дорогой сэр,

Я получил письмо Хенслоу вчера вечером слишком поздно, чтобы переслать его вам по почте; обстоятельство, о котором я не сожалею, поскольку оно дало мне возможность увидеть капитана Бофорта в Адмиралтействе (гидрографа) и изложить ему предложение, которое я должен вам сделать. Он полностью одобряет это, и вы можете считать, что ситуация в вашем полном распоряжении. Я верю, что вы примете это, поскольку это возможность, которую нельзя упускать, и я с большим интересом ожидаю пользы, которую наши коллекции естественной истории могут извлечь из ваших трудов.

Обстоятельства таковы;—

Капитан Фиц-Рой (племянник герцога Графтона) отплывает в конце сентября на корабле, чтобы осмотреть, в первую очередь, Южное побережье Огненной Земли, затем посетить острова Южного моря и вернуться через Индийский архипелаг в Англию. Экспедиция проводится исключительно в научных целях, и корабль, как правило, подождет вашего досуга для исследований в области естественной истории и т.д. Капитан Фиц-Рой - общественный деятель и ревностный офицер, с восхитительными манерами, которого очень любят все его собраты-офицеры. Он отправился с капитаном Бичи (ибо "Бичи" читается как "Король". Я не нахожу имени Фиц-Рой в списке офицеров Бичи. Огнеземельцы были возвращены из плавания капитана Кинга.) и потратил 1500 фунтов стерлингов на то, чтобы привезти и обучить за свой счет трех уроженцев Патагонии. Он нанимает за свой счет художника за 200 фунтов в год, чтобы тот сопровождал его. Поэтому вы можете быть уверены в том, что у вас будет очень приятный собеседник, который от души разделит все ваши взгляды.

Корабль отплывает примерно в конце сентября, и вы должны, не теряя времени, сообщить о своем согласии капитану Бофорту, гидрографу адмиралтейства. У меня было много переписки по этому поводу [с Хенслоу?], который, как и я, испытывает величайшее беспокойство по поводу того, что вы должны уехать. Я надеюсь, что никакие другие договоренности, вероятно, не помешают этому

Адмиралтейство не склонно выплачивать вам жалованье, хотя оно предоставит вам официальное назначение и все условия для проживания. Однако, если потребуется выплата заработной платы, я склонен думать, что она будет предоставлена.

Поверьте мне, мой дорогой сэра, искренне ваш ДЖОРДЖ ПИКОК.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.С. ХЕНСЛОУ. Шрусбери, вторник [30 августа?, 1831].

Мой дорогой сэра,

Письмо мистера Пикокка пришло в субботу, а я получил его вчера поздно вечером. Что касается моего собственного мнения, то я, конечно, думаю, что с радостью воспользовался бы возможностью, которую вы так любезно мне предложили. Но мой отец, хотя и не отказывает мне решительно, дает такой решительный совет не ехать, что мне было бы неудобно, если бы я ему не последовал.

Возражения моего отца таковы: то, что я не могу устроиться священником, моя слабая привычка к мореплаванию, НЕХВАТКА ВРЕМЕНИ и вероятность того, что я не подойду капитану Фиц-Рою.

Это, конечно, очень серьезное возражение, очень мало времени на все мои приготовления, поскольку не только тело, но и разум хочет наверстать упущенное за такое предприятие. Но если бы не мой отец, я бы пошел на любой риск. Какова была причина, на которой натуралист не так давно заиклился? Я очень признателен за беспокойство, которое у вас возникло по этому поводу; конечно, лучшей возможности и быть не могло

Моя поездка с Седжвиком удалась как нельзя лучше. Я узнала о потере бедного мистера Рамзи только за несколько дней до вашего письма. До сих пор мне везло в том, что я никогда не терял ни одного человека, к которому испытывал хоть какое-то уважение или привязанность. Моего знакомства, хотя и очень короткого, было достаточно, чтобы вызвать у меня эти чувства в значительной степени. Я с трудом могу заставить себя поверить, что его больше нет. Он был самым прекрасным персонажем, которого я когда-либо знал.

Искренне ваш, Мой дорогой сэр Ч. ДАРВИН.

Я написала мистеру Пикоку и упомянула, что просила вас прислать одну строчку на случай, если он не получит моего письма. Я также попросил его связаться с капитаном Фиц-Роем. Даже если бы я поехал, неприязнь к моему отцу отняла бы у меня всю энергию, а мне нужен хороший ее запас. Еще раз я должен поблагодарить вас, это немного увеличивает тяжелый, но приятный груз благодарности, которым я обязан вам.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Р.У. ДАРВИНУ. [Маер] 31 августа [1831 г.].

Мой дорогой Отец,

Боюсь, я снова поставлю вас в очень неудобное положение. Но, поразмыслив, я думаю, вы извините меня еще раз, если я изложу свое мнение о предложении совершить путешествие. Мое оправдание и причина в том, что взгляды всех Веджвудов на этот предмет отличаются от того, что делаете вы и мои сестры.

Я отдал дяде Джосу (Джосае Веджвуду). чему я искренне верю, так это точному и полному списку ваших возражений, и он будет достаточно любезен, чтобы высказать свое мнение по всем. Список и его ответы будут приложены. Но могу я попросить вас об одном одолжении, для меня будет величайшим одолжением, если вы пришлете мне решительный ответ, да или нет? Если последнее, то я был бы крайне неблагодарен, если бы безоговорочно не подчинился вашему лучшему суждению и самому доброму снисхождению, которое вы проявляли ко мне на протяжении всей моей жизни; и вы можете быть уверены, что я никогда больше не упомяну эту тему. Если ваш ответ будет утвердительным, я отправлюсь прямо к Хенслоу и намеренно проконсультируюсь с ним, а затем приеду в Шрусбери.

Опасность кажется мне и всем Веджвудам невеликой. Расходы не могут быть серьезными, и, во всяком случае, я не думаю, что время было бы потрачено впустую больше, чем если бы я остался дома. Но, пожалуйста, не думайте, что я так сильно хочу уйти, что я бы хоть на МГНОВЕНИЕ заколебался, если бы вы подумали, что по прошествии короткого периода времени вам будет по-прежнему некомфортно.

Я должен еще раз заявить, что не думаю, что это помешало бы мне в дальнейшем вести размеренную жизнь. Я очень надеюсь, что это письмо не доставит вам особого беспокойства. Я отправляю его на машине завтра утром; если вы сразу примете решение, пришлете ли вы мне ответ на следующий день тем же способом? Если это письмо не застанет вас дома, я надеюсь, вы ответите, как только вам будет удобно.

Я не знаю, что сказать о доброте дяди Джоса; я никогда не забуду, как он заботится обо мне.

Поверь мне, мой дорогой отец, Это твой любящий сын ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Далее следует список возражений, на которые даны ссылки в следующем письме:—

1. Дискредитирующий мою репутацию Священнослужителя в будущем.
2. Дикая схема.
3. Что они, должно быть, предлагали многим другим до меня место Натуралиста.
4. И из-за того, что оно не было принято, должны быть какие-то серьезные возражения против судна или экспедиции.
5. Что после этого я никогда не смогу вести размеренную жизнь.
6. Что мое жилье было бы крайне неудобным.
7. Чтобы вы [т. е. доктор Дарвин] рассматривали это как очередную смену моей профессии.
8. Что это было бы бесполезным предприятием.]

ДЖОСАЯ ВЕДЖВУД Р.У. ДАРВИНУ. Маер, 31 августа 1831 года. [Прочтите это последнее.] (В записи К. Дарвина.)

Мой дорогой доктор,

Я считаю, что ваше обращение ко мне в связи с предложением, сделанным Чарльзу, является весомой ответственностью, но поскольку вы пожелали, чтобы Чарльз проконсультировался со мной, я не могу отказаться сообщить результат такого рассмотрения, какой я смог [дать?].

Чарльз изложил то, что, по его мнению, является вашими основными возражениями, и я думаю, что лучшее, что я могу предпринять, - это изложить то, что приходит мне в голову по каждому из них.

1. Я не думаю, что это в какой-либо степени порочило бы его репутацию как Священнослужителя. Напротив, я бы счел это предложение почетным для него; а занятие естественной историей, хотя, конечно, и непрофессионально, очень подходит священнику.
2. Я едва ли знаю, как ответить на это возражение, но у него были бы определенные цели, которыми он мог бы заняться, и он мог бы приобрести и укрепить прикладные навыки, и я думаю, что это было бы столь же вероятно, как и в любом другом деле, которым он, вероятно, проведет следующие два года дома.
3. Эта мысль не пришла мне в голову при чтении писем; и, перечитывая их снова с этой целью, я не вижу для этого оснований.

4. Я не могу себе представить, чтобы Адмиралтейство отправило плохое судно на такую службу. Что касается возражений против экспедиции, то они будут разными в каждом конкретном случае, и я думаю, что в случае Чарльза ничего нельзя было бы сделать, если бы было известно, что другие возражали.

5. Вы гораздо лучше разбираетесь в характере Чарльза, чем я. Если, сравнивая такой способ проведения следующих двух лет с тем, как он, вероятно, проведет их, если он не примет это предложение, вы думаете, что он, скорее всего, окажется неустойчивым и неспособным остепениться, это, несомненно, весомое возражение. Разве это не тот случай, когда моряки склонны придерживаться домашних и спокойных привычек?

6. Я не могу составить по этому поводу никакого мнения, кроме того, что в случае назначения Адмиралтейством он будет иметь право на размещение настолько хорошо, насколько позволит судно.

7. Если бы я увидел Чарльза сейчас поглощенным профессиональными занятиями, я бы, вероятно, подумал, что было бы нецелесообразно прерывать их; но это не так и, я думаю, не будет иметь места в его случае. Его нынешнее стремление к знаниям идет по тому же пути, по которому он должен был бы следовать в экспедиции.

8. Это предприятие было бы бесполезным с точки зрения его профессии, но, глядя на него как на человека с повышенной любознательностью, оно дает ему такую возможность увидеть людей и вещи, которая выпадает немногим.

Вы должны иметь в виду, что у меня было очень мало времени на размышления и что решать должны вы с Чарльзом.

Я, мой дорогой доктор, сердечно ваш, ДЖОСАЙЯ ВЕДЖВУД.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.С. ХЕНСЛОУ. Кембридж, Ред Лайон [2 сентября], 1831.

Мой дорогой сэр,

Я только что приехал; вы догадаетесь о причине. Мой отец передумал. Надеюсь, место не отдано.

Я очень устал и иду спать.

Осмелюсь сказать, вы еще не получили моего второго письма.

Как скоро мне прийти к вам утром? Отправьте устный ответ.

Спокойной ночи, с уважением, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС СЬЮЗЕН ДАРВИН. Кембридж, утро воскресенья [4 сентября].

Моя дорогая Сьюзен,

Поскольку письмо не ушло бы вчера, я отложил написание до сегодняшнего дня. У меня было довольно утомительное путешествие, но я прибыл в Кембридж совершенно свежим. Весь вчерашний день я провел с Хенслоу, думая о том, что нужно сделать, и я нахожу, что это очень важно. По счастливой случайности, я знаю человека по фамилии Вуд, племянника лорда Лондондерри. Он большой друг капитана Фиц-Роя и написал ему обо мне. Я слышал отрывок из письма капитана Фиц-Роя, датированного некоторым временем назад, в котором он говорит: "У меня очень хороший набор офицеров, и большинство моих людей бывали там раньше". Кажется, он проработал там последние несколько лет; тогда он был заместителем командира на том же судне, которое выбрал сейчас. Ему всего двадцать три года, но он много служил и выиграл золотую медаль в Портсмуте. Адмиралтейство говорит, что его карты самые совершенные. У него был выбор из двух судов, и он выбрал самое маленькое. Хенслоу даст мне письма всем путешественникам в городе, которые, по его мнению, могут мне помочь.

У Пикока есть единственное назначение натуралиста. Первым, кому предложили, был Леонард Дженинс, который был так близок к тому, чтобы согласиться, что собрал свои вещи. Но, имея заработок, он не считал правильным покидать его — к великому сожалению всей своей семьи. Сам Хенслоу был недалеко от того, чтобы принять это, поскольку миссис Хенслоу великодушно, без всяких просьб, дала свое согласие; но вид у нее был такой несчастный, что Хенслоу сразу же решил этот вопрос

Боюсь, поначалу будут большие расходы. Хенслоу категорически против того, чтобы брать с собой много вещей; это ошибка, в которую впадают все молодые путешественники. Я пишу так, как будто все решено, но Хенслоу говорит мне НИ в КОЕМ случае не принимать решения, пока я не проведу длительных бесед с капитанами Бофортом и Фиц-Роем. До свидания. Вы будете постоянно получать от меня известия. Директ 17 Spring Gardens. Пока НИКОМУ в Шропшире НЕ ГОВОРИТЕ. Будьте уверены, что нет.

Ч. ДАРВИН.

Я так устал в тот вечер, когда был в Шрусбери, что не поблагодарил никого из вас за вашу доброту и вполнину так сильно, как чувствовал.

С любовью к моему отцу.

Причина, по которой я не хочу, чтобы людям говорили в Шропшире: в случае, если мне не стоит ехать, это делает его более плоским.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС С. ДАРВИН. Спринг Гарденс, 17, понедельник [5 сентября 1831 г.].

У меня так мало свободного времени, что я не могу тратить его на переписывание писем, так что вы должны извинить меня за то, что я заговорил о другом письме и изменил его. Последнее письмо было написано утром. В середине дня Вуд получил письмо от капитана Фиц-Роя, которое, я должен сказать, было САМЫМ прямым и ПОДОБАЮЩИМ ДЖЕНТЛЬМЕНУ, но настолько противоречило моему намерению, что я немедленно отказался от этого плана; и Хенслоу сделал то же самое, сказав, что, по его мнению, Пикок поступил ОЧЕНЬ НЕПРАВИЛЬНО, так сильно исказив ситуацию.

Я едва ли думал о поездке в город, но вот я здесь; а теперь подробнее, и гораздо более многообещающе. Капитан Фиц-Рой находится в городе, и я видел его; бесполезно пытаться восхвалять его так сильно, как я склонен это делать, потому что вы мне все равно не поверите. В одном я уверена: ничто не могло быть более открытым и добрым, чем он был ко мне. Кажется, он обещал взять с собой друга, который находится на службе и не может поехать, и он получил письмо всего за пять минут до моего прихода; и это значительно облегчает мне задачу, поскольку нехватка места была одним из самых серьезных возражений Фиц-Роя. Он предлагает мне разделить со мной все, что есть в его каюте, если я захочу приехать, и все виды жилья, которые у меня могут быть, но их будет немного. Он говорит, что ничто не было бы для него таким несчастьем, как присутствие меня рядом с ним, если бы я чувствовала себя неуютно, как в маленьком сосуде, на котором мы должны быть брошены вместе, и счел своим долгом изложить все с наихудшей точки зрения. Я думаю, что поеду в воскресенье в Плимут, чтобы посмотреть на судно.

Есть что-то чрезвычайно привлекательное в его манерах и манере переходить прямо к делу. Если я живу с ним, он говорит, что я, должно быть, живу бедно — никакого вина и самые простые обеды. Схема, безусловно, не так хороша, как описывает Пикок. Капитан Фиц-Рой советует мне пока не принимать окончательного решения, но, если серьезно, он думает, что это доставит мне гораздо больше удовольствия, чем боли. Судно выходит в море только 10 октября. На нем шестьдесят человек, пять или шесть офицеров и т.д., но это небольшое судно. Вероятно, его не будет около трех лет. Я буду платить кают-компании столько же, сколько и сам капитан, 30 фунтов в год; и Фиц-Рой говорит, что если я потрачу, включая снаряжение, 500 фунтов, это будет за пределами. Но теперь о еще худших новостях. Кругосветное путешествие неизвестно, но шанс самый отличный. Пока этот вопрос не решен, я не буду таким. И вы можете верить, что после стольких изменений, которые я внес, ничто, кроме моего разума, не сможет меня решить.

Фиц-Рой говорит, что штормовое море преувеличено; что, если я не решу остаться с ними, я могу в любой момент вернуться домой в Англию, так много судов плавает этим путем, и что в плохую погоду (вероятно, месяца на два), если я захочу, меня оставят в какой-нибудь здоровой, безопасной и милой стране; что у меня всегда будет помощь; что у него к моим услугам много книг, все инструменты, ружья; что чем меньше и дешевле одежды я возьму, тем лучше. Способ действий меня как раз устроит. Они ставят корабль на якорь, а затем остаются на две недели в определенном месте. Я заставил капитана Бофорта прекрасно меня понять. Он говорит, что если я начну и не объеду весь мир, у меня будут веские основания считать себя обманутым. Я должен позвонить послезавтра и, если возможно, получить более определенные инструкции. Нехватка места, безусловно, является самым серьезным возражением; но капитан Фиц-Рой (вероятно, из-за письма Вуда), кажется, полон решимости обеспечить мне [как можно] больший комфорт, насколько это возможно. Мне нравится его манера действовать. Он сразу спросил меня: "Ты потерпишь, если мне скажут, что я хочу, чтобы каюта была в моем распоряжении, когда я захочу побыть один? Если мы будем так относиться друг к другу, я надеюсь, что мы подойдем друг другу; если нет, то, вероятно, нам следует послать друг друга к черту".

Мы остановимся на неделю на островах Мадейра и увидим большинство крупных городов Южной Америки. Капитан Бофорт прокладывает маршрут через Южное море. Я пишу в большой спешке; я не знаю, проявляете ли вы достаточный интерес, чтобы оправдать утроенные почтовые расходы. Надеюсь, я сужу разумно, а не с предубеждением, о капитане Фиц-Рое; если так, я уверен, что мы подойдем друг другу. Я обедаю с ним сегодня. Я мог бы написать гораздо

больше, если бы думал, что вам это понравится, и в настоящее время у меня это было. В делах человеческих действительно есть прилив, и я испытал это на себе, и я ПОЛНОСТЬЮ отказался от этого до сегодняшнего дня.

С любовью к моему отцу. Дорогая Сьюзен, до свидания.

Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.С. ХЕНСЛОУ. Лондон, понедельник, [5 сентября 1831 г.].

Мой дорогой сэр,

"Глория в превосходстве" - самое скромное начало, какое я только могу придумать. Дела идут лучше, чем я предполагал. Капитан Фиц-Рой - это все, что восхитительно. Если бы я хвалила его хотя бы в половину так сильно, как мне хочется, вы бы сказали, что это абсурд - видеть его всего один раз. Я думаю, он действительно хочет меня. Он предлагает мне поработать с ним, и он позаботится о том, чтобы у меня было как можно больше места. Но что касается случаев, он говорит, что я должен ограничивать себя; но тогда он думает как моряк о размерах. Капитан Бофорт говорит, что я войду в Совет директоров, и тогда это обойдется мне так же дорого, как и другим офицерам. Корабль отплывает 10 октября. Неделю проводит на островах Мадейра, а затем в Рио-де-Жанейро. Все они считают наиболее вероятным возвращение домой через Индийский архипелаг; но пока это не решено, я таковым не буду.

Что побудило капитана Фиц-Роя лучше взглянуть на это дело, так это то, что мистер Честер, который ехал как друг, не может поехать, так что я займу его место во всех отношениях.

У капитана Фиц-Роя хороший запас книг, многие из которых были в моем списке, винтовок и т.д., Так что снаряжение обойдется гораздо дешевле, чем я предполагал.

Судно выйдет из эксплуатации через три года. Я не возражаю, так что мой отец не возражает. В среду у меня еще одно собеседование с капитаном Бофортом, а в воскресенье, скорее всего, поеду с капитаном Фиц-Роем в Плимут. Поэтому я надеюсь, что вы продолжите думать на эту тему и просто запомните то, что может вас заинтересовать. Я, скорее всего, зайду к мистеру Берчеллу и представлюсь. Я снимаю квартиру на Спринг-Гарденс, 17. Вы не можете представить себе ничего более приятного, доброго и открытого, чем манеры капитана Фиц-Роя по отношению ко мне. Я уверен, что это будет моя вина, если мы не подойдем друг другу.

Какие перемены произошли со мной. До сегодняшнего дня я строил воздушные замки об охоте на шропширских лисиц, ныне лам в Южной Америке.

В делах человеческих действительно бывает прилив. Если вы увидите мистера Вуда, вспомните меня с наилучшими пожеланиями по отношению к нему.

До свидания. Мой дорогой Хенслоу, Твой самый искренний друг, ЧЕЗ. ДАРВИН.

Извините за то, что пишу в такой спешке.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. Спринг-Гарденс, 17, Лондон, 6 сентября 1831 года....

Ваше письмо доставило мне огромное удовольствие. Вы не можете себе представить, как сильно ваше предыдущее письмо раздосадовало и ранило меня. (Он неправильно истолковал письмо Фокса как подразумевающее обвинение во лжи.) Но, слава богу, я твердо верю, что это была моя СОБСТВЕННАЯ ошибка в том, что я так истолковал ваше письмо. На днях я потерял друга, и я сомневаюсь, что моральная гибель (как я тогда лукаво предположил) нашей дружбы не опечалила меня так же сильно, как реальная и внезапная смерть бедняги Рамзи. Я полагаю, мы знаем друг друга слишком давно, чтобы нуждаться в каких-либо дополнительных объяснениях. Но я упомяну только одну вещь — что на моем смертном одре, я думаю, я мог бы сказать, что никогда не произносил ни одного неискреннего (чего в то время я не чувствовал в полной мере) выражения о моем отношении к вам. И еще одно — немедленная отправка насекомых, клянусь честью, была неудачным совпадением. Я забыл, как вы, естественно, отнеслись бы к ним. Когда вы смотрите на них сейчас, я надеюсь, что никакие недобрые чувства не возникнут у вас в душе и что вы поверите, что всегда имели во мне искреннего и, добавлю, обязанного друга. Очень много приятных минут, которые мы провели вместе в Кембридже, восстали, как ушедшие духи, в осуждение мне. Пусть у нас будет еще много таких, это будет одним из моих последних пожеланий при отъезде из Англии. Да благословит тебя Бог, дорогой старый Лис. Желаю тебе всегда быть счастливой.

Искренне ваш, ЧЕЗ. ДАРВИН.

Я забыл ваше письмо, поэтому не знаю, правильно ли я направляю.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС СЬЮЗЕН ДАРВИН. Спринг-Гарденс, 17, вторник [6 сентября 1831 г.].

Моя дорогая Сьюзен,

Я снова беспокою вас. Подозреваю, что если я продолжу в том же духе, вы искренне пожелаете мне оказаться на Огненной Земле или на любой другой Земле, кроме Англии. Сначала я отдам свои заказы. Скажи Нэнси, чтобы сшила мне двенадцать рубашек вместо восьми. Скажи Эдварду, чтобы он прислал мне наверх в моем саквояже (он может положить ключ в саквояж, привязанный к какой-нибудь бечевке) мои тапочки, пару легких прогулочных туфель, мои книги по испанскому, мой новый микроскоп (примерно шести дюймов в длину и трех-четырёх в глубину), внутри которого наверняка набита вата; мой геологический компас; мой отец это знает; маленькую книжечку, если она есть у меня в спальне — "Таксидермия". Спроси моего отца, не будет ли он возражать против того, чтобы я какое-то время принимал мышьяк, поскольку у меня не совсем здоровые руки, и я всегда держал ее в руках. заметил, что если я однажды вылечу их и примерно в то же время изменю свой образ жизни, они, как правило, останутся здоровыми. Какова доза? Скажи Эдварду, что у меня грязный пистолет. Каково направление Erasmus? Скажите мне, если вы считаете, что у вас есть время написать и получить ответ, прежде чем я начну, поскольку мне особенно хотелось бы знать, что он думает по этому поводу. Полагаю, вы не знаете, куда направился сэр Дж. Макинтош?

Я пишу все это так, как будто все решено, но это не более чем то, что было, за исключением того, что капитан Фиц-Рой так сильно желает, чтобы я уехал, и из-за его доброты я чувствую предопределение, с которого я начну. Вчера я провел с ним очень приятный вечер. Ему, должно быть, больше двадцати трех лет; у него хрупкая фигура, темноволосая, но красивая копия мистера Кинастона и, по моим представлениям, в высшей степени хорошие манеры. Он полностью за экономию, за исключением одного пункта, а именно огнестрельного оружия. Он настоятельно рекомендует мне приобрести ящик таких пистолетов, как у него, которые стоят 60 фунтов!! и никогда никуда не выходить на берег без заряженного оружия, а насчет ружья он сомневается; он говорит, что я не могу оценить здешнюю роскошь свежего мяса. Конечно, я ничего не буду покупать, пока все не улажу; но я весь день работаю над своими списками, добавляя и вычеркивая статьи. Это первый по-настоящему веселый день, который я провела с тех пор, как получила письмо, и все это благодаря невольной уверенности, которую я питаю к своему идеалу Капитана.

Мы останавливаемся в Тенерифе. Его цель - останавливаться в как можно большем количестве мест. Он достает двадцать хронометров, и будет "грехом" не установить долготу. Он говорит мне, чтобы я письменно сообщил в Адмиралтейство, что у меня есть свободный выбор уехать, как только и когда захочу. Осмелюсь предположить, вы ожидаете, что я поверну обратно к Мадере; если у меня останется хоть капля желудка, я не сдамся. Извините, что я так часто беспокою и пишу: одно очень полезно, другое доставляет мне большое удовольствие. Скорее всего, я напишу завтра. Ответьте обратной почтой. С любовью к моему отцу, дорогая Сьюзен.

Ч. ДАРВИН.

Поскольку мои инструменты нуждаются в замене, отправьте мои вещи "Оксонианом" той же ночью.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС СЬЮЗЕН ДАРВИН. Лондон, утро пятницы, 9 сентября 1831 года.

Моя дорогая Сьюзен,

Я только что получил посылку. Полагаю, ее не доставили вчера из-за коронации. Я очень признателен моему отцу и всем остальным. Все сделано совершенно правильно. Я полагаю, к этому времени вы получили мое письмо, написанное на следующий день, и, надеюсь, отошлете вещи. Мои дела остаются на прежнем уровне. Капитан Бофорт говорит, что я числюсь в списках на съестные припасы, и он думает, что у меня не возникнет никаких трудностей с моими сборами, когда я вернусь домой. Но он слишком глубокая рыба, чтобы я мог его разглядеть. Единственное, что сейчас мешает мне окончательно определиться, - это отсутствие определенности относительно островов Южного моря; хотя морально я не сомневаюсь, что мы должны отправиться туда, независимо от того, указано это в инструкциях или нет. Капитан Фиц-Рой говорит, что я делаю добро, досажая капитану Бофорту, это возбуждает его длинным шестом. Капитан Фиц-Рой говорит, что он уверен, что у него достаточно интересов (особенно если эта Администрация не вечна — я скоро стану тори!), чтобы в любом случае, даже находясь в отъезде, доставить заказанный корабль домой любым удобным ему способом. Судя по тому, что говорит Вуд, я предполагаю, что герцоги Графтон и Ричмонд проявляют к нему интерес.

Кстати, Вуд был мне очень полезен, и я уверен, что его личное знакомство со мной склонило капитана Фиц-Роя принять меня.

Объясню все с самого начала: капитан Фиц-Рой сначала пожелал заполучить Натуралиста, а затем, похоже, внезапно пришел в ужас при мысли о том, что на борту судна может оказаться кто-то, кто ему не понравится. Он признается, что его письмо в Кембридж было направлено для того, чтобы облить этот план холодной водой. Я не думаю, что мы будем ссориться из-за политики, хотя Вуд (как и следовало ожидать от Лондондерри) торжественно предупредил Фиц-Роя, что я виг. Капитан Фиц-Рой был перед дядей Джосом. Он сказал: "Теперь твои друзья скажут тебе, что морской капитан - величайшее животное на свете. Я не знаю, как помочь вам в этом деле, кроме как надеяться, что вы дадите мне испытание". Как человек меняется! На самом деле, теперь я хочу, чтобы путешествие было длиннее, прежде чем мы коснемся земли. У меня кровь стынет в жилах от того количества, которое мне предстоит сделать. Кажется, все готовы мне помочь. Зоологический институт хочет сделать меня членом-корреспондентом. Все это я могу построить, не пересекая Экватор. Но один друг совершенно бесценен, а именно мистер Яррелл, торговец канцелярскими принадлежностями и превосходный натуралист. (Уильям Яррелл, хорошо известный своими "Историей британских птиц" и "Историей британских рыб", родился в 1784 году. Он унаследовал от своего отца газетный киоск, которому неуклонно занимался вплоть до своей смерти, "на 73-м году жизни". Он был человеком исключительно дружелюбного и благородного характера и занимал почетное положение в нескольких ученых обществах.) Он ходит со мной по магазинам и задирается по поводу цен (не на то, что я пока покупаю): повесьте меня, если я отдам 60 фунтов за пистолеты.

Вчера все лавки были закрыты, так что я ничего не мог поделаться; и я был настолько наивен, что отдал 1 фунт 1 шиллинг за отличное место, чтобы посмотреть на Процессию. (Коронация Вильгельма IV.) И это, безусловно, стоило посмотреть. Я был удивлен, что любое количество золота могло заставить длинный ряд людей сиять. Это было похоже только на то, что можно увидеть в книжках с картинками о восточных процессиях. Король выглядел очень хорошо и казался популярным, но энтузиазма было очень мало; так мало, что я с трудом могу себе представить, что на этот раз коронация состоится через пятьдесят лет.

Лейб-гвардейцы понравились мне больше всего — они просто великолепны, и прекрасно видеть, как они разгоняют толпу. Вы думаете, что они должны убить по меньшей мере десяток человек, и, по-видимому, они действительно никому не причиняют вреда, но чертовски пугают их. Всякий раз, когда толпа становилась настолько плотной, что людей вытесняли с дамбы, один из этих шестифутовых джентльменов на вороном коне подъезжал прямо к этому месту, заставляя свою лошадь очень высоко вставать на дыбы и падать в самом густом месте. Можно подумать, что люди сделаны из губки, если видеть, как они съеживаются.

Вечером была иллюминация, и гораздо более грандиозная, чем та, что была указана в законопроекте о реформе. Все главные улицы были переполнены, как на ипподроме. Экипажи обычно стоят по шесть в ряд, и я осмелюсь сказать, что они не развивают скорости в одну милю в час. Герцог Нортумберлендский получил урок в прошлый раз, потому что его дом был очень величественным; гораздо больше, чем у другой знати, и с гораздо лучшим вкусом; каждое окно в его доме было украшено прямыми линиями ярких огней, и их чрезвычайная регулярность и количество производили прекрасный эффект. Скудость изобретений поражала, коронки, якоря и "WR" повторялись бесконечно. Самыми красивыми были газовые трубки с маленькими

отверстиями; они были почти болезненно блестящими. Я так много писал о коронации, что, думаю, у вас не будет возможности почитать "Морнинг Геральд".

Наверное, впервые в жизни я нахожу Лондон очень приятным; спешка, суeta и шум - все это созвучно моим чувствам. И у меня полно дел в свободные минуты. Я занимаюсь астрономией, поскольку, полагаю, моряк был бы поражен, если бы не знал, как определить широту и долготу. Сейчас я иду к капитану Фиц-Рою и буду держать [это] письмо открытым до вечера на случай, если что-нибудь случится. Я приведу вам одно доказательство того, что Фиц-Рой хороший офицер — все офицеры такие же, как и раньше; две трети его экипажа и восемь морских пехотинцев, ушедших раньше, все предложили прийти снова, так что служба не может быть такой уж плохой. Адмиралтейство только что отдало приказ о большом запасе консервированного мяса, лимонного сока и т.д. и т.п. Я только что вернулся после долгого дня, проведенного с капитаном Фиц-Роем, разъезжая в его двуколке по магазинам. Это письмо слишком запоздало для сегодняшней почты. Вы можете считать, что я уезжаю, дело решенное. И все же есть место для перемен, если случится какой-нибудь неприятный случай; я не вижу причин ожидать этого. Я убежден, что ничто другое не изменит моего желания поехать. Я начал наводить порядок в вещах. Я раздобыл ящик хороших, крепких пистолетов и отличную винтовку за 50 фунтов, это экономия; хорошую подзорную трубу с компасом за 5 фунтов, и это почти единственные дорогие инструменты, которые мне понадобятся. У капитана Фиц-Роя есть все. Я никогда не видел такого (как я должен называть, он не говорит) экстравагантного человека в том, что касается его самого, но такого экономного по отношению ко мне. Как он все упорядочивал! Его огнестрельное оружие обойдется по меньшей мере в 400 фунтов. Я нашел дорожную сумку, когда приехал, все в порядке, и очень признателен. Я не думаю, что буду принимать мышьяк; пошлю куропаток мистеру Ярреллу; премного благодарен. Попроси Эдварда ПОТОРГОВАТЬСЯ С Клемсоном, чтобы он изготовил для моего ружья ДВА ЗАПАСНЫХ курка, две главные пружины, две предохранительные, четыре ниппеля или заглушки - я имею в виду по одному на каждый ствол, кроме ниппелей, которых должно быть по два на каждый, все отличного качества, и немедленно займись ими; скажи Эдварду, чтобы он навести справки о ценах. Я отправляюсь в воскресенье с почтовой отправкой в Плимут, пробуду там один или два дня, затем вернусь и надеюсь найти письмо от вас; несколько дней в Лондоне; затем мой маршрут - Кембридж, Шрусбери, Лондон, Плимут, Мадейра. Ужасно скучно так много писать о Коронации; я мог бы заполнить еще один лист. Я только что разговаривал с капитаном Кингом, старшим офицером Фиц-Роя в прошлой экспедиции; он считает, что эта экспедиция мне подойдет. Не отвечая на вопрос, он сказал, что характер у Фиц-Роя был безупречный. Он посылает с собой своего собственного сына в качестве гардемарина. Ключ от моего микроскопа был забыт; это не имеет значения. С любовью ко всем.

ЧАС. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У.Д. ФОКСУ. 17 Весенних садов (и здесь я останусь, пока не начну) [19 сентября 1831 г.].

Мой дорогой Фокс,

В субботу я вернулся из своей экспедиции посмотреть "Бигль" в Плимуте и нашел у себя на столе ваше самое долгожданное письмо. Просто смешно, каким долгим периодом показались мне

эти последние двадцать дней, безусловно, гораздо большим, чем столько же недель в обычных случаях; этим объясняется то, что я не помню, как много я рассказывал вам о своих планах

Но в целом это грандиозная и удачная возможность; там будет так много интересного для меня — прекрасные пейзажи и бесконечные занятия и забавы в различных областях естественной истории; кроме того, навигация и метеорология будут развлекать меня во время путешествия в сочетании с главным требованием наличия приятной команды офицеров, и, насколько я могу судить, в этом нет сомнений. С другой стороны, существует очень значительный риск для жизни и здоровья человека, и расставание на столь долгое время со столькими людьми, которых я нежно люблю, часто является настолько болезненным чувством, что требуется вся моя решимость, чтобы преодолеть его. Но теперь все улажено, и до 20 октября я надеюсь быть в открытом море. Мое возражение против судна заключается в его малости, из-за которой человеку так не хватает места для упаковки моего собственного тела и всех моих чемоданов и т.д., и т.п. Что касается его сохранности, я надеюсь, что Адмиралтейство - лучшие судьи; на взгляд сухопутного жителя, он выглядит очень маленьким. Это десятипушечный трехмачтовый бриг, но, я полагаю, превосходное судно. Вот и все о моих планах на будущее, а теперь о моем настоящем. Сегодня вечером я отправляюсь с почтой в Кембридж, а оттуда, уладив свои дела, отправляюсь в Шрусбери (скорее всего, в пятницу 23-го, а может быть, и раньше); там я пробуду несколько дней и буду в Лондоне к 1 октября, а 9-го отправлюсь в Плимут.

А теперь перейдем к основной части моего письма. Не знаю, как передать вам, насколько любезным я считаю ваше предложение навестить меня перед моим отъездом из Англии. На самом деле мне бы этого очень хотелось; но я должен решительно сказать вам, что у меня будет очень мало свободного времени, и это немного времени будет почти испорчено тем, что мне нужно так много подумать; а во-вторых, я вряд ли считаю, что вам стоит покидать свой приход ради такого дела. Но я никогда не забуду такой щедрой доброты. Теперь я знаю, что ты будешь поступать так, как считаешь нужным; но не поднимайся ради меня. Для меня все равно в любое время. Я думаю, из этого письма вы узнаете о моих планах столько же, сколько и я сам, и соответственно решите, где и когда мне написать. Время от времени у меня бывают моменты восхитительного энтузиазма, когда я думаю о финиковых и какао-деревьях, пальмах и папоротниках, таких высоких и прекрасных, обо всем новом, обо всем возвышенном. И если я доживу до загробных лет, какими грандиозными должны быть такие воспоминания! Вы знаете Гумбольдта? (Если нет, скажите об этом прямо.) С каким огромным удовольствием он, кажется, всегда вспоминает дни, проведенные в тропических странах. Я надеюсь, что, когда ты в следующий раз напишешь Осмастону, [ты] расскажешь им о моем плане и передашь им мои самые добрые пожелания на прощание.

Прощай, мой дорогой Фокс, искренне твой, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Р. ФИЦ-РОЮ. 17 весенних садов [17 октября? 1831 г.].

Дорогой Фитц-Рой,

Большое спасибо за ваше письмо; мне стало очень удобно, потому что было бы душераздирающе оставить что-либо совсем позади, и мне никогда бы не пришло в голову отправлять вещи каким-либо другим судном. Надеюсь, к этому письму приложат немного

талька. Я прочитал ваше письмо, не обратив внимания на название. Но сейчас я раздобыл кое-что у Джонса, оно выглядит очень хорошо, и я отправлю его сегодня вечером по почте. Вы будете удивлены, не увидев моего собственного почерка. Но я только что узнал, что большой паровой пакетбот не собирался отплывать в воскресенье, и я представлял себе маленькую, грязную каюту, где 39-40 % пассажиров очень больны, когда вошел мистер Эрл и сказал мне, что "Бигль" отплывет не раньше начала ноября. Это, конечно, решило вопрос; так что я остаюсь в Лондоне еще на неделю. Затем я отправлю тяжелые грузы пароходом, а сам отправлюсь дилижансом в воскресенье вечером.

Есть ли у вас хороший набор горных барометров? Несколько великих специалистов в научном мире рассказали мне о некоторых моментах в геологии, которые полностью зависят от их относительной высоты. Если у вас нет подходящего товара, я добавлю еще один к списку. Мне должно быть стыдно так беспокоить вас, но не могли бы вы прислать мне ХОТЯ бы СТРОЧКУ, чтобы сообщить мне? С каждым днем мне все больше хочется уехать, и если это так, то у вас, должно быть, настоящая лихорадка. Каким чудесным днем будет для меня 4 ноября! Тогда начнется моя вторая жизнь, и это будет как день рождения на всю оставшуюся жизнь.

Поверь мне, дорогой Фиц-Рой, искренне твой, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ПОНЕДЕЛЬНИК.—Надеюсь, я не доставил вам особых неудобств, заказав готовый номер.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - Дж.С. ХЕНСЛОУ. Девонпорт, 15 ноября 1831 г.

Мой дорогой Хенслоу,

Из Адмиралтейства поступил приказ, и все, наконец, решено. Мы определенно отплываем в последний день этого месяца, и я думаю, что к этому времени судно будет готово. Она выглядит очень красиво, даже сухопутный житель не может не восхищаться ею. Мы все считаем ее самым совершенным судном, когда-либо выходившим из верфи. Одно можно сказать наверняка: ни одно судно не было оборудовано так дорого и с такой тщательностью. Все, что может быть сделано таким образом, изготовлено из красного дерева, и ничто не может превзойти опрятность и красоту всех помещений. Инструкции очень общие и оставляют многое на усмотрение и суждение капитана, делая ему как существенный, так и устный комплимент

Ни одно судно никогда не покидало Англию с таким набором хронометров, а именно с двадцатью четырьмя, все очень хорошие. Короче говоря, все хорошо, и мне остается только молиться, чтобы болезнь смягчила свою ярость, и у меня все будет хорошо. И все же я бы не назвал это одной из самых лучших возможностей для естественной истории, которые когда-либо появлялись. Абсолютная нехватка места - это зло, которое ничто не может преодолеть. Я думаю, Л. Дженинс поступил очень мудро, не приехав, это судя по моим собственным чувствам, потому что я уверен, что если бы я бросил колледж на несколько лет или был на те годы старше, я бы НИКОГДА этого не вынес. Офицеры (за исключением капитана) похожи на самых свежих первокурсников, то есть в своих манерах, во всем остальном сильно отличаются. Помни обо мне с наилучшими пожеланиями по отношению к нему и скажи ему, что если когда-нибудь ночью ему приснятся пальмы, то утром он может утешать себя уверенностью, что путешествие ему не подошло бы.

Я очень признателен вам за совет, de Mathematicis. Я подозреваю, что, когда я буду бороться с треугольником, я часто буду желать оказаться в твоей комнате, а что касается этих злых угрюмых сурдов, я не знаю, что буду делать, если ты не сможешь их вызвать. Мое время проходит очень приятно. Я знаю одного или двух приятных людей, главным из которых является мистер Гром-и-молния Харрис (Уильям Сноу Харрис, электрик.), О котором, смею предположить, вы слышали. Мое главное занятие - подняться на борт "Бигля" и постараться как можно больше походить на моряка. У меня нет доказательств того, что я принимал у себя мужчину, женщину или ребенка.

Я собираюсь попросить вас выполнить еще одно поручение, и я надеюсь, что оно будет последним. Когда я был в Кембридже, я написал мистеру Эшу, прося его выслать мой счет за колледж моему отцу, предварительно вычтя около 30 фунтов за мою мебель. Он забыл это сделать, а мой отец оплатил счет, и я хочу, чтобы деньги за мебель были переведены моему отцу. Возможно, вы будете так любезны поговорить с мистером Эшем. Я стоил своему отцу столько денег, что мне очень стыдно за себя.

Я напишу еще раз перед отплытием, и, возможно, ты напишешь мне до этого.

Передайте от меня профессору Седжвику и мистеру Пикоку.

Поверь мне, искренне твой, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Дж.С. ХЕНСЛОУ. Девонпорт, 3 декабря 1831 г.

Мой дорогой Хенслоу,

Сейчас уже поздний вечер, и этой ночью я собираюсь поспать на борту. В понедельник мы наверняка отплываем, так что вы можете догадаться, в каком отчаянном замешательстве мы все находимся. Если бы вы послушали различные восклицания офицеров, то подумали бы, что мы едва ли получили уведомление за неделю. Я точно так же совершенно ошеломлен, и в такой суматохе я едва знаю, что делать. Количество дел, которые нужно сделать, бесконечно. Я предвкушаю даже морскую болезнь с чем-то вроде удовлетворения, все должно быть лучше, чем это состояние тревоги. Я очень благодарен тебе за твое последнее доброе и нежное письмо. Я всегда люблю получать от вас советы, и никто из тех, кого я имею счастье знать, не способен дать их лучше, чем вы сами. Когда будете писать, помните, что я в некотором роде ваш протеже и что читать мне лекции - ваша прямая обязанность.

Сейчас я сообщу вам свое направление; сначала в Рио; но если вы пришлете мне письмо в первый вторник февраля (когда отплывает пакетбот), адресованное "Монте Видео", это доставит мне огромное удовольствие; я с таким удовольствием узнаю немного кембриджских новостей. Бедная дорогая старая Альма-Матер! Я очень достойный сын в том, что касается привязанности. Мне больше не о чем писать...Я не могу закончить это, не сказав вам, как сердечно я благодарен за доброту, которую вы проявляли ко мне во время моей кембриджской жизни. Во многом удовольствием и полезностью, которые я, возможно, извлек из этого, я обязан вам. Я с нетерпением жду того времени, когда мы снова встретимся, а до тех пор, поверь мне, мой дорогой Хенслоу,

Ваш любящий и обязанный друг Ч. ДАРВИН.

С наилучшими пожеланиями обращайся ко всем, кто проявляет ко мне хоть какой-то интерес.

ГЛАВА 1.VI. ПУТЕШЕСТВИЕ.

"В его письмах, как и в нем самом, присутствует естественная добродушная энергия". — Из письма доктора Р.В. Дарвина проф. Хенслоу.

[Цель путешествия на "Бигле" кратко описана в "Журнале исследований" моего отца, страница 1, как "завершение обследования Патагонии и Огненной Земли, начатого капитаном Кингом в 1826-1830 годах; обследование берегов Чили, Перу и некоторых островов в Тихом океане; и проведение цепочки хронометрических измерений по всему миру".]

"Бигль" описывается как хорошо построенное небольшое судно водоизмещением 235 тонн, оснащенное как барк и несущее шесть пушек. Она принадлежала к старому классу десятипушечных бригов, которые получили прозвище "гробы" из-за их способности тонуть в суровую погоду. Они были очень "глубоководными", то есть их фальшборта были высокими пропорционально их размерам, так что сильное волнение, обрушивающееся на них, могло быть очень опасным. Тем не менее, за пять лет работы в самых штормовых регионах мира под командованием командеров Стокса и Фиц-Роя она пережила ни одной серьезной аварии. Когда в 1831 году корабль был вновь введен в строй для своего второго плавания, он оказался (как я узнал от адмирала сэра Джеймса Саливана) настолько прогнившим, что его практически пришлось восстанавливать, и именно это стало причиной длительной задержки с переоборудованием. Верхняя палуба была приподнята, что делало судно намного безопаснее в сильную погоду и обеспечивало ему гораздо более комфортные условия внизу. Благодаря этим изменениям и прочной обшивке, добавленной к днищу, нагрузка на судно возросла до 242 тонн. Доказательством великолепного мореходства капитана Фиц-Роя и его офицеров является то, что судно вернулось, не унося ни одного рангоута, и что только в один из сильных штормов, с которыми оно столкнулось, оно подверглось большой опасности.

Судно было снаряжено для экспедиции со всей возможной тщательностью, его снабдили тщательно подобранными лонжеронами и канатами, шестью шлюпками и "яликом"; "громоотводы", изобретенные мистером Харрисом, были закреплены на всех мачтах, бушпритах и даже на стреле-гике". Прочитав описание моего отца, написанное из Девонпорта 17 ноября 1831 года: "Каждый, кто может судить, говорит, что это одно из величайших путешествий, которые когда-либо отправлялись. Все выполнено с размахом. Двадцать четыре хронометра. Весь корабль отделан красным деревом; он вызывает восхищение всего заведения. Короче говоря, все процветает настолько, насколько это позволяют человеческие средства".

Из-за небольших размеров судна всем находившимся на борту было тесно, и жилище моего отца, похоже, было достаточно маленьким: "У меня есть место только для того, чтобы повернуться, - пишет он Хенслоу, - и это все". Адмирал сэр Джеймс Саливан пишет мне: "Узкое пространство в конце штурманского стола было его единственным местом для работы, одевания и сна; гамак оставляли висеть у него над головой днем, когда море было совсем беспокойным, чтобы он мог лежать на нем с книгой в руках, когда больше не мог сидеть за столом. Его единственным местом для хранения одежды были несколько маленьких выдвижных ящиков в углу, тянувшихся от палубы к палубе; верхний вынимался, когда гамак вешался, без чего для него не хватало длины, так что тогда место верхнего ящика заняли ножки. Для образцов у него была очень маленькая каюта под баком.

И все же об этой узкой комнате он восторженно писал 17 сентября 1831 года:

"Когда я писал в последний раз, я был в большой тревоге за свою каюту. Каюты тогда не были обозначены, но когда я уходил, они были, и моя - превосходная, безусловно, следующая за капитанской и удивительно светлая. Я думаю, что моим спутником, к счастью, окажется офицер, который мне понравится больше всего. Капитан Фиц-Рой говорит, что он позаботится о том, чтобы один уголок был обставлен так, чтобы мне было в нем удобно и я мог считать его своим домом, но при этом я буду пользоваться его услугами. Моя каюта - гостиная, а посередине стоит большой стол, на котором мы вдвоем спим в гамаках. Но первые два месяца рисовать не придется, так что это будет довольно роскошная комната, намного больше капитанской каюты.

Мой отец обычно говорил, что именно абсолютная необходимость соблюдения чистоты в тесном пространстве "Бигля" помогла "выработать у него методичные навыки работы". Он также сказал бы, что на "Бигле" он усвоил то, что считал золотым правилом экономии времени, то есть бережное отношение к минутам.

Сэр Джеймс Саливан сказал мне, что главной ошибкой в снаряжении экспедиции было отсутствие второго судна меньшего размера, которое могло бы служить тендером. Капитан Фиц-Рой настолько остро ощутил эту потребность, что нанял две палубные лодки для обследования побережья Патагонии стоимостью 1100 фунтов стерлингов - сумму, которую он должен был предоставить, хотя лодки сэкономили стране несколько тысяч фунтов стерлингов. Впоследствии он купил шхуну в качестве тендера, тем самым сэкономив стране еще большую сумму. В конце концов ему было приказано продать шхуну, и он был вынужден нести убытки сам, и только после его смерти была выплачена некоторая неадекватная компенсация за все убытки, которые он понес из-за своего рвения.

Из-за отсутствия надлежащего тендера большую часть работ приходилось выполнять на небольших открытых китобойных лодках, которые неделями отослывали от судна, и это в условиях климата, когда экипажи подвергались серьезным испытаниям из-за почти постоянных дождей, которые иногда продолжались неделями. Комплектность оборудования была и в других отношениях во многом обусловлена общественным настроением капитана Фиц-Роя. Он за свой счет нанял художника и квалифицированного мастера по изготовлению инструментов для ухода за хронометрами. (Либо один, либо оба были указаны в счетах на съестные припасы.) Капитан Фиц-Рой хотел пригласить "какого-нибудь хорошо образованного и ученого человека" в качестве своего личного гостя, но это щедрое предложение было принято моим отцом только при условии, что ему будет позволено оплачивать справедливую долю расходов на капитанский стол; более того, он числился в судовых книгах за съестные припасы.

В письме к сестре (июль 1832 г.) он удовлетворенно пишет о своем образе жизни в море: "Не думаю, что я когда-либо давал тебе отчет о том, как проходит день. Мы завтракаем в восемь часов. Неизменный принцип — отбросить всякую вежливость, то есть никогда не ждать друг друга и убегать, как только поешь, и т.д. В море, когда погода тихая, я занимаюсь морскими животными, которыми изобилует весь океан. Если море поднимается, меня либо тошнит, либо я ухитряюсь прочесть какой-нибудь "Вояж" или путешествия. В час мы ужинаем. Вы, люди, путешествующие на берег, прискорбно заблуждаетесь относительно образа жизни на борту. Мы еще никогда не ели (и не будем) соленого мяса. Рис, горох и кальмары - превосходные овощи, а с хорошим хлебом кто может пожелать большего? Судья Олдерсон не мог быть более умеренным, поскольку на столе нет ничего, кроме воды. В пять мы пьем чай. В мичманской каюте все обедают за час до нас, а в кают-компании - через час после нас.

Экипаж "Бигля" состоял из капитана Фиц-Роя, "Командира и топографа", двух лейтенантов, одним из которых (первым лейтенантом) был покойный капитан Уикхэм, губернатор Квинсленда; нынешний адмирал сэр Джеймс Саливан, К.К.Б., был вторым лейтенантом. Помимо капитана и двух помощников капитана, там был помощник топографа, нынешний адмирал Лорт Стоукс. Там также были хирург, помощник хирурга, два мичмана, помощник капитана, доброволец (1-го класса), казначей, плотник, клерк, боцман, восемь морских пехотинцев, тридцать четыре матроса и шесть мальчиков.

Сейчас (1882 год) в живых осталось не так уж много старых товарищей моего отца по кораблю. Среди них адмирал Меллерш, мистер Хэммонд и мистер Филип Кинг из Законодательного совета Сиднея, а также мистер Усборн. Адмирал Джонсон умер почти в то же время, что и мой отец.

У него до конца сохранились самые приятные воспоминания о плавании на "Бигле" и о друзьях, которых он приобрел на его борту. Его детям их имена были знакомы по его многочисленным рассказам о путешествии, и мы уловили его дружеское чувство ко многим, кто был для нас не более чем именами.

Приятно сознавать, с какой любовью вспоминали его старые товарищи.

Сэр Джеймс Саливан на протяжении всей жизни моего отца оставался одним из его лучших и вернейших друзей. Он пишет: "Я могу с уверенностью выразить свое убеждение, что за пять лет работы в "Бигле" он ни разу не вышел из себя и не сказал ни одного недоброго или поспешного слова в адрес кого бы то ни было. Поэтому вы легко поймете, как это, в сочетании с восхищением его энергией и способностями, привело к тому, что мы дали ему имя "милый старый философ". (Другим его прозвищем было "Мухоловка".) Я слышал, как мой отец рассказывал, как он подслушал, как боцман "Бигля" показывал другому боцману корабль и указывал на офицеров: "Это наш первый лейтенант; это наш врач; это наша мухоловка".) Адмирал Меллерш пишет мне: "Ваш отец так живо стоит перед моим мысленным взором, как будто я был с ним на "Бигле" всего неделю назад; его добродушная улыбка и разговор никогда не забудутся тем, кто их видел и слышал. Два или три раза меня отправляли с ним на лодке в некоторые из его научных экскурсий, и я всегда с большим удовольствием предвкушал эти поездки, предвкушение, которое, в отличие от многих других, всегда сбывалось. Я думаю, он был единственным человеком, которого я когда-либо знал, о ком я никогда не слышал ни единого слова; а поскольку люди, запертые на корабле на пять лет, склонны сердиться друг на друга, это говорит о многом. Конечно, мы всегда были так усердны в работе, что у нас не было

времени ссориться, но если бы мы это делали, я уверен, что твой отец попытался бы (и добился успеха) подлить масла в огонь".

Адмирал Стоукс, мистер Кинг, мистер Асборн и мистер Хэмонд одинаково сердечно говорят о своей дружбе с ним.

О жизни на борту и на берегу его письма дают некоторое представление. Капитан Фиц-Рой был строгим офицером и пользовался всеобщим уважением как среди офицеров, так и среди матросов. Временами к его суровости относились терпимо, потому что каждый на борту знал, что его первой мыслью был его долг и что он пожертвует всем ради реального благополучия корабля. Мой отец пишет в июле 1834 года: "Мы все очень хорошо бежим трусцой вместе, на борту нет ссор, что само по себе говорит о многом. Капитан поддерживает порядок, управляя всеми по очереди". Лучшим доказательством того, что Фиц-Роя ценили как командира, служит тот факт, что многие ("Путешествие на "Адвенчуре" и "Бигле", том ii, стр. 21.) из команды плавали с ним в предыдущем рейсе "Бигля", и было несколько офицеров, а также матросов и морских пехотинцев, которые служили на "Адвенчуре" или "Бигле" в течение всей этой экспедиции.

Мой отец отзывается об офицерах как о прекрасных решительных людях, и особенно об Уикхеме, первом лейтенанте, как о "славном парне". Последний, ответственный за исправность и внешний вид корабля, категорически возражал против того, что он захламляет палубы, и отзывался об образцах как о "чертовой дьявольщине" и обычно добавлял: "Если бы я был шкипером, я бы вскоре убрал отсюда вас и весь ваш чертов беспорядок".

Своего рода ореол святости придавал моему отцу тот факт, что он обедал в капитанской каюте, так что поначалу мичманы обращались к нему "сэр", что, впрочем, было формальностью, что не мешало ему быстро подружиться с младшими офицерами. Примерно в 1861 или 1862 году он писал мистеру П.Г. Кингу, M.L.C., Сидней, который, как уже говорилось, был мичманом на борту "Бигля": "Воспоминание о старых днях, когда мы сидели и разговаривали на гиксах "Бигля", всегда, до дня моей смерти, будет радовать меня, когда я слышал о вашем счастье и процветании". Мистер Кинг описывает удовольствие, которое, казалось, получал мой отец, "указывая мне, юноше, на прелести тропических ночей с их благоуханным ароматом". ветерок, струящийся из парусов над нами, и море, освещенное проходом корабля сквозь нескончаемые потоки фосфоресцирующих животных".

Предполагалось, что его плохое самочувствие в последующие годы было вызвано тем, что он так сильно страдал от морской болезни. Сам он в это не верил, а скорее приписывал свое плохое здоровье наследственному недостатку, который у некоторых прошлых поколений проявлялся в виде подагры. Мне не совсем ясно, насколько сильно он на самом деле страдал от морской болезни; у меня сложилось четкое впечатление, что, согласно его собственным воспоминаниям, на самом деле он не болел после первых трех недель, но постоянно испытывал дискомфорт, когда судно сильно качало. Но, судя по его письмам и свидетельствам некоторых офицеров, может показаться, что в последующие годы он забыл о степени дискомфорта, от которого страдал. В письме от 3 июня 1836 года с мыса Доброй Надежды он пишет: "Для меня большая удача, что путешествие подходит к концу, потому что сейчас я определенно больше страдаю от морской болезни, чем три года назад". Адмирал Лорт Стоукс писал в "Таймс" 25 апреля 1883 года:

Могу ли я попросить уголка для моего скромного свидетельства изумительной стойкости в деле науки этого великого естествоиспытателя, моего старого и погибшего друга, мистера Чарльза Дарвина, останки которого по праву удостоены упокоения в Вестминстерском аббатстве?

"Возможно, никто не может лучше засвидетельствовать его ранние и самые тяжелые труды, чем я. Мы несколько лет работали вместе за одним столом в кормовой каюте "Бигля" во время его знаменитого плавания, он со своим микроскопом, а я над картами. Часто это был очень веселый конец нашего маленького суденышка, и это огорчало моего старого друга, который сильно страдал от морской болезни. Примерно через час работы он говорил мне: "Старина, я должен принять горизонтальное положение", поскольку это наилучшая поза для облегчения движения корабля; растянувшись на одной стороне стола на некоторое время, он мог бы ненадолго возобновить свою работу, когда ему снова нужно было лечь.

"Было печально наблюдать, как так рано было принесено в жертву здоровье мистера Дарвина, который впоследствии всерьез переживал пагубные последствия путешествия "Бигля"."

Мистер А.Б. Усборн пишет: "Он ужасно страдал от морской болезни, и временами, когда я был вахтенным офицером и убирал паруса, облегчая управление кораблем и таким образом освобождая его, он называл меня "хорошим офицером", и он возобновлял свои микроскопические наблюдения в кают-компании на юте". Объем работы, которую он проделал на "Бигле", показывает, что обычно он был в полном расцвете сил; однако однажды он тяжело заболел в Южной Америке, когда его приняли в доме англичанина, мистера Корфилда, который ухаживал за ним с особой добротой. Я слышал, как он говорил, что при этой болезни поражаются все секреты организма, и что, когда он описывал симптомы своему отцу, доктор Дарвин не мог сделать ни малейшего предположения относительно природы болезни. Мой отец иногда был склонен думать, что пошатнувшееся его здоровье было в какой-то степени вызвано этим приступом.

Письма "Бигля" служат достаточным доказательством его сильной любви к дому и ко всему, что с ним связано, от отца до Нэнси, его старой няни, которой он иногда передает привет.

Его восторг от писем домой проявляется в таких отрывках, как: "Но если бы вы знали, какую сияющую, невыразимую радость я испытывал, будучи уверенным, что с моим отцом и всеми вами все в порядке, всего четыре месяца назад, вы бы не жаловались на потерянный труд по составлению регулярной серии писем".

Или снова — его страстное желание вернуться в таких словах: "Слишком восхитительно думать, что следующей осенью я увижу опадающие листья и услышу пение малиновки в Шрусбери. Мои чувства до мельчайшей степени похожи на чувства школьника; я сомневаюсь, что когда-нибудь мальчик так сильно мечтал о каникулах, как я, чтобы снова увидеть всех вас. В настоящее время, хотя почти половина мира находится между мной и домом, я начинаю договариваться о том, что я буду делать и куда поеду в течение первой недели".

Еще одной особенностью его писем является удивление и восторг, с которыми он слышит о том, что его коллекции и наблюдения приносят какую-то пользу. Кажется, только постепенно до него дошло, что он когда-нибудь станет чем-то большим, чем коллекционером образцов и фактов, которыми должны были воспользоваться великие люди. И даже относительно ценности своих коллекций у него, похоже, были большие сомнения, поскольку в 1834 году он написал Хенслоу: "Я действительно начал думать, что мои коллекции настолько бедны, что вы не знали, что

сказать; теперь дело обстоит совсем наоборот, ибо вы виновны в том, что возбудили все мои тщеславные чувства до самой приятной степени; если упорный труд загладит эти мысли, я клянусь, что не пощажу вас".

После своего возвращения и поселения в Лондоне он начал осознавать ценность того, что он сделал, и написал капитану Фиц-Рою— "Как бы другие ни оглядывались на путешествие "Бигля", теперь, когда мелкие неприятные моменты почти забыты, я думаю, что это САМОЕ СЧАСТЛИВОЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО В МОЕЙ ЖИЗНИ, что шанс, предоставленный вашим предложением взять с собой натуралиста, выпал мне. У меня часто перед глазами возникают самые яркие и восхитительные картины того, что я видел на борту "Бигль пасс". Эти воспоминания и то, что я узнал по естественной истории, я бы не променял и на два десятка тысяч в год".

[Выбирая следующую серию писем, я руководствовался желанием сообщить как можно больше личных подробностей. Я привел лишь несколько научных писем, чтобы проиллюстрировать, как он работал и как он оценивал свои собственные результаты. В своем "Журнале исследований" он, между прочим, дает некоторое представление о своем личном характере; письма, приведенные в настоящей главе, более свежими и непосредственными словами усиливают то впечатление о его личности, которое "Журнал" произвел на стольких читателей.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Р.У. ДАРВИНУ. Баия, или Сан-Сальвадор, Бразилия [8 февраля 1832 г.].

После первой страницы я обнаруживаю, что писала своим сестрам.

Мой дорогой Отец,

Я пишу это 8 февраля, в однодневном плавании мимо Сент-Яго (мыс Верд), и намереваюсь воспользоваться шансом встретиться с возвращающимся домой судном где-нибудь около экватора. Дата, однако, покажет это при любой возможности. Сейчас я начну со дня отъезда из Англии и дам краткий отчет о наших успехах. Как вы знаете, мы вышли в море 27 декабря, и нам посчастливилось, что с того времени и по настоящее время дул попутный и умеренный бриз. Впоследствии выяснилось, что мы избежали сильного шторма в Ла-Манше, еще одного у Мадейры и еще одного на побережье Африки. Но, спасаясь от шторма, мы ощутили его последствия — штормовое море. В Бискайском заливе была долгая и непрерывная зыбь, и страдания, которые я перенес из-за морской болезни, намного превосходят все, о чем я когда-либо догадывался. Я полагаю, вам это интересно. Я поделюсь с вами всеми своими дорогими впечатлениями. Никто, кто пробыл в море всего двадцать четыре часа, не имеет права сказать, что морская болезнь доставляет даже дискомфорт. Настоящие страдания начинаются только тогда, когда вы настолько измотаны, что небольшое напряжение вызывает чувство слабости. Я обнаружил, что ничего, кроме лежания в гамаке, мне не помогло. Я должен особо отметить получение вами изюма, который является единственной пищей, которую может выдержать желудок.

4 января мы были недалеко от Мадейры, но так как море было бурное, а остров лежал с наветренной стороны, то было сочтено, что не стоит подходить к нему вплотную. Впоследствии выяснилось, что нам повезло, что мы избавили себя от лишних хлопот. Я был слишком болен, чтобы даже встать и посмотреть на далекие очертания. 6-го числа, вечером, мы вошли в гавань Санта-Крус. Теперь я впервые почувствовал себя хотя бы умеренно хорошо и представлял себе

все прелести свежих фруктов, растущих в прекрасных долинах, и читал описания великолепных видов острова Гумбольдтом, когда, возможно, вы почти догадываетесь о нашем разочаровании, когда маленький бледный человечек сообщил нам, что мы должны ввести строгий двенадцатидневный карантин. На корабле стояла гробовая тишина, пока капитан не крикнул "Поднять кливер", и мы не покинули это долгожданное место.

На один день мы попали в штиль между Тенерифе и Гранд-Канари, и здесь я впервые испытал какое-либо удовольствие. Вид был великолепным. Пик Тенерифе виднелся среди облаков, как из другого мира. Нашим единственным недостатком было крайнее желание посетить этот великолепный остров. СКАЖИТЕ ЭЙТОНУ, ЧТОБЫ ОН НИКОГДА НЕ ЗАБЫВАЛ НИ О КАНАРСКИХ ОСТРОВАХ, НИ О ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ; я уверен, что это с лихвой окупит необходимые хлопоты, но он должен решиться найти побольше последних. Я уверен, что он пожалеет, если не предпримет эту попытку. От Тенерифа до Сен-Яго путешествие было чрезвычайно приятным. На корме судна у меня была сеть, которой я ловил большое количество любопытных животных, и я полностью проводил время в своей каюте, а на палубе погода была такой восхитительной и ясной, что небо и вода вместе представляли собой картину. 16-го мы прибыли в Порт Прайя, столицу Кабо-де-Верд, и оставались там двадцать три дня, а именно до вчерашнего дня, 7 февраля. Время пролетело восхитительнейшим образом, поистине, ничто не может быть приятнее; я был чрезвычайно занят, и это занятие было одновременно и обязанностью, и большим удовольствием. Не думаю, что я провел хоть полчаса без дела с тех пор, как покинул Тенериф. Сен-Яго подарил мне чрезвычайно богатый урожай в нескольких областях естественной истории. Я нахожу, что описания многих простых животных, населяющих Тропики, едва ли чего-то стоят. Я имею в виду, конечно, животных низших классов.

Геологоразведка в вулканической стране - самое восхитительное занятие; помимо интереса, связанного с ней самой, она ведет вас в самые красивые и уединенные места. Никто, кроме человека, увлекающегося естественной историей, не может представить себе удовольствия от прогулки под кокосовыми орехами, в зарослях бананов и кофейных растений, среди бесконечного количества полевых цветов. И этот остров, который дал мне столько наставлений и восторга, считается самым неинтересным местом, которого мы, возможно, коснемся во время нашего путешествия. Конечно, в целом она очень бесплодна, но долины более изысканно красивы из-за самого контраста. Совершенно бесполезно что-либо говорить о пейзаже; было бы так же полезно объяснить слепому человеку цвета, как человеку, который никогда не выезжал за пределы Европы, полное непохожесть тропического пейзажа. Всякий раз, когда мне что-то нравится, я всегда либо с нетерпением жду возможности записать это либо в свой журнал учета (который становится все больше и больше), либо в письме; так что вы должны извинить восторги, и эти восторги плохо выражены. Я нахожу, что мои коллекции чудесным образом увеличиваются, и думаю, что из Рио мне придется отправить груз домой.

Все бесконечные задержки, с которыми мы столкнулись в Плимуте, были в высшей степени удачными, поскольку я искренне верю, что ни один человек никогда не был лучше подготовлен к сбору данных и наблюдениям в различных областях естественной истории. Во множестве консультантов я, безусловно, нашел хороших. К своему великому удивлению, я обнаружил, что корабль исключительно удобен для всех видов работы. Все так близко, а теснота делает человека таким методичным, что в конце концов я оказался в выигрыше. Я уже привык смотреть на выход в море как на обычное тихое место, как на возвращение домой после того, как побыл вдали от него. Короче говоря, я нахожу корабль очень удобным домом, где есть все, что

пожелаешь, и если бы не морская болезнь, весь мир был бы моряками. Я не думаю, что Эразмусу грозит большая опасность подавать пример, но в случае чего он может положиться на то, что не знает и десятой доли страданий от морской болезни.

Офицеры нравятся мне гораздо больше, чем поначалу, особенно Уикхэм, молодой Кинг и Стоукс, да и вообще все они. Капитан неизменно остается очень добрым и делает все, что в его силах, чтобы помочь мне. Мы очень редко видим друг друга в гавани, наши занятия ведут нас по таким разным путям. Я никогда в жизни не встречал человека, который мог бы вынести столь сильную усталость. Он работает непрерывно, а когда, по-видимому, не занят, он думает. Если он не покончит с собой, то во время этого путешествия проделает замечательное количество работы. Я нахожу, что чувствую себя очень хорошо и выдерживаю небольшую жару, которая у нас была до сих пор, как никто другой. Скоро мы узнаем об этом по-настоящему всерьез. Сейчас мы плывем в Фернандо-Норонья, у берегов Бразилии, где пробудем недолго, а затем исследуем отмели между ним и Рио, возможно, зайдя в Баию. Я закончу это письмо, когда представится возможность отправить его.

26 ФЕВРАЛЯ.

Примерно в 280 милях от Баии. 10-го мы встретили пакетбот "Лира", направлявшийся в Рио. Я отправил от нее короткое письмо, которое должно быть отправлено в Англию при первой возможности. Нам крайне не повезло, что мы не встретили ни одного судна, направлявшегося домой, но я полагаю, что в Баии мы наверняка сможем написать в Англию. С момента написания первой части [этого] письма ничего не произошло, кроме пересечения Экватора и бритья. Эта самая неприятная операция состоит в том, что вам натирают лицо краской и дегтем, которые образуют пену для пилы, представляющей собой бритву, а затем наполовину погружают в парус, наполненный соленой водой. Примерно в 50 милях к северу от линии, которой мы коснулись у скал Святого Павла; это маленькое пятнышко (около 1/4 мили в поперечнике) в Атлантике посещается редко. Она совершенно бесплодна, но покрыта множеством птиц; они были настолько непривычны к людям, что мы обнаружили, что можем убить множество птиц камнями и палками. Пробыв на острове несколько часов, мы вернулись на борт с лодкой, груженной нашей добычей. Оттуда мы отправились на Фернандо Норонья, небольшой остров, куда [бразильцы] отправляют своих изгнанников. Высадка там сопровождалась такими большими трудностями из-за сильного прибоя, что капитан решил отплыть на следующий день после прибытия. Мой единственный день на берегу был чрезвычайно интересным, весь остров представляет собой одно дерево, настолько оплетенное лианами, что очень трудно сойти с проторенной тропинки. Я нахожу естественную историю всех этих малолюдных мест чрезвычайно интересной, особенно геологию. Я написал это, чтобы сэкономить время в Баии.

Несомненно, самое поразительное в Тропиках - это новизна форм растений. Орехи какао вполне можно представить по рисункам, если придать им изящную легкость, которой нет ни у одного европейского дерева. Бананы и бананы точно такие же, как в теплицах, акации или тамаринды поражают голубизной своей листвы; но о великолепных апельсиновых деревьях никакое описание, никакие рисунки не дадут точного представления; вместо болезненной зелени наших апельсинов местные превосходят португальский лавр темным оттенком и бесконечно превосходят его красотой формы. Какао-орехи, папайя, светло-зеленые бананы и апельсины, изобилующие фруктами, обычно окружают более роскошные деревни. При

просмотре таких сцен возникает ощущение невозможности того, чтобы какое-либо описание приблизилось к цели, а тем более было бы преувеличено.

1 МАРТА.

Баия или Сан-Сальвадор. Я прибыл в это место 28 февраля и сейчас пишу это письмо после того, как по-настоящему серьезно прогулялся по лесам нового света. Никто не мог представить себе ничего более прекрасного, чем древний город Баия, он утопает в пышном лесу красивых деревьев, расположен на крутом берегу и выходит окнами на спокойные воды большого залива Всех Святых. Дома белые и высокие, а из-за узких и длинных окон имеют очень светлый и элегантный вид. Монастыри, портики и общественные здания разнообразят однообразие домов; залив усеян большими кораблями; короче говоря, и что можно сказать больше, это один из прекраснейших видов в Бразилии. Но изысканное, восхитительное удовольствие от прогулки среди таких цветов и таких деревьев могут постичь только те, кто испытал это на себе. Хотя на столь низких широтах в этой местности не так уж жарко, но в настоящее время здесь очень влажно, так как сейчас сезон дождей. Я нахожу, что климат все еще превосходно подходит мне; мне хочется какое-то время спокойно пожить в такой стране. Если вы действительно хотите иметь [представление] о тропических странах, изучите Гумбольдта. Пропусти научную часть и начни после отъезда из Тенерифа. Чем больше я его читаю, тем больше восхищаюсь. Скажи Эйтон (оказывается, я пишу своим сестрам!) как мне чрезвычайно нравится Америка, и я уверен, что будет очень жаль, если он не начнет.

Это письмо отправится 5-го числа, и, боюсь, пройдет некоторое время, прежде чем оно дойдет до вас; оно должно быть предупреждением о том, что в других частях света вы можете долгое время ничего не слышать. Случайно так может пройти год. Примерно 12-го числа мы отправляемся в Рио, но некоторое время задерживаемся в пути, чтобы прощупать отмели Альброльос. Скажите Эйтону, насколько позволяет мой опыт, пусть изучает испанский, французский, рисование и Гумбольдта. Я искренне надеюсь услышать о нем (если не увидеть) в Южной Америке. Я с нетерпением жду писем в Рио — пока каждое из них не будет подтверждено, указывайте дату в следующем.

Мы превзошли все корабли в маневрировании настолько, что командир говорит: "Нам не нужно следовать его примеру, потому что мы все делаем лучше, чем его великий корабль". Я начинаю проявлять большой интерес к военно-морским пунктам, особенно сейчас, когда я обнаружил, что все они говорят, что мы № 1 в Южной Америке. Я полагаю, что капитан - самый превосходный офицер. Сегодня было просто великолепно, как мы победили "Самаранг" на свернутых парусах. Для "зондирующего корабля" довольно ново побеждать обычный военный корабль; и все же "Бигль" вовсе не является каким-то особенным кораблем. Эразмус ясно поймет это, когда услышит, что ночью я действительно сидел в священных пределах квартердека. Вы должны извинить мне эти странные письма и вспомнить, что обычно они пишутся вечером после моего рабочего дня. Я больше забочусь о своем судовом журнале, чтобы в конечном итоге у вас был хороший отчет обо всех местах, которые я посещаю. До сих пор путешествие было для меня ПРЕКРАСНЫМ ответом, и все же теперь я более полно осознаю вашу мудрость, бросившую тень на весь этот план; так много шансов обернуться совсем наоборот; я чувствую это до такой степени, что, если бы кто-нибудь попросил моего совета в подобном случае, я был бы очень осторожен, поощряя его. У меня нет времени писать кому-либо еще, поэтому пошлите в Маег, чтобы сообщить им, что среди великолепных тропических

пейзажей я не забываю, какую важную роль они сыграли в моем размещении там. Я не буду снова впадать в восторг, но отдаю себе должное в том, что не сошел с ума от чистого восторга.

Передай мою любовь каждой душе в доме и семье Оуэнсов.

Я думаю, что привязанности, как и другие хорошие вещи, процветают в этих тропических регионах.

Уверенность в том, что я иду по Новому Свету, все еще прекрасна в моих собственных глазах, и, смею сказать, для вас она немногим меньше, чем получение письма от вашего сына в таком месте.

Поверь мне, мой дорогой отец, это твой самый любящий сын, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - У.Д. ФОКСУ. Залив Ботофого, близ Рио-де-Жанейро, май 1832 года.

Мой дорогой Лис,

Я отложил письмо тебе и всем другим моим друзьям до тех пор, пока не приеду сюда и у меня не появится немного свободного времени. С тех пор как я покинул Англию, мой разум был охвачен настоящим УРАГАНОМ восторга и изумления, и до сего часа едва ли минута прошла в праздности...

В Сент-Яго началась моя естественная история и самые восхитительные труды. В течение трех недель я собирал множество морских животных и наслаждался множеством приятных геологических прогулок. Посетив несколько островов, мы отплыли в Баию, а оттуда в Рио, где я пробыл уже несколько недель. Мои коллекции превосходно продаются почти в каждом филиале. Что касается насекомых, я надеюсь, что пошлю в Англию множество неописанных видов. Я полагаю, что в их коллекциях нет мелких жуков, и вот сегодня утром я взял мельчайших *Hydropori*, *Noterus*, *Colymbetes*, *Hydrophilus*, *Hydrobius*, *Gromius* и т.д. и т.п. В качестве образцов пресноводных жуков. Я полностью занят наземными животными, поскольку пляж состоит только из песка. Пауки и соседние племена, возможно, доставили мне наибольшее удовольствие из-за своей новизны. Я думаю, что я уже взял несколько новых родов.

Но геология - это то же самое, что удовольствие от азартных игр. Впервые прибыв на место, размышляя о том, что это за породы, я часто мысленно выкрикиваю 3 к 1: третичный против первобытного; но последние до сих пор выигрывали все ставки. Вот и все о грандиозном завершении моего путешествия; в других отношениях дела идут столь же успешно. Моя жизнь в море настолько спокойна, что для человека, который может найти себе занятие, нет ничего приятнее; красота неба и блеск океана вместе составляют картину. Но когда я на берегу и блуждаю по величественным лесам, окруженный видами, более великолепными, чем когда-либо представлял себе даже Клод, я испытываю восторг, который не может понять никто, кроме тех, кто испытал это на себе. Если это и должно быть сделано, то только путем изучения Гумбольдта. За нашими давними уютными завтраками в Кембридже я и подумать не мог, что широкая Атлантика когда-нибудь разлучит нас; но это редкая привилегия, что тело, чувства и память не разделены. Напротив, самые приятные сцены в моей жизни, многие из которых произошли в Кембридже, возникают из-за контраста с настоящим, тем более живого в моем

воображении. Как ты думаешь, какой-нибудь бриллиантовый жук когда-нибудь доставит мне столько удовольствия, как наш старый друг крукс майор?... Рисовать картины прошлого - одно из моих самых постоянных развлечений; и в них я часто вижу тебя и бедную маленькую Фрэн. О Господи, а потом старину Дэша, бедняжку! Вы помните, как вы все мучили меня из-за его красивого хвоста?

... Подумайте, когда вы собираете насекомых с живой изгороди из боярышника в погожий майский день (без сомнения, ужасно холодный), представьте, как я собираю ананасы и апельсиновые деревья; пачкая пальцы грязной ежевикой, думайте и завидуйте спелым апельсинам. Это настоящая бравада, потому что я готов пройти много миль по мокрому снегу или под дождем, чтобы пожать тебе руку. Мой дорогой старый Лис, да благословит тебя Бог. Поверь мне,

Искренне твой, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - Дж.С. ХЕНСЛОУ. Рио-де-Жанейро, 18 мая 1832 года.

Мой дорогой Хенслоу,...

До прибытия в Тенериф (мы не заходили на Мадейру) Я едва вылезал из гамака и действительно страдал больше, чем вы можете себе представить по такой причине. В Санта-Круссе, когда я высматривал среди облаков Вершину и повторял про себя возвышенные описания Гумбольдта, было объявлено, что мы должны ввести двенадцатидневный строгий карантин. Мы совершили короткий переход, так что "Вверх по кливеру" и направились в Сент-Яго. Вы скажете, что все это звучит очень плохо, и так оно и было; но с тех пор и по настоящее время это была почти одна сцена непрерывного наслаждения. Сеть на корме не давала мне покоя, пока мы не прибыли в Сен-Яго. Здесь мы провели три восхитительные недели. Геология была чрезвычайно интересной и, я полагаю, совершенно новой; есть некоторые факты о крупномасштабном поднятии побережья (которое является превосходной эпохой для всех вулканических пород на сегодняшний день), которые могли бы заинтересовать мистера Лайелла.

Одним из главных источников моего замешательства является полное незнание того, отмечаю ли я правильные факты и достаточно ли они важны, чтобы заинтересовать других. В коллекционировании one thing я не могу ошибиться. Сен-Яго на редкость бесплоден, здесь произрастает мало растений или насекомых, так что мой молоток был моим обычным спутником, и в его обществе я проводил самые восхитительные часы. Напобережье я собрал много морских животных, в основном гастероподовых (думаю, несколько новых). Я довольно тщательно исследовал кариопиллию, и, если мои глаза не околдованы, прежние описания не имеют ни малейшего сходства с этим животным. Я взял несколько экземпляров осьминога, который обладал удивительной способностью изменять свою окраску, равной способности любого хамелеона, и, очевидно, приспособлялся к изменениям цвета грунта, над которым он пролетал. Преобладающими цветами были желтовато-зеленый, темно-коричневый и красный; насколько я могу судить, этот факт представляется новым. Геология и беспозвоночные животные будут моей главной целью на протяжении всего путешествия.

Затем мы отплыли в Баию и причалили к скале Святого Павла. Это змеевидное образование. Разве это не единственный остров в Атлантике, который не вулканический? Мы также пробыли

несколько часов в Фернандо Норонья; там был такой сильный прибой, что лодку затопило, а капитан не захотел ждать. Я нахожу свою жизнь на борту, когда мы плывем по голубой воде, самой восхитительной, такой комфортной и спокойной — почти невозможно бездействовать, и это для меня о многом говорит. Вряд ли кто-нибудь лучше меня подходит для коллекционирования во всех отношениях; на этот раз многие повара не испортили бульон. Небольшие подсказки мистера Брауна о микроскопах и т. Д. Оказались бесценными. Я хорошо разбираюсь в книгах, "Классический словарь" МНЕ ОЧЕНЬ ПОЛЕЗЕН. Если вы вспомните о какой-нибудь вещи или книге, которая была бы мне полезна, если вы напишете одну строчку: Э. Дарвину, клуб Уиндхэм, Сент-Джеймс-стрит, он раздобудет их и отправит вместе с другими вещами в Монте-Видео, которое на следующий год станет моей штаб-квартирой.

Касаясь Аброльоса, мы прибыли сюда 4 апреля, когда среди прочих я получил ваше самое любезное письмо. Вы можете положиться на это в тот вечер, когда я думал о множестве самых счастливых часов, проведенных с вами в Кембридже. Сейчас я живу в Ботофого, деревне примерно в лиге от города, и смогу остаться еще на месяц. "Бигль" вернулся в Баию и заберет меня по возвращении. Имеется важная ошибка в определении долготы Южной Америки, для устранения которой и было предпринято это второе путешествие. Наши хронометры, по крайней мере шестнадцать из них, работают великолепно; ни один из известных нам хронометров никогда не работал так, как они.

Через несколько дней после прибытия я отправился в 150-мильную экспедицию в Рио-Макао, которая длилась восемнадцать дней. Здесь я впервые увидел тропический лес во всем его возвышенном величии — ничто, кроме реальности, не может дать ни малейшего представления о том, насколько чудесен, насколько великолепен этот пейзаж. Если бы мне нужно было указать на что-то одно, я бы отдал предпочтение растениям-паразитам. Ваша гравюра совершенно верна, но она скорее преуменьшает, чем преувеличивает пышность. Я никогда не испытывал такого сильного восторга. Раньше я восхищался Гумбольдтом, теперь я почти боготворю его; он один дает представление о чувствах, которые возникают в уме при первом посещении Тропиков. Сейчас я собираю пресноводных и наземных животных; если то, что мне сказали в Лондоне, правда, а именно, что в коллекциях тропиков нет мелких насекомых, я советую энтомологам быть осторожными и держать ручки наготове для описания. Я выбрал такие же мелкие (если не больше), как в Англии, Гидропори, Гигроти, Гидробии, Пселафии, Стафилины, Куркулии и т.д. и т.п. Чрезвычайно интересно наблюдать за отличием родов и видов от тех, которые я знаю, однако оно намного меньше, чем я ожидал. В настоящее время я по уши увлечен пауками; они очень интересны, и, если я не ошибаюсь, я уже вывел несколько новых родов. Очень скоро у меня будет большая коробка для отправки в Кембридж, и вместе с ней я упомяну еще кое-какие подробности естественной истории.

Капитан делает все, что в его силах, чтобы помочь мне, и мы очень хорошо ладим, но я благодарю судьбу, что он не сделал меня отступником от принципов виггов. Я бы не был тори, если бы это было просто из-за их холодных сердец по поводу этого скандала для христианских народов - рабства. Я очень хорошие друзья со всеми офицерами.

Я только что вернулся с прогулки и представляю, как мало известны насекомые в качестве образца. *Noterus*, согласно "Классическому словарю", содержит только три европейских вида. Я за один раз поймал своей сетью пять различных видов; разве это не удивительно?..

Скажите профессору Седжвику, что он не знает, как сильно я обязан ему за экспедицию в Уэльс; она пробудила во мне интерес к геологии, от которого я не отказался бы ни за какие деньги. Не думаю, что я когда-либо проводил более восхитительные три недели, чем бродя по Северо-западным горам. Я с нетерпением жду рассказа о геологии Монте-Видео, поскольку слышал, что там есть сланцы, поэтому предполагаю, что в этом районе я найду стыки Пампасов и огромное гранитное образование Бразилии. В Баии пласты пегматита и гнейса имели то же направление, что и по наблюдениям Гумбольдта, преобладая над Колумбией на расстоянии 1300 миль — разве это не замечательно? Monte Video надолго останется моим направлением. Я надеюсь, что вы напишете мне снова, нет никого, от кого мне так нравится получать советы, как от вас ... Извините за это почти невразумительное письмо и поверьте мне, мой дорогой Хенслоу, с самыми теплыми чувствами уважения и дружбы,

Искренне твой, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Дж.М. ГЕРБЕРТУ. Залив Ботофого, Рио-де-Жанейро, июнь 1832 года.

Мой дорогой старина Герберт,

Ваше письмо пришло сюда, когда я уже потерял всякую надежду получить другое, и поэтому оно доставило мне дополнительное удовольствие. За такой промежуток времени и пространства человек действительно учится чувствовать себя по-настоящему обязанным тем, кто его не забывает. Воспоминание о прошедших сценах доставляет нам, ИЗГНАННИКАМ, одно из величайших удовольствий. Часто-часто, бродя среди этих холмов, я думаю о Бармуте и, могу добавить, так же часто мечтаю о таком спутнике. Какой контраст представляет собой прогулка по этим двум местам; здесь крутые и каменистые вершины до самой вершины окружены пышными лесами; вся поверхность страны, за исключением тех мест, где она расчищена человеком, представляет собой один непроходимый лес. Как это отличается от Уэльса с его покатыми холмами, покрытыми дерном, и открытыми долинами. Раньше я не осознавал, насколько тесно то, что можно назвать моральной частью, связано с наслаждением пейзажем. Я имею в виду такие идеи, как история страны, полезность продуктов и, в особенности, счастье людей, живущих с ними. Превратите английского рабочего в бедного раба, работающего на другого, и вы вряд ли узнаете тот же взгляд. Я уверен, вы будете рады услышать, насколько хорошо сработала каждая часть экспедиции (Упаси Бог, за исключением морской болезни). Мы уже видели Тенериф и Большие Канарские острова; Сен-Яго, где я провел три восхитительнейшие недели, наслаждаясь прелестями первого натурализации тропического вулканического острова, и, помимо других островов, два знаменитых порта Бразилии, а именно: Баия и Рио.

Я лежал в своем гамаке, пока мы не прибыли на Канарские острова, и никогда не забуду, какое возвышенное впечатление произвел на меня первый вид Тенерифа. Первое наступление теплой погоды было на редкость приятным; чистое голубое небо Тропиков не было обычной переменной после тех проклятых юго-западных штормов в Плимуте. Ближе к границе стало невыносимо жарко. Один день мы провели в соборе Святого Павла, небольшой группе скал около четверти мили в окружности, возвышающихся посреди Атлантики. Здесь была такая сцена. Уикхем (1-й лейтенант) и я были единственными, кто приземлился с оружием, геологическими молотками и т.д. Мириады птиц были слишком близко, чтобы стрелять; затем мы попробовали камни, но,

наконец, прох пудор! мой геологический молоток стал орудием смерти. Вскоре мы загрузили лодку птицами и яйцами. Пока мы были так заняты, люди в лодке честно сражались с акулами за такую великолепную рыбу, какой вы не увидите на лондонском рынке. Наша лодка стала бы прекрасным сюжетом для Снайдерса, такое разнообразие дичи в ней было. Мы пробыли здесь десять недель и теперь отправляемся в Монте-Видео, где я с нетерпением предвкушаю не одну скачку галопом по Пампасам. Мне стыдно за то, что я отправил такое сбивчивое письмо, но если бы вы увидели груды писем на моем столе, вы бы поняли причину...

Я рад слышать, что музыка так хорошо процветает в Кембридже; но говорить со мной о "небесных концертах" так же варварски, как с человеком в Аравии о холодной воде. В путешествии такого рода, если человек обретает много новых и замечательных удовольствий, с другой стороны, потери не так уж велики. Как бы вам понравилось, если бы вас внезапно лишили возможности увидеть всех людей и места, которые вы когда-либо знали и любили, в течение пяти лет? Уверяю вас, иногда я бываю "застигнут врасплох" этим размышлением; и тогда человеку или кораблю не так-то просто снова исправиться. Передайте мои самые искренние соболезнования оставшимся в живых замечательным ребятам, которых мне посчастливилось знать в Кембридже - я имею в виду Уитли и Уоткинса. Скажите Лоу, что я недостоин даже его презрения. Я могу съесть соленую говядину и заплесневелые бисквиты на ужин. Посмотрим, до чего может дойти падший человек!

Моим направлением на ближайшие полтора года будет Monte Video.

Да благословит тебя Бог, мой дорогой старина Герберт. Мое самое сердечное пожелание - чтобы ты всегда был счастлив и процветал.

Искренне твой, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Ф. УОТКИНСУ. Монте-Видео, река Плата, 18 августа 1832 года.

Мой дорогой Уоткинс,

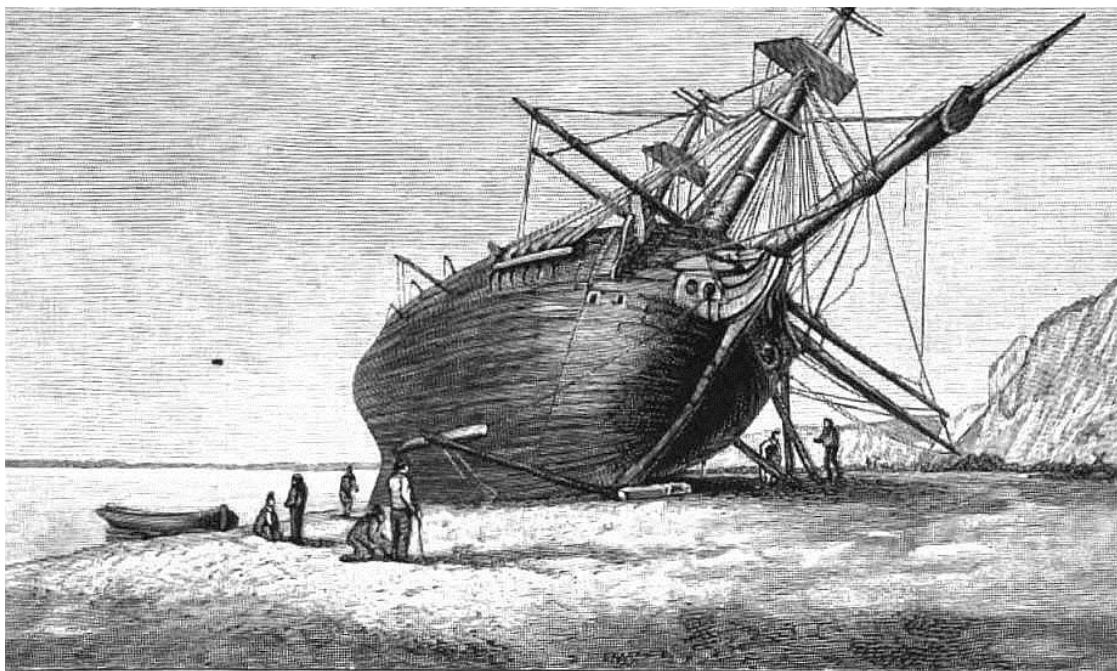
Я не очень уверен, что вы сочтете нужным получить письмо от человека, находящегося так далеко; поэтому я пишу из эгоистичного принципа получения ответа. В разных странах, которые мы посещаем, вся новизна и отличие от Англии только усиливают воспоминания о ее пейзажах и прелестях. В результате удовольствие думать о своих бывших друзьях и слушать их становится действительно большим. Вспомните об этом и как-нибудь долгим зимним вечером сядьте и пришлите мне длинный отчет о себе и наших друзьях; и о том, что у вас есть, и о том, что [вы] намерены делать; в противном случае еще через три-четыре года, когда я вернусь, вы все будете мне чужими. Учítывая, сколько месяцев прошло, мы не совершили большого кругосветного путешествия на "Бигле". До сих пор все с лихвой окупало необходимые хлопоты и потерю комфорта. Мы пробыли три недели на Кабо-де-Верде; это было необычное удовольствие - бродить по лавовым равнинам под тропическим солнцем, но когда я впервые попал туда и увидел пышную растительность Бразилии, я осознал видения из "Тысячи и одной ночи". Яркость пейзажа повергает человека в безумный восторг, и охотник на жуков вряд ли скоро очнется от него, когда, куда бы он ни повернулся, его взору попадутся свежие сокровища. В Рио-де-Жанейро три месяца пролетели как несколько недель. За это время я совершил восхитительную экскурсию на 150 миль вглубь страны. Я остановился в поместье, которое

является последним на расчищенной территории, за ним находится огромный непроходимый лес. Почти невозможно представить тишину такой жизни. Ни одно человеческое существо в радиусе нескольких миль не нарушает этого уединения. Посидеть во мраке такого леса на гниющем стволе и подумать о доме - удовольствие, ради которого стоит потрудиться.

В настоящее время мы находимся в гораздо менее интересной стране. Одна-единственная прогулка по волнистой дерновой равнине показывает все, что можно увидеть. Это совсем не похоже на Кембриджшир, за исключением того, что каждая изгородь, дерево и холм должны быть выровнены, а пахотная земля превращена в пастбище. Вся Южная Америка находится в таком беспокойном состоянии, что мы не заходили ни в один порт без каких-либо беспорядков. В Буэнос-Айресе над нашими головами просвистел выстрел; такого звука я никогда раньше не слышал, но обнаружил, что инстинктивно понимаю, что это значит. На днях мы высадили здесь наших людей и вступили во владение, по просьбе жителей, центральным фортом. Мы, философы, не торгуемся за такого рода работу, и я надеюсь, что больше их не будет. В течение дня или двух мы отплываем, чтобы осмотреть побережье Патагонии; поскольку оно совершенно неизвестно, я ожидаю большого интереса. Но я уже ощущаю прискорбную разницу между плаванием по этим морям и океаном Равноденствия. В "Дамском заливе", как называют его испанцы, так роскошно сидеть на палубе, наслаждаясь ночной прохладой и любуясь новыми созвездиями Юга...Интересно, когда мы когда-нибудь встретимся снова; но как бы то ни было, мало что доставит мне большее удовольствие, чем снова увидеть тебя и поговорить о том долгом времени, которое мы провели вместе.

Если бы вы встретились со мной сейчас, на меня наверняка посмотрели бы как на дикого зверя, огромная седая борода и линялая куртка обезобразили бы ангела. Поверьте мне, мой дорогой Уоткинс, с самыми теплыми чувствами дружбы.

Всегда твой, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - Дж.С. ХЕНСЛОУ. 11 апреля 1833 г.

Мой дорогой Хенслоу,

Сейчас мы поднимаемся от Фолклендских островов к Рио-Негро (или Колорадо). "Бигль" отправится в Монте-Видео, но, если удастся, я намерен остаться на прежнем месте. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как мы были в цивилизованном порту; почти все это время мы провели в самой южной части Огненной Земли. Это отвратительное место; штормы следуют за штормами с такими короткими интервалами, что трудно что-либо предпринять. Мы были в двадцати трех днях пути от мыса Горн и никак не могли продвинуться на запад. Последний шторм перед тем, как мы отказались от попытки, был необычайно сильным. Море затопило одну из лодок, и на палубах было так много воды, что все было на плаву; почти вся бумага для сушки растений испорчена, как и половина этой любопытной коллекции.

Наконец мы вошли в гавань и на лодках поплыли на запад по внутренним каналам. Поскольку я был одним из этой компании, я был очень рад этому. На двух лодках мы проплыли около 300 миль, и таким образом у меня была прекрасная возможность заняться геологией и увидеть большую часть дикарей. Огнеземельцы находятся в более жалком состоянии варварства, чем я ожидал, когда-либо видя человека. В этой суровой стране они абсолютно голые, и их временные жилища похожи на те, что дети строят летом из ветвей деревьев. Я не думаю, что какое-либо зрелище может быть интереснее, чем первый взгляд на человека в его первобытной дикости. Это интерес, который невозможно хорошо представить, пока его не испытаешь. Я никогда не забуду этого, когда входил в бухту Хорошего Успеха, — крика, которым нас встретила компания. Они сидели на скалистом выступе, окруженные темным буковым лесом; когда они

дико обхватили головы руками, и их длинные волосы развевались, они казались встревоженными духами из другого мира. Климат в некоторых отношениях представляет собой любопытную смесь суровости и мягкости; что касается животного царства, преобладает первое; вследствие этого я мало что добавил к своим коллекциям.

Геология этой части Огненной земли была, как, впрочем, и любого другого места, для меня очень интересной. Местность не богата ископаемыми и представляет собой обычную череду гранитных пород и сланцев; попытка выяснить соотношение спайности, пластов и т.д. И т.п. Была моим главным развлечением. Однако минералогия некоторых пород, я думаю, будет любопытной из-за их сходства с породами вулканического происхождения

Покинув Огненную Землю, мы отправились на Фолклендские острова. Я забыл упомянуть о судьбе жителей Огненной Земли, которых мы забрали обратно в их страну. Они стали полностью европейцами в своих привычках и желаниях, настолько, что младший из них забыл свой родной язык, а их соотечественники обращали на них очень мало внимания. Мы построили для них дома и разбили сады, но к тому времени, когда мы снова вернемся из-за Горна, я думаю, будет очень сомнительно, чтобы большая часть их имущества осталась нетронутой.

... Когда я страдаю от морской болезни и чувствую себя несчастным, одним из моих величайших утешений является представление о будущем, когда мы снова будем вместе шагать по дорогам вокруг Кембриджа. До этого дня еще очень далеко. Следующим летом нам предстоит совершить еще один круиз на Огненную Землю, и тогда наше кругосветное путешествие действительно начнется. Капитан Фиц-Рой приобрел большую шхуну водоизмещением 170 тонн. Во многих отношениях наличие спутницы будет большим преимуществом — возможно, это несколько сократит наш круиз, на что я искренне надеюсь. Однако я надеюсь, что коралловые рифы и различные животные Тихого океана поддержат мою решимость. Передайте мои наилучшие пожелания миссис Хенслоу и всем другим друзьям; я по-настоящему люблю Альма-Матер и всех ее обитателей.

Поверьте мне, мой дорогой Хенслоу, это ваш любящий и очень признательный друг ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС К. ДАРВИН. Мальдонадо, Рио-Плата, 22 мая 1833 года.

... Следующее деловое письмо адресовано моему отцу. Наличие собственного слуги было бы действительно отличным дополнением к моему комфорту. По этим двум причинам: поскольку в настоящее время капитан назначил одного из матросов постоянно находиться при мне, но я не думаю, что было бы справедливо таким образом забирать моряка с корабля; и, во-вторых, когда я в море, мне приходится довольно туго, чтобы кто-то прислуживал мне. Этот человек согласен быть моим слугой, и все расходы составят менее 60 фунтов в год. Я научил его стрелять птиц и сдирать с них шкуры, так что в моем главном деле он очень полезен. Я покинул Англию почти полтора года назад и обнаружил, что мои расходы составляют не более 200 фунтов стерлингов в год; так что, поскольку время от времени писать за разрешением бесполезно, я пришел к выводу, что вы разрешите мне эти расходы. Но я еще не решил спросить капитана, и есть даже вероятность, что он не захочет иметь на корабле дополнительного человека. Я упомянул об этом, потому что долгое время думал об этом.

Июнь.

Я только что получил еще пачку писем. Не знаю, как вас всех в достаточной степени отблагодарить. Одно от Кэтрин, 8 февраля, другое от Сьюзен, 3 марта, вместе с записками от Кэролайн и от моего отца; передайте от меня наилучшие пожелания моему отцу. Я чуть не заплакала от радости, получив его; было очень любезно написать мне. Мои письма немногочисленны, коротки и глупы в отличие от всех ваших; но я всегда успокаиваю свою совесть, рассматривая Дневник как длинное письмо. Если у меня получится, я, прежде чем удвоить Рог, пришлю остальные. Я весьма рад обнаружить, что шкура Мегатерия вызвала у вас некоторый интерес к моим занятиям. Однако эти фрагменты ни в коем случае не являются самыми ценными из геологических реликвий. Я верю, что время, проведенное в этом путешествии, если потратить его впустую во всех других отношениях, принесет полную пользу естественной истории; и мне кажется, что делать то НЕМНОГОЕ, что мы можем для увеличения общего запаса знаний, - это самая уважаемая цель жизни, какую только можно себе представить. Это скорее результат таких размышлений (как я уже говорил), чем сиюминутное удовольствие, которое сейчас заставляет меня продолжать путешествие вместе с великолепной перспективой будущего, когда, пройдя Магелланов пролив, мы действительно увидим перед собой весь мир. Подумайте об Андах, пышных лесах Гуаякиля, островах Южного моря и Новом Южном Уэльсе. Сколько великолепных и характерных видов, сколько любопытных племен людей мы увидим! Какие прекрасные возможности для геологии и изучения бесконечного множества живых существ! Разве это не перспектива поддерживать самый слабый дух? Если бы я выбросил его, не думаю, что когда-нибудь упокоился бы в своей могиле. Мне определенно следовало бы стать призраком и бродить по Британскому музею.

Как классно, кажется, идут дела у министров. Мне всегда очень нравятся политические сплетни и то, что, по вашему мнению, произойдет дома и т.д. и т.п. Я постоянно читаю еженедельную газету, но этого недостаточно, чтобы сформировать чье-то мнение; и я нахожу очень болезненным состояние, когда не можешь быть упрям, как свинья, в политике. Я наблюдал, как неуклонно общее настроение, проявленное на выборах, восставало против рабства. Какая гордость для Англии, если она первая европейская нация, которая полностью отменила его! Перед отъездом из Англии мне сказали, что после жизни в рабовладельческих странах все мои мнения изменятся; единственное изменение, о котором я знаю, - это формирование гораздо более высокой оценки характера негров. Невозможно видеть негра и не испытывать к нему теплых чувств; такие жизнерадостные, открытые, честные выражения лиц и такие прекрасные мускулистые тела. Я никогда не видел ни одного низкорослого португальца с их кровожадными лицами без того, чтобы мне почти не захотелось, чтобы Бразилия последовала примеру Хайти; и, учитывая огромное здоровое на вид чернокожее население, будет замечательно, если когда-нибудь в будущем этого не произойдет. В Рио есть человек (я не знаю его титула), который получает большое жалованье за предотвращение (я полагаю) высадки рабов; он живет в Ботофого, и все же именно в этом заливе во время моего пребывания было высажено наибольшее количество контрабандных рабов. Некоторым борцам с рабством следовало бы поинтересоваться его должностью; это было предметом разговоров в Рио среди нижнеанглийцев ...

ЧАРЛЬЗ Дарвин Дж.М. ГЕРБЕРТУ. Мальдонадо, Рио-Плата, 2 июня 1833 года.

Мой дорогой Герберт,

Последние три дня я был заперт в жалкой темной комнате в старом испанском доме из-за проливных дождей; поэтому я не в лучшей форме, чтобы писать; но, бросая вызов синим дьяволам, я пришлю вам несколько строк, хотя бы для того, чтобы искренне поблагодарить вас за то, что вы написали мне. Я получил ваше письмо, датированное 1 декабря, совсем недавно. Сейчас мы проводим часть зимы в Рио-Плата, после тяжелой летней работы на юге. Огненная земля - действительно жалкое место; непрекращающаяся ярость штормов просто ужасна. Однажды вечером мы увидели старый мыс Горн, а три недели спустя находились всего в тридцати милях с наветренной стороны от него. Это грандиозное зрелище - видеть всю природу в таком бушующем состоянии; но Небеса свидетели, каждый в "Бигле" за одно это лето повидал достаточно, чтобы прожить свою естественную жизнь.

Первым местом, где мы приземлились, была бухта Хорошего Успеха. Именно здесь Бэнкс и Соландер столкнулись с такими катастрофами при восхождении на одну из гор. Погода стояла вполне сносная, и я с удовольствием прогулялся по дикой местности, вроде той, что за Бармутом. Долины непроходимы из-за густых лесов, но более высокие части, вблизи границ вечных снегов, голые. С некоторых из этих холмов пейзаж, благодаря своему дикому, уединенному характеру, был самым возвышенным. Единственным обитателем этих высот является гуанако, и своим пронзительным ржанием он часто нарушает тишину. Сознание того, что нога европейца никогда не ступала по этой земле, усиливало удовольствие от этих прогулок. Как часто и как живо всплывают в моей памяти многие часы, проведенные в Бармуте! Я оглядываюсь на то время без особого удовольствия; в этот момент я вижу вас сидящим на холме за гостиницей почти так же отчетливо, как если бы вы действительно были там. Необходимо быть отделенным от всего, к чему привык, чтобы знать, как должным образом хранить такие воспоминания, и на таком расстоянии, я могу добавить, как должным образом уважать таких, как ты, мой дорогой старый Герберт. Интересно, когда я тебя снова увижу? Я надеюсь, что она, как вы говорите, окружена стопками пергамента; но тогда рано или поздно должна появиться милая маленькая леди, которая позаботится о вас и вашем доме. Такое восхитительное видение вызывает у меня настоящую зависть. Это любопытная жизнь для обычного человека, выходящего на берег, такого как я; худшая часть ее - это ее чрезвычайная продолжительность. Несомненно, в этом есть много высокого наслаждения и, напротив, сносная доля томления духа. Однако все должно сводиться к удовольствию выкапывать старые кости и очаровывать новых животных. Кстати, вы слишком высоко оцениваете мои труды по естественной истории. Я не более чем кормилец львов: я совсем не уверен, что они не зарычат и в конце концов не уничтожат меня.

Приятно слышать, как идут дела в Англии. Ура честным вигам! Я верю, что вскоре они нанесут удар по этому чудовищному пятну на нашей хваленой свободе - Колониальному рабству. Я достаточно насмотрелся на рабство и нравы негров, чтобы испытывать глубокое отвращение к лжи и бессмыслице, которые можно услышать по этому поводу в Англии. Слава Богу, бессердечные тори, у которых, как говаривал Дж. Макинтош, нет энтузиазма, кроме как вопреки энтузиазму, пока закончили свою гонку. Из вашего письма я с сожалением узнал, что вы плохо себя чувствовали и что вы частично объясняете это недостатком физических упражнений. Я бы хотел, чтобы ты был здесь, среди зеленых равнин; мы совершали бы прогулки, которые могли бы соперничать с Долгими, и ты рассказывал бы истории, в которые я поверил бы даже с точностью до КУБИЧЕСКОЙ САЖЕНИ ПУДИНГА. Вместо этого я должен совершать свои одинокие

прогулки, вспоминать дни в Кембридже и собирать змей, жуков и жаб. Извините за это короткое письмо (вы знаете, я никогда не изучал "Полного писателя писем"), и поверьте мне, мой дорогой Герберт,

Твой любящий друг ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - Дж.С. ХЕНСЛОУ. Восточный Фолкленд, март 1834 года.

... Я совершенно очарован геологией, но, подобно мудрому животному между двумя охапками сена, я не знаю, что мне нравится больше: старая кристаллическая группа пород или более мягкие и богатые окаменелостями пласты. Когда я ломаю голову над наслоениями и так далее, мне хочется воскликнуть: "Ни фиги себе ваши большие устрицы и ваши мегатерии побольше". Но потом, когда я выкапываю несколько прекрасных костей, я удивляюсь, как человек может утомлять руки, молотя по граниту. Кстати, у меня нет ни одного четкого представления о спайности, наслоении, линиях подъема. У меня нет книг, которые много рассказывали бы мне, и то, что они делают, я не могу применить к тому, что вижу. В результате я делаю свои собственные выводы, и, как мне иногда кажется, они самые восхитительно нелепые... Можете ли вы пролить какой-нибудь свет на мои мысли, сказав мне, какое отношение имеют друг к другу спайность и плоскости осаждения?

А теперь перейдем ко второму РАЗДЕЛУ, Зоологии. В основном я готовился к выходу в Южное море, изучая полипы мелких кораллинов в этих широтах. Многие из них сами по себе очень любопытны и, я думаю, совершенно неописуемы; был один ужасающий вид, родственник *Flustra*, о котором, осмелюсь сказать, я упоминал, что он был найден к северу, где у клеток есть подвижный орган (похожий на голову грифа с раскрывающимся клювом), закрепленный на краю. Но что представляет более общий интерес, так это несомненное (как мне кажется) существование другого вида страусов, помимо *Struthio rhea*. Все гаучо и индейцы утверждают, что это так, и я полностью доверяю их наблюдениям. У меня есть голова, шея, кусочек кожи, перья и ноги одного из них. Различия заключаются главным образом в цвете перьев и чешуи на ногах, оперении ниже колен, очаговости и географическом распределении. Вот и все, что я сделал в последнее время; открывающаяся передо мной перспектива полна солнечного света, прекрасной погоды, великолепных пейзажей, геологии Анд, равнин, изобилующих органическими остатками (которые, возможно, мне посчастливится поймать в самом процессе переезда), и, наконец, океана, берега которого изобилуют жизнью, так что, если не случится ничего непредвиденного, я продолжу путешествие, хотя, насколько я вижу, это может продлиться до тех пор, пока мы не вернемся с прекрасной компанией седовласых пожилых джентльменов. Я должен сердечно поблагодарить вас за присланные мне книги. Сейчас я читаю Оксфордский "Отчет" (второе собрание Британской ассоциации состоялось в Оксфорде в 1832 году, на следующий год - в Кембридже.); весь отчет о ваших действиях в высшей степени великолепен; вы, оставаясь в Англии, не можете себе представить, насколько чрезмерно интересными я нахожу эти отчеты. Исходя из моих собственных волнующих ощущений при их чтении, я уверен, что они не могут не произвести превосходного эффекта на всех тех, кто проживает в отдаленных колониях и у кого мало возможности ознакомиться с периодическими изданиями. Мой молот с удвоенной силой обрушился на выделенные блоки; по мере того, как я размышлял над красноречием президента Кембриджа, я наносил все более сильные удары. Я

надеюсь придать своим рукам силы для выступления на Кордильерах. Вы пришлете мне через капитана. Бофорта копию Кембриджского "Отчета".

Я забыл упомянуть, что в течение некоторого времени в прошлом и в будущем я буду ставить карандашные крестики на коробочках из-под таблеток с насекомыми, поскольку только они требуют особого хранения в сухости; возможно, это избавит вас от некоторых хлопот. Когда это письмо отправится, я не знаю, поскольку в этом маленьком очаге раздора недавно произошла ужасная сцена убийства, и в настоящее время заключенных здесь больше, чем жителей. Если будет зафрахтовано торговое судно, которое доставит их в Рио, я отправлю несколько образцов (особенно несколько моих растений и семян). Передайте меня всем моим друзьям из Кембриджа. Я люблю и дорожу каждым воспоминанием о милом старом Кембридже. Я очень признателен вам за то, что вы вписали мое имя в памятник бедняге Рамзи; я никогда не думаю о нем без самого теплого восхищения. Прощай, мой дорогой Хенслоу.

Поверьте мне, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН, ваш самый благодарный и любящий друг.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС К. ДАРВИН. Восточный Фолкленд, 6 апреля 1834 года.

Моя дорогая Кэтрин,

Когда это письмо дойдет до вас, я не знаю, но, вероятно, сюда зайдет какой-нибудь военный корабль, прежде чем, при обычном ходе событий, у меня появится еще одна возможность написать....

Посетив несколько южных островов, мы отправились через великолепные пейзажи канала Бигль в страну Джемми Баттона. (Джемми Баттон, Йоркский собор и Фуэджиа Баскет были уроженцами Огненной Земли, привезенными в Англию капитаном Фиц-Роем во время его предыдущего путешествия и возвращенными им своей стране в 1832 году.) Мы с трудом узнали беднягу Джемми. Вместо опрятного, хорошо одетого крепкого парня, которого мы оставили, мы увидели голого, худого, убогого дикаря. Йорк и Фуэджиа переехали в свою страну несколько месяцев назад, причем первый украл всю одежду Джемми. Теперь у него не было ничего, кроме куска одеяла, обернутого вокруг талии. Бедный Джемми был очень рад видеть нас и, со своим обычным добродушием, принес несколько подарков (шкуры выдр, которые сами по себе наиболее ценны) для своих старых друзей. Капитан предложил отвезти его в Англию, но, к нашему удивлению, он сразу отказался. Вечером к нам подошла его молодая жена и объяснила нам причину. Он был вполне доволен. В прошлом году, в разгар своего негодования, он сказал, что "жители его страны ничего не знают — проклятые дураки" — теперь они были очень хорошими людьми, у которых было СЛИШКОМ много еды и все блага жизни. Джемми и его жена уплыли на своем каноэ, нагруженные подарками, и были очень счастливы. Самое любопытное, что Джемми, вместо того чтобы восстановить свой родной язык, немного научил всех своих друзей английскому. "Каноэ Дж. Баттона" и "Жена Джемми, иди сюда", "Дай мне нож" и т.д., - говорили некоторые из них.

Затем мы направились к этому острову — этому маленькому жалкому очагу раздора. Мы выяснили, что гаучо под предлогом революции убили и ограбили всех англичан, которых смогли поймать, и некоторых своих соотечественников. Вся внутренняя экономика делает иностранные передвижения Англии наиболее презренными. Как это отличается от старой Испании. Здесь

мы, как собака на сене, захватываем остров и оставляем для его защиты Британский флаг; владелец, конечно, убит; теперь мы посылаем лейтенанта с четырьмя матросами, без полномочий или инструкций. Военный корабль, однако, рискнул покинуть отряд морских пехотинцев, и благодаря их помощи и предательству некоторых членов отряда все убийцы были схвачены, и теперь пленных столько же, сколько жителей. Этот остров должен когда-нибудь стать очень важным перевалочным пунктом в самом бурном море в мире. Это на полпути между Австралией и Южным морем в Англию; между Чили, Перу и т.д., а также Рио-Платой и Рио-де-Жанейро. Здесь прекрасные гавани, много пресной воды и хорошей говядины. Здесь, несомненно, выращивали бы более грубые овощи. В остальном это жалкое место. Некоторое время назад я объехал остров и вернулся через четыре дня. Моя экскурсия могла бы быть и дольше, но все это время дул сильный ветер с градом и снегом. Нет дров крупнее вереска, и вся страна представляет собой более или менее эластичное торфяное болото. Спать по ночам на улице было слишком тяжким занятием, чтобы выносить это среди всех скал Южной Америки.

Через два-три дня мы покинем это место беззакония и отправимся в Рио-де-ла-Санта-Крус. Одна из задач - осмотреть днище корабля. Мы сильно ударились о неизвестную скалу недалеко от Порт-Дезире, и часть ее меди оторвана. После того, как это будет исправлено, у капитана появится великолепный план; он заключается в том, чтобы отправиться к самому истоку этой реки, то есть, вероятно, к Андам. Она совершенно неизвестна; индейцы говорят нам, что ширина ее составляет двести или триста ярдов, и лошади нигде не смогут перейти ее вброд. Я не могу представить себе ничего более интересного. Затем в наши планы входит отправиться в форт Голод, и там мы встретимся с "Приключением", которое занимается составлением Карты Фолклендских островов. Это будет в середине зимы, так что я увижу Огненную Землю в ее белых одеждах. Мы покидаем пролив, чтобы войти в Тихий океан по каналу Барбара, очень малоизвестному, который проходит недалеко от подножия горы Сармьенто (самая высокая гора на юге, за исключением Mt.!! Дарвин!!). Затем мы отправимся в Консепсьон в Чили. Я полагаю, что корабль должен снова взять курс на юг, но если кто-нибудь снова поймает меня там, я позволю ему повесить меня как пугало для всех будущих натуралистов. Я страстно желаю работать в Кордильерах, изучать геологию этой стороны, которая, как я довольно хорошо понимаю, тесно связана с периодами насилия в этой великой горной цепи. Будущее, действительно, представляется мне блестящей перспективой. Вы говорите, что сам его блеск пугает вас; но на самом деле я очень осторожен; могу упомянуть в качестве доказательства, что во всех моих блужданиях у меня никогда не было ни одного несчастного случая или царапины...Продолжайте в вашем добром обычае писать побольше сплетен; я очень люблю слышать все обо всех. Передайте от меня самые добрые пожелания дяде Джосу и всем Веджвудам. Скажи Шарлотте (их семейные фамилии звучат совершенно неестественно). Я хотел бы написать ей, рассказать, как хорошо все идет; но это была бы всего лишь расшифровка этого письма, а в эту минуту меня окружает множество животных, которые все нуждаются в бальзамировании и нумерации. Я не забыл утешение, которое я получил в тот день в Маэре, когда мой разум был подобен качающемуся маятнику. Передай мою самую большую любовь моему отцу. Я надеюсь, что он простит всю мою расточительность, но не как христианин, потому что тогда, я полагаю, он больше не стал бы присылать мне денег.

Прощай, дорогая, тебе и всему твоему замечательному сестринству.

Твой любящий брат ЧЕЗ. ДАРВИН.

Мой привет Нэнси (Его старой няне.); скажи ей, что если бы она сейчас увидела меня с моей огромной бородой, то подумала бы, что я какой-нибудь достойный Соломон, пришедший продавать безделушки.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Ч. Уитли. Вальпараисо, 23 июля 1834 г.

Мой дорогой Уитли,

Я давно собирался написать, просто чтобы напомнить вам, что некий охотник на жуков и собиратель камней все еще существует. Не знаю, почему я не сделал этого раньше, но так мне и будет, если вы совсем забыли меня. Прошло очень много времени с тех пор, как я слышал какие-либо новости из Кембриджа; я не знаю, где вы живете и чем занимаетесь. Я записал ваше имя как одного из неутомимых хранителей тысячи восьмисот философов. Я был рад это видеть, потому что, когда мы в последний раз покидали Кембридж, вы были в печальном противоречии с бедной наукой; вы, казалось, считали ее публичной проституткой, работающей ради популярности. Если вы придерживаетесь того же мнения, что и раньше, вы бы полностью согласились с капитаном Фиц-Роем— объект его самого искреннего отвращения - один из проклятых научных вигов. Поскольку капитаны военных кораблей - величайшие люди, гораздо более великие, чем короли или школьные учителя, я обязан рассказать ему все в свою пользу. Я часто говорил, что когда-то у меня был очень хороший друг, убежденный тори, и нам удавалось очень хорошо ладить друг с другом. Но он очень сильно склонен сомневаться, чтокогда-либо я действительно был удостоен такой чести; в настоящее время мы почти ничего не слышим о политике; это избавляет от многих хлопот, поскольку все мы придерживаемся наших прежних взглядов гораздо более упрямо, чем раньше, и можем привести гораздо меньше причин для этого.

Я очень надеюсь, что ты напишешь мне: ("H.M.S. "Бигль", станция S. American"найдет меня). Мне бы очень хотелось услышать, в каком состоянии вы находитесь как телом, так и умом. ?Quien Sabe? как говорят здесь люди (и Бог свидетель, что вполне могут, потому что они действительно мало что знают), если вы не женаты и, возможно, лелеете, как говорит мисс Остин, маленькие оливковые ветви, маленькие залоги взаимной привязанности. Eheu! Eheu! это наводит меня на мысль о прежних видениях проблесков в будущее, когда мне казалось, что я вижу пенсию, зеленые коттеджи и белые нижние юбки. Я не знаю, что будет со мной дальше; я чувствую себя разоренным человеком, который не видит и не заботится о том, как выпутаться. Мой разум подсказывает мне, что это путешествие должно завершиться, но в остальном я не вижу ему конца. Невозможно не сожалеть с горечью о друзьях и других источниках удовольствия, которые оставляешь в Англии; вместо этого есть много настоящего удовольствия, некоторые из которых присутствуют, но больше в ожидании, когда идеи, приобретенные во время путешествия, можно будет сравнить со свежими. Я нахожу в геологии неизменный интерес, как уже было замечено, она создает те же грандиозные идеи относительно этого мира, которые астрономия создает для вселенной. Мы видели много прекрасных пейзажей; тропики по своему великолепию и роскоши превосходят даже язык Гумбольдта для описания. Только персидский писатель мог отдать должное этому, и если бы ему это удалось, его бы в Англии назвали "Дедушкой всех лжецов".

Но я не видел ничего, что поразило бы меня больше, чем первый взгляд на дикаря. Это был обнаженный огнеземец, его длинные волосы развевались, лицо было перепачкано краской. На их лицах есть выражение, которое, я полагаю, для тех, кто его не видел, должно быть непостижимо диким. Стоя на скале, он издавал звуки и жестикулировал, по сравнению с которыми крики домашних животных гораздо более понятны.

Когда я вернусь в Англию, вы должны взять меня в руки в отношении изящных искусств. Я все же припоминаю, что там был человек по имени Рафаэль Санктус. Как восхитительно будет еще раз увидеть в "Фицуильяме" "Венеру" Тициана. Насколько более чем восхитительно сходить на какой-нибудь хороший концерт или прекрасную оперу. Эти воспоминания никуда не годятся. Завтра я не смогу выковыривать внутренности какого-нибудь мелкого животного и вполонину с моим обычным удовольствием. Пожалуйста, расскажите мне какие-нибудь новости о Кэмероне, Уоткинсе, Мариндине, двух Томпсонах из "Тринити", Лоу, Хевисайде, Мэтью. От Герберта я слышал. Как дела у Хенслоу? и все другие добрые друзья дорогого Кембриджа? Часто-часто я думаю о тех последних часах, многие из которых были проведены в вашем обществе. Такие никогда не смогут вернуться, но воспоминание о них никогда не угаснет.

Да благословит тебя Бог, мой дорогой Уитли, Поверь мне, твоему самому искреннему другу, ЧЕЗУ. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС К. ДАРВИН. Вальпараисо, 8 ноября 1834 года.

Моя дорогая Кэтрин,

Мое последнее письмо было довольно мрачным, потому что я был не очень здоров, когда писал его. Теперь все ярко, как солнечный свет. Я снова вполне здоров после того, как во второй раз провел в постели две недели. Капитан Фиц-Рой очень великодушно задержал отправку корабля на десять дней из-за меня, при этом не сообщив мне, по какой причине.

У нас на борту "Бигля" произошли некоторые странные события, но они закончились самым плачевным образом для всего экипажа. Капитан Фиц-Рой в течение последних двух месяцев работал ЧРЕЗВЫЧАЙНО усердно и в то же время постоянно раздражался из-за помех со стороны офицеров других кораблей; продажа шхуны и ее последствия были очень досадными; холодное отношение Адмиралтейства (я полагаю, исключительно потому, что он тори) к нему и тысяче других и т.д. и т.п. Сделало его очень худым и нездоровым. Это сопровождалось болезненным упадком духа и потерей всякой решимости... Все, что Байноу [Хирург] мог сказать, что это было просто следствием физического здоровья и истощения после такого применения, не годилось; он был признан инвалидом, и Уикхем был назначен командующим. Согласно полученным инструкциям, Уикхем мог закончить обследование только южной части, а затем был бы вынужден вернуться прямо в Англию. Скорбь на борту "Бигля" по поводу решения капитана была всеобщей и глубоко прочувствованной; одним из главных источников его раздражения было ощущение невозможности выполнить все инструкции; из-за его душевного состояния ему никогда не приходило в голову, что сами инструкции предписывали ему пройти столько Западного побережья, СКОЛЬКО У НЕГО ХВАТИТ ВРЕМЕНИ, а затем продолжить путь через Тихий океан.

Уикхем (совершенно бескорыстно отказавшийся от собственного повышения) настаивал на этом самым решительным образом, заявив, что, когда он примет командование, ничто не заставит его снова отправиться на Огненную Землю; а затем спросил капитана, чего добьется его отставка? почему бы не выполнить более полезную часть и не вернуться по приказу Тихоокеанского флота. Наконец капитан, ко всеобщей радости, согласился, и заявление об отставке было отозвано.

Ура! ура! установлено, что "Бигль" не должен проходить ни на милю южнее мыса Трес Монтеc (примерно в 200 милях к югу от Чилоэ), и от этой точки до Вальпараисо путь будет закончен примерно за пять месяцев. Мы исследуем архипелаг Чонос, совершенно неизвестный, и любопытное внутреннее море за Чилоэ. Для меня это великолепно. Мыс Трес-Монтеc - самая южная точка, представляющая большой геологический интерес, поскольку там заканчиваются современные пласты. Затем капитан заговаривает о пересечении Тихого океана; но я думаю, мы убедим его закончить с побережьем Перу, где восхитительный климат, местность до ужаса стерильная, но изобилующая объектами высочайшего интереса для геолога. Впервые с тех пор, как я покинул Англию, я вижу ясную и не столь отдаленную перспективу возвращения ко всем вам: пересечение Тихого океана и возвращение из Сиднея домой не займет много времени.

Как только капитан стал инвалидом, я сразу же решил покинуть "Бигль", но было совершенно абсурдно, какой переворот за пять минут произошел во всех моих чувствах. Я долго горевал и очень сожалел о нескончаемой продолжительности путешествия (хотя я никогда бы не бросил его); но в ту минуту, когда все это закончилось, я не мог решиться вернуться. Я не мог отказаться от всех геологических воздушных замков, которые строил в течение последних двух лет. Целую ночь я пытался обдумать удовольствие от того, что снова увижу Шрусбери, но бесплодные равнины Перу одержали верх. Я разработал следующий план (я знаю, вы будете ругать меня, и, возможно, если бы я привел его в исполнение, мой отец послал бы за мной поручение): этим летом исследовать Кордильеры Чили, а зимой переходить из порта в порт на побережье Перу в Лиму, вернуться в это же время в следующем году в Вальпараисо, пересечь Кордильеры в Буэнос-Айресе и сесть на корабль в Англию. Разве это не была бы прекрасная экскурсия, и через шестнадцать месяцев я был бы со всеми вами? Пережить Огненную землю и не увидеть Тихого океана было бы несчастьем ...

Завтра я отправляюсь на борт; последние шесть недель я провел в доме Корфилда. Вы не можете себе представить, какого доброго друга я в нем нашел. Его повсеместно любят и уважают местные жители и иностранцы. Несколько синьорит чилено очень любезно стремятся стать синьорами этого дома. Скажите моему отцу, что я сдержал свое обещание быть экстравагантным в Чили. Я выписал счет на 100 фунтов (не лучше ли сообщить об этом господам Дж. Robarts & Co.); 50 фунтов идут капитану на следующий год, а 30 фунтов я беру с собой в море для небольших портов; так что, честно говоря, я не потратил 180 фунтов за эти последние четыре месяца. Я надеюсь, что в течение шести месяцев мне не выставят еще один счет. Все вышеперечисленные детали были урегулированы только вчера. Это принесло мне больше пользы, чем пинта лекарства, и я не был так счастлив весь последний год. Если бы не моя болезнь, эти четыре месяца в Чили были бы очень приятными. Однако мне не повезло: произошло всего одно небольшое землетрясение. Я лежал в постели, когда в доме была компания за ужином; внезапно я услышал такой гвалт в столовой; не произнес ни слова, дьявол заberi самого последнего, кто должен был выйти первым; в тот же момент я почувствовал, как моя кровать СЛЕГКА завибрировала в боковом направлении. Компания была

старыми стэйджерами и услышала шум, который всегда предшествует толчку; и ни один старый стэйджер не смотрит на землетрясение философским взглядом ...

До свидания вам всем; еще некоторое время вы не получите ни одного письма.

Моя дорогая Кэтрин, сердечно твой, ЧЕЗ. ДАРВИН.

С наилучшими пожеланиями моему отцу и всем вам. С любовью к Нэнси.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС С. ДАРВИН. Вальпараисо, 23 апреля 1835 года.

Моя дорогая Сьюзен,

Несколько дней назад я получил твое письмо от ноября; трех писем, о которых я упоминал ранее, еще нет, но я не сомневаюсь, что они оживут. Неделю назад я вернулся из своей экскурсии через Анды в Мендосу. С тех пор как я покинул Англию, я никогда не совершал такого успешного путешествия; однако оно обошлось мне очень дорого. Я уверен, что мой отец не пожалел бы об этом, если бы знал, как глубоко я наслаждался этим: это было нечто большее, чем удовольствие; я не могу выразить восторг, который я испытал от такого знаменитого завершения всей моей геологии в Южной Америке. Я буквально не мог спать по ночам, размышляя о своей дневной работе. Пейзаж был таким новым и таким величественным; все на высоте 12 000 футов имеет совершенно иной вид, чем в низинах. Я видел много видов более красивых, но ни один из них не имел столь ярко выраженного характера. Для геолога также существуют очевидные доказательства чрезмерного насилия; слои высочайших вершин разбросаны повсюду, как корка испорченного пирога.

Я пересек перевал Портильо, который в это время года может быть опасным, поэтому не мог позволить себе задерживаться там. Пробыв день в дурацком городке Мендоса, я начал свое возвращение через Успаллате, что проделал очень неторопливо. Вся моя поездка заняла всего двадцать два дня. Я путешествовал с необычным для меня комфортом, поскольку нес КРОВАТЬ! Мой отряд состоял из двух пеонов и десяти мулов, двое из которых были с багажом, или, скорее, с едой, на случай заноса снегом. Однако все было благоприятно для меня; на дорогу не упало ни крупинки снега, выпавшего в этом году. Я не думаю, что кого-либо из вас могут сильно интересовать геологические подробности, но я просто упомяну свои основные результаты: — Помимо понимания в определенной степени описания и характера действия силы, поднявшей эту огромную горную линию, я могу ясно продемонстрировать, что одна часть двойной линии находится на целую вечность позже другой. В более древней линии, которая является настоящей цепью Анд, я могу описать вид и порядок горных пород, составляющих ее. Они примечательны главным образом тем, что содержат слой гипса толщиной почти 2000 футов — количество этого вещества, я бы сказал, не имеет аналогов в мире. Что имеет гораздо большее значение, я раздобыл ископаемые раковины (с высоты 12 000 футов). Я думаю, что их изучение даст приблизительный возраст этих гор по сравнению со слоями Европы. Что касается другой линии Кордильер, то существует сильное предположение (на мой взгляд, убеждение), что огромная горная масса, вершины которой достигают 13 000 и 14 000 футов, настолько современна, что соответствует равнинам Патагонии (или примерно ВЕРХНИМ слоям острова Уайт). Если этот результат будет считаться доказанным (важность этих результатов была полностью признана геологами.), это будет очень важный факт в теории формирования мира;

потому что, если такие удивительные изменения произошли так недавно в земной коре, не может быть никаких оснований предполагать, что в прежние эпохи чрезмерного насилия происходили такие удивительные изменения. Эти современные пласты очень примечательны тем, что пронизаны металлическими прожилками серебра, золота, меди и т.д.; До сих пор они рассматривались как относящиеся к более древним формациям. На этих же грядках, недалеко от золотоносной жилы, я нашел группу окаменевших деревьев, стоящих прямо, с нанесенными вокруг них слоями мелкого песчаника, сохранившими отпечаток их коры. Эти деревья покрыты другими песчаниками и потоками лавы толщиной в несколько тысяч футов. Эти породы были отложены под водой; тем не менее ясно, что место, где росли деревья, должно было когда-то находиться выше уровня моря, так что несомненно, что суша должна была опуститься по меньшей мере на столько тысяч футов, насколько толсты надземные подводные отложения. Но я боюсь, вы скажете мне, что я слишком прозаичен в своих геологических описаниях и теориях ...

Ваш рассказ о визите Эразма в Кембридж заставил меня страстно желать вернуться туда. Я не могу представить себе ничего более восхитительного, чем его воскресный тур с участием King's, Trinity и этих говорящих гигантов, Уэвелла и Седжвика; Я надеюсь, что ваши музыкальные вкусы останутся в должной силе. Я буду без ума от фортепиано...

Я еще не совсем решил, буду ли я спать в "Льве" в первую ночь, когда приеду в "Уандер", или побеспокою вас всех глубокой ночью; все, кроме этого, абсолютно спланировано. Все в Шрусбери становится в моем воображении больше и красивее; я уверен, что акация и бук - два великолепных дерева; Я узнаю каждый куст и побеспокою вас, юные леди, когда каждая из вас срубит свое дерево, чтобы сохранить несколько. Что касается вида за домом, я не видел ничего подобного. То же самое и с Северным Уэльсом; Сноудон, на мой взгляд, выглядит намного выше и красивее любой вершины Кордильер. Итак, вы скажете, что с моими помраченными способностями пришло время возвращаться, и так оно и есть, и я жажду быть с вами. Какими бы ни были деревья, я знаю, что найду всех вас. Я пишу бессмыслицу, так что прощайте. Моя самая нежная любовь ко всем, и я молю прощения у моего отца.

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - У.Д. ФОКСУ. Лима, июль 1835 г.

Мой дорогой Лис,

Недавно я получил два твоих письма, одно датировано июнем, а другое ноябрем 1834 года (они дошли до меня, однако, в обратном порядке). Я был очень рад узнать историю этого самого важного года в вашей жизни. Раньше я слышал только тот простой факт, что вы были женаты. Вы истинный христианин и отвечаете добром на зло, отправив два таких письма такому плохому корреспонденту, каким был я. Благослови вас Бог за то, что вы пишете так любезно и с любовью; если приятно иметь друзей в Англии, то вдвойне приятно думать и знать, что о тебе забыли не потому, что ты отсутствуешь. Это путешествие ужасно долгое. Я так искренне желаю вернуться, но едва ли осмеливаюсь заглядывать в будущее, ибо не знаю, что со мной будет. Ваше положение выше всякой зависти: я не осмеливаюсь даже строить такие счастливые видения. Для человека, достойного занять этот пост, жизнь священнослужителя - это прообраз

всего респектабельного и счастливого. Ты искушаешь меня разговорами о своем камине, тогда как это своего рода сцена, о которой я никогда не должен думать. На днях я видел судно, отплывающее в Англию; было довольно опасно осознавать, как легко я могу стать дезертиром. Что касается английской леди, я почти забыл, кто она такая — нечто очень ангельское и доброе. Что касается женщин в этих странах, то они носят чепцы и нижние юбки, и очень у немногих красивые лица, и этим все сказано. Но если мы не разобьемся о какой-нибудь несчастливый риф, я сяду у того же камина в Вейл-коттедже и расскажу несколько замечательных историй, которые вы, кажется, предвкушаете и, я полагаю, не очень готовы поверить. Спасибо всем, перспектива таких времен несколько короче, чем раньше.

Из этого самого жалкого "Города королей" мы отплываем через две недели, а оттуда - в Гуаякиль, Галапагосы, Маркизские острова, Острова Общества и т.д., и т.п. Я с нетерпением жду Галапагосских островов с большим интересом, чем любой другой части путешествия. Они изобилуют действующими вулканами и, я надеюсь, содержат третичные слои. Я рад слышать, что у вас есть некоторые мысли о начале геологии. Я надеюсь, что вы это сделаете; здесь гораздо большее поле для размышлений, чем в других областях естественной истории. Я стал ревностным последователем взглядов мистера Лайелла, изложенных в его замечательной книге. Занимаясь геологией Южной Америки, я испытываю искушение переносить детали в большем объеме, чем это делает он. Геология - это сложная наука для начала, поскольку она не требует ничего, кроме небольшого чтения, размышлений и стука молотка. У меня накопилось значительное количество заметок; но для меня это постоянный предмет недоумения, представляют ли они достаточную ценность для всего того времени, которое я потратил на них, или же животные не представляли бы более определенной ценности.

Я действительно буду рад снова увидеть тебя и сказать, как я благодарен за твою постоянную дружбу. Да благословит тебя Бог, мой дорогой Фокс.

Поверь мне, искренне твой, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - Дж.С. ХЕНСЛОУ. Сидней, январь 1836 года.

Мой дорогой Хенслоу,

Это последняя возможность пообщаться с вами перед тем радостным днем, когда я приеду в Кембридж. Мне очень мало что можно сказать, но я должен написать, хотя бы для того, чтобы выразить свою радость по поводу того, что прошлый год подошел к концу и что нынешний, в котором "Бигль" вернется, скользит вперед. Мы все здесь были разочарованы, не найдя ни единого письма; мы действительно пришли несколько раньше ожидаемого времени, иначе, осмелюсь сказать, я бы увидел ваш почерк. Я должен питаться будущим, и это безгранично восхитительно - чувствовать уверенность в том, что через восемь месяцев я снова буду преспокойно жить в Кембридже. Конечно, я никогда не был предназначен для путешествия; мои мысли всегда блуждают по прошлым или будущим сценам; я не могу наслаждаться настоящим счастьем, предвкушая будущее, что примерно так же глупо, как собака, бросившая настоящую кость ради своей тени

Во время нашего путешествия через Тихий океан мы заходили только на Таити и в Новую Зеландию; ни в одном из этих мест, ни в море у меня не было возможности поработать. Таити -

самое очаровательное место. Все, что писали бывшие мореплаватели, - правда. "Новая Китерея поднялась из океана". Восхитительные пейзажи, климат, манеры людей - все находится в гармонии. Более того, восхитительно наблюдать за тем, чего добились миссионеры как здесь, так и в Новой Зеландии. Я твердо верю, что они хорошие люди, работающие во имя благого дела. Я сильно подозреваю, что те, кто оскорблял миссионеров или насмехался над ними, как правило, были из тех, кто не очень стремился считать туземцев нравственными и разумными существами. В течение оставшейся части нашего путешествия мы посетим только места, общепризнанные как цивилизованные, и почти все под британским флагом. Это будет плохая область для изучения естественной истории, а без нее я недавно обнаружил, что удовольствие от знакомства с новыми местами - ничто. Я должен вернуться к своему прежнему ресурсу и подумать о будущем, но, чтобы не впасть в еще большую прозу, я попрощаюсь с вами до того дня, когда увижу своего Учителя естественной истории и смогу сказать ему, как я благодарен ему за его доброту и дружбу.

Поверь мне, дорогой Хенслоу, Всегда твой, искренне твой, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС С. ДАРВИН. Баия, Бразилия, 4 августа [1836].

Моя дорогая Сьюзен,

Я просто напишу несколько строк, чтобы объяснить причину, по которой это письмо датировано берегом Южной Америки. Какие-то странные различия в долготах побудили капитана Фиц-Роя заторопиться завершить круг в южном полушарии, а затем вернуться по нашим первоначальным следам в Англию. Этот зигзагообразный образ действий очень прискорбен; он нанес последний удар по моим чувствам. Я ненавижу море и все корабли, которые по нему плавают. Но я все же верю, что мы доберемся до Англии во второй половине октября. На Вознесении я получил письмо Кэтрин от октября и ваше от ноября; письмо на Мысе было более поздним, но письма любого рода - бесценные сокровища, и я благодарю вас обоих за них. Пустыня, вулканические скалы и бурное море Вознесения, как только я узнал, что есть новости из дома, внезапно приобрели приятный вид, и я с доброй волей принялся за свою старую работу по геологии. Вы были бы удивлены, узнав, насколько удовольствие от прибытия в новое место полностью зависит от писем. Мы пробыли в Вознесении всего четыре дня, а затем совершили очень удачный перелет в Баию.

Я и не думал, что снова ступлю на побережье Южной Америки. Было почти болезненно обнаружить, сколько хорошего энтузиазма испарилось за последние четыре года. Теперь я могу спокойно прогуливаться по бразильскому лесу; не знаю, насколько он изысканно красив, но теперь, вместо того чтобы искать великолепные контрасты, я сравниваю величественные манговые деревья с английскими конскими каштанами. Хотя на этом зигзаге мы потеряли по меньшей мере две недели, в некотором отношении я этому рад. Думаю, я смогу увезти с собой одну яркую картину межтропического пейзажа. Мы отправляемся отсюда на Мыс Вердс, если, конечно, позволят ветры или экваториальный штиль. У меня есть слабая надежда, что устойчивый противный ветер заставит капитана следовать прямо к Азорским островам. За это самое неблагоприятное событие я от всего сердца молюсь.

Оба ваших письма были полны хороших новостей; особенно выражений, которые, по вашим словам, профессор Седжвик употребил по поводу моих коллекций. Признаюсь, они доставляют глубокое удовлетворение — я верю, что по крайней мере одна часть окажется правдой, и что я буду действовать так, как сейчас думаю, — как человек, который осмеливается потратить впустую один час времени, еще не осознавший ценности жизни. Профессор Седжвик, вообще упоминающий мое имя, вселяет в меня надежду, что он поможет мне своим советом, в котором я очень нуждаюсь в своих геологических вопросах. Бесполезно объяснять вам, исходя из постыдного состояния этих каракулей, что я пишу вопреки времени, поскольку отсутствовал все утро, а теперь на борту есть несколько незнакомцев, к которым я должен спуститься и поговорить о вежливости. Более того, поскольку это письмо отправляется иностранным кораблем, сомнительно, прибудет ли оно когда-нибудь. Прощайте, моя дорогая Сьюзен и все вы. До свидания.

Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.С. ХЕНСЛОУ, остров Святой Елены, 9 июля 1836 г.

Мой дорогой Хенслоу,

Я хочу попросить вас оказать мне услугу. Я очень хочу принадлежать к Геологическому обществу. Я не знаю, но я полагаю, что необходимо получить предложение за некоторое время до голосования; если это так, не будете ли вы настолько любезны, чтобы предпринять надлежащие подготовительные шаги? Профессор Седжвик очень любезно предложил сделать мне предложение перед отъездом из Англии, если ему случится быть в Лондоне. Осмелюсь предположить, что он все же сделает это.

Мне почти не о чем писать. Долгое время мы не видели, не делали и не слышали ни о чем особенном; и действительно, если бы в настоящее время перед нами могли предстать чудеса другой планеты, я полагаю, мы бы единодушно воскликнули: "Какая непревзойденная чума". Ни один школьник никогда не исполнял наполовину сентиментальную, наполовину веселую мелодию "dulce domum" с большим пылом, чем мы все склонны это делать. Но вся тема "dulce domum" и радости видеть своих друзей в высшей степени опасна, она безошибочно должна сделать человека очень прозаичным или очень шумным. О, до какой степени я жажду снова жить спокойно, не имея рядом ни одного нового предмета! Никто не может себе этого представить, пока он не объедит вокруг света в течение пяти долгих лет на десятипушечном бриге. В настоящее время я живу в маленьком домике (среди облаков) в центре острова, в двух шагах от могилы Наполеона. Дует порывистый ветер с проливным дождем и ужасно холодно; если призрак Наполеона бродит по его унылому месту заключения, то это была бы самая подходящая ночь для таких блуждающих духов. Если погода позволит, я надеюсь немного ознакомиться с геологией острова (которую так часто частично описывают). Я подозреваю, что в отличие от большинства вулканических островов, его структура довольно сложная. Кажется странным, что этот маленький центр особого творения, как утверждается, несет на себе следы недавнего возвышения.

"Бигль" направляется отсюда к Вознесению, затем к мысу Вердс (какие жалкие места!), к Азорским островам, в Плимут, а затем домой. Однако этот самый чудесный из всех дней в моей

жизни наступит не раньше середины октября. Как-нибудь в течение этого месяца выувидите меня в Кембридже, куда я должен немедленно прибыть, чтобы доложить о себе вам, как моему первому лорду Адмиралтейства. На мысе Доброй Надежды всех нас, находившихся на борту, постигло горькое разочарование из-за пропажи девятимесячных писем, которые преследуют нас с одного конца земного шара до другого. Осмелюсь сказать, что среди них было и ваше письмо; я давно не видел вашего почерка, но скоро увижу вас самих, а это гораздо лучше. Поскольку я ваш ученик, вы обязаны взять на себя задачу критиковать и отругивать меня за все, что сделано плохо или не сделано вообще, в чем, боюсь, я буду очень нуждаться; но я надеюсь на лучшее, и я уверен, что у меня хороший, хотя и не слишком легкий надсмотрщик.

На мысе Кейп нам с капитаном Фиц-Роем выпала незабываемая удача - мы встретились с сэром Дж. Гершелем. Мы обедали в его доме и видели его еще несколько раз. Он был чрезвычайно добродушен, но его манеры поначалу показались мне довольно ужасными. Он живет в очень комфортабельном загородном доме, окруженном елями и дубами, которые одни в такой открытой местности создают чарующую атмосферу уединения и уюта. Кажется, он на все находит время; он показал нам прелестный сад, полный капских луковиц, которые он сам собирал, и впоследствии я понял, что все было делом его собственных рук...Я очень глуп, и мне больше нечего сказать; ветер так печально свистит над унылыми холмами, что я лягу спать и буду видеть во сне Англию.

Спокойной ночи, мой дорогой Хенслоу, искренне твой и с любовью, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.С. ХЕНСЛОУ. Шрусбери, четверг, 6 октября [1836 г.].

Мой дорогой Хенслоу,

Я уверен, вы поздравите меня с радостью снова оказаться дома. "Бигль" прибыл в Фалмут в воскресенье вечером, а я прибыл в Шрусбери вчера утром. Я чрезвычайно горю желанием увидеть вас, и поскольку через четыре или пять дней мне необходимо будет вернуться в Лондон, чтобы забрать свои вещи из "Бигля", мне кажется, что лучше всего проехать через Кембридж. Мне нужен ваш совет по многим вопросам; на самом деле я витаю в облаках и не знаю, что делать и куда идти. Моя главная загадка связана с геологическими образцами — у кого хватит милосердия помочь мне описать их минералогическую природу? Не будете ли вы настолько любезны написать мне одну строчку с ОБРАТНОЙ ПОЧТОЙ, сообщив, находитесь ли вы сейчас в Кембридже? Я сомневаюсь, что, пока не получу известий от капитана Фиц-Роя, мне не придется отправляться в путь до того, как придет ответ, но, прошу вас, воспользуйтесь шансом. Мой дорогой Хенслоу, я так хочу тебя увидеть; ты был для меня самым добрым другом, который когда-либо был у человека. Я больше не могу писать, потому что у меня кружится голова от радости и замешательства.

Пока прощайте, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Р. ФИЦ-РОЮ. Шрусбери, утро четверга, 6 октября [1836 г.].

Мой дорогой Фиц-Рой,

Я приехала сюда вчера утром во время завтрака и, слава Богу, нашла всех моих дорогих добрых сестер и отца в полном порядке. Мой отец выглядит более жизнерадостным и ненамного старше, чем когда я уезжала. Мои сестры уверяют меня, что я ничуть не изменилась, и я могу ответить на комплимент. Действительно, вся Англия кажется изменившейся, за исключением доброго старого города Шрусбери и его жителей, которые, насколько я вижу обратное, могут оставаться такими, как сейчас, до Судного дня. Я бы от всего сердца хотела писать тебе среди твоих друзей, а не в том ужасном Плимуте. Но этот день скоро настанет, и ты будешь так же счастлива, как я сейчас. Уверяю вас, дома я очень важный человек; пятилетнее путешествие, безусловно, подняло меня на сто процентов. Боюсь, что такое величие должно претерпеть падение.

Мне очень стыдно за себя, в каком мертвом-полуживом состоянии я провел несколько последних дней на борту; моим единственным оправданием является то, что я, конечно, был не совсем здоров. Первый день на почте утомил меня, но по мере того, как я приближался к Шрусбери, все вокруг выглядело более красивым и жизнерадостным. Проезжая Глостершир и Вустершир, я очень хотел, чтобы вы полюбовались полями, лесами и фруктовыми садами. Глупым людям в дилижансе, похоже, не показалось, что поля были хоть чуточку зеленее, чем обычно; но я уверен, нам следовало бы полностью согласиться с тем, что на всем белом свете нет такой счастливой перспективы, как богатая возделанная земля Англии.

Я надеюсь, вы не забудете прислать мне записку с сообщением о том, как у вас идут дела дальше. Я действительно надеюсь, что все ваши досады и хлопоты, связанные с нашим путешествием, которое, как мы теперь знаем, подошло к концу, подошли к концу. Если вы не получите большого удовлетворения за всю умственную и физическую энергию, затраченную вами на службе Его Величеству, с вами будут обращаться крайне сурово. Я поднял шум из-за некоторых благоразумных (если бы они не были честными вигами, я бы сказал, убогих) действий нашего правительства. Кстати, я должен сказать вам ради чести и славы семьи, что у моего отца есть большая гравюра с изображением короля Георга IV. она висит в его гостиной. Но я не отступник, и к тому времени, когда мы встретимся, моя политика будет так же твердо определена и так же мудро обоснована, как и прежде.

Когда я начинал это письмо, я думал, что смогу убедить вас в том, в каком устойчивом и трезвом расположении духа я находился. Но я обнаружил, что пишу самую ценную чушь. Двое или трое наших рабочих вчера немедленно принялись за работу и чрезмерно напились в честь прибытия мастера Чарльза. Кто же тогда станет возражать, если мастер Чарльз сам решит выставить себя дураком? До свидания. Да благословит вас Бог! Я надеюсь, что вы так же счастливы, но гораздо мудрее, чем ваш самый искренний, но недостойный философ,

ЧАС. ДАРВИН.

ГЛАВА 1.VII. — ЛОНДОН И КЕМБРИДЖ.

1836-1842.

[Период, проиллюстрированный нижеследующими письмами, включает годы между возвращением моего отца из плавания на "Бигле" и его поселением в Дауне. Это отмечено постепенным проявлением той слабости здоровья, которая в конечном итоге вынудила его покинуть Лондон и поселиться на всю оставшуюся жизнь в тихом загородном доме.]

В июне 1841 года он пишет Лайеллю: "Мой отец, кажется, вряд ли ожидает, что я стану сильным в течение нескольких лет; для меня было горьким разочарованием переварить вывод о том, что "гонка для сильных", и что я, вероятно, не добьюсь большего, но буду довольствоваться восхищением успехами, которых другие добиваются в науке".

Нет никаких свидетельств о каком-либо намерении заняться какой-либо профессией после его возвращения из путешествия, и в начале 1840 года он написал Фиц-Рою: "Мне нечего желать, кроме более крепкого здоровья, чтобы продолжать заниматься предметами, которым я с радостью решил посвятить свою жизнь".

Эти два состояния — постоянное нездоровье и страстная любовь к научной работе ради нее самой - определили, таким образом, в начале его карьеры характер всей его дальнейшей жизни. Они вынудили его вести уединенную жизнь, полную постоянного труда, доведенного до предела его физических сил, жизнь, которая явно опровергла его печальное пророчество.

В конце последней главы мой отец благополучно прибыл в Шрусбери 4 октября 1836 года, "после пяти лет и двух дней отсутствия". Он написал Фоксу: "Вы не можете себе представить, каким восхитительным был мой первый визит домой; это стоило изгнания". Но это было удовольствие, которым он не мог наслаждаться долго, потому что в последние дни октября он был в Гринвиче, распаковывая экземпляры из "Бигля". Что касается назначения коллекций, то он несколько уныло пишет Хенслоу:

"Я не слишком продвинулся в общении с великими людьми. Я нахожу, как вы мне сказали, что все они поглощены своими делами. Мистер Лайелл самым добродушным образом и почти без просьб посвятил меня во все мои планы. Однако он рассказывает мне ту же историю, что я должен все сделать сам. Мистеру Оуэну, похоже, не терпится препарировать некоторых животных в духе, и, кроме этих двоих, я едва ли встречал кого-либо, кто, кажется, хотел бы обладать каким-либо из моих образцов. Я должен исключить доктора Гранта, который желает исследовать некоторые кораллы. Я вижу, что совершенно неразумно надеяться на минуту, что какой-либо человек возьмется за исследование целого отряда. Очевидно, что коллекционеры настолько превосходят числом настоящих натуралистов, что у последних нет свободного времени.

"Я даже не нахожу, что Коллекции заботятся о получении неназванных экземпляров. Зоологический музей (Музей Зоологического общества, тогда на Брутон-стрит, 33. Коллекция была несколько лет спустя распущена и рассеяна.) почти полна, и более тысячи экземпляров остаются немонтированными. Осмелюсь сказать, Британский музей принял бы их, но, судя по тому, что я слышу, я не испытываю большого уважения даже к нынешнему состоянию этого учреждения. Ваш план будет не только лучшим, но и единственным, а именно: приехать в Кембридж, организовать и объединить разные семьи, а затем подождать, пока люди, которые

уже работают в разных филиалах, возможно, захотят образцы. Но мне кажется, что для этого будет почти необходимо проживать в Лондоне. Насколько я могу судить, моим лучшим планом будет провести несколько месяцев в Кембридже, а затем, когда с вашей помощью я узнаю, на чем я стою, эмигрировать в Лондон, где я смогу завершить свою геологию и попытаться продвинуться в зоологии. Уверяю вас, мне грустно осознавать, как много вещей заставляют меня осознать необходимость прожить какое-то время в этом грязном, отвратительном Лондоне. Ибо даже в геологии, я подозреваю, потребуется большая помощь и общение в этой области, например, в отношении ископаемых костей, из которых не были исследованы ни одни, за исключением фрагментов мегатерия, и я ясно вижу, что без моего присутствия они никогда бы не появились

"Жаль только, что я не знал, что ботаники так заботятся об образцах (Отрывок из последующего письма показывает, что его растения также вызвали у него некоторое беспокойство. - Я встретил мистера Брауна через несколько дней после того, как вы нанесли ему визит; он довольно зловещим тоном спросил меня, что я собираюсь делать со своими растениями. В ходе беседы присутствовавший при этом мистер Бродерип заметил ему: "Вы забываете, как давно прошла экспедиция капитана Кинга". Он ответил: "Действительно, у меня есть кое-что в виде неописанных растений капитана Кинга, что заставляет меня вспомнить об этом". Можно ли было бы назвать более вескую причину, если бы я попросил меня не передавать растения Британскому музею?"), а зоологов так мало; пропорциональное количество экземпляров в двух отделениях имело бы совершенно разный вид. Я теряю терпение по отношению к зоологам не потому, что они перегружены работой, а из-за их подлого, сварливого характера. На днях вечером я был в Зоологическом обществе, где ораторы рычали друг на друга совсем не так, как подобает джентльменам. Слава Небесам! пока я остаюсь в Кембридже, не будет никакой опасности ввязаться в подобные презренные ссоры, в то время как в Лондоне я не вижу, как этого можно избежать. Из натуралистов Ф. Хоупа нет в Лондоне; Вествуда я не видел, так что о моих насекомых я ничего не знаю. Я дважды видел мистера Яррелла, но он, очевидно, настолько поглощен делами, что было бы слишком эгоистично изводить его своими заботами. Он пригласил меня пообедать с линнеевцами во вторник, а в среду я обедаю с геологами, так что увижу всех великих людей. Мистер Белл, как я слышал, так сильно занят, что у него нет ни малейшего шанса пожелать образцы рептилий. Я забыл упомянуть мистера Лонсдейла (Уильяма Лонсдейла, 1794-1871, первоначально служил в армии и участвовал в битвах при Саламанке и Ватерлоо. После войны он оставил службу и посвятил себя науке. Он исполнял обязанности помощника секретаря Геологического общества с 1829 по 1842 год, когда ушел в отставку по состоянию здоровья.), который оказал мне самый сердечный прием и с которым у меня было много интереснейших бесед. Если бы я не был гораздо более склонен к геологии, чем к другим разделам естественной истории, я уверен, что доброта мистера Лайелла и Лонсдейла должна была бы меня вылечить. Вы не можете представить себе ничего более добродушного, чем та искренняя манера, с которой он поставил себя на мое место и подумал, что было бы лучше всего сделать. Сначала он был полностью за Лондон, а не за Кембридж, но в конце концов я заставил его признаться, что, по крайней мере, на какое-то время, последнее было бы для меня гораздо лучшим вариантом. Нет ни одной живой души, которую я мог бы попросить, кроме вас, просмотреть и раскритиковать некоторые из тех работ, которые я оставил вам. Мистер Лайелл признался, что, после Лондона, в Англии нет места, более подходящего для натуралиста, чем Кембридж. Честное слово, мне стыдно описывать так много глупых подробностей, ни одна молодая леди никогда не описывала свой первый бал более подробно".

Несколько дней спустя он пишет более жизнерадостно: "Я познакомился с мистером Беллом (Т. Белл, Ф.Р.С., бывший профессор зоологии в Королевском колледже Лондона и некоторое время секретарь Королевского общества. Впоследствии он описал рептилий для журнала "Зоология путешествия на "Бигле".) который, к моему удивлению, проявил большой интерес к моим ракообразным и рептилиям и, похоже, готов поработать над ними. Я также слышал, что мистер Бродерип был бы рад осмотреть южноамериканские раковины, чтобы у меня все шло хорошо".

О своих растениях он пишет с характерной открытостью относительно собственного невежества: "Вы сделали меня известным среди ботаников, но я почувствовал себя очень глупо, когда мистер Дон отметил красивый внешний вид какого-то растения с поразительно длинным названием и спросил меня о его обитании. Кто-то еще, казалось, был весьма удивлен тем, что я ничего не знал о Carex, неизвестно откуда взявшемся. В конце концов я был вынужден заявить о своей полной невинности и о том, что я знал о собранных мною растениях не больше, чем человек с луны".

Что касается части его геологической коллекции, то вскоре он смог написать: "Я [избавился] от самой важной части [своих] коллекций, передав все ископаемые кости Коллегии хирургов, их слепки будут распространены, а описания опубликованы. Они очень любопытны и ценны; одна голова принадлежала какому-то грызущему животному, но размером с гиппопотама! Еще один - муравьеду размером с лошадь!"

Стоит отметить, что на данный момент единственными вымершими млекопитающими из Южной Америки, которые были описаны, были мастодонт (три вида) и мегатерий. Останки других вымерших Edentata из коллекции сэра Вудбайна Пэриша не были описаны. Образцы моего отца включали (помимо вышеупомянутых токсодона и сцелидотерия) останки милодона, глоссотерия, другого гигантского животного, родственного муравьеду, и макраухении. Открытие им этих останков интересно само по себе, но оно имеет особое значение как момент в его собственной жизни, поскольку это было яркое впечатление, произведенное раскопками их собственными руками (я часто слышал, как он говорил об отчаянии, с которым ему пришлось отломить выступающий конец огромной, частично выкопанной кости, когда ожидавшая его лодка больше не хотела ждать). Это послужило одной из главных отправных точек его рассуждений о происхождении видов. Это показано в следующей выдержке из его Записной книжки за этот год (1837): "В июле открылась первая записная книжка по трансмутации видов. Примерно с марта прошлого года меня сильно поразили характер южноамериканских окаменелостей и видов на Галапагосском архипелаге. Эти факты (особенно последние) - источник всех моих взглядов".]

1836-1837.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. Грейт-Мальборо-стрит, 43, 6 ноября [1836].

Мой дорогой Лис,

Я позорно долго отвечал на твое письмо. Но самым напряженным временем за все путешествие было само спокойствие в течение последнего месяца. Нанеся Хенслоу короткий, но очень приятный визит, я приехал в город, чтобы дожидаться прибытия "Бигля". Наконец я забрал все свое имущество с борта и отправил образцы естественной истории в Кембридж, так что теперь я

свободный человек. Мой визит в Лондон был довольно праздным с точки зрения естественной истории, но прошел в самом захватывающем разгуле среди донов науки. Все мои дела, действительно, идут весьма успешно; я нахожу множество людей, которые возьмутся за описание целых племен животных, о которых я ничего не знаю. Так что примерно в этот день я надеюсь взяться за работу изо всех сил над "Геологией", которую я опубликую отдельно.

Просто смешно, какой невероятно долгий период кажется мне прошедшим с момента высадки в Фалмуте. Дело в том, что я говорил и смеялся достаточно много лет, а не недель, так что моя память совершенно сбита с толку шумом. Я рад слышать, что вы стали геологом: когда я нанесу визит на остров Уайт, который, я твердо намерен, каким-то образом состоится, вы станете отличным чичероне на знаменитой линии дислокации. Я действительно полагаю, что в мире мало уголков, более интересных для геолога, чем ваш остров. Среди великих ученых никто и близко не был таким дружелюбным и добрым, как Лайелл. Я видел его несколько раз, и он мне очень понравился. Вы не можете себе представить, с каким добродушием он входил во все мои планы. Сейчас я говорю только о лондонцах, потому что Хенслоу был точно таким же, как и прежде, и поэтому был самым сердечным и нежным другом. Когда вы нанесете визит в Лондон, я буду очень горд пригласить вас в Геологическое общество, ибо, да будет вам известно, в прошлый вторник мне предложили стать членом F.G.S. Однако очень жаль, что эти и другие письма, особенно F.R.S., стоят так дорого.

Я без колебаний прошу вас написать мне через неделю в Шрусбери, потому что вы хороший автор писем, и если у людей будут такие хорошие характеры, они должны будут заплатить штраф. До свидания, дорогой Фокс.

Суважением, К.Д.

[Таким образом, его дела до сих пор успешно управлялись, и он смог привести в исполнение свой план проживания в кембридже, где он поселился 10 декабря 1836 года. Сначала он был гостем в уютном доме Хенслоу, но потом, чтобы спокойно работать, переехал на квартиру.]

Вот что он пишет Фоксу 13 марта 1837 года из Лондона:

"Мое пребывание в Кембридже продлилось несколько дольше, чем я ожидал, из-за работы, которую я решил там закончить, а именно осмотра всех моих геологических образцов. Кембридж по-прежнему остается очень приятным, но и вполнину не таким веселым местом, как раньше. Ходить по дворам Колледжа Христа и не знать обитателя ни одной комнаты вызывало чувство наполовину меланхолии. Единственным злом, которое я обнаружил в Кембридже, было то, что он был слишком приятным: каждый вечер устраивалась та или иная приятная вечеринка, и нельзя сказать, что там тебя принимают так безнаказанно, как в этом великом городе".

Скудная запись о пребывании моего отца в Кембридже содержится в книге, хранящейся в приемной Колледжа Христа, куда заносились штрафы и ставки, причем более ранние записи дают любопытное представление о настроении стипендиатов за ужином. Ставки не разрешалось делать деньгами, но, как и штрафы, они оплачивались вином. Пари, которое сделал и проиграл мой отец, записано следующим образом: —

"23 февраля 1837 года".

Мистер Дарвин против мистера Бейнса, что в совмещенном помещении расстояние от потолка до пола превышает (х) футов. 1 Бутылка оплачена в тот же день.

"Примечание: Мистер Дарвин может проводить измерения в любой части комнаты, которую ему заблагорассудится".

Помимо систематизации геологических и минералогических образцов, у него был свой "Журнал исследований", над которым он работал по вечерам в Кембридже. Он также прочитал небольшой доклад в Зоологическом обществе ("Заметки о Рее Американской", Зоол. Соч. Proc.' v. 1837, стр. 35, 36.), а другой - в Геологическом обществе ('Geol. Soc. Proc.' ii. 1838, стр. 446-449), о недавнем возвышении побережья Чили.

Ранней весной 1837 года (6 марта) он уехал из Кембриджа в Лондон, а неделю спустя поселился в квартире на Грейт-Мальборо-стрит, 36; и, за исключением "короткого визита в Шрусбери" в июне, он работал до сентября, почти полностью занятый своим "Журналом". Однако он нашел время для двух статей в Геологическом обществе. ("Очерк отложений, содержащих вымерших млекопитающих в окрестностях Платы", Геол. Соц. Proc.ii. 1838, страницы 542-544; и "Об определенных областях поднятия и опускания в Тихом и Индийском океанах, как было установлено в результате изучения коралловых образований". "Геол. Соц. Труд" ii. 1838, стр. 552-554.)

Он пишет о своей работе Фоксу (март 1837 г.):

"В своем последнем письме ты призываешь меня закончить книгу. Сейчас я усердно работаю и бросаю все остальное ради нее. Наш план таков: капитан Фиц-Рой напишет два тома из материалов, собранных во время последнего путешествия под командованием капитана. Кинга на Огненную Землю и во время нашего кругосветного плавания. У меня должен получиться третий том, в котором я намереваюсь представить своего рода дневник натуралиста, не всегда следуя, однако, хронологии, а скорее порядку расположения. Повадки животных займут большую часть, наброски геологии, внешнего вида страны и личные подробности сделают рассказ полным. После этого я напишу подробный отчет о геологии и оформлю несколько зоологических работ. Так что на следующий год или два у меня будет много работы, и пока она не будет закончена, у меня не будет отпусков".

В другом письме Фоксу (июль) дается отчет о ходе его работы:—

"Я устроил себе отпуск и съездил в Шрусбери [в июне], когда закончил свой дневник. Теперь я буду очень занят восполнением пробелов и подготовкой книги к печати к первому августа. Я всегда буду испытывать уважение к каждому, кто написал книгу, какой бы она ни была, ибо я понятия не имел, каких хлопот может стоить человеку попытка писать на обычном английском. И, увы, остается худшая часть всего - исправление прессы. Как только это будет сделано, я должен взяться за руль и приступить к геологии. Я прочитал несколько коротких докладов Геологическому обществу, и они были благосклонно приняты большими пушками, и это вселяет в меня большую уверенность и, надеюсь, не слишком большое тщеславие, хотя, признаюсь, я слишком часто чувствую себя павлином, любующимся своим хвостом. Я никогда не ожидал, что моя геология когда-либо будет достойна внимания таких людей, как Лайель, который с момента моего возвращения был для меня самым активным другом. В настоящее время моя жизнь очень насыщена, и я надеюсь, что такой она останется всегда; хотя, видит Бог, в такой жизни есть много серьезных недостатков, и главный из них - это то, что человеку остается мало времени на

то, чтобы повидаться со своими близкими друзьями. Последние три года я страстно желал жить в Шрусбери, и, в конце концов, теперь, по прошествии нескольких месяцев, я вижу моих дорогих, хороших людей в Шрусбери в течение недели. Сьюзен и Кэтрин, однако, гостили здесь у моего брата в течение нескольких недель, но они вернулись домой еще до моего визита".

[Помимо уже упомянутой работы, у него было много дел, связанных с подготовкой к публикации "Зоологии путешествия "Бигля"". Следующие письма иллюстрируют эту тему.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Л. ДЖЕНИНСУ. (Ныне преподобный Л. Бломфилд.) Грейт-Мальборо-стрит, 36, 10 апреля 1837 года.

Дорогие Дженины,

В течение последней недели несколько местных зоологов убеждали меня рассмотреть возможность публикации "Зоологии путешествия "Бигля"" по какому-либо единому плану. Мистер Маклей (Уильям Шарп Маклей был сыном Александра Маклея, бывшего министра по делам колоний Нового Южного Уэльса и в течение многих лет секретаря Линнеевского общества.) Сын, который был самым ревностным натуралистом и унаследовал от своего отца очень большую общую коллекцию насекомых, сделал энтомологию своим главным занятием и приобрел большую известность благодаря своей ныне забытой "Системе пяти чисел", изложенной во второй части его "Horae Entomologicae", опубликованной в 1821 году. — [Я в долгу перед преподобным Л. Бломфилдом за предыдущее примечание.] проявил большой интерес к предмету и утверждает, что такая публикация очень желательна, потому что она объединяет серию наблюдений, сделанных в отношении животных, обитающих на земле. в той же части света и позволяет любому будущему путешественнику взять их с собой. Я очень сомневаюсь, имеет ли это какое-либо значение; но если это так, то мне было бы приятнее увидеть, как наработки моих рук, пройдя через умы других естествоиспытателей, собраны вместе в одной работе. Но такие соображения не должны иметь большого значения. Вся схема в настоящее время просто витает в воздухе; но я был полон решимости дать вам знать, поскольку мне очень хотелось бы знать, что вы об этом думаете и не возражаете ли вы против того, чтобы снабдить описаниями рыб такую работу вместо "Сделок". Я опасаясь, что все это будет невыполнимо без помощи правительства в нанесении гравировки на пластины, и, боюсь, это всего лишь шанс, но я думаю, что смогу подать убедительную заявку и заручиться поддержкой местных натуралистов, которые почти все проявляют большой интерес к моим коллекциям. Я намерен завтра повидаться с мистером Яррелом; если он одобрит, я начну и приму более активные меры; ибо я слышал, что он в высшей степени благоразумен и мудр. Вряд ли есть смысл рассуждать о каком-либо плане, но я думал о том, чтобы привлечь подписчиков и публиковать работу по частям (пока хватит средств, поскольку я сам не потеряю на этом денег). В таком случае, тот, у кого была готова своя часть по любому заказу, мог опубликовать ее отдельно (и в конечном итоге части могли продаваться отдельно), чтобы никто не задерживался из-за другого. В скромных масштабах план напоминал бы "Атлас" Руппеля или "Зоологию" Гумбольдта, где разные части написаны Латреилем, Кювье и др. Я сам не имел бы к этому никакого отношения; за исключением добавления в некоторых заказах привычек, ареалов и т.д., Географических зарисовок и, возможно, впоследствии некоторых описаний беспозвоночных животных ...

Я работаю над своим Дневником; он продвигается медленно, хотя я не бездельничаю. Я думал, что Кембридж - плохое место из-за хороших обедов и других соблазнов, но я нахожу Лондон не лучше и боюсь, что он может стать еще хуже. У меня есть замечательный друг в Лайелле, и я часто вижу с ним, что очень полезно для меня при обсуждении геологии Южной Америки. Я очень скучаю по загородным прогулкам; этот Лондон - мерзкое прокуренное место, где человек теряет большую часть лучших удовольствий в жизни. Но я не вижу никаких шансов сбежать даже на неделю из этой тюрьмы в течение длительного времени. Боюсь, пройдет некоторое время, прежде чем мы встретимся, потому что я полагаю, что вы не приедете сюда весной, и я не думаю, что смогу поехать в Кембридж. Как бы мне хотелось завтра хорошенько прогуляться по Ньюмаркет-роуд, но вместо этого придется прогуляться по Оксфорд-стрит. Я действительно ненавижу улицы Лондона. Скажите, пожалуйста, Хенслоу, чтобы он был осторожен со СЪЕДОБНЫМИ грибами с Огненной Земли, потому что мне понадобятся несколько образцов для мистера Брауна, который, кажется, ими ОСОБЕННО интересуется. Скажите Хенслоу, я думаю, что мое окрепшее дерево укрепило сердце мистера Брауна, потому что он был очень добр ко мне и рассказывал о галапагосских растениях; но раньше он никогда не произносил ни слова. Как раз пробило двенадцать часов, так что я пожелаю вам очень спокойной ночи.

Мои дорогие Дженины, искренне ваш ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Несколько недель спустя план, похоже, созрел, и идея обратиться за государственной помощью была принята.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.С. ХЕНСЛОУ. Грейт-Мальборо-стрит, 36, [18 мая 1837 г.].

Мой дорогой Хенслоу,

Я был очень рад получить ваше письмо. Мне очень хотелось услышать, как у вас продвигаются ваши многочисленные труды. В самом деле, я не удивляюсь, что у вас разболелась голова; это почти чудо, что у вас вообще осталась голова. Ваш рассказ об экспедиции в Гамлингей был ужасно соблазнительным, но я все равно не могу уехать из Лондона. Я хотел нанести визит моим добрым, дорогим людям в Шрусбери на несколько дней, но обнаружил, что не могу этого сделать; в настоящее время я жду подписей герцога Сомерсета, как президента Linnean, и лордов Дерби и Уэвелла под заявлением о ценности моей коллекции; как только я получу это, я обращусь к правительству за помощью в гравировании и, таким образом, опубликую "Зоологию" в каком-нибудь едином плане. Это довольно нелепо - время, которого требует любая операция, которая зависит от многих людей.

Я работал очень стабильно, но только с Журнальной частью справился только на две трети. Я нахожу, что, хотя я ежедневно по много часов провожу на работе, прогресс идет очень медленно: ужасно говорить себе, что каждый дурак и каждый умный человек в Англии, если захочет, может сделать столько злорадных замечаний, сколько ему заблагорассудится, по поводу этого злополучного предложения

В августе он пишет Хенслоу, чтобы сообщить об успехе плана публикации "Зоологии путешествия "Бигля"", пообещав грант в размере 1000 фунтов стерлингов из Казначейства: "Я задержался с письмом к вам, чтобы искренне поблагодарить вас за столь эффективное управление моим делом. Я ждал, пока у меня не будет собеседования с канцлером

казначейства (Т. Спринг Райс.). Он назначил мне встречу этим утром, и у меня был с ним долгий разговор в присутствии мистера Пиккока. Ничто не могло быть более услужливым и добрым, чем все его манеры. Он не делал никаких ограничений, а только сказал мне максимально использовать [эти] деньги, что, конечно же, я охотно делаю.

"Я ожидал довольно ужасного интервью, но в своей жизни не встречал ничего менее ужасного. Это будет моя вина, если я не сделаю хорошую работу; но иногда я ужасно боюсь, что у меня недостаточно материалов. Примерно через два года будет чрезвычайно приятно обнаружить, что все материалы изготовлены максимально, на что они были способны".

Позже осенью он написал Хенслоу: "В последнее время я чувствую себя не очень хорошо, у меня неприятное сердцебиение, и мои врачи НАСТОЯТЕЛЬНО советуют мне бросить всю работу и уехать на несколько недель в деревню". Соответственно, он взял отпуск продолжительностью около месяца в Шрусбери и Мэре и нанес визит на остров Уайт. Полагаю, именно во время этого визита в дом мистера Веджвуда в Мэре он сделал свои первые наблюдения за работой дождевых червей, а поздней осенью прочитал доклад на эту тему в Геологическом обществе. ("Об образовании плесени", 'Geol. Soc. Proc.' ii. 1838, стр. 574-576.) В течение этих двух месяцев он также был занят подготовкой схемы "Зоологии путешествия "Бигля"" и началом обобщения геологических результатов своих путешествий.

В следующем письме говорится о предложении ему занять должность секретаря Геологического общества.]

ЧАРЛЬЗ Дарвин Дж.С. ХЕНСЛОУ. 14 октября [1837].

Мой дорогой Хенслоу,

... Я очень признателен вам за ваше сообщение о должности секретаря. Мне чрезвычайно хочется, чтобы вы услышали мою точку зрения на этот вопрос, и не будете ли вы так добры впоследствии высказать мне свое справедливое суждение. Эта тема не давала мне покоя все лето. Я не желаю браться за эту должность по следующим причинам: во-первых, из-за моего полного незнания английской геологии, знание которой было бы почти необходимо для того, чтобы сократить многие статьи, прежде чем читать их перед Обществом, или, скорее, чтобы знать, какие части пропустить. Опять же, мое незнание всех языков и незнание, как произносится ни ЕДИНОВОГО французского слова — языка, который так часто цитируют. Для Общества было бы позором иметь секретаря, который не умеет читать по-французски. Во-вторых, потеря времени; прошу учесть, что мне придется присматривать за художниками, присматривать за ними и поставлять материалы для правительственной работы, которая будет выходить по частям и которая должна выходить регулярно. Все мои геологические заметки находятся в очень грубом состоянии; ни одна из моих ископаемых раковин не обработана; и мне нужно многое почитать. Я надеялся, что, отказавшись от общества и не теряя ни часа, закончу свою геологию за полтора года, к этому времени описание высших животных другими было бы завершено, и тогда все мое время обязательно потребовалось бы для того, чтобы самому завершить описание беспозвоночных. Если этот план провалится, поскольку работа правительства должна продолжаться, геологические изыскания неизбежно будут отложены, вероятно, как минимум на три года с этого момента. При нынешнем состоянии науки большая

часть полезности того немногого, что я сделал, была бы утрачена, и я полностью лишился бы свежести и удовольствия.

Я по опыту знаю, сколько времени требуется для составления аннотаций ДАЖЕ к моим собственным статьям для "Материалов". Если бы я был секретарем и мне приходилось составлять двойные аннотации к каждой статье, изучая их перед чтением, посещение занятий стоило бы мне КАК МИНИМУМ трех дней (а часто и больше) в течение двух недель. Существуют и другие случайные потери времени; я знаю, что доктор Ройл обнаружил, что работа в офисе отнимает у него много времени. Если бы, просто отказавшись от каких-либо развлечений или работая усерднее, чем я делал, я мог сэкономить время, я бы взял на себя должность секретаря; но я обращаюсь к вам с вопросом: имеет ли какое—либо Общество какие-либо претензии ко мне за трехдневную неприятную работу каждые две недели, учитывая мою медлительную манеру письма, наличие двух работ в руках и уверенность в том, что, если я не смогу завершить геологическую часть в установленный срок, ее публикация должна быть отложена на очень долгое время? Я не могу согласиться с тем, что с моей стороны, как последователя науки, является долгом, пока я посвящаю себя завершению работы, которая у меня в руках, откладывать это, берясь за то, что может быть сделано любым человеком, у которого в настоящее время больше свободного времени, чем у меня. Более того, на столь раннем этапе моей научной жизни, когда мне предстоит узнать так много нового, эта должность, хотя, без сомнения, и является для меня большой честью и т.д., была бы еще более обременительной. Мистер Уэвелл (я очень хорошо знаю), судя по себе, подумает, что я преувеличиваю время, которое потребовалось бы на должность секретаря; но я абсолютно точно знаю, сколько времени отнимает у меня самое простое письмо. Мне вовсе не хотелось бы показаться настолько эгоистичной, чтобы отказать мистеру Уэвеллу, тем более что он всегда самым добрым образом проявлял интерес к моим делам. Но я не могу с даже сносным комфортом предвкушать вступление в должность, не вложив в нее всего сердца, а это было бы невозможно, учитывая государственную работу и геологию в руках.

Мое последнее возражение заключается в том, что я сомневаюсь, насколько мое здоровье выдержит ограничение того, что я должен делать, без какой-либо дополнительной работы. Я просто повторяю, чтобы вы знали, что я говорю не праздно, что когда я консультировался с доктором Кларком в городе, он сначала убедил меня полностью отказаться от всякой писанины и даже от исправления прессы на несколько недель. В последнее время все, что приводит меня в волнение, впоследствии совершенно выбивает меня из колеи и вызывает сильное сердцебиение. Теперь должность секретаря периодически будет доставлять мне больше неприятностей, чем все остальные две недели, вместе взятые. На самом деле, пока я не вернусь в город и не посмотрю, как у меня идут дела, если бы я даже так сильно хотел получить эту должность, я не мог бы сказать, что положительно взялся бы за нее. Я прошу вас извинить меня за эту очень длинную прозу обо мне, но этот момент представляет большой интерес. Мне невыносимо считать себя очень эгоистичной и угрюмой, и я не вижу возможности занять пост секретаря, не пожертвовав всеми своими планами и большим комфортом.

Если вы увидите Уэвелла, не могли бы вы изложить ему суть этого письма; или, если он возьмет на себя труд, пусть прочтет его. Мой дорогой Хенслоу, я обращаюсь к вам вместо родителей. Умоляю, скажите мне, что вы думаете? Но не судите обо мне по активности ума, которой обладаете вы и еще несколько человек, ибо в таком случае, чем сложнее дела, тем приятнее работа; но, хотя я надеюсь, что никогда не буду бездельничать, со мной это не так.

Всегда, дорогой Хенслоу, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

[В конце концов он принял этот пост и занимал его в течение трех лет — с 16 февраля 1838 года по 19 февраля 1841 года.

После получения гранта на публикацию "Зоологии путешествия "Бигля"" предстояло многое сделать для составления плана публикации, и это занимало его часть октября и ноября.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.С. ХЕНСЛОУ. [4 ноября 1837 г.]

Мой дорогой Хенслоу,

... Прошу, передайте Леонарду (преподобному Л. Дженинсу.) что моя работа в правительстве идет гладко, и я надеюсь, что она будет успешной. Он увидит в Рекламном проспекте свое имя, прикрепленное к рыбе; я принимаюсь за работу с добрым сердцем. Мне намного лучше, чем было в последний месяц перед моим визитом в Шрусбери. Боюсь, Геология займет у меня много времени; я просматривал одну подборку заметок, и то количество, которое я обнаружил, мне пришлось прочесть, потому что это единственное место было ужасающим. Если я доживу до восьмидесяти лет, я не перестану удивляться, что стал писателем; летом, перед тем как я начал, если бы кто-нибудь сказал мне, что к этому времени я должен был бы стать ангелом, я бы счел это столь же невозможным. Всем этим чудесным преображением мы обязаны вам.

С сожалением обнаруживаю, что в той части моего тома, которая печатается, оставлено довольно много ошибок. За время моего отсутствия мистер Колберн нанял какого-то гуся для правки, и он приумножил, вместо того чтобы уменьшить мои оплошности; но, несмотря на все это, гладкая бумага и четкий шрифт имеют очаровательный вид, и я сидел на днях вечером, в безмолвном восхищении разглядывая первую страницу моей собственной книги, когда получил ее из типографии!

До свидания, мой дорогой Хенслоу, Ч. ДАРВИН.

1838.

[С начала этого года и почти до конца июня он был усердно занят изучением зоологических и геологических результатов своего путешествия. Этот период работы был прерван только трехдневным визитом в Кембридж в мае; и даже этот короткий отпуск был взят из—за ухудшения здоровья, как мы можем предположить из записи в его дневнике: "1 мая нездоровится", и из письма к сестре (16 мая 1838 г.), где он писал:

"Моя трехдневная поездка в Кембридж пошла мне на пользу и наполнила мои конечности такой эластичностью, что я должен немного потренироваться перед очередными каникулами". Этот отпуск, по—видимому, пришелся ему по душе; он написал своей сестре:

Теперь о Кембридже: я останавливался в доме Хенслоу, и мне очень понравился мой визит. Мои друзья оказали мне самый сердечный прием. Действительно, я был там настоящим львом. К сожалению, миссис Хенслоу была вынуждена отправиться в пятницу с визитом за город. В тот вечер у нас в Henslow's была блестящая вечеринка, на которой собрались все гении Кембриджа, и они, несомненно, самые замечательные люди. В субботу я поехал к Л. Дженинсу и

провел с ним утро. Я нашел его очень веселым, но горько жалующимся на свое одиночество. В субботу вечером ужинал в одном из колледжей, после ужина играл в боулинг на лужайке Колледжа и был оглушен пением соловьев. Воскресенье, обедал в Тринити; превосходный обед, и был очень рад посидеть с профессором Ли (Сэмюэл Ли из Квинса был профессором арабского языка с 1819 по 1831 год и региональным профессором иврита с 1831 по 1848 год.) ...; Я нахожу его очень приятным собеседником и в приподнятом настроении, как мальчик, из-за того, что он недавно вернулся после семилетнего пребывания викарием в Сомерсетшире к цивилизованному обществу и восточным рукописям. Он сменил свое жилье на жилье в четырнадцати милях от Кембриджа и казался совершенно счастливым. Вечером посетили часовню Святой Троицы и услышали "Небеса возвещают славу Божью", написанную в великолепном стиле; последний припев, казалось, потряс сами стены Колледжа. После часовни большая вечеринка в комнатах Седжвика. Вот и все для моих летописей".

Ближе к концу июня он отправился в свою экспедицию в Глен-Рой, о которой он пишет Фоксу: "В последнее время я чувствовал себя не очень хорошо, что внезапно заставило меня покинуть Лондон раньше, чем я ожидал. Я отправляюсь на пароходе в Эдинбург, совершая одинокую прогулку по Солсбери-Крейгс и вспоминаю старые времена, затем отправляюсь в Глазго и великую долину Инвернесс, недалеко от которой я намерен остановиться на неделю, чтобы провести геологические изыскания параллельных дорог Глен—Роя, оттуда на один день в Шрусбери, Мэрленд и Лондон, чтобы покурить, поправить здоровье и поработать."

Он провел "восемь хороших дней" на параллельных дорогах. Его эссе на эту тему было написано тем же летом и опубликовано Королевским обществом. ('Phil. Пер.'1839, стр. 39-82.) Он записал в своей записной книжке: "6 сентября [1838]. Закончил работу над "Глен Роем", одним из самых сложных и поучительных заданий, которыми я когда-либо занимался". Следует помнить, что в своих "Воспоминаниях" он говорит об этой работе как о провале, которого ему было стыдно.

В то время, когда он писал, последней теорией образования Параллельных дорог была теория сэра Лаудера Дика и доктора Маккаллоха, которые полагали, что в древности в Глен-Рое существовали озера, образованные скальными дамбами или наносом. Возражая против этой теории, он полагал, что опроверг допустимость любой озерной теории, но в этом пункте он ошибся. Он писал (статья Глена Роя, стр. 49): "неизбежен вывод, что никакая гипотеза, основанная на предполагаемом существовании водного слоя, ограниченного БАРЬЕРАМИ, то есть озера, не может быть признана решающей проблему происхождения параллельных дорог Лохабера".

Мистер Арчибальд Гейки был так добр, что позволил мне процитировать отрывок из письма, адресованного мне (19 ноября 1884 г.), в ответ на мою просьбу высказать его мнение о характере работы моего отца в Глен—Рое:

Нет нужды говорить, что статья мистера Дарвина "Глен Рой" отмечена всей характерной для него остротой наблюдения и решимостью рассмотреть все возможные возражения. Однако это любопытный пример опасности рассуждений методом исключения в естественных науках. Обнаружив, что воды, образовавшие террасы в районе Глен-Роя, никак не могли быть перекрыты каменными барьерами или обломками, он не видел иного выхода, кроме как рассматривать их как дело рук моря. Если бы ему пришла в голову идея временных барьеров из ледникового покрова, он обнаружил бы, что трудности исчезают из теории озера, против

которой он выступал, и он не был бы бессознательно вынужден минимизировать совершенно ошеломляющие возражения против предположения о морском происхождении террас ".

Можно добавить, что идея о барьерах, образованных ледниками, вряд ли могла прийти ему в голову, учитывая уровень знаний в то время и принимая во внимание отсутствие у него возможности наблюдать за действием ледников в больших масштабах.

Вторая половина июля прошла в Шрусбери и Маэре. Единственная запись, представляющая какой-либо интерес, - это запись о том, что он был "очень ленив" в Шрусбери и открыл "записную книжку, связанную с метафизическими исследованиями". В августе он записывает, что прочитал "много разных забавных книг и уделил некоторое внимание метафизическим предметам".

Работа, проделанная в течение оставшейся части года, включает книгу о коралловых рифах (начата в октябре) и некоторые работы о явлениях возвышения в Южной Америке.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Грейт-Мальборо-стрит, 36, 9 августа [1838].

Мой дорогой Лайель,

Я не пишу тебе в Норвич, потому что подумала, что мне было бы что сказать, если бы я подождала еще несколько дней. Большое спасибо за подарок ваших "Элементов", который я получил (и, я полагаю, САМЫЙ ПЕРВЫЙ распространенный экземпляр) вместе с вашей запиской. Я прочитал это от начала до конца и преисполнен восхищения, и, поскольку сейчас я не вижу геолога, я должен поговорить с вами об этом. Нет никакого удовольствия в чтении книги, если о ней нельзя хорошо поговорить; повторяю, я полон восхищения ею, она ясна как божий день, на самом деле я испытывал во многих местах некоторое унижение при мысли о том, как геологи трудились и боролись, доказывая то, что кажется, как вы выразились, столь очевидно вероятным. Я с большим интересом прочитал ваш набросок вторичных отложений; вы ухитрились сделать его довольно "сочным", как мы привыкли говорить в детстве, когда любили хорошую сказку. Для меня также было много нового, и я должен переписать около пятидесяти заметок и ссылок. Это должно принести пользу, еретики, идущие против здравого смысла, должны уступить...Кстати, помните ли вы, как я рассказывал вам, как сильно мне не понравилась манера обращения к другим его работам, вплоть до того, что я сказал: "Вы должны, обязаны и будете покупать все, что я написал". На мой взгляд, вы каким-то образом совершенно избежали этого; ваши ссылки, кажется, говорят только: "Я не могу рассказать вам всего в этой работе, иначе я бы так и сделал, поэтому вы должны обратиться к "Принципам""; и многих, я надеюсь, вы отправите туда и сделаете их, как и меня, почитателями хорошей науки разрушения камней. Вы увидите, что я нахожусь в порыве энтузиазма, и у меня должно быть благое дело, когда я обнаружу, что вы извлекли из моего Дневника гораздо больше пользы, чем я мог ожидать. Я больше ничего не скажу об этой книге, ибо она полна похвал. Я должен, однако, восхищаться продуманной честностью, с которой вы цитируете слова всех ныне живущих и умерших геологов.

Моя шотландская экспедиция удалась блестяще; мое путешествие в пакетботе было абсолютно приятным, и я, несчастный, наслаждался зрелищем двух леди и нескольких маленьких детей, страдающих морской болезнью, в то время как я был здоров. Более того, по возвращении из

Глазго в Ливерпуль я подобным же образом одержал победу над несколькими взрослыми мужчинами. Я пробыл целый день в Эдинбурге, или, точнее, на Солсбери Крейгс; я хочу когда-нибудь услышать, что вы думаете об этой классической площадке, — структура была для меня новой и довольно любопытной, — то есть, если я правильно ее понимаю. Я добрался из Эдинбурга в двуколки и повозках (и повозках без рессор, как я никогда не забуду) до озера Лох-Левен. Пейзаж меня разочаровал, и я добрался до Глен-Роя в субботу вечером, через неделю после отъезда с Мальборо-стрит. Здесь я наслаждался пятью (?) днями прекраснейшей погоды с великолепными закатами, и вся природа выглядела такой же счастливой, как и я. Я бродил по горам во всех направлениях и исследовал этот самый необычный район. Я думаю, что, без каких-либо исключений, даже первый вулканический остров, первый возвышенный пляж или переход через Кордильеры не были мне так интересны, как на этой неделе. Это, безусловно, самая замечательная область, которую я когда-либо исследовал. Я полностью убедил себя (после некоторых сомнений поначалу), что шельфы - это морские пляжи, хотя я не смог найти и следа раковины; и я думаю, что могу объяснить большинство, если не все, трудности. Я нашел участок дороги в другой долине, доселе не наблюдавшийся, что важно; и у меня есть несколько любопытных фактов о неустойчивых блоках, один из которых возвышался на вершине в 2200 футов над уровнем моря. Сейчас я занят написанием статьи на эту тему, которую нахожу очень забавной работой, за исключением того, что я все равно не могу свести ее к разумным пределам. Когда-нибудь в будущем я надеюсь обсудить с вами некоторые выводы, к которым привело меня исследование Глена Роя. Теперь, когда я высказался, мне стало намного легче, потому что, могу заверить вас, Глен Рой поразил меня.

Я живу очень тихо и, следовательно, приятно и медленно, но неуклонно продвигаюсь вперед со своей работой. Я пришел к одному выводу, который, по вашему мнению, доказывает, что я очень разумный человек, а именно, что все, что вы говорите, оказывается правильным; и в качестве доказательства этого я подхожу к вашему способу работать всего около двух часов подряд; затем я выхожу и делаю свои дела на улицах, возвращаюсь и снова принимаюсь за работу, и таким образом превращаю два отдельных дня в один. Новый план оправдывается блестяще; по окончании второй половины дня я иду обедать в "Атенеум" как джентльмен, или, скорее, как лорд, ибо я уверен, что в первый вечер, когда я сидел в той огромной гостиной в одиночестве на диване, я чувствовал себя просто герцогом. Я полон восхищения Атенеумом, там встречаешь так много людей, на которых приятно смотреть. В самый первый раз, когда я там обедал (т.е. на прошлой неделе) Я познакомился с доктором Фиттоном (У.Х. Фиттон (1780-1861) был врачом и геологом, а когда-то президентом Геологического общества. Он учредил "Труды" - способ публикации, впоследствии принятый другими обществами.) у двери собралась целая компания — Роберт Браун, который уехал в Париж и Овернь, Макли (?) и доктор Бутт. (Фрэнсис Бут (1792-1863) известен главным образом как ботаник благодаря своим работам о роде *Carex*. Он также был хорошо известен в связи с Линнеевским обществом, должностным лицом которого он был в течение многих лет. Он описан (в биографическом очерке, опубликованном в "Хронике садовника", 1864) как один из первых врачей в Лондоне, который отказался от обычного черного сюртука, бриджей до колен и шелковых чулок и перешел на обычную одежду того периода - синий сюртук с медными пуговицами и желто-коричневую жилетку, костюм, который он продолжал носить до последнего. Бросив практику, которой он занялся в раннем возрасте, он проводил большую часть своего времени, занимаясь непритязательной филантропией.) Ваша помощь мне в посещении Атенеума не пропала даром, и я получаю от этого еще большее удовольствие, потому что полностью ожидал, что это вызовет отвращение.

Я пишу тебе самое безжалостное письмо, но я попрошу Оуэна отвезти его в Ньюкасл. Если вы хотите быть очень щедрым человеком, напишите мне из Киннорди (дом отца Лайелла.) и расскажите мне какие-нибудь новости из Ньюкасла, а также о Крэге, о себе и миссис Лайелл, и обо всем остальном на свете. Я пришлю с Почтой "Энтомологические труды", которые я позаимствовал для вас; вы будете разочарованы в статьях —, Если, конечно, вы полагаете, что у моего дорогого друга есть хоть одно ясное представление по какому-то одному предмету. Он так объединил современных насекомых и настоящих ископаемых насекомых в одной таблице, что, боюсь, вы мало что поймете из этого, хотя, как мне кажется, это тема, которая должна быть включена в "Принципы". Вас позабавят некоторые смехотворно-возвышенные пассажи в газетах, и, без сомнения, вы остро почувствуете насмешку над собой. Я слышал более чем от одного квартала, что в Ньюкасле (На собрании Британской ассоциации.) ожидается ссора; мне жаль это слышать. Я встретил олда сегодня вечером в "Атенеуме", и он пробормотал что-то о том, чтобы написать вам или еще кому-нибудь на эту тему; однако я совершенно в неведении. Полагаю, однако, что меня просветят, потому что я собираюсь отобедать с ним через несколько дней, поскольку мои изобретательские способности не смогли придумать никакого оправдания. Мой друг обедал с ним на днях компанией из четырех человек, и они прикончили десять бутылок вина — приятная перспектива для меня; но я полон решимости даже не пробовать его вино, отчасти ради удовольствия увидеть его бесконечное отвращение и удивление ...

Я сожалею о том, что причинил вам это самое безжалостное письмо. Пожалуйста, передайте миссис Лайелл мои наилучшие пожелания, когда приедете в Киннорди. Я видел ее имя в книге домовладельцев Инверорума. Скажите миссис Лайелл, чтобы она прочитала вторую серию "Мистера Ловкий изречение Сликвилла"... Он почти побеждает "Сэмивела", этого принца героев. Спокойной ночи, мой дорогой Лайель; вы, наверное, подумаете, что я выпил какой-то крепкий напиток, раз написал столько чепухи, но сегодня я даже не попробовал слабого пива "Минерва".

Искренне ваш, ЧЕЗ. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Вечер пятницы, 13 сентября [1838].

Мой дорогой Лайель,

Я был поражен и восхищен вашим восхитительно длинным письмом, и я уверен, что очень признателен миссис Лайелл за то, что она взяла на себя труд написать так много. (Лайелл продиктовал большую часть своей корреспонденции.) Я хочу приятно провести час и нацарапать вам, кто так сильно сочувствует геологии, что мне все равно, насколько эгоистично я пишу ...

Мне так много нужно сказать о всевозможных пустяках, что я даже не знаю, с чего начать. Нет нужды говорить, как я рад слышать, что мистеру Лайеллу (отцу геолога.) нравится мой дневник. Услышать такую новость - своего рода воскрешение, ибо я отношусь к своему первенцу так, словно он давным-давно умер, похоронен и забыт; но прошлое - ничто, а будущее - все для нас, геологов, как вы показали в своем заглавном девизе "Элементар". Кстати, вы читали статью в "Эдинбург Ревью" о мсье Конте "Курс философии" (или что-то в этом роде)? Это с большой

буквы; там есть несколько прекрасных фраз о том, что сама суть науки - это предсказание, которые напомнили мне о "ее законе - прогрессе".

Теперь я начну и пройду по вашему письму последовательно. Осмелюсь сказать, что ваш план поместить главу об Эли де Бомоне отдельно и в самом начале будет очень хорош; во всяком случае, в первом издании, которое должно быть переведено на французский, она выделена жирным шрифтом. Впоследствии геологам будет любопытно отметить, как долго имя человека будет поддерживать теорию, столь полно разоблаченную вами, как теория Де Бомона; вы говорите, что "начинаете надеяться, что великие принципы, на которых там настаивали, выдержат испытание временем". НАЧИНАЮ НАДЕЯТЬСЯ: почему, ВОЗМОЖНОСТЬ сомнения никогда не приходила мне в голову в течение многих дней. Это может быть очень нефилософски, но мое геологическое спасение поставлено на карту. После того как я только что вернулся из Глен-Роя и обнаружил, как ваши принципы сглаживают трудности, меня весьма возмущает, что вы говорите о НАДЕЖДЕ. Что касается вопроса, насколько моя теория кораллов соотносится с теорией Де Бомона, я думаю, было бы благоразумно цитировать меня с большой осторожностью, пока весь мой отчет не будет опубликован, и тогда вы (и другие) сможете судить, насколько велики основания для такого обобщения. Имейте в виду, я не сомневаюсь в его истинности; но к распространению любого взгляда на такие большие пространства, исходя из сравнительно небольшого числа фактов, следует относиться с большой осторожностью. Я сам несколько не сомневаюсь, что в течение недавнего (или, как вы, к моему большому неудовольствию, назвали бы это, "нового плиоцена") периода извилистые полосы — не все полосы, параллельные друг другу, — были подняты, а соответствующие им опущены, хотя в течение того же периода некоторые участки, вероятно, некоторое время оставались неподвижными или даже опускались. Я не верю, что можно было изобрести более совершенно ложную точку зрения, чем внезапно возникшие огромные прямые линии.

Когда будет опубликована моя книга о вулканах и коралловых рифах, я едва ли знаю; боюсь, что пройдет по меньшей мере четыре или пять месяцев; хотя, имейте в виду, большая часть уже написана. Я обнаружил, что так много времени теряется на исправление деталей и установление их точности. Государственная зоологическая служба - это камень на моей шее, а газета в Глен-Рое потеряла шесть недель. Я, однако, не буду говорить "потерян"; ибо, предположив, что я могу доказать к удовлетворению других то, в чем я убедил себя сам, вывод, который, я думаю, вы сочтете важным. Я не сомневаюсь, что расплавленное вещество под земной корой обладает высокой степенью текучести, почти как море под глыбами льда. Кстати, я надеюсь, вы приведете мне какой-нибудь шведский пример, когда раковины сохранились на поверхности, но не в современных слоях гравия...

Вспомните, что я часто слышал от вас: эта страна очень вредна для интеллекта; шотландские туманы могут вызвать некоторые вулканические спекуляции. Видите ли, я делаю вид, что становлюсь очень похожим на кокни, и презираю бедных сельских жителей, которые дышат свежим воздухом, а не дымом, и видят прекрасные поля вместо кирпичных домов на Мальборо-стрит, сам вид которых, признаюсь, мне отвратителен. Я рад слышать, какой благоприятный отзыв вы даете о Британской ассоциации. Я тем более доволен, что участвовал в его битвах с Бэзиллом Холлом, Стоксом и несколькими другими, сделав вывод из отчета в "Атенеуме", что это, должно быть, была превосходная встреча. Меня очень позабавил полученный мною отчет о войнах Дона Родерика (Мерчисона.) и Бэббиджа. Как прискорбно, что последний оказался

таким неумолимым...Это самое банальное письмо, потому что после каждого предложения у меня перехватывает дыхание, и оно вам понадобится при чтении...

Я всем сердцем желаю, чтобы моя книга по геологии вышла в свет. У меня есть все основания усердно работать, и я буду, следуя вашим шагам, работать именно с такой степенью твердости, чтобы оставаться в порядке. Я бы хотел, чтобы мой том вышел до выхода вашего нового издания "Принципов". Помимо теории кораллов, главы о вулканах, я думаю, будут содержать некоторые новые факты. В последнее время я, к сожалению, поддался искушению остаться праздным — то есть в том, что касается чистой геологии, — из-за восхитительного количества новых взглядов, которые поступали обильно и неуклонно, — на классификацию, родственные связи и инстинкты животных, имеющие отношение к вопросу о видах. Тетрадь за тетрадью заполнялись фактами, которые начинают ЧЕТКО группироваться по подзаконным актам.

Спокойной ночи, мой дорогой Лайель. Я заполнил свое письмо и наслаждался беседой с вами настолько, насколько это было возможно без вашего присутствия собственной персоной. Подумайте о плохих последствиях для страны — так что еще раз спокойной ночи.

Всегда твой, ЧЕЗ. ДАРВИН.

Прошу вас еще раз от всего сердца поблагодарить миссис Лайелл.

[Отчет о том, что он написал в течение года, не дает истинного представления о самой важной работе, которая выполнялась, — закладке краеугольных камней того, что должно было стать достижением его жизни. Это показано в предыдущем письме Лайелю, где он говорит о "праздности", и следующий отрывок из письма Фоксу, написанного в июне, представляет интерес с этой точки зрения:

"Я рад слышать, что вы такой хороший человек, что не забыли мои вопросы о скрещивании животных. Это мое главное хобби, и я действительно думаю, что когда-нибудь я смогу сделать что-нибудь в этом самом сложном предмете, видах и разновидностях".]

1839-1841.

[Зимой 1839 года (29 января) мой отец женился на своей кузине Эмме Веджвуд. (Дочь Джосайи Веджвуда из Маэра и внука основателя гончарного завода в Этрурии.) Дом, в котором они прожили первые несколько лет своей супружеской жизни, № 12 по Аппер-Гауэр-стрит, был небольшим лондонским особняком с гостиной впереди и маленькой комнатой сзади, в которой они жили ради тишины. В последующие годы мой отец часто смеялся над исключительным уродством мебели, ковров и т. Д. В доме на Гауэр-стрит. Единственной спасительной чертой был сад получше, чем в большинстве лондонских домов, - полоса шириной с дом и ярдов тридцать в длину. Даже это небольшое пространство с грязной травой делало их лондонский дом более сносным для двух его жителей, выросших в сельской местности.

О своей жизни в Лондоне он пишет Фоксу (октябрь 1839 г.): "Мы живем чрезвычайно тихой жизнью; сам Деламер, который вы описываете как столь уединенное место, я отвечу за это, довольно рассеян по сравнению с Гауэр-стрит. Мы отказались от всех вечеринок, потому что они не устраивают ни одну из нас; и если в Лондоне тихо, то ничто не сравнится с его тишиной — есть величие в его дымчатых туманах и глухих отдаленных звуках кэбов и карет; на самом

деле, вы можете заметить, что я становлюсь настоящим кокни, и я горжусь мыслью, что пробуду здесь следующие шесть месяцев".

За эти годы количество записей о плохом самочувствии в Дневнике увеличивается, и, как следствие, отпуска становятся длиннее и чаще. С 26 апреля по 13 мая 1839 года он находился в Маэре и Шрусбери. И снова, с 23 августа по 2 октября его не было в Лондоне, он был в Маэре, Шрусбери, и в Бирмингеме на собрании Британской ассоциации.

Запись под августом 1839 года гласит: "Во время моего визита в Маер я немного читал, был сильно нездоров и возмутительно празден. Я извлек из этого столько пользы, что нет ничего более невыносимого, чем безделье".

В конце 1839 года родился его старший ребенок, и именно тогда он начал свои наблюдения, которые в конечном итоге были опубликованы в "Выражении эмоций". Его книга на эту тему и короткая статья, опубликованная в "Mind" (июль 1877 г.), показывают, насколько внимательно он наблюдал за своим ребенком. Похоже, он был удивлен собственными чувствами к маленькому ребенку, поскольку написал Фоксу (июль 1840 г.): "Он [то есть ребенок] настолько очарователен, что я не могу претендовать ни на какую скромность. Я бросаю вызов кому-либо, кто льстит нам по поводу нашего ребенка, потому что я бросаю вызов кому-либо, кто говорит в его похвалу что-либо, чего мы не вполне осознаем...У меня не было ни малейшего представления о том, что такое пятимесячный ребенок. Вы поймете по этому, что я обладаю высокой степенью отцовского рвения".

В течение этих лет он с перерывами работал в "Коралловых рифах", постоянно прерываясь из-за плохого самочувствия. Так, он говорит о "возобновлении" обсуждения этой темы в феврале 1839 года, и снова в октябре того же года, и еще раз в июле 1841 года, "после более чем тринадцатимесячного перерыва". Его другая научная работа состояла из вклада в Геологическое общество ("Geol. Soc. Proc." iii. 1842 и "Geol. Soc. Пер. vi), о валунах и "тилле" Южной Америки, а также несколько других второстепенных работ на геологическую тематику. Он также усердно работал над орнитологической частью зоологии "Бигля", то есть над описанием повадок и ареалов птиц, которые были описаны Гулдом.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Утро среды [февраль 1840 г.].

Мой дорогой Лайель,

Большое спасибо за вашу любезную записку. Я пошлю за "Шотландцем". Доктор Холланд думает, что выяснил, в чем дело, и теперь надеется, что сможет снова привести меня в чувство. Разве это не унижительно, прошло уже девять недель с тех пор, как я работал целый день, и не более четырех с половиной дней. Но я больше не буду ворчать, хотя предотвратить это - тяжелая работа. После получения вашей записки я перечитал свою главу о кораллах и обнаружил, что готов придерживаться почти всего; она написана гораздо осторожнее и точнее, чем я думал. Я твердо решил завершить свою книгу до вашего нового издания, но, поверьте мне, не для того, чтобы вы заметили в ней что-то новое (ибо, кроме деталей, в ней очень мало), но вы единственный человек в Европе, чье мнение об общей правоте жесткого аргумента я всегда хотел бы услышать. Моя рукопись в таком замешательстве, в противном случае, я уверен, вы бы

с большой охотой, если бы это стоило вашего времени, посмотрели на любую часть, которую вы выберете

[В письме Фоксу (январь 1841 г.) он показывает, что его "Работа над видами" все еще занимала его мысли: —

"Если вы вообще интересуетесь естественной историей, я посылаю вам это P.S. на память о том, что я продолжаю собирать всевозможные факты о "Разновидностях и видах", чтобы моя работа когда-нибудь получила такое название; с благодарностью принимаю самые незначительные материалы; описания потомства от всех помесей всех домашних птиц и животных, собак, кошек и т.д., И т.п., Очень ценные. Не забывайте, если ваша африканская кошка-полукровка умрет, я был бы вам очень признателен за то, чтобы ее тушу отправили в маленькой корзинке для скелета; она или любые помесные голуби, домашняя птица, утки и т.д. И т.п. Будут более приемлемы, чем лучшая оленина или лучшая черепаха ".

Позже в том же году (сентябрь) он пишет Фоксу о своем здоровье, а также о своем плане переезда в деревню:—

"Я неуклонно завоевываю позиции и теперь действительно верю, что когда-нибудь стану по-настоящему сильным. Я ежедневно по паре часов пишу над своим коралловым томом и каждый день немного гуляю или катаюсь верхом. Я очень устаю по вечерам и не могу выйти на улицу в это время или с трудом принимаю своих ближайших родственников; но теперь, когда я могу что-то делать, моя жизнь перестает быть обременительной. Мы предпринимаем шаги, чтобы уехать из Лондона и жить примерно в двадцати милях от него на какой-нибудь железной дороге".]

1842.

[Отчет о работе включает его книгу "Коралловые рифы" (уведомление о работе над коралловыми рифами появилось в Geograph. Soc. Журнал, xii, стр. 115), рукопись которого была наконец отправлена в типографию в январе этого года, а последняя корректура исправлена в мае. Вот что он пишет об этой работе в своем дневнике:

"Я приступил к этой работе три года и семь месяцев назад. Из этого периода около двадцати месяцев (не считая работы во время путешествия "Бигля") ушло на это, и, кроме того, я составил только раздел "Зоология птиц"; Приложение к журналу, статью о валунах и исправленные статьи о Глен-Рое и землетрясениях, чтение о видах и отдых, потерянный из-за болезни ".

В мае и июне он был в Шрусбери и Мэре, откуда отправился в небольшое путешествие по Уэльсу, о котором он рассказал в своих "Воспоминаниях" и результаты которого были опубликованы как "Заметки о воздействии, производимом древними ледниками Кернарвоншира, и о валунах, переносимых плавучими льдами". ("Философский журнал", 1842, стр. 352.)

Мистер Арчибальд Гейки отзывается об этой статье как о стоящей "почти на вершине длинного списка английских работ по истории ледникового периода". (Чарльз Дарвин, серия "Природа", стр. 23.)

Последняя часть этого года относится к периоду, включающему урегулирование в Дауне, и поэтому рассматривается в другой главе.]

ГЛАВА 1.VIII. — РЕЛИГИЯ.

[История этой части жизни моего отца может по праву включать некоторые упоминания о его религиозных взглядах. Ибо, хотя, как он указывает, он не уделял постоянного систематического внимания религиозным вопросам, все же из его собственных слов мы знаем, что примерно в это время (1836-1839) этот предмет занимал его мысли.]

В своих опубликованных работах он был сдержан в вопросах религии, и то, что он оставил по этому вопросу, написано не с целью публикации. (В качестве исключения можно упомянуть несколько слов, согласных с "Истинами для времени" доктора Эббота, которые мой отец разрешил опубликовать в "Указателе".)

Я полагаю, что его скрытность проистекала из нескольких причин. Он был твердо убежден, что религия человека - это, по сути, личное дело, касающееся только его. На это указывает следующий отрывок из письма 1879 года: (Адресованного мистеру Дж. Фордаису и опубликованного им в его "Аспектах скептицизма", 1883.)

"Каковы могут быть мои собственные взгляды, это вопрос, не имеющий значения ни для кого, кроме меня самого. Но, поскольку вы спрашиваете, я могу заявить, что мои суждения часто колеблются... При всех моих самых крайних колебаниях я никогда не был атеистом в том смысле, чтобы отрицать существование Бога. Я думаю, что в целом (и все больше и больше по мере того, как я становлюсь старше), но не всегда, что агностик был бы более правильным описанием моего душевного состояния".

Он, естественно, боялся задевать чувства других в религиозных вопросах, и на него также повлияло сознание того, что человек не должен публиковаться на тему, над которой он не задумывался особо и постоянно. О том, что он считал необходимым проявлять осторожность по отношению к себе в вопросе религии, свидетельствует письмо доктору Ф.Э. Эбботу из Кембриджа, США (6 сентября 1871 г.). Объяснив, что слабость, вызванная его плохим здоровьем, помешала ему почувствовать себя "готовым к глубоким размышлениям на самую глубокую тему, которая может занимать ум человека", он продолжает: "Что касается моих прежних записок к вам, я совершенно забыл их содержание. Мне приходится писать много писем, и я мало что могу обдумать из того, что я пишу; но я полностью верю и надеюсь, что я никогда не написал ни слова, о котором в то время не думал; но я думаю, вы согласитесь со мной, что все, что должно быть представлено публике, должно быть зрело взвешено и осторожно изложено. Мне никогда не приходило в голову, что вы захотите напечатать какую-либо выдержку из моих заметок: если бы это было так, я бы сохранил копию. Я поставил "личное" по привычке, еще только частично приобретенной, поскольку были напечатаны некоторые мои поспешные заметки, которые ни в малейшей степени не стоили печати, хотя в

остальном не вызывали возражений. Просто смешно предполагать, что мою предыдущую записку к вам стоило бы послать мне с пометкой любой части, которую вы пожелаете напечатать; но если вам угодно это сделать, я сразу скажу, должны ли у меня быть какие-либо возражения. Я чувствую, что в какой-то степени не желаю публично высказываться на религиозные темы, поскольку не чувствую, что достаточно глубоко задумался, чтобы оправдать какую-либо огласку".

Я могу также процитировать другое письмо к доктору Эбботу (16 ноября 1871 г.), в котором мой отец более полно излагает причины, по которым он не чувствует себя компетентным писать на религиозные и моральные темы:

"Я могу сказать со всей искренностью, что для меня большая честь получить от вас приглашение внести свой вклад в "Индекс", и я очень признателен за проект. Я также полностью присоединяюсь к утверждению, что долг каждого человека распространять то, что он считает истиной; и я уважаю вас за то, что вы делаете это с такой преданностью и рвением. Но я не могу удовлетворить вашу просьбу по следующим причинам; и извините меня за то, что я излагаю их несколько подробно, поскольку мне было бы очень жаль показаться в ваших глазах нелюбезным. Мое здоровье очень слабое: я НЕ могу прожить и 24 часов, не испытывая дискомфорта, когда я вообще ничего не могу сделать. Таким образом, я также потерял целых два месяца подряд в этом сезоне. Из-за этой слабости, а также из-за того, что у меня часто кружится голова, я не в состоянии осваивать новые предметы, требующие много размышлений, и могу иметь дело только со старыми материалами. Я никогда не был быстрым мыслителем или писателем: чего бы я ни добился в науке, это было исключительно результатом долгих размышлений, терпения и трудолюбия.

"Я никогда систематически не задумывался о религии в связи с наукой или о морали в связи с обществом; и без постоянного сосредоточения своих мыслей на этих предметах в течение ДЛИТЕЛЬНОГО периода я действительно неспособен написать что-либо, достойное отправки в "Указатель"".

Его не раз просили высказать свои взгляды на религию, и он, как правило, не возражал против того, чтобы сделать это в частном письме. Так, в ответе голландскому студенту он написал (2 апреля 1873 г.):—

"Я уверен, вы извините меня за то, что я пишу так подробно, когда я сообщаю вам, что у меня уже давно сильно пошатнулось здоровье, и сейчас я нахожусь вдали от дома, чтобы отдохнуть.

"Невозможно ответить на ваш вопрос кратко; и я не уверен, что смог бы это сделать, даже если бы написал достаточно подробно. Но я могу сказать, что невозможность постичь, что эта великая и чудесная вселенная с нашими сознательными "я" возникла случайно, кажется мне главным аргументом в пользу существования Бога; но имеет ли этот аргумент реальную ценность, я никогда не мог решить. Я осознаю, что если мы признаем первопричину, разум все равно жаждет узнать, откуда она взялась и как возникла. Я также не могу игнорировать трудности, связанные с огромным количеством страданий в мире. Я также вынужден в определенной степени полагаться на суждения многих способных людей, которые полностью уверовали в Бога; но здесь я снова вижу, насколько это слабый аргумент. Самым безопасным выводом мне кажется то, что вся эта тема выходит за рамки человеческого интеллекта; но человек может выполнять свой долг".

Снова в 1879 году к нему обратился немецкий студент в аналогичной манере. На письмо ответил член семьи моего отца, который написал: —

"Мистер Дарвин просит меня сказать, что он получает так много писем, что не может ответить на все.

"Он считает, что теория Эволюции вполне совместима с верой в Бога; но вы должны помнить, что у разных людей разные определения того, что они подразумевают под Богом".

Это, однако, не удовлетворило немецкого юношу, который снова написал моему отцу и получил от него следующий ответ:

"Я очень занят, старый человек, у меня слабое здоровье, и я не могу уделить время, чтобы полностью ответить на ваши вопросы, да и вообще на них нельзя ответить. Наука не имеет ничего общего со Христом, за исключением того, что привычка к научным исследованиям делает человека осторожным в принятии доказательств. Что касается меня, я не верю, что когда-либо было какое-либо откровение. Что же касается будущей жизни, то каждый человек должен сам выбирать между противоречивыми неопределенными вероятностями".

Следующие ниже отрывки являются выдержками, несколько сокращенными, из части Автобиографии, написанной в 1876 году, в которой мой отец излагает историю своих религиозных взглядов:

"В течение этих двух лет (с октября 1836 по январь 1839 г.) Я много думал о религии. Находясь на борту "Бигля", я был вполне ортодоксальным, и помню, как несколько офицеров (хотя и сами ортодоксальные) от души смеялись надо мной за то, что я цитировал Библию как непререкаемый авторитет в некоторых вопросах морали. Я полагаю, что их позабавила новизна аргумента. Но к этому времени, то есть с 1836 по 1839 год, я постепенно пришел к пониманию того, что Ветхому Завету следует доверять не больше, чем священным книгам индусов. Тогда перед моим умом постоянно вставал вопрос, от которого нельзя было избавиться: правдоподобно ли, что если бы Бог сейчас ниспослал откровение индусам, он позволил бы связать его с верой в Вишну, Шиву и т.д., как христианство связано с Ветхим Заветом? Это показалось мне совершенно невероятным.

Далее размышляя о том, что для того, чтобы заставить любого здравомыслящего человека поверить в чудеса, которыми поддерживается христианство, потребовались бы самые ясные доказательства, — и что чем больше мы узнаем о неизменных законах природы, тем невероятнее становятся чудеса, — что люди того времени были невежественны и легковерны до степени, почти непостижимой для нас, — что Евангелия не могут быть доказаны как написанные одновременно с событиями, — что они различаются во многих важных деталях, слишком важных, как мне казалось, чтобы признавать обычные неточности очевидцев;- такими подобными размышлениями, которые я привожу, не имеют ни малейшей новизны или ценности, но поскольку они повлияли на меня, я постепенно перестал верить в христианство как в божественное откровение. Тот факт, что многие ложные религии распространились на больших территориях земли подобно лесному пожару, имел для меня определенный вес.

Но я очень не хотел отказываться от своей веры; я уверен в этом, поскольку хорошо помню, как часто придумывал сны наяву о старинных письмах выдающихся римлян и обнаруженных в Помпеях или где-либо еще рукописях, которые самым поразительным образом подтверждали

все, что было написано в Евангелиях. Но мне становилось все труднее, учитывая свободу моего воображения, выдумывать доказательства, которых было бы достаточно, чтобы убедить меня. Таким образом, неверие охватывало меня очень медленно, но, наконец, стало полным. Темп был настолько медленным, что я не испытывал никаких неудобств.

"Хотя я мало задумывался о существовании личного Бога до значительно более позднего периода своей жизни, здесь я приведу расплывчатые выводы, к которым меня привели. Старый аргумент из "замысла в природе", приведенный Пейли, который раньше казался мне таким убедительным, теперь, когда был открыт закон естественного отбора, терпит неудачу. Мы больше не можем утверждать, что, например, красивая петля двустворчатой раковины должна была быть сделана разумным существом, как дверная петля сделана человеком. По-видимому, в изменчивости органических существ и в действии естественного отбора не больше замысла, чем в направлении, по которому дует ветер. Но я обсуждал эту тему в конце моей книги "Разновидности домашних животных и растений" (Мой отец спрашивает, должны ли мы верить, что формы предопределены разбитыми обломками скалы, упавшими с обрыва, которые человек собирает вместе для строительства своих домов. Если нет, то почему мы должны верить, что вариации домашних животных или растений предопределены ради селекционера? "Но если мы откажемся от принципа в одном случае, ... не может быть и тени разума в пользу веры в то, что вариации, сходные по природе и являющиеся результатом одних и тех же общих законов, которые были основой для формирования посредством естественного отбора наиболее идеально приспособленных животных в мире, включая человека, были преднамеренно и специально направляемыми". — "Изменчивость животных и растений", 1-е издание, том ii. стр. 431. — Ф.Д.), и на приведенный там аргумент, насколько я вижу, так и не был дан ответ.

Но, оставляя в стороне бесконечные прекрасные приспособления, с которыми мы повсюду встречаемся, можно спросить, как можно объяснить в целом благоприятное устройство мира? Некоторые писатели действительно настолько впечатлены количеством страданий в мире, что сомневаются, если мы посмотрим на всех живых существ, чего больше - горя или счастья; хорош мир в целом или плох. По моему мнению, счастье определенно преобладает, хотя это было бы очень трудно доказать. Если признать истинность этого вывода, он хорошо согласуется с эффектами, которые мы могли бы ожидать от естественного отбора. Если бы все особи какого-либо вида обычно страдали до крайней степени, они пренебрегали бы размножением своего вида; но у нас нет оснований полагать, что это когда-либо происходило или, по крайней мере, часто происходило. Более того, некоторые другие соображения приводят к убеждению, что все живые существа были созданы таким образом, чтобы, как правило, наслаждаться счастьем.

"Каждый, кто верит, как и я, что все телесные и ментальные органы (за исключением тех, которые не являются ни выгодными, ни невыгодными для обладателя) всех существ были развиты в результате естественного отбора, или выживания наиболее приспособленных, вместе с использованием или привычкой, признает, что эти органы были сформированы так, чтобы их обладатели могли успешно конкурировать с другими существами и, таким образом, увеличиваться в численности. Теперь животное можно побудить к тому образу действий, который наиболее полезен для вида, страданием, таким как боль, голод, жажда и страх; или удовольствием, например, от еды и питья, а также от размножения вида и т.д.; или обоими способами в сочетании, как при поиске пищи. Но боль или страдание любого рода, если они продолжаются долго, вызывают депрессию и уменьшают силу действия, тем не менее, они хорошо приспособлены для того, чтобы заставить существо защищаться от любого большого

или внезапного зла. Приятные ощущения, с другой стороны, могут длиться долго без какого-либо угнетающего эффекта; напротив, они стимулируют всю систему к усиленной деятельности. Следовательно, случилось так, что большинство или все разумные существа были развиты таким образом, путем естественного отбора, что приятные ощущения служат им привычными ориентирами. Мы видим это в удовольствии от физической нагрузки, даже иногда от большого напряжения тела или ума, — в удовольствии от наших ежедневных приемов пищи, и особенно в удовольствии, получаемом от общения и от любви к своим семьям. Совокупность подобных удовольствий, которые являются обычными или часто повторяющимися, дает, в чем я едва ли могу сомневаться, большинству чувствующих существ избыток счастья по сравнению с несчастьем, хотя многие иногда сильно страдают. Такие страдания вполне совместимы с верой в Естественный отбор, который не совершенен в своем действии, но стремится лишь к тому, чтобы сделать каждый вид максимально успешным в борьбе за жизнь с другими видами в удивительно сложных и меняющихся обстоятельствах.

Никто не оспаривает, что в мире много страданий. Некоторые пытались объяснить это применительно к человеку, воображая, что это служит его нравственному совершенствованию. Но количество людей в мире ничтожно мало по сравнению с количеством всех других живых существ, и они часто сильно страдают без какого-либо морального совершенствования. Этот очень старый аргумент о существовании страдания против существования разумной Первопричины кажется мне сильным; тогда как, как только что было отмечено, наличие большого количества страданий хорошо согласуется с точкой зрения, что все органические существа развились в результате вариаций и естественного отбора.

"В наши дни самый обычный аргумент в пользу существования разумного Бога исходит из глубокого внутреннего убеждения и чувств, которые испытывает большинство людей.

"Прежде чувства, подобные только что упомянутому, приводили меня (хотя я не думаю, что религиозное чувство когда-либо было сильно развито во мне) к твердому убеждению в существовании Бога и в бессмертии души. В своем дневнике я записал, что, находясь посреди великолепия бразильского леса, "невозможно дать адекватное представление о высших чувствах удивления, восхищения и преданности, которые наполняют и возвышают разум". Я хорошо помню свою убежденность в том, что в человеке есть нечто большее, чем простое дыхание его тела. Но сейчас самые грандиозные сцены не вызвали бы в моем сознании никаких подобных убеждений и чувств. Можно с уверенностью сказать, что я похож на человека, страдающего дальтонизмом, и всеобщая вера мужчин в существование красноты делает мою нынешнюю потерю восприятия не менее ценным доказательством. Этот аргумент был бы справедливым, если бы все люди всех рас имели одинаковую внутреннюю убежденность в существовании единого Бога; но мы знаем, что это очень далеко от истины. Поэтому я не вижу, чтобы такие внутренние убеждения и чувства имели какой-либо вес в качестве доказательства того, что действительно существует. Душевное состояние, которое раньше вызывали во мне грандиозные сцены и которое было тесно связано с верой в Бога, существенно не отличалось от того, что часто называют чувством возвышенности; и как бы трудно ни было объяснить происхождение этого чувства, вряд ли его можно выдвинуть в качестве аргумента в пользу существования Бога, не больше, чем мощные, хотя и смутные, но схожие чувства, вызываемые музыкой.

"Что касается бессмертия, ничто не показывает мне [так ясно], насколько сильна и почти инстинктивна эта вера, как рассмотрение точки зрения, которой сейчас придерживается большинство физиков, а именно, что солнце со всеми планетами со временем станет слишком холодным для жизни, если только действительно какое-нибудь большое тело не столкнется с солнцем и таким образом не вдохнет в него новую жизнь. Веря так, как верю я, что человек в отдаленном будущем будет гораздо более совершенным существом, чем он есть сейчас, невыносима мысль о том, что он и все другие живые существа обречены на полное уничтожение после столь продолжительного медленного прогресса. Тем, кто полностью признает бессмертие человеческой души, разрушение нашего мира не покажется таким ужасным.

"Другой источник убежденности в существовании Бога, связанный с разумом, а не с чувствами, производит на меня впечатление имеющего гораздо больший вес. Это следует из крайней трудности или, скорее, невозможности представить себе эту огромную и удивительную вселенную, включая человека с его способностью заглядывать далеко назад и в будущее, как результат слепой случайности или необходимости. Размышляя таким образом, я чувствую себя вынужденным обратиться к Первопричине, обладающей разумным умом, в какой-то степени аналогичным человеческому; и я заслуживаю того, чтобы меня называли теистом. Этот вывод был силен в моем сознании примерно в то время, насколько я помню, когда я писал "Происхождение видов"; и именно с тех пор он очень постепенно, со многими колебаниями, ослабевал. Но тогда возникает сомнение: можно ли доверять разуму человека, который, как я полностью убежден, развился из такого низкого разума, каким обладают низшие животные, когда он делает такие грандиозные выводы?

"Я не могу претендовать на то, что могу пролить хоть какой-то свет на столь сложные проблемы. Тайна начала всех вещей неразрешима для нас; и я, например, должен довольствоваться тем, что остаюсь агностиком".

[Следующие письма в некоторой степени повторяют то, что было приведено из Автобиографии. Первое относится к "Границам науки, диалогу", опубликованному в "Журнале Макмиллана" за июль 1861 года.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИСС ДЖУЛИИ ВЕДЖВУД. 11 июля [1861].

Кто-то прислал нам "Макмиллана"; и я должен сказать вам, как сильно я восхищен вашей статьей; хотя в то же время я должен признаться, что не смог четко проследить за вами в некоторых частях, что, вероятно, в основном связано с тем, что я совсем не привык к метафизическому ходу мыслей. Я думаю, что вы прекрасно поняли мою книгу ("Происхождение видов") и что я нахожу очень редким событием общение с моими критиками. Идеи, изложенные на последней странице, несколько раз смутно приходили мне в голову. Благодаря нескольким корреспондентам в последнее время я был вынужден задуматься, или, скорее, попытаться обдумать некоторые из основных моментов, обсуждавшихся вами. Но в результате у меня получился лабиринт — что-то вроде размышлений о происхождении зла, на которое вы намекаете. Разум отказывается смотреть на эту вселенную, являющуюся такой, какая она есть, без ее замысла; и все же там, где больше всего можно было бы ожидать замысла, а именно. в структуре разумного существа, чем больше я думаю на эту тему, тем меньше я вижу доказательств замысла. Эйса Грей и некоторые другие рассматривают каждую вариацию или,

по крайней мере, каждую полезную вариацию (которую А. Грей сравнил бы с каплями дождя) (метафора доктора Грея о каплях дождя встречается в эссе "Дарвин и его рецензенты" ("Дарвиниана", стр. 157): "Вся живая жизнь страны полностью зависит от растительности, растительность - от дождя. Влага поступает из океана, поднимается солнечным теплом с поверхности океана и разносится вглубь страны ветрами. Но какое множество дождевых капель, падающих обратно в океан, в такой же степени лишены конечной причины, как и зарождающиеся разновидности, которые сходят на нет! Следует ли из этого, что дожди, которые изливаются на почву с такой обычной регулярностью, не были предназначены для поддержания растительной и животной жизни?"), которые падают не в море, а на сушу, чтобы удобрять ее) как предназначенные провидением. И все же, когда я спрашиваю его, рассматривает ли он каждую вариацию скального голубя, с помощью которой человек путем накопления сделал голубя-дутьша, как провиденциально созданную для развлечения человека, он не знает, что ответить; и если он или кто-либо другой признает, что эти вариации случайны с точки зрения цели (конечно, не случайны с точки зрения их причины или происхождения); тогда я не вижу причин, почему он должен оценивать накопленные вариации, с помощью которых сформировался прекрасно адаптированный дятел, как провиденциально созданные. Ибо было бы легко представить себе увеличенный зоб дутьша, или хвост веерохвоста, как нечто полезное для птиц в естественном состоянии, ведущих особый образ жизни. Вот соображения, которые ставят меня в тупик относительно дизайнера; но захотите ли вы их услышать, я не знаю

[По поводу дизайнера он написал (июль 1860 г.) доктору Грею:

Еще одно слово о "спроектированных законах" и "непреднамеренных результатах". Я вижу птицу, которая мне нужна в пищу, беру ружье и убиваю ее, я делаю это НАМЕРЕННО. Невинный и хороший человек стоит под деревом и его убивает вспышка молнии. Вы верите (и я действительно хотел бы это услышать), что Бог НАМЕРЕННО убил этого человека? Многие или большинство людей действительно верят в это; я не могу и не хочу. Если вы так считаете, верите ли вы, что когда ласточка хватается комара, то Бог задумал, чтобы эта конкретная ласточка схватила именно этого комара в этот конкретный момент? Я полагаю, что человек и комар находятся в одном и том же затруднительном положении. Если смерть ни человека, ни комара не была преднамеренной, я не вижу веских оснований полагать, что их ПЕРВОЕ рождение или производство на свет обязательно должно быть спланировано ".]

ЧАРЛЬЗ Дарвин У. ГРЭМУ. Даун, 3 июля 1881 г.

Уважаемый сэр,

Я надеюсь, что вы не сочтете излишним с моей стороны сердечно поблагодарить вас за удовольствие, которое я получил, прочитав ваше превосходно написанное "Кредо науки", хотя я еще не совсем закончил его, поскольку теперь, в старости, читаю очень медленно. Прошло очень много времени с тех пор, как какая-либо другая книга интересовала меня так сильно. Работа, должно быть, стоила вам нескольких лет тяжелого труда при полном досуге для работы. Вероятно, вы не ожидаете, что кто-то полностью согласится с вами по столь многим трудноразрешимым вопросам; и в вашей книге есть некоторые моменты, которые я не могу переварить. Главный из них заключается в том, что существование так называемых

естественных законов подразумевает цель. Я этого не вижу. Не говоря уже о том, что многие ожидают, что когда-нибудь будет обнаружено, что несколько великих законов неизбежно следуют из какого-то одного закона, однако, если взять законы такими, какими мы их знаем сейчас, и посмотреть на Луну, где закон тяготения — и, без сомнения, закон сохранения энергии - атомной теории и т.д. и т.п., остается в силе, и я не вижу, что тогда обязательно есть какая-то цель. Был бы какой-то смысл, если бы на Луне существовали только низшие организмы, лишённые сознания? Но у меня не было практики в абстрактных рассуждениях, и я, возможно, совсем сбился с пути. Тем не менее вы выразили мое внутреннее убеждение, хотя и гораздо более ярко и ясное, чем я мог бы это сделать, что Вселенная не является результатом случайности. (Герцог Аргайлл ("Хорошие слова", 1885, стр. 244) записал несколько слов на эту тему, сказанных моим отцом в последний год его жизни. "... в ходе этого разговора я сказал мистеру Дарвину, имея в виду некоторые из его собственных замечательных работ об "Оплодотворении орхидей" и о "Дождевых червях", а также различные другие наблюдения, которые он сделал о замечательных приспособлениях для определенных целей в природе, — я сказал, что невозможно смотреть на них, не видя, что они являются результатом и выражением ума. Я никогда не забуду ответ мистера Дарвина. Он очень пристально посмотрел на меня и сказал: "Ну, это часто охватывает меня с непреодолимой силой; но в другое время", - и он неопределенно покачал головой, добавив: "Кажется, это проходит".) Но тогда у меня всегда возникает ужасное сомнение, имеют ли убеждения человеческого разума, развившегося из разума низших животных, какую-либо ценность или вообще заслуживают доверия. Стал бы кто-нибудь доверять убеждениям обезьяньего ума, если в таком уме вообще есть какие-то убеждения? Во-вторых, я думаю, что мог бы в какой-то мере опровергнуть то огромное значение, которое вы приписываете нашим величайшим людям; я привык думать, что люди второго, третьего и четверторазрядные имеют очень большое значение, по крайней мере, в Науке. Наконец, я мог бы показать, что борьба с естественным отбором сделала и продолжает делать для прогресса цивилизации больше, чем вы, кажется, склонны признавать. Вспомните, какому риску подвергались народы Европы не так уж много веков назад, когда они были разгромлены турками, и насколько нелепа такая идея сейчас! Более цивилизованные, так называемые кавказские расы победили турецкую лощину в борьбе за существование. Глядя на мир в недалеком будущем, можно представить, какое бесконечное количество низших рас будет уничтожено высшими цивилизованными расами по всему миру. Но я больше ничего не буду писать и даже не упомяну о многих моментах вашей работы, которые меня очень заинтересовали. У меня действительно есть причина извиниться за то, что я побеспокоил вас своими впечатлениями, и мое единственное оправдание - это волнение, которое вызвала у меня ваша книга.

Прошу разрешения остаться, дорогой сэръ, искренне ваш и обязанный, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Мой отец мало говорил на эти темы, и я ничего не могу добавить из своих собственных воспоминаний о его беседе, что могло бы дополнить созданное здесь впечатление о его отношении к религии. Некоторое дальнейшее представление о его взглядах можно, однако, составить из случайных замечаний в его письмах.] (Доктор Эвелинг опубликовал отчет о беседе с моим отцом. Я думаю, что читатели этой брошюры ("Религиозные взгляды Чарльза Дарвина", издательство "Свободная мысль", 1883) могут быть введены в заблуждение, увидев большее сходство, чем существовало на самом деле, между позициями моего отца и доктора Эвелинга: и я говорю это, несмотря на мое убеждение, что доктор Эвелинг вполне справедливо передает свои впечатления о взглядах моего отца. Доктор Эвелинг попытался показать, что термины

"агностик" и "Атеист" практически эквивалентны — что атеист - это тот, кто, не отрицая существования Бога, находится без Бога, поскольку он не убежден в существовании Божества. Ответы моего отца подразумевали, что он предпочитает неагрессивную позицию агностика. Доктор Эвелинг, по-видимому (стр. 5), считает отсутствие агрессивности во взглядах моего отца несущественным образом отличающим их от его собственных. Но, по моему мнению, именно различия такого рода так сильно отличают его от класса мыслителей, к которому принадлежит доктор Эвелинг.)

ГЛАВА 1.IX. — ЖИЗНЬ В ДАУНЕ.

1842-1854.

"Моя жизнь идет своим чередом, как часы, и я твердо стою на том месте, где я ее закончу".

Письмо капитану Фиц-Рою, октябрь 1846г.

[С целью дать в следующих главах связный отчет о развитии "Происхождения видов", я убрал наиболее важные письма, касающиеся этого предмета, из их надлежащего хронологического расположения здесь и поместил их вместе с остальной корреспонденцией, касающейся того же предмета; так что в настоящей группе писем мы получаем лишь случайные намеки на рост взглядов моего отца, и мы можем предположить, что смотрим на его жизнь так, как на нее могли смотреть те, кто не имел представления о спокойном развитии его теории эволюции в этот период.]

14 сентября 1842 года мой отец покинул Лондон со своей семьей и поселился в Дауне. (Я не могу не упомянуть члена семьи, который сопровождал его. Это был его дворецкий, Джозеф Парслоу, который оставался в семье ценным другом и слугой в течение сорока лет и стал, как однажды заметил мне сэр Джозеф Хукер, "неотъемлемой частью семьи, и все гости в доме считали его таковым".) В Автобиографической главе кратко излагаются его мотивы для совершения этого шага в сельской местности. Он говорит о посещении научных обществ и обычных общественных обязанностях как о том, что его здоровье настолько "ухудшилось, что мы решили жить в деревне, которую мы оба предпочитали и в которой никогда не раскаивались". Его намерение продолжать научную жизнь в Лондоне выражено в письме Фоксу (декабрь 1842 г.):

"Я надеюсь, приезжая в город на ночь каждые две-три недели, поддерживать общение с учеными и собственное рвение и, таким образом, не превратиться в законченную кентскую свинью".

Подобные визиты в Лондон продолжались в течение нескольких лет ценой больших усилий с его стороны. Я часто слышал, как он рассказывал об утомительных поездках за десять миль до Кройдона или Сайденхэма — ближайших станций — со старым садовником в качестве кучера,

который с большой осторожностью и неторопливостью поднимался и спускался по многочисленным холмам. В последующие годы все регулярные научные контакты с Лондоном стали, как уже упоминалось, невозможны.

Выбор Дауна был скорее результатом отчаяния, чем действительного предпочтения; мои отец и мать устали от поисков жилья, и привлекательные черты этого места, таким образом, казались им противовесом его несколько более очевидным недостаткам. У него было, по крайней мере, одно пожелание, а именно тишина. Действительно, было бы трудно найти более уединенное место так близко к Лондону. В 1842 году проезд на дилижансе протяженностью около двадцати миль был единственным способом добраться до Дауна; и даже сейчас, когда железные дороги подобрались к нему поближе, он стоит совершенно особняком, в нем нет ничего, что напоминало бы окрестности Лондона, если не считать тусклой дымки, которая иногда застилает небо. Деревня стоит под углом между двумя самыми крупными магистралями страны, одна из которых ведет в Танбридж, а другая - в Вестерхэм и Эденбридж. Он отрезан от Уилда линией крутых меловых холмов на юге, и крутой холм, ныне сглаженный вырубкой и насыпью, должно быть, раньше был чем-то вроде барьера против посягательств со стороны Лондона. В такой ситуации деревня, сообщаясь с основными транспортными магистралями только каменистыми извилистыми переулками, вполне могла сохранить свой прежний характер. Нетрудно также поверить в контрабандистов и вереницы их вьючных лошадей, пробирающихся сюда из незаконных старых деревень Уилда, память о которых еще жила, когда мой отец поселился в Дауне. Деревня стоит на уединенной возвышенности, на высоте 500-600 футов над уровнем моря, — местности с небольшим количеством природной красоты, но обладающей определенным очарованием в холмах или разбросанных полосах леса, венчающих меловые берега и смотрящих вниз на тихие вспаханные земли долин. Деревня с населением в триста или четыреста жителей состоит из трех маленьких улочек, застроенных коттеджами, сходящимися перед маленькой церковью, построенной из кремня. Это место, где редко можно увидеть новичков, и имена, встречающиеся в старых церковных книгах, до сих пор хорошо известны в деревне. Халат еще не совсем вымер, хотя в основном используется как церемониальная одежда "носильщиками" на похоронах: но мальчиком я помню фиолетовые или зеленые халаты мужчин в церкви.

Дом стоит в четверти мили от деревни и построен, как и многие дома прошлого века, как можно ближе к дороге - узкому переулку, извивающемуся к главной дороге Вестерхэма. В 1842 году это было достаточно унылое и непривлекательное здание из квадратного кирпича в три этажа, покрытое облезлой побелкой и свисающей черепицей. В саду не было ни кустарника, ни стен, которые сейчас служат укрытием; с переулка на него не было видно, и он был открытым, унылым и заброшенным. Одним из первых начинаний моего отца было понизить дорожку примерно на два фута и построить каменную стену вдоль той ее части, которая граничила с садом. Выкопанная таким образом земля использовалась для создания насыпей вокруг газона: их засадили вечнозелеными растениями, которые теперь придают саду уединенный и защищенный вид.

Дому придали более аккуратный вид, покрыв его штукатуркой, но главным улучшением стало возведение большой арки, простирающейся на три этажа. Этот лук покрылся переплетением лиан и приятно разнообразил южную сторону дома. Гостиная с верандой, выходящей в сад, а также кабинет, в котором мой отец работал в последние годы своей жизни, были пристроены позднее.

Вместе с домом было продано восемнадцать акров земли, из которых двенадцать акров с южной стороны дома образовывали приятное поле, усеянное довольно крупными дубами и пеплом. От этого поля была отрезана полоса и превращена в огород, на котором располагался экспериментальный участок земли и где в конечном итоге были возведены теплицы.

В следующем письме мистеру Фоксу (28 марта 1843 г.) среди прочего излагаются ранние впечатления моего отца о Дауне:

- Я расскажу вам о себе все самые незначительные подробности, какие только смогу вспомнить. Сейчас мы чрезвычайно заняты закладкой вчера первого кирпича для пристройки к нашему дому; с этим, с почти возведением нового огорода и множеством других проектируемых проектов, мои дни очень заполнены. Я считаю, что все это очень вредно для геологии, но я очень медленно продвигаюсь с книгой, или, скорее, брошюрой, о вулканических островах, которые мы посетили: мне удается уделять всего пару часов в день, да и то не очень регулярно. Писать книги, которые стоят денег при издании и которые не читают даже геологи, - тяжелая работа. Я забыл, описывал ли я когда-нибудь это место: это хороший, очень уродливый дом площадью 18 акров, расположенный на меловой равнине, на высоте 560 футов над уровнем моря. Отсюда открывается вид на далекую страну, а пейзаж в меру симпатичный: его главное достоинство - крайняя сельская местность. Мне кажется, я никогда не был в более совершенной тихой стране. В трех милях к югу от нас огромный меловой откос полностью отрезает нас от низменности Кент, и между нами и этим отрогом нет ни деревни, ни дома джентльмена, а только огромные леса и пахотные поля (последних, к сожалению, преобладающее количество), так что мы находимся абсолютно на краю света. Вся местность пересечена пешеходными дорожками; но поверхность над мелом глинистая и липкая, что является худшей особенностью нашей покупки. Динглс и бэнкс часто напоминают мне о Кембриджшире и о прогулках с вами в Черри-Хинтон и другие места, хотя в целом местность здесь совсем другая. Я осматривал свой упорядоченный шкафчик (единственный сохранившийся у меня остаток от всех моих английских насекомых) и восхищался Панатеем Срук-майор: любопытно, как живо это насекомое вызывает в моем воображении вашу внешность, с маленьким веером, бегающим за ним, когда меня впервые представили вам. Те энтомологические дни были очень приятными. Я НАМНОГО сильнее физически, но немногим лучше переношу умственную усталость или, скорее, возбуждение, так что не могу обедать вне дома или принимать посетителей, за исключением родственников, с которыми я могу провести некоторое время после обеда в тишине".

Мне хотелось бы дать здесь некоторое представление о том положении, которое в этот период своей жизни занимал мой отец среди ученых и читающей публики в целом. Но современные заметки немногочисленны и не представляют особой ценности для моей цели, которая, следовательно, должна, несмотря на большие усилия, остаться невыполненной.

Его "Журнал исследований" был тогда единственной из его книг, имевшей хоть какие-то шансы стать широко известной. Но тот факт, что она была опубликована вместе с "Путешествиями" капитанов Кинга и Фиц-Роя, вероятно, повлиял на ее общую популярность. Так, Лайелл писал ему в 1838 году ("Жизнь Лайелла", ii, стр. 43): "Уверяю вас, мой отец в полном восторге от вашего журнала ... и он согласен со мной, что он имел бы большие продажи, если бы был опубликован отдельно. Он был разочарован, услышав, что книга должна быть скована другими томами, поскольку, хотя он в равной степени должен был купить ее, он опасался, что многим читателям это помешает." В уведомлении о трех путешествиях в "Эдинбург Ревью" (июль 1839 г.) нет

ничего, что заставило бы читателя поверить, что он найдет ее более привлекательной, чем другие тома. И, как факт, она не стала широко известна до тех пор, пока не была отдельно опубликована в 1845 году. Можно, однако, отметить, что "Ежеквартальное обозрение" (декабрь 1839 г.) привлекло внимание своих читателей к достоинствам "Дневника" как книги путешествий. Рецензент говорит о "очаровании, исходящем от свежести сердца, которое излучают эти девственные страницы сильного интеллектуального человека и пронизательного и глубокого наблюдателя".

Немецкий перевод "Journal" (1844) получил благоприятную оценку в № 12 "Heidelberger Jahrbucher der Literatur" за 1847 год, где рецензент говорит о "разнообразном полотне автора, на котором он живыми красками изображает странные обычаи этих отдаленных регионов с их замечательной фауной, флорой и геологическими особенностями". Ссылаясь на перевод, мой отец пишет: "Доктор Диффенбах ... перевел мой "Дневник" на немецкий, и я должен с непростительным тщеславием похвастаться, что это было сделано по наущению Либиха и Гумбольдта".

Геологическая работа, о которой он упоминает в вышеупомянутом письме мистеру Фоксу, занимала его весь 1843 год и была опубликована весной следующего года. Он был озаглавлен "Геологические наблюдения на вулканических островах, посещенных во время плавания его Превосходительства "Бигль", вместе с некоторыми краткими заметками по геологии Австралии и мыса Доброй Надежды": он составлял вторую часть "Геологии плавания "Бигля"", опубликованную "с одобрения лордов-уполномоченных казначейства Ее Величества". Том "Коралловые рифы" является частью Первой серии и был опубликован, как мы видели, в 1842 году. Ради читателя, не имеющего отношения к геологии, я могу здесь процитировать слова профессора Гейки (Чарльз Дарвин, серия "Природа", 1882 г.) об этих двух томах, которые до этого времени были главными геологическими трудами моего отца. Говоря о "Коралловых рифах", он говорит: — стр. 17: "Этот хорошо известный трактат, самый оригинальный из всех геологических мемуаров его автора, стал одним из классиков геологической литературы. Происхождение этих замечательных колец коралловых пород посреди океана породило много предположений, но удовлетворительного решения проблемы предложено не было. Посетив многие из них, а также исследовав коралловые рифы, окаймляющие острова и континенты, он предложил теорию, которая своей простотой и величию повергает в изумление каждого читателя. Приятно по прошествии многих лет вспоминать восторг, с которым впервые прочитал "Коралловые рифы"; как наблюдал, как факты расставлялись по своим местам, ничто не игнорировалось и не обходилось легкомысленно; и как шаг за шагом подводили к грандиозному выводу о широком оседании океана. Миру никогда не было дано более замечательного примера научного метода, и даже если бы он больше ничего не написал, один этот трактат поставил бы Дарвина в самое первое место среди исследователей природы".

Интересно видеть в следующем отрывке из одного из писем Лайелла (сэру Джону Гершелю, 24 мая 1837 г. "Жизнь сэра Чарльза Лайелла", том ii, стр. 12.) с какой теплотой и готовностью он воспринял теорию. Отрывок также случайно дает некоторое представление о самой теории.

"Я очень восхищен новой теорией Дарвина о коралловых островах и убедил Уэвелла заставить его прочитать ее на нашей следующей встрече. Я должен навсегда отказаться от своей теории вулканических кратеров, хотя поначалу она причинила мне боль, потому что она объясняла так много: кольцевую форму, центральную лагуну, внезапное возвышение изолированной горы в

глубоком море; все это так хорошо сочеталось с представлением о подводных, кратерообразных и конических вулканах ... а затем тот факт, что в Южной части Тихого океана у нас почти нет камней в районах коралловых островов, за исключением двух видов: кораллового известняка и вулканических! И все же, несмотря на все это, вся теория переворачивается с ног на голову, а кольцевая форма и центральная лагуна не имеют ничего общего ни с вулканами, ни даже с кратерообразным дном. Возможно, Дарвин сказал вам, когда был на Мысе, что он считает истинной причиной? Пусть любая гора постепенно погружается под воду, а в море, в которое она погружается, растут кораллы, и будет коралловое кольцо, и, наконец, только лагуна в центре. Почему? По той же причине, по которой вдоль определенных побережий растет коралловый риф: Австралия и т.д. Коралловые острова - последние попытки тонущих континентов поднять голову над водой. Области поднятия и опускания в океане можно проследить по состоянию коралловых рифов ". Мало что можно сказать о опубликованной современной критике. Книга не публиковалась в "Ежеквартальном обозрении" до 1847 года, когда было получено благоприятное уведомление. Рецензент говорит о "смелом и поразительном" характере работы, но, похоже, признает тот факт, что эти взгляды в целом приняты геологами. К тому времени умы людей становились все более готовыми к восприятию геологии такого типа. Даже за десять лет до этого, в 1837 году, Лайелл ("Жизнь сэра Чарльза Лайелла", том ii, стр. 6) говорит: "Люди сейчас гораздо лучше подготовлены к тому, чтобы поверить Дарвину, когда он выдвигает доказательства медленного подъема Анд, чем в 1830 году, когда я впервые поразил их этой доктриной". Это предложение относится к теории, разработанной в книге моего отца "Геологические наблюдения над Южной Америкой" (1846), но постепенное изменение восприимчивости геологического ума, должно быть, благоприятствовало всей его геологической работе. Тем не менее Лайель, по-видимому, поначалу не ожидал столь быстрого принятия теории кораллов; так, в 1837 году он написал моему отцу: "В течение нескольких дней после вашего урока о коралловых рифах я не мог думать ни о чем, кроме вершин затопленных континентов. Все это правда, но не льсти себе надеждой, что тебе поверят, пока ты не облысеешь, как я, от тяжелой работы и досады на недоверие мира".

Вторую часть "Геологии плавания "Бигля"", то есть книгу о вулканических островах, которая нас сейчас особенно интересует, нельзя лучше описать, чем снова процитировав профессора Гейки (стр. 18):

"Эта работа, полная подробных наблюдений, по-прежнему остается лучшим источником сведений об общем геологическом строении большинства регионов, которые она описывает. На момент написания статьи "теория возвышения кратера", хотя против нее выступали Прево, Скроуп и Лайелл, была общепринятой, по крайней мере, на Континенте. Дарвин, однако, не мог воспринять это как достоверное объяснение фактов; и хотя он не разделял точку зрения его главных противников, но отважился предложить свою собственную гипотезу, наблюдения, беспристрастно сделанные и описанные им в этом томе, следует рассматривать как внесшие вклад в окончательное решение проблемы ". Профессор Гейки продолжает (стр. 21): "Он - один из первых авторов, осознавших масштабы денудации, которой подверглись даже недавние геологические скопления. Один из самых впечатляющих уроков, которые можно извлечь из его рассказа о "Вулканических островах", - это огромная степень их обнажения...Он был склонен приписывать морю большую часть этой работы, чем большинство геологов готовы сейчас признать; но он жил сам, чтобы изменить свои первоначальные взгляды, и по этому вопросу его последние высказывания вполне соответствуют времени ".

Выдержка из письма моего отца Лайеллю показывает его оценку собственной работы. "Вы очень обрадовали меня, сказав, что намерены просмотреть мои "Вулканические острова": это стоило мне восемнадцати месяцев!!! и я слышал об очень немногих, кто это прочел. Теперь я почувствую, что все то небольшое (а это очень мало), что подтверждает старую работу или новое, произведет свой эффект и не будет потеряно".

Здесь можно упомянуть третью из его геологических книг, "Геологические наблюдения над Южной Америкой", хотя она была опубликована только в 1846 году. "В этой работе автор воплотил все материалы, собранные им для иллюстрации геологии Южной Америки, за исключением некоторых, которые были опубликованы в других местах. Одной из наиболее важных особенностей книги были приведенные в ней доказательства медленного прерывистого поднятия Южноамериканского континента в течение недавнего геологического периода". (Гейки, Канада)

Об этой книге мой отец писал Лайеллю: "Мой том будет состоять примерно из 240 страниц, ужасно скучных, но при этом очень сжатых. Я думаю, что всякий раз, когда у вас будет время просмотреть его, вы сочтете подборку фактов о возвышении местности и образовании террас довольно хорошей".

Говоря о своей специальной геологической работе в целом, профессор Гейки, указывая, что она не была "такого же эпохального характера, как его биологические исследования", отмечает, что он "дал мощный импульс" общему восприятию учения Лайелла "тем способом, которым он собрал факты со всех частей света в его поддержку".

РАБОТА ПЕРИОДА С 1842 По 1854 ГОД.

Работы этих лет можно условно разделить на период геологии с 1842 по 1846 год и период зоологии с 1846 года.

Я извлекаю из его дневника записи о времени, проведенном над его книгами по геологии и "Дневником".

"Вулканические острова". Лето 1842-январь 1844 года.

"Геология Южной Америки". июль 1844 -апрель 1845гг.

Второе издание "Дневника", октябрь 1845 - октябрь 1846гг.

Время между октябрём 1846 года и октябрём 1854 года было практически посвящено работе с усоногими (Cirripedia); результаты были опубликованы Обществом Рэя в двух томах в 1851 и 1854 годах. Его тома об ископаемых усоногих были опубликованы Палеонтографическим обществом в 1851 и 1854 годах.

Некоторый отчет об этих томах будет дан позже.

Второстепенные работы могут быть размещены вместе, независимо от тематики.

"Наблюдения над строением и т.д. рода Sagitta", Ann. Nat. История. xiii., 1844, стр. 1-6.

"Краткие описания нескольких наземных планарий и т.д.", Ann. Nat. История. xiv., 1844, стр. 241-251.

"Отчет о мелкой пыли (В этой статье, представляющей интерес, встречается предложение, показывающее, что автор осознавал важность всех средств распространения: —

"Тот факт, что частицы такого размера были занесены по меньшей мере в 330 милях от суши, интересен как имеющий отношение к распространению криптогамных растений".), Которые часто попадают на суда в Атлантическом океане", Geol. Soc. Журнал ii., 1846, стр. 26-30.

"О геологии Фолклендских островов", Геол. Соц. Журнал. ii., 1846, стр. 267-274.

"О переносе неустойчивых валунов и т. Д.", Геол. Соц. Журнал. iv., 1848, стр. 315-323. (Отрывок из письма Лайеллу, 1847 г., представляет интерес в связи с этим эссе: "Не будете ли вы так добры (если вы это знаете) указать адрес Макларена на прилагаемом письме и отправить его. Это в основном, чтобы узнать, в каком документе он описал валуны на трон Артура. Г-н д. Милн в последние Эдинбург 'новый Фил. Журнал' [1847], имеет длительный бумаги на нем. Он говорит: "Некоторые гляциологи отважились объяснить транспортировку валунов даже в ситуации, о которой сейчас идет речь, представив, что они перевозились на льдинах" и т.д. Он рассматривает этот вид и царапание скал айсбергами как почти абсурдное ... Он, наконец, возбудил меня настолько, что (без вашего ответа ему) Я думаю, что пошлю статью в противовес тому же журналу. Таким образом, я могу представить некоторые свои старые замечания и некоторые новые и буду настаивать на ваших замечательных наблюдениях в Северной Америке. Это скучно - прерывать свою работу, но он меня очень разозлил".)

Статья "Геология" в "Руководстве по научным исследованиям Адмиралтейства" (1849), страницы 156-195. Это было написано весной 1848 года.

"О британских ископаемых Lepadidae", 'Geol. Soc. Журнал. vi., 1850, стр. 439-440.

"Аналогия структуры некоторых вулканических пород со структурой ледников", 'Edin. Roy. Соч. Сборник ii, 1851, стр. 17-18.

Профессор Гейки был настолько любезен, что поделился со мной (в письме от ноября 1885 г.) своими впечатлениями от статьи моего отца в "Руководстве по Адмиралтейству". Он упоминает следующие моменты, характерные для этой работы:

"1. Большая широта взглядов. Никто, кто практически не изучал и глубоко не размышлял над обсуждаемыми вопросами, не смог бы написать это.

"2. Проницательность, столь замечательная во всем, что когда-либо делал мистер Дарвин. То, как он указывает направления исследований, которые могли бы прояснить геологические проблемы, в высшей степени типично для него. Некоторым из этих направлений до сих пор никто должным образом не следовал; так что в отношении них он опередил свое время.

"3. Интересная и сочувственная трактовка. Автор сразу настраивает своих читателей на гармонию с собой. Он дает им достаточно информации, чтобы показать, насколько восхитительна область, в которую он их приглашает, и как многого они могли бы в ней достичь. Существует общий обзор предмета, которому может следовать каждый, и в нем достаточно деталей, чтобы проинструктировать новичка и направить его на правильный путь.

"Конечно, геология добилась больших успехов с 1849 года, и статья, если бы она была написана сейчас, потребовала бы обратить внимание на другие отрасли исследования и изменить

утверждения, которые сейчас не совсем точны; но большинство советов, которые дает мистер Дарвин, сейчас так же необходимы и ценны, как и тогда, когда они были даны. Любопытно видеть, с каким безошибочным инстинктом он, кажется, придерживался принципов, которые выдержали бы испытание временем ".

В письме Лайеллу (1853) мой отец писал: "Я прочитал статью доктора Сазерленда об Арктике, посвященную действиям во льдах, прочитал только абстрактно, но думаю, что в ней много полезного. Было очень приятно услышать, что это было написано в соответствии с Руководством Адмиралтейства".

Чтобы дать некоторое представление об уединенной жизни, которая теперь началась для моего отца в Дауне, я отметил в его дневнике короткие периоды, в течение которых он отсутствовал дома, между осенью 1842 года, когда он переехал в Даун, и концом 1854 года.

Июль 1843 года.—Неделя в Мэре и Шрусбери.

Октябрь.—Двенадцать дней в Шрусбери.

Апрель 1844 года.—Неделя в Мэре и Шрусбери.

Июль.— Двенадцать дней в Шрусбери.

1845, 15 сентября. — Шесть недель, "Шрусбери, Линкольншир, Йорк, Манчестерский деканат, Уотертон, Чатсуорт".

Февраль 1846 года. — Одиннадцать дней в Шрусбери.

Июль.— Десять дней в Шрусбери.

Сентябрь.—Десять дней в Саутгемптоне, и т. д. для англичан Ассоциации.

1847 февраля.— Двенадцать дней в Шрусбери.

Июнь.—Десять дней в Оксфорде и т.д., для Британской ассоциации.

Октябрь.—Две недели в Шрусбери.

Май 1848 года.—Две недели в Шрусбери.

Июль.—Неделя в Суонидже.

Октябрь.—Две недели в Шрусбери.

Ноябрь.—Одиннадцать дней в Шрусбери.

1849, март—июнь. -Шестнадцать недель в Малверне.

Сентябрь.—Одиннадцать дней в Бирмингеме для Британская ассоциация.

Июнь 1850 года.—Неделя в Малверне.

Август.—Неделя в Лейт-Хилле, в доме родственника.

Октябрь.—Неделя в доме другого родственника.

Март 1851 года.—Неделя в Малверне.

Апрель. —Девять дней в Малверне.

Июль.Двенадцать дней в Лондоне.

Март 1852 года.—Неделя в Регби и Шрусбери.

Сентябрь.—Шесть дней в доме родственника.

Июль 1853 года.— Три недели в Истборне.

Август.— Пять дней в военном лагере в Чобхэме.

Март 1854 года.—Пять дней в доме родственника.

Июль.—Три дня в доме родственника.

Октябрь.—Шесть дней в доме родственника.

Будет видно, что он отсутствовал дома шестьдесят недель за двенадцать лет. Но следует помнить, что большая часть оставшегося времени, проведенного в Дауне, была потеряна из-за плохого самочувствия.]

ПИСЬМА.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Р. ФИЦ-РОЮ. Записано [31 марта 1843 г.].

Дорогой Фитц-Рой,

Вчера я с удивлением и величайшим интересом прочитал о вашем назначении губернатором Новой Зеландии. Я не знаю, поздравлять ли вас с этим, но я уверен, что могу поздравить Колонию с тем, что обладаю вашим рвением и энергией. Я очень хочу знать, правдивы ли эти слухи, ибо мне невыносима мысль о том, что вы покидаете страну, не увидев вас снова; прошлое часто всплывает в моей памяти, и я чувствую, что обязан вам многими ушедшими радостями и всей судьбой моей жизни, которая (будь мое здоровье крепче) принесла бы мне полное удовлетворение. За последние три месяца я ни разу не ездил в Лондон, не намереваясь нанести визит в надежде увидеть миссис Фиц-Рой и вас; но я обнаружил, к величайшему сожалению для себя, что небольшое волнение, вызванное нарушением моей самой спокойной рутины, так обычно выбивает меня из колеи, что я почти ничего не могу сделать, находясь в Лондоне, и мне даже не удалось посетить одно вечернее заседание Геологического общества. В остальном у меня все в порядке, как, слава Богу, и у моей жены и двоих детей. Нас всех очень устраивает крайняя уединенность этого места, и мы очень наслаждаемся нашей сельской жизнью. Но я пишу о себе пустяки, когда ваши мысли и время должны быть полностью заняты. Моя цель в письменном виде - попросить вас или миссис Фиц-Рой быть любезными и прислать мне одну строчку, чтобы сообщить, правда ли это и скоро ли вы отплываете. Я приеду на следующей неделе на один или два дня; не могли бы вы уделить мне хотя бы пять минут, если бы я позвонил рано утром в четверг, а именно. в девять или десять часов, или в любое другое время (если вы соблюдаете ранние корабельные часы), вы заканчиваете свой завтрак. Прошу вас, передайте мои добрые слова миссис Фиц-Рой, которая, я надеюсь, способна смело смотреть на свое долгое путешествие.

Поверь мне, дорогой Фиц-Рой, Ты мне искренне обязан, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Возможно, стоит привести цитату из другого письма (1846 г.) Фиц-Рою, демонстрирующую нежные воспоминания моего отца о своем старом капитане.

"Прощай, дорогой Фиц-Рой, я часто вспоминаю о твоих многочисленных проявлениях доброты ко мне, и не только о том времени, без сомнения, совершенно забытом тобой, когда, прежде чем приготовить мадеру, ты пришел и собственноручно расстелил мой гамак, что, как я впоследствии слышал, вызвало слезы на глазах моего отца".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У.Д. ФОКСУ. [Записано 5 сентября 1843 г.] Утро понедельника.

Мой дорогой Лис,

Когда я отправлял статью о леднике, я как раз выходил, и у меня не было времени писать. Я надеюсь, что вашему другу понравится (и я бы хотел, чтобы вы поехали туда с ним) его экскурсия так же, как и мне. Это был своего рода геологический роман. Но ваш друг должен набраться терпения, потому что в течение нескольких дней у него не будет хорошего ЛЕДЯНОГО ВЗГЛЯДА. Той же осенью Мерчисон и граф Кейзерлинг промчались по Северному Уэльсу и не увидели ничего, кроме следов дождя, стекавшего по камням! Я немного допросил Мерчисона и, очевидно, увидел, что он ни на что не обращал внимания. Я УБЕРЕН в последствиях воздействия ледника в Северном Уэльсе. Соберитесь с силами, если такая погода продержится, и совершите прогулку по Уэльсу; его великолепные пейзажи должны благотворно сказаться на сердце и теле каждого. Жаль, что у меня нет сил приехать в Деламер и поехать с вами; но, как вы заметили, с таким же успехом вы могли бы обратиться в собор Святого Павла. Всякий раз, когда я решусь на поездку, я думаю, что это будет поездка в Шотландию, чтобы поискать больше параллельных дорог. Моя морская теория для этих дорог на какое-то время была опровергнута ледовыми работами Агассиса, но сейчас она снова возрождается ...

Прощайте, — мы почти заканчиваем — почти все рабочие ушли, а дорожки засыпаны гравием. Аве Мария! на что уходят деньги. Соблазнов к экстравагантности в сельской местности в два раза больше, чем в Лондоне. Прощайте.

С уважением, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Внизу [1844?].

... Я также прочитал "Остатки" ("Остатки естественной истории творения" были анонимно опубликованы в 1844 году, и, как уверенно полагают, были написаны покойным Робертом Чемберсом. Экземпляр моего отца, судя по всему, был внимательно прочитан, в конце приведен длинный список отмеченных отрывков. Похоже, он извлек из этого один полезный урок. Он пишет: "Идея превращения рыбы в рептилию чудовищна. Я не буду приводить никаких генеалогий — в настоящее время слишком мало известно". Он снова ссылается на книгу в письме Фоксу, февраль 1845 г.: "Читали ли вы эту странную, нефилософскую, но превосходно написанную книгу "Пережитки": она вызвала больше разговоров, чем любая работа последнего

времени, и некоторые приписывали ее мне — что должно быть мне очень лестно и нелестно".), Но меня это позабавило несколько меньше, чем вас, кажется: написание и расположение, безусловно, восхитительны, но его геология поражает меня как плохая, а его зоология гораздо хуже. Я был бы вам очень признателен, если бы в любое время в будущем или на досуге вы могли бы рассказать мне, на чем вы основываете свою сомнительную веру в воображение матери, влияющее на ее потомство. (Это относится к делу родственницы сэра Дж. Хукера, которая настаивала на том, что родинка, появившаяся у одного из ее детей, была результатом испуга, который она испытала, когда перед рождением ребенка промокнула сепией экземпляр "Liber Studiorum" Тернера, который был ей предоставлен со специальными предписаниями соблюдать осторожность.) Я обратил внимание на несколько разбросанных утверждений, но верю не более чем в случайные совпадения. У. Хантер сказал моему отцу, тогда в больнице, где он лежал, что во многих тысячах случаев он спрашивал мать ПЕРЕД ЕЕ РОДАМИ, не повлияло ли что-нибудь на ее воображение, и записал ответы; и ни в одном случае ничего не совпало, хотя, когда ребенок был чем-то примечательным, они впоследствии сшили шапочку по размеру. Размножение, кажется, управляется такими сходными законами во всем животном царстве, что мне очень не хочется [верить]...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.М. ГЕРБЕРТУ. Записано [1844 или 1845].

Мой дорогой Герберт,

Я был очень рад увидеть ваш почерк и услышать немного новостей о вас. Хотя вы не сможете приехать сюда этой осенью, я очень надеюсь, что вы с миссис Герберт приедете зимой, и мы будем много говорить о старых временах и много о Бетховене.

Мне почти нечего сказать о себе; мы живем как часы, и то, что большинство людей сочло бы на редкость скучным. В последнее время я вкалывал с особым усердием, к великому огорчению несчастных органов пищеварения, в Южной Америке, и, благодарение судьбе, я проделал три четверти этого. Писать простым английским становится для меня все труднее и недостижимее. Что касается вашего притворства, что вы прочтете что-нибудь столь скучное, как мои чисто геологические описания, не возлагайте столь лестных надежд на мою душу (По тому же поводу он писал Фиц-Рою: "Я отправил свою "Геологию Южной Америки" на Довер-стрит, и вы, без сомнения, получите ее со временем. Вы не знаете, чем грозите, когда предлагаете это прочитать — это чисто геологическое явление. Я сказал своему брату: "Ты, конечно, прочтешь это", и его ответом было: "Клянусь жизнью, я бы скорее даже купил это".) потому что это невероятно. Я давно обнаружил, что геологи никогда не читают работ друг друга, и что единственная цель при написании книги - это доказательство серьезности, и что вы не можете сформировать свое мнение, не приложив к этому определенного труда. Геология в настоящее время носит исключительно устный характер, и то, что я здесь говорю, в значительной степени совершенно верно. Но я даю вам дискуссию длиной с главу в самой одиозной книге.

Недавно я был в Шрусбери и нашел своего отца на удивление здоровым и жизнерадостным.

Поверь мне, мой дорогой старый друг, всегда твой Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, понедельник [10 февраля 1845 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я очень признателен вам за ваше очень приятное письмо; было очень добродушно среди вашего научного и театрального разгула подумать о том, чтобы написать мне такое длинное письмо. Я поражен вашими новостями и должен выразить вам соболезнования в связи с вашим **НЫНЕШНИМ** взглядом на профессорскую должность (сэр Дж. Д. Хукер был кандидатом на должность профессора ботаники в Эдинбургском университете.), и от всего сердца сожалею об этом от себя лично. Есть что-то пугающее в разлуке на столько сотен миль, хотя мы почти не видели друг друга, когда приблизились. Вы вряд ли поверите, как глубоко я сожалею о ваших нынешних перспективах. Я надеялся, что [мы] будем часто видеться друг с другом в течение нашей жизни. Это тяжелое разочарование; и с чисто эгоистичной точки зрения, поскольку вы помогаете мне в моей работе, ваша потеря действительно невосполнима. Но, с другой стороны, я не сомневаюсь, что в настоящее время вы смотрите на свои перспективы уныло, а не радужно: несомненно, здесь есть как большие преимущества, так и недостатки. Это выдающееся место; и мне действительно кажется, что здесь так много равнодушных работников и так мало читателей, что с чисто научной точки зрения для хорошего работника является большим преимуществом занимать должность, которая побуждает других уделять внимание его работе. Я забыл, посещали ли вы Эдинбург в студенческие годы, но в мое время там была группа людей, которые были далеко не такими равнодушными и скучными слушателями, каких вы ожидаете от своей аудитории. Подумайте, каким удовлетворением и честью было бы стать хорошим ботаником — с вашим характером вы будете для многих тем, кем Хенслоу был в Кембридже для меня и других, самым добрым другом и проводником. Тогда какой прекрасный сад и какая хорошая Публичная библиотека! почему Forbes всегда сожалеет о преимуществах Эдинбурга для работы: подумайте о неопределенном преимуществе того, что вы находитесь в нескольких минутах ходьбы от этих величественных скал, холмов и песчаных берегов недалеко от Эдинбурга! В самом деле, я не могу сильно жалеть вас, хотя мне чрезвычайно жаль себя в связи с вашей потерей. Несомненно, через год или два чтение лекций с вашей **БОЛЬШОЙ** работоспособностью (что бы вам ни хотелось утверждать обратное) станет легким занятием, и у вас будет достаточно времени для изучения флоры Антарктики и общих взглядов на распространение. Если бы я думал, что ваше профессорство остановит вашу работу, я бы пожелал этого и всех благих мирских последствий в эль Дьяволо. Я знаю, что доживу до того, чтобы увидеть вас первым авторитетом в Европе по этому великому предмету, который является почти краеугольным камнем законов творения - Географического распределения. Что ж, есть одно утешение: вы, без сомнения, будете бывать в Кью каждый год, так что в заключение я заставляю вас выслушать мои искренние поздравления. Спасибо за все ваши новости. Мне грустно слышать, что Гумбольдт терпит неудачу; нельзя отделаться от ощущения, хотя и несправедливого, что такой конец унижителен: даже когда я видел его, он говорил неразумно. Если вы увидите его снова, умоляю, передайте ему мои самые почтительные и добрые комплименты и скажите, что я никогда не забываю, что весь мой жизненный путь обусловлен тем, что в юности я читал и перечитывал его "Личное повествование". Насколько правдивы и приятны все ваши замечания о его доброте; подумайте, сколько возможностей у вас будет на вашем новом месте быть Гумбольдтом для других. Спросите его о реке на северо-востоке Европы, на противоположных берегах которой очень разная флора. Я достал и прочел вашего Уилкса; какая

слабая книга по содержанию и стилю, и как великолепно оформлена! Напишите мне, пожалуйста, строчку из Берлина. Также спасибо за корректурные листы. Я, однако, не имею в виду корректурные листы; я ценю их, поскольку они избавляют меня от копирования выдержек. Прощай, моя дорогая Проститутка, с тяжелым сердцем я желаю тебе радоваться твоим перспективам.

Твой искренний друг,

Ч. ДАРВИН.

[Второе издание "Дневника", о котором говорится в следующем письме, было завершено в период с 25 апреля по 25 августа. Она была опубликована мистером Мюрреем в "Колониальной и домашней библиотеке" и в этой более доступной форме вскоре разошлась большими тиражами.

До момента его первых переговоров с мистером Мюрреем о публикации книги в таком виде он получал оплату только в виде большого количества презентационных экземпляров, и, похоже, он был рад продать авторские права на второе издание мистеру Мюррею за 150 фунтов.

Различия между ним и первым изданием представляют интерес главным образом в связи с развитием взглядов автора на эволюцию и будут рассмотрены позже.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Записано [июль 1845 г.].

Мой дорогой Лайель,

Посылаю вам первую часть (без сомнения, корректурные листы) нового издания ["Журнала исследований"], которым я всецело обязан вам. Вы увидите, что я рискнул посвятить его вам (Посвящение второго издания "Журнала исследований" следующее: "Чарльзу Лайеллу, эсквайру, Ф.Р.С., это второе издание посвящается с благодарностью и удовольствием — как признание того, что основная часть научных достоинств, которыми может обладать этот журнал и другие работы Автора, была получена в результате изучения хорошо известных и достойных восхищения "Принципов геологии"".), и я надеюсь, что это не может быть неприятным. Я давно хотел, не столько ради вас, сколько ради моего собственного чувства честности, признать более ясно, чем простыми ссылками, как многим я геологически обязан вам. Однако те авторы, которые, подобно вам, просвещают умы людей, а также знакомят их с особыми фактами, никогда, я думаю, не смогут воздать им полной справедливости, кроме как со стороны потомства, поскольку ум, столь незаметно совершенствующийся, вряд ли сможет осознать свое собственное восхождение ввысь. Я намеревался включить настоящее признание в третью часть моей "Геологии", но его продажа столь чрезвычайно мала, что я не получил бы удовлетворения от мысли, что, насколько это было в моих силах, я вернул, хотя и несовершенно, свой долг. Прошу вас, не думайте, что я настолько глуп, чтобы полагать, что моя преданность может каким-либо образом доставить вам удовольствие, за исключением того, что я верю, что вы примете ее как самый искренний знак моей благодарности и дружбы. Я думаю, что я улучшил это издание, особенно вторую часть, которую я только что закончил. Я добавил много интересного о жителях Огненного огня и сократил наполовину безжалостно длинную дискуссию о климате, ледниках и так Далее. Я не припоминаю ничего добавленного к первой части, достаточно длинного, чтобы

привлечь ваше внимание; в Banda Oriental есть страница с описанием очень любопытной породы быков. Я хотел бы, чтобы вы прочли несколько последних страниц; там есть небольшое рассуждение о вымирании, которое, возможно, не покажется вам новым, хотя оно так поразило меня и поставило в моем сознании все трудности, связанные с причинами вымирания, в один ряд с другими трудностями, которые обычно совершенно упускаются из виду и недооцениваются натуралистами; мне следовало бы, однако, расширить свое обсуждение и показать на фактах, насколько это было легко возможно, насколько неуклонно следует контролировать численность каждого вида.

Вчера я получил ваши путешествия ("Путешествия по Северной Америке", 2 тома, 1845 г.); и мне чрезвычайно нравится их внешний и внутренний вид; вчера вечером я прочел всего около дюжины страниц (так как устал от заготовки сена), но я увидел вполне достаточно, чтобы понять, как сильно это меня интересует и сколько отрывков будет набрано. Я рад найти хорошую подборку естественной истории; я буду удивлен, если она не будет продаваться очень широко ...

Как мне жаль думать, что мы не увидим вас здесь снова так долго; Я бы хотел, чтобы вы немного взбодрились перед отъездом и подышали свежим воздухом, пока на вас не подул океанский бриз...

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Внизу, суббота [1 августа 1845 г.].

Мой дорогой Лайель,

Я хотел написать тебе целую неделю, но каждые пять минут силы уходили на то, чтобы написать мою вторую часть. (О втором издании "Журнала исследований".) Осмелюсь сказать, что ваша заметка понравилась мне гораздо больше, чем вам мое посвящение, и я очень благодарен вам за нее. Ваша работа меня очень заинтересовала, и я поделюсь с вами своими впечатлениями, хотя, поскольку я никогда не думал, что вам захочется услышать, что я думаю о ненаучных частях, я не делал никаких записей и не прилагал усилий, чтобы запомнить какое-либо конкретное впечатление от двух третей первого тома. Первое впечатление, которое я должен сказать, было бы у большинства (хотя я буквально не видел ни одной живой души с тех пор, как прочитал это) сожалением о том, что там не было больше ненаучных [частей]. Я плохой судья, потому что я ничего не читал, то есть ненаучного, о Северной Америке, но в целом все это показалось мне очень новым, свежим и интересным. Ваши дискуссии, на мой взгляд, несли очевидный отпечаток зрелой мысли и выводов, сделанных на основе фактов, наблюдаемых вами самими, а не на основе мнений людей, с которыми вы встречались; и это, я подозреваю, сравнительно редко.

Ваш рабский спор меня сильно встревожил; но поскольку мое мнение по этому поводу вас интересует не больше, чем пепел от этого письма, я ничего не скажу, кроме того, что оно доставило мне несколько бессонных, в высшей степени неприятных часов. Ваш отчет о религиозном состоянии Штатов особенно заинтересовал меня; я повсюду удивляюсь вашей вполне подобающей смелости в отношении духовенства. В вашем университетском отделении наиболее строго и справедливо обращаются с Духовенством, а не с Государством образования,

и это, я думаю, очень смело, поскольку я полагаю, что вы могли бы сокрушить старого Дона со свинцовой головой как Дона с большей безопасностью, чем прикоснуться пальцем к этому Корпоративному Животному, Духовенству. Какой контраст в Образовании демонстрирует сама Англия! Ваше извинение (использование этого термина, как у старообрядцев, которые имели в виду что угодно, только не извинение) за лекции, показалось мне очень умным; но все аргументы в мире на вашей стороне не равны ни одному курсу лекций Джеймисона с другой стороны, которые я ранее за свои грехи испытал. Хотя я читал о "Месторождениях угля в Северной Америке", я ни в малейшей степени не представлял себе их площадь, толщину и выгодное положение; ничто в вашей книге не поразило меня больше.

Некоторые части показались мне довольно разнородными, но я не знаю, имело ли это значение вообще. Однако я многое пропустил из-за общих заголовков к главам, таких как два или три основных посещенных места. Никто не имеет права ожидать, что автор сведет к нулю географическое невежество читателя; но я, не зная ни одного места, иногда испытывал немалые затруднения, прослеживая ваш курс. Иногда в начале главы в одном абзаце ваш курс прослеживался через полдюжины мест; любой такой невежественный человек, как я, если бы его можно было найти, предпочел бы, чтобы такой тревожный абзац был опущен. Я вырезал вашу карту и нашел это большим утешением; я не мог следовать по вашему выгравированному следу. Я думаю, что во втором издании пробелы здесь и там в одной строке были бы открыты, что было бы улучшением. Кстати, я ставлю себе в заслугу то, что придал своему журналу менее научный вид, напечатав все названия видов и родов римским шрифтом; кроме того, шрифт выглядит лучше. Все иллюстрации поражают меня своей великолепностью, и карта сама по себе является замечательным томом. Если бы ваши "Принципы" не вызвали такого всеобщего восхищения, я бы опасался, что в этом было бы слишком много геологии для широкого читателя; конечно, все, что мог сделать самый ясный и легкий стиль, было сделано. Для меня "геология" была превосходным, хорошо сжатым, хорошо усвоенным резюме всего, что было сделано в Северной Америке, и каждый геолог должен быть вам благодарен. Подведение итогов главы о Ниагаре показалось мне самой грандиозной частью; я также был глубоко заинтересован вашим обсуждением происхождения силурийских образований. Я сделал десятки ПАРТИТУР, отмечающих отрывки, которые пригодятся мне в дальнейшем.

Вся теория угля показалась мне очень хорошей; но нет смысла продолжать перечислять таким образом. Я хотел бы, чтобы было больше естественной истории; мне понравились ВСЕ разрозненные фрагменты. Сейчас я дал вам точную расшифровку своих мыслей, но вряд ли они стоят того, чтобы вы их читали...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 25 августа [1845].

Мой дорогой Лайель,

Это буквально первый день, когда у меня появилось свободное время; и я позабавлю себя, начав письмо к вам...

Я был в восторге от вашего письма, в котором вы затрагиваете тему рабства; хотел бы я, чтобы те же чувства проявились в вашем опубликованном обсуждении. Но я не буду писать на эту тему, возможно, это разозлит вас и, уж точно, меня самого. Я выдохнул себя одним-двумя абзацами в

своем Дневнике о грехе бразильского рабства; возможно, вы подумаете, что это ответ вам; но это не так. Я не упомянул ничего такого, чего бы не слышал на побережье Южной Америки. Однако мои несколько фраз - это просто взрыв чувств. Как вы могли так спокойно излагать это чудовищное мнение (в упомянутом отрывке Лайелл излагает не свои собственные взгляды, а взгляды плантатора) о разлучении детей с их родителями; а на следующей странице говорите о том, что огорчены тем, что белые не преуспели; уверяю вас, контраст заставил меня воскликнуть. Но я нарушил свое намерение, и поэтому больше не буду касаться этой одиозной смертельно опасной темы.

В "Хронике садоводов" есть благоприятный, но недостаточно сильный отзыв о вас. Мне жаль видеть, что Линдли придерживается теории углекислого газа. Кстати, я был очень доволен тем, что Линдли выбрал мои абзацы о вымирании и привел их без сокращений. На мой взгляд, отнесение сравнительной редкости существующих видов к одной категории с вымиранием придало им большое значение; хотя, конечно, это ничего не объясняет, это показывает, что до тех пор, пока мы не сможем объяснить сравнительную редкость, мы не должны удивляться тому, что не можем объяснить вымирание ...

Мне очень приятно слышать о призыве к новому изданию "Принципов": какую замечательную пользу принесла эта работа. Боюсь, на этот раз вас не будет среди старых скал; как я буду рад, что доживу до того, чтобы увидеть вашу публикацию и открытие еще одной ступени ниже силурийского — я думаю, это был бы величайший шаг из возможных. Я очень рад слышать, каких успехов добивается Банбери в области ископаемой ботаники; в этой стране у него образовался прекрасный перерыв, который он может заполнить. Я обязательно навещу его этой зимой... Судя по тому немногому, что я о нем видел, я вполне могу поверить всему, что вы говорите о его талантах...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Шрусбери [1845?].

Моя дорогая Проститутка,

Я только что получил вашу записку, которая меня удивила и искренне огорчила. Я ни на минуту не сомневался в вашем успехе, ибо совершенно ошибочно полагал, что мерит обязательно одержит верх. Я совершенно уверен, что скоро наступит день, когда те, кто голосовал против вас, если в них есть хоть капля стыда или совести, устыдятся того, что позволили политике закрыть им глаза на ваши качества, за которые ручались Гумбольдт и Браун! Что ж, эти отзывы, должно быть, послужат вам утешением. *Proh pudor!* Я поочередно испытываю досаду и негодование. Я не могу даже утешаться мыслью, что буду чаще видеться с вами и извлеку больше знаний из вашего хорошо организованного запаса. Мне приятно думать, что, прочитав несколько ваших писем, я ни разу не усомнился в том положении, которое вы в конечном итоге займете среди европейских ботаников. Я не могу думать ни о чем другом, иначе я хотел бы обсудить с вами "Космос" (перевод "Космоса" Гумбольдта). Надеюсь, вы нанесете визит мне и моей жене этой осенью в Дауне. Я буду в Дауне 24-го, а до тех пор буду в разъездах.

Моя дорогая Проститутка, позволь мне называть себя Твоим самым настоящим другом, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. 8 октября [1845], Шрусбери.

... Недавно я совершил небольшую экскурсию, чтобы посмотреть ферму, которую я купил в Линкольншире (Он рассказывает о своей ферме в Линкольншире в письме Хенслоу (4 июля): "Я купил ферму в Линкольншире, и когда я поеду туда этой осенью, я собираюсь посмотреть, что я могу сделать, чтобы обустроить садами любой коттедж в моем маленьком поместье. Надеяться на это безнадежно, но я верю, что мало что принесет этой стране больше пользы в будущие века, чем отмена права первородства, чтобы уменьшить разницу в земельном богатстве и создать больше мелких фригольдеров. Как чудовищно несправедливы законы о гербовом сборе, из-за которых бедняку так дорого обходится покупка своей четверти акра; это заставляет кровь гореть от негодования".), а затем в Йорк, где я посетил декана Манчестера (достопочтенного У. Герберта. Этот визит упоминается в письме доктору Хукеру: "Я совершил небольшую экскурсию, частично по делам, посетил декана Манчестерского университета и провел с ним очень интересную беседу о гибридах, стерильности и вариативности и т.д., и т.п. Он полон знаний, полученных самостоятельно, но на удивление мало знает о том, что другие сделали по тем же предметам. Он очень неортодоксален в том, что касается "видов": ненамного лучше, по мнению большинства натуралистов, бедного мистера Вестиджеса".) великий создатель гибридов, который дал мне много любопытной информации. Я также посетил Уотертон в Уолтон-Холле, и был чрезвычайно удивлен своим визитом туда. Он забавный странный человек; на нашем раннем ужине наша компания состояла из двух католических священников и двух мулаток! Ему за шестьдесят, и накануне он сбегал вниз и поймал зайчонка на репном поле. Это прекрасный старый дом, а озеро кишит водоплавающей птицей. Затем я увидел Чатсуорт и был в восторге от большой оранжереи; это идеальный фрагмент тропического леса, и это зрелище заставило меня с восторгом вспомнить старые времена. Мой небольшой десятидневный тур позволил мне в то время почувствовать себя удивительно сильным, но хороший эффект длился недолго. К сожалению, моя жена становится не очень сильной, а дети - надежда семьи, потому что все они счастливы, жизнерадостны и бодры духом. Меня очень заинтересовала рецензия Седжвика (рецензия Седжвика на "Следы творения" в "Эдинбургском обозрении", июль 1845 г.), хотя я нахожу ее далекой от популярности среди наших научных читателей. Я думаю, что несколько отрывков отдают догматизмом кафедры, а не философией профессорского кресла; и некоторые остроты кажутся мне достойными только "Ежеквартального журнала". Тем не менее, это грандиозный аргумент против изменчивости видов, и я прочел его со страхом и трепетом, но был очень доволен, обнаружив, что не пропустил ни одного из аргументов, хотя изложил их для себя так же слабо, как молоко с водой. Вы уже читали "Космос"? Английский перевод убогий, а полуметафизико-политические описания в первой части едва понятны; но я думаю, что вулканическая дискуссия заслуживает вашего внимания, она поразила меня своей энергией и информативностью. Я с сожалением нахожу Гумбольдта поклонником Фон Баха с его классификацией вулканов, возвышенностей кратеров и т.д., и т.п., А также атмосферы из углекислых газов. Он действительно замечательный человек.

Я надеюсь вернуться домой через две недели и оставаться в своей утомительной Южной Америке, пока не закончу ее. Мне будет очень интересно узнать, как у вас идут дела у Хорнеров, но вы не должны думать о том, чтобы тратить свое время на то, чтобы писать мне. Нам

действительно будет не хватать ваших визитов в Даун, и я буду чувствовать себя потерянным человеком в Лондоне без моего утреннего "приема" на Харт-стрит...

Поверьте мне, мой дорогой Лайель, всегда ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, Фарнборо, Кент. Четверг, сентябрь 1846 года.

Моя дорогая Проститутка,

Я надеюсь, что это письмо застанет вас в Клифтоне, но я не смог написать из-за плохого самочувствия и из-за того, что Хорнеры были здесь в качестве гостей, что, учитывая мою отвратительную работу в прессе, полностью отняло у меня время. Прошло, действительно, много времени с тех пор, как мы писали друг другу; хотя, прошу вас сказать, что я писал последним, но насчет чего, я не могу вспомнить, за исключением того, что знаю, что это было после прочтения ваших последних номеров ("Ботаника Антарктики" сэра Дж.Д. Хукера.), и я посылаю вам исключительно хвалебное послание, учитывая, что оно было от человека, который едва ли отличит маргаритку от одуванчика, от известного ботаника ...

Я не могу вспомнить, какие документы произвели на меня такое впечатление, но то, что, как вы утверждаете, имеет место, прочно запечатлелось в моем сознании, а именно небольшое химическое значение почвы для ее растительности. Как однажды заметил мне Р. Браун, это убедительный факт, что некоторые растения здесь являются известковыми, чего нет в более благоприятном климате на Континенте, или наоборот, я забыл, какие именно; но вы, без сомнения, знаете, о чем я говорю. Кстати, несколько таких случаев есть в статье Герберта в "Садоводческом журнале" ("Журнал садоводческого общества", 1846). Вы читали это: оно показалось мне чрезвычайно оригинальным и имеет прямое отношение к вашим нынешним исследованиям. (Сэр Дж. Д. Хукер в то время занимался полиморфизмом, изменчивостью и т.д.) Для НЕ-БОТАНИКА мел представляет собой самый необычный вид из всех видов флоры Англии; почему бы вам не приехать сюда и не понаблюдать за ним? Мы едем в Саутгемптон, если меня не подведут мужество и желудок, на Brit. Доцент. (Вы не считаете своим долгом быть там?) И почему ты не можешь прийти сюда после этого и ПОРАБОТАТЬ?..

МОНОГРАФИЯ О ЦИРРИПЕДИИ,

С октября 1846 по октябрь 1854 года.

[В письме сэру Дж.Д. Хукеру в 1845 году мой отец пишет: "Я надеюсь следующим летом закончить свою геологию Южной Америки, затем немного заняться зоологией, и да здравствует моя работа над видами ..." Этот отрывок показывает, что в то время у него не было намерения проводить исчерпывающее изучение усоногих. Действительно, может показаться, что его первоначальным намерением, как я узнал от сэра Дж. Д. Хукера, было просто решить одну особую проблему. Это вполне согласуется со следующим отрывком из Автобиографии: "Находясь на побережье Чили, я обнаружил чрезвычайно любопытную форму, которая зарывалась в раковины *Concholeras* и которая так сильно отличалась от всех других усоногих, что мне пришлось сформировать новый подотряд для ее единственного получения... Чтобы понять строение моего нового Усоногого, мне пришлось исследовать и препарировать многие из распространенных форм; и это постепенно привело меня ко всей группе ". В более поздние

годы он, по-видимому, испытывал некоторые сомнения относительно ценности этих восьми лет работы, — например, когда он писал в своей автобиографии— "Моя работа принесла мне значительную пользу, когда мне пришлось обсуждать в "Происхождении видов" принципы естественной классификации. Тем не менее, я сомневаюсь, что работа стоила того, чтобы тратить на нее столько времени ". И все же я узнал от сэра Дж.Д. Хукера, что в то время он определенно осознавал ценность систематического обучения для себя. Сэр Джозеф пишет мне: "Ваш отец выделял три этапа в своей карьере биолога: простой коллекционер в Кембридже; коллекционер и наблюдатель в "Бигле" и в течение нескольких лет после этого; и опытный натуралист после, и только после работы с усоногими. То, что он всегда был мыслителем, достаточно верно, и в его работах, предшествующих усоногим, есть многое, чему опытный натуралист мог бы только подражать...Он часто упоминал об этом как о ценной дисциплине и добавлял, что даже "ненавистная" работа по поиску синонимов и описанию не только улучшила его методы, но и открыла ему глаза на трудности и достоинства работ самых тупых каталогизаторов. Одним из результатов было то, что он никогда не допустил бы, чтобы пренебрежительное замечание прошло бесследно в адрес беднейшего класса научных работников, при условии, что их работа была честной и хорошей в своем роде. Я всегда считал это одной из лучших черт его характера — такую щедрую оценку деятелей науки и их трудов ... и именно создание монографии "Ракушки" привело к этому ".]

Профессор Хаксли позволяет мне процитировать его мнение о ценности восьми лет, отданных усоногим:

- По моему мнению, твой проницательный отец никогда не поступал мудрее, чем тогда, когда посвятил себя годам терпеливого труда, которого стоила ему книга о Перистоножке.

Как и у всех нас, у него не было надлежащей подготовки в области биологических наук, и меня всегда поражало, как замечательный пример его научной проницательности, то, что он видел необходимость такой подготовки, и его мужество, что он не стал уклоняться от труда ее получения.

"Великая опасность, подстерегающая всех людей с большими спекулятивными способностями, заключается в искушении обращаться с общепринятыми утверждениями о фактах в естественных науках так, как если бы они были не только правильными, но и исчерпывающими; как если бы с ними можно было обращаться дедуктивно, так же, как с утверждениями Евклида. В действительности, каждое такое утверждение, каким бы истинным оно ни было, верно только относительно средств наблюдения и точки зрения тех, кто его высказал. Пока на это можно положиться. Но выдержит ли она все умозрительные заключения, которые могут быть логически выведены из нее, - это совсем другой вопрос.

- Ваш отец возводил огромную надстройку на фундаменте, основанном на признанных фактах геологической и биологической науки. В области физической географии, собственно геологии, географического распределения и палеонтологии он приобрел обширную практическую подготовку во время плавания на "Бигле". Он по собственному опыту знал, каким образом добываются исходные материалы для этих отраслей науки, и поэтому был наиболее компетентным судьей о том, какую спекулятивную нагрузку они будут нести. То, в чем он нуждался после возвращения в Англию, было соответствующее знакомство с анатомией и развитием, а также их связью с систематикой — и он приобрел это благодаря своей работе с усоногими.

Таким образом, на мой взгляд, ценность монографии о перноногих заключается не только в том факте, что это очень замечательная работа, которая послужила отличным дополнением к позитивным знаниям, но еще больше в том обстоятельстве, что это был образец критической самодисциплины, эффект которой проявился во всем, что написал впоследствии ваш отец, и спас его от бесконечных ошибок в деталях.

"Я далек от того, чтобы считать подобную работу потерей времени, но я полагаю, что ему стоило бы, если бы это было практически осуществимо, дополнить ее специальным изучением эмбриологии и физиологии. Таким образом, его руки значительно окрепли бы, когда он взялся бы за написание различных глав "Происхождения видов". Но, конечно, в те дни ему было почти невозможно найти помещения для такой работы".

Никто не может просмотреть два тома о современных усоногих, объемом 399 и 684 страницы соответственно (не говоря уже об объемах, посвященных ископаемым видам), не будучи пораженным огромным количеством подробной работы, которая в них содержится. Сорок табличек, некоторые из них с тридцатью рисунками, и четырнадцать страниц указателя в двух томах вместе взятых дают некоторое приблизительное представление о труде, затраченном на эту работу. (Читатель, не знакомый с зоологией, найдет некоторые сведения о более интересных результатах в статье мистера Романеса о "Чарльзе Дарвине" (серия "Природа", 1882).) Уровень знаний о усоногих был крайне неудовлетворительным в то время, когда мой отец начал над ними работать. В качестве иллюстрации этого факта можно упомянуть, что ему пришлось даже реорганизовать номенклатуру группы, или, как он выразился, он "невольнo счел необходимым дать названия нескольким клапанам и некоторым более мягким частям усоногих". (Том i, стр. 3.) Интересно узнать из его дневника, сколько времени он уделял разным поколениям. Таким образом, род *Chthamalus*, описание которого занимает двадцать две страницы, занимал его тридцать шесть дней; *Soropula* занял девятнадцать дней и описан на двадцати семи страницах. В письме Фиц-Рою он говорит о том, что "последние полмесяца ежедневно усердно работал над препарированием маленького животного размером с булавочную головку с архипелага Чонос, и я мог бы потратить еще месяц и каждый день видеть все более красивые структуры".

Хотя к концу восьмилетнего обучения он чрезмерно устал от этой работы, она доставляла ему огромное удовольствие. Так, он писал сэру Дж.Д. Хукеру (1847?): "Как вы говорите, чистое наблюдение доставляет необычайное удовольствие; нет, но я подозреваю, что удовольствие в данном случае скорее проистекает из формирующихся в уме сравнений со смежными структурами. После стольких лет, проведенных за записью моих старых геологических наблюдений, приятно снова использовать свои глаза и пальцы". Фактически, это было возвращение к работе, которая занимала так много его времени в море во время путешествия. Его зоологические заметки того периода производят впечатление энергичной работы, которой мешали невежество и отсутствие приспособлений. И его неутомимое усердие в препарировании морских животных, особенно ракообразных, должно быть, имело для него ценность как тренировка в работе с усоногими. Большая часть его работы была выполнена с помощью простого препарирующего микроскопа, но именно потребность, которую он обнаружил в более мощных устройствах, побудила его в 1846 году купить составной микроскоп. Он написал Хукеру: "Когда я рисовал с L., я был так восхищен внешним видом объектов, особенно их перспективой, видимой через слабую мощность хорошего составного микроскопа, что собираюсь заказать такой; действительно, у меня часто бывают структуры, в которых 1/30 мощности недостаточно".

В течение части времени, охватываемого настоящей главой, мой отец, возможно, больше страдал от плохого самочувствия, чем в любое другое время своей жизни. Он остро ощущал угнетающее влияние этих долгих лет болезни; поэтому еще в 1840 году он писал Фоксу: "Я превратился в скучную, старую, бездуховную собаку по сравнению с тем, кем был раньше. Я думаю, с возрастом человек становится глупее". Неудивительно, что он так написал, скорее следует удивляться тому, что его дух выдерживал такое большое и постоянное напряжение. Он писал сэру Дж. Д. Хукеру в 1845 году: "Вы очень добры, расспрашивая о моем здоровье; мне нечего сказать по этому поводу, оно всегда почти такое же, иногда лучше, иногда хуже. Я думаю, что за последние три года у меня не было ни одного дня, или, скорее, ночи, без того, чтобы мой желудок не испытывал сильного расстройства, и большую часть дней я был в упадке сил: спасибо вам за вашу доброту; многие из моих друзей, я полагаю, считают меня ипохондриком".

Снова, в 1849 году, он отмечает в своем дневнике: "С 1 января по 10 марта.—Здоровье очень плохое, много болезней и упадок сил. Работал во все хорошие дни". Это было написано незадолго до его первого визита в водолечебницу доктора Галли в Малверне. В апреле того же года он писал: "Я считаю, что у меня все идет очень хорошо, но я довольно устал от своей нынешней бездеятельной жизни, а лечение водой оказывает самый экстраординарный эффект, вызывая лень и застойный ум: пока я не испытал это на себе, я не мог поверить, что это возможно. Теперь я прибавляю в весе, избежал болезни на тридцать дней". Он вернулся в июне, после шестнадцатинедельного отсутствия, значительно поправившись, и, как уже описывалось, некоторое время продолжал лечение водой дома.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Записано [октябрь 1846 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я ничего не слышал от Саливана (адмирала сэра Б.Дж. Саливана, бывшего офицера "Бигля".) в последнее время; когда он писал в последний раз, он назвал с 8 по 10 число наиболее вероятным временем. Как только я услышу, я отправлю вам сообщение, чтобы узнать, сможете ли вы приехать. Я забыл, знаете ли вы его, но полагаю, что да; он действительно хороший парень. Во всяком случае, если вы не придете тогда, я очень рад, что вы предлагаете приехать вскоре после этого...

Я собираюсь начать работу над некоторыми статьями о низших морских животных, на что у меня уйдет несколько месяцев, возможно, год, а затем я начну просматривать накопленные за десять лет заметки о видах и разновидностях, написание которых, я осмелюсь сказать, займет у меня пять лет, а затем, когда они будут опубликованы, я осмелюсь сказать, что буду стоять бесконечно низко во мнении всех здравомыслящих натуралистов - такова моя перспектива на будущее.

Ты хорошо умеешь придумывать названия? У меня есть совершенно новый и любопытный род моллюсков, которому я хочу дать название, и как придумать название, меня совершенно озадачивает.

Кстати, я вам ничего не рассказывал о Саутгемптоне. Мы (жена и я) получили неопишуемое удовольствие от нашей недели: все газеты были скучными, но я встретил так много друзей и

завел так много новых знакомств (особенно с некоторыми ирландскими натуралистами) и совершил так много приятных экскурсий. Жаль, вас там не было. В воскресенье у нас была такая приятная экскурсия в Винчестер с Фальконером (Хью Фальконер, 1809-1865. В основном известен как палеонтолог, хотя всю свою карьеру работал ботаником в Индии, где он также был медицинским работником в Службе Его Превосходительства; он был смотрителем сада Компании, сначала в Сахарунпуре, а затем в Калькутте. Он был одним из первых ботаников-исследователей Кашмира. Открытия Фальконером останков млекопитающих миоценового периода на холмах Севалик были, в то время, возможно, величайшими "находками", которые когда-либо были сделаны. Его книга на эту тему "Древняя сивальная фауна" оставалась незаконченной на момент его смерти.), полковник Сэбин (покойный сэр Эдвард Сэбин, бывший президент Королевского общества и автор длинной серии мемуаров о земном магнетизме.), и доктор Робинсон (покойный доктор Томас Ромни Робинсон из обсерватории Арма.), и другие. Ни одним днем в своей жизни я так не наслаждался. Мне не хватало взглянуть на Х. Уотсона. (Покойный Хьюитт Коттрелл Уотсон, автор "Кибелы Британской", одной из наиболее ценных серий работ по топографии и географическому распространению растений Британских островов.) Полагаю, вы слышали, что он встретился с Форбсом и сказал ему, что у него есть суровая статья в прессе. Я понял, что Форбс объяснил ему, что у него нет причин жаловаться, но поскольку статья была напечатана, он не стал отзываться ее, а предложил Форбсу, чтобы тот приложил к ней примечания, от которых Форбс, естественно, отказался ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 7 апреля [1847?].

Моя дорогая Проститутка,

Я бы написал раньше, если бы мне почти постоянно не было плохо, и в настоящее время я страдаю от четырех фурункулов и опухолей, одна из которых с трудом позволяет мне пользоваться правой рукой, остановила всю мою работу и подорвала все мое настроение. Я был очень разочарован тем, что пропустил свою поездку в Кью, тем более что забыл, что тебя не будет весь этот месяц; но у меня не было выбора, и я провалялся в постели почти всю пятницу и субботу. Я поздравляю вас с вашими улучшившимися перспективами в отношении Индии (сэр Дж. Хукер покинул Англию 11 ноября 1847 года для своего путешествия по Гималаям и Тибету. Экспедиция была поддержана небольшим грантом из Казны и, таким образом, приобрела характер правительственной миссии.), но в то же время должна искренне сокрушаться по этому поводу. Я буду чувствовать себя совершенно потерянным без вас, с которыми можно было бы обсудить многие моменты и указать (к несчастью для вас) на трудности и возражения против моих видовых гипотез. Будет ужасно обидно, если деньги остановят вашу экспедицию; но правительство, несомненно, в какой-то степени поможет вам...Ваша нынешняя поездка, с вашими новыми взглядами, среди угольных заводов, будет очень интересной. Если у вас есть свободное время, НО НЕ БЕЗ этого, я был бы рад узнать новости о ваших успехах. Ваша нынешняя поездка будет удачной, если вы отправитесь в любой из угольных районов Индии. Разве это не было бы хорошим объектом для демонстрации перед правительством; утилитарные души поняли бы это. Кстати, я попрошу вас написать кое-что о домашних породах животных в Индии...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Л. ДЖЕНИНСУ (БЛОМФИЛД). Внизу [1847].

Дорогие Дженины,

("Это письмо относится к небольшому альманаху, впервые опубликованному в 1843 году под названием "Карманный альманах натуралистов" мистером Ван Ворстом, который я редактировал для него. Он был предназначен специально для тех, кто интересуется периодическими явлениями животных и растений, список которых был приведен под каждым месяцем года.

"Карманный альманах содержал, кроме того, разнообразную информацию, касающуюся зоологии и ботаники; естественной истории и других научных обществ; общественных музеев и садов, в дополнение к обычным небесным явлениям, которые можно найти в большинстве других Альманахов. Она продолжала выходить до 1847 года, после чего от публикации отказались". — Из письма преподобного Л. Бломфилда Ф. Дарвину.)

Я очень признателен за "Капитальный маленький альманах"; так получилось, что мне захотелось иметь его в своем портфолио. Я никогда раньше не видел ничего подобного и обязательно приобрету его на будущее. Я думаю, что очень забавно иметь перед глазами список в порядке появления растений и животных вокруг себя; это придает новый интерес каждому погожему дню. Есть один момент, который я хотел бы видеть немного улучшенным, а именно коррекцию хода часов с более короткими интервалами. Я подозреваю, что большинство людей, у которых, как и у меня, есть циферблаты, захотят быть более точными, чем с запасом в три минуты. Я всегда покупаю календарь за шиллинг с ЕДИНСТВЕННОЙ целью. Кстати, ВАШ, то есть "Альманах Ван Ворста", очень дорогой; его следовало бы, по крайней мере, рекламировать бесплатно по почте за шиллинг. Вам не кажется, что таблица (не правила) перевода французских мер в английские и, возможно, весов была бы чрезвычайно полезна; также по Цельсию в градусы Фаренгейта — увеличительные степени в зависимости от фокусных расстояний? — фактически, вы могли бы сделать это более полезным изданием эпохи. Я знаю, что мне хотелось бы больше всего, а именно текущие метеорологические данные за каждый месяц с указанием среднего направления ветров и прогнозом погоды в соответствии с движениями барометра. Я думаю, людей всегда забавляет знание экстремальных значений температуры для соответствующего времени в другие годы.

Я надеюсь, что вы продолжите в том же духе еще год. С огромной благодарностью, мои дорогие Дженины,

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, воскресенье [18 апреля 1847 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Возвращаю с большой благодарностью письмо Уотсона, которое я скопировал. Оно превосходно, и я чрезвычайно признателен вам за предоставление мне такой ценной

информации. Несомненно, он несколько торопится, когда говорит, что промежуточные разновидности почти обязательно должны быть редкими, иначе они были бы приняты за типы вида; поскольку он упускает из виду числовую частоту как элемент. Несомненно, если бы А, В, С были тремя разновидностями, и если бы А был в значительной степени самым распространенным (следовательно, также первым известным), он был бы принят за тип, без учета того, был ли В промежуточным или нет, или был ли он редким или нет. Какие замечательные эссе написал бы W; но я полагаю, что он много написал для "Фитолога". Вам следует побудить его опубликовать статью о вариациях; жаль, что такие факты, как те, что приведены в его письме, остаются неопубликованными. Я должен попросить вас познакомить меня с ним; будет ли он хорошим и общительным человеком для Дропмора? (Очень понравившаяся экспедиция из Оксфорда — когда Британская ассоциация собралась там в 1847 году.) хотя, если он приедет, Форбс не должен (а я думаю, вы говорили о приглашении Форбса), или у нас будет славная битва. Я бы хотел как-нибудь просмотреть военную корреспонденцию. У вас есть "Фитолог", и не могли бы вы как-нибудь его почитать? Я бы быстро просмотрел его...Я прочитал ваши последние пять номеров (Ботаника "Антарктического путешествия" Хукера.), и, как обычно, меня очень заинтересовали некоторые моменты, особенно ваши рассуждения о буке и картофеле. Я вижу, вы вынесли несколько приговоров против нас, трансмутационистов. Я также просматривал последние тома "Анналов естественной истории" и прочитал две такие бездушные, напыщенные статьи —, вполне достойные автора...Контраст статей в "Анналах" с теми, что содержатся в "Анналах", довольно унижен; в первых так много статей с краткими описаниями видов, без единого слова об их родстве, внутренней структуре, ареале или привычках. Сейчас я читаю — и выбрал кое-что, что меня заинтересовало; но он кажется мне довольно скучным, и от всей его *Materia Medica* веет лавкой врача. Я навсегда возненавижу название *Materia Medica* с тех пор, как слушал лекции Дункана о свойствах ревеня в восемь часов зимним утром — целый час без холодного завтрака!

Я надеюсь, что ваше путешествие будет очень успешным. Поверьте мне, моя дорогая Проститутка,

Всегда твой, К. ДАРВИН.

P.S. Думаю, за последнее время у меня появилось только одно новое знакомство, это Р. Чемберс; и я только что получил презентационный экземпляр шестого издания "Остатков". Почему-то теперь я совершенно убежден, что он и есть автор. Он во Франции и написал мне оттуда.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Внизу [1847?].

... Я рад слышать, что Бронгнярт считал Сигиллярию водной, а Бинни считает уголь разновидностью подводного торфа. Я бы поставил 5 к 1, что через двадцать лет это будет общепризнано (неисполненное пророчество.); и меня не волнуют какие бы то ни было ботанические трудности или невозможности. Если бы я только мог убедить себя, что Сигиллярия и Компания имеют хороший диапазон глубин, то есть могут жить на глубине от 5 до 100 морских саженей под водой, все трудности почти всех видов были бы устранены (поскольку простой факт наличия мутного обычного мелководного моря подразумевает близость суши).
[Примечание.Б. — Я посмеиваюсь, думая, как вы все это время глумитесь.] Это не представляет

большой трудности, поскольку в угле нет раковин, учитывая, насколько неблагоприятен глубокий ил для большинства моллюсков, и что раковины, вероятно, разлагаются от гуминовой кислоты, как, по-видимому, происходит в торфе и ЧЕРНЫХ плеснях (как говорит мне Лайелл) Миссисипи. Итак, угольный вопрос решен — Q.E.D. Отворачивайтесь!

Большое спасибо за ваше приветственное письмо из Кембриджа, и я рад, что вам нравится моя альма-матер, которую я искренне презираю как место получения образования, но люблю по многим самым приятным воспоминаниям...

Спасибо за ваше предложение "Фитолога"; я буду вам очень признателен, поскольку не думаю, что смогу позаимствовать его у кого-либо другого. Я не буду слишком обижен вашей похвалой, но я не верю, что когда-либо терял книгу или забывал вернуть ее по прошествии длительного времени. Ваше "Уэбб" хорошо упаковано, а СНАРУЖИ крупными буквами написано ваше имя.

Мой новый микроскоп вернулся домой ("великолепная игрушка", как назвал его старина Р. Браун), и я от него в восторге; это действительно великолепная игрушка. Я пробыл в Лондоне три дня и познакомился со многими нашими друзьями. Мне было крайне жаль услышать не очень хороший отзыв о сэре Уильяме. Прощай, моя дорогая Проститутка, и будь хорошим мальчиком, и сделай Сигиллярию подводным водорослем.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Записано [6 мая 1847 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Вы совершили яростное нападение, и я должен попытаться защититься. Но, во-первых, позвольте мне сказать, что я никогда не пишу вам, кроме как для собственного удовольствия; теперь я боюсь, что вы отвечаете мне, когда заняты и без желания (и я уверен, что у меня не было бы никакого желания, если бы я был так же занят, как вы). Прошу вас, не делайте этого, и если бы я думал, что мое письмо повлечет за собой ответ от вас волей-неволей, это разрушило бы все мое удовольствие от письма. Во-первых, я рассматривал свое письмо не как РАССУЖДЕНИЕ или даже СПЕКУЛЯЦИЮ, а просто как душевный бунт; и когда я отправлял статью Бинни, я поделился с вами результатами ее прочтения. Во-вторых, вы действительно правы, считая меня сумасшедшим, если полагаете, что я причисляю какие-либо папоротники к морским растениям; но, несомненно, существует большая разница между растениями, находящимися прямостоячими в пластах угля, и теми, которые не прямостоячими и которые могли быть занесены течением. Разве не возможно, что те же обстоятельства, которые сохранили растительность *in situ*, должны были сохранить занесенные растения? Я знаю, что Каламитес встречается прямостоячим, но мне показалось, что его сходство было очень неясным, как у Сигиллярии. Что же касается лепидодендрона, то я забыл о его существовании, как бывает, когда человек буйствует, и теперь не знаю ни того, что это такое, ни того, прямостоячий ли он. Если эти растения, то есть каламиты и лепидодендроны, имеют ОЧЕНЬ ЧЕТКОЕ ОТНОШЕНИЕ к наземным растениям, как папоротники, и встречаются прямостоячими *in situ*, то, конечно, я должен испустить дух. Но, несомненно, сигиллярия - главное прямостоячее растение, и я слышал, что вы распространялись о ее неясном сходстве.

В-третьих, мне никогда не приходило в голову недооценивать ботанические данные по сравнению с зоологическими; за исключением того, что, как мне казалось, было признано, что растительная структура редко давала какие-либо свидетельства более близкого родства, чем у семейств, и не всегда в такой степени. И разве у растений, как, несомненно, и у животных, не опасно судить о привычках без очень близкого сходства? Может ли ботаник сказать только по строению, что семейство мангровых, почти или совсем единственное среди двудольных, могло жить в море, а семейство zostерных - почти единственное среди однодольных? Можно ли с уверенностью утверждать, что, поскольку водоросли являются почти единственными подводными морскими растениями, раньше в других группах не было представителей с такими привычками? В случае с животными такой аргумент не был бы убедительным, что я мог бы проиллюстрировать многими примерами; но я забываюсь; я хочу лишь до некоторой степени защитить себя, а не обжечь пальцы, нападая на вас. Основа моего письма и моего осознанного мнения, хотя я осмелюсь сказать, что вы сочтете его абсурдным, заключается в том, что я скорее доверяю, при прочих равных условиях, чисто геологическим свидетельствам, чем зоологическим или ботаническим свидетельствам. Я не говорю, что скорее доверился бы ПЛОХИМ геологическим свидетельствам, чем ХОРОШИМ органическим. Я думаю, что основа чисто геологических рассуждений проще (состоящая в основном из действия воды на земную кору и ее движений вверх и вниз), чем основа, взятая из сложного вопроса о сродстве и структуре по отношению к привычкам. Я вряд ли могу анализировать факты, на основании которых я пришел к такому выводу, но я могу проиллюстрировать это. Рассказ Палласа заставил бы любого предположить, что сибирские пласты с замороженными тушами были быстро отложены, и, следовательно, животные, попавшие в них, жили по соседству; но наши зоологические знания тридцатилетней давности привели всех к ложному опровержению этого вывода.

Скажите мне, что прямостоячий папоротник *in situ* встречается с сигилляриями и стигмариями, или что сходство каламитов и лепидодендронов (предположим, что они встречаются *in situ* с сигилляриями) настолько ОЧЕВИДНО, что они не могли быть морскими, как мангровые заросли и ракушечник, но в большей степени, чем я, и я смиренно извинюсь перед вами и всеми ботаниками за то, что позволил своему разуму буйствовать по предмету, о котором я, безусловно, ничего не знаю. Но пока я этого не услышу, я буду придерживаться своего собственного мнения в частном порядке с той же настойчивостью и, как вы, наверное, думаете, с тем же философским духом, с которым Кениг утверждает, что следы хиротерия эффективны.

Опустит ли это письмо меня ниже в вашем мнении или немного исправит, я не знаю, но надеюсь на последнее. Как бы то ни было, я отомстил себе, наскучив вам очень длинным посланием. Прощайте и будьте снисходительны. Всегда ваш,

Ч. ДАРВИН.

P.S.—Когда вы вернетесь в Кью? Я забыл об одной главной цели моего письма - выразить вам ОГРОМНУЮ благодарность за ваше предложение "Хорта". Дневник", но я заказал два номера.

[Два следующих отрывка [1847] дают продолжение и завершение угольной битвы.

"Кстати, поскольку подводный уголь вызвал у вас такой гнев, я решил поэкспериментировать на Фальконере и Банбери (покойном сэре К. Банбери, хорошо известном как палеоботаник.) вместе, и это сделало [их] еще более свирепыми; "из меня следовало бы выбить подобную

адскую чушь". Банбери был более вежлив и презрителен. Так что теперь я знаю, как расшевелить и выставить напоказ любого ботаника. Интересно, есть ли у зоологов и геологов свои слабые места; Хотел бы я это выяснить".

"Я не могу удержаться от того, чтобы не поблагодарить вас за ваше самое доброе послание. Прошу вас, не думайте, что я был раздосадован вашим письмом: я заметил, что вы думали оживленно и, соответственно, выражались сильно, и поэтому я понял это. Защити меня от человека, который взвешивает каждое выражение с шотландской осмотрительностью. Я от всей души желаю вам успехов в решении вашей благородной задачи, и мне будет очень любопытно поговорить с вами и услышать ваш ультиматум".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. (Части двух писем.) Внизу [октябрь 1847 г.].

Я сердечно поздравляю вас с завершением ваших приготовлений и некоторыми перспективами на будущее. Это будет благородное путешествие, но я хочу, чтобы оно поскорее закончилось, я буду ужасно эгоистично скучать по тебе во всех отношениях ...Я в большом недоумении, как мы можем встретиться...Я хорошо понимаю, как вы, должно быть, ужасно заняты. Если вы НЕ МОЖЕТЕ ПРИЙТИ сюда, вы ДОЛЖНЫ позволить мне прийти к вам на ночь, потому что я должен еще раз поболтать и еще раз поссориться с вами из-за угля.

Между прочим, я пытался подтолкнуть Лайелла (который гостил у меня здесь несколько дней) к теоретизированию об угле: его оолитовые ПРЯМОСТОЯЧИЕ хвощевидные растения ужасны для моей подводной флоры. Мне было бы гораздо легче умереть, если бы кто-нибудь разрешил мне вопрос с углем. Иногда я думаю, что он вообще не мог образоваться. Старый сэр Энтони Карлайл однажды серьезно сказал мне, что, по его мнению, Мегатерий и ему подобные животные были просто ниспосланы с небес, чтобы посмотреть, выдержит ли их земля; и я полагаю, что уголь был посыпан дождем, чтобы озадачить смертных. Вы, должно быть, хорошо работаете с углем в Индии.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. [6 ноября 1847 г.]

Моя дорогая Проститутка,

Я только что получил вашу записку с искренним сожалением: с этим ничего не поделаешь. Я всегда буду рассматривать ваше намерение приехать сюда при таких обстоятельствах как величайшее доказательство дружбы, которое я когда-либо получал от смертного человека. Моя совесть упрекнула бы меня в том, что я не пришел к вам в четверг, но, как оказалось, я не мог, потому что у меня не было возможности покинуть Шрусбери раньше этого дня, и я добрался домой только вчера вечером, сильно обрюхатев. Если я не получу известий завтра (что вряд ли возможно), и если я буду чувствовать себя достаточно хорошо, я поеду в Кью в понедельник утром, просто попрощаться. Я останусь всего на час...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. [Ноябрь 1847 г.]

Моя дорогая Проститутка,

Я очень нездоров и не в состоянии что-либо делать. Надеюсь, я не причинил вам неудобств. Весь вчерашний день мне было так плохо, что я радовался, что тебя здесь не было, потому что для меня было бы горьким разочарованием видеть тебя здесь и не насладиться твоим последним днем. Теперь я тебя не увижу. Прощай, и да благословит тебя Бог.

Твой любящий друг К. ДАРВИН.

Я напишу тебе в Индию.

[В 1847 году появилась статья мистера Д. Милна (ныне Mr. Milne Home. Эссе было опубликовано в журнале Transactions of the Edinburgh Royal Society, том xvi), в котором критикуется работа моего отца Глена Роя, и на которую ссылается следующий характерный отрывок из письма сэру Дж. Хукеру:] "Я был достаточно плох в эти несколько последних дней, поскольку мне пришлось слишком многодумать и писать о Глене Рой...Mr. Милн раскритиковал мою теорию, от чего мне стало ужасно плохо ". Мне не удалось найти ни одного опубликованного ответа мистеру Милну, так что я предполагаю, что упомянутый "почерк" ограничивался письмами. Статья мистера Милна не нанесла ущерба газете "Глен Рой", и мой отец признает это в следующей выдержке из письма Лайеллу (март 1847 г.). Ссылка на Чемберса объясняется тем фактом, что он сопровождал мистера Милна во время его визита в Глен-Рой. "Я попросил Р. Чемберса дать мне обзор видов Милна на Глен-Рой, и я перечитал свою статью, и теперь, когда я услышал то, что должно быть сказано, я даже не ошеломлен. Обидно и унижительно обнаружить, что Чемберс не только не прочитал сколь-нибудь внимательно мою статью по этому вопросу, но даже не взглянул на цветную карту, так что новую полку, описанную мной, не искали, а на мои аргументы и подробные факты ни в малейшей степени не обратили внимания. Я совсем потерял голову и был совершенно труслив в Геологическом обществе, пока вы не успокоили меня и не напомнили мне об основных фактах во всем этом деле ".

Два следующих письма Лайеллу, хотя и датированные более поздним сроком (июнь 1848 г.), касаются той же темы:

"Я был на вечернем собрании [Геологического общества], но не смог приблизиться к вам. Каким дураком (хотя, должен сказать, очень забавным) он себя выставил. Ваша речь была освежающей после этого и была хорошо охарактеризована Фоксом (моим двоюродным братом) в трех словах — "Какой контраст!", что показалось мне отличным предположением о том, что Континент Уилден идет ко дну. Я не слышал, что вы решили на Совете; я был совершенно измотан и сбит с толку. Я обнаружил, что Смит из Джордан-Хилл гораздо худшего мнения о книге Р. Чемберса, чем даже я. Чемберс меня немного задел ("Древние морские границы, 1848". Слова, процитированные моим отцом, должны быть "подвижность суши была господствующей идеей".); он говорит, что я "выдвигаю" и "исповедую свою веру" в то, что Глен-Рой является морским, и что идея была принята, потому что "подвижность суши была господствующей идеей того времени". Он добавляет несколько очень слабых ВЕРХНИХ линий в Глен-Спине (которые, кстати, видел Агассис), и показал, что Милн и Кемп правы в том, что здесь горизонтальные водные знаки (НЕ на совпадающих уровнях с уровнями Глена Роя) в других частях Шотландии на

больших высотах, и он добавляет несколько других случаев. Это все его дополнение к данным. Он не только заимствует мою аргументацию из контрфорсов и террас под нижним уступом и некоторых других аргументов (без подтверждения), но и насмехается над всеми своими предшественниками, которые не осознавали важности коротких участков линий, промежуточных между главными в Глен-Рое; в то время как я начинаю их описание словами о том, что "осознавая их важность, я исследовал их со скрупулезной тщательностью", и довольно подробно останавливаюсь на них. Я косвенно сказал ему, что, по-моему, у него нет достаточных оснований считать, что он один (что он довольно прямо утверждает) решил проблему Глена Роя. Что касается террас на более низких уровнях, совпадающих по высоте по всей Шотландии и Англии, я склонен полагать, что он показывает небольшую вероятность совпадения некоторых ведущих из них, но требуются гораздо более точные доказательства. Считаете ли вы это заслуживающим доверия? в качестве вероятного решения для объяснения подъема Великобритании он выдвигает предположение, что в каком-то огромном океане одна двадцатая дна всей водной поверхности земного шара погрузилась (он не говорит, где он это делает) на толщину в полмили, и это, по его расчетам, должно было бы привести к кажущемуся подъему на 130 футов ".

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Записано [июнь 1848 г.].

Мой дорогой Лайель,

Из чувства справедливости к Чемберсу я должен побеспокоить вас одной фразой, чтобы сказать, что, насколько я лично заинтересован в деле Глена Роя, он оказал аменде честь и признает себя виновным в непреднамеренном принятии двух строк моих аргументов и фактов без подтверждения. В заключение он сказал, что "пришел к тому же выводу в результате независимого расследования, что в некоторой степени оправдывает эту непреднамеренность". В целом его письмо свидетельствует об очень хорошем расположении духа и говорит, что он "очень доволен тем ВЗВЕШЕННЫМ одобрением, которым вы его одариваете, и т.д." Я искренне рад, что смог сказать правду, что, по моему мнению, он оказал хорошую услугу, привлекая больше внимания к теме террас. Он протестует, что несправедливо называть опускание моря его теорией, поскольку он с осторожностью всегда говорит о простом изменении уровня, и это совершенно верно; но один раздел, в котором он показывает, как, по его мнению, море может опуститься, настолько поразителен, что я полагаю, что для других, как и для меня, это более чем уравнивает его предыдущую осторожность. Я надеюсь, что вы будете лучшего мнения об этой книге, чем я.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Дж.Д. ХУКЕРУ. 6 октября 1848 г.

... В последнее время я пытался поднять агитацию (но мне это не удастся, и я действительно сомневаюсь, что у меня есть время и силы продолжать) против практики натуралистов навечно добавлять к видам название ПЕРВОГО описателя. Я рассматриваю это как прямое поощрение поспешной работы, НАЗЫВАНИЯ вместо ОПИСАНИЯ. Вид должен иметь название, настолько

хорошо известное, что добавление имени автора было бы излишним и [частью] пустого тщеславия. (Его презрение к эгоистичному духу натуралиста иллюстрируется анекдотом, за который я обязан преподобному Л. Бломфилду. Рассказав о любви моего отца к энтомологии в Кембридже, мистер Бломфилд продолжает: "Время от времени он приезжал из Кембриджа в мой дом викария в Суоффхэм-Балбек, и мы вместе отправлялись собирать насекомых в лесу Боттишем-Холла, что неподалеку, или совершали более длительные экскурсии по Болотам. Однажды он поймал в большой сачок, которым энергично подметал сорняки и высокую траву, редкое жесткокрылое насекомое из семейства Lepturidae, которого я сам никогда не ловил в Кембриджшире. Он был доволен своей поимкой и, конечно же, с триумфом отнес ее домой. Несколько лет спустя, когда путешествие "Бигля" было совершено за это время, беседуя с ним о старых временах, я вернулся к этому обстоятельству и спросил, помнит ли он его. "О, да, - сказал он, - я хорошо это помню; и я был достаточно эгоистичен, чтобы сохранить этот экземпляр, когда вы собирали материалы для фауны Кембриджшира и для местного музея Философского общества". вслед за этим он сделал несколько замечаний о мелочности коллекционеров, которые ни к чему не стремились, кроме как наполнить свои шкафы редкими вещами ".) В настоящее время не годится давать просто конкретные названия; но я думаю, что зоологи могли бы исправить это упущение, сославшись на хороших авторов-систематиков, а не на первых описателей. Ботаника, я полагаю, пострадала не так сильно, как зоология, от простого НАИМЕНОВАНИЯ; символы, к счастью, более неясны. Вы когда-нибудь задумывались над этим вопросом? Почему натуралисты должны давать свои собственные названия новым видам, когда минералоги и химики не делают этого с новыми веществами? Когда будете писать Фальконеру, пожалуйста, передайте ему мои теплые пожелания. Я искренне скорблю, услышав, что он был болен, мой дорогой Хукер, да благословит тебя Бог и всего хорошего.

Ваш искренний друг Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ХЬЮ СТРИКЛЕНДУ. (Хью Эдвин Стрикленд, магистр, Ф. Р.С., родился 2 марта 1811 года и получил образование в регби под руководством Арнольда и в Ориел-колледже в Оксфорде. В 1835 и 1836 годах он путешествовал по Европе до Леванта вместе с геологом У.Дж. Гамильтоном, зимовавшим в Малой Азии. В 1841 году он представил предмет естественнонаучной номенклатуры Британской ассоциации и подготовил Кодекс правил зоологической номенклатуры, ныне известный под его именем, принципы которого получили широкое распространение. В 1843 году он был одним из основателей (если не первым проектором) Общества Рэя. В 1845 году он женился на второй дочери сэра Уильяма Джардина, Барт. В 1850 году из-за болезни Бакленда он был назначен заместителем чтеца по геологии в Оксфорде. Его многообещающая карьера внезапно оборвалась 14 сентября 1853 года, когда во время геологоразведочных работ на железнодорожном переезде между Ретфордом и Гейнсборо он попал под поезд и мгновенно погиб. Воспоминания о нем и перепечатка его основных статей в журналах были опубликованы сэром Уильямом Джардином в 1858 году; но он также был автором книг "Дронт и его сородичи" (1848); "Зоологическая библиография" (последняя совместно с Луисом Агасисом и издана Обществом Рэя); "Орнитологические синонимы" (опубликован только один том, и тот посмертно). Каталог его орнитологической коллекции, подаренный его вдовой Кембриджскому университету, был составлен г-ном Салвином и опубликован в 1882 году. (Я в долгу перед проф. Дж. Ньютоном за приведенное выше примечание.)) Записано 29 января [1849 г.].

... Какой труд вы предприняли; я высоко ЦЕНЮ ваше самоотверженное рвение к благому делу естествознания. У вас случайно нет ЗАПАСНОГО экземпляра правил номенклатуры, опубликованного в "Транзакциях Британской ассоциации"? если у вас есть и вы отдали бы его мне, я был бы вам искренне признателен, поскольку мне неохота покупать этот том ради него. Я нашел правила очень полезными, мне очень приятно иметь что-то, на что можно опереться в бурном океане номенклатуры (и, соответственно, я благодарен вам), хотя мне очень трудно всегда им подчиняться. Вот случай (и я думаю, что это следовало отметить в правилах), Коронулаи Синерас и Отион - это имена, принятые Кювье, Ламарком, Оуэном и почти ВСЕМИ известными писателями, но я обнаружил, что все три имени были предвосхищены немцем: теперь я считаю, что если бы я следовал строгому правилу приоритета, было бы принесено больше вреда, чем пользы, и особенно потому, что я уверен, что недавно найденные имена не были бы приняты. Я почти принял решение отказаться от правила приоритета в данном случае; не сочтете ли вы за труд прислать мне свое мнение? В последнее время я много размышлял на тему наименований, и я пришел к твердому мнению, что план первого описателя, навечно присваивающего название виду, был величайшим проклятием для естественной истории. Несколько месяцев назад я написал прилагаемый, плохо составленный документ, думая, что, возможно, мне удастся затронуть эту тему; но приступ прошел, и я не думаю, что когда-нибудь пройдет; я посылаю его вам, надеюсь, что вам будет небезразлично ознакомиться с моими соображениями. Я был удивлен, обнаружив в разговоре, что несколько натуралистов придерживались почти моего образа мыслей. Я уверен, что до тех пор, пока торговцы видами тешат свое тщеславие, видя, как их собственные названия добавляются к виду, потому что они жалко описали его в двух-трех строчках, у нас будет такое же ОГРОМНОЕ количество плохой работы, как и в настоящее время, и этого достаточно, чтобы обескуражить любого человека, который готов заниматься любой отраслью с осторожностью и временем. Я нахожу, что у каждого города Cirripedia есть полдюжины названий и ни одного подробного описания какого-либо одного вида в каком-либо одном роде. Я не верю, что это было бы так, если бы каждый человек знал, что запоминание собственного имени зависит от того, хорошо ли он выполняет свою работу, а не от простого добавления имени с помощью нескольких убогих строк, обозначающих лишь несколько заметных внешних черт. Но я не буду утомлять вас длинной тирадой. Читайте мою статью или НЕТ, как вам нравится, и верните ее, когда вам будет угодно.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ХЬЮ СТРИКЛЕНД - ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ. Лодж, Тьюксбери, 31 января 1849 года.

... Далее я должен обратить внимание на ваше второе возражение — сохранение имени ПЕРВОГО описателя в *reperitum* наряду с именем вида является наградой за поспешную и небрежную работу. Это совершенно иной вопрос, чем вопрос о самом законе приоритета, и он никогда раньше не приходил мне в голову, хотя представляется весьма вероятным, что всеобщее признание этого закона может привести к такому результату. Мы должны попытаться противодействовать этому злу каким-то другим способом.

Цель добавления имени человека к названию вида состоит не в том, чтобы удовлетворить тщеславие человека, а в том, чтобы более точно указать вид. Иногда двое мужчин случайно дают одно и то же название (независимо) двум видам одного и того же рода. Чаше более поздний автор ошибочно использует конкретное название более древнего вида. Таким

образом, *Helix putris* Монтегю - это не *H. putris* Линнея, хотя Монтегю предполагал, что это так. В таком случае мы не можем определить вид только по *Helix putris*, но должны добавить имя автора, которого мы цитируем. Но когда вид никогда не носил ничего, кроме одного названия (например, *Corvus frugilegus*), и ни один другой вид *Corvus* не носил того же названия, нет, конечно, необходимости добавлять имя автора. Тем не менее, даже здесь мне нравится форма *Corvus frugilegus*, Linn., поскольку она напоминает нам, что это один из старых видов, давно известный и встречающийся в "Естественной системе" и др. Поэтому я боюсь, что (по крайней мере, до тех пор, пока наша номенклатура не будет более определенно установлена) будет невозможно указывать виды с научной точностью, не добавляя имени их первого автора. Вы действительно можете сделать это, как вы предлагаете, сказав in Lam. An. Invert. и т.д., Но тогда это было бы несовместимо с законом приоритета, ибо там, где Ламарк нарушил этот минимум, никто не может принять его имя. Тем не менее, добавление к (самому старому) конкретному названию ОДНОЙ хорошей ссылки на стандартную работу, особенно на РИСУНОК, с сопроводительным синонимом, при необходимости, в высшей степени способствует точному указанию. Этот метод может быть громоздким, но громоздкость - гораздо меньшее зло, чем неопределенность.

Более того, вряд ли представляется возможным реализовать принцип ПРИОРИТЕТА без исторической помощи, обеспечиваемой добавлением имени автора к конкретному имени. Если я, СПЕЦИАЛИСТ по ПРИОРИТЕТАМ, назвал вид C.D., это подразумевает, что C.D. - самое старое название, которое я знаю; но для того, чтобы вы и другие могли судить о уместности этого названия, вы должны установить, когда и кем это название было впервые придумано. Теперь, если к конкретному названию C.D. я добавлю имя A.B. его первого описателя, я сразу же дам вам ключ к датам, когда и в какой книге было дано это описание, и, таким образом, помогу вам определить, действительно ли C.D. является самым старым и, следовательно, правильным обозначением.

Я, однако, признаю, что принцип приоритета (каким бы превосходным он ни был) имеет тенденцию, когда добавляется имя автора, поощрять тщеславие и неряшливую работу. Я думаю, однако, что многое можно было бы сделать, чтобы отбить охоту к тем неясным и неудовлетворительным определениям, на которые вы так справедливо жалуетесь, ЗАПИСАВ практику. Пусть лучше настроенные натуралисты объединятся, чтобы выразить официальный протест против всех расплывчатых и неадекватных определений (предполагаемых) новых видов. Пусть будет назначен комитет (скажем, Британской ассоциации) для подготовки своего рода КЛАССНОГО СПИСКА различных современных работ, в которых описаны новые виды, расположенных в порядке заслуг. Низший класс содержал бы наихудшие примеры такого рода, и их авторы, таким образом, подверглись бы поношению, которого они заслуживают, и были бы в ужасе повешены в назидание тем, кто может прийти после.

Таким образом, я откровенно изложил свои взгляды (надеюсь, доходчиво) на то, что, по-видимому, лучше всего сделать в нынешнем переходном и опасном состоянии систематической зоологии. Бесчисленные работники, многие из которых капризны и полуобразованны, устремляются в поле, и я думаю, от нынешнего поколения зависит, передаст ли наука потомкам хаотичную массу или же она будет обладать какими-то признаками законности и организации. Если бы мы только могли созвать конгресс депутатов от ведущих научных организаций Европы и Америки, что-то можно было бы сделать, но, как обстоит дело,

признаюсь, я не вижу ясно своего пути, кроме скромных попыток провести реформу НОМЕР ОДИН.

Всегда ваш, Его Превосходительство СТРИКЛЕНД.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ХЬЮ СТРИКЛЕНДУ. Даун, воскресенье [4 февраля 1849 г.].

Мой дорогой Стрикленд,

По правде говоря, я ОЧЕНЬ признателен вам за ваше длинное, интереснейшее и ясное письмо и Отчет. Я рассмотрю ваши аргументы, которые имеют величайший вес, но, признаюсь, я пока не могу заставить себя отказаться от очень ИЗВЕСТНЫХ имен не в ОДНОЙ стране, а во всем мире ради малоизвестных — просто на том основании, что я не верю, что за мной должны следить. Прошу поверить, что я должен нарушать закон о приоритете только в редких случаях; прочтите ли вы прилагаемое (и верните ли его) и скажите мне, не ошеломляет ли оно вас? (ПРИМЕЧАНИЕ: я ОБЕЩАЮ, что больше не доставлю вам хлопот.) Я хочу простых ответов, а не того, чтобы вы тратили свое время на рассуждения; Мне любопытен ваш ответ в отношении Балануса. Я передал дело об Отионе и т.д. У. Томпсону, который яростно выступает за закон приоритета, и он отказался от него под такими известными именами. Я нахожусь в совершенном лабиринте сомнений относительно номенклатуры. Ни в одном крупном роде усонюгих не был правильно определен НИ ОДИН вид; распознавание какого-либо вида является чистой догадкой (руководствуясь ареалом, распространенностью и привычками): таким образом, из табличек или описаний я могу выделить едва ли кого-либо из британских сидячих усонюгих. Мне невыносимо давать новые названия всем видам, и все же я, возможно, поступлю неправильно, если буду давать старые названия, руководствуясь лишь догадками; в настоящее время я по меньшей мере не могу сказать, какой из двух видов все авторы имели в виду под обыкновенной *Anatifera laevis*; поэтому я дал это название тому, который является наиболее распространенным. Буквально, ни один вид не определен должным образом; ни один натуралист никогда не брал на себя труд вскрыть раковину какого-либо вида, чтобы описать ее научно, и все же у всех родов есть полдюжины синонимов. Ради АРГУМЕНТАЦИИ предположим, что я выполняю свою работу тщательно, любой, у кого есть оригинальные экземпляры, названные, я бы сказал, Шену, который вычислил и дал названия сотням видов, сможет опровергнуть все мои названия в соответствии с законом приоритета (поскольку он может утверждать, что его описаний достаточно), считаете ли вы, что науке выгодно, чтобы это было сделано: я думаю, что нет, и что удобство и высокие достоинства (здесь взятые просто как аргумент) лучше бы вступили в какую-то игру. Эта тема разбивает сердце.

Я надеюсь, что вы время от времени будете вспоминать мой аргумент о зле, причиняемом "михи", прилагаемым к конкретным названиям; я могу наиболее ясно видеть ЧРЕЗМЕРНОЕ зло, которое оно причинило; в минералогии, как я сам обнаружил, нет ничего страшного в том, чтобы просто называть; человек не берется за предмет, не намереваясь его проработать, поскольку он знает, что его единственная заслуга основывается на том, что его работа выполнена умело, и не имеет никакого отношения к ПРИСВОЕНИЮ ИМЕН. Я отказываюсь от одного пункта и допускаю, что ссылка на имя первого описателя должна быть дана во всех систематических работах, но я думаю, что чего-то можно было бы добиться, если бы ссылка была дана без фактического добавления имени автора как части биномиального имени, и я

думаю, что, за исключением систематических работ, ссылка, такая, как я предлагаю, сильно ослабила бы тщеславие. Я думаю, что через всю естественную историю проходит очень неправильный дух, как будто человеку причитается какая-то заслуга за простое название и определение вида; я думаю, что едва ли какая-либо заслуга или вообще ничего не причитается; если он ДЕТАЛЬНО и анатомически описывает какой-либо один вид или систематически целую группу, это заслуживает похвалы, но я должен думать, что простое определение вида - ничто, и что для него не будет несправедливостью, если это будет упущено из виду, хотя это причинит большое неудобство естественной истории. Я не думаю, что человеку принадлежит больше заслуг в определении вида, чем плотнику в изготовлении шкатулки. Но я глуп и яростен против торговцев видами, или, скорее, против их тщеславия; это полезная и необходимая работа, которую нужно выполнять; но они действуют так, как будто они действительно создали вид, и это была их собственная собственность.

Я пользуюсь номенклатурой Агассиса; по крайней мере, две трети дат в Cirripedia грубо ошибочны.

Я сделаю все, что смогу, с ископаемыми усоногими, и должен быть очень благодарен за образцы; но я не верю, что виды (и вряд ли роды) можно определить по отдельным створкам; поскольку у каждого недавно исследованного вида их формы сильно различаются: описывать вид только по створкам - это то же самое, что описывать краба только по НЕБОЛЬШИМ участкам его панциря, причем эти участки сильно варьируют, а не моделируются по внутренностям, как у ракообразных. Я искренне приношу извинения за беспокойство, которое доставил вам, но на самом деле я больше ничего не доставлю.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S.—В разговоре я обнаружил, что Оуэн и Эндрю Смит очень склонны отказаться от практики указания имен авторов; я полагаю, что если бы я начал агитировать, то смог бы привлечь большую группу. У. Томпсон в чем-то согласился со мной, но не был готов зайти так далеко, как я.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ХЬЮ СТРИКЛЕНДУ. Даун, 10 февраля [1849].

Мой дорогой Стрикленд,

Я должен еще раз сердечно поблагодарить вас за ваше письмо. Ваши замечания в какой-то степени принесут плоды, и я постараюсь быть более верным строгой добродетели и приоритету; но что касается того, чтобы назвать Балануса "Лепас" (о чем я не подумал), я не могу этого сделать, мое перо не напишет этого — это НЕВОЗМОЖНО. Я очень надеюсь, что некоторые из моих трудностей исчезнут из-за неправильных дат в Агассисе и из-за того, что мне пришлось объединить несколько родов в один, поскольку я пока, лишь в немногих случаях, обращался к оригинальным источникам. Что касается принятия моих собственных представлений в моей книге о циррипедии, я не хотел бы сделать это без одобрения других, и каким-либо публичным способом, — и, действительно, это не очень хорошо адаптировано, поскольку я никогда не смогу распознать вид, не имея оригинальных образцов, которые, к счастью, во многих случаях есть у меня в Британском музее. Пока я намерен придерживаться своей концепции, поскольку никогда не ставлю михи или "Дарвина" в честь моего собственного вида, а в анатомическом

тексте вообще не указываю имен авторов, поскольку систематическая часть послужит для тех, кто хочет знать историю вида, насколько я могу с ней несовершенно разобраться ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. [Лодж, Малверн, 28 марта 1849 г.]

Моя дорогая Проститутка,

Ваше письмо от 13 октября осталось без ответа по сей день! Какой неблагодарный ответ за письмо, которое меня так заинтересовало и в котором содержалось так много любопытной информации. Но у меня была тяжелая зима.

13 ноября умер мой бедный дорогой отец, и никто из тех, кто его не знал, не поверил бы, что мужчина старше восьмидесяти трех лет мог сохранять такой нежный нрав при всей своей незамутненной проницательности до последнего. В то время я был так нездоров, что не мог путешествовать, что усугубляло мои страдания. Действительно, всю эту зиму мне было достаточно плохо ... и моя нервная система начала поражаться, так что у меня дрожали руки и часто кружилась голова. Я был не в состоянии что-либо делать один день из трех и был слишком подавлен, чтобы писать тебе или делать что-либо, кроме того, что меня заставляли. Я думал, что быстро иду путем всякой плоти. Случайно услышав о двух людях, получивших большую пользу от лечения водой, я достал книгу доктора Галли, навел дополнительные справки и, наконец, отправился сюда с женой, детьми и всеми нашими слугами. Мы сняли дом на два месяца и пробыли здесь две недели. Я уже немного окреп ... доктор Галли уверен, что сможет помочь мне, чего, безусловно, не смогли бы обычные врачи...Я уверен, что лечение водой - это не шарлатанство.

Как я буду рад вернуться в Даун с восстановленным здоровьем, если такова будет моя удача, и возобновить любимые Ракушки. Теперь я надеюсь, что вы простите меня за мою небрежность, из-за которой я не ответил на ваше письмо раньше. Меня необычайно заинтересовал ваш набросок предполагаемой грандиозной экспедиции, из которой, я полагаю, вы скоро вернетесь. Как искренне я надеюсь, что это может оказаться успешным во всех отношениях ...

[Когда мой отец находился в водолечебнице в Малверне, он вступил в контакт с ясновидением, о чем он пишет в следующем отрывке из письма Фоксу, сентябрь 1850 г.

"Вы говорите о гомеопатии, которая вызывает у меня еще больший гнев, чем Ясновидение. Ясновидение настолько превосходит веру, что об обычных способностях человека не может быть и речи, но в гомеопатии в игру вступают здравый смысл и обычное наблюдение, и то и другое должно быть выброшено из головы, если бесконечно малые дозы оказывают хоть какой-то эффект. Насколько верно замечание Кетле, которое я заметил на днях, относительно свидетельств лечебных процессов, а именно, что никто не знает, что в болезни является простым результатом бездействия, как стандарта, с которым можно сравнивать гомеопатию и все другие подобные вещи. Я не могу не думать, что это печальный недостаток моего любимого доктора Галли в том, что он верит во все. Когда мисс — была очень больна, у него была девушка-ясновидящая, которая сообщала о внутренних изменениях, гипнотизер, который усыплял ее — гомеопат, а именно доктор —, и он сам в качестве водолечения! и девушка выздоровела".

Отрывок из более раннего письма Фоксу (декабрь 1884 г.) показывает, что он был столь же скептически настроен по поводу месмеризма: "Что касается месмеризма, вся страна полна замечательных фактов или историй..Я только что услышал о ребенке трех-четырех лет (родителей которого и себя самого я хорошо знал), загипнотизированном своим отцом, и это первый факт, который меня ошеломил. Я не поверю полностью, пока не увижу или не услышу убедительных доказательств того, что животные (как было заявлено, это возможно), не накачанные наркотиками, были приведены в ступор; конечно, невозможность не доказала бы ложность месмеризма; но это единственный ясный experimentum crucis, и я удивлен, что он не проводился систематически. Если бы месмеризм исследовался как наука, это не могло бы быть оставлено до сегодняшнего дня, чтобы быть СДЕЛАНО УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО, как это, я полагаю, было оставлено. Заведите себе несколько кошек и возьмите какой-нибудь гипнотизер, чтобы попробовать это. Один человек сказал мне, что ему это удалось, но его эксперименты были очень расплывчатыми, и, вероятно, так говорил человек, который сказал, что с кошками это сделать легче, чем с другими животными, потому что они такие электрические!"

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 4 декабря [1849].

Мой дорогой Лайель,

Это письмо не требует ответа, и я пишу из-за избытка тщеславия. Дана прислала мне книгу "Геология экспедиции Соединенных Штатов", и я только что прочитал часть о кораллах. Начну со скромной речи, я ПОРАЖЕН СОБСТВЕННОЙ ТОЧНОСТЬЮ!! Если бы я сейчас переписал свою книгу о кораллах, вряд ли мне пришлось бы изменять хоть одно предложение, за исключением того, что мне следовало бы приписать недавней вулканической активности больший эффект в сдерживании роста кораллов. Когда я говорю все это, я должен добавить, что ПОСЛЕДСТВИЯ теории для областей оседания рассматриваются в отдельной главе, к которой я не подходил, и в этом, я подозреваю, мы будем расходиться еще больше. Дана говорит, что согласен с моей теорией ПО БОЛЬШИНСТВУ ПУНКТОВ; я не могу найти ни одного, в котором он отличался бы. Учитывая, насколько бесконечно больше он видел коралловых рифов, чем я, это удивительно удовлетворяет меня. Он обращается со мной очень вежливо. Ну вот, теперь мое тщеславие вполне удовлетворено ...

ЧАРЛЬЗ Дарвин Дж.Д. ХУКЕРУ. Малверн, 9 апреля 1849 г.

Моя дорогая Проститутка,

Уже на следующее утро после отправки моего последнего письма (кажется, 23 марта) я получил два ваших интересных письма, посвященных светской хронике и геологии; последнее я с тех пор обменял у Лайелла на его письмо. Я буду писать беспорядочно по мере возникновения сюжетов. Я видел Рецензию в "Атенеуме", она была написана в недоброжелательном духе; но весь вирус заключался в том, что в ваших замечаниях недостаточно новизны для публикации. В наши дни никому нет дела до отзывов. Я могу лишь упомянуть, что мой дневник подвергся НЕСКОЛЬКИМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ХОРОШИМ оскорблениям, таким как "самонадеянность" и т.д., И закончился заявлением, что том, похоже, "составлен из обрезков и хлама из портфолио

автора". Я искренне разделяю то, что вы говорите, и вполне верю вам, что вас интересует только рецензия на статью о вашем отце; и что уже одно это побудило бы вас более внимательно отнестись к отрывкам из ваших писем в этом же периодическом издании. Я рассмотрел, насколько это возможно, вопрос о том, подходит ли какая-либо часть ваших настоящих писем для "Атенеума" (который меня не интересует; звери даже НЕ ЗАМЕТИЛИ моих трех геологических томов, которые я им отправил), и я пришел к выводу, что лучше их не отправлять. Я уверен, учитывая все обстоятельства, что без того, чтобы вы приложили усилия и написали С ОСТОРОЖНОСТЬЮ сжатый и законченный очерк какой-нибудь поразительной особенности ваших путешествий, лучше ничего не посылать. Более того, эти два письма слишком геологичны для "Атенеума" и почти требуют гравюр на дереве. С другой стороны, едва ли здесь достаточно деталей для сообщения Геологическому обществу. У меня нет ни МАЛЕЙШЕГО СОМНЕНИЯ в том, что ваши факты представляют высочайший интерес в отношении ледниковых процессов в Гималаях; но и Лайеллю, и мне показалось, что ваши доказательства следовало бы изложить более определенно ...

Я писал так недавно, что мне нечего сказать о себе; мое здоровье помешало мне продолжить крестовый поход против "михи" и "ноби", об опасностях которых вы меня предупреждаете. Я показал свою статью трем или четырем натуралистам, и все они в определенной степени согласились со мной: будь у меня здоровье и энергия, я бы не показал и белого пера, [и] с помощью полудюжины действительно хороших натуралистов, я полагаю, что можно было бы что-то сделать против жалкой и унижительной страсти к простому названию видов. В вашем письме вы задаетесь вопросом, какое отношение "Декоративная домашняя птица" имеет к ракушкам; но не льстите себе надеждой, что я еще не доживу до того, чтобы закончить с ракушками, а затем выставлю себя дураком по поводу видов, под которыми декоративная домашняя птица очень интересна...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Лодж, Малверн [июнь 1849 г.].

... Я получил вашу книгу ("Второй визит в Соединенные Штаты") и прочитал весь первый и небольшую часть второго тома (чтение - самая тяжелая работа, разрешенная здесь), и она меня очень заинтересовала. Мне хочется быть янки. Э. желает, чтобы я сказал, что она весьма "позлорадствовала" над правдивостью ваших замечаний о религиозном прогрессе... Мне приятно думать, какое отвращение вы вызовете у некоторых фанатиков и преподавателей образования. Пока что геологии или естественной истории уделялось мало внимания, за что, я надеюсь, вам немного стыдно. Ваши замечания на все социальные темы кажутся мне достойными автора "Принципов". И все же (я знаю, что это предубеждение и гордыня), если бы я написал "Принципы", я бы никогда не написал никаких путешествий; но я полагаю, что я больше ревную к чести и славе Принципов, чем вы сами ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. 14 сентября 1849 г.

... Я продолжаю свои водные процессы и очень неуклонно, но медленно набираюсь здоровья и сил. Вопреки всем правилам, я обедал в Чивенинге с лордом Мэхоном, который оказал мне великую честь своим визитом, и я не могу догадаться, как он узнал обо мне. Я был очарован

леди Мэхон, и любой человек мог бы гордиться теми любезностями, которые слетали с ее прекрасных уст по отношению к вам. Мне очень нравится старый лорд Стенхоуп, хотя он от души ругал геологию и зоологию. "Предполагать, что Всемогуший Бог создал мир, обнаружил в нем неудачу и разрушил его, а затем создал его снова и снова разрушил, как говорят геологи, - это все вздор. Описание видов птиц, раковин и т.д. - это все ерунда..."

Я искренне рад, что мы встретимся в Бирмингеме, и я надеюсь, что так и будет, если мое здоровье будет в порядке. Теперь я каждый день работаю в Cirripedia по 2 1/2 часа и поэтому понемногу продвигаюсь вперед, но очень медленно. Иногда я, проработав целую неделю и описав, возможно, только два вида, мысленно соглашаюсь с лордом Стенхоупом, что все это чушь собачья; однако на днях я столкнулся с любопытным случаем однополой усоногой, а не гермафродитной, у которой самка имела обычный усоногий характер, и в двух клапанах ее раковины было два маленьких кармашка, в КАЖДОМ из которых она держала маленького мужа; я не знаю ни одного другого случая, когда у самки неизменно было два мужа. У меня есть один еще более странный факт, общий для нескольких видов, а именно, что, хотя они гермафродиты, у них есть маленькие дополнительные, или, как я буду называть их, дополнительные самцы, к одному экземпляру-гермафродиту было прикреплено не менее СЕМИ таких дополнительных самцов. Поистине, замыслы и чудеса Природы безграничны. Но я так же плохо разбираюсь в своей усоногости, как и в геологии; это заставляет меня стонать при мысли, что, вероятно, я никогда больше не получу изысканного удовольствия разглядеть какой-то новый район, пробиться геологическому свету из какой-то беспокойной темной области. Так что я должен извлечь максимум пользы из своей Циррипедии ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 12 октября 1849 года.

... Кстати, одной из самых приятных частей Британского общения была моя поездка в Бирмингем с миссис Сэбин, миссис Рив и полковником; также полковником Дж. Сайкс и Портер. Мы с миссис Сэбин чудесно сошлись во мнениях по многим пунктам, и ни в чем так искренне, как в отношении вас. Мы говорили о ваших письмах с "Эребуса"; и она вполне согласилась со мной, что вы и АВТОР (сэр Дж. Хукер написал вдохновенное описание охоты на крупный рогатый скот в книге сэра Дж. Росса "Путешествие открытий в южные регионы", 1847, том ii, стр. 245) описания охоты на крупный рогатый скот на Фолклендах, вместе составили бы отличную книгу! Она очень милая женщина, как и ее проницательная мать...Бирмингем был очень плоским по сравнению с Оксфордом, хотя со мной была моя жена. Мы часто виделись с Лайеллами, Хорнерами и Робинсонами (президентом); но место было унылым, и я из-за плохого самочувствия не смог поехать в Уорик, хотя это, то есть вечеринка, по общему мнению, была значительно хуже Бленхеймской, не говоря уже о том райском дне в Дропморе. Человек устает от всей этой болтовни...

Вы спрашиваете о моем лечении холодной водой; у меня все идет очень хорошо, и, конечно, с каждым месяцем мне становится немного лучше, мои ночи заживают гораздо медленнее, чем дни. Я соорудил душевую кабину, и так будет продолжаться всю зиму, независимо от мороза или без него. Сейчас я лечусь с лампой пять раз в неделю, а затем принимаю неглубокие ванны в течение пяти минут; ежедневно принимаю душ в течение пяти минут и ежедневно капаю простыню. Процедура обладает чудесным тонизирующим действием, и в этом месяце у меня

было больше хороших дней подряд, чем в любом предыдущем...Теперь мне разрешено работать по два с половиной часа в день, и я нахожу это максимально возможным, поскольку лечение холодной водой вкупе с тремя короткими прогулками удивительно утомительны; и я действительно вынужден ложиться спать в восемь часов совершенно уставшим. Я неуклонно набираю вес, много ем, и меня никогда не угнетает моя еда. У меня исчезли непроизвольные подергивания мышц, все обмороки и т.д. — Черные точки перед глазами и т.д. Доктор Галли думает, что он полностью вылечит меня еще через шесть или девять месяцев.

Самая большая скука, которую я нахожу в водолечении, заключается в том, что я вынужден отказаться от всякого чтения, за исключением газет; ибо мои ежедневные два с половиной часа в "Ракушках" - это все, на что я способен из всего, что занимает ум; следовательно, я ужасно отстаю по всем научным книгам. В последнее время я работал над простым описанием видов, что гораздо сложнее, чем я ожидал, и представляет почти такой же интерес, как головоломка; но, признаюсь, я часто устаю от этой работы и иногда не могу удержаться от вопроса, какой смысл тратить неделю или две на выяснение того, что определенные, едва заметные различия сливаются воедино и составляют разновидности, а не виды. Пока я занимаюсь анатомией, я никогда не ощущаю себя в этом отвратительном, ужасном, простом, вопрошающем юморе. Какая жалкая работа, опять же, это поиск приоритета имен. Я только что закончил работу над двумя видами, которые имеют семь общих и двадцать четыре видовых названия! Мое главное утешение в том, что работа когда-нибудь должна быть выполнена, и я могу сделать это с таким же успехом, как и любой другой.

Я прекратил свою агитацию против михи и нобиса; моя статья слишком длинная, чтобы посылать ее вам, поэтому вы должны просмотреть ее, если захотите, по возвращении. Кстати, вы говорите в своем письме, что вас больше волнует моя работа о видах, чем о ракушках; теперь это слишком плохо с вашей стороны, поскольку я заявляю, что ваше решительное одобрение моей простой работы о ракушках, а не теоретической работы о видах, оказало очень большое влияние на решение продолжить первую и отложить мою статью о видах ...

[Следующее письмо относится к смерти его маленькой дочери, которая произошла в Малверне 24 апреля 1851 года:]

ЧАРЛЬЗ Дарвин - У.Д. ФОКСУ. Даун, 29 апреля [1851].

Мой дорогой Лис,

Я не думаю, что вы слышали о нашей горькой утрате. У бедной дорогой маленькой Энни, когда дела в Малверне шли очень хорошо, случился приступ рвоты, который поначалу показался незначительным; но он быстро принял форму низкой и ужасной лихорадки, которая унесла ее через десять дней. Слава Богу, она почти не страдала и скончалась спокойно, как маленький ангел. Наше единственное утешение в том, что она прожила короткую, хотя и радостную жизнь. Она была моим любимым ребенком; ее сердечность, открытость, жизнерадостность и сильная привязанность делали ее самой привлекательной. Бедняжка. Что ж, все кончено...

ЧАРЛЬЗ Дарвин У.Д. ФОКСУ. Даун, 7 марта [1852].

Мой дорогой Лис,

Мы действительно целую вечность не общались, и я был очень рад получить вашу записку. Наше долгое молчание вспомнилось мне несколько недель назад, и тогда я подумывал о том, чтобы написать, но бездействовал. Я поздравляю и соболезную вместе с вами в связи с вашим ДЕСЯТЫМ ребенком; но, пожалуйста, учтите, когда у меня родится десятый, присылайте мне только соболезнования. Сейчас у нас семеро детей, все здоровы, слава Богу, как и их мать; из этих семерых пятеро мальчиков; и мой отец обычно говорил, что мальчик доставляет столько же хлопот, сколько три девочки; так что, по правде говоря, у нас семнадцать детей. Меня тошнит всякий раз, когда я думаю о профессиях; все они кажутся безнадежно плохими, и пока я не вижу ни лучика света. Я бы очень хотел поговорить об этом (кстати, мои три багбара - калифорнийское и австралийское золото, которые разоряют меня, зарабатывая деньги на ничего не стоящей закладной; французы, идущие по дорогам Вестерхэм и Севеноукс, и, следовательно, огораживающие их; и, в-третьих, профессии для моих мальчиков), и я хотел бы поговорить об образовании, по которому, вы спрашиваете меня, что мы делаем. Никто не может более искренне презирать старое стереотипное тупое классическое образование, чем я; но все же у меня не хватило смелости вырваться из оков. После долгих сомнений мы только что отправили нашего старшего сына в регби, где для своего возраста он занял очень хорошее место... Я уважаю, восхищаюсь и завидую вам за то, что вы даете своим мальчикам домашнее образование. Что, черт возьми, ты будешь делать со своими мальчиками? Ближе к концу этого месяца мы едем навестить У. в Регби, а оттуда на пять или шесть дней к Сьюзен (его сестре) в Шрусбери; затем я возвращаюсь домой присматривать за малышами, а Э. отправляется к Ф. Веджвуд из Этрурии на неделю. Большое спасибо за ваше любезное приглашение в Деламер, но, боюсь, мы вряд ли сможем его принять. Я боюсь куда-либо идти из-за того, что мой желудок так легко подводит при любом волнении. Даже сейчас я редко бываю в Лондоне; не то чтобы мне стало ничуть хуже, возможно, скорее лучше, и я веду очень комфортную жизнь с тремя часами ежедневной работы, но это жизнь отшельника. У меня ВСЕГДА плохие ночи, и это мешает мне стать бодрым. Вы спрашиваете о лечении водой. Я принимаю с интервалом в два-три месяца, пять-шесть недель УМЕРЕННО тяжелого лечения, и всегда с хорошим эффектом. Приходите ли вы сюда, я молюсь и умоляю вас всякий раз, когда у вас найдется время; вы не можете передать, сколько удовольствия это доставило бы мне и Э. Я закончил 1-й том для Реевского общества усоногих на ножках, членом которого, как я думаю, вы являетесь, вы скоро получите. Прочтите, что я описываю о полах Ibla и Scalpellum. Сейчас я занимаюсь сидячими усоногими и ужасно устал от своей работы: человек, занимающийся систематикой, должен работать не менее восьми часов в день. Вы видели меня насквозь, когда сказали, что я, должно быть, хотел увидеть последствия [слово неразборчиво] Фиаско, ибо неделю назад я говорил Э., что если бы я был таким, каким был в старые добрые времена, меня бы точно не было в тот час. Вы спрашиваете об Эразмусе; он почти такой же, как обычно, и постоянно более или менее нездоров. Сьюзен (Его сестра.) намного лучше, она цветет и счастлива. Кэтрин (еще одна сестра.) сейчас в Риме, и мне там понравилось до такой степени, что это просто удивительно для моих высохших старых костей. А теперь, я думаю, я рассказал вам достаточно, и более чем достаточно о доме Дарвина; так что, мой дорогой старый друг, прощай. Как приятно мы провели время, попивая кофе в ваших комнатах в колледже Христа, и думая о славе Cruх major. (Жук Rapanaeus cruх-major.) Ах, в те дни не было профессий для сыновей, не было проблем со здоровьем, которых можно было бы опасаться за них, не было калифорнийского золота, не было

французских вторжений. Насколько важнее будущее для настоящего, когда тебя окружают дети. Мой страх - наследственное нездоровье. Для них даже смерть лучше.

Мой дорогой Фокс, твой искренний друг Ч. ДАРВИН.

P.S.—Сьюзен в последнее время ведет работу, которую я считаю поистине героической, в связи со скандальным нарушением Закона о запрете лазания детей по дымоходам. Мы создали небольшое общество в Шрусбери для судебного преследования тех, кто нарушает закон. Это все заслуга Сьюзен. Она получала очень приятные письма от лорда Шафтсбери и герцога Сазерленда, но жестоких шропширских сквайров так же трудно сдвинуть с места, как камни. Акт "Из Лондона", кажется, нарушается чаще всего. С содроганием представляешь, как одного из твоих собственных детей в возрасте семи лет загоняют в дымоход— не говоря уже о последовавшей за этим отвратительной болезни, изъязвленных конечностях и полной моральной деградации. Если вы серьезно размышляете по этому поводу, наведите кое-какие справки; добавьте к своим многочисленным добрым делам еще одно и попытайтесь расшевелить магистратов. Есть несколько человек, которые поднимают шумиху в разных частях Англии по этому поводу. Маловероятно, что вы пожелали бы такого, но я мог бы прислать вам несколько эссе и информацию, если вам так нравится, либо для себя, либо в подарок.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. Записано [24 октября 1852 г.].

Мой дорогой Лис,

Я получил ваше длинное и самое долгожданное письмо сегодня утром и отвечаю на него сегодня вечером, так как буду очень занят с художником, рисующим Циррипедию, и сильно перегружен работой в течение следующих двух недель. Но сначала вы заслуживаете того, чтобы вас хорошенько отчитали — и, прошу вас, считайте, что вас хорошенько отчитали — за то, что вы подумали или написали, что мне могло бы на минуту наскучить любое количество подробностей о вас и ваших вещах. Это как раз то, что мне нравится слышать; поверьте, я часто вспоминаю старые дни, проведенные с вами, и иногда с трудом могу поверить, каким веселым и беззаботным человеком вы были в те давние времена. Ярким осенним вечером часто вспоминается какая-нибудь охотничья экскурсия из Осмастона. Я действительно сожалею, что мы живем так далеко друг от друга и что я так мало двигаюсь. В последнее время я чувствую себя необычно хорошо (без лечения водой), но я не нахожу, что могу переносить какие-либо перемены лучше, чем раньше... На днях я съездил в Лондон и обратно, и усталость, хотя и такая незначительная, вызвала у меня сильную рвоту. Мне грустно слышать, что у вас болит грудь, и я искренне надеюсь, что это всего лишь мышцы; как часто у священнослужителей подводит голос. Я хорошо понимаю ваше нежелание прерывать вашу большую и веселую компанию и уезжать за границу; но ваша жизнь очень ценна, поэтому вам следует быть очень осторожными в свое время. Вы спрашиваете обо всех нас, теперь о пяти мальчиках (о! профессии; о! золото; и о! французы — все эти три "о" считаются ужасными пугалами) и двух девочках...но еще одна и худшая из моих ошибок - наследственная слабость. Все мои сестры чувствуют себя хорошо, за исключением миссис Паркер, у которой сильно пошатнулось здоровье; да и у Эразмуса дела обстоят не лучшим образом: он недавно переехал на Куин-Энн-стрит. Я слышал о предполагаемом браке (с преподобным Дж. Хьюзом) вашей сестры Фрэнсис. Мне кажется, я видел ее с тех пор, но моя память возвращает меня примерно на двадцать пять лет назад, когда

она лежала. Я хорошо помню восхитительное выражение ее лица. Я от всей души желаю ей всяческого счастья.

Я вижу, что не ответил и на половину ваших вопросов. Нам очень нравится все, что мы видели и слышали о регби, и мы никогда не раскаивались в том, что отправили туда [W.]. Я уверен, что школы значительно улучшились с наших дней; но я ненавижу школы и всю систему разрушения привязанности семьи путем разлучения мальчиков так рано в жизни; но я не вижу никакой помощи и не смею рисковать тем, что юноша подвергнется искушениям мира, не пройдя более мягкого испытания в большой школе.

Я вижу, ты даже спрашиваешь о наших грушах. У нас есть много *Beurrees d'Aremberg*, *Winter Nelis*, *Marie Louise* и "*Ne plus Ultra*", но все они сняты со стены; стандартные карлики вырастили несколько деревьев, но у меня нет места для большего количества деревьев, поэтому их названия мне ни к чему. Вам действительно необходимо устроить себе отпуск и как-нибудь навестить нас; нигде вас не встретят с таким радушием. Я работаю над вторым томом *Циррипедии*, от созданий которой я ужасно устал. Я ненавижу Ракушек так, как никто никогда раньше не ненавидел, даже моряк на тихоходном корабле. Вышел мой первый том; единственная часть, на которую стоит обратить внимание, посвящена полам *Ибла* и *Скальпеллума*. Я надеюсь к следующему лету покончить со своей утомительной работой. Прощайте, приходите, когда сможете.

Я не могу не надеяться, что карбункул, возможно, пойдет вам на пользу: я слышал о всевозможных слабостях, исчезающих после карбункула. Я полагаю, что боль ужасна. Я полностью согласен с тем, что хлороформ - это благословенное открытие. Когда думаешь о своих детях, это совсем немного меняет твоё счастье. На днях у меня было пять измельчителей (два у лифта), когда я сидел под этим замечательным веществом, и я почти ничего не почувствовал.

Мой дорогой старый друг, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - У.Д. ФОКСУ. Даун, 29 января [1853].

Мой дорогой Лис,

Ваш последний отчет несколько месяцев назад был настолько неудовлетворительным, что я часто думал о вас и был бы вам очень признателен, если бы вы написали мне несколько строк и рассказали, как у вас голос и грудь. Я искренне надеюсь, что ваш отчет будет хорошим... У нашего второго парня сильные механические способности, и мы думаем сделать его инженером. Я попытаюсь найти для него какую-нибудь менее классическую школу, возможно, Брюс Касл. Я, конечно, хотел бы видеть больше разнообразия в образовании, чем в любой обычной школе — никакой тренировки способностей к наблюдению или рассуждению, никаких приобретаемых общих знаний — я должен считать эту систему убогой. С другой стороны, мальчик, который научился усердно изучать латынь и преодолевать ее трудности, должен быть способен усердно заниматься любым делом. Я всегда буду рад услышать от вас что-нибудь о школах или образовании. Я возвращаюсь к своей старой, нескончаемой теме, но, надеюсь, через несколько месяцев я действительно отправлюсь в печать со своим вторым томом о усоногих. Я был очень рад, обнаружив в моем первом томе некоторые странные факты, которым

поверили Оуэн и несколько других, чье доброе мнение я расцениваю как final...Do напиши как можно скорее и Расскажи мне все, что сможешь, о себе и семье; и я надеюсь, что твой отчет о себе будет намного лучше, чем твой предыдущий.

... В последнее время я очень мало бывал в Лондоне и не видел Лайелла с момента его возвращения из Америки; как ему повезло, что он собственноручно извлек части трех скелетов рептилий из каменноугольных слоев и из внутренностей ископаемого дерева, которое было полым внутри.

Прощай, мой дорогой Лис, сердечно твой ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. Морские дома, 13, Истборн, [15 июля? 1853 г.].

Мой дорогой Лис,

Здесь мы пребываем в состоянии глубокой праздности, что для меня является роскошью; и я полагаю, все мы испытывали бы огромное удовольствие, если бы не отвратительные холодные порывы ветра и проливной дождь, которые всегда наводят скуку на детей вдали от дома. Я получил ваше письмо от 13 июня, когда работал как раб с мистером Сауэрби над рисунком для моего второготома, и поэтому отложил ответ на него до того момента, когда понял, что у меня будет свободное время. Я был чрезвычайно рад получить ваше письмо. Пару месяцев назад я намеревался послать вам письмо с просьбой о помощи, чтобы узнать, как у вас дела, когда встретил сэра П. Эджертона, который сказал мне, что у вас все хорошо, и, как обычно, выразил свое восхищение вашими делами, особенно вашим сельским хозяйством и количеством животных, включая детей, которых вы держите на своей земле. Одиннадцать детей, аве Мария! это серьезное предупреждение для вас. Действительно, я смотрю на своих пятерых мальчиков как на нечто ужасное и ненавижу саму мысль о профессиях и т.д. Если бы кто-то мог обеспечить им умеренное состояние здоровья, это не имело бы такого большого значения, поскольку я не могу не надеяться, что с огромной эмиграцией профессии несколько улучшатся. Но мое пугало - наследственная слабость. Мне особенно нравится слышать все, что вы можете сказать об образовании, и вы заслуживаете того, чтобы вас отругали за то, что вы сказали: "Вы не хотели МУЧИТЬ меня длинной байкой". Вы спрашиваете о регби. Мне это очень нравится, по тому же принципу, по которому моему соседу, сэру Дж. Лаббоку, нравится Итон, а именно, что это не хуже любой другой школы; расходы СО ВСЕМ И Т.Д. и Т.П., включая некоторую одежду, дорожные расходы и т.д., составляют от 110 до 120 фунтов в год. Я не думаю, что школы стали такими порочными, как раньше, и гораздо более трудолюбивыми. Мальчики, я думаю, живут слишком уединенно, занимаясь своими отдельными занятиями; и я сомневаюсь, что они получают столько знаний о характере, сколько привыкли получать мальчики; и это, по моему мнению, ЕДИНСТВЕННОЕ преимущество государственных школ перед маленькими. Я бы подумал, что единственным преимуществом маленькой школы перед домашней была вынужденная регулярность в их работе, которую ваши мальчики, возможно, получают у вас дома, но я не думаю, что мои мальчики получили бы у меня дома. В противном случае весьма прискорбно отправлять мальчиков в столь раннем возрасте из дома.

... Вернуться к школам. Мое главное возражение против них как учебных заведений - огромная доля времени, проводимого за чтением классики. Мне кажется (хотя, возможно, это всего лишь

фантазия), что я могу ощутить пагубное воздействие на ум моего старшего сына, сдерживающее интерес ко всему, в чем участвуют рассуждения и наблюдения. Похоже, сработала простая память. Я, конечно, поищу какую-нибудь школу с более разнообразным обучением для моих младших мальчиков. Недавно я разговаривал с деканом Херефорда, который наиболее решительно придерживается этой точки зрения; и он сказал мне, что в Херефорде есть школа, начинающая работу по этому плану; и что доктор Кеннеди в Шрусбери собирается энергично модифицировать эту школу ...

Я ЧРЕЗВЫЧАЙНО рад слышать, что вы одобрили мой объемный труд. Я потратил почти смехотворное количество труда на эту тему и, конечно, никогда бы не взялся за это, если бы предвидел, какая это будет работа. Я надеюсь закончить к концу года. Пожалуйста, напишите еще раз в ближайшее время; для меня истинное удовольствие получить от вас весточку. Прощайте, передайте самые теплые пожелания моей жены вам и миссис Фокс.

Мой дорогой старый друг, сердечно ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин У.Д. ФОКСУ. Даун, 10 августа [1853].

Мой дорогой Лис,

Я искренне благодарю вас за то, что вы написали мне так скоро после вашего самого тяжелого несчастья. Ваше письмо так сильно повлияло на меня. Мы оба искренне сочувствуем вам и миссис Фокс. Мы тоже потеряли, как вы, возможно, помните, не так давно самое дорогое дитя, о котором я до сих пор не могу спокойно думать; и все же, как вы должны знать по своему собственному самому болезненному опыту, время смягчаети заглушает, поистине удивительным образом, чувства и сожаления человека. Поначалу оно действительно горькое. Я могу только надеяться, что ваше здоровье и здоровье бедной миссис Фокс может быть сохранен, и это время мягко сделает свое дело и снова сведет вас всех вместе, как счастливую семью, которую, как я вполне могу поверить, вы так недавно сформировали.

Мой дорогой Фокс, твой любящий друг ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[Следующее письмо относится к медали Королевского общества, которой он был награжден в ноябре 1853 года:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 5 ноября [1853].

Моя дорогая Проститутка,

Среди моих писем, полученных этим утром, я первым открыл одно от полковника Сэбина; содержание, конечно, меня очень удивило, но, хотя письмо было ОЧЕНЬ ДОБРЫМ, почему-то меня очень мало заботило содержащееся в нем объявление. Затем я открыл ваш, и таков эффект тепла, дружбы и доброты от того, кого любят, что тот же самый факт, рассказанный так, как вы его рассказали, заставил меня светиться от удовольствия, пока само мое сердце не забилося сильнее. Поверьте, я не скоро забуду удовольствие, доставленное вашим письмом. Такое сердечное, нежное сочувствие стоит больше, чем все медали, которые когда-либо были

или будут отчеканены. Еще раз, моя дорогая Проститутка, я благодарю тебя. Я надеюсь, что Линдли (John Lindley, 1799-1865) был сыном владельца питомника близ Норвича, из-за неудачи которого в бизнесе он был вынужден в возрасте двадцати лет полагаться на собственные средства. С ним подружился сэр У. Хукер, а сэр Дж. Бэнкс нанял его помощником библиотекаря. Похоже, он обладал огромной трудоспособностью и, как говорят, перевел "Анализ фруктов" Ричарда за один присест в течение двух дней и трех ночей. Он стал помощником секретаря Общества садоводов, а в 1829 году был назначен профессором ботаники в Университетском колледже, должность, которую он занимал более тридцати лет. Его труды многочисленны: пожалуй, самым известным является его "Растительное царство", опубликованное в 1846 году. Его влияние на внедрение естественной системы классификации было значительным, и он использовал "весь вес своего учения и всю силу своих противоречивых способностей, чтобы поддержать его", в отличие от системы Линнея, которой повсеместно обучали на начальном этапе его карьеры. Сакс указывает (Geschichte der Botanik, 1875, стр. 161), что, хотя Линдли принял в основном обоснованную классификацию растений, он сделал это только за счет отказа от своего собственного теоретического принципа, согласно которому физиологическая важность органа является мерой его классификационной ценности.) никогда не услышу, что он был моим конкурентом; ибо на самом деле это почти СМЕШНО (конечно, вы никогда не повторите, что я это сказал, поскольку другие, хотя, я полагаю, не вы, сочли бы это притворством), что он не получил медаль задолго до меня; я думаю, что это было бы смешно. я должен быть УВЕРЕН, что вы поступили совершенно правильно, сделав ему предложение; и, тем не менее, какой вы хороший, милый, добросердечный человек, раз радуетесь, что мне оказана такая честь.

Тем УДОВОЛЬСТВИЕМ, которое я испытал по этому случаю, я почти полностью обязан вам.

Прощай, моя дорогая Проститутка, сердечно твой Ч. ДАРВИН.

P.S. — Можете себе представить, каким это было сюрпризом, потому что я никогда не слышал, чтобы медали выдавались за исключением статей из "Трудов". Все это заставит меня с большим энтузиазмом работать над завершением второго тома.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 18 февраля [1854].

Мой дорогой Лайель,

Я бы написал раньше, если бы не сомневался, что вы продолжите обучение в Тенерифе, но теперь я чрезвычайно рад слышать, что ваш дальнейший прогресс несомненен; не то чтобы мне есть что сказать, в чем вы вполне можете поверить, услышав, что с тех пор, как вы уехали, я был в Лондоне всего один раз. Два дня назад я был особенно рад увидеть ваше письмо мистеру Хорнеру с геологическими новостями; какое счастье для вас, что ваши колени восстановились. Я поражен тем, что вы говорите о красоте, хотя я представлял ее великолепной. На самом деле я испытываю настоящую зависть, думая о том, как вы карабкались вверх и вниз по этим крутым долинам. И какая приятная вечеринка по случаю вашего возвращения из ваших экспедиций. Я часто думаю о том восторге, который я испытывал, исследуя вулканические острова, и я могу вспомнить даже отдельные камни, на которые натыкался, и запах горячих, черных, покрытых шлаком утесов; но от этих ГОРЯЧИХ запахов вы, кажется, мало что почувствовали. Я

действительно тебе завидую. Как бы я хотел быть с тобой и размышлять о глубоких и узких долинах.

Насколько необычен упомянутый вами факт о том, что наклон слоев по окружности больше, чем в середине острова; как вы думаете, возвышенность имела форму плоского купола? Я помню, что в Кордильерах меня ЧАСТО поражала большая крутизна пластов на КРАЙНИХ низких внешних хребтах по сравнению с огромной массой внутренних гор. Осмелюсь предположить, вам приходила в голову мысль точно измерить ширину любых дамб на вершине и у подножия любого большого утеса (что было сделано мистером Сирлом [?] на острове Святой Елены), поскольку мне часто казалось ОЧЕНЬ СТРАННЫМ, что трещины не уходят ЧАЩЕ вверх. Я не могу придумать, что сообщить вам нового, поскольку я никого не видел с тех пор, как был в Лондоне, когда был рад видеть Форбса таким здоровым, довольно крупным и дородным. Я видел в музее удивительно богатую золотую руду из Северного Уэльса. Рамзи также рассказал мне, что недавно он превратил большое количество нового красного песчаника в пермский камень вместе с лабиринтодоном. Без сомнения, вы читаете газеты и знаете, что Э. де Бомон является бессменным секретарем и, я полагаю, станет более влиятельным, чем когда-либо; а Леверье занял место Араго в Обсерватории. Недавно в Геологическом обществе было собрание, на котором Прествич (судя по тому, что рассказал мне Р. Джонс) выдвинул вашу точную теорию, а именно. что вся красная глина и кремни на меловом плато поблизости - это остатки медленного растворения мела!

Что касается нас самих, то у нас нет никаких новостей, и все хорошо. Некоторое время назад Хукеры остановились у нас на две недели, и, к нашему величайшему удовольствию, Хенслоу приехал сюда, и ему было здесь очень тихо и уютно. Приятно видеть такое спокойное, доброжелательное и интеллектуальное выражение лица. Были большие опасения, что у него затронута сердце; но, я молю Бога, безосновательно. Книга Хукера ("Гималайский дневник" сэра Дж. Хукера.) вышла в свет и написана в ПРЕКРАСНОМ стиле. Он оказал мне огромную честь, посвятив ее мне! Что касается меня, то я добрался до страницы 112 "Ракушек", и это общая сумма моей истории. Кстати, поскольку вы так заботитесь о Северной Америке, я могу упомянуть, что получил длинное письмо от товарища по кораблю из Австралии, который говорит, что колония становится решительно республиканской из-за притока американцев, и что все великие и новаторские схемы разработки золота спланированы и выполнены этими людьми. Какая это взбалмошная нация! Передайте мои самые теплые воспоминания леди Лайелл, и миссис Банбери, и самому Банбери. Я от всего сердца желаю, чтобы Канарские острова были в десять раз интереснее Мадейры, и чтобы у всей вашей компании все шло как нельзя лучше.

Мой дорогой Лайель, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 1 марта [1854].

Моя дорогая Проститутка,

Вчера вечером я закончил первый том и искренне поздравляю вас с выпуском ПЕРВОКЛАССНОЙ книги ("Гималайский журнал") — книги, которая, несомненно, прослужит долго. Я не сомневаюсь, что он займет свое место в качестве стандарта, не столько потому, что

в нем содержится настоящая твердая материя, сколько потому, что он дает представление обо всей стране. Можно почувствовать, что ты это видел (и я испытывал отчаянный дискомфорт, преодолевая некоторые мосты и крутые склоны), и ОСОЗНАЕШЬ все замечательные Физические особенности. У вас действительно есть основания для гордости; подумайте, как мало было путешественников с глубокими знаниями в одном предмете, которые вдобавок могли бы составить карту (которая, кстати, одна из самых четких, которые я когда-либо видел, а потому благословения да падут на вашу голову) и изучать геологию и метеорологию! Я думал, что знаю вас очень хорошо, но у меня и в мыслях не было, что путешествия были вашим хобби; но я искренне рад этому, поскольку уверен, что никогда не наступит время, когда вы и миссис Хукер не будете с гордостью оглядываться на труд, вложенный в создание этих прекрасных томов.

Ваше письмо, полученное сегодня утром, чрезвычайно заинтересовало меня, и я искренне благодарю вас за то, что вы поделились со мной своими давними мыслями и устремлениями. Все, что вы сказали, вызывает у меня еще большее удовлетворение от Посвящения; но вы, плохой человек, помните, вы спрашивали меня, как, по моему мнению, Лайеллу понравилось бы, чтобы эта работа была посвящена ему? Я помню, как решительно я ответил, и предполагаю, что вы хотели знать, что я должен чувствовать; кто бы мог подумать, что вы такой хитрый? Я рад, что вы проявили немного честолюбия в отношении вашего журнала, ибо вы должны знать, что я часто ругал вас за то, что вы не заботитесь больше о славе, хотя в то же время, должен признаться, я завидовал и почитал вас за то, что вы так свободны (слишком свободны, как я всегда думал) от этого "последнего недостатка и т.д.". Не говорите: "До сих пор для меня никогда не существовало прошлого — призрак всегда был в поле зрения", потому что вскоре вы увидите в поле зрения другие призраки. Как хорошо я знаю это чувство, а раньше испытывал еще более ярко; но я думаю, что мой желудок сильно умерил мой прежний чистый энтузиазм к науке и познаниям.

Я пишу неоправданно длинное письмо, но я должен вернуться к Дневникам, о которых я почти ничего не говорил подробно. Прежде всего, иллюстрации и карты кажутся мне лучшими из всех, что я когда-либо видел; стиль везде кажется мне совершенно ясным (какое редкое достоинство), а некоторые отрывки действительно красноречивы. Как превосходно вы описали верхние долины и какой отвратительный в них климат; Я чувствовал себя очень тревожно на склонах Кинчина в ту ужасную снежную ночь. Ничто так не поражало меня, как ваша физическая сила; и все эти дьявольски-мощности! Ну, слава богу! Маловероятно, что я когда-нибудь побываю в Гималаях. Многое с научной точки зрения заинтересовало меня, особенно все, что касается этих замечательных морен. Я, конечно, думаю, что вполне представляю себе долины, возможно, более отчетливо из-за того, что видел долины Таити. Я не сомневаюсь, что Гималаи почти всем своим очертанием обязаны проточной воде и что они подвергались такому воздействию дольше, чем какие-либо горы (на данный момент описанные) в мире. Какой контраст с Андами!

Возможно, вы хотели бы услышать то небольшое, что я могу сказать *per contra*, и это относилось только к началу, в котором (как мне показалось) было недостаточно ПОТОКА, пока вы не доберетесь до Мирзапора на Ганге (но Thugs были САМЫМИ интересными), где поток, казалось, нес вас дальше более равномерно, с более длинными предложениями, более длинными фактами и обсуждениями и т.д. В другом издании (и я рад слышать, что Мюррей все распродал) я бы подумал, нельзя ли сжать эту часть. Даже если бы метеорология была включена в примечания, я думаю, это было бы улучшением. Весь мир против меня, но мне очень неприятно

видеть, что все латинские названия выделены курсивом и все они смешаны с английскими именами, набранными латинским шрифтом; но я должен нести это бремя, ибо все люди Науки, кажется, думают, что испортит латынь то, что она будет набрана тем же шрифтом, что и бедный старый английский. Что ж, я очень горжусь СВОЕЙ книгой; но есть одна неприятность: мне не очень нравится спрашивать людей, видели ли они ее и нравится ли она им, потому что я чувствую себя настолько отождествленным с ней, что подобные вопросы становятся довольно личными. Следовательно, я не могу сообщить вам мнение других. Вы наверняка видели довольно хорошую рецензию в "Атенеуме".

Какие замечательные новости из Тасмании: это действительно очень замечательный и заслуживающий доверия факт для Колонии. (Имеется в виду незапрошенный грант колониального правительства на покрытие расходов на "Флору Тасмании" сэра Дж. Хукера.) Я всегда строю настоящие воздушные замки по поводу эмиграции, и в последнее время Тасмания была моей штаб-квартирой; так что я очень горжусь своей приемной страной: это действительно очень необычный и восхитительный факт, контрастирующий со слабым пониманием науки на старой родине. Я сердечно благодарю вас за ваше письмо сегодня утром и за все удовлетворение, которое доставила мне ваша Преданность; я не мог не думать о том, как сильно презирал бы вас за то, что вы не посвятили его какому—нибудь великому человеку, который принес бы вам и ему хоть какую-то пользу в глазах мира. Ах, моя дорогая Проститутка, ты была очень мягка на этот счет, и оправдай мои слова о том, что ты недостаточно заботишься о собственной славе. Я хотел бы быть во всех отношениях более достойным твоего хорошего мнения. Прощай. Как приятно, что миссис Хукер и вы должны отдохнуть от одного из ваших многочисленных трудов...

Еще раз прощайте: я написал удивительно длинное письмо. Прощайте, и да благословит вас Бог.

Моя дорогая Проститутка, всегда твоя, Ч. ДАРВИН.

P.S. Я только что просмотрел свое бессвязное письмо; я вижу, что я вовсе не выразил своего сильного восхищения объемом научной работы, проделанной вами во многих областях. Это действительно грандиозно. Вы имеете право отдохнуть на своих веслах; или даже сказать, если вам так угодно, что "ваш меридиан миновал"; но я совершенно уверен, что день вашей репутации и всеобщего признания только забрезжил.

[В сентябре 1854 года его работа с усногими была практически завершена, и он написал доктору Хукеру:

"Последние несколько недель я растрачивал свое время впустую, отчасти от безделья, на всякую всячину, и разослал десять тысяч Ракушек из дома по всему миру. Но теперь, через день или два, я начну просматривать свои старые заметки о видах. Какое дело мне придется обсудить с вами; я должен буду внимательно следить за тем, чтобы не "прогрессировать" в одну из величайших зануд в жизни для тех немногих, кто, подобно вам, обладает большими знаниями".]

ГЛАВА 1.X. — РАЗВИТИЕ "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ".

[Развитие "Происхождения видов" было кратко описано словами моего отца (выше). Письма, приведенные в настоящей и последующих главах, проиллюстрируют и дополняют историю, изложенную таким образом.]

Ясно, что в начале путешествия на "Бигле" он не считал несовместимым с его взглядами высказываться совершенно ортодоксальным языком относительно генезиса новых видов. Так, в 1834 году он писал (ср. Дневники, стр. 468.) в Вальпараисо: "Я уже нашел слои свежих раковин, еще сохранивших свой цвет, на высоте 1300 футов, а внизу равнинная местность усеяна ими. Кажется не таким уж невероятным предположение, что нехватка животных может быть вызвана тем, что ни одно из них не было создано с тех пор, как эта страна поднялась из моря".

Этот отрывок не встречается в опубликованном "Дневнике", последняя корректура которого была закончена в 1837 году; и этот факт согласуется с изменениями, которые, как мы знаем, произошли в его взглядах. Но в опубликованном "Дневнике" мы находим отрывки, которые демонстрируют точку зрения, более соответствующую ортодоксальной теологической естественной истории, чем его более поздним взглядам. Так, говоря о птицах *Synallaxis* и *Scytalopus* (1-е издание, стр. 353; 2-е издание, стр. 289), он говорит: "Обнаруживая, как в этом случае, любое животное, которое, кажется, играет столь незначительную роль в великой схеме природы, человек склонен задаваться вопросом, почему должен был быть создан отдельный вид".

Сравнение двух выпусков "Дневника" поучительно, поскольку дает некоторое представление о развитии его взглядов на эволюцию. Это не дает нам истинного представления о массе догадок, которые формировались в его уме, но показывает нам, что он был достаточно уверен в истинности своей веры, чтобы позволить более сильному оттенку эволюции появиться во втором издании. В Автобиографии он упомянул, что только после прочтения Мальтуса у него сложилось ясное представление о силе естественного отбора. Это было в 1838 году — через год после того, как он закончил первое издание (оно было опубликовано только в 1839 году), и за пять лет до того, как было написано второе издание (1845). Таким образом, поворотный момент в формировании его теории произошел между написанием двух изданий.

Сначала я приведу несколько отрывков, которые практически совпадают в двух изданиях и которые, следовательно, представляют интерес главным образом как иллюстрация его настроения в 1837 году.

Случай с двумя видами *Molothrus* (1-е издание, стр. 61; 2-е издание, стр. 53), должно быть, был одним из первых замеченных им примеров существования репрезентативных видов - явление, которое, как мы знаем ("Автобиография"), глубоко поразило его. Обсуждение интродуцированных животных (1-е издание, стр. 139; 2-е издание, стр. 120) показывает,

насколько сильное впечатление на него произвела сложная взаимозависимость обитателей данной местности.

Аналогичная точка зрения приводится в обсуждении (1-е издание, стр. 98; 2-е издание, стр. 85) ошибочного мнения о том, что крупным животным для поддержания своего существования требуется пышная растительность; некорректность этой точки зрения иллюстрируется сравнением фауны Южной Африки и Южной Америки и растительности двух континентов. Интерес этого обсуждения заключается в том, что оно ясно показывает наше априорное незнание условий жизни, подходящих для любого организма.

Есть отрывок, который неоднократно цитировался как имеющий отношение к происхождению его взглядов. Именно там он обсуждает поразительную разницу между видами мышей на востоке и западе Анд (1-е издание, стр. 399): "Если только мы не предположим, что один и тот же вид был создан в двух разных странах, нам не следует ожидать более близкого сходства между органическими существами на противоположных сторонах Анд, чем на берегах, разделенных широким морским проливом". Во 2-м издании, на странице 327, отрывок почти устно идентичен и является практически тем же самым.

Во 2-м издании снова есть другие отрывки, которые носят более эволюционный характер, но в остальном похожи на соответствующие отрывки в 1-м издании. Таким образом, описывая слепого Туко-туко (1-е издание, стр. 60; 2-е издание, стр. 52), в первом издании он не делает никаких намеков на то, что мог подумать Ламарк, и этот экземпляр не используется в качестве примера модификации, как в издании 1845 года.

Во 2-м издании (стр. 173) встречается поразительный отрывок о взаимоотношениях между "вымершими edentata и ныне живущими ленивцами, муравьедами и броненосцами".

"Я не сомневаюсь, что эти удивительные взаимоотношения на одном континенте между мертвыми и живыми впоследствии прольют больше света на появление органических существ на нашей земле и их исчезновение с нее, чем любой другой класс фактов".

Это предложение не встречается в первом издании, но он, очевидно, был глубоко поражен исчезновением гигантских предшественников нынешних животных. Разница между обсуждениями в двух изданиях весьма поучительна. В обоих настаивается на нашем незнании условий жизни, но во втором издании обсуждение ведется так, чтобы привести к решительному утверждению интенсивности борьбы за жизнь. Затем следует сравнение редкости (Во втором издании, стр. 146, гибель крупного рогатого скота Ниата в результате засухи приводится как хороший пример нашего незнания причин редкости или исчезновения. Этот отрывок отсутствует в первом издании.) и "вымирание", который вводит идею о том, что сохранение и доминирование существующих видов зависят от степени, в которой они адаптированы к окружающим условиям. В первом издании он просто "испытывает искушение поверить в такие простые взаимосвязи, как изменение климата и пищи, или появление врагов, или увеличение числа других видов, как причину преемственности рас". Но, наконец (1-е издание), он заканчивает главу сравнением вымирания вида с истощением и исчезновением разновидностей плодовых деревьев: как будто он думал, что таинственный срок жизни был наложен на каждый вид при его создании.

Определенный интерес представляет разница в подходе к проблеме Галапагосских островов. В предыдущей книге отмечался американский тип произрастания островов, а также тот факт, что

разные острова обладают особыми формами, но важность проблемы в целом не выдвигалась так сильно. Таким образом, в первом издании он просто говорит:—

"Это типовое сходство между отдаленными островами и континентами, хотя виды различны, едва ли было достаточно замечено. Это обстоятельство можно было бы объяснить, согласно взглядам некоторых авторов, утверждением, что творческая сила действовала в соответствии с одним и тем же законом на обширной территории"(1—е издание, стр. 474).

Этот отрывок не приводится во втором издании, и обобщения о географическом распространении гораздо шире и полнее. Поэтому он спрашивает: —

"Почему их коренные жители, associated...in отличающиеся пропорциями как по виду, так и по численности от таковых на Континенте и, следовательно, действующие друг на друга по—разному — почему они были созданы в американских типах организаций?" - (2-е издание, стр. 393.)

Такая же разница в обращении показана и в других разделах этой главы. Таким образом, градация формы клюва, представленная тринадцатью родственными видами вьюрковых, описана в первом издании (стр. 461) без комментариев. Принимая во внимание, что во втором издании (стр. 380) он заключает:—

"Можно было бы действительно предположить, что из изначальной малочисленности птиц на этом Архипелаге был взят один вид и модифицирован для разных целей".

В целом мне кажется примечательным, что разница между двумя изданиями не больше; это еще одно доказательство осторожности и сдержанности автора в трактовке своей теории. Прочитав второе издание "Дневника", мы с сильным чувством удивления обнаруживаем, как далеко были развиты его взгляды в 1837 году. Мы можем составить мнение по этому поводу из записных книжек, в которые он записывал отдельные мысли и вопросы. Я процитирую из первой записной книжки, законченной между июлем 1837 и февралем 1838 года: и это тем более стоит сделать, поскольку это дает нам представление о состоянии его мыслей до чтения Мальтуса. Заметки написаны в его самом торопливом стиле, так много слов опущено, что часто бывает трудно уловить смысл. За некоторыми исключениями (обозначенными квадратными скобками) (В выдержках из записной книжки обычные скобки представляют собой круглые скобки моего отца). Я напечатал выдержки в том виде, в каком они были написаны; пунктуация, однако, была изменена, и несколько очевидных ошибок исправлены там, где это казалось необходимым. Выдержки напечатаны не по порядку, но примерно классифицированы. (На первой странице записной книжки написано "Зоономия"; по-видимому, это относится к первым нескольким страницам, на которых обсуждается размножение с помощью геммирования и где упоминается "Зоономия". Из записной книжки было вырезано много страниц, вероятно, для написания наброска 1844 года, и они, без сомнения, содержали наиболее интересные выдержки.)

"Размножение объясняет, почему современные животные того же типа, что и вымершие, что является законом, почти доказанным".

"Мы можем понять, почему структура распространена в определенных странах, когда мы вряд ли считаем это необходимым, но если бы она была необходима одному праотцу, результат был бы таким, каков он есть. Отсюда антилопы на мысе Доброй Надежды; сумчатые в Австралии".

"Страны дольше всех разделялись наибольшими различиями — если отделить их от погружения, возможно, это два разных типа, но у каждого есть свои представители — как в Австралии".

"Будет ли это применимо ко всему органическому царству, когда наша планета впервые остынет?"

Два следующих отрывка показывают, что он применил теорию эволюции ко "всему органическому царству", от растений до человека.

"Если мы решим дать волю догадкам, тогда животные, наши собратья по боли, болезням, смерти, страданиям и голоду, наши рабы на самых тяжелых работах, наши товарищи по развлечениям — они могут иметь [?] наше происхождение от одного общего предка — мы все можем слиться воедино".

"Разница в интеллекте человека и животных не так велика, как между живыми существами, лишенными мысли (растения), и живыми существами, обладающими мыслью (животные)".

Следующие выдержки снова касаются априорного взгляда на вероятность происхождения видов по наследству ["размножение", как он это называл.].

"Древо жизни, возможно, следовало бы назвать кораллом жизни, основание ветвей которого мертво, так что проходов не видно".

"Возможно, между свиньей и тапиром никогда не было различия, но все же от какого-то общего прародителя. Теперь, если бы промежуточные ряды породили бесконечное количество видов, вероятно, ряд был бы более совершенным".

В другом месте, говоря о промежуточных формах, он говорит:—

"Кювье возражает против размножения видов, говоря: "Почему не были обнаружены какие-нибудь промежуточные формы между *Palaeotherium*, *Megalonyx*, *Mastodont* и ныне живущими видами?" Теперь, по моему мнению (в Южной Америке) родителем всех броненосцев может быть брат мегатерия — дядя, ныне покойный".

Говоря в другом месте о промежуточных формах, он замечает:—

Оппоненты скажут: "Покажите им меня". Я отвечу "да", если вы покажете мне каждый шаг между бульдогом и борзой".

Здесь мы видим, что случай с домашними животными уже присутствовал в его сознании как имеющий отношение к созданию естественных видов. Исчезновение промежуточных форм естественным образом приводит к теме исчезновения, с которой начинается следующий отрывок.

"Это удивительный факт: лошадь, слон и мастодонт вымирают примерно в одно и то же время в таких разных местах.

Скажет ли мистер Лайелл, что какое-то [то же самое?] обстоятельство убило его на пути из Испании в Южную Америку? — (Никогда).

"Они умирают, не меняясь, как золотые косточки; это ПОКОЛЕНИЕ ВИДОВ, подобное поколению ОСОБЕЙ.

"Почему человек умирает? Увековечивать определенные особенности (следовательно, адаптацию), уничтожать случайные разновидности и приспособляться к изменениям (ибо, конечно, изменение, даже в разновидностях, есть приспособление). Теперь этот аргумент применим к видам.

"Если особь не может размножаться, у нее нет проблем — так же и с видами.

"Если ВИДЫ порождают другие ВИДЫ, их раса не исчезает полностью: подобно золотым косточкам, если они произведены из семян, они продолжают, иначе все погибают.

"Ископаемая лошадь породила в Южной Африке зебру — и продолжила свое существование — в Америке.

"Все животные одного и того же вида связаны друг с другом точно так же, как почки растений, которые отмирают в одно и то же время, хотя образуются либо раньше, либо позже. Докажите, что животные похожи на растения, проследите градацию между ассоциированными и неассоциированными животными, и история будет полной ".

Здесь мы имеем дело с уже упоминавшимся представлением о сроке жизни, закреплённом за видом.

Но в следующем примечании мы получаем вымирание, связанное с неблагоприятной вариацией, и, таким образом, дается намек на естественный отбор:

"Что касается вымирания, мы можем легко видеть, что [разновидность] страуса (Petise) может быть плохо адаптирована и, таким образом, вымирать; или, с другой стороны, подобно Орфею [галапагосской птице], будучи благоприятной, их может быть много. Это требует [соблюдения] принципа, согласно которому постоянные вариации, вызванные ограниченным размножением и меняющимися обстоятельствами, продолжают и производятся в соответствии с адаптацией к таким обстоятельствам, и, следовательно, гибель видов является следствием (вопреки тому, что может показаться из Америки) неадаптации обстоятельств ".

Первая часть следующего отрывка имеет аналогичное отношение. Конец отрывка представляет большой интерес, поскольку показывает, что в то раннее время у него были представления о далеко идущем характере теории эволюции:

"Вера в трансмутацию и географическую группировку побуждает нас стремиться обнаружить ПРИЧИНЫ изменений; способ адаптации (желание родителей??), инстинкт и структура становятся полными предположений и линий наблюдения. Взгляд на поколение как на конденсацию (я полагаю, он имеет в виду, что каждое поколение "конденсируется" до небольшого числа наиболее организованных индивидуумов.) понятный тест на высочайшую организованность...Моя теория придавала бы изюминку современной и ископаемой сравнительной анатомии; она привела бы к изучению инстинктов, наследственности и разума - наследственности, всей метафизики.

"Это привело бы к более тщательному изучению гибридности и генерации, причин изменений, чтобы знать, от чего мы произошли и к чему мы склонны — к тому, какие обстоятельства

благоприятствуют скрещиванию, а что препятствует ему — это, а также прямое изучение прямых переходов структуры у видов, могло бы привести к законам изменений, которые затем стали бы [основным] объектом изучения, направляющим наши предположения".

Следующие два отрывка представляют схожий интерес; второй особенно интересен, поскольку содержит зародыш заключительного предложения "Происхождения видов": ("Происхождение видов" (1—е издание), стр. 490: "Есть величие в этом взгляде на жизнь с ее многочисленными способностями, которая изначально была воплощена в нескольких формах или в одной; и что, пока эта планета вращалась в соответствии с установленным законом тяготения, из такого простого начала возникли и развиваются бесконечные формы, самые красивые и удивительнейшие".) —

"До открытия силы притяжения можно было бы сказать, что объяснить движение всех [планет] по одному закону было так же трудно, как и объяснить движение каждой из них в отдельности; поэтому утверждение, что все млекопитающие произошли от одного вида и поскольку распределялись такими способами, которые мы можем распознать, можно считать ничего не объясняющим.

Раньше астрономы могли бы сказать, что Бог заранее распорядился, чтобы каждая планета двигалась по своему определенному пути. Точно так же Бог приказывает каждому животному быть созданным с определенными формами в определенных странах, но насколько более простая и возвышенная сила — пусть влечение действует по определенному закону, таковы неизбежные последствия — пусть будут созданы животные, тогда по установленным законам зарождения такими будут их преемники.

"Пусть транспортные возможности будут такими, и такими же будут формы перехода от одной страны к другой — пусть геологические изменения будут происходить с такой скоростью, такими же будут численность и распространение видов!!"

Три следующих отрывка представляют разный интерес: —

"Когда кто-то видит сосок на груди мужчины, это говорит не о какой-то пользе, а о том, что пол не был определен — так что с бесполезными крыльями под надкрыльями у жуков - рожденных от жуков с крыльями и модифицированных - если бы это было простое творение, оно родилось бы без них".

"В уменьшающейся популяции в любой момент времени становится все меньше близкородственных (несколько видов родов); в конечном счете, всего несколько родов (ибо в противном случае родство сошлось бы раньше) и, наконец, возможно, какой-то один-единственный. Не будет ли это объяснением странных родов с небольшим количеством видов, стоящих между большими группами, которые мы обязаны рассматривать как увеличивающиеся?"

Последний отрывок, который я процитирую, дает представление о зародыше его теории взаимосвязи между альпийскими растениями в различных частях света, в публикации которой его опередил Э. Форбс (см. Том i, стр. 72). В записной книжке 1837 года он пишет, что альпийские растения "ранее спускались ниже, следовательно, [они] являются видами низших измененных родов, или северных растений".

Когда мы обращаемся к наброску его теории, написанному в 1844 году (следовательно, еще до завершения второго издания "Дневника"), мы обнаруживаем огромный прогресс, сделанный в записной книжке 1837 года. Этот набросок на самом деле представляет собой удивительно полное изложение аргументации, впоследствии знакомой нам по "Происхождению видов". Существует некоторая неясность относительно даты короткого наброска, который лег в основу эссе 1844 года. Мы знаем из его собственных слов (том I, стр. 68), что именно в июне 1842 года он впервые набросал краткий очерк своих взглядов. (Эту версию я не могу найти, и она, вероятно, была уничтожена, как и большая часть его рукописей, после того, как ее расширили и переписали заново в 1844 году.) Это заявление приведено с такими подробностями, что почти невозможно предположить, что оно содержит ошибку в дате. Оно также согласуется со следующей выдержкой из его дневника.

1842. 18 мая. Ездил в Маер.

" 15 июня - в Шрусбери, а 18-го - в Кейпл Кьюриг. Во время моего пребывания в Маэре и Шрусбери (через пять лет после поступления) написал карандашный набросок теории видов".

Снова во введении к "Происхождению", страница 1, он пишет: "после пятилетнего перерыва в работе" [с 1837 года, то есть с 1842 года] "я позволил себе поразмышлять на эту тему и сделал несколько коротких заметок".

Тем не менее в письме, подписанном сэром К. Лайеллом и сэром Дж.Д. Хукером, которое служит введением к совместному документу господ К. Дарвина и А. Уоллеса о "Тенденции видов к образованию разновидностей" ("Linn. Soc. Журнал", 1858, стр. 45.) Говорится, что эссе 1844 года (выдержки из которого составляют часть статьи) было "набросано в 1839 году и скопировано в 1844 году". Это заявление, очевидно, сделано на основании заметки, написанной рукой моего отца поперек Оглавления Эссе 1844 года. Оно следующего содержания: "Это было набросано в 1839 году и скопировано полностью, как здесь написано и прочитано вами в 1844 году". Я прихожу к выводу, что это примечание было добавлено в 1858 году, когда рукопись была отправлена сэру Дж.Д. Хукеру (см. Письмо от 29 июня 1858 г., стр. 476). Есть также некоторые дополнительные свидетельства по этой стороне вопроса. В письме мистеру Уоллесу (25 января 1859 г.) мой отец пишет: "Каждый, кого я видел, считал вашу статью очень хорошо написанной и интересной. Это отодвигает в тень мои выдержки (написанные в 1839 году, а сейчас всего двадцать лет назад!), которые, я должен сказать в качестве извинения, ни на минуту не предназначались для публикации". Утверждение о том, что самый ранний набросок был написан в 1839 году, часто встречается в биографических заметках моего отца, без сомнения, основанных на авторитете "Линнеевского журнала", но, я думаю, его следует считать ошибочным. Возможно, ошибка возникла именно таким образом. Написав в Оглавлении рукописи 1844 года, что она была набросана в 1839 году, я думаю, мой отец, возможно, имел в виду, что структура теории была четко продумана им на тот момент. В Автобиографии он говорит о времени, "примерно в 1839 году, когда теория была четко сформулирована", имея в виду, без сомнения, конец 1838-начало 1839 года, когда чтение Мальтуса дало ему ключ к идее естественного отбора. Но это объяснение неприменимо к письму мистеру Уоллесу; а что касается отрывка (мой отец, конечно, видел гранки статьи, потому что он добавил примечание, извиняющееся за стиль выдержек, на том основании, что "работа никогда не предназначалась для публикации".) в "Линнеевском журнале", трудно

понять, как ему могли позволить остаться в том виде, в каком он есть сейчас, создавая впечатление, что 1839 год был датой его самого раннего написанного наброска.

Набросок 1844 года написан рукой клерка на двухстах тридцати одной странице, чистые листы чередуются с рукописью с целью увеличения. Текст был переработан и исправлен, критические замечания написаны им самим карандашом на полях. Он разделен на две части: I. "Об изменчивости органических существ при одомашнивании и в их естественном состоянии". II. "О доказательствах, благоприятных и противоположных мнению о том, что виды являются естественно сформировавшимися расами, произошедшими от обычных видов". Первая часть содержит главный аргумент "Происхождения видов". Она основана, как и основная аргументация этой работы, на изучении домашних животных, и как Очерк, так и "Происхождение" открываются главой об изменчивости при одомашнивании и об искусственном отборе. За этим в обоих эссе следуют дискуссии об изменчивости в природе, о естественном отборе и о борьбе за жизнь. На этом любое близкое сходство между двумя эссе в отношении организации прекращается. Глава III. Очерка, который завершает первую часть, рассматривает вариации, происходящие в инстинктах и привычках животных, и, таким образом, в некоторой степени соответствует главе VII. из "Происхождения" (1-е издание). Таким образом, оно является дополнением к главам, в которых рассматриваются различия в структуре. По-видимому, это было помещено в начале Эссе, чтобы предотвратить поспешное отвержение всей теории читателем, которому идея естественного отбора, действующего на основе инстинктов, может показаться невозможной. Это более вероятно, поскольку глава об инстинкте в "Происхождении" специально упоминается (Введение, стр. 5) как одна из "наиболее очевидных и серьезных трудностей теории". Более того, глава в Очерке заканчивается обсуждением того, "являются ли какие-либо конкретные телесные структуры... настолько замечательными, чтобы оправдать отказ от нашей теории *prima facie*". Под этим заголовком идет обсуждение глаза, которое в разделе "Происхождение" находит свое место в главе VI. в разделе "Трудности теории". Вторая часть, по-видимому, была спланирована в соответствии с его любимой точкой зрения на свою теорию. Это кратко изложено в письме доктору Эйзе Грею от 11 ноября 1859 года: "Я никак не могу поверить, что ложная теория может объяснить так много классов фактов, поскольку я думаю, что она определенно объясняет. На этих основаниях я бросаю якорь и верю, что трудности постепенно исчезнут". Исходя из этого принципа, изложив теорию в первой части, он переходит к тому, чтобы показать, в какой степени различные широкие ряды фактов могут быть объяснены с ее помощью.

Таким образом, вторая часть Наброска примерно соответствует девяти заключительным главам Первого издания "Происхождения". Но мы должны исключить главу VII. ("Происхождение") об Инстинкте, который составляет главу в первой части Очерка, и главу VIII. ("Происхождение") о гибридизме, теме, рассматриваемой в Очерке с "Изменчивостью в природе" в первой части.

Приведенный ниже список глав второй части Очерка проиллюстрирует их соответствие заключительным главам "Происхождения".

Глава I. "О необходимом типе промежуточности и количестве

таких промежуточных форм". Это включает геологическое обсуждение и соответствует частям глав VI. и IX. "Происхождения".

Глава II. "Постепенное появление и исчезновение органических

существа". Соответствует главе X "Происхождения".

Глава III. "Географическое распространение". Соответствует главам XI.

и XII. о "Происхождении".

Глава IV. "Сродство и классификация органических существ".

Глава V. "Единство типа", морфология, эмбриология.

Глава VI. Рудиментарные органы.

Эти три главы соответствуют главе XII. "Происхождения".

Глава VII. Краткое изложение и заключение. Последнее предложение

Набросок, который мы увидели в его первом черновом виде в записной книжке 1837 года, очень напоминает последнее предложение "Происхождения", во многом оно идентично.

"Происхождение" не разделено на две "Части", но мы видим следы такого разделения, присутствовавшие в сознании автора, в этом сходстве между второй частью наброска и заключительными главами "Происхождения". То, что он говорит ("Происхождение", Введение, стр. 5.) о главах о переходе, об инстинкте, о гибрилизме и о геологической летописи как о группе, может быть связано с разделением его ранней рукописи на две части.

Мистер Хаксли, который был настолько любезен, что прочитал набросок по моей просьбе, отметив, что "основные линии аргументации" и использованные иллюстрации те же, указывает, что в Эссе 1844 года "гораздо большее значение придается влиянию внешних условий на возникновение вариаций и наследованию приобретенных привычек, чем происхождению".

Чрезвычайно интересно обнаружить в этом Наброске первое упоминание принципов, знакомых нам по "Происхождению видов". На первом месте среди них можно упомянуть принцип полового отбора, который четко сформулирован. Также приводится важная форма отбора, известная как "бессознательный". Здесь также имеет место утверждение закона о том, что особенности, как правило, проявляются у потомства в возрасте, соответствующем тому, в котором они проявились у родителя.

Профессор Ньютон, который был так любезен, что ознакомился с наброском 1844 года, говорит мне, что замечания моего отца о миграции птиц, случайно приведенные более чем в одном отрывке, показывают, что он предвосхитил взгляды некоторых более поздних авторов.

Что касается общего стиля Наброска, то не следует ожидать, что он должен обладать всеми характеристиками "Оригинала", и мы, по сути, не находим того баланса и контроля, той концентрации и хватки, которые так поражают в работе 1859 года.

В Автобиографии (стр. 68, том 1) мой отец указал на то, что казалось ему главным недостатком Наброска 1844 года; он упустил из виду "одну проблему огромной важности", проблему расхождения характеров. Этот момент обсуждается в "Происхождении видов", но, поскольку он может быть знаком не всем читателям, я вкратце расскажу об этой трудности и ее решении. Автор начинает с утверждения, что разновидности отличаются друг от друга меньше, чем виды, а затем продолжает: "Тем не менее, по моему мнению, разновидности - это виды, находящиеся в процессе формирования...Как же тогда меньшее различие между разновидностями превращается в большее различие между видами?" ("Происхождение", 1-е издание, стр. 111.) Он показывает, как аналогичное расхождение происходит при одомашнивании, когда первоначально однородное поголовье лошадей было разделено на скаковых, ломовых и т.д., А затем продолжает объяснять, как тот же принцип применим к естественным видам. "Из того простого обстоятельства, что чем разнообразнее становятся потомки какого-либо одного вида по строению, конституции и привычкам, тем больше у них будет возможностей захватывать многие и широко разнообразные места в природном устройстве и, таким образом, увеличиваться в численности".

Примером этого принципа является тот факт, что если на одном участке земли посеять один сорт пшеницы, а на другом - смесь сортов, то в последнем случае урожай будет больше. Большее количество индивидуумов смогли существовать, потому что не все они принадлежали к одному и тому же разнообразию. Организм становится более совершенным и более приспособленным к выживанию, когда благодаря разделению труда различные жизненные функции выполняются разными органами. Точно так же вид становится более эффективным и более способным к выживанию, когда различные части вида дифференцируются таким образом, чтобы занять разные места.

При чтении Очерка 1844 года мне было трудно признать отсутствие какого-либо определенного утверждения принципа дивергенции недостатком в Очерке. Происхождение с модификацией подразумевает дивергенцию, и мы настолько привыкаем к вере в происхождение и, следовательно, в дивергенцию, что не замечаем отсутствия доказательств того, что дивергенция сама по себе является преимуществом. Как показано в Автобиографии, мой отец в 1876 году счел маловероятным, что он мог упустить из виду проблему и ее решение.

Следующее письмо будет здесь более уместно, чем его хронологическое расположение, поскольку оно показывает, что чувствовал мой отец относительно ценности Эскиза на момент его завершения.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - МИССИС ДАРВИН. Даун, 5 июля 1844 года.

Я только что закончил набросок своей видовой теории. Если, как я полагаю, моя теория со временем будет принята хотя бы одним компетентным судьей, это будет значительным шагом в науке.

Поэтому я пишу это на случай моей внезапной смерти в качестве моей самой торжественной и последней просьбы, которую, я уверен, вы сочтете такой же, как если бы она была юридически зафиксирована в моем завещании, о том, что вы выделите 400 фунтов стерлингов на ее публикацию и, кроме того, сами или через Хенсли (мистера Х. Веджвуда.) потрудитесь продвинуть ее. Я хочу, чтобы мой набросок был передан какому-нибудь компетентному человеку с этой суммой, чтобы побудить его заняться его улучшением и расширением. Я отдаю ему все свои книги по естественной истории, которые либо отмечены, либо имеют ссылки в конце на страницы, умоляя его внимательно просмотреть и рассмотреть такие отрывки как действительно имеющие отношение или, возможно, имеющие отношение к этому предмету. Я хочу, чтобы вы составили список всех таких книг, которые могут стать соблазном для редактора. Я также прошу вас передать [ему] все эти вырезки, примерно разделенные на восемь или десять папок в коричневой бумаге. Вырезки с скопированными цитатами из различных работ - это те, которые могут помочь моему редактору. Я также прошу вас или кого-нибудь из помощников помочь расшифровать любые обрывки, которые редактор сочтет полезными. Я оставляю на усмотрение редактора, следует ли вставлять эти факты в текст, или в виде примечаний, или в приложениях. Поскольку просмотр ссылок и вырезок будет долгим трудом, а ИСПРАВЛЕНИЕ, увеличение и правка моего эскиза также займут значительное время, я оставляю эту сумму в 400 фунтов стерлингов в качестве некоторого вознаграждения и любой прибыли от работы. Я считаю, что для этого редактор обязан опубликовать набросок либо на свой страх и риск, либо за счет издателя. Многие фрагменты в портфолио содержат просто грубые предложения и ранние взгляды, ныне бесполезные, и многие факты, вероятно, окажутся не имеющими отношения к моей теории.

Что касается редакторов, то лучше всего было бы, если бы за это взялся мистер Лайелл; я думаю, что ему понравилась бы эта работа, и он узнал бы некоторые новые для него факты. Поскольку редактор должен быть не только натуралистом, но и геологом, следующим лучшим редактором был бы профессор Форбс из Лондона. Следующим лучшим (и совершенно лучшим во многих отношениях) был бы профессор Хенслоу. Доктор Хукер был бы ОЧЕНЬ хорош. Следующий, мистер Стрикленд. (После имени мистера Стрикленда идет следующее предложение, которое было стерто, но осталось разборчивым. "Профессор Оуэн был бы очень хорош, но я предполагаю, что он не взялся бы за такую работу". Если никто из них не возьмется за это, я бы попросил вас проконсультироваться с мистером Лайеллом или каким-нибудь другим способным человеком в качестве какого-нибудь редактора, геолога и натуралиста. Если еще одна сотня фунтов поможет найти хорошего редактора, убедительно просите, чтобы вам выделили 500 фунтов.)

Мои оставшиеся коллекции по естественной истории могут быть переданы любому человеку или любому музею, где это будет принято ...

[Следующее примечание, по-видимому, было частью первоначального письма, но, возможно, относилось к более поздней дате:

"Лучше всего подошел бы Лайель, особенно с помощью Хукера (и любой хорошей зоологической помощи). Без того, чтобы редактор пообещал себе уделить этому время, было бы бесполезно платить такую сумму.

"Если возникнут какие-либо трудности с поиском редактора, который бы досконально изучил тему и подумал о значении отрывков, отмеченных в книгах и скопированных с клочков бумаги,

то пусть мой набросок будет опубликован как есть, указав, что он был сделан несколько лет назад (слова "несколько лет назад и", кажется, были добавлены позже.) и по памяти, без сверки с какими-либо работами и без намерения публиковать в его нынешнем виде".

Идея о том, что Набросок 1844 года может остаться в случае его смерти единственным свидетельством о его работе, по-видимому, давно была у него в голове, поскольку в августе 1854 года, когда он закончил с усонагими и подумывал о начале своей "работы о видах", он добавил на обороте вышеупомянутого письма: "Хукер, безусловно, лучший человек для редактирования моего тома о видах. Август 1854 года".]

ГЛАВА 1.XI. — РАЗВИТИЕ "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ".

ПИСЬМА, 1843-1856гг.

История жизни моего отца изложена более полно в его переписке с сэром Дж.Д. Хукером, чем в какой-либо другой серии писем; и это особенно верно в отношении истории развития "Происхождения видов". Поэтому это, по-видимому, подходящее место для нижеследующих заметок, которые сэр Джозеф Хукер любезно предоставил мне. Более того, они дают интересную картину его ранней дружбы с моим отцом:

"Моя первая встреча с мистером Дарвином состоялась в 1839 году на Трафальгарской площади. Я прогуливался с офицером, который недолгое время был его товарищем по плаванию на "Бигле" семь лет назад, но, по-моему, с тех пор с ним не встречался. Меня представили; беседа была, конечно, короткой, и воспоминание о нем, которое я унес с собой и сохраняю до сих пор, было воспоминанием о довольно высоком и довольно широкоплечем мужчине с легкой сутулостью, приятным и оживленным выражением лица при разговоре, насупленными бровями и глухим, но сочным голосом; и что его приветствие своему старому знакомому было по-моряцки, то есть восхитительно откровенным и сердечным. Я хорошо наблюдал за ним, поскольку уже был осведомлен о его достижениях и трудах, почерпнутых из прочтения различных корректурных листов его тогда еще неопубликованного "Дневника". Они были представлены мистеру (впоследствии сэру Чарльзу) Лайеллу мистером Дарвином и им же отправлены своему отцу Ч. Лайеллу, эсквайру из Киннорди, который (будучи очень старым другом моего отца и проявляя добрый интерес к моей предполагаемой карьере натуралиста) позволил мне ознакомиться с ними. В то время я торопился с учебой, чтобы получить ученую степень, прежде чем вызваться сопровождать сэра Джеймса Росса в Антарктической экспедиции, которая только что была одобрена Адмиралтейством; и у меня так не хватало времени, что я обычно засыпал с листками "Джорнала" под подушкой, чтобы прочесть их между пробуждением и вставанием. Они произвели на меня глубокое впечатление, я бы сказал, привели в отчаяние, разнообразием умственных и физических способностей, необходимых натуралисту,

который должен пойти по стопам Дарвина, в то время как они пробудили во мне энтузиазм в желании путешествовать и наблюдать.

"Для меня было постоянным источником счастья то, что я знал так много о научных работах мистера Дарвина за столько лет до того, как началась эта близость, которая переросла в чувства, настолько близкие к благоговению перед его жизнью, работами и характером, насколько это разумно и подобающе. Остается только добавить к этому небольшому эпизоду, что я получил полный экземпляр "Дневника" в подарок от мистера Лайелла за несколько дней до отъезда из Англии.

"Очень скоро после возвращения Антарктической экспедиции моя переписка с мистером Дарвином началась (декабрь 1843 г.) с того, что он прислал мне длинное письмо, тепло поздравляя меня с возвращением к моей семье и друзьям и выражая желание узнать больше о результатах экспедиции, о которых он получил некоторые сведения из моих личных писем (написанных мистеру Лайеллу или переданных через него). Затем, сразу погрузившись в научные вопросы, он обратил мое внимание на важность сопоставления флоры Огненного острова с флорой Кордильер и Европы и предложил мне изучить ботанические коллекции, которые он собрал на Галапагосских островах, а также его патагонские и огненные растения.

"Это привело к тому, что я отправил ему краткое изложение выводов, которые я сделал относительно распространения растений в южных регионах, и необходимость допущения уничтожения значительных площадей суши для объяснения взаимоотношений флоры так называемых Антарктических островов. Я не думаю, что какая-либо из этих идей была для него новой, но они привели к оживленной и продолжительной переписке, полной наставлений".

Далее следует упомянутое выше письмо (1843 г.) сэру Дж.Д. Хукеру.]

Мой дорогой сэр,

Я надеялся до этого времени иметь удовольствие увидеть вас и поздравить с благополучным возвращением из вашего долгого и славного путешествия. Но поскольку я редко бываю в Лондоне, мы, возможно, еще какое—то время не встретимся - без вас придется посещать Геологические собрания.

Мне не терпится узнать, что вы намерены делать со всеми вашими материалами — я получил такое удовольствие, прочитав отрывки из некоторых ваших писем, что мне будет очень жаль, если у меня, как у одного из читателей, не будет возможности прочитать больше. Я полагаю, вы сейчас очень заняты и полны удовольствий: как хорошо я помню счастье моих первых нескольких месяцев в Англии — оно стоило всех неудобств, вызванных многими штормами! Но я ушел от темы, которая побудила меня написать, а именно выразить свое удовольствие по поводу того, что Хенслоу (как он сообщил мне несколько дней назад письмом) прислал вам мою небольшую коллекцию растений. Вы не представляете, как я рад, так как я боялся, что все они были бы потеряны, и, как бы их ни было мало, они стоили мне больших хлопот. Есть очень мало заметок, которые, как я полагаю, есть у Хенслоу, описывающих среду обитания и т.д. Некоторых наиболее замечательных растений. Я уделил особое внимание альпийским цветам Огненной Земли и уверен, что приобрел все растения, которые цвели в Патагонии в то время года, когда мы там были. Я давно думал, что какой-нибудь общий очерк флоры мыса суши, простирающегося так далеко в южные моря, был бы очень любопытен. Пожалуйста, сделайте сравнительные замечания о видах, родственных европейским видам, в интересах таких невежд-

ботаников, как я. Мне часто казалось любопытным выяснить, много ли на Огненной земле европейских родов, которых нет вдоль хребта Кордильер; разделение в таком случае было бы таким огромным. Пожалуйста, укажите в любом наброске, который вы составите, какие роды американские, а какие европейские, и насколько велики различия между видами, когда роды европейские, ради невежд.

Я надеюсь, Хенслоу пришлет вам мои галапагосские растения (о которых Гумбольдт даже выразил мне немалое любопытство) — я приложил немало усилий, собирая все, что мог. Я подозреваю, что флора этого архипелага была бы почти параллельна флоре острова Святой Елены, которая так долго вызывала интерес. Прошу извинить меня за это длинное бессвязное письмо, и поверьте мне, мой дорогой сэр, искренне ваш,

Ч. ДАРВИН.

Будьте так добры, передайте мои почтительные поклоны сэру У. Хукеру.

[Ссылаясь на работу сэра Дж.Д. Хукера о флоре Галапагосских островов, мой отец писал в 1846 году:

"Я не могу передать вам, как я восхищен и поражен результатами вашего обследования; как чудесно они подтверждают мое утверждение о различиях у животных разных островов, которых я всегда боялся".

Он снова писал (1849):

"Несколько недель назад я получил ваши статьи о Галапагосах (эти статьи включают результаты исследования сэром Дж. Д. Хукером галапагосских растений моего отца и были опубликованы Линнеевским обществом в 1849 году.), и я прочитал их с тех пор, как оказался здесь. Я действительно не могу слишком сильно выразить свое восхищение географической дискуссией: на мой взгляд, это идеальная модель того, какой должна быть такая статья; на ее прочтение и обдумывание у меня ушло четыре дня. Насколько интересной кажется флора Сандвичевых островов, как бы мне хотелось, чтобы у вас были материалы, позволяющие относиться к их флоре так же, как вы относились к Галапагосским островам. В Систематической статье я был несколько разочарован, не найдя общих замечаний о сродстве, структурах и т.д., Таких, которые вы часто приводите в разговоре, и таких, которые Де Кандоль и Сент-Илер представили почти во всех своих статьях, и которые делают их интересными даже для не-ботаника".

"Очень скоро после этого [продолжает сэр Дж.Д. Хукер] в письме, датированном январем 1844 года, он затронул тему "Происхождения видов", и я полагаю, что я был первым, кому он поделился своими новыми на тот момент идеями по этому вопросу, и поскольку они представляют интерес как вклад в историю эволюции, я привожу здесь отрывок из его письма":—]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. [11 января 1844 г.]

Помимо общего интереса к южным землям, с момента моего возвращения я был занят очень самонадеянной работой, и я не знаю ни одного человека, который не назвал бы ее очень

глупой. Я был настолько поражен распространением галапагосских организмов и т.д. и т.п., а также характером американских ископаемых млекопитающих и т.д. и т.п., что решил слепо собирать всякого рода факты, которые могли хоть как-то повлиять на то, что это за виды. Я прочитал кучу книг по сельскому хозяйству и садоводству и никогда не переставал собирать факты. Наконец забрезжил свет, и я почти убежден (совершенно вопреки мнению, с которого я начинал), что виды не являются неизменными (это все равно что признаться в убийстве). Боже упаси меня от ламарковской чепухи о "тенденции к прогрессированию", "адаптации от медленного волеизъявления животных" и т. Д.! Но выводы, к которым меня привели, не сильно отличаются от его; хотя средства изменения полностью совпадают. Я думаю, что я выяснил (вот предположение!) простой способ, с помощью которого виды становятся изысканно адаптированными для различных целей. Сейчас вы будете стонать и думать про себя: "На какого мужчину я тратила свое время и писала ему". Пять лет назад я должна была так подумать...

[Следующее письмо, написанное 23 февраля 1844 года, показывает, что знакомство с сэром Дж.Д. Хукером тогда быстро переросло в дружбу. Это письмо представляет интерес главным образом потому, что показывает, какие проблемы тогда занимали ум моего отца:]

Дорогая Проститутка,

Надеюсь, вы простите мне вольность моего обращения, но я чувствую, что как попутчики и товарищи по труду (хотя я и очень слабый человек) мы можем отбросить некоторые формальности старого света...Я только что закончил небольшую книгу о вулканических островах, которые мы посетили. Не знаю, насколько вам интересна сухая простая геология, но я надеюсь, вы позволите мне выслать вам экземпляр. Полагаю, я смогу отправить его из Лондона обычным автобусом.

... Я собираюсь задать вам ЕЩЕ несколько вопросов, хотя осмелюсь предположить, что, не задавая их, я увижу ответы в вашей работе, когда она будет опубликована, чего будет вполне достаточно для моих целей. Сначала о Галапагосских островах, вы увидите в моем Дневнике, что птицы, хотя и своеобразные виды, имеют наиболее очевидный южноамериканский облик: я только что убедился, что то же самое справедливо и для морских раковин. Так обстоит дело с теми растениями, которые характерны для этого архипелага; вы утверждаете, что их численное соотношение является континентальным (разве это не очень любопытный факт?) но родственны ли они по формам Южной Америке? Америка. Знаете ли вы какой-либо другой случай существования архипелага с отдельными островами, на которых обитают различные репрезентативные виды? Я всегда намеревался (но пока не сделал этого) исследовать Уэбба и Бертло на Канарских островах в поисках этой цели. В разговоре с мистером Бентамом он сказал мне, что на отдельных островах Сандвичева архипелага обитают различные репрезентативные виды одного и того же рода Labiatae: разве это не стоило бы вашего исследования? Как обстоит дело с Азорскими островами; конечно, сильные западные штормы будут иметь тенденцию к распространению того же вида по этой группе.

Я надеюсь, что вы обратите внимание (осмелюсь сказать, что моя надежда совершенно излишня) на этот общий вид родства на изолированных островах, хотя я полагаю, что заметить такого рода связь у растений труднее, чем у птиц или четвероногих, группы которых, как мне кажется, гораздо более ограничены. Можно ли отнести остров СвятойЕлены, хотя и отдаленно, либо к Африке, либо к Южной Америке? Из некоторых фактов, которые я собрал, я пришел к

выводу, что фауна гор ЛИБО удивительно схожа (иногда в присутствии одних и тех же видов, а иногда и одних и тех же родов), ЛИБО что они поразительно непохожи; и мне пришло в голову, что, возможно, частично эта особенность флор острова Святой Елены и Галапагосских островов может быть объяснена тем, что большая часть этих двух флор относится к горным. Боюсь, мои заметки вряд ли помогут выделить большую часть местообитаний галапагосских растений, но в некоторых случаях они могут; большинство, если не все, зеленых растений с листьями произрастают на вершинах островов, а тонкие коричневые растения без листьев произрастают в нижних засушливых частях: не будете ли вы так любезны иметь это замечание в виду при изучении моей коллекции.

Я побеспокою вас еще только одним вопросом. В ходе обсуждения с мистером Гулдом я обнаружил, что у большинства родов птиц, которые распространены по всему миру или большей части, отдельные виды имеют более широкие ареалы, таким образом, сова является обычным животным, а многие виды имеют очень широкие ареалы. Так что я полагаю, что это происходит с наземными и пресноводными раковинами - и я мог бы привести другие случаи. Разве это не так с криптогамными растениями; разве у большинства видов не широкий ареал в тех родах, которые являются обычными? Я не думаю, что справедливо обратное, а именно, что когда вид имеет широкий ареал, его род также имеет широкий ареал. Не могли бы вы пока оказать мне услугу, иногда размышляя над этим? Мне стоило бы огромных хлопот получить список обычных фанерогамных родов, а затем выяснить, насколько широко виды этих родов распространены в своих странах; но вы могли бы иногда, в ходе ваших занятий, просто иметь это в виду, хотя, возможно, этот вопрос уже давно приходил в голову вам или другим ботаникам. Геология выявляет интересные факты, касающиеся ареалов распространения раковин; я думаю, что довольно хорошо установлено, что в зависимости от широты географического ареала вида зависит и его постоянство и продолжительность во времени. Я надеюсь, что вы постараетесь как можно меньше жаловаться на неприятности, связанные с моими письмами, и, пожалуйста, поверьте мне, я искренне ваш,

Ч. ДАРВИН.

P.S. Я был бы чрезвычайно признателен вам за любезное предложение сделать набросок Гумбольдта; я преклоняюсь перед ним, и после того, как имел удовольствие беседовать с ним в Лондоне, мне еще больше хотелось бы иметь его портрет.

[Далее следует цитата из заметок сэра Дж. Хукера. "Следующий акт драмы наших жизней начинается с личного общения. Это началось с приглашения позавтракать с ним в доме его брата (Эразмуса Дарвина) на Парк-стрит; вскоре за этим последовало приглашение спуститься вниз, чтобы встретиться с несколькими братьями-натуралистами. В короткие промежутки хорошего самочувствия, последовавшие за длительными болезнями, которые часто изматывали его жизнь, между 1844 и 1847 годами, я получал много таких приглашений, и они были восхитительны. Более гостеприимный и привлекательный дом со всех точек зрения невозможно было себе представить — из Общества там чаще всего бывали доктор Фалькoner, Эдвард Форбс, профессор Белл и мистер Уотерхаус — были долгие прогулки, возня с детьми на четвереньках, музыка, которая преследует меня до сих пор. Сердечные манеры самого Дарвина, его глухой смех и полное наслаждение домашней жизнью с друзьями; совместные прогулки с ним и беседы с нами по очереди в его кабинете для обсуждения вопросов из любой области биологических или физических знаний, которой мы следовали; и которую я, во всяком

случае, всегда покидал с чувством, что я ничего не передал и унес больше, чем мог вынести. В последнее время, когда его здоровье пошатнулось более серьезно, я был на несколько дней и неделю единственным посетителем, приносившим с собой свои работы и наслаждавшимся его обществом при любой возможности. Установившимся правилом было, что он каждый день выкачивал из меня, как он это называл, информацию в течение получаса или около того после завтрака в своем кабинете, когда он сначала приносил мне кучу листков с вопросами по ботанике, географии и т.д., на которые я должен был ответить, и в заключение рассказывал мне о прогрессе, которого он достиг в своей собственной работе, спрашивая мое мнение по различным пунктам. Я больше не видел его примерно до полудня, когда услышал его мягкий звенящий голос, зовущий меня по имени под моим окном — это было для того, чтобы присоединиться к нему в его ежедневной утренней прогулке по песчаной дорожке. Присоединившись к нему, я застал его в грубой серой охотничьей куртке летом и толстом плаще на плечах зимой, с толстым посохом в руке; мы побрели через сад, где всегда можно было провести какой-нибудь эксперимент, и дальше по песчаной дорожке, вокруг которой было сделано определенное количество поворотов, во время которых наш разговор обычно шел о чужих землях и морях, старых друзьях, старых книгах и вещах, далеких как для ума, так и для глаз.

После полудня была еще одна такая прогулка, после которой он снова удалялся до обеда, если чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы присоединиться к семье; если нет, ему обычно удавалось появиться в гостиной, где, сидя в своем высоком кресле, положив ноги в огромных ковриках на высокий табурет, он наслаждался музыкой или беседой в кругу семьи".

Далее следует серия писем, иллюстрирующих рост взглядов моего отца и характер его работы в этот период.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. Внизу [1844].

... Вывод, к которому я пришел, состоит в том, что те области, в которых виды наиболее многочисленны, чаще всего разделялись и изолировались от других областей, объединялись и снова разделялись; процесс, подразумевающий древность и некоторые изменения во внешних условиях. Это справедливо прозвучит очень гипотетично. Я не могу подробно изложить свои доводы; но наиболее общий вывод, на который, как мне кажется, указывает географическое распределение всех органических существ, состоит в том, что изоляция является главным сопутствующим фактором или причиной появления НОВЫХ форм (я хорошо знаю, что есть несколько поразительных исключений). Во-вторых, видя, как часто растения и животные кишмя кишат в стране, когда их завозят в нее, и видя, какое огромное количество растений будет жить, например, в Англии, если содержать их СВОБОДНЫМИ ОТ СОРНЯКОВ И МЕСТНЫХ РАСТЕНИЙ, я пришел к выводу, что распространение и численность органических существ в любой стране зависят не столько от ее внешних особенностей, сколько от числа форм, которые были там первоначально созданы или произведены. Я сильно сомневаюсь, что вы сочтете возможным объяснить количество форм пропорциональными различиями в воздействии; и я не сомневаюсь, что если бы половина видов в какой-либо стране была уничтожена или не была создана, все же эта страна показалась бы нам полностью заселенной. Что касается оригинального творения или производства новых форм, я уже говорил, что изоляция

представляется главным элементом. Следовательно, что касается наземных форм, то я должен ожидать, что на участке местности, который чаще всего в поздние геологические периоды опускался и превращался в острова, а затем воссоединялся, будет содержаться большинство форм.

Но такие рассуждения забавны только для меня одного и в данном случае бесполезны, поскольку они не показывают никакой прямой линии наблюдения: если бы я видел, насколько гипотетично то немногое, что я нечетко написал, я бы не беспокоил вас чтением этого. Поверьте мне, — наконец-то не гипотетически,

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 1844.

... Я забыл свое последнее письмо, но оно, должно быть, было очень глупым, поскольку, похоже, я изложил свое представление о количестве видов, которое в значительной степени определялось степенью изоляции и разделенности ареала; я, должно быть, был сломлен, написав это, потому что у меня нет доказательств, если кто—то не захочет признать все мои взгляды, и тогда это действительно следует; но в мои самые оптимистичные моменты все, чего я ожидаю, это то, что я смогу показать даже здравомыслящим натуралистам, что в вопросе неизменности видов есть две стороны; -что факты могут быть рассмотрены и сгруппированы в соответствии с понятием родственных видов, произошедших от общих запасов. Что касается книг на эту тему, я не знаю ни одной систематической, кроме книги Ламарка, которая является настоящим вздором; но есть множество, таких как Лайелл, Притчард и др., посвященных взгляду на неизменность. Агассис в последнее время привел сильнейший аргумент в пользу неизменности. Исидор Г. Сент-Илер написал несколько хороших эссе, тяготеющих к изменчивости, в "Сюитах Бюффона", озаглавленных "Зоолог. Generale." Разве не странно, что автор такой книги, как "Животные без позвонков", написал, что насекомые, которые никогда не видят своих яиц, должны ХОТЕТЬ (а растения - их семена) иметь определенные формы, чтобы привязываться к определенным объектам. Другое, распространенное (особенно германское) представление едва ли менее абсурдно, а именно. что климат, пища и т.д. Должны были сформировать ножку, позволяющую лазать по волосам, или дятла, чтобы лазать по деревьям. Я полагаю, что все эти абсурдные взгляды возникают из-за того, что никто, насколько я знаю, не подходил к вопросу об изменчивости при одомашнивании и не изучал все, что известно об одомашнивании. Я был очень рад услышать вашу критику по островным флорам и по недифференцированным растениям: тема слишком длинная для письма: я мог бы в какой-то значительной степени защитить себя, но сомневаюсь, что успешно в ваших глазах или даже в моих собственных...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Записано [июль 1844 г.].

... Сейчас я читаю замечательную книгу о фактах вариативности — Бронна "Geschichte der Natur". Это жесткий немецкий: он предупреждает меня, иногда я думаю восхитительно, а иногда жестоко. Отныне вы будете в десять раз больше ужасаться мне, чем Х. Уотсону. Я ненавижу

аргументы, основанные на результатах, но с моей точки зрения происхождения, действительно Естественная история становится возвышенно грандиозным предметом, дающим результат (теперь вы можете упрекнуть меня за столь глупое высказывание)...Я должен отложить это письмо до завтра, потому что я устал; но мне так нравится писать вам, что я должен еще немного побеспокоить вас.

Есть ли у вас веские доказательства отсутствия насекомых на маленьких островах? Я обнаружил тринадцать видов на атолле Килинг. Мухи - хорошее удобрение, и я видел, как микроскопические трипсы и цецидомия перелетали с одного цветка в направлении другого с прилипшей к ним пылью. В арктических странах пчела, кажется, залетает так же далеко, как любой цветок ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Шрусбери [сентябрь 1845 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я пишу эту строчку, чтобы сказать, что "Космос" (перевод "Космоса" Гумбольдта) прибыл вполне благополучно [Примечание: Один лист оторвался в части Первой], и поблагодарить вас за вашу приятную записку. Я только начал вступление и стону над стилем, который в таких частях - это еще полдела. Насколько правдивы многие замечания (то есть, насколько я могу понять этот убогий английский) о пейзаже; это точное выражение чьих-то собственных мыслей.

Я бы хотел, чтобы у меня когда-нибудь были книги, которые я мог бы одолжить вам взамен тех многих, что вы одолжили мне ...

Все, что вы любезно говорите о моей работе над видами, ни на йоту не меняет моей давней самонадеянной самонадеянности в накоплении фактов и спекуляциях на тему вариативности, без должного изучения моей доли видов. Но вот уже девять лет это, во всяком случае, было для меня самым большим развлечением.

Прощай, моя дорогая Проститутка, я скорблю больше, чем ты можешь себе представить, о нашей перспективе так редко встречаться.

Я никогда не замечал в вас ничего, кроме одного недостатка, и это прискорбно, а именно скромности; вы составляете исключение из афоризма Сиднея Смита о том, что достоинства и скромность не имеют никакой другой связи, кроме как в их первом письме.

Прощай, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Л. ДЖЕНИНСУ (БЛОМФИЛД). Даун, 12 октября [1845 г.].

Мои дорогие Дженины,

Спасибо за ваше замечание. К сожалению, у меня нет даже самых общих сведений об английской зоологии, которые я мог бы сообщить. Я обнаружил, что даже пустяковые наблюдения требуют, в моем случае, некоторого досуга и энергии, на оба этих компонента у

меня не было ни одного лишнего, поскольку тщательное написание моей Геологии требует и того, и другого. Я всегда думал, что буду вести дневник и записывать все, но в том, как я сейчас живу, я обнаружил, что не замечаю ничего, что стоило бы записывать. Уход за моим садом и деревьями, а иногда и совсем небольшая прогулка в праздном расположении духа заполняют каждый день одним и тем же образом. Я удивлен, что при всех ваших приходских делах у вас было время сделать все то, что вы сделали. Я буду очень рад увидеть вашу небольшую работу ("Наблюдения в естественной истории" мистера Дженинса.). Ей предшествует введение о "Привычках наблюдения, связанных с изучением естественной истории", а за ней следует "Календарь периодических явлений в естественной истории" с "Замечаниями о важности таких регистров". Мой отец, кажется, ссылается на этот Реестр в постскрипуме к письму от 17 октября 1846 года.) (и я был бы горд, если бы мог добавить к нему хоть один факт). Моя работа над вопросом о видах произвела на меня сильное впечатление важностью всех подобных работ, подобных задуманной вами, содержащих то, что людям обычно нравится называть незначительными фактами. Это факты, которые помогают человеку понять работу или экономию природы. Есть один вопрос, который мне очень любопытен, и на который, возможно, вы сможете пролить некоторый свет, если вы когда-нибудь задумывались над этим; а именно, каковы ограничения и каковы периоды жизни, которыми ограничивается размножение любого данного вида. Просто подсчитайте прирост любой птицы, если предположить, что выращивается только половина птенцов, и они размножаются: в течение ЕСТЕСТВЕННОЙ (то есть, если не будет несчастных случаев) жизни родителей количество особей станет огромным, и я был очень удивлен, подумав, насколько большие разрушения ДОЛЖНЫ ежегодно или время от времени обрушиваться на каждый вид, однако средства и период такого уничтожения нами едва ли осознаются.

Я неуклонно продолжал читать и собирать факты об изменчивости домашних животных и растений, а также о том, что такое виды. У меня есть огромное количество фактов, и я думаю, что могу сделать некоторые обоснованные выводы. Общие выводы, к которым я постепенно пришел из прямо противоположного убеждения, заключаются в том, что виды изменчивы и что родственные виды являются потомками от общих запасов. Я знаю, что меня могут упрекнуть за такой вывод, но я, по крайней мере, честно и осознанно пришел к нему. Я не буду публиковать статьи на эту тему в течение нескольких лет. В настоящее время я занимаюсь геологией Южной Америки. Я надеюсь почерпнуть из вашей книги некоторые факты о незначительных различиях в строении или инстинктах у знакомых вам животных.

Поверь мне, я всегда твой, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Л. ДЖЕНИНСУ (преподобный Л. БЛОМФИЛД). Внизу, [1845?].

Мои дорогие Дженины,

Я очень признателен вам за те хлопоты, которые вы взяли на себя, написав мне столь длинную записку. Вопрос о том, где, когда и как сдерживается размножение данного вида, кажется мне особенно интересным, и наша трудность с ответом на него показывает, насколько на самом деле мы невежественны в отношении жизни и привычек наших самых знакомых видов. Я был осведомлен о голом факте того, что старые птицы отгоняют своих детенышей, но никогда не думал о том эффекте, на который вы так ясно указываете, о том, что локальные пробелы в

численности таким образом немедленно заполняются. Но первоначальная трудность остается; ибо если бы ваши фермеры не убивали ваших воробьев и грачей, что стало бы с теми, которые сейчас иммигрируют в ваш приход? в центре Англии слишком далеко от естественных пределов обитания грача и воробья, чтобы предположить, что детеныши до сих пор изгнаны из Кембриджшира. В какой-то момент жизни каждого вида чека должна сильно упасть; ибо, если подсчитать, что выращивается и размножается только половина потомства, то насколько огромен прирост! Однако не стоит так сильно удивляться своему невежеству, когда знаешь, насколько невозможно без статистики определить продолжительность жизни и процентное соотношение смертей к рождениям среди человечества. Если бы можно было показать, что, по-видимому, перелетные птицы, КОТОРЫЕ РАЗМНОЖАЮТСЯ ЗДЕСЬ и увеличиваются в количестве, возвращаются в последующие годы примерно в том же количестве, тогда как те, которые ежегодно прилетают сюда на зиму и период после размножения, прилетают сюда в том же количестве, но возвращаются в значительно уменьшенном количестве, можно было бы знать (что действительно кажется вероятным), что проверка проводилась главным образом на взрослых птицах в зимний сезон, а не на яйцах и очень молодых птицах, что мне часто казалось наиболее вероятным периодом. Если в какой-либо момент вам придут в голову какие-либо замечания по этому поводу, я был бы вам очень признателен за них.

Что касается моей далекой работы о видах, я, должно быть, выразился с исключительной неточностью, если заставил вас предположить, что хотел сказать, что мои выводы были неизбежны. Они стали таковыми после многих лет взвешивания головоломок только для меня ОДНОГО; но в моих самых смелых мечтах наяву я никогда не ожидал большего, чем возможности показать, что есть две стороны вопроса о неизменности видов, то есть создаются ли виды НЕПОСРЕДСТВЕННО или по промежуточным законам (как в случае с жизнью и смертью индивидов). Я подошел к предмету не с точки зрения сложности определения того, что такое виды и что такое разновидности, а (хотя, почему я должен рассказывать вам такую историю моих действий, было бы трудно сказать) исходя из таких фактов, как родство между живущими и вымершими маммиферами в Южной Америке, а также между теми, кто живет на Континенте и на прилегающих островах, таких как Галапагосские. Мне пришло в голову, что совокупность всех подобных аналогичных фактов пролила бы свет либо за, либо против точки зрения о том, что родственные виды являются сопроисшествующими от общего стада. Долгие поиски среди книг по сельскому хозяйству и садоводству и среди людей заставляют меня поверить (я хорошо знаю, насколько абсурдно самонадеянным это может показаться), что я вижу способ, которым новые сорта становятся изысканно адаптированными к внешним условиям жизни и к другим окружающим существам. Я смелый человек, раз позволяю считать себя полным дураком, причем самым обдуманым. Исходя из природы оснований, которые заставляют меня верить, что виды изменчивы по форме, эти основания не могут быть ограничены наиболее близкими видами; но насколько далеко они простираются, я не могу сказать, поскольку мои доводы постепенно ослабевают, когда применяются ко все более и более удаленным друг от друга видам. Пожалуйста, не думайте, что я настолько слеп, чтобы не видеть, что в моих представлениях есть множество огромных трудностей, но они кажутся мне меньшими, чем на общепринятый взгляд. Я набросал набросок и скопировал (на 200 страницах) свои выводы; и если бы я подумал, что когда-нибудь в будущем вы сочтете их заслуживающими прочтения, я, конечно, был бы очень благодарен за критику со стороны столь компетентного критика. Извините за это очень длинное, эгоистичное и плохо написанное письмо, на которое вы меня втянули своими замечаниями, и поверьте мне,

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Л. ДЖЕНИНСУ (БЛОМФИЛД). Даун, 17 октября 1846 г.

Дорогие Дженины,

Я потратил очень много неблагодарного времени, чтобы поблагодарить вас за любезный подарок в виде ваших "Наблюдений". Но так случилось, что у меня было в руках несколько других книг, а вашу я прочитал всего несколько дней назад. Мне было очень приятно читать, и многие из ваших фактов меня очень заинтересовали. Я думаю, что меня больше заинтересовали, что странно, ваши заметки о некоторых низших животных, чем о высших. Вступление показалось мне очень хорошим; но это то, чего я ожидал, поскольку я хорошо помню, что был в полном восторге от предварительного эссе к первому номеру "Анналов естественной истории". Я пропустил одно обсуждение и считаю, что со мной обошлись дурно, поскольку я помню, как вы сказали, что сделаете несколько замечаний о погоде и барометре в качестве руководства для несведущих в предсказаниях. Я также надеялся, что, возможно, услышу какие-нибудь замечания о степени вариативности нашего общего вида. Эндрю Смит однажды заявил, что он соберет несколько сотен экземпляров жаворонков и воробьев со всех концов Великобритании и посмотрит, сможет ли он с помощью точных измерений обнаружить какие-либо пропорциональные изменения в клювах, конечностях и т.д. Этот момент заинтересовал меня после того, как я недавно пробежался беглым взглядом по абсурдно противоположным выводам Глоджера и Брема; один выделяет полдюжины видов из каждой обычной птицы, а другой превращает так много известных видов в один. Вы когда-нибудь делали что-нибудь в этом роде или изучали работы Глогера или Брема? Меня заинтересовал ваш рассказ о мартышках, поскольку незадолго до этого я был крайне озадачен, заметив именно такой процесс, как вы описываете: недавно я насчитал семерых, которые посетили единственное гнездо и облепили грязью прилегающую стену. Могу упомянуть, что однажды я видел, как несколько белок жадно раскалывали эти маленькие полупрозрачные сферические желваки на обратной стороне дубовых листьев в поисках личинок внутри; так что они насекомоядны. *Sychrus rostratus* однажды брызнул мне в глаза и причинил сильную боль; и я должен рассказать вам, что случилось со мной на берегах Кама, в мои первые энтомологические дни: под куском коры я нашел два карабина (забыл, какого именно) и взял по одному в каждую руку, когда, о чудо, я увидел священный панагейус крукс майор! Я не мог вынести расставания ни с одним из моих Караби, а о потере Панагея не могло быть и речи; так что в отчаянии я осторожно зажал одно из караби зубами, когда, к моему невыразимому отвращению и боли, маленькое бесцеремонное чудовище брызнуло кислотой мне в горло, и я потерял и Караби, и Панагея! Я был весьма удивлен, услышав о наземных планариях; примерно год или два назад я описал в "Анналах естественной истории" несколько красиво окрашенных наземных видов Южного полушария и подумал, что это совершенно новый факт. Кстати, вы говорите об овце со сломанной ногой, у которой нет трематод: Я слышал, как мой отец утверждал, что лихорадка или любой СЕРЬЕЗНЫЙ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ, например, перелом конечности, приведут к тому, что у человека будут выведены все кишечные черви. Не могло ли это быть в случае с двуустками в их раннем состоянии?

Надеюсь, в Саутгемптоне (собрание Британской ассоциации) вам было не хуже; жаль, что я не видел вас немного растолстевшим. Я чрезвычайно наслаждался своей неделей, и она пошла мне на пользу. Я скучал по тебе последние несколько дней, и нам так и не удалось часто видиться; но там было так много людей, что я, например, почти никого не видел. Еще раз я очень сердечно благодарю вас за ваш любезный подарок и за то удовольствие, которое он мне доставил, и, поверьте мне,

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

P.S.—Я совсем забыл сказать, насколько сильно меня заинтересовала ваша дискуссия о статистике животных: когда естественная история станет настолько совершенной, что те моменты, которые вы обсуждаете, будут полностью известны о каком-либо одном животном?

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Малверн, 13 июня [1849].

... Наконец-то я собираюсь надавить на маленький жалкий первый плод моей проклятой усоногости, а именно. ископаемая усоногость на ножке. Вы спрашиваете, какое влияние изучение видов оказало на мои вариационные теории; я не думаю, что много — я больше испытывал некоторые трудности. С другой стороны, я был поражен (и, вероятно, несправедливо исключен из класса) изменчивостью каждой части в той или иной незначительной степени у каждого вида. Когда один и тот же орган ТЩАТЕЛЬНО сравнивается у многих особей, я всегда обнаруживаю некоторую незначительную вариабельность, и, следовательно, ставить диагноз вида по мельчайшим различиям всегда опасно. Я думал, что одни и те же части одного и того же вида больше напоминают (чем, во всяком случае, у усоногих) объекты, отлитые в одну и ту же форму. Систематическая работа была бы легкой, если бы не этот дурацкий вариант, который, однако, приятен мне как спекулянту, хотя и ненавистен мне как систематику. Ваши замечания по поводу отчетливости (столь неприятной для меня) гималайского рубли, ив и т.д. По сравнению с таковыми северной [Европы?] и т.д. Очень интересны; если мой грубый видовой очерк сыграл хоть МАЛУЮ роль в наведении вас на эти наблюдения, он уже сослужил хорошую службу и может спокойно предать свои кости земле. Я никогда не слышал ничего более странного, чем пренебрежение Фальконера к вашим письмам; я чрезвычайно рад, что вы снова сердечны с ним, хотя это, должно быть, стоило вам усилий. Фальконер - человек, которого нужно любить...Желаю тебе процветания во всех отношениях, моя дорогая Проститутка.

Твой любящий друг К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, среда [сентябрь, н.э.].

... Большое спасибо за ваше письмо, полученное вчера, которое, как всегда, заставило меня задуматься: я посмеялся над вашими нападками на мою скупость в смене уровня по отношению к Форбсу (Эдвард Форбс, 1815-1854, родился на острове Мэн. Его самой известной работой стал отчет о распределении морских животных на разных глубинах Средиземного моря. Важные его мемуары упоминаются в "Автобиографии" моего отца. Он последовательно занимал должности

хранителя Музея Геологического общества и профессора естественной истории в Музее практической геологии; незадолго до смерти он был назначен профессором естественной истории в Эдинбургском университете. Похоже, он произвел впечатление на своих современников как человек поразительно разностороннего и энергичного ума. Приведенный выше намек на изменения уровня относится к тенденции Форбса объяснять факты географического распределения посредством активного геологического воображения.), будучи таким либеральным по отношению к самому себе; но я должен утверждать, что я никогда не опускал и не поднимал поверхность нашей матери-земли ради объяснения какого-либо одного явления, и я надеюсь, что я очень редко делал это без каких-либо явных доказательств. Поэтому я все еще должен считать смелым шагом (возможно, очень верным) погружение в глубины океана в период существования видов на таком большом участке поверхности. Но нет никакого количества или степени изменения уровня, чего я не готов полностью признать, но я должен сказать, что мне хотелось бы получить более веские доказательства, чем идентификация нескольких растений, которые, ВОЗМОЖНО (я не говорю "вероятно"), могли быть перевезены иным способом. Особая благодарность за вашу попытку раздобыть для меня экземпляр "L'Espece" (вероятно, эссе Годрона, опубликованное Академией Нанси в 1848-49 гг., а затем отдельной книгой в 1859 г.), и почти такая же благодарность за вашу критику в его адрес: я скорее недооценивал его и не был склонен принимать за евангелие его факты. Я нахожу это одной из моих самых больших трудностей с иностранными авторами, а именно. судить об их достоверности. Насколько болезненно (для меня) верно ваше замечание о том, что вряд ли кто-то имеет право рассматривать вопрос о видах, если он не описал многие из них подробно. Мне было, однако, приятно услышать от Оуэна (который яростно выступает против любой изменчивости видов), что он считает это очень справедливой темой и что по этому вопросу необходимо привести массу фактов, которые до сих пор не были собраны. Моим единственным утешением является (поскольку я намереваюсь заняться этой темой) то, что я пробовал себя в нескольких областях естественной истории и видел, как хорошие конкретные люди изучали мой вид, и знаю кое-что о геологии (незаменимый союз); и хотя я получу больше удовольствия, чем полпенни, я буду всю жизнь стараться выполнять свою работу. Ламарк - единственное исключение, о котором я могу вспомнить, из точного описателя видов, по крайней мере, в царстве беспозвоночных, который не верил в постоянные виды, но он в своей абсурдной, хотя и умной работе причинил предмету вред, как и мистер Вестиджес, и как (возможно, скажет какой-нибудь будущий свободный натуралист, пытающийся рассуждать так же) мистер Д....

Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 25 сентября [1853].

Моя дорогая Проститутка,

Я прочитал вашу статью с большим интересом; кажется, все предельно ясно, и она послужит замечательным введением к флоре Новой Зеландии или к любой другой флоре в мире. Как мало обобщающих среди систематиков; я действительно подозреваю, что есть что-то абсолютно противоположное друг другу и враждебное в двух образах мышления, необходимых для систематизации и рассуждений на основе больших массивов фактов. Многие из ваших аргументов кажутся мне очень хорошо сформулированными, и, насколько позволяет мой опыт,

откровенность, с которой вы обсуждаете этот предмет, уникальна. Целое будет мне очень полезно всякий раз, когда я берусь за свой том, хотя отдельные части полностью выбивают ветер из моих парусов; для меня все это будет безумием ... поскольку я уже некоторое время решил приводить аргументы с ОБЕИХ сторон (насколько смогу), вместо того, чтобы спорить только о изменчивости.

В моей собственной работе по перистальтике (кстати, спасибо вам за дозу мягкого припоя; кому—то — или, по крайней мере, мне — это приносит большую пользу) - в моей собственной работе я не чувствовал осознания того, что неверие в простое ПОСТОЯНСТВО видов имело большое значение в ту или иную сторону; в некоторых редких случаях (если я открыто публикую доктрину непостоянства) мне НЕ следовало бы проставлять названия, а в некоторых немногих случаях следовало бы проставлять названия замечательным разновидностям. Конечно, я чувствовал себя униженно, обсуждая, сомневаясь и исследуя снова и снова, когда в моем собственном сознании единственным сомнением было, изменилась ли форма СЕГОДНЯ Или ВЧЕРА (не придавая этому слишком большого значения, как сказал бы Снэгсби (в "Холодном доме")). После описания набора форм как отдельных видов, разорвав мою рукопись и сделав их одним видом, разорвав это и разделив их, а затем снова сделав их одним целым (что случилось со мной), я заскрежетал зубами, проклял виды и спросил, какой грех я совершил, чтобы быть так наказанным. Но я должен признаться, что, возможно, почти то же самое произошло бы со мной при любой схеме работы.

Я искренне рад слышать, что ваш журнал ("Гималайский дневник" сэра Дж.Д. Хукера) так продвинулся вперед; какими великолепными кажутся его иллюстрации! "Восточный натуралист", обладающий богатым воображением и не слишком считающийся с фактами, - как раз тот человек, который может обсуждать виды! Я думаю, что ваше название "Дневник натуралиста на Востоке" очень хорошее; но я сомневался, что "в Гималаях" было бы лучше, потому что Восток звучит довольно расплывчато...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. [1853].

Моя дорогая Проститутка,

У меня вообще нет замечаний, которые стоило бы вам посылать, да и вряд ли стоило бы, учитывая, насколько это совершенное и проработанное эссе. ("Флора Новой Зеландии", 1853.) Насколько я могу судить, это самая важная дискуссия по рассматриваемым вопросам, когда-либо опубликованная. Больше я ничего не могу сказать. Я согласен почти со всем, что вы говорите, но мне требуется много времени, чтобы переварить эссе такого качества. Это почти повергло меня в уныние, отчасти из-за чувства, что я не могу ответить на некоторые вопросы, которые теоретически мне хотелось бы изменить, а отчасти из-за того, что я увидел, что ОБСУЖДЕНИЯ по некоторым вопросам, которые я намеревался обсудить, СДЕЛАНЫ НАМНОГО ЛУЧШЕ, чем я МОГ бы сделать...

Мне очень понравились пощечины, которые вы отвесили провинциальным любителям видов. Жаль, что я не смог быть хоть немного полезен: меня глубоко заинтересовало все это эссе, и я поздравляю вас с написанием мемуаров, которые, я верю, будут незабываемыми. Я был погружен в это, когда пришло ваше самое внимательное письмо, в котором вы умоляли меня не

спешить. Я искренне благодарю миссис Хукер и вас самих за ваше желание увидеться со мной. Я не позволю, чтобы еще одно лето прошло без встречи с тобой в Кью, потому что мне это действительно очень понравится...

Вы оказываете мне действительно больше чести, чем я могу себе представить, ставя меня вровень с Лайеллом по взлетам и падениям. Через год или два, когда я займусь своей видовой книгой (если не сломаюсь), я буду скрежетать зубами и ругать вас за то, что вы так чертовски хорошо изложили так много враждебных фактов.

Всегда искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 26 марта [1854].

Моя дорогая Проститутка,

Я надеялся, что у вас будет небольшая передышка после вашего Дневника, но, похоже, это совсем не так; и я еще больше признателен (и несколько раскaiиваюсь) за длинное письмо, полученное сегодня утром, НАИБОЛЕЕ насыщенное новостями и НАИБОЛЕЕ интересное для меня во многих отношениях. Я действительно очень рад слышать о реформах в Королевском обществе. Что касается Клуба (Философского клуба, в который был избран мой отец (как любезно сообщил мне профессор Бонни) 24 апреля 1854 года. Он отказался от членства в 1864 году. Клуб был основан в 1847 году. Поскольку количество членов было ограничено 47, предлагалось окрестить его "Клуб 47", но название так и не было принято. О характере Клуба можно судить по его первому правилу: "Цель Клуба - максимально продвигать научные цели Королевского общества; способствовать общению между теми стипендиатами, которые активно занимаются развитием различных отраслей естественных наук и внесли свой вклад в их прогресс; увеличивать посещаемость вечерних собраний и поощрять вклад и обсуждение докладов". Клуб собрался на ужин (сначала) в 6, а председатель должен был освободиться в 8.15, поскольку ожидалось, что члены отправятся в Королевское общество. В последние годы ужин был в 6.30, светское собрание во второй половине дня.), Я глубоко заинтересован; всего два или три дня назад я сожалел своей жене о том, что я опускал руки и меня бросали почти все мои знакомые, и что я постараюсь почаще бывать в Лондоне; тогда я не думал о Клубе, который, насколько можно судить, отвечал бы моей конкретной цели - поддерживать старые и заводить новые знакомства. Поэтому я буду приезжать в Лондон на каждый (за редким исключением) Клубный день, а затем, я думаю, моя голова позволит мне в среднем посещать все остальные встречи. Но печально, как часто любая перемена выбивает меня из колеи. Я также пообещаю себе, как я сказал Лайеллу, уйти в отставку через год, если я не буду посещать занятия довольно часто, чтобы в ХУДШЕМ случае временно обременить Клуб. Если вы сможете добиться моего избрания, я, конечно, буду очень рад. Большое спасибо за ответы о ледниках. Я очень рад услышать о втором издании ("Гималайского журнала".) так скоро; но я не удивлен, потому что я слышал о нескольких в нашем маленьком кругу, которые читали его с большим удовольствием. Мне будет любопытно услышать, что скажет Гумбольдт: я думаю, это доставит ему удовольствие и вызовет у него больше похвал, чем любая другая книга о путешествиях, поскольку я не могу припомнить ни одной, в которой было бы так много общих с ним сюжетов. Какой он замечательный старик...Кстати, я надеюсь, что, когда вы поедете в Хитчем ближе к концу мая, вам придется немного отдохнуть. Я опечален известием, что все плохие симптомы не покинули

Хенслоу; это так странно и ново - испытывать какое-либо беспокойство по поводу его здоровья. Я особенно благодарен вам за то, что вы прислали мне письмо Эйса Грея; как приятно он пишет. Видеть его и вашу осторожность в вопросе о видах должно было бы повергнуть меня в замешательство и стыд; это действительно заставляет меня чувствовать себя чертовски неловко...Приятно слышать все, что он говорит об Агассисе: как странно, что столь В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ умный человек, обладающий такими ОГРОМНЫМИ знаниями во многих областях естественной истории, пишет так, как он. Лайель сказал мне, что он был в таком восторге от одной из его (Агассиса) лекций о прогрессивном развитии и т.д., и т.п., что потом подошел к нему и сказал, "что это было так восхитительно, что он все время не мог удержаться от желания, чтобы это было правдой". Я редко вижу зоологическую статью из Северной Америки, чтобы не заметить влияние доктрин Агассиса — кстати, еще одно доказательство того, насколько он великий человек. Я был рад и удивлен, увидев замечания А. Грея о скрещивании уничтожающих сортов, по которым, как вы знаете, я собирал факты в течение этих десяти лет. Каким ужасно плоским я буду себя чувствовать, если, когда я соберу свои заметки о видах и т.д. И т.п., все это взорвется, как пустой воздушный шарик. Не загоняй себя до смерти.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 5 ноября [1854].

Моя дорогая Проститутка,

Я был рад получить вашу записку вчера. Я от всей души поздравляю вас (С присуждением ему медали Королевского общества.), и независимо от того, сильно вас это волнует или мало, я рад видеть, что высший научный суд Великобритании признал ваши претензии. Я очень надеюсь, что миссис Хукер довольна, и Э. особенно желает, чтобы я передал ей сердечные поздравления ...Я от всего сердца сожалею о вашей послеобеденной речи, которую, боюсь, я не услышу. Если у вас душа намного больше, чем у меня (а я верю, что у вас она есть), вы сочтете медаль приятным маленьким стимулом, когда работа идет плохо, и вы размышляете о том, что все это суэта, приятно иметь какое-то осязаемое доказательство того, что другие что-то думают о ваших трудах.

До свидания, мой дорогой Хукер, я могу заверить [тебя], что нам обоим очень понравился ваш с миссис Хукер визит сюда. Прощай.

Моя дорогая Проститутка, твой искренний друг К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. 7 марта [1855].

... Я только что закончил хорошо работать у Волластона (Томас Вернон Волластон умер (на пятьдесят седьмом году жизни, как я полагаю) 4 января 1878 года. Здоровье вынудило его в раннем зрелом возрасте перезимовать на юге, и он посвятил себя изучению жесткокрылых Мадейры, мыса Вердес и острова Святой Елены, откуда он вывел доказательства в поддержку веры в затопленный континент "Атлантида". В некрологе мистера Рая ("Природа", 1878) он описывается как настойчиво работающий "над широкой концепцией науки, которой он был

предан", и в то же время "точный, продуманный и выверенный до мелочей, и, естественно, обладающий скрупулезной критичностью". "Его первая научная работа была написана, когда он был студентом колледжа Иисуса в Кембридже. Во время учебы в университете он был ассоциированным членом, а затем и членом Клуба Ray Club: это небольшое общество, которое до сих пор собирается раз в неделю и где студенты-члены или партнеры получают большую добрую поддержку от своих старших товарищей.) "Insecta Maderensia": это ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ работа. Есть очень любопытный момент в поразительном количестве жесткокрылых, которые являются летучими; и я думаю, что догадался о причине, а именно о том, что способность к полету была бы вредна для насекомых, населяющих ограниченную местность, и подвергала бы их уносу в море: чтобы проверить это, я обнаружил, что насекомые, населяющие Дезерте Гранде, довольно маленький островок, были бы еще более подвержены этой опасности, и здесь доля летучих насекомых даже значительно больше, чем на самой Мадейре. Волластон говорит о Мадейре и других архипелагах как о "верных свидетелях старого континента Форбса", и, конечно, мир энтомологии безоговорочно придерживается этой точки зрения. Но, на мой взгляд, трудно представить факты, более противоположные такой точке зрения. Действительно отвратительно и унижительно видеть прямо противоположные выводы, сделанные из одних и тех же фактов.

У меня была некоторая переписка с Волластоном по этому и другим вопросам, и я обнаружил, что он хладнокровно предполагает, (1) что раньше насекомые обладали большей миграционной способностью, чем сейчас, (2) что старая земля была ОСОБЕННО богата центрами творения, (3) что объединяющая земля была разрушена до того, как особые создания успели распространиться, и (4) что земля была разрушена до того, как определенные семейства и роды успели добраться из Европы или Африки до рассматриваемых пунктов суши. Разве это не слишком много предположений? и все же я увижу, что в течение следующих дюжины или десятков лет Волластон будет цитировать как доказательство прежнего существования Атлантиды бедняги Форбса.

Надеюсь, я вас не утомил, но я подумал, что вам было бы интересно услышать об этой книге, которая поражает меня своими фактами, а автор - в высшей степени милым и скромным человеком.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин У.Д. ФОКСУ. Даун, 19 марта [1855].

Мой дорогой Лис,

Как давно мы с вами не общались, и я действительно хочу услышать, как у вас идут дела в мире; но моя непосредственная цель - попросить вас обратить мое внимание на один момент, и поскольку я теперь знаю, что вы очень занятой человек, у которого слишком много дел, у меня будет хороший шанс, что вы сделаете то, что я хочу, поскольку было бы безнадежно просить совершенно праздного человека. Поскольку у вас есть Ноев ковчег, я не сомневаюсь, что у вас есть голуби. (Как бы я хотел, чтобы это, случайно, были веерохвосты!) Теперь я хочу знать, в каком возрасте у птенцов голубей достаточно развиты хвостовые перья, чтобы их можно было пересчитать. Не думаю, что я когда-либо видел молодого голубя. Я усердно работаю над своими

заметками, собирая и сравнивая их, чтобы через два-три года написать книгу со всеми фактами и аргументами, которые я смогу собрать, ЗА неизменность видов И ПРОТИВ нее. Я хочу получить детенышей наших домашних пород, посмотреть, насколько они молоды и в какой степени проявляются различия. Я должен либо сам разводить голубей (что для меня не развлечение, а ужасная скука), либо покупать их птенцов; и прежде чем я пойду к продавцу, о котором я слышал от Яррелла, мне действительно не терпится узнать что-нибудь об их развитии, чтобы не выставлять напоказ свое чрезмерное невежество и, следовательно, не подвергаться чрезмерной опасности быть обманутым. Что касается ОДНОЙ точки на рулевых перьях, то это, конечно, связано с замечательным развитием рулевых перьев у взрослого веерохвоста. Если бы у вас была какая-нибудь порода домашней птицы в чистом виде, я бы попросил курицу с точно указанным возрастом, примерно недельной или двухнедельной давности! Быть отправленным в коробке по почте, если у вас хватит духу убить одного из них; и, во-вторых, позволили бы мне оплатить почтовые расходы... В самом деле, я был бы очень рад прислать птенца обыкновенного голубя, потому что я намереваюсь сделать скелеты и уже начал сравнивать диких и ручных уток. И я нахожу результаты довольно любопытными ("Я только что практически проверил, как неупотребление приводит к измельчению частей; Я приготовил скелет дикой и ручной утки (о, как пахнет хорошо прожаренная утка с высоким содержанием жира!!). и я нахожу, что крыло ручной утки должно, согласно шкале дикого прототипа, весить два крыла по 360 грамм, но у него он составляет всего 317". — Письмо сэру Дж. Хукеру, 1855.), Поскольку при очень тщательном взвешивании нескольких костей, когда они были идеально очищены, пропорциональный вес двух сильно различался, а лапка ручной утки значительно увеличилась. Как бы мне хотелось заполучить маленькую дикую утку недельной давности, но я знаю, что это почти невозможно.

Что касается нас самих, то мне нечего особо сказать; у нас сейчас ужасно шумный дом из-за коклюша, но в остальном все в порядке. Безусловно, самым замечательным фактом обо мне является то, что я наконец-то полностью покончил с вечными ракушками. В конце года двое наших маленьких мальчиков тяжело заболели лихорадкой, бронхитом и прочими недугами. Отчасти для развлечения, а отчасти для смены обстановки мы поехали в Лондон и сняли дом на месяц, но это обернулось большой неудачей, потому что, когда мы уезжали, как раз наступили ужасные морозы, и все наши дети заболели, а у нас с Э. почти постоянно были кашель, простуда и ревматизм. Первым в нашем списке дел мы поставили посещение миссис Фокс, но буквально после того, как мы подождали некоторое время, чтобы посмотреть, не улучшится ли погода, у нас не было ни дня, когда мы оба могли бы выйти на улицу.

Я очень надеюсь, что в скором времени вы сможете нанести нам визит. Время уходит, и мы стареем. Пожалуйста, расскажите нам о себе и всей вашей большой семье.

Я знаю, ЧТО вы поможете мне, ЕСЛИ СМОЖЕТЕ, информацией о молодых голубках; и в любом случае напишите в ближайшее время.

Мой дорогой Фокс, твой искренний старый друг Ч. ДАРВИН.

P.S.— Среди всевозможных безделушек, которыми я забавляюсь, я сравниваю семена различных растений. Раньше у меня было немного семян дикой капусты, которые я кому-то подарил, не вам ли? Тысяча против одного, что его выбросили, если бы не это, я был бы очень рад его щепотке.

[Следующий отрывок из письма мистеру Фоксу (27 марта 1855 г.) относится к той же теме, что и предыдущее письмо, и дает некоторый отчет о "видовой работе": "Способ, которым я буду убивать молодых особей, будет заключаться в том, чтобы поместить их под стеклянный стакан с чайной ложкой эфира или хлороформа, прижав стакан к какой-нибудь податливой поверхности, и оставить на час или два, молодые особи обладают такой силой оживления. (Таким образом, я убивал мотыльков и бабочек.) Лучшим способом было бы отправить их по мере приобретения, в картонной коробке для чипсов по почте, на которой вы могли бы написать и просто перевязать бечевкой; и вы **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** сделаете меня счастливее, позволив мне вести учет почтовых расходов и т.д. Честное слово, я с трудом могу поверить, что КТО-то может быть настолько добродушен, чтобы взять на себя такие хлопоты и совершить такую очень неприятную вещь, как убийство младенцев; и я совершенно уверен, что не знаю ни одной живой души, которая, кроме вас, поступила бы так. Я хочу попросить еще кое о чем: если старые курицы из любой вышеперечисленной домашней птицы (не утки) умрут или станут настолько старыми, что станут **БЕСПОЛЕЗНЫМИ**, я хотел бы, чтобы вы прислали ее мне по почте, на имя К. Дарвина, на попечение мистера Эктона, Почтовое отделение, Бромли, Кент ". Вы сохраните этот адрес? как кратчайший путь для посылок. Но меня это не так сильно волнует, поскольку я мог бы купить мертвых старых птиц в Бейли, чтобы сделать скелеты. Я бы сразу написал, даже если бы не получил от вас известий, и умолял вас не беспокоиться о голубях, потому что Яррелл убедил меня попробовать это, и сейчас я подбираю помещение и написал Бейли о ценах и так далее, и тому подобное. КОГДА-нибудь (когда тебе станет лучше) Я бы очень хотел услышать немного о твоей "Маленькой уточке по вызову"; почему так называется? И где ты ее взял? и на что она похожа?... Я был настолько невежественен, что даже не знал, что существует три разновидности доркингской птицы: чем они отличаются?...

Я забыл, говорил ли я вам когда-нибудь, какова цель моей настоящей работы, — это просмотреть все факты, которыми я могу овладеть (эх, эх, каким невежеством я нахожу себя) в естественной истории (например, в области географического распространения, палеонтологии, классификации, гибридизации, домашних животных и растений и т.д., и т.п., и т.п.), чтобы увидеть, насколько они поддерживают или противоречат представлению о том, что дикие виды изменчивы или неизменяемы: я имею в виду, что в моих силах привести все аргументы и факты с обеих сторон. У меня есть **МНОЖЕСТВО** людей, которые помогают мне во всех отношениях и оказывают мне самую ценную помощь; но я часто сомневаюсь, что этот предмет не одолеет меня полностью.

Вот и вся квази-деловая часть моего письма. Мне очень, очень жаль слышать столь равнодушный отзыв о вашем здоровье: с вашей большой семьей ваша жизнь очень ценна, и я уверен, что при всей вашей активности и доброте она должна быть счастливой, или настолько счастливой, насколько можно разумно ожидать, учитывая все заботы о будущем.

Нельзя ожидать, что настоящее будет похоже на старые дни *Stux-major* у подножия тех благородных ивовых пней, память о которых я чту. Теперь я нахожу, что моя небольшая энтомология, которой я всецело обязан вам, оказалась очень полезной. Я очень рад слышать, что вы дали себе отдохнуть от воскресных обязанностей. Сколько болезней у тебя было в жизни! Прощай, мой дорогой Фокс. Уверю тебя, я сердечно благодарю тебя за предложенную помощь.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. Даун, 7 мая [1855].

Мой дорогой Лис,

Моя корреспонденция доставила вам немало хлопот, хотя эта записка не доставит. Я нашел вашу, вернувшись домой в субботу после недели работы в Лондоне. Там я встретился с Ярреллом, который сказал мне, что он тщательно изучил все признаки Калл-дака и не испытывал никаких сомнений в том, что он абсолютно идентичен и что он свободно скрещивался с обычными разновидностями в Сент-Джеймс-парке. Поэтому я был бы очень рад за семидневного утенка и за одну из старых птиц, если бы кто-нибудь когда-нибудь умер естественной смертью. Яррелл сказал мне, что Сабина собрала сорок разновидностей обыкновенной утки!... Что ж, возвращаясь к делу; я уверен, что никто не смог бы лучше вас определить характерный возраст маленьких цыплят; что касается скелетов, я опасался, что их невозможно будет изготовить, но, полагаю, я смогу измерить конечности и т. Д., Ощупав суставы. То, что вы говорите о старых петухах, просто подтверждает то, что я подумал, и я сделаю свои скелеты из старых петухов. Если старая дикая индейка когда-нибудь умрет, пожалуйста, вспомните меня; Мне нет дела ни до индюшат, ни до мастифа. Большое спасибо за ваше предложение. У меня есть щенки бульдогов и борзой в соли, и я тщательно измерял жеребят ломовых и скаковых лошадей. Сомневаюсь, что от меня будет какая-нибудь польза. Я выхожу из своей глубины.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

[Здесь можно привести выдержку из письма мистеру Фоксу, хотя и более поздней даты, а именно: Июль 1855 г.):

"Большое спасибо за белый Доркинг семидневной давности и за другие обещанные. У меня получается настоящая "комната ужасов", и я ценю вашу доброту еще больше, чем раньше; потому что я совершил черное дело и убил ангельского маленького хвостика и дутыша в десятилетнем возрасте. В первом случае я попробовал хлороформ и эфир, и, хотя смерть, очевидно, была легкой, она затянулась; а во втором я попробовал положить кусочки цианистого калия в очень большую влажную бутылку за полчаса до того, как положить туда голубя, и выделившийся при этом газ синильной кислоты очень быстро привел к летальному исходу".

В письме мистеру Фоксу (23 мая 1855 г.) впервые упоминается о кропотливой работе моего отца по разведению голубей:

"Я пишу сейчас, чтобы сказать, что присмотрелся к некоторым нашим беспородным цыплятам и должен сказать, что НЕДЕЛЬНОГО возраста было бы очень хорошо. Главное, что меня очень интересует в течение многих лет, - это установить, отличаются ли детеныши наших домашних пород друг от друга так же сильно, как их родители, и я не верю ни во что, кроме реальных измерений и Правила трех. Я надеюсь и верю, что не доставляю столько хлопот без достаточно веских мотивов. У меня есть мои веерохвостки и дутыши (надеюсь, отборные птицы, поскольку я заплатил 20 шиллингов за каждую пару в Бейли) в большой клетке и голубятне, и они доставляют удовольствие мне и Х."

В ходе своей деятельности по разведению голубей мой отец обязательно познакомился с заводчиками и любил рассказывать о своем опыте членства в клубах колумбариев и филоперистер, где он познакомился с самыми чистыми энтузиастами "фантазии" и узнал многое из тайн их искусства. В письме мистеру Хаксли несколько лет спустя он цитирует книгу о "Голубях" мистера Дж. Итона, иллюстрирующую "чрезвычайное внимание и пристальную наблюдательность", необходимые для того, чтобы быть хорошим любителем.

В своем трактате [мистера Итона], посвященном ОДНОМУ только миндальному турману, который является подвидом короткомордой разновидности, являющейся такой же разновидностью турмана, как и скалистого голубя, мистер Итон говорит: "Есть некоторые молодые любители, которые чрезмерно жадны, которые стремятся ко всем пяти свойствам сразу [т. Е. К пяти характерным моментам, на которые в основном обращают внимание, -C.D.], они получают в награду то, что ничего не получают". Короче говоря, это почти за пределами человеческого интеллекта насладиться ВСЕМИ достоинствами Миндального Бокала!

"Чтобы быть хорошим заводчиком и преуспеть в улучшении любой породы, помимо всего прочего, требуется энтузиазм. Мистер Итон получил множество призов, прислушайтесь к нему.

"Если бы аристократы и джентльмены могли познать удивительное количество утешения и удовольствия, получаемого от миндальных бокалов, когда они начинают понимать их (то есть свойства бокала), я бы подумал, что вряд ли какой-нибудь аристократ или джентльмен остался бы без своих вольеров с миндальными бокалами".

Мой отец любил цитировать этот отрывок, и всегда с сочувствием к автору, хотя, без сомнения, он забыл свои собственные детские размышления о том, что "не каждый джентльмен становится орнитологом". ("Автобиография", стр. 32.)

Мистеру В.Б. Тегетмайеру, известному автору статей о птицеводстве и т.д., он был обязан постоянными советами и сотрудничеством. Их переписка началась в 1855 году и продолжалась до 1881 года, когда мой отец написал: "Я могу заверить вас, что часто с удовольствием вспоминаю старые времена, когда я ухаживал за голубями, домашней птицей и т.д., и когда вы оказывали мне такую ценную помощь. Я нередко сожалею о том, что у меня было так мало сил, что я не смог поддерживать старые знакомства и дружбу". Письма моего отца к мистеру Тегетмайеру почти полностью состоят из серии вопросов, касающихся различных пород домашней птицы, голубей и т.д., и поэтому не представляют интереса. Просматривая стопку писем, поражаешься усердию автора в поиске фактов, и становится ясно, что знаниям и суждениям г-на Тегетмайера он полностью доверял и высоко ценил их. Встречаются многочисленные фразы, такие как "ваша записка для меня - кладезь сокровищ", выражающие его понимание ценности помощи мистера Тегетмайера, а также слова, выражающие его теплую признательность безграничному рвению и доброте мистера Тегетмайера или его "чистой и бескорыстной любви к науке". Что касается пчел-ульев и их сотов, то помощь мистера Тегетмайера была также оценена моим отцом, который написал: "Ваш доклад о "Пчелиных сотах", прочитанный перед Британской ассоциацией, был для меня в высшей степени полезным и наводящим на размышления".

Чтобы решить проблемы географического распределения животных и растений на основе эволюционных принципов, он должен был изучить средства, с помощью которых семена, яйца и

т.д. Могут переноситься через обширные пространства океана. Именно эта потребность вызвала интерес к классу экспериментов, о которых говорится в следующих письмах.]

ЧАРЛЬЗ Дарвин У.Д. ФОКСУ. Даун, 17 мая [1855].

Мой дорогой Лис,

Вам будет ненавистен сам вид моего почерка; но по прошествии этого времени я обещаю, что больше ни о чем не буду просить, по крайней мере, долгое время. Поскольку вы живете на песчаной почве, есть ли у вас вообще обычные ящерицы? Если у вас есть, не сочтете ли вы слишком нелепым предложить мальчикам в вашей школе вознаграждение за яйца ящериц: по шиллингу за каждые полдюжины, а если редко, то и больше, пока не наберете две или три дюжины и не пришлете их мне? Если бы змеиные яйца были принесены по ошибке, это было бы очень хорошо, потому что я тоже хочу такие; а у нас здесь нет ни ящериц, ни змей. Моя цель - посмотреть, будут ли такие яйца плавать в морской воде и сохранятся ли они живыми, плавая таким образом течение месяца или двух в моем погребе. Я провожу эксперименты по транспортировке всех органических существ, каких только могу; а ящерицы водятся на каждом острове, и поэтому мне очень хочется посмотреть, выдерживают ли их яйца морскую воду. Конечно, на это письмо необязательно отвечать, если, по странной и благоприятной случайности, вы не сможете когда-нибудь ответить на него яйцами.

Твой самый беспокойный друг, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. 13 апреля [1855].

... Некоторое время назад я провел один эксперимент, который, я думаю, будет интересным, а именно: семена в соленой воде, погруженные в воду с температурой 32-33 градуса, которая у меня есть и еще долго будет, поскольку я наполнил большой резервуар снегом. Когда я писал вам в последний раз, я собирался восторжествовать над вами, ибо мой эксперимент в некоторой степени удался; но об этом я с бесконечной подлостью умолчал в надежде, что вы скажете, что съедите все растения, которые я смогу вырастить после погружения. Очень досадно, что я ни в малейшей степени не могу вспомнить, что вы сказали раньше, что заставило меня подумать, что вы сильно насмехались над экспериментами; потому что теперь вы, кажется, смотрите на эксперимент как добрый христианин. У меня есть кресс—салат, редис, капуста, латук-латук, морковь и сельдерей, а также луковые семечки в маленьких бутылочках, выставленных на улицу и подвергнутых воздействию различных температур. После погружения ровно на неделю все они проросли, чего я ни в малейшей степени не ожидал (и думал, как вы будете надо мной насмеяться); потому что вода почти у всех, и особенно у кресс-салата, очень плохо пахла, а семена кресс-салата выделяли огромное количество слизи ("остатки", как можно было ожидать, превратятся в головастиков), чтобы слипнуться в массу; но эти семена проросли и выросли великолепно. Прорастание всего (особенно кресс-салата и латука-латука) ускорилося, за исключением капусты, которая всходит очень нерегулярно, и, как мне кажется, многие из них засохли. Учитывая их естественную среду обитания, можно было бы подумать, что капуста хорошо выстояла. Зонтичные растения и лук, похоже, хорошо переносят соль. Перед

посадкой я промываю семена. Я написал в "Хронику садоводов" (несколько слов) с просьбой предоставить информацию. Результаты были опубликованы в "Хронике садоводов" 26 мая, 24 ноября 1855 года. В том же году (страница 789) он отправил постскрипtum в свою предыдущую статью, исправив опечатку и добавив несколько слов о семенах бобовых. Более полная статья о прорастании семян после обработки в соленой воде появилась в "Linnaean Soc. Journal", 1857, стр. 130.), хотя я сомневаюсь, что она того стоила. Если мой успех покажется оправданным, я пришлю список семян, чтобы вы могли отметить несколько разных сортов семян. Сегодня я пересаживаю те же семена, что указаны выше, после четырнадцатидневного погружения. Поскольку многие морские течения преодолевают милю в час, даже за неделю они могут пройти 168 миль; говорят, что Гольфстрим проходит пятьдесят-шестьдесят миль в день. Так много, слишком много всего на эту тему; но мои гуси всегда остаются лебедями...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. [14 апреля 1855 г.]

... Вы хороший человек, если признаетесь, что ожидали, что кресс-салат будет убит через неделю, потому что это доставляет мне приятный маленький триумф. Поначалу дети проявляли огромное рвение и часто спрашивали меня: "Должен ли я победить доктора Хукера!" Кресс-салат и латук-латук только что хорошо простояли после двадцатидневного погружения. Но я больше не буду писать, что является моим великим достоинством, ибо для меня огромное удовольствие рассказывать вам обо всем, что я делаю.

... Если бы вы знали о некоторых экспериментах (если их можно так назвать), которые я провожу, у вас было бы полное право посмеяться, ибо они настолько АБСУРДНЫ даже на мой взгляд, что я не осмеливаюсь рассказать вам.

Разве некоторым мужчинам не нравится экспериментировать? Я получил письмо, в котором говорится, что семена ДОЛЖНЫ обладать ОГРОМНОЙ способностью противостоять соленой воде, иначе как бы они могли попасть на острова? Это верный способ решить проблему!

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. Внизу [1855].

Моя дорогая Проститутка,

Вы были очень добры, что выразили свое удовлетворение, написав мне две записки; на мой взгляд, вы не могли бы найти лучшей линии; но что касается выражения вашего удовлетворения тем, что вы расстроили мои эксперименты, уверяю вас, я достаточно сбит с толку — эти ужасные семена, которые, как вы верно заметили, если они утонут, то не всплывут.

Я написал Скорсби и получил довольно сухой ответ, но очень соответствующий цели и не дающий мне никаких надежд на какой-либо неизвестный мне закон, который мог бы остановить их вечное погружение в глубочайшие глубины океана. Кстати, это было очень странно, но я полчаса разговаривал с полковником. Сабин на эту тему и не смог заставить его понять сложность вопроса о погружении в портал! Скука в том, что, если проклятые семена утонут, я напрасно потратил столько усилий на засолку неблагодарных негодяев.

В последнее время со мной все шло наперекосяк; рыбы в Зоологическом обществе съели много размоченных семян, и в моем воображении они были проглочены цаплей вместе с рыбой, перенесены за сотню миль, выброшены на берег какого-то другого озера и великолепно проросли, когда, о чудо, рыбы яростно и с отвращением, равным моему собственному, выбросили ВСЕ семена изо рта. (Описывая эти неприятности мистеру Фоксу, мой отец писал: "Вся природа порочна и не поступает так, как я хочу; и как раз сейчас я жалею, что у меня нет моих старых ракушек для работы, и ничего нового". Эксперимент в конечном итоге удался, и он написал сэру Дж. Хукеру: "Я обнаружил, что рыбы с жадностью поедают семена водных трав, а семена проса, которые кладут в рыбу и отдают аисту, а затем опорожняют, прорастают. Итак, это детский стишок "это палка, которой бьют свинью" и т.д. и т.п.")

Но я пока не собираюсь отказываться от плавания: во-первых, я должен попробовать свежие семена, хотя, конечно, гораздо более вероятно, что они утонут; и, во-вторых, в качестве последнего средства я должен верить в то, что стручок или даже целое растение или ветку смывает в море; при наводнениях, оползнях и землетрясениях; это должно происходить постоянно, и если держать их влажными, я полагаю, что стручки и т.д. и т.п. Не раскроются и не выплут семена. Обязательно попробуйте семена мимозы в Кью.

Я намеревался спросить вас, растут ли в Кью мимоза сканденс и Гильандина бондук, чтобы попробовать свежие семена. Р. Браун сказал мне, что, по его мнению, four W. Индийские семена были выброшены на берега Европы. На острове Килинг меня заверили, что семена не так уж редко выбрасываются на берег: так что они должны всплыть и будут! Какую длинную пряжу я пряла.

Если у вас есть несколько семян лофходена, замочите их в прохладной воде и высаживайте с особой осторожностью: это эксперимент по душе мне, с шансами 1000 к 1 на успех.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 11 мая [1855].

Моя дорогая Проститутка, я только что получил твою записку. Я искренне и сердечно рад этой новости (назначение сэра Дж.Д. Хукера помощником директора Королевских садов в Кью.), которая содержится в ней, как и моя жена. Хотя доход невелик, все же уверенность, я надеюсь, удовлетворит вас и миссис Хукер. Поскольку в последующие годы это должно привести к директорству, я очень надеюсь, что вы посмотрите на это как на удачу. На мой вкус, я не могу представить себе более приятной должности, чем глава такого благородного и великолепного заведения; гораздо лучше, я бы сказал, чем профессорская должность в большом городе. Чем больше я думаю об этом, тем больше радуюсь. Но больше ничего не скажу; кроме того, что, я надеюсь, миссис Хукер очень довольна...

Поскольку "Хроника садоводов" задала мой вопрос и обратила на него внимание, я думаю, что обязана отправить, что я и собиралась сделать на следующей неделе, мой первый отчет Линдли, чтобы дать ему возможность вставить его; но я думаю, вполне вероятно, что он не сочтет его подходящим для периодического издания по садоводству. Когда мои эксперименты будут завершены (если результаты окажутся достойными) и если "Линнеевский журнал" не будет возражать против предыдущей публикации несовершенных и предварительных отчетов, я был бы РАД вставить туда окончательный отчет; поскольку это стоило мне стольких хлопот, что я

думаю, что, вероятно, результат заслуживал более постоянного упоминания, чем публикация в газете; но я думаю, что я обязан сначала отправить его Линдли.

Я начинаю думать, что плавающий вопрос более серьезен, чем зарождающийся; и я навожу все возможные справки по этому вопросу и надеюсь пролить на него немного света ...

Надеюсь, вам удалось провести хорошую встречу в Клубе. Казначейство, должно быть, стало для вас настоящей чумой, и я надеюсь, что вы недолго будете казначеем: Я знаю, что гораздо скорее откажусь от Клуба, чем стану его казначеем.

Прощайте, господин заместитель директора и дорогой друг К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Дж.Д. ХУКЕРУ. 5 июня 1855 года.

... Мисс Торли (леди, которая много лет была гувернанткой в семье.) и я занимаемся НЕБОЛЬШОЙ БОТАНИЧЕСКОЙ РАБОТОЙ! для нашего развлечения, и это действительно меня очень забавляет, а именно, мы собираем коллекцию всех растений, которые растут на поле, которому было позволено забрасываться отходами в течение пятнадцати лет, но которое раньше возделывалось с незапамятных времен; и мы также собираем все растения на соседнем и ПОХОЖЕМ, но возделанном поле; просто ради удовольствия посмотреть, какие растения выжили или вымерли. В дальнейшем нам понадобится небольшая помощь в составлении названий головоломок. Как ужасно трудно давать названия растениям.

Какое УДИВИТЕЛЬНО милое и доброе письмо прислал мне доктор А. Грей в ответ на мои беспокойные вопросы; я сохранил ваш экземпляр его "Руководства" до получения от него вестей, и когда я отвечу на его письмо, я верну его вам.

Я очень благодарю вас за Хедисарум: я очень надеюсь, что он не очень ценный, потому что, как я уже говорил вам, он предназначен, вероятно, для САМЫХ глупых целей. Я где-то читал, что ни одно растение не закрывает свои листья так быстро в темноте, и я хочу ежедневно укрывать их на полчаса и посмотреть, смогу ли я научить их закрываться само по себе или легче, чем сначала в темноте...Я не могу понять, почему вы предпочли бы континентальную трансмиссию, как, я думаю, вы это делаете, перевозке морем. Я должен был подумать, что вы были бы довольны как можно большим количеством способов передачи. Что касается моих собственных любимых теоретических представлений, то совершенно безразлично, передаются ли они по морю или по суше, главное, чтобы был показан какой-то сносно вероятный способ. Но это шокирует мою философию - создавать землю без каких-либо других и независимых доказательств. Всякий раз, когда мы встречаемся, мне следует, я думаю, сказать всего несколько слов, чтобы яснее понять ваши взгляды ...

Я только что собрал свою первую траву, ура! ура! Я должен признаться, что удача благоволит смелым, потому что, по счастливой случайности, это был легкий антоксантум одоратум: тем не менее, это великое открытие; я никогда в жизни не ожидал, что узнаю траву, так что ура! Это удивительно пошло на пользу моему желудку...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, [июнь?] 15-е, [1855].

Моя дорогая Проститутка,

Я просто пишу одну строчку, чтобы сказать, что Гедисарум прибыл В ЦЕЛОСТИ и сохранности, и благодарю вас за это.

Вы не представляете, какое развлечение вы доставили мне, назвав эти три травы: у меня как раз есть бумага, чтобы высушить и собрать все травы. Если когда-нибудь вы поймаете совсем новичка и захотите познакомить его с ботаникой, попросите его составить идеальный список какого-нибудь небольшого поля или леса. И мисс Торли, и я согласны с тем, что это придает работе действительно необычный интерес - иметь приятный маленький определенный мир для работы, а не ужасную бездну и необъятность всех британских растений.

Прощай. Я был поистине совершенной наглостью, высказав свое мнение "о шаге назад" ("Представить себе такие огромные геологические изменения за период существования ныне живущих существ только на основании их распространения, мне кажется, при нашем нынешнем невежестве в области транспортных средств, почти шагом назад в науке". — Выдержка из статьи о "Соленой воде и семенах" в "Хронике садоводов", 26 мая 1855 г.), и я заслужил хорошую взбучку, и, поразмыслив, я очень рад, что вы ответили мне не по существу. "Хроника садовников".

Меня ОЧЕНЬ заинтересовала Флорула. (Книга Годрона "Florula Juvenalis", в которой дается интересный отчет о растениях, привнесенных в импортную шерсть.)

[В письме от 5 июня сэру Дж.Д. Хукеру мой отец упоминает письмо от доктора Эйзы Грей. Упомянутое письмо было ответом на следующее:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - ЭЙСЕ ГРЕЮ. (Известному американскому ботанику. Дружба моего отца с доктором Греем началась с переписки, первым письмом которой является настоящее. Отрывок из письма сэру Дж. Хукеру, 1857 г., показывает, что сильное личное уважение моего отца к доктору Грею зародилось очень рано: "Я был рад видеть письма А. Грея; в них всегда есть что-то, что показывает, что он очень привлекательный человек".) Внизу, 25 апреля [1855 г.].

Мой дорогой сэр,

Я надеюсь, вы помните, что я имел удовольствие быть представленным вам в Кью. Я хочу попросить вас о большом одолжении, за которое, я хорошо знаю, мне не за что извиняться. Но одолжение, я думаю, не доставит вам особых хлопот и очень обяжет меня. Поскольку я не ботаник, вам покажется настолько абсурдным, что я задаю ботанические вопросы; поэтому я могу предположить, что в течение нескольких лет собирал факты о "вариации", и когда я нахожу, что какое-либо общее замечание, по-видимому, справедливо среди животных, я пытаюсь проверить его на растениях. [Далее следует запрос на информацию об американских альпийских растениях и предложение относительно публикации по этому вопросу.] Я могу заверить вас, что понимаю, насколько самонадеянно с моей стороны, не ботанику, делать даже

самое пустяковое предложение такому ботанику, как вы; но из того, что я видел и слышал о вас от нашего дорогого и доброго друга Хукера, я надеюсь и думаю, что вы простите меня и поверьте мне с большим уважением,

Уважаемый сэр, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 8 июня [1855].

Мой дорогой сэр,

Сердечно благодарю вас за ваше удивительно доброе письмо от 22 числа и за чрезвычайно приятную и услужливую манеру, в которой вы ответили на мои довольно неприятные вопросы. Я не могу выразить словами, насколько сильно меня заинтересовал ваш список альпийских растений, и теперь я могу в некоторой степени представить себе растения ваших альпийских вершин. Новое издание вашего Руководства - отличная новость для меня. Я знаю из вашего предисловия, как вам не хватает места, но добавление (Eu) в скобках к любому европейскому растению не займет много места, и, насколько я понимаю, это отвечало бы всем требованиям. (Это предложение доктор Грей принял к сведению в последующих изданиях.) Исходя из моего собственного опыта, когда я рассматривал английские растения в наших руководствах, меня часто поражало, какой интерес было бы вызвать, если бы было дано некоторое представление об их ареале; и поэтому, я не сомневаюсь, что ваши американские исследователи и новички очень хотели бы знать, какие из их растений были местными, а какие европейскими. Не будет ли уместно в "Альпийских растениях" добавить то же самое дополнение, которое вы сейчас прислали мне в "Рукописи"? хотя здесь, благодаря вашей доброте, я говорю не эгоистично, а просто *pro bono Americano publico*. Я полагаю, было бы слишком хлопотно приводить в вашем руководстве места обитания тех растений, которые встречаются к западу от Скалистых гор, а также тех, которые встречаются в Восточной Азии, за исключением Енисея (?), который, если я правильно помню, согласно Гмелину, является главной линией раздела Сибири. Возможно, Сибирь больше относится к северной флоре Северной Америки. Ареалы растений на востоке и западе, а именно, где больше всего встречается - в Гренландии и Западной Европе или в Е. Азия представляется мне очень интересным местом, поскольку имеет тенденцию показывать, была ли миграция на восток или на запад. Прошу вас, поверьте мне, я полностью осознаю, что ЕДИНСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА от этих замечаний - показать ботанику, какие моменты неботанику интересно изучить; ибо я думаю, что каждый, кто глубоко изучает предмет, часто не осознает, [по] каким пунктам невеждам требуется информация. Я очень рад, что вы подумали о составлении какого-нибудь уведомления о вашем географическом распределении, поскольку содержание Руководства поражает меня тем, что в некоторых пунктах оно лучше подходит для сравнения с Европой, чем со всей Северной Америкой. Вы просите меня определенно изложить некоторые моменты, по которым я очень хотел бы получить информацию; но я действительно едва ли могу, поскольку они настолько расплывчаты; и я скорее хочу увидеть, какие результаты получатся в результате сравнений, чем иметь пока еще определенные объекты. Я предполагаю, что, как и другие ботаники, вы бы дали для вашей области пропорцию (без учета интродуцированных растений) ко всему большому лидирующему семейству: это один пункт, который я намеревался (и, действительно, сделал приблизительно) свести в таблицу по вашей книге, но, конечно, я мог бы сделать это лишь ОЧЕНЬ НЕСОВЕРШЕННО. Мне также, конечно,

следовало бы установить соотношение европейских растений (не считая интродуцированных) И ОТДЕЛЬНЫХ КРУПНЫХ СЕМЕЙСТВ по отношению ко всей Флоре, чтобы сделать предположения о транспортных средствах. Кстати, несколько дней назад я осмелился прислать экземпляр "Хроники садоводов" с моим кратким отчетом о нескольких пустяковых экспериментах, в ходе которых я проверял способность семян противостоять воздействию морской воды. Не знаю, пришло ли вам в голову, но мне пришло в голову, что ботаникам было бы целесообразно приводить в ЦЕЛЫХ ЧИСЛАХ, а также в наименьшей дроби пропорциональные числа семейств, таким образом, я делаю вывод из вашего Руководства, что среди МЕСТНЫХ растений доля зонтичных составляет $36/1798 = 1/49$; ибо, не зная ЦЕЛЫХ чисел, нельзя судить, насколько действительно близки числа растений одного и того же семейства в двух отдаленных странах; но, весьма вероятно, вы сочтете это излишним. Упоминая эти пропорциональные числа, я могу привести вам пример того, какого рода точки и насколько расплывчатыми и бесполезными они часто бывают, которые я ПЫТАЮСЬ вычислить ...; размышляя над замечанием Р. Брауна и Хукера о том, что близкое совпадение пропорциональных чисел великих семейств в двух странах, вероятно, показывает, что когда-то они были непрерывно объединены, я подумал, что рассчитаю пропорции, например, ИНТРОДУЦИРОВАННЫХ сложных растений в Великобритании ко всем интродуцированным растениям, и результат был $10/92 = 1/9.2$. В нашей АБОРИГЕННОЙ или туземной флоре эта пропорция составляет $1/10$; и во многих других случаях я обнаружил столь же поразительное соответствие. Затем я взял ваше Руководство и решил тот же вопрос; здесь я нахожу у Сложных почти столь же поразительное соответствие, а именно: $24/206 = 1/8$ у интродуцированных растений и $223/1798 = 1/8$ у аборигенных; но когда я перешел к другим семействам, я обнаружил совершенно иную пропорцию, показывающую, что совпадения в британской флоре, вероятно, были случайными!

Я полагаю, вы приведете соотношение видов к родам, т. Е. Покажете в среднем, сколько видов содержит каждый род; хотя я сделал это для себя.

Если это не будет слишком хлопотно, не думаете ли вы, что было бы очень интересно и дало бы очень хорошее представление о вашей флоре разделить виды на три группы, а именно: (а) виды, распространенные в старом свете, с указанием численности, общей для Европы и Азии; (б) местные виды, но принадлежащие к родам, встречающимся в старом свете; и (в) виды, принадлежащие к родам, ограниченным Америкой или Новым Светом. Чтобы сделать (согласно моим представлениям) совершенство совершенным, вам следует сообщить, есть ли другие случаи, такие как *Erica*, из родов, распространенных в Европе или в Старом Свете, не встречающихся в вашем регионе. Но, честно говоря, я чувствую, что довольно нелепо так подробно писать вам на эту тему; но, как вы меня просили, я делаю это с благодарностью и пишу вам так, как следовало бы писать Хукеру, который часто безжалостно смеется надо мной, и я уверен, что у вас есть для этого более веские причины.

Есть один момент, по которому я БОЛЬШЕ ВСЕГО жажду получить информацию, и я упоминаю его с величайшими колебаниями и только в ПОЛНОЙ УВЕРЕННОСТИ, что вы поверите мне, что у меня не хватит глупости и самонадеянности надеяться хоть на секунду, что вы дадите ее без особых проблем. В настоящее время этот вопрос не может заинтересовать никого, кроме меня, что полностью отличает данный случай от географического распределения. Единственный способ, которым, я думаю, вы могли бы сделать это без особых проблем, - это помнить при исправлении ваших корректурных листов Руководства о моем вопросе и ставить крестик или пометку для вида, а также при отправке посылки Хукеру с просьбой предоставить мне такие

старые листы. Но это доставило бы вам хлопоты запомнить мой вопрос, и я вряд ли могу надеяться или ожидать, что вы это сделаете. Но я просто упомяну то, что я хочу; это отметить "близкие виды" во Флоре, чтобы сравнить в РАЗНЫХ флорах, есть ли у одних и тех же родов "близкие виды", и для других целей, слишком расплывчатых, чтобы их перечислять. Я попытался с помощью Хукера аналогичным образом установить, являются ли различные виды одного и того же рода в отдаленных частях земного шара изменчивыми или представляют собой разновидности. Определение, которое я должен был бы дать "БЛИЗКОМУ ВИДУ", было таким, которое ВЫ считаете специфически отличным, но которое, как вы могли себе представить, какой-нибудь другой ХОРОШИЙ ботаник мог бы считать только расой или разновидностью; или, опять же, видом, который вам было трудно отличить от некоторых других видов, хотя у вас были возможности хорошо его узнать. Предположим, что вы были бы настолько любезны, чтобы сделать это, и могли бы (чего я не ожидаю) уделить время, как я уже сказал, простое перечисление каждого такого вида в каких-либо бесполезных корректурных листах дало бы мне желаемую информацию, которая, могу добавить, я знаю, должна быть расплывчатой.

Как я могу в достаточной степени извиниться за всю мою самонадеянность и чрезмерную длину этого письма? Огромная доброта вашего письма ко мне отчасти стала причиной того, что, как это слишком часто бывает в этом мире, вы были наказаны за свои добрые дела. С искренней благодарностью, поверьте мне,

Искренне ваш и с благодарностью, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 18 июля [1855 г.].

... Я думаю, что у меня СЛАБЫЙ случай с семенами Чарлока (В "Хронике садоводов", 1855, стр. 758, появилось сообщение (длиной в полстолбца) моего отца о "Жизнеспособности семян". Связанные с этим факты относятся к "Песчаной дорожке"; дерево было посажено в 1846 году на участке пастбища, покрытом травой в 1840 году. В 1855 году на перекопанной в нескольких местах почве свободно пророс Чарлок (*Brassica sinapistrum*). Эта тема продолжала интересовать его, и я нахожу записку, датированную 2 июля 1874 года, в которой мой отец записал, что сорок шесть растений чарлока выросли в том году на участке (14 x 7 футов), который был перекопан на значительную глубину.); но так же, как и в отношении засолки, к несчастью, я не могу вспомнить, сколько лет вы позволяете семенам Чарлока пролежать в земле. В следующий раз, когда будете писать, сделайте смелое лицо и скажите, через сколько лет, по вашему мнению, все Чарлок сид, вероятно, будут мертвы. На днях один человек рассказал мне о, как мне показалось, великолепном примере — и это было ВЕЛИКОЛЕПНО, потому что, согласно его свидетельствам, семя взошло живым из НИЖНЕЙ ЧАСТИ ЛОНДОНСКОЙ ГЛИНЫ!! Я вызвал у него отвращение, сказав, что Ладони должны были быть подняты вверх.

Вы спрашиваете, как далеко я захожу в отнесении организмов к общему происхождению; я отвечаю, что не знаю; способ, которым я намереваюсь рассматривать предмет, состоит в том, чтобы показать (НАСКОЛЬКО Я МОГУ) факты и аргументы за и против общего происхождения видов одного рода; а затем показать, насколько одни и те же аргументы говорят за или против форм, все более и более сильно отличающихся друг от друга: и когда мы приходим к формам разных порядков и классов, остаются только некоторые такие аргументы, которые, возможно,

могут быть выведены из сходных рудиментарных структур, и очень скоро не остается ни одного аргумента.

[Следующий отрывок из письма мистеру Фоксу [октябрь 1855 г. (В этом году он опубликовал ('Phil. Mag.' х.) статью "О способности айсбергов образовывать прямолинейные, равномерно направленные борозды на волнистой поверхности подводной лодки".) содержит краткое упоминание о последнем собрании Британской ассоциации, на котором он присутствовал:] "У меня действительно нет новостей: единственное, что мы сделали за долгое время, это съездили в Глазго; но усталость оказалась для меня выше, чем того стоило, и Э. сильно простудился. По возвращении мы пробыли в Шрусбери всего один день и с удовольствием осмотрели старое место. Я немного повидался с сэром Филипом (сэр П. Эджертон был соседом мистера Фокса.) (который мне очень понравился), и он спросил меня: "С какой стати я подговорил вас ограбить его птичий двор?" Встреча была хорошей, и герцог Аргайлл выступил превосходно".]

ГЛАВА 1.XII. — НЕОКОНЧЕННАЯ КНИГА.

С МАЯ 1856 ПО ИЮНЬ 1858 года.

[В Автобиографической главе (стр. 69) мой отец писал: "В начале 1856 года Лайелл посоветовал мне довольно подробно изложить свои взгляды, и я сразу же начал делать это в масштабе, в три-четыре раза превышающем тот, который был впоследствии представлен в моем "Происхождении видов"; однако это было всего лишь резюме собранных мной материалов". Письма, приведенные в настоящей главе, в основном связаны с подготовкой к этой незаконченной книге.

Работа была начата 14 мая и неуклонно продолжалась вплоть до июня 1858 года, когда была прервана прибытием рукописи мистера Уоллеса. За два года, которые мы сейчас рассматриваем, он написал десять глав (то есть примерно половину) задуманной книги. Большую часть времени он оставался дома, но нанес несколько визитов в лечебное заведение доктора Лейна в Мур-парке, во время одного из которых совершил паломничество к святилищу Гилберта Уайта в Селборне.]

ПИСЬМА.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ 3 мая [1856].

... Что касается вашего предложения изложить мои взгляды, я не знаю, что и думать, но подумаю над этим, но это противоречит моим предрассудкам. Дать точный набросок было бы

абсолютно невозможно, поскольку каждое утверждение требует такого набора фактов. Если бы я должен был что-то предпринять, это могло бы касаться только главного фактора изменений — отбора — и, возможно, указать на очень немногие из ведущих черт, которые поддерживают такую точку зрения, и на некоторые из основных трудностей. Но я не знаю, что и думать; мне скорее ненавистна идея писать ради приоритета, и все же я, безусловно, был бы раздосадован, если бы кто-нибудь опубликовал мои доктрины раньше меня. Как бы то ни было, я сердечно благодарю вас за ваше сочувствие. Я буду в Лондоне на следующей неделе и зайду к вам в четверг утром ровно на час, чтобы не терять много вашего и моего собственного времени; но, может быть, вы позволите мне прийти на этот раз к 9 часам, потому что у меня много дел утром, в самое лучшее время? Прощай, мой дорогой старый покровитель.

С уважением, К. ДАРВИН.

Кстати, ИЗ земли выросли ТРИ растения, идеально спрятанные в корнях деревьев. И двадцать девять растений в столовой ложке грязи из маленького пруда; Хукер был удивлен этим и поражен, когда я показал ему, сколько грязи я соскреб с лапок одной утки.

Если я все-таки опубликую небольшой очерк, где, черт возьми, мне его опубликовать?

Если я НЕ получу ответа, я пойму, что могу прийти с 9 до 10 в четверг.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. 9 мая [1856].

... Мне очень нужен совет и ПРАВДИВОЕ утешение, если вы можете его дать. У меня был хороший разговор с Лайеллом о моей работе над биологическими видами, и он настоятельно призывает меня что-нибудь опубликовать. Я категорически против любого периодического издания или Журнея, поскольку я категорически НЕ собираюсь подставлять себя под удар Редактора или Совета, допуская публикацию, за которую ими могут злоупотребить. Если я что-то и публикую, то это должен быть ОЧЕНЬ ТОНКИЙ томик, дающий общее представление о моих взглядах и трудностях; но на самом деле ужасно нефилософски давать резюме неопубликованной работы без точных ссылок. Но Лайель, похоже, думал, что я мог бы сделать это по предложению друзей и на том основании, что я мог бы заявить, что я работал восемнадцать (промежуток в восемнадцать лет, с 1837 года, когда он начал собирать факты, позволяет отнести дату этого письма к 1855, а не к 1856 году, тем не менее последнее представляется более вероятной датой.) лет, и все же несколько лет не мог публиковаться, особенно потому, что я мог указать на трудности, которые, как мне казалось, требовали особого расследования. Теперь, что вы думаете? Я должен быть по-настоящему благодарен за совет. Я подумывал о том, чтобы потратить пару месяцев и написать такой набросок, и попытаться сохранить свое решение открытым, публиковать его или нет, когда закончу. Для меня будет просто невозможно привести точные ссылки; все важное я должен излагать, опираясь на авторитет автора в целом; и вместо того, чтобы приводить все факты, на которых я основываю свое мнение, я мог бы привести по памяти только один или два. В предисловии я бы заявил, что эту работу нельзя считать строго научной, это просто набросок будущей работы, в котором должны быть даны полные ссылки и т.д. Эхеу, эхеу, я думаю, что должен был бы посмеяться над любым другим, делающим это, и мое единственное утешение в том, что я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО

никогда не мечтал об этом, пока Лайелл не предложил это и, кажется, намеренно считает это целесообразным.

У меня куча неприятностей, и, прошу прощения, что побеспокоил вас.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. 11 мая [1856].

... Теперь о БОЛЕЕ ВАЖНОМ! субъект, а именно, я сам: я чрезвычайно рад, что вы хорошо относитесь к отдельному "Предварительному эссе" (то есть к тому, будет ли что-либо опубликовано; поскольку Лайелл, похоже, несколько сомневался на этот счет) (значение предложения в скобках неясно.); но мне невыносима мысль О ТОМ, чтобы УМОЛЯТЬ какого-нибудь редактора и Совет опубликовать, а затем, возможно, смиренно ИЗВИНЯТЬСЯ за то, что я втянул их в передрагу. В этом отношении я нахожусь в состоянии, которое, согласно очень мудрому высказыванию моего отца, является единственно подходящим состоянием для того, чтобы просить совета, а именно, когда мое решение твердо принято, и тогда, как говаривал мой отец, ХОРОШИЙ совет был очень удобен, а ПЛОХОЙ совет было легко отвергнуть. Но Бог свидетель, я вообще не в том состоянии, чтобы публиковать какие-либо предварительные эссе. И все же мне кажется совершенно нефилософским публиковать результаты без полной информации, которая привела к таким результатам.

Это печальное и, я надеюсь, не совсем верное ваше мнение о том, что факты могут доказать что угодно, и поэтому они излишни! Но я вижу, что я несколько преувеличил вашу доктрину. Я не боюсь быть привязанным к ошибке, то есть я почти уверен, что должен отказаться от всего ложного, опубликованного в предварительном эссе, в моей более масштабной работе; но таким образом я могу, это совершенно верно, причинить вред, распространяя ошибку, которую, как я часто слышал от вас, гораздо легче распространить, чем исправить. Признаюсь, я все больше и больше склоняюсь к тому, чтобы хотя бы попытаться сделать набросок и попытаться сохранить открытым свое решение о том, стоит ли публиковать. Но я всегда возвращаюсь к своей неизменной идее о том, что публиковать без полной информации ужасно нефилософски. Я определенно думаю, что моей будущей работе в полном объеме пошло бы на пользу то, что мои друзья или критики (если они получают рецензии) подумали о набросках.

Перед любым другим человеком, кроме вас, я должен был бы извиниться за столь долгое обсуждение столь личного вопроса; но я полагаю, и вы действительно доказали это своими трудами, что это было бы излишне.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S. То, что вы говорите (поскольку я только что перечитал ваше письмо), что Эссе может вытеснить и лишить всякой новизны и ценности любую будущую большую книгу, очень верно; и это огорчило бы меня больше всего на свете. С другой стороны (опять же по настоятельному совету Лайелла), я опубликовал предварительный набросок теории Кораллов, и это не принесло ни пользы, ни вреда. Я начинаю ОТ ВСЕГО СЕРДЦА жалеть, что Лайелл никогда не вкладывал мне в голову эту идею Эссе.

ИЗ ПИСЬМА СЭРУ К. ЛАЙЕЛЛУ [июль 1856 г.].

"Я рад, что могу сказать (с абсолютной правдой), что мое эссе опубликовано по вашему предложению, но я надеюсь, что оно не потребует столько извинений, сколько я подумал сначала; ибо я решил сделать его настолько полным, насколько позволяют мои нынешние материалы. Я не могу изложить все, что вы предлагаете, потому что это показалось бы слишком тщеславным".

ИЗ ПИСЬМА У.Д. ФОКСУ. Внизу, 14 июня [1856 г.].

"... То, что вы говорите о моем эссе, осмелюсь сказать, очень верно; и это вызвало у меня очередной приступ болтовни: я надеюсь, что мне удастся сделать его скромным. Одним из главных мотивов является получение информации по многим пунктам, по которым я этого хочу. Но я трепещу из-за этого, чего не стал бы делать, если бы позволил пройти еще трем-четырем годам, прежде чем что-либо опубликовать ..."

[Следующие выдержки из писем к мистеру Фоксу заслуживают того, чтобы их привести, поскольку показывают, насколько велико было накопление материала, с которым теперь предстояло иметь дело.

14 июня [1856].

"Большое спасибо за исчерпывающую информацию о кошках; я вижу, что сильно ошибся, но я знаю, что у меня где-то были ваши оригинальные заметки; но за девятнадцать лет сбора моих заметок их так много, что мне потребовался бы по меньшей мере год, чтобы просмотреть и классифицировать их".

Ноябрь 1856 года.

"Иногда я боюсь, что сломаюсь, потому что с каждым месяцем работы моя тема становится все больше и больше".]

ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ - К. ЛАЙЕЛЛУ Дауну, 16 июня [1856 г.].

Мой дорогой Лайель,

Я собираюсь совершить самую дерзкую вещь в мире. Но моя кровь то горячится от страсти, то холодеет попеременно при виде геологических достижений, которые совершают многие из ваших учеников.

Здесь бедный Форбс проложил континент до Северной Америки и еще один (или тот же самый) до Мексиканского залива Уид; Хукер проложил путь от Новой Зеландии до Южной Америки и вокруг Света до Земли Кергелен. Вот Волластон говорит о Мадейре и П. Санто "как о верных свидетелях бывшего континента". Вот Вудворд пишет мне: "Если вы предоставляете континенту более 200 или 300 миль океанских глубин (как будто это ничего не значит), почему бы не расширить континент до каждого острова в Тихом и Атлантическом океанах?" И все это при существовании новейших видов! Если вы не остановите это, если будет нижний регион для наказания геологов, я верю, мой великий учитель, вы отправитесь туда. Ведь твои ученики

медленно и подкрадывающимся образом победили всех старых катастрофистов, которые когда-либо жили. Ты будешь жить, чтобы стать великим вождем Катастрофистов.

Там я сделал себе много хорошего и взорвал свою страсть.

Итак, мой учитель, прости меня и поверь, я всегда твой, Ч. ДАРВИН.

P.S. Не отвечай на это, я сделал это, чтобы облегчить себе жизнь.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. 17 июня 1856 года.

... Меня очень глубоко заинтересовала книга Волластона ("Изменчивость видов", 1856), хотя я СИЛЬНО отличаюсь от многих его доктрин. Читали ли вы когда-нибудь что-нибудь настолько богатое, учитывая, как далеко он заходит, как его обличения против тех, кто заходит дальше: "Самый вредный", "абсурдный", "нездоровый"? В основе всего этого лежит теология. Я сказал ему, что он похож на Кальвина, сжигающего еретика. На мой взгляд, это очень ценная и умная книга. Очевидно, он очень мало читал по своей тематике. Я убедил его прочитать эссе о Новой Зеландии. Его геология также относится к эоцену, как я ему сказал. На самом деле я написал предельно откровенно; он говорит, что уверен, что сверхчестность - моя характерная черта: я не знаю, имел ли он в виду это как насмешку; надеюсь, что нет. Говоря об эоценовой геологии, я пришел в такой гнев по поводу атлантического континента, особенно из заметки Вудворда (опубликовавшего превосходную книгу о раковинах), который, кажется, не сомневается в том, что все острова в Тихом и Атлантическом океанах являются остатками континентов, затопленных в период существования видов, что я буквально взорвался и написал Лайеллу с протестом, и подвел итог всем континентам, созданным за последние годы Форбсом (главным грешником!). ВЫ САМИ, Волластон и Вудворд, и довольно симпатичный небольшой участок земли, который они вместе составляют! Я довольно яростен в этом вопросе и поэтому, если уже не ошибаюсь, почти уверен, что стану таким ...

Мне очень понравилась ваша записка. Прощайте, К. Дарвин.

P.S. 18 июня. Лайель написал мне с большой буквы о вас, что должно было бы меня полностью расстроить, но я не могу сказать, что это совсем огорчает.

Хотя я должен постараться перестать быть бешеным, почувствовать себя скромным и позволить вам всем готовить континенты так же легко, как повар готовит блины.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 25 июня [1856].

Мой дорогой Лайель,

Я скопирую следующее потрясающее письмо, чтобы облегчить чтение, и поскольку я хочу сохранить копию.

Поскольку вы говорите, что хотели бы услышать причины моего нежелания верить в континентальные расширения поздних авторов, я с удовольствием напишу их, поскольку, хотя я

и не убежден в своей ошибке, мне придется изложить их в сжатом виде в моем эссе, когда я буду обсуждать единичные и множественные творения; поэтому я буду особенно рад узнать ваше общее мнение о них. Вполне ВЕРОЯТНО, что в своем гневе я убедил себя, что в них есть нечто большее, чем есть на самом деле. Если бы в одном или двух случаях (как на Мадейре) было гораздо больше оснований допустить расширение континента, чем в других случаях, я бы не испытывал никаких затруднений. Но если из-за европейских растений и прибрежных морских раковин считается необходимым присоединить Мадейру к материку, то Хукер совершенно прав, когда присоединяет Новую Голландию к Новой Зеландии, а остров Оклэнд (и остров Рауль к Северо-западу), а эти острова к С. Америка и Фолклендские острова, а эти - к Тристан д'Акунья, а эти - к Земле Кергелен; таким образом, образуя, либо строго в одно и то же время, либо в разные периоды, но все в рамках жизни недавних существ, почти приполярный пояс суши. Итак, опять Галапагосские острова и Хуан-Фернандес должны быть присоединены к Америке; и если мы доверяем прибрежным раковинам, Галапагосские острова должны были быть присоединены к островам Тихого океана (удаленным на 2400 миль) так же, как и к Америке, и, как, по-видимому, думает Вудворд, все острова в Тихом океане образуют великолепный континент; также острова в Южной части Индийского океана образуют другой континент, с Мадагаскаром, Африкой и, возможно, Индией. В Северной Атлантике Европа протянется на половину пути через океан до Азорских островов и дальше на север прямо поперек. Короче говоря, мы должны предположить, что, вероятно, половина нынешнего океана была сушей в период существования живых организмов. Земной шар в этот период, должно быть, имел совершенно иной вид. Теперь единственный способ проверить это, который я вижу, - это рассмотреть, претерпели ли континенты за этот же период такие чудесные перестановки. Во всей Северной, Южной и Центральной Америке у нас есть как современные, так и миоценовые (или эоценовые) раковины, совершенно разные с противоположных сторон, и поэтому я не могу сомневаться, что в основном Америка удерживала свое место, по крайней мере, с миоценового периода. В Африке почти все живые раковины различимы на противоположных сторонах межтропических регионов, на небольшом расстоянии по сравнению с ареалом морских моллюсков, в непрерывных морях; отсюда я делаю вывод, что Африка существовала с тех пор, как были созданы наши нынешние виды. Даже Суэцкий перешеек и Арало-Каспийский бассейн имеют большую древность. Я полагаю, что, судя по третичным отложениям, Индия тоже. Обширная фауна вымерших сумчатых в Австралии показывает, что до появления нынешних млекопитающих Австралия была отдельным континентом. Я ни на секунду не сомневаюсь в том, что очень большие части всех этих континентов претерпели ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ изменения уровня за этот период, но все же я прихожу к выводу, что в основном они стояли как барьеры в море, где они стоят сейчас; и поэтому мне потребовались бы самые веские доказательства, чтобы заставить меня поверить в такие огромные изменения за период существования живых организмов в наших океанах, где, более того, из-за больших глубин изменения должны были быть более масштабными в вертикальном смысле.

ВО-ВТОРЫХ.

Погрузите под воду наши нынешние континенты, оставив несколько горных вершин в виде островов, и каким будет характер островов, — Учтите, что Пиренеи, Сьерра-Невада, Апеннины, Альпы, Карпаты невулканические, Этна и Кавказ вулканические. В Азии, я полагаю, невулканические Алтай и Гималаи. В Северной Африке невулканическими, как я полагаю, являются Альпы Абиссинии и Атласа. В Южной Африке - Снежные горы. В Австралии - невулканические Альпы. В Северной Америке - Белые горы, Аллегани и Скалистые горы — я

полагаю, только некоторые из последних являются вулканическими. В Южной Америке на востоке, в невулканических [Силла?] районах Каракаса и Итаколуми в Бразилии, южнее Сьерра-Вентанас и в Кордильерах, многие вулканические, но не все. Теперь сравните эти вершины с океаническими островами; насколько известно, все они вулканические, за исключением Сент-Пола (странной изрытой скалы) и Сейшельских островов, если это последнее можно назвать океаническим, на линии Мадагаскара; Фолкленды, расположенные всего в 500 милях от острова, представляют собой всего лишь мелководную отмель; Новая Каледония, едва ли океаническая, является еще одним исключением. Этот аргумент имеет для меня большой вес. Сравните на географической карте острова, которые, как у нас есть НЕСКОЛЬКО причин предполагать, были связаны с материком, таким как Сардиния, и насколько разными они кажутся. Полагая, к чему я склонен, что континенты как континенты и океаны как океаны имеют огромную древность, я бы сказал, что если какой-либо из существующих океанических островов имеет какое-либо отношение к континентам, они образуют континенты; и что к тому времени, когда они могли бы образовать континент, вулканы обнажились бы до своих ядер, оставив вершины из сиенита, диорита или порфира. Но есть ли у нас где-нибудь последние обломки континента посреди океана? Возможно, это скала Святого Павла и такие старые разрушенные вулканические острова, как остров Святой Елены; но я думаю, мы можем видеть некоторую причину, по которой у нас должно быть меньше свидетельств опускания, чем поднятия континентов (если мое мнение в моем томе о кораллах имеет хоть какую-то долю правды, а именно: что вулканические извержения сопровождают поднимающиеся районы), поскольку во время опускания не будет действовать компенсирующий фактор, в поднимающихся районах будет ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ элемент излитого вулканического вещества.

В-ТРЕТЬИХ.

Учитывая глубину океана, до того, как я получил ваше письмо, я был склонен яростно оспаривать огромное количество осадков, но я должен проявить себя. Что касается коралловых рифов, я тщательно остерегался предположения, что группы атоллов обозначают континент. Как мне кажется, трудно угадать степень оседания, на которую указывают коралловые рифы; но на таких больших территориях, как архипелаг Лоу, Маршаллов архипелаг и Лаккадивская группа, было бы странно, если бы, судя по высотам существующих океанических архипелагов, некоторые вершины высотой от 8000 до 10 000 футов не были погребены. Даже после вашего письма у меня возникло подозрение, справедливо ли было бы переносить оседания в середине величайших океанов на континенты; но, освежая свою память разговором с Рамзи относительно вероятной толщины по одной вертикальной линии силурийской и каменноугольной формаций, кажется, что во время этих формаций в Европе и Северной Америке должно было быть ПО меньшей мере 10 000 футов оседания, и, следовательно, в течение существования почти того же набора органических существ. Но даже 12 000 футов было бы недостаточно для Азорских островов или для континента Хукера; я полагаю, что Хукер предполагает не сплошной континент, а приблизительные группы островов, между которыми, если судить по существующим континентам, нет ОЧЕНЬ глубокого моря; но аргумент вулканической природы почти каждого существующего океанического острова говорит против таких предполагаемых групп островов, поскольку я предполагаю, что он не предполагает простой цепи вулканических островов, опоясывающих южное полушарие.

В-ЧЕТВЕРТЫХ.

Предполагаемые континентальные расширения, как мне кажется, не вполне объясняют все явления распространения на островах, такие как отсутствие млекопитающих и батрахий; отсутствие определенных крупных групп насекомых на Мадейре, а также акаций и банксий и т.д. В Новой Зеландии; скудость растений в некоторых случаях и т.д. Не то чтобы те, кто верит в различные случайные способы расселения, могли объяснить большинство этих случаев; но они могут, по крайней мере, сказать, что эти факты кажутся едва ли совместимыми с бывшей непрерывной землей.

НАКОНЕЦ-ТО.

По этим нескольким причинам, и особенно учитывая несомненный факт (с которым вы согласитесь), что мы крайне невежественны в средствах распространения, я не могу отделаться от мысли, что "Атлантида" Форбса оказала плохую услугу науке, поскольку поставила под сомнение тщательное изучение средств распространения. Я был бы действительно признателен услышать, как можно короче, имеют ли эти аргументы какой-либо вес для вас, ставя себя на позицию честного судьи. Я сказал Хукеру, что собираюсь написать вам по этому поводу; и я хотел бы, чтобы он прочитал это; но сочтет ли он или вы, что это стоит времени и почтовых расходов, еще предстоит выяснить.

Искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

[8 июля он написал сэру Чарльзу Лайеллу.

"Мне жаль, что вы не можете вынести никакого вердикта относительно континентальных расширений; и я делаю вывод, что вы считаете мой аргумент против таких расширений не очень весомым. Я знаю, что хотел бы в это верить".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Внизу, 20 июля [1856].

... Это немалый эгоизм, но я хотел бы рассказать вам (и не ДУМАЮ, что сделал это), как я отношусь к своей работе. Деятнадцать лет (!) назад мне пришло в голову, что, занимаясь естественной историей, я, возможно, принес бы пользу, если бы отметил какие-либо факты, имеющие отношение к вопросу о происхождении видов, и с тех пор я этим и занимаюсь. Либо виды были созданы независимо, либо они произошли от других видов, как разновидности от одного вида. Я думаю, можно показать, что вполне вероятно, что человек приобретает свои наиболее отчетливые разновидности, сохраняя те, которые наиболее достойны сохранения, и уничтожая остальные, но я должен был бы заполнить анкету, если бы хотел продолжить. Короче говоря, я ПРЕДПОЛАГАЮ, что виды возникают подобно нашим домашним разновидностям после ЗНАЧИТЕЛЬНОГО вымирания; а затем проверяю эту гипотезу путем сравнения со столькими общими и довольно устоявшимися предположениями, какие я могу найти, — в географическом распространении, геологической истории, сходстве и т.д., и т.п. И мне кажется, что, ПРЕДПОЛАГАЯ, что такая гипотеза должна была бы объяснить такие общие положения, мы должны, в соответствии с общим способом следования всем наукам, принимать ее до тех пор, пока не будет обнаружена какая-нибудь лучшая гипотеза. Ибо, на мой взгляд, утверждение, что виды были созданы такими-то, не является научным объяснением, а лишь благоговейным способом сказать, что это так-то и так-то. Но бессмысленно пытаться показать, как я пытаюсь двигаться в направлении заметки. Но как честный человек, я должен сказать вам, что я пришел

к неортодоксальному выводу, что не существует таких вещей, как независимо созданные виды, — что виды - это всего лишь строго определенные разновидности. Я знаю, что это заставит вас презирать меня. Я не сильно недооцениваю многие ОГРОМНЫЕ трудности, связанные с этой точкой зрения, но все же мне кажется, что она объясняет слишком многое, иначе необъяснимое, чтобы быть ложным. Просто намекну на один момент в вашей последней заметке, а именно на то, что виды одного рода ОБЫЧНО имеют общий или непрерывный ареал; если они действительно являются прямыми потомками одного вида, это, конечно, так и было бы; и, к сожалению, слишком много исключений (для меня) приходится объяснять климатическими и геологическими изменениями. Тем более с этой точки зрения (но на точно тех же основаниях) все особи одного и того же вида должны иметь непрерывное распределение. По этой последней ветви темы я собрал целую главу, и Хукер любезно перечитал ее. Я думал, что исключения и трудности были настолько велики, что в целом чаша весов была не в пользу моих представлений, но я был очень рад обнаружить, что это, по-видимому, имело значительный вес для Хукера, который сказал, что он никогда не был так сильно поражен постоянством видов.

Я должен сказать еще одно слово в оправдание (ибо я уверен, что вы склонны презирать меня и мои причуды), что все мои представления о ТОМ, КАК изменяются виды, проистекают из длительного изучения работ (и бесед с ними) агрономов и садоводов; и я полагаю, что довольно ясно вижу свой путь в отношении средств, используемых природой для изменения своих видов и АДАПТАЦИИ их к чудесным и изысканно прекрасным условиям, которым подвергается каждое живое существо ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 30 июля 1856 года.

Моя дорогая Проститутка,

Ваше письмо имеет для меня БОЛЬШУЮ ценность. Я не смог получить определенного ответа от Лайелла (О континентальных расширениях Forbes и др.), как вы увидите в прилагаемых письмах, хотя я сделал вывод, что он не придавал значения моим аргументам. Если бы не эта переписка, я написал бы, к сожалению, слишком сильно. Вы можете положиться на то, что я выражу свои сомнения умеренно. Никогда не было такого затруднительного положения, как мое: здесь вы, континентальные экстенсионисты, устранили бы огромные трудности, стоящие передо мной, и все же я не могу честно признать эту доктрину и поэтому должен так сказать. Я не могу смириться с тем фактом, что ни на одном острове, удаленном от материка на расстояние более 500 или 600 миль, не было найдено ни одного фрагмента вторичной или палеозойской породы. Вы, скорее, неправильно поняли меня, когда подумали, что я сомневаюсь в ВОЗМОЖНОСТИ оседания на 20 000 или 30 000 футов; это всего лишь вероятность, учитывая те свидетельства, которыми мы располагаем, независимо от распределения. Я еще не изучил во всех деталях распределение млекопитающих, как ИДЕНТИЧНЫХ, так и родственных, по ОДНОМУ ЭЛЕМЕНТУ - ГЛУБИНЕ МОРЯ; но насколько я продвинулся, результаты, на мой взгляд, удивительно согласуются с моей самой неприятной верой в то, что географические изменения не такие большие, как вы полагаете; и о СРЕДСТВАХ распространения млекопитающих мы, безусловно, знаем больше, чем о любом другом классе. Ничто так не раздражает меня, как постоянное

нахождение себя в том, что я делаю разные выводы из одних и тех же фактов, исходя из мнений лучших судей, чем я сам.

Мне кажется, что в последнее время я устранил многие (не географические) трудности, противоречащие моим представлениям, но Бог свидетель, возможно, все это галлюцинация.

Пожалуйста, верните письма Лайелла.

Для вас это большая честь Лайелла и какой он замечательный человек. Я сильно отличаюсь от него в том, что те, кто считает, что виды НЕ являются фиксированными, будут множить конкретные названия: я знаю, что в моем собственном случае самым частым источником сомнений было то, не подумают ли другие, что тот или иной Моллюск был создан Богом и, несомненно, заслуживал названия. В противном случае я бы только подумал, достаточно ли величина различий и постоянства, чтобы оправдать название: я также удивлен, что он считает несущественным, абсолютны виды или нет: всякий раз, когда будет доказано, что все виды возникают в результате зарождения, по законам изменения, какие хорошие доказательства мы получим о пробелах в формациях. И какой наукой станет Естественная история, когда мы будем лежать в могилах, когда все законы изменений будут считаться одной из важнейших частей естественной истории.

Я не могу понять, почему Лайель считает, что такие представления, как мои, или о "Пережитках", обесценивают определенные центры. Но я не должен продолжать и отнимать у вас время. Боюсь, моя рукопись не будет скопирована до того, как вы отправитесь за границу. С искренней благодарностью.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

P.S. После того, как я изложил свои аргументы против континентальных расширений, я добавлю несколько таких предложений, например, что двое судей лучше меня рассмотрели эти аргументы и не придали им никакого значения.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 5 августа [1856].

... Я вполне согласен с письмами Лайелла ко мне, которые, хотя и кажутся мне интересными, не пролили на меня нового света. Ваши письма, с ГЕОЛОГИЧЕСКОЙ точки зрения, были для меня более ценными. Вы не можете себе представить, как искренне я хотел бы проглотить расширение континента, но я не могу; чем больше я думаю (и не могу выбросить эту тему из головы), тем труднее мне это дается. Если бы было всего полдюжины случаев, я бы не испытывал ни малейших затруднений; но общность фактов о том, что значительная часть продукции всех островов (за исключением одного или двух) связана с одним или несколькими материками, совершенно ошеломляет меня. Какой замечательный случай с эпакридами! Для меня крайне досадно, а также унижительно, что я не могу следовать тому, как вы поразительно излагаете свой взгляд на этот случай. Я рассматриваю ваши факты (об эвкалипте и т.д.) как ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩИЕ от расширения континента, и, если хотите, также предупреждающие от миграции или, по крайней мере, от ОГРОМНЫХ трудностей. Я вижу, что причина наших разногласий (в письме я должен поставить себя на равную позицию в споре) заключается, по моему мнению, в том, что о средствах распространения почти ничего не известно. Я вполне

согласен с А. Де Кандолем (и, осмелюсь сказать, с вашим) мнением о том, что составление единственно ВОЗМОЖНЫХ способов распространения - плохая работа; но я не вижу другого способа, которым можно было бы атаковать этот предмет, поскольку я думаю, что аргумент А. Де Кандоля о том, что никакие растения не были завезены в Англию иначе как с помощью человека, не имеет веса. Я не могу не думать, что теория континентального расширения приносит небольшой вред, поскольку останавливает исследование средств рассредоточения, которые, будь то ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ или позитивные, кажутся мне ценными; при отрицании каждый, кто верит в единые центры, должен будет признать континентальные расширения.

... Я вижу из ваших замечаний, что вы не понимаете моих представлений (независимо от того, стоят они чего-либо или нет) об модификации; Я очень мало приписываю прямому действию климата и т.д. Я полагаю, что в отношении конкретных центров наши цели расходятся; я бы назвал огород, на котором выращивали краснокочанную капусту, или ферму, на которой Бейквелл разводил короткошерстный скот, специфическим центром этих ВИДОВ! И, конечно же, такой централизации достаточно!

Я искренне благодарю вас за всю вашу помощь; и независимо от того, будет ли моя книга плохой или нет, вы сделали все возможное, чтобы сделать ее менее плохой. Иногда я нахожусь в очень хорошем настроении, а иногда очень подавлен этим. Мое собственное мнение твердо стоит вопроса о происхождении видов; но, боже мой, как мало это стоит!..

[Что касается "особых центров", представляет интерес отрывок из письма сэра Чарльза Лайелла сэру Дж.Д. Хукеру от 25 июля 1856 г. ("Лайф", ii, стр. 216):

"Я очень боюсь, что если Дарвин будет утверждать, что виды - это призраки, ему также придется признать, что отдельные центры распространения также являются призраками, и это лишит меня значительной части ценности, которую я приписываю нынешним областям обитания животных и растений, как иллюстрации современных и третичных изменений в физической географии".

Однако он, похоже, осознал, что вскоре придется столкнуться с призрачной доктриной, поскольку написал в том же письме: "Убедит ли Дарвин вас и меня отказаться от нашей веры в виды (если рассматривать геологические эпохи) или нет, я предвижу, что многие перейдут к доктрине неопределенной изменчивости".

Осенью мой отец все еще работал над географическим распределением и снова обратился за помощью к сэру Дж.Д. Хукеру.

ПИСЬМО СЭРУ Дж.Д. ХУКЕРУ [сентябрь 1856 г.].

"В течение нескольких недель, ты, несчастный негодяй, получишь мою рукопись по одному пункту Географического распределения. Я, однако, никогда больше не попрошу о подобном одолжении; но что касается этого фрагмента рукописи, для меня бесконечно важно, чтобы вы его увидели; ибо никогда в своей жизни я не испытывал таких трудностей с тем, что делать, и я искренне хотел бы замять всю тему".

В письме сэру Дж.Д. Хукеру (июнь 1856 г.) встречается следующий характерный отрывок, подсказанный, без сомнения, видом работы, которую повлекла за собой его глава о географическом распространении:

"В его [Э. "Форбс"] знаменитые и достойные восхищения мемуары о распространении, как мне кажется, теперь, когда я собрал их так, чтобы привести заголовки на странице. Поверьте, мое высказывание верно, а именно, что компилятор - ВЕЛИКИЙ человек, а оригинальный человек - заурядный человек. Любой дурак может обобщать и строить догадки; но, о боже мой! Получить из ВТОРЫХ РУК новозеландскую флору - это работа".

ЧАРЛЬЗ Дарвин У.Д. ФОКСУ. 3 октября [1856].

... Я помню, вы протестовали против совета Лайелла написать очерк моих видовых доктрин. Что ж, когда я начал, это показалось мне настолько неудовлетворительной работой, что я отказался и сейчас довожу свою работу до совершенства, насколько достаточно моих материалов, собранных за девятнадцать лет, но не намерен останавливаться, чтобы усовершенствовать какое-либо направление расследования, выходящее за рамки текущей работы. Пока и не более того, я последую настоятельному совету Лайелла. Ваши замечания оказали на меня значительное влияние. К моему сожалению, из этого выйдет довольно большая книга. Я обнаружил, что моя тщательная работа с голубями действительно бесценна, поскольку она просветила меня по многим вопросам изменчивости при одомашнивании. Обширная старая литература, с помощью которой я могу проследить постепенные изменения в породах голубей, оказалась для меня чрезвычайно полезной. Я только что получил ЖИВЫХ голубей и домашнюю птицу из Гамбии! За кроликами и утками я ухаживаю довольно тщательно, но не так тщательно, как за голубями. Я нахожу наиболее примечательные различия в скелетах кроликов. Вы когда-нибудь держали какие-нибудь странные породы кроликов, и не могли бы вы сообщить мне какие-нибудь подробности? Еще один вопрос: раньше вы держали ястребов; знаете ли вы вообще, как скоро после поедания птицы они выбрасывают дробинку?

Ни один предмет не вызывает у меня столько беспокойства, сомнений и трудностей, как способы распространения одних и тех же видов наземных растений на океанических островах. Сухопутные моллюски сводят меня с ума, и я все равно не могу заставить их икринки экспериментировать с их способностью плавать и устойчивостью к вредному действию соленой воды. Я не буду извиняться за то, что так много пишу о своих собственных деяниях, как, полагаю, вам хотелось бы услышать. Прошу вас, дайте мне как-нибудь послушать, как у вас дела со здоровьем; и, ЕСЛИ У вас ЕСТЬ ТАКОЕ ЖЕЛАНИЕ, позвольте мне сказать несколько слов о позывных утках.

Мой дорогой Фокс, сердечно твой, Ч. ДАРВИН.

[По поводу своей книги он написал (10 ноября) сэру Чарльзу Лайеллу]:

"Я очень упорно работаю над своей большой книгой; я обнаружил, что совершенно невозможно опубликовать какое-либо предварительное эссе или наброски; но я выполняю свою работу настолько полно, насколько позволяют имеющиеся у меня материалы, не дожидаясь их совершенствования. И таким большим ускорением я обязан тебе".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, воскресенье [октябрь 1856 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Семена пришли в целости и сохранности, большое спасибо за них. Мне было очень жаль так скоро убегать и пропустить часть моего САМОГО приятного вечера; и я убежал, как гот и вандал, не пожелав миссис Хукер прощания; но я успел как раз вовремя, когда вышел на платформу, поезд уже прибыл.

Я был особенно рад нашей беседе после ужина, сражение с тобой всегда чудесным образом проясняет мой разум. Я вздыхаю, когда слышу, что А. Грей согласен с вами относительно состояния Ботанической географии. Все, что я знаю, это то, что если бы вам пришлось искать свет в зоологической географии, вы бы, напротив, уважали свой собственный предмет гораздо больше, чем сейчас. Ястребы вели себя как джентльмены и разбрасывали дробинки с большим количеством семян, а я только что получил пачку куропатиных лапок, хорошо облепленных грязью!!! (Грязь в таких случаях часто содержит семена, так что растения таким образом транспортируются.) Прощайте.

Твой безумный и извращенный друг К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 4 ноября [1856].

Моя дорогая Проститутка,

Я благодарю вас более СЕРДЕЧНО, чем вы можете себе представить, за вашу записку. Ваш вердикт (по рукописи, касающейся географического распространения.) был большим облегчением. Клянусь честью, я понятия не имел, скажете ли вы, что это было (и я знал, что вы сказали бы это очень любезно) настолько плохо, что вы бы умоляли меня сжечь все целиком. По моему собственному мнению, моя рукопись избавила меня от некоторых трудностей, и трудности казались мне довольно объективно изложенными, но я был настолько сбит с толку противоречивыми фактами, свидетельствами, рассуждениями и мнениями, что мне показалось, что я потерял всякое здравомыслие. Ваш общий вердикт НЕСПРАВНЕННО более благоприятный, чем я ожидал...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 23 ноября [1856].

Моя дорогая Проститутка,

Боюсь, я утомлю вас письмами, но не отвечайте на это, ибо, по правде говоря, без лести, я так ценю ваши письма, что после большой партии в последнее время я чувствую, что был расточителен и вытянул слишком много денег, и поэтому мне придется поспуститься в другой раз.

Когда я отправил ср. Я чувствовал, что какие-то предварительные вопросы о причинах изменения должны были быть отправлены вам. Прав я или нет в этих пунктах - совершенно отдельный вопрос, но вывод, к которому я пришел, совершенно независимо от географического распространения, состоит в том, что внешние условия (к которым так часто апеллируют натуралисты) САМИ по себе ОЧЕНЬ МАЛО влияют. То, как много они делают, - это точка зрения

всех остальных, в отношении которой я чувствую себя очень слабым. Я сужу по фактам изменчивости при одомашнивании и, возможно, получу больше света. Но в настоящее время, после составления черновой копии по этому вопросу, я прихожу к выводу, что внешние условия делают КРАЙНЕ мало, за исключением простой изменчивости. Эта простая изменчивость (из-за которой ребенок НЕ очень похож на своего родителя) Я рассматриваю ее как нечто СИЛЬНО отличающееся от формирования заметного разнообразия или нового вида. (Без сомнения, изменчивость регулируется законами, некоторые из которых я пытаюсь очень смутно проследить.) Формирование сильной разновидности или вида, на мой взгляд, почти полностью обусловлено отбором того, что может быть неправильно названо СЛУЧАЙНЫМИ вариациями или изменчивостью. Эта способность отбора находится в самом прямом отношении ко времени и в естественном состоянии может быть только чрезмерно медленной. Опять же, выбранные незначительные различия, с помощью которых в конечном итоге формируется раса или вид, находятся, как я думаю, можно показать (даже на примере растений и, очевидно, животных) в гораздо более важном отношении к своим окружениям, чем к внешним условиям. Следовательно, в соответствии с моими принципами, правильными или неправильными, я не могу согласиться с вашим утверждением, что время, изменившиеся условия и изменившиеся партнеры являются "конвертируемыми терминами". Я считаю первое и последнее гораздо более важными: время важно только постольку, поскольку дает простор для выбора. Одному Богу известно, поймете ли вы, к чему я веду. Мне придется обсудить и обдумать ваши трудности с умеренными и субарктическими формами в Южном полушарии больше, чем я до сих пор делал. Но я склонен думать, что я прав (если мои общие принципы верны), что в течение периода миграции, будь то более короткий или длительный, было бы мало тенденций к образованию нового вида, хотя за этим могла последовать значительная изменчивость...

ЧАРЛЬЗ Дарвин Дж.Д. ХУКЕРУ. 24 декабря [1856].

... Как бы я хотел жить рядом с вами, чтобы обсудить эти вопросы. Я только что сравнил определения видов и кратко рассказал о том, как натуралисты-систематики разрабатывают свои предметы. Аквилегия во флоре Индика была для меня отличным примером. Действительно, смешно видеть, какие разные идеи занимают видное место в умах разных натуралистов, когда они говорят о "видах"; для одних сходство — это все, а происхождение не имеет большого значения; для других сходство, кажется, ничего не значит, а Творение — господствующая идея; для некоторых происхождение - ключ; для некоторых бесплодие - верный тест; для других оно не стоит и ломаного гроша. Я полагаю, что все это происходит из-за попыток определить неопределимое. Я полагаю, вы потеряли нечетное черное зернышко из птичьего помета, которое проросло, — во всяком случае, оно не стоит того, чтобы из-за него беспокоиться. Теперь у меня есть около дюжины семян из птичьего помета. Прощайте,

Моя дорогая Проститутка, всегда твоя, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 1 января [1857?].

Мой дорогой доктор Грей,

Я получил вторую часть вашей статьи ("Статистика флоры севера Соединенных Штатов", "Журнал Силлимана", 1857 г.), и хотя мне нечего сказать конкретно, я должен выразить вам свою благодарность и искреннее восхищение. Вся статья кажется мне довольно исчерпывающей по теме, и я вполне полагаю и льщу себя надеждой, что теперь я оценил характер вашей флоры. Какое различие в отношении Европы имеет ваше замечание относительно родов! Я был чрезвычайно рад увидеть ваше заключение относительно видов крупных родов, широко распространенных; оно находится в строгом соответствии с результатами, полученными мною несколькими способами. Это имеет большое значение для моих представлений. Кстати, вы сделали мне БОЛЬШОЙ комплимент ("На основании некоторых собственных исследований этот проникательный натуралист склоняется к мысли, что [виды] крупных родов занимают большую территорию, чем виды мелких родов". — Эйса Грей, local cit.): быть ПРОСТО упомянутым даже в такой статье я считаю очень большой честью. Одно из ваших заключений заставляет меня стонать, а именно, что линия распространения строго альпийских растений проходит через Гренландию. Мне бы ОЧЕНЬ хотелось, чтобы ваши доводы были опубликованы в деталях, поскольку это ужасно "раздражает" меня (это правильное выражение, не так ли?). Лайелл рассказал мне, что у Агассиса была теория о том, когда были впервые созданы ящеры, но, услышав несколько осторожных замечаний в противовес этому, он сказал, что не верит в это, "ибо природа никогда не лгала". Я как раз нахожусь в таком затруднительном положении и повторяю вам, что "Природа никогда не лжет", следовательно, теоретики всегда правы ...

Несмотря на то, что вы перегружены работой, я осмелюсь предположить, что вы скажете, что я отвратительная зараза; но вот еще одно предложение! Одно из моих диких предположений привело меня к выводу (хотя это не имеет ничего общего с географическим распространением, но имеет отношение к вашей статистике), что деревья будут иметь сильную тенденцию иметь цветы с двудомной, однодомной или полигамной структурой. Видя, что это кажется таковым на первый взгляд, я взял одну небольшую британскую флору и, отличая деревья от кустарников по Лаудону, обнаружил, что в результате получились виды, роды и семейства, как я и ожидал. Поэтому я отправил свои соображения Хукеру, чтобы попросить его составить таблицу флоры Новой Зеландии для этой цели, и он счел мой результат достаточно любопытным, чтобы сделать это; и соответствие с Британией очень поразительно, тем более что он вывел три класса деревьев, кустарников и травянистых растений. (Далее он говорит, что будет работать с тасманийской флорой по тому же принципу.) Кустарники занимают промежуточное положение между двумя другими классами. Это кажется мне любопытным соотношением само по себе, и так оно и есть, если моя теория и объяснение верны. (См. "Происхождение", издание i, стр. 100.)

С искренней благодарностью, ваш самый беспокойный друг К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 12 апреля [1857].

Моя дорогая Проститутка,

Ваше письмо мне очень понравилось, потому что я никогда не могу выкинуть из головы, что несправедливо пользуюсь вашей добротой, поскольку получаю все и ничего не даю. Какую великолепную дискуссию вы могли бы написать на тему вариативности в целом! Случаи, обсуждаемые в вашей последней заметке, ценны для меня (хотя и одиозны и достойны

осуждения), поскольку показывают, насколько глубоко мы невежественны в причинах вариаций. Я просто упомяну об этих случаях как о своего рода подразделении полиморфизма, на мой взгляд, несколько более определенном, чем вариация, например, Руби, и столь же или более запутанном.

Я только что собрал воедино свои заметки о вариациях, по-видимому, вызванных непосредственным действием внешних причин; и меня поразил один результат. Самые стойкие приверженцы независимого создания признают, что мех одного и ТОГО ЖЕ вида тоньше к югу от ареала обитания того же вида, чем к северу; что одни и ТЕ ЖЕ раковины ярче окрашены к югу, чем к северу; что один и тот же [панцирь] бледнее в глубокой воде; что насекомые мельче и темнее в горах — более багровые и покрытые семенами вблизи моря; что растения мельче и мохнатее и с более яркими цветами в горах: итак, во всех таких и других случаях различные виды в двух зонах следуют одному и тому же правилу, которое, как мне кажется, наиболее просто объясняется видами, являясь только сильно выраженными разновидностями и, следовательно, следуя тем же законам, что и признанные и допущенные разновидности. Я упоминаю все это из-за разнообразия растений в восходящих горах; я процитировал предыдущее замечание только в общих чертах, без примеров, поскольку, добавлю, существует так много сомнений и споров о том, что называть разновидностями; но все же я наткнулся на так много случайных замечаний о том, что РАЗНОВИДНОСТИ растений в горах характеризуются таким образом, что я предполагаю, что в этом есть доля истины. Что ты думаешь? Верите ли вы, что у РАЗНОВИДНОСТЕЙ растений, как ИХ ОБЫЧНО называют, есть какая-либо тенденция становиться более опушенными и с пропорционально более крупными и ярко окрашенными цветками при восхождении на гору?

Меня заинтересовал мой "сад сорняков" площадью 3 x 2 квадратных фута: я помечаю каждый саженец по мере его появления и поражаюсь количеству всходов, а еще больше количеству погибших от слизней и т.д. Уже 59 человек были убиты таким образом; я ожидал, что их будет довольно много, но мне показалось, что это было менее действенное средство, чем кажется, и я приписал почти исключительно простое удушение, гибель саженцев. Проростки травы, похоже, страдают гораздо меньше, чем экзогены ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Мур-Парк, Фарнхэм [апрель (?) 1857 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Ваше письмо было переслано мне сюда, где я в течение двух недель прохожу курс водолечения, пробыв здесь неделю и уже получив такое количество пользы, которое совершенно невероятно для меня и совершенно необъяснимо. Я могу ходить и есть как истинный христианин, и даже ночи у меня хорошие. Я ни в малейшей степени не могу понять, как водолечение может действовать на меня так, как оно, безусловно, действует. Это великолепно притупляет разум; я не думал ни об одном биологическом виде с тех пор, как покинул дом. Ваше замечание застало меня врасплох; я думал, что волосатость и т.д. альпийских ВИДОВ общеизвестна; я уверен, что видел, как на это ссылались десятки раз. Фальконер на днях говорил мне об этом. Мейен, или Гей, или кто-то в этом роде (кого вы бы презирали), помнится, сделал какое-то замечание о растениях чилийской кордильеры. Виммер написал небольшую книгу на ту же тему и о СОРТАХ, столь характерных для Альп. Но после того, как я написал вам, признаюсь, я был ошеломлен,

обнаружив, что один человек (кажется, Мокен-Тандон) сказал, что альпийские цветы склонны быть белыми, а Линней сказал, что холод делает растения АПЕТАЛЬНЫМИ, даже одного и того же вида! Часто ли арктические растения апетальны? Мое общее мнение из моей компилятивной работы вполне согласуется с тем, что вы говорите о незначительном прямом влиянии климата; и я только что упомянул о волосатости альпийских растений как ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ. Пахучесть была бы хорошим аргументом для меня, если бы я знал о РАЗНОВИДНОСТЯХ, более пахучих в сухих местообитаниях.

Боюсь, что я рассматривал волосатость альпийских растений как настолько общепризнанную, что вообще не отмечал отрывки, чтобы посмотреть, какого рода доказательства приводят авторы. Должен признаться, на днях, когда я спросил Фальконера, знает ли он о том, что ОТДЕЛЬНЫЕ растения теряют или приобретают волосатость при транспортировке, он не ответил. Но сейчас, В ЭТУ СЕКУНДУ, у меня вспыхивает память, и я уверен, что где-то видел случай, когда у волосатых растений из Пиренеев выпадали волоски при выращивании в Монпелье. Не сочтете ли вы меня очень дерзким, если я скажу вам, что иногда мне казалось (совершенно независимо от настоящего случая), что вы чересчур строги к плохим наблюдателям; что замечание, сделанное плохим наблюдателем, НЕ МОЖЕТ быть правильным; наблюдателя, заслуживающего проклятия, вы бы проклинали окончательно. Я с полным уважением отношусь к любому замечанию, которое вы делаете по собственной воле; но когда я выступаю против какого-нибудь бедняги, я как-то невольно испытываю не совсем такое, но все же большое уважение к вашему мнению. Я ни в малейшей степени не знаю, есть ли хоть капля правды в моей критике в ваш адрес, но я часто думал, что должен сказать вам это.

Я действительно очень признателен вам за ваше письмо, поскольку, хотя я намеревался изложить только одно предложение, да и то расплывчато, я, вероятно, выразился бы слишком резко.

Всегда, моя дорогая Проститутка, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

P.S. В этой заметке, как вы видите, нет ничего, требующего ответа.

Распространение пресноводных моллюсков было для меня ужасным испытанием, но, думаю, теперь я знаю, как поступать; впервые вылупившись, они очень активны, и у меня было тридцать или сорок случаев, когда они ползали по лапке мертвой утки; и их нельзя оторвать, и они могут прожить пятнадцать и даже двадцать четыре часа без воды.

[Следующее письмо относится к экспедиции австрийского фрегата "Новара"; Лайелл обратился к моему отцу за советами.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 11 февраля [1857].

Мой дорогой Лайель,

Я был рад прочитать в газетах об австрийской экспедиции. Мне нечего добавить с геологической точки зрения к моим заметкам в Руководстве. (Статья "Геология" в Руководстве Адмиралтейства по научным исследованиям.) Я не знаю, привязана ли Экспедиция к заходам только в определенные места. Но если у ученых есть какой-то выбор или сила влиять на эти

места - это было бы очень желательно. Я глубоко убежден, что ничто так не помогло бы естественной истории, как тщательный сбор и исследование ВСЕХ ПРОДУКТОВ, ПРОИЗРАСТАЮЩИХ на самых изолированных островах, особенно в южном полушарии. За исключением Тристан-д'Акуны и Земли Кергелен, они изучены очень недостаточно; и даже на Земле Кергелен многое еще предстоит выяснить о залежах бурого угля и о том, есть ли признаки давнего ледникового воздействия. В таких местах ценна каждая морская раковина, насекомое и растение. Кому-нибудь из участников экспедиции особенно пригодится эссе Хукера о Новой Зеландии. Какая грандиозная работа - исследовать Родригес с его ископаемыми птицами и малоизвестными обитателями всех видов. Снова Сейшельские острова, которые, учитывая близость кокосовых пальм, должны быть остатками какой-то более древней земли. Внешний остров Хуан-Фернандес малоизвестен. Исследование этих маленьких мест группой натуралистов было бы грандиозным; Собор Святого Павла и Амстердам были бы великолепны в ботаническом и геологическом отношении. Не могли бы вы порекомендовать им получить мой "Дневник" и "Вулканические острова" из-за Галапагосских островов? Если они придут с севера, будет позором и грехом, если они не заедут на остров Кокос, один из Галапагосских островов. Я всегда сожалел, что мне не удалось осмотреть огромные кратеры на острове Албемарл, одном из Галапагосских островов. В Новой Зеландии призывают их обращать внимание на неустойчивые валуны и следы старых ледников.

Настаивайте на использовании земснаряда в Тропиках; как мало или вообще ничего мы не знаем о пределах жизни внизу, в горячих морях?

Моя нынешняя работа заставляет меня понять, насколько пренебрегают домашними животными в отдаленных странах.

Я полагаю, что на остров Ревильягихедо у берегов Мексики никогда не ступала нога натуралиста.

Если экспедиция будет придерживаться таких мест, как Рио, мыс Доброй Надежды, Цейлон, Австралия и т.д., это мало что даст.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

[Следующий отрывок встречается в письме мистеру Фоксу от 22 февраля 1857 г. и имеет отношение к книге по эволюции, над которой он все еще работал. Остальная часть письма составлена из деталей, не представляющих интереса:

"Я глубоко заинтересован в своем предмете; хотя я хотел бы меньше ценить пустяковую славу, настоящую или посмертную, чем я делаю, но не думаю, что до какой-либо крайней степени: и все же, если я знаю себя, я бы работал так же усердно, хотя и с меньшим удовольствием, если бы знал, что моя книга будет издаваться анонимно".]

ЧАРЛЬЗ Дарвин - А.Р. УОЛЛЕСУ. Мур-парк, 1 мая 1857 года.

Мой дорогой сэр,

Я очень признателен вам за ваше письмо с Целебеса от 10 октября, полученное несколько дней назад; в трудном деле сочувствие - ценная и реальная поддержка. Вашим письмом и еще

больше вашей статьей ("О законе, регулирующем интродукцию новых видов". —Ann. Nat. История., 1855.) в "Анналах", опубликованных год или больше назад, я ясно вижу, что мы думали во многом одинаково и в определенной степени пришли к схожим выводам. Что касается статьи в "Анналах", я согласен с правдивостью почти каждого слова вашей статьи; и я осмелюсь сказать, что вы согласитесь со мной в том, что очень редко можно обнаружить, что ты полностью согласен с какой-либо теоретической статьей; ибо прискорбно, что каждый человек делает свои собственные разные выводы из одних и тех же фактов. Этим летом исполнится 20 лет (!) с тех пор, как я открыл свою первую записную книжку, посвященную вопросу о том, как и чем виды и разновидности отличаются друг от друга. Сейчас я готовлю свою работу к публикации, но нахожу тему настолько обширной, что, хотя я написал много глав, не думаю, что попаду в печать в ближайшие два года. Я никогда не слышал, как долго вы намерены оставаться на Малайском архипелаге; я хотел бы извлечь выгоду из публикации ваших путешествий туда до выхода моей работы, поскольку, без сомнения, вы соберете большой урожай фактов. Я уже действовал в соответствии с вашим советом различать домашние сорта и те, что появляются в естественном состоянии; но иногда я сомневался в мудрости этого, и поэтому я рад, что меня поддерживает ваше мнение. Должен признаться, однако, что я несколько сомневаюсь в истинности ныне очень распространенного учения о том, что все наши домашние животные произошли от нескольких диких видов; хотя я не сомневаюсь, что в некоторых случаях это так. Я думаю, что есть гораздо больше доказательств стерильности гибридных животных, чем вы, кажется, допускаете: а что касается растений, то коллекция тщательно зафиксированных фактов Кольройтером и Гертнером (и Гербертом) ОГРОМНА. Я полностью согласен с вами относительно незначительных последствий "климатических условий", о которых до тошноты говорится во всех книгах: Я полагаю, что таким влияниям следует приписать какой-то очень незначительный эффект, но я полностью убежден, что они очень незначительны. На самом деле НЕВОЗМОЖНО объяснить мои взгляды (в рамках письма) на причины и средства изменения естественного состояния; но я постепенно усвоил отчетливую и осязаемую идею — истинно это или ложно, должны судить другие; ибо самое твердое убеждение в истинности доктрины ее автором, кажется, увы, не является ни малейшей гарантией истины!...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Мур-парк, суббота [2 мая 1857 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Вы довольно эффективно сбрили волосы с альпийских растений. Случай с муравейником будет "связан" с предполагаемым случаем, когда пиренейские растения становятся голыми на низких уровнях. Если я обнаружу, что отметил такие факты, я представлю вам доказательства. Интересно, как могло возникнуть это поверье! Было ли это вызвано конечными причинами для сохранения растений в тепле? Фальконер в своем выступлении соединил два факта о шерстистых альпийских растениях и млекопитающих. Как откровенно и кротко вы восприняли мою иеремиаду о вашей строгости к людям второго сорта. После того, как я отправил его, противный тоненький голосок спросил меня, раз или два, насколько моя благородная защита бедных духом и на самом деле была обусловлена тем, что вы нередко разбивали мои собственные любимые представления. Я презрительно заставил замолчать этот уродливый маленький голосок, но он шептал снова и снова. Иногда я презираю себя как плохого компилятора так же искренне, как это могли бы сделать вы, хотя я НЕ презираю всю свою работу

в целом, поскольку считаю, что известно достаточно, чтобы заложить основу для дискуссии о происхождении видов. Я был вынужден презирать и смеяться над собой как над компилятором за то, что записал, что "У альпийских растений большие цветы", и теперь, возможно, я смогу написать поверх этих самых слов: "У альпийских растений маленькие или апеталоидные цветы!"...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, [май] 16th [1857].

Моя дорогая Проститутка,

Вы сказали — я надеюсь, честно, — что вам не противно, что я задаю вопросы общего характера, и вы, конечно, отвечаете или нет, в зависимости от времени или склонности. Я нахожу в животном мире, что утверждение о том, что какая-либо часть или орган развиты нормально (т. Е. Не являются уродством) у вида в какой-либо ВЫСОКОЙ или НЕОБЫЧНОЙ степени, по сравнению с той же частью или органом у родственных видов, имеет тенденцию к БОЛЬШИМ ВАРИАЦИЯМ. Я не могу сомневаться в этом, основываясь на массе собранных мною фактов. Например, поперечный клюв очень ненормален по строению по сравнению с другими родственными Fringillidae, а клюв в ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ВАРИАБЕЛЕН. Гимантопус, примечательный поразительной длиной своих ног, ОЧЕНЬ разнообразен по длине своих ног. Я мог бы привести МНОЖЕСТВО самых ярких и любопытных иллюстраций во всех классах; их так много, что я думаю, это не может быть случайностью. Но у меня их НЕТ в растительном царстве, как я полагаю, из-за моего невежества. Если бы *Nerenthes* состоял из ОДНОГО или двух видов в группе с развитым кувшином, тогда я должен был бы ожидать, что она была очень изменчивой; но я не рассматриваю *Nerenthes* в качестве примера, поскольку, когда у целого рода или группы есть орган, каким бы аномальным он ни был, я не ожидаю, что он будет изменчивым, — только когда один или несколько видов сильно отличаются какой-либо частью или органом от форм, ТЕСНО связанных с ним во всех других отношениях, я считаю, что такая часть или орган сильно изменчивы. Обдумаете ли вы это? Для меня это важный очевидный ЗАКОН (!).

Всегда твой, К. ДАРВИН.

P.S.— Я не знаю, насколько далеко вам захочется это услышать, но я нахожу, что Мокен-Тандон в своей "Тератологии" рассматривает ворсистость растений и, кажется, приписывает больше сухости, чем высоте; но, кажется, считает, что следует признать, что горные растения ворсистые, и что эта ворсистость лишь частично объясняется замечанием Де Кандолля о том, что низкорослость горных растений уплотнила бы волоски и, таким образом, придала бы им ВИД более волосатых. Он цитирует Сенебье, "Физиологию растений", как авторитет — я полагаю, первый авторитет, поскольку горные растения волосатые.

Если бы я мог положительно доказать, что эндемичные виды были более опушенными в засушливых районах, то случай, когда разновидности становятся более опушенными в засушливом грунте, был бы для меня фактом.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 3 июня [1857].

Моя дорогая Проститутка,

Я собираюсь развлечься, прочитав для вас прозу на мои собственные темы, и это доставляет мне большее удовольствие, чем вы можете себе представить, поскольку я месяцами не раскрываю рта на темы естественной истории. Ваше письмо имеет для меня огромную ценность и ставит меня в тупик в отношении моего предложения. Осмелюсь сказать, что отсутствие ботанических фактов может частично объясняться трудностью измерения незначительных вариаций. Действительно, после написания мне это пришло в голову; потому что у меня распускается *Crucianella stylosa*, и пестик должен быть очень изменчивой длины, и, подумав об этом, я сразу почувствовал, как можно судить о том, изменчив ли он в какой-либо степени. Насколько отличается, например, от клюва птицы! Но меня это объяснение не устраивает, и я поражен. И все же я думаю, что в законе что-то есть; у меня было так много примеров, как следующий: я написал Волластону с просьбой просмотреть "Мадейрских жуков" и сообщить мне, представил ли кто-нибудь что-нибудь очень аномальное по отношению к своим союзникам. Он привел мне уникальный случай огромной головы у самки, а затем я обнаружил в его книге, о которой уже говорилось, что размер головы ПОРАЗИТЕЛЬНО варьировался. Частично разница с растениями может быть объяснена тем, что многие из моих случаев были вторичными мужскими или ЖЕНСКИМИ признаками, но у меня есть поразительные случаи с гермафродитными усоногими. Эти случаи, как мне кажется, слишком многочисленны для случайных совпадений, отличаются большой вариабельностью и аномальным развитием. Я полагаю, что вы не будете возражать против того, чтобы я приложил примечание о том, что вы размышляли над этим делом, и хотя одно или два случая, казалось, подтверждают это, почти столько же или больше случаев казались совершенно противоречивыми. Этот недостаток доказательств тем более удивителен для меня, что обычно я нахожу, что любое утверждение легче проверить наблюдениями в ботанических трудах, которые я подобрал, чем в зоологических. Мне и в голову не приходило, что вы вообще держали эту тему в уме. В общем, этот случай - еще одна из моих МНОГОЧИСЛЕННЫХ ужасных загадок. Мои наблюдения, хотя и в столь бесконечно малом масштабе, за борьбой за существование начинают заставлять меня немного яснее видеть, как происходит эта борьба. Из шестнадцати видов семян, посеянных на моем лугу, проросли пятнадцать, но сейчас они гибнут с такой скоростью, что я сомневаюсь, зацветет ли больше одного. Здесь мы имеем дело с удушением, которое также имело место в больших масштабах, с растениями, а не с саженцами, на том участке моего газона, которому позволили вырасти. С другой стороны, на участке земли размером 2 на 3 фута я ежедневно отмечал каждый проросший сорняк по мере его появления в марте, апреле и мае, и 357 сорняков взошли, и из них 277 УЖЕ были уничтожены в основном слизнями. Кстати, в Мурпарке я видел довольно симпатичный пример воздействия животных на растительность: на холмах есть огромные участки общего пользования с зарослями старых шотландских елей, и примерно восемь или десять лет назад некоторые из этих участков были огорожены, и повсюду вокруг зарослей миллионами растут красивые молодые деревья, выглядящие точно так, как будто их посадили, так что многие из них одного возраста. В других частях пустоши, еще не огороженных, я искал на многие мили вокруг, но нигде не было видно ни ОДНОГО молодого деревца. Затем я подошел поближе (в пределах четверти мили от зарослей) и внимательно осмотрел вереск, и там я нашел десятки тысяч молодых шотландских елей (тридцать на один квадратный ярд) с верхушками, обгрызенными немногочисленным скотом, который иногда бродит по этим жалким пустошам. Одному маленькому деревцу, высотой в три дюйма, судя по кольцам, было двадцать шесть лет, с коротким стволом толщиной примерно с палочку сургуча.

Какая это удивительная проблема, какая игра сил, определяющая вид и пропорцию каждого растения на квадратном ярде дерна! На мой взгляд, это действительно замечательно. И все же нам приятно удивляться, когда какое-то животное или растение вымирает.

Мне очень жаль, что вас не будет в Клубе. Я вижу, миссис Хукер собирается в Ярмут; я надеюсь, что здоровье ваших детей не является мотивом. До свидания.

Моя дорогая Проститутка, всегда твоя, Ч. ДАРВИН.

P.S.—Я полагаю, вы боитесь присылать мне спелый стручок Эдвардсии, опасаясь, что я отправлю его из Новой Зеландии в Чили!!!

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 5 июня [1857].

Моя дорогая Проститутка,

Я ценю вашу добросовестную заботу о медалях. (Медали Королевского общества.) Слава Богу! Я всего лишь любитель (но очень заинтересованный) в этом вопросе.

Я давно придерживаюсь мнения, что больше пользы приносит вручение медалей молодым людям на ранней стадии их карьеры, чем просто награда людям, чья научная карьера близка к завершению. Приносят ли когда-нибудь медали какую-нибудь пользу - это вопрос, который нас не касается, поскольку медали есть. Я почти склонен думать, что предпочел бы снизить планку и вручить медали молодым работникам, чем старикам без ОСОБЫХ претензий. Что касается особых претензий, я думаю, что это просто заслуживает вашего внимания, что если однажды будут приняты общие претензии, это откроет дверь для большой небрежности в их предъявлении. Подумайте о случае с очень богатым человеком, который помогал ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО своими деньгами, но в значительной степени — или о таком непостижимом вундеркинде, как министр короны, который действительно заботился о науке. Стали бы вы награждать таких людей медалями? Возможно, нельзя было бы применить медали лучше, чем ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО к таким людям. Признаюсь, в настоящее время я склоняюсь к особым утверждениям, которые можно изложить на бумаге ...

Я сильно сбит с толку вашим доказательством того, что не существует очевидных примеров того, что мой (или, скорее, Уотерхауза) закон аномального развития сильно варьируется. Я больше думал над вашим замечанием о трудности оценки или сравнения изменчивости растений по большой общей изменчивости частей. Я бы счел закон более несостоятельным, если бы вы на некоторое время обратили внимание на случаи большой изменчивости того или иного органа и сказали мне, достаточно ли легко выделить такие случаи; ибо, ЕСЛИ ИХ МОЖНО ВЫДЕЛИТЬ и, несмотря на это, они не совпадают с большим или ненормальным развитием, это было бы совершенно ошеломляюще. Это только начинается в вашем сознании с точки зрения вариативности вопроса, а не с точки зрения ненормальности. ВОЗМОЖНО, следует исключить случаи, когда какая-либо часть сильно изменчива у всех видов группы, как, возможно, являющаяся чем-то отдельным и связанная с озадачивающим вопросом полиморфизма. Сможете ли вы усовершенствовать свою помощь, продолжив, хотя бы ненадолго, рассмотрение вопроса таким образом?

Сегодня утром мне было очень интересно сравнить все мои заметки об изменчивости нескольких видов рода *Equus* и результатах их скрещивания. Взяв за основу наиболее строго аналогичные факты среди благословенных голубей, я полагаю, что могу ясно увидеть окраску и отметины дедушки Оsla, Лошади, квагги, Гемиионуса и Зебры, живших несколько миллионов поколений назад! Не следовало бы мне насмехаться над любым, кто сделал мне такое замечание несколько лет назад; но мои доказательства кажутся мне настолько убедительными, что я опубликую свое видение в конце моего небольшого обсуждения этого рода.

В последнее время я завалил вас своими идеями, вы, лучшие друзья и философы.

Прощай, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Мур-Парк, Фарнхэм, 25 июня [1857].

Моя дорогая Проститутка,

Это не требует ответа, но я спрошу вас, когда мы встретимся. Посмотрите на закрытые саженцы утесника, особенно на тот, у которого сбита верхушка. Листья, следующие за семядолями, по форме напоминающие клевер, кажутся мне слабым аналогом эмбрионального сходства у молодых животных, как, например, у полосатого молодого льва. Я спрошу вас, так ли это...(См. "Способность растений к движению", стр. 414.)

Доктор Лейн (врач в Мур-Парке.), его жена и теща, леди Драйсдейл, - одни из самых приятных людей, которых я когда-либо встречал.

Я возвращаюсь домой 30-го. До свидания, моя дорогая Проститутка.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

[Далее следует группа писем разных дат, касающихся вопроса о вариабельности больших родов.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. 11 марта [1858].

Ко всей этой работе меня подтолкнуло замечание Фриса о том, что виды в крупных родах более тесно связаны друг с другом, чем в мелких; и если это так, то, видя, что разновидности и виды так трудно различимы, я пришел к выводу, что я должен найти больше разновидностей в крупных родах, чем в мелких...Надеюсь, когда-нибудь вы прочтете мое краткое рассуждение на эту тему в целом. Вы оказали мне бесконечную услугу, к какому бы мнению я ни пришел, обратив мое внимание, по крайней мере, на возможность или вероятностность того, что ботаники регистрируют больше разновидностей в крупных родах, чем в мелких. Мне будет нелегко честно прийти к своему выводу.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

P.S.— На моей нынешней работе я пробуду несколько недель. Сегодня утром работа обернулась для меня плохо, и у меня тошно на сердце; и, о! как же я ненавижу виды и разновидности.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. 14 июля [1857?].

... Я пишу сейчас, чтобы самым искренним образом попросить об одолжении, а именно, одолжить "Боро, Флора центра Франции", 1-е или 2-е издание, последнее из лучших; также "Флора Ратисбоненсис" доктора Фурнрора в "Naturhist. "Топография Регенсбурга", 1839 год." Если у вас ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ сохранить их, пожалуйста, немедленно отправьте по прилагаемому адресу. Если у вас их нет, пришлите, пожалуйста, одну строчку обратной почтой: поскольку я должен попытаться, сможет ли Киппист (покойный мистер Киппист в то время заведовал библиотекой Линнеевского общества.) каким-либо образом найти их, что, боюсь, будет почти невозможно в Линнеевской библиотеке, в которой, как я знаю, они есть.

Я производил некоторые расчеты о разновидностях и т.д., и вчера, разговаривая с Лаббоком, он указал мне на грубейшую ошибку, которую я допустил в принципе и которая влечет за собой потерю двух или трех недель работы; и я зашел в тупик, пока не получу эти книги, чтобы просмотреть их снова и посмотреть, каков результат расчетов по правильному принципу. Я самый несчастный, сбитый с толку, глупый пес во всей Англии и готов заплакать от досады на свою слепоту и самонадеянность.

Всегда ваш, прискорбнейший Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ДЖОНУ ЛАББОКУ. Внизу, [14 июля] [1857 г.].

Мой дорогой Лаббок,

Вы оказали мне величайшую возможную услугу, помогая прояснить мои мозги. Если я так же туп во всех предметах, как в вопросах пропорции и случая, — какую книгу я напишу!

Я разделил флору Новой Зеландии, как вы предложили, насчитывается 329 видов в родах от 4 и выше, и 323 в родах от 3 и менее.

Из 339 видов 51 вид представляет одну или несколько разновидностей. Из 323 видов всего 37. Пропорционально (339: 323:: 51: 48.5) у них должно было быть 48 1/2 видов, представляющих vars. Чтобы дело шло так, как я хочу, но недостаточно убедительно, чтобы оно не было общим, в котором я мог бы быть уверен. Я совершенно убежден, что ваш путь правильный; я думал об этом, но никогда бы этого не сделал, если бы не мой самый удачный разговор с вами.

Я совершенно потрясен, обнаружив, как легко меня сбивают с толку, ибо до этого я много думал над этим вопросом и пришел к выводу, что мой путь был честным. Это ужасная ошибка.

От какой позорной ошибки вы меня спасли. Сердечно благодарю вас.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

P.S.— Этого достаточно, чтобы заставить меня порвать всю свою рукопись и сдаться в отчаянии.

Мне потребуется несколько недель, чтобы просмотреть все мои материалы. Но, о, если бы вы знали, как я вам благодарен!

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, август [1857].

Моя дорогая Проститутка,

Ужасно скучно, что вы не можете приехать скоро, и я упрекаю себя, что не написала раньше. Как вы, должно быть, заняты! с такой кучей ботаников в Кью. Только подумать, я только что получил письмо от Хенслоу, в котором говорится, что он приедет сюда между 11 и 15-м! Разве это не великолепно? Большое спасибо за Фурнрор. Я должен смиренно умолять Кипписта поискать его: он любезно раздобыл для меня Боро.

Я чрезвычайно заинтересован в составлении таблиц, в соответствии с простым размером родов, видов, имеющих какие-либо разновидности, отмеченные греческими буквами или иным образом: результат (насколько я уже понял) кажется мне одним из самых важных аргументов, с которыми я когда-либо встречался, что разновидности - это всего лишь мелкие виды - или только виды с сильно выраженными разновидностями. Эта тема во многих отношениях очень важна для меня; Я бы очень хотел, чтобы вы подумали о каких-нибудь хорошо проработанных флорах из 1000-2000 видов с обозначенными разновидностями. Хорошо иметь сечущие и растушевывающие волосы. (Те, кто производит много видов, являются "расщепителями", а те, кто производит мало, являются "комками".) Я сделал или делаю: —

Бабингтон.....

Хенслоу.....

Британская флора. Лондонский каталог. Х.К. Уотсон...

Boreau..... Франция.

Miquel..... Голландия.

Эйса Грей..... Штаты Северной Каролины.

Проститутка..... Новая Зеландия.

Фрагмент индийской флоры.

Волластон..... Насекомые Мадейры.

Разве Кох не опубликовал хорошую немецкую флору? Маркирует ли он сорта? Не могли бы вы прислать ее мне? Нет ли какой-нибудь великой русской флоры, в которой, возможно, отмечены сорта? Флора должна быть хорошо известна.

Несколько недель я никуда не тороплюсь. Прокрутишь ли ты это в голове, когда у тебя будет свободное время, если вообще когда-нибудь будет? Эта тема очень важна для моей работы, хотя я ясно вижу МНОГО причин ошибок ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Записано 21 февраля [1859].

Мой дорогой Грей,

В моем последнем письме я не просил об одолжении, в отличие от этого, но вам действительно не составит большого труда ответить мне, и оно окажет мне БОЛЬШУЮ услугу благодаря замечанию, сделанному мне Хукером, которому я не могу поверить, и которое было высказано ему в одном из моих писем. Он предложил мне обратиться к вам, и я сказал ему, что не дам ни малейшего намека на то, что он думает. Обычно я безоговорочно верю Хукеру, но иногда он, как мне кажется, и сам в этом признается, чересчур критичен, и его изобретательность в обнаружении недостатков кажется мне достойной восхищения. Вот мой вопрос: "Считаете ли вы, что хорошие ботаники при составлении местной флоры, будь то мелкая или крупная, или при составлении Продромуса, подобного тому, что сделал Де Кандоль, почти повсеместно, но непреднамеренно и неосознанно, склонны записывать (т. Е. Помечать греческими буквами и давать краткие обозначения) разновидности в больших или в малых родах? Или тенденция заключалась бы в том, чтобы регистрировать разновидности примерно поровну в родах всех размеров? Осознаете ли вы сами, поразмыслив, что уделили внимание и более тщательно зарегистрировали разновидности в больших, малых или очень маленьких родах?"

Я знаю, какими мимолетными и пустяковыми очень часто бывают разновидности вещей; но мой вопрос относится к тем, которые, как считалось, заслуживают пометки и записи. Если бы вы могли выкроить время и прислать мне хотя бы краткий ответ на этот вопрос, причем довольно скоро, это оказало бы мне большую услугу.

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

P.S.— Знаете ли вы, публиковал ли кто-нибудь когда-либо какие-либо замечания о географическом диапазоне разновидностей растений в сравнении с видами, к которым они предположительно принадлежат? Я тщетно пытался получить какое-то смутное представление, и, за исключением небольшой информации по этому вопросу, предоставленной мне мистером Уотсоном в статье о наземных снарядах в Соединенных Штатах, я потерпел полную неудачу; но, возможно, вам было бы трудно дать мне хотя бы краткий ответ по этому вопросу, и если так, то я не настолько безрассуден, УВЕРЯЮ ВАС, чтобы ожидать этого.

Если вы скоро напишете в Англию, вы могли бы приложить другие письма, которые я должен переслать.

Пожалуйста, обратите внимание, вопрос не в том, существует ли больше или меньше разновидностей в более крупных или менее крупных родах, а в том, существует ли более сильная или более слабая тенденция в умах ботаников фиксировать их в больших или малых родах.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 6 мая [1858].

... Этим письмом я отправляю свою статью об "общности", "ареале" и "изменчивости" видов больших и малых родов. Вы взяли на себя ужасную работу, так любезно предложив прочитать это, и я горячо благодарю вас. Я только что исправил копию и разочарован, обнаружив, насколько она жесткая и неясная; я не могу сделать ее яснее, и в настоящее время мне ненавистен сам ее вид. Стил, конечно, требует дальнейшей корректировки, и если он будет опубликован, я должен попытаться, но пока не вижу как, сделать его более понятным.

Если вам есть что сказать и у вас хватит терпения обдумать тему в целом, я бы хотел встретиться с вами в Лондоне в день Phil. Club, чтобы избавить вас от необходимости писать. Ради всего Святого, вы, суровый и ужасный судья и скептик, помните, что мои выводы могут быть верны, несмотря на то, что ботаники, возможно, зарегистрировали больше разновидностей в крупных родах, чем в мелких. Мне кажется, это простое взвешивание вероятностей. Еще раз я благодарю вас от всего сердца, но боюсь, вы сочтете это ужасной работой.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

P.S. — Как обычно, водолечение на короткое время сделало меня мужчиной: надеюсь, море пойдет миссис Хукер на пользу.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Записано 22 декабря 1857 года.

Мой дорогой сэр,

Благодарю Вас за ваше письмо от 27 сентября. Я чрезвычайно рад слышать, как вы относитесь к распространению в соответствии с теоретическими идеями. Я твердо верю, что без спекуляций не бывает хороших и оригинальных наблюдений. Мало кто из путешественников уделял внимание таким вопросам, над которыми вы сейчас работаете; и, действительно, весь вопрос о распространении животных ужасно отстает от вопроса о растениях. Вы говорите, что были несколько удивлены тем, что на вашу статью в "Анналах" не обратили внимания. ("О законе, регулирующем интродукцию новых видов". Ann. Nat. История., 1855.) Я не могу сказать, что я такой, поскольку очень немногих натуралистов интересует что-либо, кроме простого описания видов. Но вы не должны думать, что на вашу статью не обратили внимания: два очень хороших человека, сэр К. Лайелл и мистер Э. Блайт из Калькутты, специально привлекли мое внимание к ней. Соглашаясь с вами в ваших выводах, содержащихся в этой статье, я полагаю, что иду гораздо дальше вас; но это слишком длинная тема, чтобы вдаваться в мои умозрительные рассуждения. Я еще не видел вашей статьи о распространении животных на островах Ару. Я прочту это с величайшим интересом, поскольку считаю, что это самая интересная четверть всего земного шара с точки зрения распространения, и я долгое время очень несовершенно пытался собрать данные по Малайскому архипелагу. Я буду вполне готов подписаться под вашей доктриной оседания; действительно, на основании совершенно независимых свидетельств о коралловых рифах я раскрасил свою первоначальную карту (в моем "Коралловом томе") островов Ару как карту оседания, но испугался и оставил ее неокрашенной. Но я вижу, что вы склонны пойти гораздо дальше, чем я, в отношении прежней связи океанических островов с континентами. С тех пор как бедный Э. Форбс выдвинул эту доктрину, ей охотно следуют; и Хукер подробно обсуждает прежнюю связь всех Антарктических островов с Новой Зеландией и Южной Америкой. Около года назад я много обсуждал эту тему с Лайеллом

и Хукером (поскольку мне придется затронуть ее) и изложил свои аргументы в противовес; но вам будет приятно услышать, что ни Лайелл, ни Хукер не придали большого значения моим аргументам. Тем не менее, впервые в жизни я осмеливаюсь противостоять почти сверхъестественной проницательности Лайелла.

Вы спрашиваете о наземных раковинах на островах, удаленных от континентов: на Мадейре есть несколько раковин, идентичных европейским, и здесь доказательства действительно убедительны, поскольку некоторые из них являются субкаменелостями. На островах Тихого океана есть случаи самоидентификации, которые я в настоящее время не могу убедить себя объяснить введением через посредство человека; хотя доктор Авг. Гулд убедительно показал, что многие сухопутные раковины, таким образом, были распространены по Тихому океану с помощью человека. Эти случаи интродукции наиболее досадны. Разве вы не обнаружили этого на Малайском архипелаге? В списках млекопитающих Тимора и других островов мне показалось, что некоторые из них, по всей вероятности, были натурализованы...

Вы спрашиваете, буду ли я обсуждать "мужчину". Я думаю, что буду избегать всего этого предмета, поскольку он так окружен предрассудками; хотя я полностью признаю, что это самая высокая и интересная проблема для натуралиста. Моя работа, над которой я работаю уже более или менее двадцать лет, ничего не исправит и не уладит; но я надеюсь, что она поможет, предоставив большую подборку фактов с одной определенной целью. Я продвигаюсь очень медленно, отчасти из-за плохого самочувствия, отчасти из-за того, что я очень медлительный работник. Я написал примерно половину; но не думаю, что опубликую раньше, чем через пару лет. Я уже целых три месяца работаю над главой о гибридизме!

Я удивлен, видя, что вы рассчитываете остаться на свободе еще три-четыре года. Какое замечательное место вы увидите, и какие интересные районы - большой Малайский архипелаг и богатейшие районы Южной Америки! Я бесконечно восхищаюсь и почитаю ваше рвение и мужество в благом деле естествознания; и я искренне желаю вам всяческих успехов и желаю успеха всем вашим теориям, за исключением тех, что касаются Океанических островов, за которые я буду сражаться не на жизнь, а на смерть.

Прошу вас, поверьте мне, мой дорогой сэръ, искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин У.Д. ФОКСУ. 8 февраля [1858].

... Я очень усердно работаю над своей книгой, возможно, даже слишком усердно. Она будет очень большой, и меня больше всего интересует то, как факты распределяются по группам. Я подобен Крезу, ошеломленному богатством фактов, и я намерен сделать свою книгу как можно более совершенной. Я не пойду в печать самое ближайшее время в течение пары лет...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. 23 февраля [1858].

... Меня не очень поразила великая Пряжка, и я восхитился тем, как вы заступились за дедукцию и индукцию. Я читаю его книгу ("История цивилизации"), которая, несмотря на обилие софистики, как мне кажется, УДИВИТЕЛЬНО умна, оригинальна и полна поразительных знаний.

Я видел, что вам очень понравилась "Questa tomba" Бетховена миссис Фаррер; в ее сладких интонациях есть что-то величественное.

Прощай. Я написал эту заметку отчасти для того, чтобы выбросить пчелиные соты из головы; ибо я наполовину помешан на этом предмете, чтобы попытаться выделить несколько простых шагов, из которых могут получиться все удивительные ракурсы. (Он много переписывался на эту тему с покойным профессором Миллером из Кембриджа.)

Я был очень рад увидеть миссис Хукер в пятницу; как хорошо она выглядит.

Прости своего невыносимого, но любящего друга К. ДАРВИНА.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У.Д. ФОКСУ. Даун, 16 апреля [1858].

Мой дорогой Лис,

Я хочу, чтобы вы обратили мое внимание на один момент, который меня чрезвычайно интересует и который не доставит вам никаких хлопот, кроме как держать глаза открытыми, а я прекрасно знаю, что у вас есть такая привычка.

Я обнаружил, что лошади различных мастей часто имеют спинную полосу другого и более темного оттенка, чем остальная часть тела; редко поперечные полосы на ногах, обычно на нижней стороне передних ног, еще реже очень слабую поперечную полосу на плечах, как у осла.

Существует ли какая-либо порода лесных пони Деламер? Я мало что узнал о пони в этом отношении. У сэра П. Эджертон, я полагаю, есть несколько чистокровных гнедых лошадей; есть ли у кого-нибудь из них спинная полоса? Мышиного цвета пони или, скорее, маленькие лошадки, часто имеют спинную полосу и полосы на ногах. Как и у бурых лошадей (под бурым я подразумеваю настоящий кремовый цвет, смешанный с коричневым, гнедым или каштановым). Иногда так бывает с каштанами, но у меня еще не было случая полосатости позвоночника у каштана, скаковой лошади или у довольно тяжелой ломовой лошади. Любой факт о природе таких полос у лошадей был бы для меня ОЧЕНЬ полезен. Аналогичный случай наблюдается и на ногах осла, и я собрал несколько наиболее любопытных случаев появления полос у различных скрещенных лошадей. У меня также есть большая масса параллельных фактов о полосах на крыльях у пород голубей. Я ПОДОЗРЕВАЮ, что это прольет свет на окрас первобытной лошади. Так что, пожалуйста, помогите мне, если подвернется случай...Мое здоровье в последнее время было очень плохим из-за переутомления, и во вторник я иду на двухнедельную водолечение. Моя работа вечна. Прощай.

Мой дорогой Фокс, надеюсь, с тобой все в порядке. Прощай, К. Дарвин.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Мур-Парк, Фарнхэм [26 апреля 1858 г.].

... Меня только что до глубины души обрадовало письмо от Лайелла. Я сказал ему (или он мне), что, судя по характеру флоры Азорских островов, я полагаю, что там, должно быть, застряли

айсберги; и что я ожидал, что между поднятыми слоями лавы будут обнаружены неустойчивые валуны; и я попросил Лайелла написать Хартунгу, чтобы спросить, и теперь Х. говорит, что мой вопрос объясняет то, что его поразило, а именно: большие валуны (и некоторые отполированные) изсланца, кварца, песчаника и т.д., Некоторые из которых были вмурованы и находились на высоте 40-50 футов над уровнем моря, так что он сделал вывод, что они не были привезены в качестве балласта. Разве это не прекрасно?

Лечение водой пошло мне на пользу, но сегодня мне нечем похвастаться, так что до свидания.

Мой дорогой друг, ваш К.Д.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Мур-парк, Фарнхэм, 26 апреля [1858].

Мой дорогой Лайель,

Я приехал сюда на двухнедельную водолечительную терапию, так как из-за постоянной работы мой желудок пришел в ужасное состояние. Я чрезвычайно признателен вам за то, что вы прислали мне интересное письмо Хартунга. Неустойчивые валуны великолепны. Это грандиозный пример противостояния плавучего льда и ледников. Ему следовало бы сравнить северный и южный берега островов. Для меня это чрезвычайно интересно, поскольку я написал очень длинную главу на эту тему, кратко собрав все геологические свидетельства ледниковой активности в различных частях света, а затем очень подробно (о теории изменения видов) Я обсуждал миграцию и модификацию растений и животных в море и на суше на значительной части земного шара. На мой взгляд, это проливает поток света на весь вопрос о распространении, если сочетать его с модификацией видов. Действительно, я осмеливаюсь говорить об этом с некоторой долей уверенности, поскольку Хукер около года назад любезно перечитал мою главу, и хотя затем он серьезно возразил против общего заключения, я был рад услышать неделю или две назад, что он был склонен довольно решительно согласиться с моими взглядами на распространение и изменения в течение ледникового периода. На днях я получил письмо от Томпсона из Калькутты, которое мне очень помогло, поскольку он объясняет мне, какую жару могут переносить наши растения умеренного климата. Но это слишком длинная тема для заметки; и я написал это только потому, что записка Гартунга снова вернула всю тему на плаву в моем сознании. Но я больше не буду писать, потому что моя цель здесь - ни о чем не думать, много мыться, много гулять, много есть и читать много романов. Прощайте, с большой благодарностью и самыми добрыми пожеланиями леди Лайелл.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН МИССИС ДАРВИН. Мур-Парк, среда, апрель [1858].

Погода просто восхитительная. Вчера, написав тебе, я полтора часа прогуливался немного за поляной и наслаждался — свежая, но темная зелень величественных шотландских елей, коричневые сережки старых берез с их белыми стволами и далекая зеленая кайма лиственниц создавали необыкновенно красивый вид. Наконец я крепко заснул на траве и проснулся от пения птиц вокруг меня, от беготни белок по деревьям и смеха нескольких дятлов, и это было

самое приятное и деревенское зрелище, какое я когда-либо видел, и меня ни на грош не волновало, как сформировались те или иные звери или птицы. Я просидел в гостиной до девятого, а потом пошел и прочитал заключение Верховного судьи и подумал, что Бернар (Симона Бернара судили в апреле 1858 года как соучастника покушения Орсини на жизнь императора Франции. Вердикт был "невиновен".) виновен, а затем прочтите немного моего романа, который женственный, добродетельный, клерикальный, филантропический и все такое прочее, но очень решительно плоский. Я говорю "женственная", потому что автор невежественна в денежных вопросах и не очень—то леди - потому что она заставляет своих мужчин говорить: "Моя леди". Мне очень нравится мисс Крейк, хотя у нас есть некоторые разногласия по каждому вопросу. Мне нравится также венгр; основательный джентльмен, бывший атташе в Париже, а затем служивший в австрийской кавалерии, а ныне помилованный изгнанник с подорванным здоровьем. Похоже, ему не нравится Кошут, но он говорит, что уверен в том, что [он] искренний патриот, самый умный и красноречивый, но слабый, без решительности характера...

ГЛАВА 1. XIII. — НАПИСАНИЕ "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ".

С 18 ИЮНЯ 1858 По НОЯБРЬ 1859 ГОДА.

[Письма, приведенные в настоящей главе, рассказывают свою историю с достаточной ясностью и нуждаются лишь в нескольких словах пояснения. Эссе мистера Уоллеса, упомянутое в первом письме, носившее подзаголовок "О тенденции разновидностей бесконечно отклоняться от исходного типа", было опубликовано в журнале Линнеевского общества (1858, том iii. стр. 53) как часть совместного доклада "господ К. Дарвина и А. Уоллеса", полное название которого было "О тенденции видов к образованию разновидностей; и об увековечении разновидностей и видов естественными средствами отбора".

Вклад моего отца в статью состоял из (1) выдержек из очерка 1844 года; (2) части письма, адресованного доктору Эйзе Грею, датированного 5 сентября 1857 года и приведенного выше. Документ был "доведен" до сведения Общества сэром Чарльзом Лайеллом и сэром Джозефом Хукером, в чьем вступительном письме дается четкое описание обстоятельств дела.

Ссылаясь на Эссе мистера Уоллеса, они написали:

"Мистер Дарвин настолько высоко оценил ценность изложенных в нем взглядов, что в письме сэру Чарльзу Лайеллу предложил заручиться согласием мистера Уоллеса разрешить публикацию Эссе как можно скорее. Мы высоко оценили этот шаг, при условии, что мистер Дарвин не утаит от общественности, как он был сильно склонен сделать (в пользу мистера Уоллеса), мемуары, которые он сам написал на ту же тему и которые, как уже говорилось, один из нас прочитал в 1844 году, и содержание которых мы оба были посвящены в течение многих лет. Представив это мистеру Дарвину, он разрешил нам использовать его мемуары так, как мы

сочтем нужным, и т.д.; и, принимая наш нынешний курс, представляя их Линнеевскому обществу, мы объяснили ему, что рассматриваем не только относительные претензии на приоритет его самого и его друга, но и интересы науки в целом ".]

ПИСЬМА.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 18 июня 1858 г.

Мой дорогой Лайель,

Примерно год назад вы порекомендовали мне прочитать статью Уоллеса в "Анналах" ("Annals and Magazine of Natural History", 1855), которая вас заинтересовала, и, когда я писал ему, я знал, что это ему очень понравится, поэтому я сказал ему. Сегодня он прислал мне прилагаемое письмо и попросил переслать его вам. Мне кажется, его стоит прочесть. Ваши слова сбылись с лихвой — что меня следует предупредить. Вы сказали это, когда я очень кратко объяснил вам здесь свои взгляды на "Естественный отбор" в зависимости от борьбы за существование. Я никогда не видел более поразительного совпадения; если бы Уоллес заказал мой набросок MS. sketch в 1842 году, он не смог бы составить лучшего краткого реферата! Даже его термины теперь стоят в качестве заголовков моих глав. Пожалуйста, верните мне рукопись, в которой он не говорит, что желает, чтобы я ее опубликовал, но я, конечно, сразу же напишу и предложу отправить в любой журнал. Таким образом, вся моя оригинальность, в чем бы она ни заключалась, будет уничтожена, хотя моя книга, если она когда-либо будет иметь какую-либо ценность, не пострадает, поскольку весь труд заключается в применении теории.

Я надеюсь, вы одобрите набросок Уоллеса, и я смогу передать ему то, что скажете вы.

Мой дорогой Лайель, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, пятница [25 июня 1858 г.].

Мой дорогой Лайель,

Мне очень жаль беспокоить вас, как бы вы ни были заняты, по столь сугубо личному делу; но если вы выскажете мне свое взвешенное мнение, вы окажете мне величайшую услугу, какую когда-либо оказывал человек, ибо я полностью доверяю вашему суждению и чести...

В наброске Уоллеса нет ничего такого, что не было бы изложено гораздо полнее в моем наброске, скопированном в 1844 году и прочитанном Хукером несколько десятков лет назад. Около года назад я отправил Эйсе Грею краткий очерк своих взглядов (копия которого у меня есть) (благодаря переписке по нескольким пунктам), чтобы я мог наиболее правдиво сказать и доказать, что я ничего не беру у Уоллеса. Я был бы чрезвычайно рад сейчас опубликовать набросок моих общих взглядов примерно на дюжине страниц; но я не могу убедить себя, что смогу сделать это достойно. Уоллес ничего не говорит о публикации, и я прилагаю его письмо. Но поскольку я не намеревался публиковать никаких набросков, могу ли я поступить благородно, поскольку Уоллес прислал мне краткое изложение своей доктрины? Я бы предпочел сжечь всю свою книгу, чем допустить, чтобы он или любой другой человек подумал,

что я поступил подло. Вам не кажется, что то, что он прислал мне этот набросок, связывает мне руки?... Если бы я мог с честью опубликовать, я бы заявил, что сейчас меня побудили опубликовать очерк (и я был бы очень рад, если бы мне было позволено сказать, последовать вашему давнему совету) Уоллеса, приславшего мне наброски моих общих выводов. Мы отличаемся только в том, что я пришел к своим взглядам на основе того, что искусственный отбор сделал для домашних животных. Я бы отправил Уоллесу копию моего письма Эйсе Грею, чтобы показать ему, что я не крал его доктрину. Но я не могу сказать, что публикация сейчас была бы низменной и ничтожной. Таково было мое первое впечатление, и я, безусловно, действовал бы в соответствии с ним, если бы не ваше письмо.

Беспокоить вас - пустяковое дело, но вы не представляете, как я был бы вам признателен за ваш совет.

Кстати, не могли бы вы переслать это письмо и свой ответ Хукеру, чтобы он переслал мне, ибо тогда я узнаю мнение двух моих лучших и добрейших друзей. Это письмо написано с сожалением, и я пишу его сейчас, чтобы на время забыть обо всей этой теме; и я измучен размышлениями...

Мой добрый дорогой друг, прости меня. Это банальное письмо, написанное под влиянием банальных чувств.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

Я никогда больше не побеспокою тебя или Хукера на эту тему.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 26 июня [1858 г.].

Мой дорогой Лайель,

Простите, что добавляю постскрипtum, чтобы сделать аргументы против себя как можно более убедительными.

Уоллес мог бы сказать: "Вы не собирались публиковать резюме своих взглядов, пока не получили мое сообщение. Справедливо ли будет воспользоваться тем, что я свободно, хотя и без просьбы, поделился с вами своими идеями, и таким образом помешать мне опередить вас?" Преимущество, которым я должен воспользоваться, заключается в том, что я вынужден опубликовать статью, зная в частном порядке, что Уоллес работает в этой области. Мне кажется тяжелым, что я таким образом вынужден потерять свой многолетний приоритет, но я совсем не уверен, что это меняет справедливость дела. Первое впечатление, как правило, верное, и я сначала подумал, что с моей стороны было бы бесчестно сейчас публиковаться.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

P.S. Я всегда думал, что из вас получился бы первоклассный лорд—канцлер; и сейчас я обращаюсь к вам как к лорд-канцлеру.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, вторник [29 июня 1858 г.].

... Я получил ваши письма. Я не могу думать сейчас (так скоро после смерти от скарлатины его маленького ребенка.) на эту тему, но скоро подумаю. Но я вижу, что вы поступили с большей добротой, как и Лайелл, даже больше, чем я мог ожидать от вас обоих, какими бы добрыми вы ни были.

Я могу легко скопировать свое письмо Эйсе Грей, но оно слишком короткое.

... Да благословит вас Бог. Вы скоро услышите, как только я смогу подумать.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Вечер вторника [29 июня 1858 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я только что прочитал ваше письмо и вижу, что вам нужны бумаги немедленно. Я совершенно подавлен и ничего не могу сделать, но я посылаю Уоллесу и резюме ("Резюме" здесь используется в смысле "выдержки"; в этом смысле оно также встречается в "Линнеевском журнале", где описаны источники статьи моего отца.) моего письма Эйсе Грею, в котором весьма несовершенно излагаются только средства изменения и не затрагиваются причины верить, что виды действительно изменяются. Осмелюсь сказать, что уже слишком поздно. Меня это почти не волнует. Но вы слишком великодушны, чтобы жертвовать таким количеством времени и доброты. Это очень великодушно, очень любезно. Я посылаю свой набросок 1844 года исключительно для того, чтобы вы могли увидеть по своему собственному почерку, что вы его читали. Мне действительно невыносимо смотреть на это. Не тратьте много времени. С моей стороны жалко вообще заботиться о приоритете.

В оглавлении будет показано, что это такое.

Я бы сделал аналогичный, но более короткий и точный набросок для "Линнеевского журнала".

Я сделаю все, что угодно. Да благословит тебя Бог, мой дорогой добрый друг.

Я больше не могу писать. Посылаю это с моим слугой в Кью.

С уважением, К. ДАРВИН.

[Следующее письмо уже упоминается как составляющая часть совместной статьи, опубликованной в "Журнале" Линнеевского общества за 1858 год]:—

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. Даун, 5 сентября [1857]. (В "Линнеевском журнале" дата указана как октябрь. Выдержки были напечатаны с дубликата без даты, находящегося у моего отца, на

котором он написал: "Это было отправлено Эйсе Грею 8 или 9 месяцев назад, я думаю, в октябре 1857 года".)

Мой дорогой Грей,

Я забыл точные слова, которые я использовал в своем предыдущем письме, но осмелюсь сказать, что я сказал, что думал, что вы будете совершенно презирать меня, когда я расскажу вам, к каким взглядам я пришел, что я и сделал, потому что считал, что как честный человек обязан это сделать. Я был бы странным смертным, видя, сколь многим я обязан вашей совершенно необычайной доброте, если бы, говоря это, имел в виду приписать вам хотя бы малейшее недоброе чувство. Позвольте мне сказать вам, что до того, как я начал переписываться с вами, Хукер показал мне несколько ваших писем (не частного характера), и они пробудили во мне самое теплое чувство уважения к вам; и я действительно был бы неблагодарен, если бы ваши письма ко мне и все, что я слышал о вас, сильно не усилили это чувство. Но я не был ни в малейшей степени уверен, что, когда вы узнаете, куда я клоню, что вы не сочтете меня таким диким и глупым в моих взглядах (видит Бог, я пришел к этому достаточно медленно и, надеюсь, добросовестно), что вы сочтете меня не заслуживающим больше внимания или помощи. Приведу один пример: в последний раз, когда я видел моего дорогого старого друга Фальконера, он напал на меня самым яростным образом, но вполне доброжелательно, и сказал мне: "Ты причинишь больше вреда, чем любые десять натуралистов принесут пользы. Я вижу, что ты уже РАЗВРАЩЕННАЯ и наполовину избалованная Проститутка !!" Теперь, когда я вижу такие сильные чувства в своих старейших друзьях, тебе не нужно удивляться, что я всегда ожидаю, что мои взгляды будут восприняты с презрением. Но хватит об этом, даже слишком.

Я искренне благодарю вас за добрый дух вашего последнего письма. Я согласен с каждым словом в нем и думаю, что иду так же далеко, как почти любой другой, видя серьезные трудности, препятствующие моей доктрине. Что касается того, насколько далеко я захожу, то все аргументы в пользу моих представлений БЫСТРО отпадают, чем шире охват рассматриваемых форм. Но эмбриология животных подводит меня к огромному и пугающему диапазону. Факты, которые дольше всего поддерживали мою научную ортодоксальность, — это факты адаптации: скопления пыльцы у асклепиев — омела с ее пыльцой, переносимой насекомыми, и семенами, переносимыми птицами; дятел с его лапами и хвостом, клювом и языком, чтобы взбираться на дерево и ловить насекомых. Бесполезно говорить о климате или ламарковских привычках, вызывающих такую адаптацию у других органических существ. Я полагаю, что эту трудность я преодолел. Поскольку вы, кажется, заинтересованы в этом предмете и поскольку для меня ОГРОМНОЕ преимущество написать вам и услышать, хотя бы вкратце, что вы думаете, я приложу (скопировано, чтобы избавить вас от затруднений при чтении) самое краткое изложение моих представлений о способах, с помощью которых Природа создает свои виды. Почему я думаю, что виды действительно изменились, зависит от общих фактов родства, эмбриологии, рудиментарных органов, геологической истории и географического распределения органических существ. Что касается моего Реферата, то вы должны принять его на веру, поскольку каждый абзац занимает одну или две главы в моей книге. Вы, возможно, сочтете это ничтожеством с моей стороны, если я попрошу вас не упоминать о моем учении; причина в том, что если бы кто-нибудь, подобно автору "Остатков", услышал о них, он мог бы легко переработать их, и тогда мне пришлось бы цитировать работу, возможно, презираемую натуралистами, а это сильно подорвало бы любые шансы на то, что

мои взгляды будут приняты теми единственными, чьим мнением я дорожу. [Далее следует обсуждение "вариативности больших родов", которое не имеет прямой связи с остальной частью письма.]

I. Удивительно, на что способен принцип Отбора Человеком, то есть отбор особей с любым желаемым качеством, выведение из них потомства и снова отбор. Даже селекционеры были поражены собственными результатами. Они могут воздействовать на различия, незаметные для необразованного глаза. Селекция МЕТОДИЧНО проводилась в Европе только последние полвека. Но ему время от времени и даже в какой-то степени методично следовали в самые древние времена. Должно быть, с древнейших времен существовал также своего рода бессознательный отбор, а именно сохранение отдельных животных (без всякой мысли об их потомстве), наиболее полезных для каждой человеческой расы в ее конкретных обстоятельствах. "Мошенничество", как питомники называют уничтожение разновидностей, которые отклоняются от своего типа, является разновидностью отбора. Я убежден, что преднамеренный и случайный отбор был основным фактором в создании наших домашних рас. Но, как бы то ни было, его великая сила модификации была бесспорно продемонстрирована в более поздние времена. Отбор действует только путем накопления очень слабых или больших вариаций, вызванных внешними условиями, или просто тем фактом, что в процессе размножения потомок не совсем похож на своего родителя. Человек, благодаря этой способности накапливать вариации, приспособливает живые существа к своим потребностям — можно СКАЗАТЬ, что он делает шерсть одной овцы пригодной для ковров, а другой - для ткани и т.д.

II. Теперь предположим, что существует существо, которое не судит по простому внешнему виду, но может изучить всю внутреннюю организацию — которое никогда не капризничает - которое должно продолжать отбирать для одной цели в течение миллионов поколений, которое скажет то, чего, возможно, не достигнет! Вприроде у нас есть некоторые НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ вариации, иногда во всех частях: и я думаю, можно показать, что изменение условий существования является основной причиной того, что ребенок не совсем похож на своих родителей; и в природе геология показывает нам, какие изменения произошли и происходят сейчас. У нас почти неограниченное время: никто, кроме геолога-практика, не может оценить это в полной мере: подумайте о ледниковом периоде, на протяжении всего которого существовали по крайней мере одни и те же виды раковин; в течение этого периода должны были существовать миллионы и миллионы поколений.

III. Я думаю, можно показать, что существует такая безошибочная сила в действии, или ЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР (название моей книги), который отбирает исключительно на благо каждого органического существа. Старший Де Кандоль, У. Герберт и Лайель много писали о борьбе за жизнь; но даже они писали недостаточно сильно. Подумайте о том, что каждое существо (даже слон) размножается с такой скоростью, что через несколько лет, самое большее через несколько столетий или тысяч лет, на поверхности земли не осталось бы потомства ни одного вида. Мне было трудно постоянно помнить о том, что размножение каждого отдельного вида сдерживается в течение какой-то части его жизни или в течение какого-то коротко повторяющегося поколения. Лишь немногие из ежегодно рождающихся могут дожить до продолжения рода. Какое незначительное различие часто должно определять, кто выживет, а кто погибнет.

IV. Теперь возьмем случай страны, претерпевающей некоторые изменения; это, как правило, приводит к тому, что некоторые из ее жителей изменяются незначительно; нет, но я полагаю, что большинство существ изменяются постоянно настолько, чтобы отбор мог действовать в соответствии с ними. Некоторые из его обитателей будут истреблены, а остальные подвергнутся взаимному воздействию другой группы обитателей, которые, я считаю, более важны для жизни каждого существа, чем просто климат. Принимая во внимание бесконечно различные способы, которыми существа добывают пищу, борясь с другими существами, избегая опасности в различные периоды жизни, распространяя свои яйца или семена и т.д., и т.п., я не могу сомневаться, что в течение миллионов поколений особи вида будут рождаться с некоторой незначительной вариацией, выгодной для какой-либо части его экономики; у таких особей будет больше шансов выжить, размножая эту вариацию, которая снова будет медленно увеличиваться под действием естественного отбора; и сформированная таким образом разновидность будет либо сосуществовать со своей родительской формой, либо, что более часто, истребит ее. Органическое существо, подобное дятлу или омеге, может, таким образом, адаптироваться к множеству непредвиденных обстоятельств; естественный отбор, накапливающий те незначительные вариации во всех частях его строения, которые так или иначе полезны для него в течение любой части его жизни.

V. При изучении этой теории с каждым будут возникать различные трудности. На большинство, я думаю, можно дать удовлетворительный ответ.—"Natura non facit saltum" отвечает на некоторые из наиболее очевидных вопросов. Медленность изменений, и лишь очень немногие из них претерпевают изменения в любой момент времени, отвечает на другие вопросы. Крайнее несовершенство наших геологических записей отвечает на другие.

VI. Я полагаю, что важную роль в происхождении видов играет еще один принцип, который можно назвать принципом дивергенции. Одно и то же место будет поддерживать больше жизни, если оно занято очень разнообразными формами: мы видим это во множестве родовых форм на квадратном ярде дерна (я насчитал двадцать видов, принадлежащих к восемнадцати родам), или в растениях и насекомых на любом маленьком однородном островке, принадлежащих почти к такому же количеству родов и семейств, как и видов. Мы можем понять это на примере высших животных, чьи повадки мы лучше всего понимаем. Мы знаем, что экспериментально было показано, что участок земли будет давать больший вес, если его засеять несколькими видами трав, чем двумя или тремя видами. Теперь можно сказать, что каждое отдельное органическое существо, быстро размножаясь, из всех сил стремится увеличиться в численности. Так будет с потомством любого вида после того, как оно разделится на разновидности, или подвиды, или настоящие виды. И я думаю, из приведенных выше фактов следует, что изменяющееся потомство каждого вида будет пытаться (лишь немногим это удастся) захватить как можно больше и как можно более разнообразных мест в природном хозяйстве. Каждая новая разновидность или вид, когда они образуются, обычно занимает место своего менее приспособленного родителя и, таким образом, уничтожает его. Я полагаю, что это является источником классификации или расположения всех органических существ во все времена. Кажется, что они всегда разветвляются, как дерево от общего ствола; цветущие веточки уничтожают менее сильные - мертвые и утраченные ветви, грубо представляющие вымершие роды и семейства.

Этот набросок КРАЙНЕ несовершенен; но за столь короткое время я не могу сделать его лучше. Ваше воображение, должно быть, заполнит множество пробелов. Без некоторого размышления все это покажется чепухой; возможно, так оно и будет казаться после размышления.

C.D.

P.S.— Это небольшое резюме касается только накопительной силы естественного отбора, на который я смотрю как на безусловно самый важный элемент в производстве новых форм. Законы, управляющие зарождающейся или первичной вариацией (неважные, за исключением того, что являются основой для действия отбора, в этом отношении все это важно), я рассмотрю в нескольких разделах, но я могу прийти, как вы вполне можете поверить, лишь к очень частичным и несовершенным выводам.

[Совместный доклад мистера Уоллеса и моего отца был прочитан в Линнеевском обществе вечером 1 июля. Присутствовали сэр Чарльз Лайелл и сэр Дж.Д. Хукер, и оба, я полагаю, сделали несколько замечаний, главным образом с целью внушить присутствующим необходимость самым тщательным образом обдумать то, что они услышали. Однако никакого подобия дискуссии не последовало. Сэр Джозеф Хукер пишет мне: "Вызванный интерес был очень велик, но тема была слишком новой и слишком зловещей, чтобы представители старой школы могли попасть на ристалище до постановки на вооружение. После собрания это обсуждалось с замиранием сердца: одобрение Лайелла и, возможно, в некоторой степени мое, как его помощника в этом деле, скорее внушило благоговейный трепет ребятам, которые в противном случае выступили бы против доктрины. У нас также было преимущество в том, что мы были знакомы с авторами и их темой ".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 5 июля [1858].

Моя дорогая Проститутка,

Теперь, когда мы выгнали из дома всех детей и заберем Х., как только она сможет двигаться, мы стали более счастливы и не впадаем в панику. Первая медсестра заболела язвой горла и ангиной, а вторая сейчас больна скарлатиной, но, слава Богу, поправляется. Вы можете себе представить, как мы были напуганы. Это были самые несчастные две недели. Большое спасибо за вашу записку, в которой говорится, что в Линнеевском обществе все прошло успешно. Вы должны позволить мне еще раз сказать вам, как глубоко я ценю вашу щедрую доброту и Лайелла по этому поводу. Но, по правде говоря, мне стыдно, что вы потеряли время из-за простого вопроса важности. Мне будет любопытно увидеть доказательства. Я ни в малейшей степени не понимаю, будет ли напечатано мое письмо А. Грею; полагаю, что нет, только ваша записка; но мне это совершенно безразлично, и я полностью отдаю себя в ваши с Лайеллом руки.

Я могу легко подготовить аннотацию ко всей моей работе, но я с трудом представляю, как это можно сделать научным для журнала, не приводя фактов, что было бы невозможно. Действительно, простой реферат не может быть очень коротким. Не могли бы вы дать мне какое-либо представление о том, сколько страниц журнала, вероятно, могло бы быть отведено мне?

Сразу после возвращения домой я начинала кроить ткань по своим меркам. Если бы рецензенты отвергли ее как не строго научную, я мог бы, возможно, опубликовать ее в виде брошюры.

Что касается моего большого реферата с перемежением ("Набросок 1844 года"), не могли бы вы отправить его в любое время перед отъездом из Англии по прилагаемому адресу? Если вы не поедете до 7-10 августа, я бы предпочел, чтобы это осталось у вас. Я надеюсь, что вы набросали критические замечания по моей рукописи о больших родах и т.д., достаточные, чтобы заставить вас запомнить свои замечания, поскольку мне было бы бесконечно жаль их потерять. И я не вижу никаких шансов на нашу встречу, если ты скоро уедешь за границу. Мы сердечно благодарим вас за приглашение присоединиться к вам: я не могу представить себе ничего, что доставило бы мне большее удовольствие; но наши дети слишком хрупки, чтобы мы могли их оставить; я был бы просто живым хламом.

Наконец, вы сказали, что напишете Уоллесу; я, конечно, был бы очень рад этому, поскольку это полностью оправдало бы меня: если бы вы прислали мне свою записку запечатанной, я бы переслал ее вместе со своей, поскольку я знаю адрес и т.д.

Ответьте мне как-нибудь, каковы ваши представления о длине моего реферата.

Если вы увидите Лайелла, передайте ему, пожалуйста, как я искренне благодарен за его добрый интерес к моему делу. Вы должны знать, что я считаю это очень важным для восприятия точки зрения о том, что виды не являются неизменными, тот факт, что величайший геолог и ботаник Англии проявляет КАКОЙ-ЛИБО ИНТЕРЕС к этому предмету: я уверен, что это во многом разрушит предрассудки.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Мисс Веджвуд, Хартфилд, Танбридж-Уэллс, [13 июля 1858 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Ваше письмо Уоллесу кажется мне совершенным, совершенно ясным и в высшей степени вежливым. Я не думаю, что это можно было бы улучшить, и сегодня я должен переслать это своим собственным письмом. Я всегда считал весьма вероятным, что меня могут опередить, но я полагал, что у меня достаточно великая душа, чтобы не беспокоиться; но я обнаружил, что ошибся и был наказан; я, однако, полностью смирился и написал половину письма Уоллесу, чтобы уступить ему все приоритеты, и, конечно, ничего бы не изменилось, если бы не Лайелл и ваша совершенно необычайная доброта. Уверяю вас, я это чувствую и не забуду. Я БОЛЕЕ чем удовлетворен тем, что произошло в Линнеевском обществе. Я думал, что ваше и мое письмо Эйсе Грею будут всего лишь приложением к статье Уоллеса.

Через несколько дней мы отправляемся отсюда к морю, вероятно, на остров Уайт, и по моему возвращению (после битвы со скелетами голубей) Я приступлю к работе над рефератом, хотя не знаю, как, черт возьми, я смогу что-либо сделать из реферата на тридцати страницах Журнала, но буду стараться изо всех сил. Я закажу Бентама; разве не жаль, что вы тратите время на

составление таблиц разновидностей? потому что я могу попросить школьного учителя сделать это по моему возвращению и сообщить вам все результаты.

Я должен попытаться увидеться с вами перед вашим путешествием; но не думайте, что я напрашиваюсь, чтобы попросить вас приехать, потому что у вас не будет на это времени.

Вы не можете себе представить, как я рад, что понятие Естественного отбора подействовало как слабительное на ваш кишечник неизменности. Всякий раз, когда натуралисты смогут рассматривать изменение видов как несомненное, какое великолепное поле откроется для изучения всех законов изменчивости, генеалогии всех живых существ, путей их миграции и т.д., и т.п. Прошу вас, поблагодарите миссис Хукер за ее очень любезную записочку и, прошу вас, скажите, как я вам искренне обязан, и, по правде говоря, мне стыдно думать, что она взяла на себя труд скопировать мою уродливую рукопись. Это было необычайно мило с ее стороны. Прощай, мой дорогой добрый друг.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

P.S.— Я немного повеселился, наблюдая за муравьем-работником; ибо я не мог не усомниться в чудесных историях, но теперь я видел побежденный отряд мародеров, и я видел миграцию рабовладельцев из одного гнезда в другое, неся своих рабов (которые являются ДОМАШНИМИ, а не полевыми неграми) во рту!

Я склонен думать, что это верное обобщение, согласно которому, когда мед выделяется в одной точке окружности венчика, если пестик изгибается, он всегда изгибается по линии входа в мед. Живокость - хороший пример, в отличие от Коломбины, — если вы подумаете об этом, просто обратите внимание на этот маленький момент.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - К. ЛАЙЕЛЛУ. Отель King's Head, Сандаун, остров Уайт, 18 июля [1858].

... Мы остаемся здесь на десять дней, а затем отправляемся в Шанклин, что кажется более забавным для такого человека, как я, который не может ходить. Мы очень надеемся, что море пойдет Х. и Л. на пользу. И если это произойдет, наша экспедиция ответит, но не иначе.

Я даже наполовину не поблагодарил вас за все те необычайные хлопоты и доброту, которые вы проявили ко мне по поводу дела Уоллеса. Хукер рассказал мне, что было сделано в Линнеевском обществе, и я более чем удовлетворен, и я не думаю, что Уоллес может посчитать мое поведение несправедливым, позволив вам с Хукером делать то, что вы считали справедливым. Я, конечно, был немного раздосадован тем, что потерял все приоритеты, но смирился со своей судьбой. Я собираюсь подготовить более длинный реферат; но на самом деле невозможно отдать должное предмету, кроме как привести факты, на которых основывается каждый вывод, а это, конечно, будет абсолютно невозможно. Я уверен, что ваше имя и фамилия Хукера, фигурирующие в качестве наименее заинтересованных в моей работе лиц, окажут самое важное влияние на то, чтобы побудить людей рассматривать эту тему без предубеждения. Я считаю это настолько важным, что я почти рад статье Уоллеса за то, что она привела к этому.

Мой дорогой Лайель, с большой благодарностью к вам, Ч. ДАРВИН.

[Следующее письмо относится к корректурным листам статьи Линнея. "Введение" означает вступительное письмо, подписанное сэром К. Лайеллом и сэром Дж.Д. Хукером.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Отель King's Head, Сандаун, остров Уайт, 21 июля [1858].

Моя дорогая Проститутка,

Я только вчера получил корректурные листы, которые сейчас возвращаю. Я думаю, что улучшить ваше введение невозможно.

Мне противно то, что я плохо пишу. Я не мог улучшить его, не переписав полностью, что было бы несправедливо или не стоило того, поскольку я начал с лучшего реферата для Линнеевского общества. Мое оправдание в том, что он НИКОГДА не предназначался для публикации. Я внес лишь несколько исправлений в стиль; но я не могу сделать его приличным, но, надеюсь, умеренно понятным. Я полагаю, что кто-нибудь исправит переработку. (Должен ли я?)

Могу ли я получить чистое доказательство для отправки Уоллесу?

Я еще не полностью рассмотрел ваши замечания о больших родах (но ваше общее согласие представляет для меня НАИВЫСШИЙ ВОЗМОЖНЫЙ интерес); и я не смогу этого сделать, пока не перечитаю свою рукопись; но вы можете положиться на то, что вы никогда не сделаете мне замечания, которое пропало бы из-за НЕВНИМАНИЯ. Я особенно рад, что вы не возражаете против того, чтобы я изложил ваши возражения в измененной форме, поскольку они всегда казались мне очень важными и имеющими большую внутреннюю ценность, независимо от того, были они фатальными для моих представлений или нет. Я рассмотрю и пересмотрю все ваши замечания...

Я заказал Бентама, ибо, как говорится, будет очень любопытно увидеть Флору, написанную человеком, который ничего не смыслит в британских растениях!!

Я очень рад тому, что вы говорите о моем реферате, но вы можете положиться на то, что я буду максимально сжат. Я бы помог деньгами, если он будет слишком длинным. (То есть он помог бы оплатить печать, если для Линнеевского общества она окажется слишком долгой.) Во многом вы помогли мне!

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

["Реферат", упомянутый в последнем предложении предыдущего письма, на самом деле был "Происхождением видов", над которым он теперь принялся за работу. В своей "Автобиографии" он говорит о том, что начал писать в сентябре, но в своем дневнике он записал: "С 20 июля по 12 августа в Сандауне начал "Реферат книги видов". "16 сентября возобновил "Реферат"". Книга была начата с идеи, что она будет опубликована в виде статьи или серии статей Линнеевским обществом, и только поздней осенью стало ясно, что она должна принять форму самостоятельного тома.]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. Норфолк-Хаус, Шанклин, остров Уайт, пятница [30 июля] [1858 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Не передадите ли вы прилагаемый листок сэру Уильяму в благодарность за его доброту; и это дает мне повод развлечься, написав вам записку, которая не требует ответа.

Это очень очаровательное место, и у нас очень удобный дом. Но, увы, я не могу сказать, что море принесло Х. или Л. много пользы. Да и мой желудок еще не оправился от всех наших бед. Я очень рад, что мы уехали из дома, потому что в Дауне от скарлатины умерло шестеро детей. Мы возвращаемся 14 августа.

У меня есть Бентам ("Британская флора"), и я им очарован, а Уильям (который только что отправился в зарубежное турне) великолепно разбирается во всех видах новых (для меня) растений. Маленькие обрывки информации так важны...Английские названия в аналитических ключах сводят нас с ума: давайте их во что бы то ни стало, но с какой стати [не] подчинять их латыни; это приводит меня в бешенство. У. ворвался в заросли Сложноцветных и Зонтичных, как герой, и уничтожил очень многих с размахом.

Я коротаю свое время, ежедневно уделяя пару часов своему Реферату, и нахожу это забавной и улучшающей работу. Теперь я от всего сердца признателен вам и Лайеллу за то, что они поручили мне это; ибо, когда это будет сделано, я смогу завершить свою работу с большей легкостью и досугом. Признаюсь, мне была ненавистна сама мысль об этой работе, и теперь я нахожу ее очень неудовлетворительной из-за того, что не могу обосновать каждый свой вывод.

Я буду длиннее, чем ожидал; потребуется тридцать пять страниц из моего "МИСС фолио", чтобы дать реферат только об изменчивости при одомашнивании; но я постараюсь не включать ничего, что не кажется мне интересным и что когда-то было для меня новым. Кажется странным давать краткое изложение неопубликованной работы; тем не менее, повторяю, я чрезвычайно рад, что всерьез взялся за нее.

Надеюсь, у вас с миссис Хукер будет очень, очень приятная экскурсия. Прощай, мой дорогой Хукер.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. Норфолк-Хаус, Шанклин, остров Уайт, четверг [5 августа 1858 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я бы подумал, что записка с извинениями за стиль реферата была бы лучшей в качестве примечания ... Но я пишу сейчас, чтобы попросить вас прислать мне обратной почтой рукопись о больших родах, чтобы я мог составить реферат объемом в пару страниц. Я предполагаю, что вы уже покончили с этим, иначе я ни за что не вернул бы его обратно. Если вы перевяжете его бечевкой и пометите MS. для печати, я думаю, это будет стоить не больше 4 пенсов. Мне бы

очень хотелось сказать, что вы прочитали эту рукопись и согласны с ней; но вы должны, прежде чем я зачитаю ее Обществу, услышать предложение.

То, что вы сказали мне после разговора с Баском о длине Реферата, стало для меня ОГРОМНЫМ облегчением; это значительно сократит труд, поскольку не придется так сильно сокращать каждую отдельную тему; но я постараюсь не быть слишком рассеянным. Я боюсь, что это испортит всякий интерес к моей книге (более крупной книге, начатой в 1856 г.), когда бы она ни была опубликована. Реферат будет очень полезно разделить на несколько частей: таким образом, я только что закончил "Вариации при одомашнивании" на сорока четырех страницах, из этого было бы достаточно для одного вечера; но я был бы крайне огорчен, если бы не удалось опубликовать все вместе.

То, что еще вы говорите о моем Реферате, меня очень радует, но пугает, потому что я боюсь, что никогда не смогу сделать его достаточно хорошим. Но как я болтаю с тобой о своих делах!

Я был поражен, увидев здесь визитку сэра У. Хукера два или три дня назад: к сожалению, я был на прогулке. Хенслоу также написал мне, предлагая приехать в Даун 9-го, но, увы, я вернусь не раньше 13-го, а моя жена не раньше, чем через неделю; так что мне также очень жаль думать, что я вас не увижу, потому что мне не хотелось бы покидать дом так скоро. Я подумывал о том, чтобы съездить в Лондон и забежать на часок-другой в Кью ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Норфолк-Хаус, Шанклин, остров Уайт, [август] [1858].

Моя дорогая Проститутка,

Я пишу просто для того, чтобы сообщить, что рукопись пришла в целости и сохранности два или три дня назад. Я очень признателен за исправление стиля.: Мне невыразимо трудно писать четко. Когда мы встретимся, я должен обсудить несколько моментов по этому вопросу.

Вы говорите о поездке куда-нибудь на берег моря; мы думаем, что это самое красивое приморское место, которое мы когда-либо видели, и Шанклин нравится нам больше, чем другие места на южном побережье острова, хотя многие из них очаровательны и красивее, так что я бы посоветовал вам подумать об этом месте. Мы находимся на настоящем побережье, но вкусы в отношении мест сильно различаются.

Если вы отправитесь в Бродстейрс, когда с побережья Франции дует сильный ветер и в хорошую, сухую, теплую погоду, выгляните наружу, и вы, ВЕРОЯТНО (!), увидите семена чертополоха, унесенные ветром через Ла-Манш. На днях я видел, как один из них унесло прямо вглубь материка, а затем, через несколько минут, второй, а затем третий; и я сказал себе: "Благослови меня Бог, сколько чертополоха, должно быть, во Франции"; и я мысленно написал тебе письмо. Но затем я посмотрел на НИЗКИЕ облака и заметил, что они не приближаются к суше, поэтому я испугался, что болтается винт. Затем я вышел за мыс и обнаружил, что ветер дует параллельно побережью, а на самом этом мысу раскинулось великолепное ложе из чертополоха, которое при каждом широком водовороте уносилось далеко в море, а затем обрушивалось прямо под прямым углом к берегу! Однажды такое количество насекомых было выброшено на берег приливом, и я вызвал к жизни тринадцать видов жесткокрылых; я не

думаю, что они были завезены из Франции. Но следите ли вы за семенами чертополоха, прогуливаясь вдоль побережья ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. 11 августа [1858].

Мой дорогой Грей,

Ваша записка от 27 июля только что дошла до меня на острове Уайт. Для меня настоящее и огромное удовольствие писать вам о своих представлениях; и даже если бы это было не так, я был бы самым неблагодарным псом после всей той неоценимой помощи, которую вы мне оказали, если бы не сделал ничего из того, о чем вы просили.

Я обсуждал это в своей длинной рукописи . более поздние изменения климата и влияние на миграцию, и здесь я приведу вам КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ РЕФЕРАТА (который я готовлю из всей моей работы для Линнеевского общества). Я не могу привести вам факты, и я должен писать догматично, хотя я ни по какому пункту этого не чувствую. Я могу просто упомянуть, чтобы вы поверили, что у меня есть некоторые основания для своих взглядов, что Хукер прочитал мою рукопись, и хотя сначала он не согласился с моим основным тезисом, с тех пор он сказал мне, что дальнейшие размышления и новые факты сделали его новообращенным.

В более древнюю или, возможно, более новую эпоху плиоцена (незадолго ДО ледниковой эпохи) температура была выше; в этом почти не может быть сомнений; суша в БОЛЬШИХ МАСШТАБАХ во многом сохраняла свое нынешнее состояние: виды были в основном, судя по раковинам, такими, какие они есть сейчас. В тот период, когда все животные и растения располагались на 10-15 градусов ближе к полюсам, я полагаю, что северная часть Сибири и Северной Америки, будучи почти СПЛОШНОЙ, были заселены (вполне возможно, учитывая мелководье, что Берингов пролив был объединен, возможно, немного южнее) почти однородной фауной и флорой, точно так же, как сейчас арктические регионы. Затем климат постепенно становился холоднее, пока не стал таким, как сейчас; и тогда умеренные районы Европы и Америки были бы разделены в том, что касается миграции, точно так же, как они разделены сейчас. Затем наступил ледниковый период, вытеснивший далеко на юг все живое; средняя или даже южная Европа была заселена арктическими растениями; когда вернулось тепло, арктические растения медленно поползли вверх по горам, освобожденным от снега; и теперь мы видим на их вершинах остатки некогда непрерывной флоры и фауны. Это теория Э. Форбса, которую, однако, могу добавить, я изложил за четыре года до его публикации.

Некоторые факты заставляют меня смутно ПОДОЗРЕВАТЬ, что между ледниковым периодом и нынешней температурой был период НЕСКОЛЬКО большего тепла. Согласно моим доктринам модификации, я рассматриваю многие виды Северной Америки, которые БЛИЗКО представляют виды Европы, как видоизмененные с периода плиоцена, когда в северной части света существовало почти свободное сообщение между старым и новым светом. Но теперь возникает более важное соображение; имеется значительный объем геологических свидетельств того, что во время ледниковой эпохи во всем мире было холоднее; я пришел к такому выводу много лет назад на основании явлений неустойчивых валунов, тщательно наблюдаемых мной как на восточном, так и на западном побережье Южной Америки. Теперь я настолько осмеливаюсь, что полагаю, что в разгар ледниковой эпохи, КОГДА ВСЕ

ТРОПИЧЕСКИЕ РАСТЕНИЯ, ДОЛЖНО БЫТЬ, ПОДВЕРГЛИСЬ ЗНАЧИТЕЛЬНОМУ УГНЕТЕНИЮ, несколько форм умеренного климата медленно продвинулись в сердце Тропиков и даже достигли южного полушария; а несколько южных форм проникли в обратном направлении на север. (Высоты Борнео с австралийскими формами, Абиссиния с капскими формами.) Везде, где была почти сплошная ВОЗВЫШЕННОСТЬ, эта миграция была бы чрезвычайно облегчена; отсюда европейский характер растений Огненной Земли и вершин Кордильер; отсюда то же самое в Гималаях. Когда температура повышалась, все пришельцы с умеренным климатом ползли в горы. Отсюда европейские формы на Нильгеррисе, Цейлоне, вершине Явы, горах Орган в Бразилии. Но эти пришельцы, окруженные новыми формами, были бы весьма склонны к улучшению или модификации естественным отбором, чтобы приспособить их к новым формам, с которыми им приходилось конкурировать; следовательно, большинство форм в горах Тропиков не идентичны, а являются РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫМИ формами растений Северного умеренного пояса.

Аналогичные классы фактов имеются и в морских производствах. Все это покажется вам очень опрометчивым, и, возможно, так оно и есть; но я уверен, что не настолько опрометчивым, как вам может показаться на первый взгляд: Хукер поначалу вообще не мог переварить это, но теперь в значительной степени стал новообращенным. Судя по млекопитающим и мелководью, я полагаю, что Япония была присоединена к материковой части Китая в недалеком будущем; и тогда миграция на север и юг до, во время и после ледниковой эпохи подействовала бы на Японию так же, как на соответствующие широты Китая и Соединенных Штатов.

Мне больше всего на свете хотелось бы знать, есть ли у вас какие-нибудь коллекции Alpine из Японии и каков их характер. Это письмо написано неудачно, но, возможно, его будет достаточно, чтобы показать, что, как я полагаю, было более поздними основными миграциями и изменениями температуры ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. [Записано] 6 октября 1858 года.

... Если у вас есть или сможете выкроить время, я бы очень хотел услышать новости о миссис Хукер, о вас самих и о детях. Куда вы ходили, и что вы делали и делаете? Есть исчерпывающий текст.

Вы не можете передать, как мне понравился ваш маленький визит сюда, он принес мне много пользы. Если Харви все еще с вами, пожалуйста, вспоминайте меня очень добрым по отношению к нему.

... Я наиболее упорно работаю над своим Рефератом, но он разрастается до непомерной длины; тем не менее, чтобы полностью прояснить мою точку зрения (и никогда не излагая кратко больше, чем один-два факта, и не умаляя трудностей), я не могу сделать его короче. Это все же займет у меня три или четыре месяца; так медленно я работаю, хотя никогда не простаиваю. Вы не можете себе представить, какую услугу вы мне оказали, заставив меня сделать это абстрактным; ибо, хотя я думал, что мне все стало ясно, это очень прояснило мои мозги, заставив меня взвесить относительную важность нескольких элементов.

Я с большим интересом прочитал ваши (как мне кажется) капитальные мемуары Р. Брауна в "Хрониках садоводов"...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 12 октября [1858 г.].

... Я отправил восемь экземпляров (совместного документа К. Дарвина и А.Р. Уоллеса.) по почте Уоллесу, а остальные оставлю для него, поскольку не смог придумать, кому их отправить.

Я прошу вас не высказываться слишком резко против естественного отбора, пока вы не прочтете мое резюме, ибо, хотя я осмелюсь сказать, что вы устраните МНОГИЕ трудности, которые никогда не приходили мне в голову; все же вы не могли так полно обдумать этот предмет, как я.

Я ожидаю, что мой реферат выйдет в небольшом томе, который придется опубликовать отдельно...

Какая великолепная работа у вас в руках.

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 13 октября [1858].

... Я был немного раздосадован на себя за то, что попросил вас "не высказываться слишком решительно против Естественного отбора". Извините, что побеспокоил вас, хотя меня очень заинтересовало ваше ответное письмо. Я написал это предложение, не задумываясь. Но правда в том, что я настолько привык, отчасти из-за вопросов моих ненатуралистских родственников, ожидать противодействия и даже презрения, что на мгновение забыл, что вы - единственная живая душа, от которой я постоянно получал сочувствие. Поверьте, я ни на минуту не забываю, какую огромную помощь я получил от вас. Вы совершенно правы в том, что я никогда даже не подозревал, что мои рассуждения были для вас "пустышкой"; на самом деле, до недавнего времени я думал, что моя рукопись не произвела на вас никакого эффекта, и это часто поражало меня. Не знал я и того, что вы в общих чертах рассказали о моей работе нашим друзьям, за исключением дорогого старого Фальконера, который несколько лет назад как-то сказал мне, что я принесу больше вреда, чем любые десять других натуралистов принесли бы пользы, [и] что я уже наполовину избаловал вас! Все это глупая эгоистичная чушь, и я пишу это только потому, что вы можете посчитать меня неблагодарным за то, что я не оценил и не понял вашего сочувствия; бог свидетель, это не так. Это проклятое зло для человека - быть настолько поглощенным каким-либо предметом, как я своим.

Вчера я провел несколько часов в Лондоне с Фальконером, и он прочитал мне великолепную лекцию о возрасте человека. Мы не выскочки; мы можем похвастаться родословной, уходящей далеко в прошлое, в эпоху, когда были ровесниками вымерших видов. У него есть грандиозный факт наличия какого-то большого коренного зуба в Триасе.

Я совсем залетела и в следующий понедельник собираюсь прийти в себя под воздействием водных процедур в Мур-парке.

Моя дорогая Проститутка, сердечно твой Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин Дж.Д. ХУКЕРУ. Ноябрь 1858 года.

... Я поклялся больше не упоминать вам о моем вечном Реферате, поскольку уверен, что побеспокоил вас этим более чем достаточно; но, поскольку вы ссылаетесь на его предыдущую публикацию, я могу сказать, что мне нужно рефератировать главы об инстинкте и гибридизме, что может занять две недели каждая; а поскольку мои материалы по палеонтологии, географическому распространению и родственным связям менее проработаны, я осмелюсь сказать, что каждая из них займет у меня три недели, так что я не закончу самое ближайшее время до апреля, и тогда мой реферат будет в большом объеме. сделайте небольшой объем. Я никогда не привожу более одного или двух примеров и вкратце останавливаюсь на всех трудностях, и все же я не могу сделать свое Резюме короче, чтобы оно было удовлетворительным, чем я делаю сейчас, и все же оно расширится до небольшого объема ...

[Примерно в это же время мой отец возродил свои старые знания о жуках, помогая своим мальчикам собирать их. Он отправил короткое уведомление в "Энтомологический еженедельник *Intelligencer*" от 25 июня 1859 года, сообщив о поимке *Licinus silphoides*, *Clytus mysticus*, *Panagaeus 4-pustulatus*. Объявление начинается словами: "Мы, трое очень молодых коллекционеров, недавно приняли приход Дауна" и т.д., И подписано тремя его сыновьями, но написано явно не ими. У меня сохранились яркие воспоминания об удовольствии, с которым я достал бутылку сдохлыми жуками, чтобы мой отец назвал их, и о волнении, которое он полностью разделял, когда кто-нибудь из них оказывался необычным. Следующие письма мистеру Фоксу (13 ноября 1858 г.) и сэру Джону Лаббоку иллюстрируют этот момент:]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН У.Д. ФОКСУ. Даун, 13 ноября [1858].

... У., мой сын, сейчас в колледже Христа, в комнатах над вашими. Мой старый цыган Импи был поражен, услышав, что он мой сын, и очень просто спросил: "А что, он давно женат?" Какие это были приятные часы, когда я каждый день приходил к вам пить кофе! О старых временах мне напоминает мой третий мальчик, который только начал собирать жуков, и на днях он поймал *Brachinus crepitans*, бессмертного жука из Уиттлси, Простой памяти. Моя кровь вскипела от прежнего пыла, когда он поймал Лициния — неизвестную мне добычу...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ДЖОНУ ЛАББОКУ. Четверг [до 1857 года].

Дорогой Лаббок,

Не знаю, любите ли вы жуков, но на всякий случай посылаю это в бутылке, которую, насколько я помню, никогда не видел; хотя было бы чересчур опрометчиво говорить о воспоминаниях двадцатипятилетней давности. Всякий раз, когда мы встретимся, ты можешь сказать мне, знаешь ли ты это...

Я чувствую себя старым боевым конем при звуке трубы, когда читаю о поимке редких жуков — разве это не великодушное сравнение для опустившегося энтомолога?—Мне действительно хочется снова начать коллекционировать. Прощайте.

"Флорите энтомологию"! — за этот тост в Кембридже я выпил не один бокал вина. Итак, еще раз, "Floreat Entomologia". Примечание.Б. Я сейчас НЕ пил ни одного бокала, наполненного вином.

Суважением, К.Д.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ГЕРБЕРТУ СПЕНСЕРУ. Даун, 25 ноября [1858].

Уважаемый сэр,

Прошу разрешения искренне поблагодарить вас за любезный подарок в виде ваших эссе. ("Научные, политические и умозрительные очерки" Герберта Спенсера, 1858-74.) Я уже прочитал некоторые из них с большим интересом. Ваши замечания по поводу общих аргументов так называемой теории развития кажутся мне достойными восхищения. В настоящее время я готовлю Аннотацию к более крупной работе об изменениях видов; но я рассматриваю этот предмет просто как натуралист, а не с общей точки зрения, иначе, по моему мнению, ваши аргументы не могли бы быть улучшены и могли бы быть процитированы мной с большой пользой. Ваша статья о музыке также меня очень заинтересовала, поскольку я часто думал на эту тему и пришел почти к тому же выводу, что и вы, хотя и не смог подкрепить эту идею сколь-либо подробно. Более того, по любопытному совпадению, экспрессия в течение многих лет была для меня постоянной темой для произвольных спекуляций, и я должен полностью согласиться с вами, что любая экспрессия имеет какое-то биологическое значение. Я надеюсь извлечь пользу из вашей критики стиля и с наилучшими пожеланиями прошу разрешения остаться, дорогой сэр,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 24 декабря [1858].

Моя дорогая Проститутка,

Ваши новости о вашей незапрошенной зарплате и доме приятны и делают честь правительству. Моя комната (28 x 19), с разделенной комнатой наверху, со ВСЕЙ САНТЕХНИКОЙ (и покрашенной), без мебели, и оштукатуренная снаружи, стоила около 500 фунтов. Я искренне рад этой новости.

Ваши факты о распространении действительно очень поразительны. Я хорошо помню, что ни один из множества замечательных фактов, изложенных в ваших нескольких работах, не озадачивал меня в течение многих лет больше, чем миграция, которая происходила в основном с севера на юг, а не в обратном направлении. Теперь я, наконец, удовлетворил СЕБЯ (но это сильно отличается от удовлетворения других) по этому вопросу; но потребовался бы небольшой

том, чтобы полностью объяснить себя. Я недолго понимал, к какому выводу я пришел в отношении этого предмета. Она заключается в том, что виды, населяющие очень большую территорию и, следовательно, существующие в большом количестве, и которые подвергались жесточайшей конкуренции со многими другими формами, достигли путем естественного отбора более высокой ступени совершенства, чем обитатели небольшой территории. Таким образом, я объясняю факт столь многих аномалий, или того, что можно назвать "живыми ископаемыми", обитающими в настоящее время только в пресной воде, поскольку они были вытеснены и истреблены в море более совершенными формами; таким образом, все существующие ганоидные рыбы являются пресноводными, как лепидосирены, орниторинхи и др. Растения Европы и Азии, поскольку это самая большая территория, я рассматриваю как наиболее "улучшенные" и, следовательно, способные противостоять менее совершенным австралийским растениям; [в то время] как они не могли противостоять индийским. Посмотрите, насколько все новозеландское производство уступает европейскому. Осмелюсь предположить, вы сочтете все это полной чушью, но я верю, что это чистая правда.

Я думаю, вы согласитесь, что австралийские растения, столь процветающие в Индии, не являются аргументом в пользу того, что они могли бы противостоять десяти тысячам естественных случайностей, связанных с другими растениями, насекомыми, животными и т.д. и т.п. Что касается Юго—Западной Австралии и Кейптауна, я молчу и могу только комментировать дело в целом.

... Вы говорите, что хотели бы увидеть мою рукопись, но вы прочитали и одобрили мою длинную главу о ледниках, а я еще не написал реферат по всему географическому распространению и не начну его в ближайшие две-три недели. Но либо Реферат, либо старая рукопись. Я был бы рад прислать вам, особенно Реферативную главу...

Сейчас я написал 330 страниц своего реферата, и потребуется еще 150-200; так что это составит печатный том в 400 страниц, и его нужно напечатать отдельно, что, я думаю, будет лучше во многих отношениях. Эта тема действительно кажется мне слишком обширной для обсуждения в каком-либо Обществе, и я полагаю, что религию внесли бы люди, которых я знаю.

Я думаю о томе в 12 миллионов экземпляров, подобном четвертому или пятому изданию "Принципов" Лайелла.

Я написал тебе возмутительно длинную записку. Так что теперь прощай, моя дорогая Проститутка,

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 20 января 1859 года.

Моя дорогая Проститутка,

Я бы очень хотел позаимствовать его когда-нибудь в будущем, потому что сейчас я не хочу читать ничего озадачивающего, пока не будет закончен мой реферат. Ваше последнее очень поучительное письмо должно заставить меня быть очень осторожным в отношении гиперспекулятивных моментов, которые мы обсуждали.

Когда вы говорите, что не можете совладать с ходом мыслей, я достаточно хорошо знаю, что они слишком сомнительны и неясны, чтобы ими можно было овладеть. Я часто испытывал то, что вы называете унижительным чувством все больше и больше погружаться в сомнения по мере того, как человек думает о фактах и рассуждает по сомнительным пунктам. Но я всегда утешаю себя мыслями о будущем и полной верой в то, что проблемы, с которыми мы только начинаем, когда-нибудь будут решены; и если мы просто начнем рыть почву, то окажем какую-то услугу, даже если не пожнем никакого урожая.

Я вполне согласен с тем, что мы различаемся только в СТЕПЕНИ относительно средств рассредоточения, и что я считаю, что это удовлетворительное соответствие. Вы очень поразительно описали мутацию наших континентов, и я вполне согласен; я сомневаюсь только в наших океанах.

Я также согласен (я нахожусь в очень согласном настроении) с вашим аргументом *ad hominem* о превосходстве австралийской флоры по количеству видов и родов; но здесь присутствует элемент сомнения в превосходной степени, а именно эффект изоляции.

Единственный момент, по которому я самонадеянно возражаю, касается статуса натурализованных растений в Австралии. Я думаю, Мюллер говорит о том, что они распространились в значительной степени за пределы возделываемых земель; и я с трудом могу поверить, что наши европейские растения могли занимать места настолько бесплодные, что местные растения не могли бы там жить. Мне потребовалось бы много доказательств, чтобы поверить в это. Я написал это письмо просто для того, чтобы поблагодарить вас, как вы увидите, оно не требует ответа.

К своему изумлению, сегодня утром я услышал от Филлипса, что Геологический совет наградил меня медалью Волластона!!!

Всегда твой, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 23 января 1859 года.

... Прилагаю письма Уоллеса тебе и мне. Я чрезвычайно восхищаюсь духом, в котором они написаны. Я никогда не был уверен, что он скажет. Должно быть, он дружелюбный человек. Пожалуйста, верните это мне, и Лайеллу следует сказать, насколько он доволен. Эти письма наглядно показали мне, сколь многим я обязан вашему с Лайеллом самому доброму и великодушному поведению во всем этом деле.

... Как я буду рад, когда реферат будет закончен и я смогу отдохнуть!...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 25 января [1859].

Мой дорогой сэр,

Я был чрезвычайно рад получить три дня назад ваше письмо ко мне и письмо к доктору Хукеру. Позвольте мне сказать, что я искренне восхищаюсь духом, в котором они написаны. Хотя я не

имел абсолютно никакого отношения к тому, чтобы подтолкнуть Лайелла и Хукера к тому, что они считали справедливым поведением, все же я, естественно, не мог не испытывать желания услышать, каким будет ваше впечатление. Косвенно я многим обязан вам и им; ибо я почти уверен, что Лайель оказался бы прав, и я бы никогда не завершил свою большую работу, поскольку мне было достаточно тяжело писать реферат из-за моего слабого здоровья, но теперь, слава Богу, я дописал предпоследнюю главу. Мой реферат займет небольшой объем в 400 или 500 страниц. Когда бы ни была опубликована, я, конечно, вышлю вам копию, и тогда вы поймете, что я имею в виду, говоря о той роли, которую, как я полагаю, отбор сыграл в отечественном производстве. Как вы предполагаете, это совсем не та роль, которую играет "Естественный отбор". Я отослал по тому же адресу, что и эта записка, экземпляр "Журнала Линнеевского общества", а впоследствии разослал еще с полдюжины экземпляров этой статьи. В вашем распоряжении есть много других экземпляров ...

Я рад слышать, что вы позаботились о птичьих гнездах. Я сделал это, хотя и почти исключительно с одной точки зрения, а именно, чтобы показать, что инстинкты различаются, чтобы отбор мог воздействовать на них и улучшать их. Немногие другие инстинкты, так сказать, могут быть сохранены в музее.

Большое спасибо за ваше предложение присмотреть за нашивками для лошадей; Если есть какие-нибудь ослы, пожалуйста, добавьте их. Я рад слышать, что вы собрали пчелиные соты...Это мое особое хобби, и я думаю, что смогу пролить свет на эту тему. Если вы сможете собрать дубликаты без особых затрат, я был бы рад приобрести несколько экземпляров для себя с пчелами каждого вида. Молодые, растущие гребни неправильной формы, а также те, на которых не было куколок, наиболее ценны для измерений и изучения. Их края должны быть хорошо защищены от истирания.

Все, кого я видел, считали вашу статью очень хорошо написанной и интересной. Это отодвигает в тень мои выдержки (написанные в 1839 году, то есть всего двадцать лет назад!), которые, должен сказать в качестве извинения, ни на минуту не предназначались для публикации.

Вы спрашиваете об умонастроении Лайелла. Я думаю, он несколько ошеломлен, но не сдаётся и часто с ужасом говорит мне о том, что это было бы за дело и какая это была бы работа для следующего издания "Принципов", если бы его "извратили". Но он самый искренний и честный, и я думаю, что в конце концов он станет извращенцем. Доктор Хукер стал почти таким же неортодоксальным, как вы или я, и я считаю Хукера, безусловно, самым способным судьей в Европе.

От всей души желаю вам здоровья и полного успеха во всех ваших начинаниях, и, видит Бог, если завидное рвение и энергия заслуживают успеха, то вы заслуживаете его в полной мере. Я считаю, что моя собственная карьера близка к завершению. Если я смогу опубликовать свой реферат и, возможно, большую работу по тому же предмету, я буду считать свой курс законченным.

Поверьте мне, мой дорогой сэр, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 2 марта [1859].

Моя дорогая Проститутка,

Вот странный, хотя и очень незначительный факт. Я думаю, вряд ли возможно назвать птицу, которая, по-видимому, могла бы иметь меньшее отношение к распространению, чем буревестник. Сэр У. Милнер из Сент-Килды вскрыл несколько птенцов буревестников и обнаружил в их посевах крупные любопытные орехи; я подозреваю, что их подобрали птицы-родители из Гольфстрима. Похоже, он чрезмерно ценит эти орехи. Я попросил его (но сомневаюсь, что он это сделает) послать орех сэру Уильяму Хукеру (я дал этот адрес для пущей убедительности), чтобы узнать, может ли кто-нибудь из вас назвать его и страну, откуда он родом. Будьте ДОБРЫ, СООБЩИТЕ об этом сэру Уильяму Хукеру, и если орех все-таки прибудет, будьте любезны вернуть его "сэру У. Милнеру, барту, Нунапплтон, Тэдкастер" заказным письмом, а я возмещу вам почтовые расходы. Приложите листок бумаги с именем и страной, если сможете, и дайте мне знать в дальнейшем. Простите, что прошу вас взять на себя столько хлопот, ибо это забавный маленький факт для моего собственного сердца.

Теперь перейдем к другой теме. Я закончил свое резюме главы о географическом распространении, относящейся к моему предмету. Мне бы очень хотелось, чтобы вы это прочитали; но я говорю это, полагая, что вы этого не сделаете, если, как я полагаю, вы будете очень заняты. Клянусь честью, я не буду унижен и искренне прошу вас не делать этого, если это вас беспокоит. Я хочу этого, потому что здесь я чувствую себя особенно небезопасно, и, возможно, вкрались ошибки. Кроме того, мне бы очень хотелось знать, против каких частей вы будете НАИБОЛЕЕ ЯРОСТНО возражать. Я знаю, что мы сильно расходимся и должны сильно отличаться по нескольким пунктам. Наконец, мне особенно хотелось бы знать, позаимствовал ли я у вас что-нибудь, что вы хотели бы сохранить для первой публикации; но я думаю, что в основном я позаимствовал из ваших опубликованных работ, и, хотя я несколько раз, в этой главе и в других местах, благодарил вас за помощь, я осознаю, что для меня абстрактно это невозможно сделать в достаточной степени. ("Я никогда не залезал ни в чей карман, но, пока пишу настоящую главу, я продолжаю чувствовать (даже когда сильно отличаюсь от вас), что ворую у вас, так многим я обязан вашим писаниям и беседам, гораздо большим, чем показывают простые благодарности". — Письмо сэру Дж. Д. Хукеру, 1859.) Но позвольте мне еще раз сказать, что вы не должны предлагать прочитать это, если это очень утомительно. Это длинно — я думаю, около девяноста страниц, если переписать полностью.

Надеюсь, у вас все хорошо. Мур Парк оказал мне некоторую услугу.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

P.S. — Да простят меня небеса, вот еще один вопрос: насколько я прав, предполагая, что у растений наиболее важными признаками для основных подразделений являются эмбриологические? Я полагаю, что само семя не может рассматриваться как таковое, равно как и белки и т.д. Но я полагаю, что семядоли и их положение, а также положение лепестка и корешка, а также положение и форма всего зародыша в семени являются эмбриологическими, и насколько они важны? Я хочу привести пример растений как пример высокой важности эмбриологических признаков в классификации. В царстве животных в этом, конечно, нет сомнений.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 5 марта [1859].

Моя дорогая Проститутка,

Большое спасибо за информацию seed...it любопытно. Буревестники в Сент-Килде, по-видимому, питаются семенами, выращенными в Вест-Индии. Следует отметить, импортировался ли этот орех когда-либо в Англию. Я ОЧЕНЬ рад, что вы прочтете мою географическую рукопись; сейчас она копируется, и на ее завершение (я полагаю) уйдет дней десять или около того; она будет отправлена, как только будет закончена ...

Я буду очень рад ознакомиться с вашими эмбриологическими идеями о растениях; из предложения, которое я вам отправил, вы увидите, что мне нужно только одно предложение; если факты вообще существуют, как я полагаю, и я увижу это из вашей записки, за отправку которой большое спасибо.

Последние три дня мне было так плохо, что я иногда сомневаюсь, смогу ли я когда-нибудь закончить свой маленький томик, хотя он так близок к завершению...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 15 марта [1859].

Моя дорогая Проститутка,

Я ДОВОЛЕН тем, что вы говорите о моей главе. Вы не атаковали ее так сильно, как я опасался. Похоже, вы обнаружили не так много ошибок. Почти все это было написано по памяти, и поэтому я испытывал особый страх; было бы лучше, если бы все сначала было тщательно выписано, а потом абстрагировано. Я рассматриваю это как морально определенное утверждение о том, что оно должно содержать много ошибок в некоторых своих общих взглядах. Я просто остановлюсь на нескольких моментах в вашей записке, но не утруждайте себя ответом, если у вас нет чего-то важного, чтобы сказать ...

... Я хотел бы знать, поразил ли вас случай с эндемичными летучими мышами на островах; меня это задело особенно; возможно, слишком сильно.

С сердечной благодарностью, всегда ваш, К. ДАРВИН.

P.S. Вы не можете передать, какое облегчение принес мне ваш просмотр этой главы, поскольку я чувствовал себя очень неуверенно.

Завтра я закончу свою последнюю главу (за исключением краткого изложения) о сродстве, гомологии, эмбриологии и т.д., И факты, как мне кажется, ОЧЕНЬ убедительно свидетельствуют в пользу изменчивости видов.

Я был очень заинтересован в разработке этой главы.

Теперь, слава Богу, я начну просматривать старые первые главы для печати.

Но мое здоровье сейчас настолько слабое, что даже на это у меня уйдет много времени.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. 24 марта [1859 г.].

Мой дорогой Лис,

Было очень любезно с вашей стороны написать мне посреди всех ваших невзгод, хотя, похоже, вы справились с некоторыми из них, благодаря выздоровлению вашей жены и вашему собственному здоровью. В последнее время я ничего не слышал о здоровье вашей матери, и мне жаль слышать столь скудный отчет. Но поскольку она не очень страдает, это самое главное, потому что я не думаю, что старики высоко ценят саму жизнь. Какое, должно быть, у вас было время, когда вам приходилось ходить взад и вперед.

У нас у всех все хорошо, и наша старшая дочь идет на поправку. Я вижу свет в своей работе и теперь, наконец, исправляю свои главы для печати; и я надеюсь, что через месяц или шесть недель у меня будут корректурные листы. Я устал от своей работы. Очень странно, что у меня нет ощущения, что я переутомляю свой мозг; но факты заставляют меня заключить, что мой мозг никогда не был сформирован для долгих размышлений. Мы решили поехать на два или три месяца, когда я закончу, в Илкли или еще куда-нибудь в этом роде, чтобы посмотреть, смогу ли я как-нибудь поправить свое здоровье, потому что в последнее время оно определенно пошатнулось и сделало меня неспособным ко всему. Вы несправедливы ко мне, когда думаете, что я работаю ради славы; я в определенной степени ценю это; но, если я знаю себя, я действую, руководствуясь своего рода инстинктом, пытаюсь докопаться до истины. Как бы я был рад, если бы ты могла когда-нибудь приехать ко мне, особенно когда мне станет немного лучше, на что я все еще надеюсь. Мы установили бильярдный стол, и я нахожу, что это идет мне на пользу и изгоняет ужасные виды из моей головы. Прощай, мой дорогой старый друг.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 28 марта [1859].

Мой дорогой Лайель,

Если я буду вести себя прилично, я надеюсь, что смогу опубликовать свой том в начале мая. В связи с этим я очень хочу попросить у вас небольшой совет. Судя по выражению в записке леди Лайелл, я полагаю, что вы разговаривали с Мюрреем. Это так? И готов ли он опубликовать мое резюме? Если вы сообщите мне, было ли что-нибудь и что прошло, я тогда напишу ему. Знает ли он вообще о предмете книги? Во-вторых, можете ли вы посоветовать мне, что лучше: указать, какие условия публикации я предпочел бы, или сначала попросить его предложить условия? И какие, по-вашему, были бы справедливые условия для издания? Делиться прибылью, что ли?

Наконец, не будете ли вы так любезны взглянуть на прилагаемое название и высказать мне свое мнение и любые критические замечания; вы должны помнить, что, если у меня будет здоровье и это покажется стоящим того, чтобы им заняться, у меня почти готова гораздо большая и полная книга на ту же тему.

Объем моего реферата составит около пятисот страниц, что соответствует объему вашего первого издания "Элементов геологии".

Прошу простить меня за то, что я беспокою вас вышеприведенными вопросами; и у вас больше не будет проблем по этому поводу. Я надеюсь, что мир благоволит вам и что вы преуспеваете в своих различных работах.

Я очень много работаю для себя и мечтаю закончить, освободиться и попытаться немного поправить здоровье.

Мой дорогой Лайель, всегда ваш, Ч. ДАРВИН.

Очень искренняя благодарность вам за то, что вы являетесь моим доверенным лицом в борьбе за медаль Волластона.

P.S. Не могли бы вы посоветовать мне сказать Мюррею, что моя книга не более неортодоксальна, чем это неизбежно по теме. Что я не обсуждаю происхождение человека. Что я не ввожу никаких дискуссий о Гenezисе и т.д. и т.п., а привожу только факты и такие выводы из них, которые кажутся мне справедливыми.

Или мне лучше НИЧЕГО НЕ говорить Мюррею и предположить, что он не сможет возразить против такой неортодоксальности, которая на самом деле является не более чем любым Геологическим трактатом, идущим вразрез с Книгой Бытия.

ПРИЛОЖЕНИЕ. АННОТАЦИЯ ЭССЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИДОВ И РАЗНОВИДНОСТЕЙ ПУТЕМ ЕСТЕСТВЕННОГО ОТБОРА ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА, магистРА МЕДИЦИНЫ

Член Королевского геологического и Линнеевского обществ...

ЛОНДОН:

и так далее, и тому подобное, и тому подобное

1859.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 30 марта [1859].

Мой дорогой Лайель,

Вы были необычайно добры во всем, что делали. Вы не только избавили меня от многих хлопот и некоторого беспокойства, но и сделали все несравненно лучше, чем я мог бы это сделать. Мне очень приятно все, что вы говорите о Мюррее. Я напишу ему сегодня или завтра и вскоре отправлю большую пачку рукописей, но, к сожалению, не смогу в течение недели, так как первые три главы находятся в руках переписчиков.

Мне жаль, что Мюррей возражает против термина "Реферат", поскольку я рассматриваю это как единственно возможное извинение за то, что НЕ привел ссылок и фактов в полном объеме, но я полагаюсь на него и на вас. Я также сожалею о термине "естественный отбор". Я надеюсь сохранить его с пояснением примерно так:

"Посредством естественного отбора, или сохранения привилегированных рас".

Почему мне нравится этот термин, так это то, что он постоянно используется во всех работах по селекции, и я удивлен, что он не знаком Мюррею; но я так долго изучал подобные работы, что перестал быть компетентным судьей.

Я еще раз искренне и сердечно благодарю вас за вашу действительно ценную помощь.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 2 апреля [1859].

... Я написал ему [мистеру Мюррею] и дал ему заголовки глав, и сказал ему, что рукопись не сможет быть у него дней десять или около того; и сегодня утром я получил письмо, в котором предлагались выгодные условия и согласие опубликовать рукопись, не видя ее! Так что он достаточно нетерпелив; Я думаю, мне все равно следовало быть осторожным, но, благодаря вашему письму, я совершенно недвусмысленно сказал ему, что принимаю его предложение исключительно при условии, что после того, как он увидит часть или всю рукопись, у него будет полное право отказаться. Вы сочтете меня самонадеянным, но я думаю, что моя книга будет в определенной степени популярна (достаточной, чтобы обезопасить себя от тяжелых потерь) среди ученых и полунаучных людей; я так думаю потому, что я обнаружил в разговорах такой большой и неожиданный интерес среди таких людей и некоторых ненаучных [ненаучных] людей к этой теме, и все мои главы далеко не такие сухие и скучные, как та, которую вы читали о географическом распределении. В любом случае, Мюррей должен быть лучшим судьей, и если он решит опубликовать это, я думаю, что могу умыть руки от всякой ответственности. Я уверен, что мои друзья, то есть Лайель и вы, были ЧРЕЗВЫЧАЙНО добры, побеспокоившись об этом вопросе.

Я буду рад увидеть вас накануне Страстной пятницы; в любой другой день для вас было бы одно преимущество — поскольку, я полагаю, оба моих мальчика возвращаются домой в этот день, — и было бы почти невозможно, чтобы я смог прислать за вами экипаж. Я полагаю, в доме будут какие-нибудь родственники, но я надеюсь, что вас это не волнует, поскольку мы легко сможем наговориться столько, сколько позволит мое ИДИОТСКОЕ СОСТОЯНИЕ. Я буду очень рад видеть вас.

...Я устал, так что хватит.

Моя дорогая Проститутка, с любовью к тебе, Ч. ДАРВИН.

P.S. — Пожалуйста, пришлите, хорошо перевязав прочной бечевкой, мою географическую рукопись ближе ко второй половине следующей недели, то есть 7—го или 8—го, чтобы я мог отправить ее с дополнительными материалами Мюррею; и да поможет ему Бог, если он попытается ее прочитать.

... Я не могу отделаться от небольшого сомнения, приложил бы ли Лайелл много усилий, чтобы убедить Мюррея опубликовать мою книгу; это было сделано не по моей просьбе, и это несколько задевает мою гордость.

Я знаю, что Лайелл был БЕСКОНЕЧНО добр к моему роману, но ваше пунктирное (то есть подчеркнутое) "ПОБУДИТЬ" наводит на мысль, что Лайелл несправедливо подтолкнул Мюррея.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН ЭЙСЕ ГРЕЮ. 4 апреля [1859].

... Вы просите просмотреть распечатанные мои листы; уверяю вас, что для меня это будет величайшим удовлетворением: я рассматриваю вашу просьбу как высокий комплимент. Можете быть уверены, я не забуду об одной просьбе, которую рассматриваю как одолжение. Но (и для меня это тяжелое "но") пройдет много времени, прежде чем я отправлюсь в печать; я могу искренне сказать, что я НИКОГДА не бездельничаю; более того, я слишком много работаю для своего сильно ослабленного здоровья; однако я могу работать всего по три часа в день и совсем не вижу, когда закончу: я написал одиннадцать длинных глав, но у меня есть несколько других, очень сложных: таких, как палеонтология, классификации, эмбриология и т.д., И мне приходится многое исправлять и дополнять ко всему тому, что сделано. Увы, я нахожу! каждая глава занимает у меня в среднем три месяца, настолько я медлителен. Необходимым отступлениям нет конца. Я только что закончил главу об инстинкте, и тут я обнаружил, что изучение такого предмета, как пчелиные соты, и сравнение всех моих записей, сделанных за двадцать лет, заняли отчаянно много времени.

Но я говорю о себе в самом эгоистичном стиле. И все же я должен просто сказать, насколько полезными мне снова и снова оказывались ваши письма, которые я в последнее время просматривал и цитировал! но вам не нужно бояться, что я процитирую что-нибудь, что вам не понравится, поскольку я стараюсь быть очень осторожным в этом вопросе. Я от всего сердца надеюсь, что вам удастся сбросить с рук вашего "инкуба" старой работы и стать в какой-то степени свободным человеком ...

Еще раз позвольте мне сказать, что я действительно чувствую благодарность к вам ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж. МЮРРЕЮ. Даун, 5 апреля [1859].

Мой дорогой сэр,

Я отправляю этим письмом название (с некоторыми замечаниями на отдельной странице) и первые три главы. Если у вас хватит терпения прочитать всю Первую главу, я искренне думаю, что у вас сложится четкое представление об интересе всей книги. Возможно, это тщеславие, но я верю, что тема заинтересует публику, и я уверен, что взгляды оригинальны. Если вы думаете иначе, я должен повторить свою просьбу о том, чтобы вы добровольно отвергли мою работу; и хотя я буду немного разочарован, я никоим образом не пострадаю.

Если вы решите прочитать главы II и III, у вас получится скучная и довольно заумная глава, но, на мой взгляд, простая и интересная.

Как только вы закончите с рукописью, пожалуйста, отправьте ее с ПОЧТОЙ ПО адресу мисс Г. Толлетт, улица Королевы Анны, 14, Кавендиш-сквер.

Эта леди, превосходно разбирающаяся в стиле, собирается указать мне на ошибки.

Вам следует не торопиться, но чем скорее вы закончите, тем скорее закончит она, и тем скорее я приступлю к печати, чего я так искренне желаю.

Полагаю, вы захотите ознакомиться с главой IV, краеугольным камнем моей арки, и главами X и XI, но, пожалуйста, проинформируйте меня об этой главе.

Мой дорогой сэръ, искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 11 апреля [1859].

... Я пишу одну строчку, чтобы сказать, что вчера получил известие от Мюррея, и он говорит, что прочитал первые три главы одной рукописи (включая очень скучную), и он придерживается своего предложения. Следовательно, он не хочет больше ср., и вы можете прислать мою географическую главу, когда вам будет угодно...

[Часть рукописи, по-видимому, была утеряна на обратном пути к моему отцу; он написал (14 апреля) сэру Дж.Д. Хукеру:]

"У меня есть старая рукопись, иначе эта потеря убила бы меня! Хуже всего то, что сейчас это приведет к задержке с публикацией, и, что ГОРАЗДО ХУЖЕ всего, вы потеряете все преимущества от того, что вы просмотрели мою главу, за исключением возвращения третьей части. Мне очень жаль, что миссис Хукер взяла на себя труд скопировать эти две страницы.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. [Апрель или май 1859 г.].

... Пожалуйста, никому не говорите, что я думал, что моя книга о видах будет довольно популярной и будет иметь довольно прибыльную продажу (что было вершиной моих амбиций), потому что, если она потерпит полный провал, это сделает меня еще более смешным.

Прилагаю критику, взгляд в будущее —

ОБРАЩЕНИЕ преподобного С. ХОТОНА К ГЕОЛОГИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ, ДУБЛИН. (9 февраля 1859 г.)

"Это предположение господ . Дарвин и Уоллес не были бы достойны внимания, если бы не весомость авторитета имен (то есть Лайелла и вашего), под эгидой которых это было выдвинуто. Если это означает то, что говорится, это прописная истина; если это означает что-то большее, это противоречит факту".

Q.E.D.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 11 мая [1859].

Моя дорогая Проститутка,

Спасибо, что рассказали мне о неясности стиля. Но, клянусь жизнью, ни один ниггер с плетью над головой не смог бы работать над четкостью больше, чем я. Но сама трудность для меня сама по себе приводит к вероятности того, что я потерплю неудачу. И все же одна леди, которая прочитала всю мою рукопись, нашла только два или три неясных предложения, но то, что миссис Хукер нашла это, заставляет меня трепетать. Я сделаю все возможное в корректуре. Вы хороший человек, раз взяли на себя труд написать об этом.

Что касается нашей взаимной путаницы ("Когда я закончу главу, я посмотрю, что я могу сделать, но я едва ли понимаю, насколько я неясен, и я думаю, что мы каким—то образом находимся во взаимной путанице по отношению друг к другу, поскольку исходим из некоторых фундаментально разных понятий". - Письмо от 6 мая 1859 г.), я ни на минуту не думал, что мы не сможем прояснить друг другу наши идеи в разговоре или если бы у кого-нибудь из нас было время написать подробно.

Я предполагаю из некоторых выражений (но если вы спросите меня, каких, я не смогу ответить), что вы смотрите на изменчивость как на некую необходимую случайность с организмами, и, кроме того, что в изменчивости существует некая необходимая тенденция продолжать расходиться по характеру или степени. ЕСЛИ ВЫ ЭТО СДЕЛАЕТЕ, я не соглашусь. Опять же, "реверсия" (форма наследования), на мой взгляд, никоим образом не связана напрямую с вариацией, хотя, конечно, наследование имеет для нас фундаментальное значение, поскольку, если вариация не наследуется, она не имеет для нас никакого значения. Именно с таких моментов, как эти, мне ПОКАЗАЛОСЬ, что мы, возможно, начали по-другому.

Я боюсь, что моя книга вообще не заслуживает тех приятных отзывов, которые вы о ней говорите; и Боже мой, как я хочу покончить с ней!

С тех пор, как было написано вышеизложенное, я получил и ОЧЕНЬ ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ А. Греем. Я в восторге от его заметки о моей статье и статье Уоллеса. Он пойдет по кругу, ибо бесполезно отказываться от очень многих видов и останавливаться на произвольной линии у других. Это то, что мой дедушка называл унитаризмом, "пуховая перина, чтобы подхватить падающего христианина"....

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 18 мая [1859].

Моя дорогая Проститутка,

Мое здоровье совсем пошатнулось. Завтра я уезжаю на неделю на курс водолечения. Мне очень, очень жаль сообщать, что я не могу просмотреть какие-либо корректуры (Введения сэра Дж. Хукера к "Флоре Австралии") в течение недели, поскольку моя цель - выбросить эту тему из головы. Я вернусь завтра на неделю. Если это того стоит, чего, вероятно, нет, вы могли бы придержать все гранки до моего возвращения домой.

В спешке, всегда ваш, Ч. ДАРВИН.

[Десять дней спустя он написал сэру Дж.Д. Хукеру:

"...Я пишу одно слово, чтобы сказать, что вернусь в субботу, и если у вас есть какие-либо корректурные листы для отправки, я буду рад сделать все возможное для любой критики. У меня

была ... великая прострация ума и тела, но весь отдых, душ и "Адам Беда" вместе пошли мне на пользу".]

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж. МЮРРЕЮ. Даун, 14 июня [1859].

Мой дорогой сэр,

Схема подойдет очень хорошо, и я вскоре отправлю ее мистеру Уэсту, чтобы он внес несколько незначительных исправлений.

Я очень медленно справляюсь с корректурой. Помню, я писал вам, что думал, что исправлений будет немного. Я честно написал то, что думал, но жестоко ошибся. Я нахожу стиль невероятно плохим, и труднее всего сделать его четким и сглаженным. Мне крайне жаль говорить, что из-за расходов и потери времени для меня исправления очень тяжелые, настолько тяжелые, насколько это возможно. Но, судя по случайному взгляду, я все же надеюсь, что последующие главы написаны не так уж плохо. Совершенно непостижимо, как я мог написать так плохо, но я полагаю, это произошло из-за того, что все мое внимание было сосредоточено на общей линии аргументации, а не на деталях. Все, что я могу сказать, это то, что я очень сожалею.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

P.S. Я просматривал исправления и обдумывал их. Мне кажется, что я подвергну вас совершенно несправедливым расходам. Если вы не возражаете, я хотел бы заключить какое-нибудь подобное соглашение, например следующее: по завершении работы вы допускаете на счет довольно умеренно высокую плату за исправления, а все превышение сверх этого вычитается из моей прибыли или оплачивается мной индивидуально.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 21 июня [1859].

Я работаю очень усердно, но продвигаюсь медленно, поскольку нахожу, что мои исправления ужасно тяжелы, а работа для меня самая трудная. Я исправил 130 страниц, и объем будет около 500. Я изо всех сил старался изложить это ясно и убедительно, но очень боюсь, что у меня ничего не вышло — так много дискуссий вызывают и должны вызывать недоумение. Я сделал все, что мог. Если бы у вас были все мои материалы, я уверен, у вас получилась бы великолепная книга. Мне не терпится закончить, потому что я почти выбился из сил.

Мой дорогой Лайель, искренне ваш Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 22 июня 1859 г.

Моя дорогая Проститутка,

Я не ответил на вашу приятную записку с хорошими новостями для меня от 30 мая, поскольку ожидал от вас доказательств. Но сейчас, поскольку мне особо нечего делать, я отправлю

записку, хотя мне нечего конкретно сказать или спросить. В самом деле, как может что-то сказать человек, который каждый день тратит на исправление проклятых корректур; и таких корректур! Мне пришлось изрядно почернить их и приклеить полоски бумаги, настолько жалким я нашел стиль. Вы говорите, что вам приснилось, что моя книга была ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ; этот сон для меня почти закончился, и я начинаю опасаться, что публика сочтет его невыносимо сухим и сбивающим с толку. Но я никогда не откажусь от мысли, что человек получше мог бы создать из этих материалов великолепную книгу. Я был рад услышать о статье Прествича. (Мистер Прествич писал о появлении кремневых орудий, связанных с останками вымерших животных во Франции. — (Proc. R. Soc., 1859.)) Я сомневался (и я вижу, что Райт вставил то же самое в "Атенеум"), действительно ли куски кремня являются инструментами; их количество заставляет меня сомневаться, и когда я ранее рассматривал рисунки Буше де Перта, я пришел к выводу, что это были угловатые фрагменты, отколовшиеся ото льда.

Принесло ли скрещивание Акации какую-нибудь пользу? Я так много работаю, что не могу проводить никаких экспериментов. У меня осталось всего 150 страниц в первом доказательстве.

Прощай, моя дорогая Проститутка, всегда твой, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж. МЮРРЕЮ. Даун, 25 июля [1859].

Мой дорогой сэръ,

Я пишу, чтобы сообщить, что пять листов возвращены в типографию готовыми к печати, а еще два листа требуют лишь доработки; так что, я полагаю, вам вскоре придется решать, какое количество копий распечатать.

Я совершенно не способен составить мнение. Я думаю, что стиль у меня получился ДОВОЛЬНО хорошим и ясным, хотя и с бесконечными трудностями. Но будет ли книга успешной до такой степени, чтобы удовлетворить вас, я действительно не могу предположить. Я искренне надеюсь, что это возможно.

Мой дорогой сэръ, искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ Дарвин - А.Р. УОЛЛЕСУ. Даун, 9 августа 1859 г.

Мой дорогой мистер Уоллес,

Я получил ваше письмо и мемуары (кажется, это относится к статье мистера Уоллеса "О зоологической географии Малайского архипелага", Linn. Soc. Журнал, 1860.) 7-го числа и завтра перешлю его Линнеевскому обществу. Но вам должно быть известно, что собрания не будет до начала ноября. Ваша статья кажется мне ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ по содержанию, стилю и аргументации; и я благодарю вас за то, что позволили мне прочитать ее. Если бы я прочитал ее несколько месяцев назад, я бы воспользовался ею для своего будущего тома. Но две мои главы на эту тему напечатаны, и, хотя они еще не исправлены, я так устал и слаб здоровьем, что твердо решил не добавлять ни слова и просто улучшить стиль. Таким образом, вы увидите, что мои взгляды почти совпадают с вашими, и вы можете быть уверены, что ни одно слово не будет

изменено из-за того, что я прочитал ваши идеи. Знаете ли вы, что мистер У. Эрл (вероятно, статья мистера У. Эрла, Geographical Soc. Журнал, 1845.) опубликовал несколько лет назад обзор распределения животных на Малайском архипелаге в зависимости от глубины моря между островами? Я был очень поражен этим, и у меня вошло в привычку отмечать все факты распространения на этом архипелаге и в других местах в этом отношении. Я пришел к выводу, что на различных малайских островах произошла значительная натурализация, и я подумал, что это в определенной степени объясняет аномалии. Тимор был моей самой большой загадкой. Что вы скажете о тамошнем необычном Фелисе? Я хотел бы, чтобы вы посетили Тимор; утверждалось, что там был найден ископаемый зуб мастодонта или слона (я забыл, какой именно), что было бы грандиозным фактом. Я знал, что Целебес очень своеобразен, но его связь с Африкой для меня совершенно нова, удивительна и почти превосходит всякие представления. Это так же аномально, как отношение РАСТЕНИЙ юго-западной Австралии к мысу Доброй Надежды. Я ПОЛНОСТЬЮ расхожусь с вами в вопросе колонизации океанических островов, но все остальные будут на вашей стороне. Я совершенно согласен в отношении всех островов, расположенных недалеко в океане. Я вполне согласен с небольшим случайным перемещением между землями [островами?] когда-то довольно хорошо населенными жителями, но думаю, что это не относится к возвышающимся и плохо заселенным островам. Знаете ли вы, что ежегодно птиц уносит ветром на Мадейру, Азорские острова (и на Бермудские острова из Америки). Жаль, что я не изложил более подробно причины, по которым я не верю в "великое расширение континента" Форбса; но уже слишком поздно, потому что я ничего не буду менять — я устал и должен отдохнуть. Оуэн, я не сомневаюсь, будет яростно возражать нам...Хукер публикует большое введение во флору Австралии, и в нем идет речь полностью. Я видел корректуры примерно половины. Со всеми благими пожеланиями.

Поверьте мне, искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, 1 сентября [1859].

... Я не удивлен, что вы находите свое Знакомство очень трудным. Но не жалуйтесь на этот труд и не говорите, что вы "обожгли пальцы" и "по уши увязли в грязи"; ибо я уверен, что результат будет стоить затраченных усилий. Если я не дурак, я должен в какой-то степени судить о ценности таких общих эссе, и я полностью убежден, что ваши - самые ценные из когда-либо опубликованных.

Я исправил все, кроме последних двух глав моей книги, и надеюсь сделать правки и все остальное примерно за три недели, а затем я (или мы все) начну на несколько месяцев курс водолечения; мое здоровье было очень плохим, и я становлюсь слабым, как ребенок, и неспособным вообще что-либо делать, кроме ежедневной трехчасовой работы над корректурными листами. Одному Богу известно, смогу ли я когда-нибудь снова стать хорошим в чем-нибудь, возможно, длительный отдых и водолечение помогут.

У меня не было эссе А. Грея, и я не имел бы права критиковать его, даже если бы у меня хватило дерзости и смелости. Вы поверите мне, что я говорю чистую правду, когда говорю, что ваше австралийское эссе ЧРЕЗВЫЧАЙНО интересно для меня, даже чересчур. Я с удовольствием перечитываю его, и если вы считаете, что моя критика чего-то стоит для вас, я прошу вас прислать листы (если вы сможете уделить мне время для хороших дней); но если я не смогу

оказать вам никакой, пусть даже незначительной, помощи, я предпочел бы прочитать эссе после публикации. Прошу вас, поймите, что я был бы ИСКРЕННО огорчен, если бы не прочел их, если вы хотите этого ради себя.

Вчера у меня был ужасно длительный приступ тошноты, из-за которого мир сегодня выглядит еще более мрачным, и у меня безумно сильное желание закончить мою проклятую книгу, где каждая страница требует таких исправлений, каких я никогда раньше не видел. Это так утомительно - убивать весь день, после 12 часов вообще ничего не делая. Но я больше не буду ворчать. Так что прощай, я надеюсь, мы встретимся зимой.

Прощай, моя дорогая Проститутка, твой любящий друг Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 2 сентября [1859].

... Я очень рад, что вы хотите увидеть мои чистые простыни: Мне следовало бы предложить их вам, но я не знал, наскучит ли это вам; я написал Мюррею с сегодняшней утренней почтой, чтобы он отправил их. К сожалению, я не добрался до той части, которая, я думаю, заинтересует вас больше всего и которая больше всего говорит в пользу этой точки зрения, а именно: геологическая последовательность, географическое распространение и особенно морфология, эмбриология и рудиментарные органы. Я прослежу, чтобы оставшиеся листы, когда они будут распечатаны, были отправлены вам. Но не хотите ли вы, чтобы я отправил последние и совершенные исправления листов по мере их исправления? если да, пришлите мне свой адрес в чистом конверте. Я надеюсь, что вы прочтете все, будь то скучно (особенно последняя часть главы II.) или нет, поскольку я убежден, что нет ни одного предложения, которое не имело бы отношения ко всей аргументации. Вы найдете главу IV. сбивающий с толку и непонятный, без помощи прилагаемой странной диаграммы (диаграмма иллюстрирует спуск с расхождением.), о которой я посылаю старое и бесполезное доказательство. Я, как говорит Мюррей, так сильно исправил ее, что почти переписал заново; но все же я боюсь, что она плохо написана. Части сложны, и я не думаю, что даже вы смогли бы сделать их достаточно ясными. Прошу вас, не торопитесь брать на себя обязательство (подобно столь многим натуралистам) идти до определенного предела и не идти дальше; ибо я глубоко убежден, что абсолютно необходимо пройти весь огромный путь или придерживаться создания каждого отдельного вида; я кратко аргументирую этот момент в последней главе. Помните, что ваш вердикт, вероятно, окажет большее влияние, чем моя книга, на принятие решения о том, будут ли приняты или отвергнуты такие взгляды, которых я придерживаюсь в настоящее время; в будущем я не могу сомневаться в их приемлемости, и наши потомки будут удивляться нынешнему мнению не меньше, чем мы удивляемся тому, что ископаемые раковины, как считалось, были созданы такими, какими мы их видим сейчас. Но простите меня за то, что я говорю о своем хобби...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Даун, [сентябрь] 11th [1859].

Моя дорогая Проститутка,

Вчера я исправил последнее доказательство, и теперь у меня есть мои исправления, индекс и т.д., которые займут меня ближе к концу месяца. Так что шея моей работы, слава Богу, сломана.

Я пишу сейчас, чтобы сказать, что меня мучает совесть из-за того, что я не решился просмотреть ваши корректуры, но я чувствовал себя ужасно нездоровым и разбитым, когда писал. Я не думаю, что от меня могла бы быть хоть какая-то польза, но если бы я могла, пожалуйста, пришлите мне какие-нибудь доказательства. Я был бы (и боюсь, что был) самым неблагодарным человеком, если бы колебался сделать что-либо для вас после пятнадцати или более лет вашей помощи.

Как только я окончательно закончу, я отправлюсь в Илкли или какое-нибудь другое водолечебное заведение. Но я задержусь еще на некоторое время, поскольку мои корректуры были настолько затемнены исправлениями, что мне приходится сильно исправлять правки.

Мюррей предлагает опубликовать первую неделю ноября. О, святые небеса, какое облегчение для моей головы и тела - выбросить всю эту тему из головы!

Молю Бога, вы не сочтете меня грубияном из-за ваших корректурных листов.

Прощай, сердечно твой, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 20 сентября [1859].

Мой дорогой Лайель,

Однажды вы доставили мне огромное удовольствие, или, скорее, восхищение, тем, как вы заинтересовались моими представлениями о коралловых рифах, чего я никогда не ожидал, и теперь вы снова доставили мне такое же удовольствие тем, как вы заметили мою биологическую работу. (Сэр Чарльз был президентом геологической секции на собрании Британской ассоциации в Абердине в 1859 году. В обращении встречается следующий отрывок: "По этому сложному и загадочному предмету очень скоро выйдет работа мистера Чарльза Дарвина, являющаяся результатом двадцатилетних наблюдений и экспериментов в зоологии, ботанике и геологии, которые привели его к заключению, что те силы природы, которые дают начало расам и постоянным разновидностям животных и растений, те же самые, что и те, которые в гораздо более длительные периоды порождают виды, а в еще более длительном ряду эпох порождают различия в родовом ранге. Мне кажется, что своими исследованиями и рассуждениями он преуспел в том, чтобы пролить поток света на многие классы явлений, связанных со сродством, географическим распространением и геологической преемственностью органических существ, которые никакая другая гипотеза не смогла или даже не пыталась объяснить".) Ничто не могло быть более удовлетворительным для меня, и я благодарю вас от своего имени, а еще больше ради предмета, поскольку я хорошо знаю, что это предложение заставит многих справедливо задуматься над предметом, вместо того, чтобы высмеивать его. Хотя ваши ранее испытываемые сомнения в неизменности видов, возможно, окажут большее влияние на ваше обращение (если вы будете обращены), чем моя книга; все же, поскольку я считаю ваш вердикт гораздо более важным в моих собственных глазах, и я верю в глазах мира, чем дюжина других людей, я, естественно, очень беспокоюсь об этом. Поэтому позвольте мне просить вас сохранять открытость вашего ума, пока вы не получите (возможно, недели через две) мои последние главы, которые являются наиболее важными из всех с положительной стороны. Последняя глава, в которой суммируются и уравниваются в массе все аргументы "за" и "против", я думаю, будет вам полезна. Я не могу слишком решительно выразить свою убежденность в

общей истинности моих доктрин, и Бог свидетель, я никогда не уклонялся от трудностей. Я безумно волнуюсь за ваш вердикт, не то чтобы я был разочарован, если вы не обратитесь; ибо я помню долгие годы, которые мне потребовались, чтобы прийти в себя; но я буду глубоко рад, если вы все-таки придете в себя, особенно если я изрядно поучаствую в обращении, тогда я почувствую, что моя карьера закончена, и меня мало будет волновать, гожусь ли я когда-нибудь снова на что-нибудь в этой жизни.

Большое спасибо, что позволили мне вставить фразу о вашем серьезном сомнении. (Относительно неизменности видов, "Происхождение", издание i, стр. 310.) Так много и чересчур много о себе.

Я с чрезвычайным интересом прочитал в абердинской газете о кремневых орудиях; вы гораздо яснее изложили мне суть дела; я полагаю, вы не сочли достаточными доказательства ледникового периода.

С искренней благодарностью за ваше замечательное замечание о моей книге.

Поверьте мне, мой дорогой Лайель, вашему любящему ученику ЧАРЛЬЗУ ДАРВИНУ.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - У.Д. ФОКСУ. Даун, 23 сентября [1859].

Мой дорогой Фокс,

Я был очень рад получить ваше письмо несколько дней назад. Я хотел услышать о вас, но был в таком поглощенном, раболепном, перегруженном работой состоянии, что у меня не хватило духу без принуждения написать кому-либо или сделать что-либо помимо моей повседневной работы. Хотя ваш рассказ о себе лучше, я не нахожу его удовлетворительным и желаю, чтобы вы поскорее снова поехали в Малверн. Мой отец в значительной степени верил в старую поговорку о том, что если человек худеет в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет, его шансы на долгую жизнь невелики, и что, наоборот, если он толстеет, это очень хороший знак; так что я рассматриваю вашу полноту как очень хорошее предзнаменование. Все это лето мое здоровье было настолько плохим, насколько это вообще возможно, и я держался на ногах, только ненадолго отправляясь в Мур-парк; но в последнее время мне стало лучше, и, слава Богу, я наконец-то почти закончил свою книгу, осталось только составить указатель и сделать две или три правки. Она будет опубликована в первую неделю ноября, и вам будет выслана копия. Помните, что это всего лишь Конспект (но на его написание у меня ушло более тринадцати месяцев !!), а факты и авторитетные источники приведены далеко неполностью. Мне было бы любопытно услышать, что вы об этом думаете, но я не настолько глуп, чтобы надеяться обратиться к вам в свою веру. Лайель прочел около половины тома чистыми листами и очень хвалит меня. Он так сильно сомневается в неизменности видов, что я ожидаю, что он одумается. Хукер одумался и скоро опубликует свое убеждение. Вот и весь мой отвратительный том, который стоил мне столько труда, что я почти ненавижу его. 3 октября я отправляюсь в Илки, но путешествие займет три дня! Уже так поздно, что мы не снимем дом; но я поеду туда одна на три или четыре недели, затем вернусь домой на неделю и поеду на три или четыре недели в Мур-парк, а затем мне сделают умеренный курс водолечения; и я намерена, если смогу придерживаться своего решения, провести эту зиму без дела. Но я боюсь, что скука будет такой же сильной, как больной желудок ...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 25 сентября [1859].

Мой дорогой Лайель,

Я отправляю этой почтой четыре исправленных листа. Благодаря вашему замечанию, я изменил предложение о том, что фауна эоцена уступает место современной. Но я предполагал, что было бы ясно, что я предполагал, что климат будет почти одинаковым; полагаю, вы не сомневаетесь, что климат эоценового и недавнего периодов в РАЗНЫХ частях света мог быть одинаковым. Не то чтобы я считал климат таким уж важным, как, кажется, думает большинство натуралистов. На мой взгляд, нет ошибки более пагубной, чем эта.

Я был очень рад обнаружить, что Хукер, перечитавший в MS. мои географические главы, вполне согласился с мнением о большей важности органических связей. Я хотел бы, чтобы вы просмотрели страницу 77 и поразмышляли о случае любого организма в пределах его ареала.

Впоследствии мне будет любопытно услышать, что вы думаете о распределении во время ледникового периода и предшествующих ему более теплых периодов. Я так рад, что вы не считаете главу о несовершенстве геологической летописи преувеличенной; я боялся этой главы больше, чем какой-либо другой части.

Эмбриология в главе VIII. я думаю, это одна из моих сильных сторон. Но я не должен утомлять вас продолжением. Мой разум так утомительно занят этой темой.

Я искренне благодарю вас за вашу надгробную речь в Абердине. В последнее время я был так утомлен и измучен, что в течение нескольких месяцев сомневался, не зря ли я трачу время и силы. Но сейчас меня не волнует, что говорит весь мир; я всегда считал вас правым, и, конечно, в этом случае я не собираюсь сомневаться в первый раз. Пройдете ли вы долгий или очень короткий путь со мной и другими, кто верит так же, как я, я доволен, ибо мой труд не может быть напрасным. Вы бы рассмеялись, если бы знали, как часто я перечитывал ваш абзац, и он действовал на меня как маленькая драма...

Прощай, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Даун, 30 сентября [1859].

Мой дорогой Лайель,

Сегодня утром я отправил последние листы, но без указателя, который не напечатан. Я смотрю на вас как на моего лорда Верховного канцлера по естественным наукам, и поэтому я прошу вас, после того как вы закончите, просто ПЕРЕЧИТАТЬ часть предыдущей главы, посвященную перепросмотру. Мне будет очень интересно услышать, что вы решите (если вы в состоянии решить) относительно соотношения "за" и "против", приведенных в моей книге, и о таких других "за" и "против", которые могут прийти вам в голову. Я надеюсь, что вы подумаете, что я справедливо описал трудности. Я глубоко убежден, что если вы сейчас хоть в какой-то степени ошеломлены, то будете приходить в себя все больше и больше, тем дольше вы вообще будете держать эту тему в уме. Я хорошо помню, сколько долгих лет прошло, прежде чем я смог

взглянуть в лицо некоторым трудностям и не чувствовать себя совершенно смущенным. Я довольно убедительно проявил себя перед случаем с насекомыми среднего рода.

Я полагаю, что я очень медленно соображаю, поскольку вы были бы удивлены количеством лет, которые мне потребовались, чтобы ясно увидеть, какие проблемы требовалось решить, такие как необходимость принципа дивергенции признаков, вымирание промежуточных сортов на непрерывной территории с постепенными условиями; двойная проблема стерильных первых скрещиваний и стерильных гибридов и т.д., и т.п.

Оглядываясь назад, я думаю, что увидеть, в чем заключались проблемы, было сложнее, чем решить их, насколько мне это удалось, и это кажется мне довольно любопытным. Что ж, хорошо это или плохо, но моя работа, слава Богу, закончена; а тяжелая работа, могу вас заверить, у меня была, и много работы, которая так и не принесла плодов. По тому, как я пишу, вы можете видеть, что у меня выдался праздный и дождливый день. Вчера я не смог отправиться в Илкли, так как был слишком нездоров, но надеюсь добраться туда во вторник или среду. Умоляю вас, когда вы дочитаете мою книгу и немного подумаете над ней, дайте мне знать о себе. Не обращайтесь внимания и обратитесь ко мне, если сочтете это необходимым; когда-нибудь в будущем, возможно, в Лондоне, вы сможете высказать мне несколько подробных критических замечаний, то есть, если вы нацарапали какие-либо замечания на полях, на случай выхода второго издания.

Мюррей напечатал 1250 экземпляров, что, на мой взгляд, слишком большой тираж, но я надеюсь, что он не проиграет.

Я поднимаю столько шума из-за своей книги, как будто это моя первая. Прости меня и поверь, мой дорогой Лайель,

Искренне ваш, Ч. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Илкли, Йоркшир, 15 октября [1859].

Моя дорогая Проститутка,

Будь хорошим человеком и выкрой достаточно времени, чтобы написать мне записку и немного рассказать о себе, своих делах и имуществе.

Ваше вступление достаточно закончено? Я знаю, вы будете злоупотреблять им, и я хорошо знаю, как сильно оно мне понравится. Я пробыл здесь почти две недели, и это пошло мне очень на пользу, хотя в прошлое воскресенье я вывихнул лодыжку, из-за чего совсем перестал ходить. Вся моя семья приезжает сюда в понедельник, чтобы погостить три или четыре недели, а затем я вернусь в это замечательное заведение и останусь на две недели; так что, если я смогу сохранить присутствие духа, я останусь здесь на восемь недель и, таким образом, дамводолечению хороший шанс. Прежде чем приступить к работе, я был в ужасном состоянии желудка, сил, характера и бодрости духа. Моя книга была полностью закончена некоторое время назад; как только будут готовы экземпляры, один из них, конечно, будет отправлен вам. Я надеюсь, что вы отметите свой экземпляр оценками, чтобы я мог извлечь выгоду из любой критики. Я хотел бы услышать ваше общее впечатление. Судя по письмам Лайелла, он относится к этому положительно, но, кажется, ошеломлен тем, на что я иду. Но если вы зайдете

сколь-нибудь далеко в допущении модификации, я не вижу никаких возможных способов подвести черту и сказать, что здесь вы должны остановиться. Лайелл собирается перечитать мою книгу, и я все же тешу себя надеждой, что он обратится, или извращен, как он это называет. Лайель был ЧРЕЗВЫЧАЙНО любезен, написав мне письма, похожие на три тома; но он ничего не говорит о расселении в ледниковый период. Я хотел бы знать, что он думает по этому поводу. У меня к вам один вопрос: было бы неплохо послать экземпляр моей книги в Decaisne? а знаете ли вы кого-нибудь из ботаников-философов на континенте, кто читает по-английски и интересуется подобными предметами? если да, дайте их адреса. Как насчет Андерссона в Швеции? Вы не представляете, как это здорово - бездельничать целый день и почти никогда не думать о своей проклятой книге, которая меня почти убила. Мне бы очень хотелось услышать о том, что вы по-настоящему отдохнули. Я знаю, насколько вы сильны ментально, но я никогда не поверю, что вы можете безнаказанно продолжать работать так, как работали в последнее время. Когда-нибудь ты слишком туго натянешь струну. Прощай, мой хороший, и добросердечный, и дорогой друг,

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН - Т.Х. ХАКСЛИ. Илкли, Отли, Йоркшир, 15 октября [1859].

Мой дорогой Хаксли,

Я здесь лечусь от водянки и снова возвращаюсь к жизни после того, как закончил свою проклятую книгу, которая была бы легкой работой для любого другого, но наполовину убила меня. Я подумал, что вы могли бы дать мне хоть какую-то информацию, и я не знаю, к кому еще обратиться, а именно, к адресам Барранде, фон Зибольда, Кейзерлинга (осмелюсь предположить, что сэр Родерик знал последнего).

Можете ли вы рассказать мне о каких-нибудь хороших и СКЛОННЫХ К РАЗМЫШЛЕНИЯМ иностранцах, которым стоило бы послать экземпляры моей книги "Происхождение видов"? Я сомневаюсь, стоит ли посылать это Зибольду. Я хотел бы разослать несколько экземпляров, но сколько я могу себе позволить, я пока не знаю, пока не услышу, какую цену назначит Мюррей.

Мне нет нужды говорить, что я, конечно, отправлю вам один экземпляр в первую неделю ноября. Я надеюсь немедленно отправить копии за границу. Мне будет КРАЙНЕ любопытно услышать, какое впечатление книга произведет на вас. Я знаю, что в ней будет много такого, против чего вы будете возражать, и я не сомневаюсь, что много ошибок. Я очень далек от мысли обратить вас во многие из моих ересей; но если в целом вы и еще двое или трое других считаете, что я на правильном пути, мне будет все равно, что думает толпа натуралистов. Предпоследняя глава (глава XIII. посвящена классификации, морфологии, эмбриологии и рудиментарным органам.), Хотя я верю, что она содержит правду, боюсь, что она сделает вас дикарями. Не действуйте и не говорите, как Маклей против Флеминга: "Я пишу с помощью aqua fortis, чтобы вгрызаться в латунь".

Всегда твой, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Илкли, Йоркшир, 20 октября [1859].

Мой дорогой Лайель,

Я перечитал все ваши письма подряд, и мне кажется, что я недостаточно поблагодарил вас за то чрезвычайное удовольствие, которое они мне доставили, и за их полезность. Я вижу в них свидетельства колебаний степени доверия, которое вы придаете теории; и меня это несколько не удивляет, поскольку я претерпел много-много колебаний.

В вашем письме есть один момент, которого я не заметил, о животных (и многих растениях), натурализованных в Австралии, которые, по вашему мнению, не смогли бы выжить без помощи человека. Я не могу понять, как человек помогает одичавшему скоту. Но, пропустив это мимо ушей, вы, кажется, думаете, что, поскольку они подвергаются огромным разрушениям во время засух, они все будут уничтожены. В "гран секос" Ла-Платы местные животные, такие как американский олень, умирают тысячами и страдают, по-видимому, так же сильно, как и крупный рогатый скот. В некоторых частях Индии после засухи требуется десять или более лет, прежде чем местные млекопитающие снова наберут полную численность. Я думаю, ваш аргумент применим как к аборигенам, так и к диким.

Животное или растение, которые одичали на одной небольшой территории, могут быть уничтожены климатом, но я с трудом могу в это поверить, когда однажды одичали на нескольких больших территориях. Опять же, я склонен выругаться в адрес климата: не сочтите меня дерзким за то, что я нападаю на вас по поводу климата. Вы говорите, что сомневаетесь в том, мог ли человек существовать в климате эоцена, но сейчас человек может выдержать климат Эскимосской земли и Западной Экваториальной Африки; и, конечно, вы не думаете, что климат эоцена отличался от нынешнего во всей Европе так же сильно, как арктические регионы отличаются от экваториальной Африки?

Что касается организмов, созданных по американскому типу в Америке, то, я думаю, можно было бы сказать, что они были созданы таким образом, чтобы не допустить их слишком хорошего создания, чтобы победить аборигенов; но мне это почему-то кажется чудовищной доктриной.

Я много размышлял над тем, что вы говорите о необходимости постоянного вмешательства творческой силы. Я не вижу в этом необходимости; и я думаю, что ее признание сделало бы теорию Естественного отбора бесполезной. Наделите простое архетипическое существо, такое как илистая рыба или лепидосирен, пятью чувствами и какими-то остатками разума, и я верю, что естественный отбор объяснит происхождение каждого позвоночного животного.

Прощайте; простите меня за то, что я потворствую этой прозе, и поверьте мне, с сердечной благодарностью,

Ваш неизменный ученик Ч. ДАРВИН.

P.S.— Когда и если вы будете перечитывать, я умоляю вас написать на полях слово "расширить", если оно слишком сжатое, или "неясно". или "?". Такие знаки не доставили бы вам особых

хлопот, а я мог бы скопировать их и поразмыслить над ними, и их ценность была бы для меня бесконечной.

Мою большую книгу придется полностью переписать, а не просто расширить настоящий том; так что я хочу тратить на этот том как можно меньше времени, если потребуется другое издание; но я боюсь, что тема будет слишком запутанной, как я ее изложил, для широкой публики.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж.Д. ХУКЕРУ. Илкли, Йоркшир, воскресенье [23 октября 1859 г.].

Моя дорогая Проститутка,

Я поздравляю вас с тем, что ваше "Введение" ("Австралийская флора".) фактически закончено. Я уверен из того, что я прочитал об этом (и мне будет глубоко интересно прочитать это от начала до конца), что это, должно быть, стоило вам огромного количества труда и размышлений. Мне бы очень хотелось взглянуть на лист, на который вы хотите, чтобы я взглянул. Теперь я настолько настоящий джентльмен, что мне иногда бывает немного трудно скоротать день; но удивительно, как праздно я провел эти три недели. Если это вас хоть как-то утешит, пожалуйста, обманите себя, сказав, что вы намерены "придерживаться скучной науки". Но я верю в это так же сильно, как если бы растение сказало: "Я рос всю свою жизнь, и, клянусь Юпитером, я перестану расти". Вы ничего не можете с собой поделать; вы недостаточно умны для этого. Вы даже не могли бездействовать, как я, в течение трех недель! То, что вы говорите о Лайелле, мне чрезвычайно нравится; я вовсе не предполагал из его писем, что он так сильно изменился. Помню, больше года назад я думал, что если когда-нибудь доживу до того, чтобы увидеть, как Лайелл, вы и Хаксли придете в себя, частично благодаря моей книге, а частично благодаря их собственным размышлениям, я почувствую, что тема безопасна, и весь мир может возмущаться, но что в конечном итоге теория естественного отбора (хотя, без сомнения, в ее нынешнем состоянии она несовершенна и содержит множество ошибок) восторжествует. Ничто и никогда не убедит меня в том, что трое таких людей, обладающих столь разнообразными знаниями и так хорошо привыкших искать истину, могли сильно ошибиться. Я говорил о вас здесь как о новообращенном, обращенном мной; но я хорошо знаю, насколько большую долю в этом сыграло ваше собственное самомнение. Мне чрезвычайно любопытно услышать мнение Хаксли о моей книге. Я боюсь, что моя долгая дискуссия о классификации вызовет у него отвращение, потому что это сильно противоречит тому, что он однажды сказал мне.

Но как я тороплюсь. Вы видите, как я празден; но мне так понравилось ваше письмо, что вы должны простить меня. Что касается миграции в ледниковый период: я думаю, Лайелл вполне понимает, поскольку он привел мне подтверждающий факт. Но, возможно, он подсознательно ненавидит (не говорите ему об этом) точку зрения, которая слегка поколебала его любимую теорию о том, что все изменения климата происходят из-за изменений во взаимном положении суши и воды.

Я разошлю экземпляры моей книги всем указанным вами мужчинам;... будьте так любезны, добавьте титул "Доктор", "Профессор", "месье" или "Фон", инициалы (по желанию) и адреса к именам в прилагаемом списке и передайте мне его довольно скоро, поскольку к концу этой недели, по словам Мюррея, копии для отправки за границу будут готовы. Я стремлюсь к тому,

чтобы моя точка зрения стала общеизвестной, а не, я надеюсь и думаю, просто из личного тщеславия...

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН К. ЛАЙЕЛЛУ. Илкли, Йоркшир, 25 октября [1859].

... Наши различия в "принципе улучшения" и "силе адаптации" слишком глубоки, чтобы обсуждать их в письме. Если я ошибаюсь, я совершенно слеп к своей ошибке. Если я прав, наши разногласия можно преодолеть, только внимательно перечитав и поразмыслив над моими первыми четырьмя главами. Я умоляю вас прочитать их еще раз внимательно. Так называемое улучшение нашего короткошерстного скота, голубей и т.д. Не предполагает и не требует какой-либо исконной "способности к адаптации" или "принципа улучшения"; оно требует только разнообразной изменчивости, и человек должен отбирать или использовать в своих интересах те модификации, которые полезны для него; так, в природе любая незначительная модификация, которая может возникнуть и полезна для любого существа, отбирается или сохраняется в борьбе за жизнь; любая модификация, которая вредна, уничтожается или отвергается; любая, которая не является ни полезной, ни вредной, останется изменчивым элементом. Когда вы противопоставляете естественный отбор и "улучшение", вы, кажется, всегда упускаете из виду (ибо я не вижу, как вы можете отрицать), что каждый шаг в естественном отборе каждого вида подразумевает улучшение этого вида по отношению к условиям его жизни. Никакая модификация не может быть выбрана без того, чтобы она не была улучшением или преимуществом. Улучшение подразумевает, я полагаю, получение каждой формой множества частей или органов, все они превосходно приспособлены для своих функций. По мере совершенствования каждого вида и увеличения числа форм, если мы посмотрим на весь ход времени, органические условия жизни для других форм будут становиться все более сложными, и возникнет необходимость в том, чтобы другие формы совершенствовались, или они будут истреблены; и я не вижу предела этому процессу улучшения без вмешательства какого-либо другого и прямого принципа улучшения. Все это кажется мне вполне совместимым с определенными формами, приспособленными для простых условий, остающимися неизменными или деградирующими.

Если у меня будет второе издание, я повторю "Естественный отбор" и, как общее следствие, "Естественное улучшение".

По мере того, как вы продвигаетесь, как далеко вы заходите, я начинаю твердо думать, судя по себе, что вы пойдете гораздо дальше. Как медленно геологи старшего поколения признавали ваши грандиозные взгляды на существующие геологические причины изменений!

Если в любой момент вы сочтете, что я могу ответить на какой-либо вопрос, мне будет очень приятно написать.

Искренне ваш, К. ДАРВИН.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН Дж. МЮРРЕЮ. Илкли, Йоркшир [1859].

Мой дорогой сэр,

Я получил вашу любезную записку и копию; я бесконечно рад и горд появлением моего ребенка.

Я полностью согласен со всем, что вы предлагаете относительно цены. Но вы действительно слишком щедры в отношении, на мой взгляд, возмутительно тяжелых исправлений. Не поступаете ли вы несправедливо по отношению к себе? Не лучше ли было бы, по крайней мере, поделиться 72 фунтами и 8 шиллингами? Я буду полностью удовлетворен, поскольку у меня не было права отправлять, хотя и совершенно непреднамеренно и неожиданно, в типографию столь плохо составленную рукопись.

Благодарю Вас за ваше любезное предложение распространить копии среди моих друзей и помощников как можно скорее. Не беспокойтесь об иностранцах, поскольку господа. Уильямс и Норгейт очень любезно предложили сделать все, что в их силах, и они привыкли посылать во все концы света.

Я оплачу свои экземпляры, когда вы пожелаете. Я так рад, что вы были так добры и взялись за публикацию моей книги.

Мой дорогой сэр, искренне ваш, ЧАРЛЬЗ ДАРВИН.

P.S.—Пожалуйста, не забудьте сообщить мне примерно за два дня до распространения копий.

Я не знаю, когда покину это место, во всяком случае, не раньше, чем через несколько недель. Всякий раз, когда я буду в Лондоне, я буду навещать тебя.

ГЛАВА 1.XIV. — АВТОР ПРОФЕССОР ХАКСЛИ.

О ВОСПРИЯТИИ "ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ".

Для нынешнего поколения, то есть для людей, которым за несколько лет до тридцати, имя Чарльза Дарвина стоит рядом с именами Исаака Ньютона и Майкла Фарадея; и, подобно им, он провозглашает великий идеал искателя истины и интерпретатора Природы. Они думают о том, кто вынес это как о редком сочетании гения, трудолюбия и непоколебимой правдивости, кто заслужил свое место среди самых знаменитых людей эпохи исключительно собственной властью, несмотря на бурю народных предрассудков и не ободренный знаком благосклонности или признательности со стороны официальных источников чести; как о человеке, который, несмотря на острую чувствительность к похвале и порицанию, и несмотря на провокации, которые могли бы оправдать любую вспышку, держался подальше от всякой зависти, ненависти и злобы и не поступал иначе, чем честно и несправедливо с несправедливостью, которая

окружала его. на него посыпались обвинения, в то время как до конца своих дней он был готов терпеливо и уважительно выслушивать самые незначительные из разумных возражений.

И что касается этой теории происхождения форм жизни, населяющих наш земной шар, с которой имя Дарвина связано так же тесно, как имя Ньютона с теорией тяготения, то ничто, по-видимому, не является более чуждым разуму нынешнего поколения, чем любая попытка задушить ее насмешками или сокрушить яростным осуждением. "Борьба за существование" и "Естественный отбор" стали словами нарицательными и повседневными понятиями. Реальность и важность природных процессов, на которых Дарвин основывает свои выводы, подвергаются сомнению не больше, чем процессы роста и размножения; и независимо от того, признается полная сила, приписываемая им, или нет, никто не сомневается в их обширном и далеко идущем значении. Где бы ни изучались биологические науки, "Происхождение видов" освещает путь исследователю; где бы им ни преподавали, оно пронизывает весь курс обучения. Не менее глубоким было и влияние идей Дарвина, выходящее за рамки биологии. Древнейшая из всех философий, философия Эволюции, была связана по рукам и ногам и брошена в крошечную тьму на протяжении тысячелетия теологической схоластики. Но Дарвин влил новую кровь жизни в древний каркас; узды лопнули, и возрожденная мысль древней Греции доказала, что она является более адекватным выражением универсального порядка вещей, чем любая из схем, которые были приняты легковверными и приветствовались суевериями семидесяти последующих поколений людей.

Для любого, кто изучает знамения времени, появление философии Эволюции в качестве претендента на трон мира мысли из подвешенного состояния ненавистных и, как многие надеялись, забытых вещей является самым знаменательным событием девятнадцатого века. Но самое эффективное оружие современных поборников Эволюции было создано Дарвином; и "Происхождение видов" привлекло на свою сторону внушительный отряд бойцов, прошедших суровую школу физической науки, уши которых, возможно, долгое время оставались глухи к рассуждениям априорных философов.

Я не думаю, что какой-либо искренний или проинструктированный человек будет отрицать истинность того, что только что было заявлено. Он может ненавидеть само название Эволюции и может отрицать ее притязания так же яростно, как якобит отрицал притязания Георга Второго. Но вот оно — не только столь прочно сидящее, как ганноверская династия, но, к счастью, независимое от парламентской санкции, — и самые тупые антагонисты пришли к пониманию, что им приходится иметь дело с противником, кости которого не сломать никакими плохими словами.

Даже теологи почти перестали противопоставлять простой смысл Книги Бытия не менее простому смыслу Природы. Их более искренние или более осторожные представители отказались от рассмотрения Эволюции, как если бы это была отвратительная ересь, и нашли убежище в одном из двух направлений. Либо они отрицают, что Книга Бытия предназначалась для того, чтобы учить научной истине, и таким образом сохраняют правдивость летописи в ущерб ее авторитету; либо они тратят свою энергию на изобретение жестоких приемов примирителя и истязают тексты в тщетной надежде заставить их исповедовать кредо науки. Но когда время силы и дуре заканчивается, античная искренность почтенного страдальца всегда дает о себе знать. Книга Бытия честна до глубины души и претендует на то, чтобы быть не более

чем хранилищем почтенных традиций неизвестного происхождения, не претендующих на научный авторитет и таковыми не обладающих.

Когда мое перо заканчивает эти пассажи, я могу лишь позабавиться, подумав, какой ужасный шум поднялся бы (по правде говоря, был поднят) по поводу любого подобного выражения мнения четверть века назад. Фактически, контраст между нынешним состоянием общественного мнения по дарвиновскому вопросу; между оценкой взглядов Дарвина в научном мире; между согласием или, по крайней мере, бездействием уважающих себя теологов в наши дни и вспышкой антагонизма со всех сторон в 1858-9 годах, когда новая теория о происхождении видов впервые стала известна старшему поколению, к которому я принадлежу, настолько поразителен, что, если бы не документальные свидетельства, я был бы иногда склонен думать, что мои воспоминания - это сон. Я сам испытываю огромное уважение к молодому поколению (они могут написать нашу жизнь и разоблачить все наши глупости, если захотят понемногу взять на себя труд), и я был бы рад убедиться, что это чувство взаимно; но я боюсь, что история наших отношений с Дарвином может оказаться большим препятствием для того почитания нашей мудрости, которое я хотел бы, чтобы они проявляли. У нас нет даже оправдания тому, что тридцать лет назад мистер Дарвин был безвестным новичком, который не претендовал на наше внимание. Напротив, его замечательные зоологические и геологические исследования уже давно обеспечили ему прочное положение среди самых выдающихся и оригинальных исследователей того времени; в то время как его очаровательное "Путешествие натуралиста" по праву снискало ему широкую известность среди широкой публики. Я сомневаюсь, жил ли в то время какой-нибудь человек, который имел больше прав ожидать, что все, что он решит сказать по такому вопросу, как происхождение видов, будет выслушано с глубоким вниманием и обсуждено с уважением; и, конечно, не было человека, чей личный характер обеспечивал бы лучшую защиту от нападков, полных злобы и приправленных бесстыдными дерзостями.

И все же такова была доля одного из добрейших и правдивейших людей, которых мне когда-либо посчастливилось знать; и должны были пройти годы, прежде чем искажение фактов, насмешки и доносы перестали быть наиболее заметными составляющими большинства многочисленных критических замечаний в адрес его творчества, которые сыпались из прессы. Мне не хочется вытаскивать ни один из этих древних скандалов из их заслуженного забвения; но я должен сделать обоснованное заявление, которое может показаться нынешнему поколению чрезмерно преувеличенным, и нет оправдывающего материала, более подходящего для этой цели или более достойного такого позора, чем статья в "Ежеквартальном обозрении" за июль 1860 года. (Когда я писал эти отрывки, я не знал, что авторство статьи было публично признано. Признание, не сопровождаемое покаянием, однако, не дает оснований для смягчения приговора; и доброта, с которой мистер Дарвин говорит о своем противнике, епископе Уилберфорсе (том ii), является настолько ярким примером его исключительной мягкости и скромности, что это скорее усиливает негодование против самонадеянности его критика.) С тех пор как лорд Броэм напал на доктора Янга, мир не видел такого образца наглости мелкого претендента на звание магистра науки, как это замечательное произведение, в котором один из самых точных наблюдателей, самых осторожных рассуждателей и самых откровенных толкователей этого или любого другого века подвергается презрению как "взбалмошный" человек, который пытается "поддержать свою совершенно прогнившую ткань догадок и спекуляций" и чей "способ обращения с природой" осуждается как "совершенно бесчестный для естествознания". И все эти высокопарные рассуждения, которые были бы

неприличны для человека, равного м-ру Дарвину, исходят от писателя, у которого недостаток интеллекта, или совести, или и того, и другого столь велик, что в качестве возражения против взглядов м-ра Дарвина он может спросить: "Правдоподобно ли, что все благоприятные разновидности репы имеют тенденцию превращаться в людей"; который настолько несведущ в палеонтологии, что может говорить о "цветах и плодах" растений каменноугольной эпохи; в сравнительной анатомии, что он может серьезно утверждать, что ядовитый аппарат о ядовитых змеях, которые "полностью отделены от обычных законов животной жизни и уникальны сами по себе"; о зачатках физиологии, о которых он может спросить: "какое преимущество жизни могло бы изменить форму кровяных телец, в которые может быть превращена кровь?" Рецензент также не преминул приправить это излияние абсурдной некомпетентности небольшим акцентом на *odium theologicum*. Некоторое представление об истории конфликтов между астрономией, геологией и Теологией заставляет его сделать отступление, оговорив, что он не может "согласиться проверять истинность естествознания словом Откровения"; но, несмотря на все это, он посвящает целые страницы изложению своей убежденности в том, что теория мистера Дарвина "противоречит раскрытому отношению творения к его Создателю" и "несовместима с полнотой его славы".

Если я ограничу свой ретроспективный обзор восприятия "Происхождения видов" двенадцатью месяцами или около того с момента его публикации, я не припомню ничего более глупого и невежливового, чем статья в "Ежеквартальном обзоре", если, конечно, обращение преподобного профессора к Дублинскому геологическому обществу не может составить ей конкуренцию. Но значительная часть критиков мистера Дарвина имела прискорбное сходство с обозревателем "Quarterly" в той мере, в какой им не хватало ни воли, ни остроумия, чтобы стать хозяевами его доктрины; едва ли кто-либо обладал знаниями, необходимыми, чтобы следовать за ним по огромному спектру биологических и геологических наук, которые охватывало "Происхождение"; в то время как слишком часто они предвзято относились к делу на теологических основаниях и, как, кажется, неизбежно, когда это происходит, компенсировали недостаток разума избытком критики.

Но будет приятнее и выгоднее рассмотреть те критические замечания, которые были признаны авторами, пользующимися научным авторитетом, или которые содержат внутренние свидетельства большей или меньшей компетентности и, часто, добросовестности их авторов. Ограничивая свой обзор двенадцатью месяцами или около того после публикации "Происхождения", я нахожу среди таких критиков Луиса Агассиса ("Аргументы, представленные Дарвином в пользу универсального происхождения от одной первичной формы всех особенностей, существующих сейчас среди живых существ, не произвели ни малейшего впечатления на мой разум").

"До тех пор, пока не будет доказано, что факты Природы были ошибочными теми, кто их собрал, и что они имеют значение, отличное от того, которое им обычно придается сейчас, я буду рассматривать теорию трансмутации как научную ошибку, неверную в своих фактах, ненаучную в своем методе и пагубную в своей тенденции". — "Дневник" Силлимана, июль 1860 г., стр. 143, 154. Выдержка из 3-го тома "Вклада в естественную историю Соединенных Штатов".); Мюррей, превосходный энтомолог; Харви, ботаник со значительной репутацией; и автор статьи в "Эдинбург Ревью", все они решительно настроены против Дарвина. Пикте, выдающийся и широко образованный палеонтолог из Женевы, относится к м-ру Дарвину с уважением, которое составляет приятный контраст с тоном некоторых предшествующих авторов, но соглашается

идти с ним лишь в очень небольшой степени. ("Я не вижу серьезных возражений против образования разновидностей путем естественного отбора в существующем мире и что, поскольку речь идет о более ранних эпохах, можно предположить, что этот закон объясняет происхождение близкородственных видов, предполагая для этой цели очень длительный период времени".

"Что касается простых разновидностей и близкородственных видов, я полагаю, что теория мистера Дарвина может объяснить многие вещи и пролить яркий свет на многочисленные вопросы". — "К происхождению вида". Par Charles Darwin.' ('Archives des Sc. de la Bibliotheque Universelle de Geneve,' pages 242, 243, Mars 1860.) С другой стороны, Лайелл, до того времени столп антитрансмутационистов (которые впоследствии смотрели на него, как Афина Паллада, возможно, смотрела на Диану после дела Эндимиона), объявил себя дарвинистом, хотя и не без серьезной оговорки. Тем не менее, он был опорой силы, и его мужественное отстаивание истины в противовес последовательности делало ему бесконечную честь. Как эволюционист, без лишних слов, я не вызываю в памяти среди биологов никого, кроме Эйсы Грея, который блестяще сражался в Соединенных Штатах; Хукера, который был не менее энергичен здесь; нынешнего сэра Джона Лаббока и меня самого. Уоллес находился далеко, на Малайском архипелаге; но, помимо его непосредственного участия в распространении теории естественного отбора, никакое перечисление воздействий, действовавших в то время, о котором я говорю, не было бы полным без упоминания его мощного эссе "О законе, регулирующем интродукцию новых видов", опубликованного в 1855 году. Перечитав ее заново, я был поражен, вспомнив, какое незначительное впечатление она произвела.

Во Франции влияние Эли де Бомона и Флуранса, первый из которых, как говорят, "обрек себя на вечную славу", придумав эволюционизму прозвище "муссант науки" (Вспоминается эффект другой небольшой академической эпиграммы. Говорят, что так называемая позвоночная теория черепа была пресечена в зародыше во Франции шепотом академика своему соседу, что в этом случае голова человека была "заговорщическим позвонком".), — не говоря уже о недоброжелательности других влиятельных членов Института, долгое время производившей эффект заговора молчания; и прошло много лет, прежде чем Академия избавилась от упрека в том, что имени Дарвина не было в списке ее членов. Однако опытный писатель, не подверженный академическому влиянию, М. Логель, прекрасно и одобрительно отозвался о "Происхождении" в "Revue des Deux Mondes". Германии потребовалось время, чтобы подумать; Бронн подготовил слегка искаженный перевод "Происхождения"; а "Кладдерадач" отпускал свои шутки по поводу обезьяноподобного происхождения человека; но я не вспоминаю, чтобы кто-либо из научных деятелей публично заявил о себе в 1860 году. (Однако человек, который стоит рядом с Дарвином по его влиянию на современных биологов, К.Э. фон Бэр, написал мне в августе 1860 года, выражая свое общее согласие с эволюционистскими взглядами. Его фраза: "Я люблю идеи мемов..." м. Дарвин" (том ii.), как показывают его последующие труды, означает не более этого.) Никто из нас и не мечтал, что в течение нескольких лет сила (и, возможно, я могу добавить, слабость) "дарвинизма" получит свои самые обширные и блестящие иллюстрации в стране знаний. Если иностранец может осмелиться порассуждать о причине этого странного молчания, я полагаю, что оно заключалось в том, что одна группа немецких биологов была ортодоксальной любой ценой, а другая - явно неортодоксальной. Последние уже априори были эволюционистами и, должно быть, испытывали естественное для философов-дедуктивистов отвращение к тому, что им предложили индуктивное и экспериментальное обоснование убеждения, к которому они пришли более коротким путем. Несомненно, это

попытка усвоить, что, хотя ваши выводы могут быть правильными, все ваши доводы в их пользу неверны или, во всяком случае, недостаточны.

Таким образом, в целом сторонники взглядов мистера Дарвина в 1860 году были численно крайне незначительны. Нет ни малейшего сомнения в том, что, если бы в то время состоялся генеральный совет церковно-научной организации, мы были бы осуждены подавляющим большинством. И столь же мало сомнений в том, что, если бы такой совет собрался сейчас, указ носил бы прямо противоположный характер. Приписывать людям того поколения меньшие способности или меньшую честность, чем обладают их преемники, было бы проявлением недостатка здравого смысла, равно как и скромности. Каковы же тогда причины, побудившие просвещенных и беспристрастно судящих людей того времени прийти к суждению, столь отличающемуся от того, которое кажется справедливым тем, кто следует за ними? Это действительно один из самых интересных вопросов, связанных с историей науки, и я попытаюсь ответить на него. Боюсь, что для этого я рискую показаться эгоистичным. Однако, если я рассказываю свою собственную историю, то только потому, что знаю ее лучше, чем истории других людей.

Я думаю, что, должно быть, прочел "Остатки" до того, как покинул Англию в 1846 году; но, если и прочел, книга произвела на меня очень мало впечатления, и я не был серьезно связан с вопросом о "Видах" до конца 1850 года. К тому времени я уже давно покончил с космогонией Пятикнижия, которая была запечатлена в моем детском понимании как Божественная истина, со всем авторитетом родителей и наставников, и освободиться от которой мне стоило многих усилий. Но мой разум был беспристрастен в отношении любой представшей доктрины, если она утверждала, что основана на чисто философских и научных рассуждениях. Тогда мне казалось (как и сейчас), что "творение" в обычном смысле этого слова вполне мыслимо. Мне нетрудно представить, что в какой-то прежний период этой вселенной еще не существовало; и что она появилась за шесть дней (или мгновенно, если это предпочтительнее) по воле какого-то предсуществующего Существа. Тогда, как и сейчас, так называемые априорные аргументы против теизма и, при наличии Божества, против возможности творческих актов казались мне лишены разумного основания. У меня не было ни тогда, ни сейчас малейших априорных возражений против описания сотворения животных и растений, приведенного в "Потерянном рае", в котором Мильтон так ярко воплощает естественный смысл Книги Бытия. Я далек от того, чтобы утверждать, что это неправда, потому что это невозможно. Я ограничиваюсь тем, что следует рассматривать как скромную и разумную просьбу предоставить некоторые доказательства того, что существующие виды животных и растений действительно произошли таким образом, в качестве условия моей веры в утверждение, которое кажется мне в высшей степени невероятным.

И, чтобы быть совершенно справедливым, у меня был точно такой же ответ эволюционистам 1851-8 годов. В то время в рядах биологов я не встречался ни с кем, кроме доктора Гранта из Университетского колледжа, который мог бы сказать хоть слово в защиту эволюции - и его защита не была рассчитана на продвижение дела. За пределами этих рядов единственным известным мне человеком, чьи знания и способности вызвали уважение и который в то же время был убежденным эволюционистом, был мистер Герберт Спенсер, с которым я познакомился, я думаю, в 1852 году, а затем вступил в узы дружбы, которая, я счастлив думать, не знала перерыва. Многими и продолжительными были битвы, которые мы вели по этой теме. Но даже редкое диалектическое мастерство моего друга и обилие метких иллюстраций не

смогли выбить меня из моей агностической позиции. Я занял свою позицию на двух основаниях: во-первых, до того времени доказательств в пользу трансмутации было совершенно недостаточно; и, во-вторых, ни одно из сделанных предположений относительно предполагаемых причин трансмутации не было сколько-нибудь адекватным для объяснения феноменов. Оглядываясь назад на состояние знаний в то время, я действительно не вижу, чтобы какой-либо другой вывод был оправдан.

В те дни я даже не слышал о "Биологии" Тревирануса. Тем не менее, я внимательно изучал Ламарка и с должным вниманием прочел "Пережитки"; но ни один из них не дал мне веской основы для изменения моего негативного и критического отношения. Что касается "Пережитков", признаюсь, книга просто раздражала меня поразительным невежеством и совершенно ненаучным складом ума, проявленным автором. Если это вообще оказало на меня какое-то влияние, то настроило меня против Эволюции; и единственная рецензия, по поводу которой я когда-либо испытывал угрызения совести из-за ненужной дикости, - это та, которую я написал о "Пережитках", находясь под этим влиянием.

Что касается "Зоологической философии", то не будет упреком Ламарку сказать, что обсуждение вопроса о видах в этой работе, что бы ни говорили о ней в 1809 году, было ничтожно ниже уровня знаний, накопленных полвека спустя. За этот промежуток времени выяснение строения низших животных и растений привело к появлению совершенно новых представлений об их взаимоотношениях; были созданы гистология и эмбриология в современном смысле этого слова; была воссоздана физиология; факты распространения, геологические и географические, были необычайно умножены и приведены в порядок. Для любого биолога, чьи исследования вывели его за рамки простого перечисления видов в 1850 году, половина аргументов Ламарка была устаревшей, а другая половина ошибочной или ущербной в силу того, что он не рассматривал различные классы доказательств, которые были выявлены со времен Ламарка. Более того, единственное его предположение относительно причины постепенной модификации видов — усилий, вызванных изменением условий, — было, на первый взгляд, неприменимо ко всему растительному миру. Я не думаю, что какой-либо беспристрастный судья, читающий "Зоологическую философию" сейчас и впоследствии принимающийся за резкую и действенную критику Лайелла (опубликованную еще в 1830 году), будет склонен отвести Ламарку гораздо более высокое место в обосновании биологической эволюции, чем то, которое Бэкон отводит себе в отношении физической науки в целом, — *buccinator tantum*. (Эразм Дарвин первым обнародовал фундаментальные концепции Ламарка и с большей логической последовательностью применил их к растениям. Но защитники его утверждений не смогли доказать, что он в каком-либо отношении предвосхитил центральную идею "Происхождения видов".)

Но, по любопытной иронии судьбы, то же влияние, которое заставило меня так же мало верить современным спекуляциям на эту тему, как и почтенным традициям, записанным в первых двух главах книги Бытия, было, пожалуй, более мощным, чем любое другое, в поддержании своего рода благочестивой убежденности в том, что Эволюция, в конце концов, окажется истинной. Недавно я заново перечитал первое издание "Основ геологии"; и когда я думаю о том, что эта замечательная книга почти тридцать лет была у всех в руках и что она доводит до сведения любого читателя с обычным интеллектом великий принцип и великий факт - принцип, согласно которому прошлое должно быть объяснено настоящим, если не будет доказано обратное; и тот факт, что, насколько позволяют наши знания о прошлой истории жизни на нашем земном

шаре, такая причина не может быть доказана (тот же принцип и тот же факт определяют результат любого здравого исторического исследования. "История Греции" Грота является продуктом того же интеллектуального движения, что и "Принципы" Лайелла.) — Я не могу не верить, что Лайель для других, как и для меня, был главным фактором, расчистившим дорогу Дарвину. Ибо последовательный униформитаризм постулирует эволюцию как в органическом, так и в неорганическом мире. Происхождение нового вида не обычными силами было бы гораздо большей "катастрофой", чем любая из тех, которые Лайелл успешно исключил из трезвых геологических рассуждений.

На самом деле, никто не знал об этом лучше, чем сам Лайелл. (Лайелл с полным правом отстаивает эту позицию для себя. Он говорит о том, что "отстаивал закон непрерывности даже в органическом мире, насколько это возможно, не принимая теорию трансмутации Ламарка"...)

"Но в то время как я учил, что как только определенные формы животных и растений исчезали по вполне понятным для нас причинам, другие занимали их место в силу причинности, которая была за пределами нашего понимания; Дарвину оставалось собрать доказательства того, что нет разрыва между появляющимися и исчезающими видами, что они являются результатом эволюции, а не особого творения...

"Я, безусловно, подготовил почву в этой стране шестью изданиями моей работы, прежде чем "Следы творения" появились в 1842 [1844] году, для восприятия постепенной и незаметной эволюции видов Дарвина". — ("Жизнь и письма", Письмо Геккелю, том ii. страница 436. 23 ноября 1868 года.) Если внимательно прочитать любое из ранних изданий "Принципов" (особенно в свете интересной серии писем, недавно опубликованных биографом сэра Чарльза Лайелла), легко увидеть, что при всей своей энергичной оппозиции Ламарку, с одной стороны, и идеальному квазипрогрессионизму Агассиса, с другой, Лайель, по его собственному мнению, был твердо настроен объяснить возникновение всех прошлых и нынешних видов живых существ естественными причинами. Но в то же время ему хотелось бы сохранить название творения для естественного процесса, который, по его мнению, был непостижим.

В письме, адресованном Мантеллу (от 2 марта 1827 г.), Лайелл говорит о том, что только что прочитал Ламарка; он выражает свое восхищение теориями Ламарка и свою личную свободу от любых возражений, основанных на теологических основаниях. И хотя он явно встревожен питекоидным происхождением человека, связанным с доктриной Ламарка, он замечает:

Но, в конце концов, какие изменения действительно могут претерпевать виды! Насколько невозможно будет провести черту, за которой некоторые из так называемых вымерших видов никогда не переходили в современные".

Опять же, следующий примечательный отрывок встречается в постскрипуме к письму, адресованному сэру Джону Гершелю в 1836 году:

"Что касается возникновения новых видов, я очень рад обнаружить, что вы считаете вероятным, что это может происходить благодаря вмешательству промежуточных причин. Я оставил это скорее на усмотрение следствия, не считая нужным оскорблять определенный класс людей, воплощая в словах то, что было бы всего лишь предположением ". (В том же смысле смотрите письмо Уэвеллу от 7 марта 1837 г., том ii, стр. 5):—

Что касается этого последнего вопроса [перехода от одного набора видов животных и растений к другому]...вы помните, что сказал Гершель в своем письме ко мне. Если бы я так же ясно, как он, заявил о возможности интродукции или возникновения новых видов, являющихся естественным процессом, в отличие от чудесного, я бы возбудил против себя множество предубеждений, которые, к сожалению, на каждом шагу противопоставляются любому философу, пытающемуся обратиться к публике на эти загадочные темы". См. также письмо Седжвику, 12 января 1838 г. ii. стр. 35.) Далее он ссылается на критику, которая была направлена против него на том основании, что, оставляя возможность возникновения видов чудом, он противоречит своей собственной доктрине униформизма; и он оставляет без внимания, что он не ответил на основании своего общего возражения против полемики.

Современники Лайелла были не лишены некоторого представления о его эзотерической доктрине. "История индуктивных наук" Уэвелла, какой бы ни была ее философская ценность, всегда достойна прочтения и всегда интересна, хотя бы в одном аспекте, кроме свидетельства спекулятивных пределов, в пределах которых высокопоставленный богослов мог в то время безопасно находиться по своему желанию. В ходе своего обсуждения униформизма Магистр энциклопедии "Тринити" замечает: —

Мистер Лайель, действительно, говорил о гипотезе, согласно которой "последовательное создание видов может составлять регулярную часть экономии природы", но, я думаю, он нигде не описал этот процесс так, чтобы было ясно, в какой отдел науки мы должны отнести эту гипотезу. Создаются ли эти новые виды в результате производства через длительные промежутки времени потомства, отличающегося по виду от родителей? Или созданные таким образом виды производятся без родителей? Развиваются ли они постепенно из какого-либо эмбрионального вещества? Или они вдруг начинаются с земли, как в творении поэта?..

"Некоторый выбор одной из этих форм гипотезы, а не других, с доказательствами для выбора необходим, чтобы дать нам право отнести ее к числу известных причин изменений, которые мы рассматриваем в этой главе. Голая убежденность в том, что сотворение видов имело место, будь то один или много раз, при условии, что это не связано с нашими органическими науками, является догматом Естественной теологии, а не физической философии". ("История" Уэвелла, том III. стр. 639-640 (Издание 2, 1847 г.))

Предыдущая часть этой критики кажется совершенно справедливой и уместной; но, судя по заключительному абзацу, Уэвелл, очевидно, воображает, что под "творением" Лайелл подразумевает сверхъестественное вмешательство Божества; тогда как письмо Гершелю показывает, что, по его собственному мнению, Лайелл имел в виду естественную причинность; и я не вижу причин сомневаться (следующие отрывки из писем Лайелла кажутся мне решающими в этом вопросе):—

Дарвину, 3 октября 1859 г. (ii, 325), при первом чтении "Происхождения".

"Я давно и совершенно ясно видел, что, если будет сделана какая-либо уступка, последует все, о чем вы заявляете на заключительных страницах.

"Именно это заставляло меня так долго колебаться, всегда чувствуя, что случай человека и его рас, других животных и растений - это одно и то же, и что если на одно мгновение допустить истинную причину, [вместо] совершенно неизвестной и воображаемой, такой как слово "творение", должны последовать все последствия".

Дарвину, 15 марта 1863 г. (том ii. страница 365).

"Я помню, что именно вывод, к которому он [Ламарк] пришел о человеке, укрепил меня тридцать лет назад против того большого впечатления, которое его аргументы поначалу произвели на меня, тем более что Констан Прево, ученик Кювье, сорок лет назад поделился со мной своим убеждением, "что Кювье считал виды нереальными, но что наука не могла продвинуться вперед, не предполагая, что они таковы".

Хукеру, 9 марта 1863 г. (том ii. стр. 361), ссылаясь на мнение Дарвина о "Древности человека".

"Он [Дарвин], кажется, очень разочарован тем, что я не иду с ним дальше или не высказываюсь подробнее. Я могу только сказать, что я высказался в полном объеме моих нынешних убеждений и даже за пределами моего САМОЧУВСТВИЯ относительно непрерывного происхождения человека от животных, и я нахожу, что наполовину обратил в свою веру немало тех, кто был против Дарвина и даже сейчас выступает против Хаксли ". Он говорит о том, что ему пришлось отказаться от "старых и долго лелеемых идей, которые составляли для меня очарование теоретической части науки в прежние дни, когда я вместе с Паскалем верил в теорию, как ее называет Халлам, "разрушенного архангела"".

Смотрите то же самое в письме Дарвину от 11 марта 1863 г., стр. 363:—

"Я думаю, что старое "творение" почти так же необходимо, как и прежде, но, конечно, оно принимает новую форму, если будут приняты взгляды Ламарка, улучшенные вашими". что, если бы сэр Чарльз мог избежать неизбежного следствия о питекоидном происхождении человека, к которому до конца своей жизни питал глубокую антипатию, он бы отстаивал эффективность действующих сейчас причин, вызывающих состояние органического мира, так же решительно, как он отстаивал эту доктрину в отношении неорганической природы.

Дело в том, что проницательный глаз мог бы заметить, что та или иная форма учения о трансмутации была неизбежна с тех пор, как истина, провозглашенная Уильямом Смитом о том, что последовательные слои характеризуются различными видами ископаемых останков, стала твердо установленным законом природы. Никто не изложил спекулятивные следствия этого обобщения лучше, чем историк "индуктивных наук":

Но изучение геологии открывает нам зрелище многих групп видов, которые в ходе истории земли сменяли друг друга через огромные промежутки времени; одни группы животных и растений исчезают, как могло бы показаться, с лица нашей планеты, а другие, которых раньше не существовало, становятся единственными обитателями земного шара. И тогда дилемма предстает перед нами заново: либо мы должны принять доктрину трансмутации видов и должны предположить, что организованные виды одной геологической эпохи были преобразованы в виды другой в результате какого-то продолжительного действия естественных причин; либо же мы должны верить во многие последовательные акты создания и исчезновения видов в рамках обычного хода природы; акты, которые, следовательно, мы можем должным образом называть чудесными ". ("История индуктивных наук" Уэвелла. Издание ii., 1847, том iii. страницы 624-625. Вердикт автора см. на страницах 638-39.)

Доктор Уэвелл склоняется к последнему выводу. И если бы кто-нибудь задал ему четыре вопроса, которые он задает Лайеллю в уже цитированном отрывке, все, что можно сказать сейчас, это то, что он, несомненно, отверг бы первый. Но действительно ли у него хватило бы

смелости сказать, что носорог *tichorhinus*, например, "был произведен без родителей"; или "развился из какого-то эмбрионального вещества"; или что он внезапно оторвался от земли, подобно милтоновскому льву, "пытающемуся освободить свои задние части". Я позволяю себе усомниться в том, что даже испытанное мужество Мастера Тринити - физическое, интеллектуальное и моральное — было бы равносильно этому подвигу. Несомненно, внезапное превращение полтонны неорганических молекул в живого носорога мыслимо и, следовательно, может оказаться возможным. Но находится ли такое событие в достаточной степени в пределах вероятности, чтобы оправдать веру в его наступление на основании каких-либо достижимых или даже мыслимых доказательств?

Ввиду утверждения (часто повторяемого в первые дни оппозиции Дарвину), что он ничего не добавил к Ламарку, очень интересно наблюдать, что возможность пятой альтернативы, в дополнение к четырем, которые он изложил, не приходила в голову доктору Уэвеллу. Предположение о том, что новые виды могут возникать в результате избирательного действия внешних условий на вариации от их конкретного типа, которые присутствуют у индивидов - и которые мы называем "спонтанными", поскольку не знаем их причинной связи, — так же совершенно неизвестно историкам научных идей, как и специалистам-биологам до 1858 года. Но это предположение является центральной идеей "Происхождения видов" и содержит квинтэссенцию дарвинизма.

Таким образом, оглядываясь назад, в прошлое, мне кажется, что моя собственная позиция критического ожидания была справедливой и разумной и, должно быть, была занята на тех же основаниях многими другими людьми. Если бы Агассис сказал мне, что формы жизни, последовательно населявшие земной шар, были воплощениями последовательных мыслей Божества; и что он уничтожил одну из этих форм в результате ужасающей геологической катастрофы, как только Его идеи приняли более совершенную форму, я оказался бы не только неспособным признать точность выводов из фактов палеонтологии, на которых была основана эта поразительная гипотеза, но мне пришлось бы признаться в отсутствии каких-либо средств проверки правильности его объяснения их. И, кроме того, я ни в коем случае не мог понять, что объясняло это объяснение. Не помогло мне и то, что выдающийся анатом сказал мне, что виды сменяли друг друга во времени в силу "постоянно действующего закона сотворения мира". Мне показалось, что это было не более чем утверждение о том, что виды сменяли друг друга в форме резолюции, привлекающей внимание при голосовании, с "законом", чтобы угодить человеку науки, и "творчеством", чтобы привлечь ортодоксов. Поэтому я нашел прибежище в том "великом скепсисе", который так хорошо определил Гете; и, отменив апостольское предписание быть всем для всех людей, я обычно защищал устойчивость общепринятых доктрин, когда мне приходилось иметь дело с трансмутационистами; и отстаивал возможность трансмутации среди ортодоксов — тем самым, без сомнения, усиливая уже сложившуюся, но совершенно незаслуженную репутацию излишней воинственности.

Я помню, как в ходе моей первой беседы с мистером Дарвином я выразил свою веру в четкость демаркационных линий между естественными группами и в отсутствие переходных форм со всей уверенностью молодости и несовершенных знаний. В то время я не знал, что он уже много лет размышлял над вопросом о виде; и насмешливая улыбка, сопровождавшая его мягкий ответ о том, что такова не совсем его точка зрения, долго преследовала и озадачивала меня. Но, похоже, четыре или пять лет напряженной работы позволили мне понять, что это значило; для

Лайелла ("Жизнь и письма", том ii. стр. 212), в письме сэру Чарльзу Банбери (под датой 30 апреля 1856 г.) говорится:

"Когда Хаксли, Хукер и Волластон были у Дарвина на прошлой неделе, они (все четверо) выступили против биологических видов — я полагаю, дальше, чем они готовы зайти".

Я не помню об этом ничего, кроме факта встречи с мистером Волластоном; и если бы не четкое заверение сэра Чарльза относительно "всех четырех", я бы подумал, что мое "спасение", вероятно, было ответным ударом консерватизму Волластона. Что касается Хукера, то он уже был, подобно вольтеровскому Хаббаку, "способным на все" в плане пропаганды Эволюции.

Как я уже говорил, я полагаю, что большинство из тех моих современников, которые серьезно размышляли над этим вопросом, были во многом схожи с моим состоянием ума — склонны сказать как мозаистам, так и эволюционистам: "Чума на оба ваших дома!" - и склонны отказаться от бесконечной и, по-видимому, бесплодной дискуссии и трудиться на плодородной ниве достоверных фактов. И я могу, следовательно, далее предположить, что публикация статей Дарвина и Уоллеса в 1858 году, и еще больше публикация "Происхождения" в 1859 году, произвели на них эффект вспышки света, которая для человека, заблудившегося темной ночью, внезапно открывает дорогу, которая, приведет его прямо домой или нет, несомненно, ведет в его сторону. То, что мы искали и не смогли найти, было гипотезой о происхождении известных органических форм, которая предполагала действие только таких причин, действие которых можно было доказать на самом деле. Мы хотели не полагаться на это или какие-либо другие предположения, а овладеть ясными и определенными концепциями, которые можно было бы поставить лицом к лицу с фактами и проверить их достоверность. "Происхождение" дало нам рабочую гипотезу, которую мы искали. Более того, это оказало огромную услугу, навсегда избавив нас от дилеммы — отказываемся принять гипотезу сотворения мира, и что у вас есть предложить такого, что может быть принято любым осторожным мыслителем? В 1857 году у меня не было готового ответа, и я не думаю, что он был готов у кого-либо еще. Год спустя мы упрекали себя в тупости за то, что были озадачены таким запросом. Моим размышлением, когда я впервые овладел центральной идеей "Происхождения", было: "Как невероятно глупо не додуматься до этого!" Я полагаю, что спутники Колумба говорили примерно то же самое, когда он заставил яйцо встать дыбом. Факты изменчивости, борьбы за существование, приспособления к условиям были достаточно известны; но никто из нас не подозревал, что через них пролегал путь к сердцевине проблемы видов, пока Дарвин и Уоллес не рассеяли тьму, и маячный огонь "Происхождения" не направил невежественных.

Окажется ли конкретная форма, которую доктрина эволюции в применении к органическому миру приняла в руках Дарвина, окончательной или нет, для меня было безразлично. В своих первых критических замечаниях по поводу "Происхождения" я осмелился указать, что его логическая основа была ненадежной до тех пор, пока эксперименты по селекции не дали более или менее бесплодных сортов; и эта ненадежность сохраняется до настоящего времени..Но, несмотря на все критические сомнения, которые могла навести моя скептическая изобретательность, дарвиновская гипотеза оставалась несравненно более вероятной, чем гипотеза сотворения мира. И если бы никто из нас не был способен разглядеть первостепенное значение некоторых из самых очевидных и печально известных природных фактов, пока их, так сказать, не сунули нам под нос, какая сила осталась бы в дилемме — созидание или ничто? Было очевидно, что в дальнейшем вероятность того, что связи естественной причинности будут

скрыты от наших подслеповатых глаз, будет неизмеримо выше, чем того, что естественная причинность окажется неспособной произвести все явления природы. Единственным рациональным ходом для тех, у кого не было другой цели, кроме достижения истины, было принять "дарвинизм" в качестве рабочей гипотезы и посмотреть, что из этого можно сделать. Либо он докажет свою способность разъяснять факты органической жизни, либо сломается под напряжением. Это, несомненно, было велением здравого смысла; и на этот раз здравый смысл победил. Результатом стал тот полный поворот всего научного мира, который, должно быть, кажется таким удивительным нынешнему поколению. Я не хочу сказать, что все лидеры биологической науки признали себя дарвинистами; но я не думаю, что среди множества активных работников нынешнего поколения есть хоть один зоолог, ботаник или палеонтолог, который не является эволюционистом и находится под глубоким влиянием взглядов Дарвина. Какой бы ни была конечная судьба конкретной теории, выдвинутой Дарвином, я осмеливаюсь утверждать, что, насколько мне известно, вся изобретательность и ученость враждебных критиков не позволили им привести ни одного факта, о котором можно было бы сказать, что он несовместим с дарвиновской теорией. В поразительном разнообразии и сложности органической природы существует множество явлений, которые не выводимы ни из каких обобщений, к которым мы еще не пришли. Но то же самое можно сказать и о любом другом классе природных объектов. Я полагаю, что астрономы пока не могут привести движение Луны в полное соответствие с теорией тяготения.

Было бы неуместно, даже если бы это было возможно, обсуждать трудности и нерешенные проблемы, с которыми до сих пор сталкивались эволюционисты и которые, вероятно, будут продолжать ставить их в тупик для грядущих поколений, в ходе этой краткой истории восприятия великой работы мистера Дарвина. Но есть два или три возражения более общего характера, основанные или предполагаемые основанными на философских и теологических основаниях, которые громко высказывались в первые дни дарвиновской полемики и которые, хотя на них отвечали снова и снова, время от времени всплывают по сей день.

Самое странное из этих, возможно, бессмертных, заблуждений, которые, подобно Титону, продолжают жить, когда здравый смысл и сила давно покинули их, - это то, которое обвиняет мистера Дарвина в попытке восстановить древнюю языческую богиню Случай. Говорят, что он предполагает, что вариации возникают "случайно" и что наиболее приспособленные выживают благодаря "шансам" в борьбе за существование, и, таким образом, "случайность" заменяется провиденциальным замыслом.

Немало удивительного в том, что подобное обвинение выдвигается против писателя, который снова и снова предупреждал своих читателей, что, когда он использует слово "спонтанный", он просто имеет в виду, что ему неведомы причины того, что так называется; и вся теория которого рассыпается на куски, если отрицается единообразие и регулярность естественной причинности на протяжении бесконечных прошлых веков. Но, вероятно, лучший ответ тем, кто говорит о дарвинизме, подразумевая господство "случая", - это спросить их, что они сами понимают под "случаем"? Верят ли они, что что-либо в этой вселенной происходит без причины? Действительно ли они полагают, что любое событие не имеет причины и не могло быть предсказано кем-либо, обладающим достаточным пониманием порядка Природы? Если они это делают, то именно они являются наследниками древних суеверий и невежества, и чьи умы никогда не были озарены лучом научной мысли. Единственным актом веры для обращающегося к науке является признание универсальности порядка и абсолютной значимости закона

причинности во все времена и при любых обстоятельствах. Это признание является актом веры, поскольку по характеру дела истинность таких утверждений доказательству не подлежит. Но такая вера не слепа, а разумна, потому что она неизменно подтверждается опытом и составляет единственную надежную основу для всех действий.

Если кто-то из этих людей, в ком столь странным образом сохранилось преклонение перед случайностями наших далеких предков, окажется в пределах досягаемости моря во время сильного шторма, пусть он выберется на берег и понаблюдает за происходящим. Пусть он обратит внимание на бесконечное разнообразие форм и размеров набегających волн в море; или на изгибы их покрытых пеной бурунов, когда они разбиваются о скалы; пусть он прислушается к реву и скрежету гальки, когда ее выбрасывает и сносит на берег; или посмотрит на хлопья пены, когда они носятся туда-сюда под ветром; или обратит внимание на игру цветов, которая отвечает солнечному лучу, падающему на мириады пузырьков. Несомненно, здесь, если вообще где-либо, он скажет, что случайность превыше всего, и преклонит колени как тот, кто постиг саму суть своей божественности. Но человек науки знает, что здесь, как и везде, проявляется совершенный порядок; что ни один изгиб волн, ни одна нота в ревящем хоре, ни один радужный отблеск на пузырьке не являются чем-то иным, кроме как необходимым следствием установленных законов природы; и что при достаточном знании условий компетентные физико-математические навыки могли бы объяснить и даже предсказать каждое из этих "случайных" событий.

Вторым очень распространенным возражением против взглядов мистера Дарвина было (и остается) то, что они отменяют Телеологию и отделяют аргумент от замысла. Прошло почти двадцать лет с тех пор, как я отважился высказать несколько замечаний по этому вопросу, и поскольку мои аргументы до сих пор не получили опровержения, я надеюсь, что меня извинят за их воспроизведение. Я заметил, "что доктрина Эволюции является самым грозным противником всех более распространенных и грубых форм телеологии. Но, возможно, самая замечательная услуга Философии биологии, оказанная мистером Дарвином, - это примирение телеологии и морфологии и объяснение фактов, относящихся к обеим, которое предлагают его взгляды. Телеология, предполагающая, что глаз, такой, каким мы его видим у человека или одного из высших позвоночных, был создан с учетом точной структуры, которую он демонстрирует, с целью дать возможность животному, обладающему им, видеть, несомненно, получила смертельный удар. Тем не менее, необходимо помнить, что существует более широкая телеология, которая не затрагивается доктриной Эволюции, но фактически основана на фундаментальном положении Эволюции. Это утверждение состоит в том, что весь мир, живой и неживой, является результатом взаимного взаимодействия, в соответствии с определенными законами, сил (теперь я хотел бы заменить слово "силы" словом "powers"), которыми обладают молекулы, из которых состояла первоначальная туманность Вселенной. Если это правда, то не менее несомненно, что существующий мир потенциально находится в космическом дыму, и что достаточный интеллект мог бы, исходя из знания свойств молекул этого пара, предсказать, скажем, состояние фауны Британии в 1869 году, с такой же уверенностью, с какой можно сказать, что произойдет с парами дыхания в холодный зимний день...

... Телеологический и механический взгляды на природу не обязательно являются взаимоисключающими. Напротив, чем более механистичен спекулянт, тем более твердо он предполагает изначальное молекулярное устройство, следствием которого являются все явления вселенной, и тем более полностью он, таким образом, находится во власти телеолога,

который всегда может бросить ему вызов, опровергнув, что это изначальное молекулярное устройство не было предназначено для развития явлений вселенной". ("Генеалогия животных" ("Академия", 1869), перепечатана в "Критических статьях и обращениях".)

Ярый сторонник телеологии Пейли без труда признал, что "производство вещей" может быть результатом последовательности механических установок, заранее установленных разумным назначением и поддерживаемых в действии силой в центре ("Естественная теология", глава xxiii), то есть он пролепетически принял современную доктрину эволюции; и его преемникам, возможно, стоило бы последовать за своим лидером или, по крайней мере, прислушаться к его веским доводам, прежде чем бросаться в антагонизм, не имеющий разумного основания.

Избавившись от веры в случайность и неверия в замысел, как ни в каком смысле не присущих Эволюции, третью клевету на эту доктрину, что она антитеистична, возможно, можно было бы оставить на самотек. Но упорство, с которым многие люди отказываются выводить простейшие следствия из положений, которые они якобы принимают, делает целесообразным отметить, что доктрина Эволюции не является ни антитеистической, ни теистической. Это просто имеет не больше отношения к теизму, чем первая книга Евклида. Совершенно очевидно, что обычное свежеснесенное яйцо не содержит ни петуха, ни курицы; и это также так же несомненно, как любое утверждение в физике или морали, что если такое яйцо подержать в надлежащих условиях в течение трех недель, то в нем обнаружится петух или курица-наседка. Также совершенно очевидно, что если бы скорлупа была прозрачной, мы могли бы наблюдать формирование молодой птицы день за днем в процессе эволюции, от микроскопического клеточного зародыша до его полного размера и усложнения структуры. Следовательно, эволюция, в самом строгом смысле этого слова, действительно происходит в этом и аналогичных миллионах и миллионах случаев, где бы ни существовали живые существа. Следовательно, позаимствуя аргумент у Батлера, поскольку то, что сейчас происходит, должно соответствовать атрибутам Божества, если такое Существо существует, Эволюция должна соответствовать этим атрибутам. И если это так, то эволюция Вселенной, которая не более и не менее объяснима, чем эволюция курицы, также должна соответствовать им. Таким образом, учение об Эволюции даже не соприкасается с теизмом, рассматриваемым как философская доктрина. С чем это действительно сталкивается и с чем абсолютно несовместимо, так это с концепцией сотворения мира, которую теологические спекулянты основали на истории, изложенной в начале книги Бытия.

Существует много разговоров и немало сетований по поводу так называемых религиозных трудностей, которые создала физическая наука. В богословской науке, по сути, она ничего подобного не создала. В наши дни перед философом-теистом не возникает ни одной отдельной проблемы, которой не существовало бы с тех пор, как философы начали обдумывать логические основания и логические следствия теизма. Все реальные или воображаемые затруднения, вытекающие из представления о вселенной как о детерминированном механизме, в равной степени связаны с предположением о Вечном, Всемогущем и Всеведущем Божестве. Теологическим эквивалентом научной концепции порядка является Провидение; и доктрина детерминизма с такой же уверенностью вытекает из атрибутов предвидения, принимаемых теологом, как и из универсальности естественной причинности, принимаемой человеком науки. Ангелам из "Потерянного рая" было бы ничуть не труднее просветить Адама в тайнах "Судьбы, Предвидения, и Свободы воли", если бы их ученик получил образование в "Реальной школе" и стажировался во всех лабораториях современного университета. Что касается великих проблем

философии, то постдарвинистское поколение в некотором смысле находится там же, где и доарвинистские поколения. Они остаются неразрешимыми. Но нынешнее поколение имеет то преимущество, что оно лучше обеспечено средствами освобождения от тирании определенных фиктивных решений.

Известное конечно, неизвестное бесконечно; интеллектуально мы стоим на островке посреди безграничного океана необъяснимости. Наша задача в каждом поколении состоит в том, чтобы вернуть себе еще немного земли, добавить что-то к размерам и прочности наших владений. И даже беглого взгляда на историю биологических наук за последнюю четверть века достаточно, чтобы оправдать утверждение, что самым мощным инструментом расширения сферы естественных знаний, попавшим в руки людей со времени публикации "Принципов" Ньютона, является "Происхождение видов" Дарвина.

Это было плохо воспринято поколением, которому оно было впервые адресовано, и о потоке гневной бессмыслицы, который оно породило, грустно думать. Но нынешнее поколение, вероятно, будет вести себя так же плохо, если возникнет другой Дарвин и навязает им то, что большинство человечества ненавидит больше всего, — необходимость пересмотра своих убеждений. Пусть же они будут милосердны к нам, древним; и если они ведут себя не лучше, чем люди моего времени по отношению к какому-нибудь новому благодетелю, пусть они вспомнят, что, в конце концов, наш гнев не достиг больших пределов и выражался главным образом в сквернословии и ханжеских ругательствах. Позвольте им как можно быстрее действовать стратегически прямолинейно и следовать правде, куда бы она ни вела. Противники новой истины обнаружат, как это делают сторонники Дарвина, что, в конце концов, теории не меняют фактов и что вселенная остается незатронутой, даже если тексты рассыпаются в прах. Или, может быть, по мере того, как история повторяется, их счастливая изобретательность также обнаружит, что новое вино точно того же урожая, что и старое, и что (при правильном рассмотрении) старые бутылки были специально сделаны для его хранения.